Р. ГАММЕДЖЪ

ИСТОРІЯ ЧАРТИЗМА

Изданіе книгоиздательства „ДѢЛО"

Р. ГАММЕДЖЪ

ИСТОРІЯ ЧАРТИЗМА

Переводъ съ англійскаго

А. В. ПОГОЖЕВОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“, Фонтанка, 86.

Предисловіе къ англійскому изданію.

Это изданіе Исторіи Чартистскаго движенія было основательно пересмотрѣно и во многихъ мѣстахъ исправлено. Къ сожалѣнію талантливый авторъ этого труда, М-ръ Р. Г. Гаммеджъ, знанія котораго могли-бы быть такъ цѣнны для этой работы, не дожилъ до того времени, когда явилась необходимость въ переизданіи его работы. Онъ умеръ въ 1888 г. въ Нортгэмптонѣ, куда онъ удалился на покой, посвятивши послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни медицинской практикѣ въ Сёндерландѣ.

Цѣнный предметный указатель, появляющійся теперь въ первый разъ, любезно взялъ на себя составить М-ръ Томасъ Маршаль, адвокатъ, въ Сёндерландѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Авторъ, желающій заслужить вниманіе публики, долженъ дать ясное и опредѣленное понятіе о задачѣ, которой онъ руководился при изданіи того или иного произведенія. И мы попытаемся въ нѣсколькихъ словахъ выяснить цѣль настоящей работы для того, чтобы не дать повода къ ложнымъ толкованіямъ. Мы часто съ тяжелымъ чувствомъ замѣчали, что авторы, писавшіе за или противъ Чартизма, въ своей оцѣнкѣ движенія, въ теченіе столькихъ лѣтъ занимавшаго—на благо или на зло — общественное мнѣніе, руководились не столько стремленіемъ къ безпристрастной истинѣ, сколько партійными интересами. Объ этомъ нельзя не жалѣть, такъ какъ здоровое и точное мнѣніе можно создать только при строгомъ безпристрастіи. Задача нашей работы заполнить этотъ бросающійся въ глаза пробѣлъ. У чартистскаго движенія было столько достоинствъ, что пренебрежительное отношеніе къ нему было-бы недомысліемъ, а также несправедливостью по отношенію къ лицамъ, принимавшимъ въ немъ такое дѣятельное участіе. Кромѣ того мы не имѣемъ права искажать или обходить презрительнымъ молчаніемъ мнѣнія и поступки—будь они справедливы или ошибочны — такого большого количества нашихъ ближнихъ. Преслѣдованіе этой задачи всегда налагаетъ — что вполнѣ справедливо — извѣстную отвѣтственность на автора, какое-бы вліятельное положеніе онъ ни занималъ. Представляетъ-ли Чартизмъ

реальную истину, останутся-ли его принципы невредимыми, пройдя черезъ горнило строгаго изслѣдованія, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ фактъ его существованія долженъ былъ имѣть за собой какое нибудь важное основаніе. И истинный историкъ не остановится передъ изслѣдованіемъ этого вопроса для того, чтобы съ помощью своихъ изысканій воздать справедливость этому движенію, если въ основѣ его лежали здоровые и плодотворные принципы, или же—если они были вредны и гибельны—выяснить, въ чемъ состоялъ этотъ вредъ и указать на происходившія отсюда ошибки. У Чартизма были свои достоинства, но, какъ ни тяжело это сказать, къ этому движенію примѣшивалась также не малая доля заблужденій. Наряду съ достоинствами у него были и пороки, и какъ ни склонны мы снисходительно отнестись къ этимъ порокамъ, мы нарушили-бы свой долгъ по отношенію къ истинѣ, если-бы не отмѣтили ихъ, или не выразили должнаго порицанія.

Хотя эта работа представляетъ скорѣе историческую хронику, чѣмъ оцѣнку событій, а также дѣятелей, принимавшихъ въ нихъ участіе, мы позволимъ себѣ тѣмъ не менѣе въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ нашей работы сдѣлать нѣкоторыя необходимыя замѣчанія. Историкъ не можетъ вести простую лѣтопись о событіяхъ и о лицахъ, но долженъ также подвергать ихъ изслѣдованію и критикѣ и выражать свое собственное вполнѣ искреннее мнѣніе объ источникѣ этихъ событій и о формѣ ихъ проявленій.

Возможно, что нѣкоторыя черты въ оцѣнкѣ характера и поведенія выдающихся поборниковъ Хартіи покажутся обидными для ихъ преданныхъ поклонниковъ, но этого нельзя избѣжать въ виду разнообразія чувствъ и мнѣній. Не желая причинять напрасныхъ огорченій кому-бы то ни было, я тѣмъ не менѣе презиралъ-бы себя, если-бы унизился до лести тому, что я считаю недостойнымъ предразсудкомъ. Моя цѣль—истина, и этой истинѣ я буду вѣренъ, къ какимъ-бы выводамъ она ни привела.

Какъ читатель самъ можетъ замѣтить, біографическія и критическія замѣчанія переплетаются съ другими данными, которыя, если я не обманываюсь, придадутъ интересъ и содержательность работѣ. Насколько извѣстно автору, до сихъ поръ еще не было попытки написать точную исторію Чартизма. Это можетъ служить лишнимъ оправданіемъ для настоящей попытки. И авторъ надѣется, что его трудъ, хотя и скромный удостоится, быть можетъ, занять мѣсто въ исторической и политической литературѣ его родины.

Р. Дж. Гammеджъ.

ГЛАВА I.

Аристократія.

У каждаго общественнаго класса есть свои особенные принципы и предразсудки, которые онъ цѣнитъ выше всѣхъ другихъ. Аристократія гордится родовитостью своего происхожденія, на этой родовитости основываетъ свои исключительныя привилегіи и съ ревнивой заботливостью старается сохранить ихъ. Стоять въ сторонѣ отъ остальнаго общества, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это общество можетъ способствовать ея нуждамъ и удовольствіямъ, всегда было ея стремленіемъ. Этимъ призракомъ превосходства рожденія она ограждала себя отъ соприкосновенія съ „низшими классами" до тѣхъ поръ, пока необычайная расточительность и стремленіе къ роскоши не заставили ее заключить союзъ съ плебеями, ставшими богаче, чѣмъ аристократія, благодаря дѣятельнымъ занятіямъ торговлей и промышленностью.

Постепенное ослабленіе англійской аристократіи становилось все замѣтнѣе по мѣрѣ того, какъ росла промышленность. Въ тѣ времена, когда мы были совершенно независимы отъ торговли и жили только продуктами почвы, власть аристократіи была почти неограничена, такъ какъ земля находилась въ ея распоряженіи, и понадобилось много времени даже послѣ того, какъ торговля и промышленность сдѣлали большіе успѣхи, чтобы эта власть начала чувствительно ослабѣвать.

Современная цивилизація произвела большія перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ классовъ. Стало несомнѣннымъ фактомъ, что богатство есть власть, и власть угрожающая въ своемъ шествіи впередъ поглотить все воображаемое величіе аристократи-

ческаго класса. Къ концу XVIII ст. эта власть начала принимать колоссальные размѣры. Она росла съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ годомъ значеніе ея увеличивалось съ необычайной быстротой. Французская революція и Наполеоновскія войны поразили ужасомъ представителей титулованнаго класса, и они были готовы, подобно экипажу погибающаго корабля, схватиться за всякія средства, чтобы спастись отъ бушующаго океана, угрожавшаго поглотить европейскіе аристократическіе классы. Истребительная война противъ французскихъ республиканцевъ казалась имъ единственной возможностью спастись отъ неизбѣжной гибели, и они не щадили ни крови, ни денегъ для преслѣдованія своей цѣли. Они бросились въ объятія буржуазіи, владѣвшей капиталами. Были призваны всѣ, кто могъ поддержать войну, чтобы раздавить духъ демократическихъ нововведеній, и къ концу Наполеоновской блестящей, но кровавой и честолюбивой карьеры, страна очутилась подъ бременемъ долга между восемью и девятью стами милліонами фунтовъ, долга возложеннаго какъ на это, такъ и на послѣдующія поколѣнія ради возстановленія легитимистскихъ и наслѣдственныхъ привилегій. Такимъ образомъ, дворянство хотѣло поддержать свое падающее величіе за счетъ націи, а классъ капиталистовъ служилъ ему орудіемъ, съ помощью котораго онъ надѣялся достигнуть своей цѣли.

Не трудно предположить, что разъ средній классъ сдѣлался необходимымъ для поддержанія падающей власти дворянства, онъ не могъ больше мириться съ отсутствіемъ политическихъ правъ и скоро проявилъ стремленіе раздѣлить власть съ тѣми, которымъ оказалъ такую значительную услугу въ часъ нужды. Законодательная власть находилась до сихъ поръ почти исключительно въ рукахъ аристократическаго класса, крѣпко державшагося за нее. Палата лордовъ была всецѣло собственностью аристократіи и между нею и Нижней Палатой, избиравшейся тогда также подъ аристократическимъ вліяніемъ, въ дѣйствительности существовало очень мало разницы; и въ большинствѣ вопросовъ самая сердечная симпатія царила между двумя палатами, справедливо смотрѣвшими другъ на друга, какъ на вѣтви одного и того же дерева. Значеніе средняго класса росло тѣмъ не менѣе съ каждымъ днемъ, какъ результатъ промышленныхъ предпріятій, и наконецъ легкое дуновеніе, долетавшее до высшихъ классовъ подъ страшнымъ для нихъ именемъ реформъ,

обратилось въ бурный и свирѣпый вихрь, грозившій потрясти самое основаніе патриціанскаго могущества.

Средній классъ, считая себя недостаточно сильнымъ, обратился къ помощи трудящихся массъ, и оба эти класса, соединившись вмѣстѣ, заставили требовать реформу все доступное ихъ вліянію населеніе страны. Пресса была переполнена рѣчами и статьями, требовавшими справедливости и примѣненія наиболѣе широкой системы представительства, и „капитанъ Свингъ“ *) поддерживалъ это требованіе своимъ авторитетомъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Многіе изъ сторонниковъ этого разрушительнаго способа войны были подвергнуты уголовной карѣ за нарушеніе закона, но это только ускорило наступающее царство средняго класса, и наконецъ начавшееся броженіе среди военныхъ помогло ему достигнуть цѣли. Среди бурныхъ вспышекъ нетерпѣливо ожидавшей націи Билль о Реформѣ, послѣ нѣсколькихъ пораженій, прошелъ наконецъ черезъ обѣ палаты и получилъ королевскую санкцію. Такимъ образомъ была установлена Хартія средняго класса. Аристократія обратилась къ этому классу для того, чтобы раздавить демократію, не думая о томъ, что заключаетъ союзъ съ силою, которая, въ концѣ концовъ, раздавитъ ее самое. Такъ привилегированная тиранія часто минуетъ одну могилу для того, чтобы черезъ нѣсколько шаговъ упасть въ другую.

Средній классъ, однако, добился содѣйствія массъ только съ помощью обѣщаній существенныхъ выгодъ. Рабочій классъ самъ стремился къ расширенію своихъ политическихъ правъ, но только его легко было отвлечь отъ преслѣдованія этой цѣли... Средній классъ убѣдилъ рабочихъ отказаться на время отъ наиболѣе широкихъ требованій для того, чтобы лучше помочь имъ въ будущемъ. „Помогите намъ,—говорили они,—добиться Билля о Реформѣ, и какъ только мы получимъ права, мы употребимъ всю нашу власть, для того, чтобы помочь вамъ добиться вашихъ правъ“. Это обѣщаніе неизбѣжно давалось рабочему классу каждый разъ, какъ только онъ рѣшался поставить вопросъ о народномъ суверенитетѣ на болѣе широкихъ основаніяхъ. Обѣщанію этому повѣрили тѣмъ болѣе охотно, что въ тѣ времена господствовало мнѣніе, что интересы буржуазіи и рабочаго класса то-

---

*) Captain Swing,—названіе террора.

жественны. Они поэтому полагали, что одному классу не было надобности обманывать другой.

Тогда они не могли предвидѣть нарушенія договора, потому что не могли бы даже понять цѣли подобнаго обмана. Огромная разница между соціальнымъ положеніемъ этихъ двухъ классовъ была тогда совершенно упущена изъ вида. Имъ казалось, что болѣе равное распредѣленіе податей и нѣсколько другихъ мѣръ, которыя могъ-бы провести буржуазный парламентъ, было ихъ главной цѣлью. Поэтому стоило кому либо назваться сторонникомъ реформы, или либераломъ и произнести нѣсколько общихъ мѣстъ на избитыя темы для того, чтобы всецѣло овладѣть симпатіями большинства, и слушателямъ уже казалось, что передъ ними отворяются двери соціальнаго рая. Избирательная реформа, экономія въ финансахъ, политика мира, реформа церкви, муниципальная реформа, удовлетвореніе справедливыхъ требованій Ирландіи, таковы были лозунги буржуазныхъ патріотовъ. Трудящіеся классы мало вдумывались въ значеніе всѣхъ этихъ реформъ, они просто принимали на вѣру намѣреніе своихъ союзниковъ. Сдѣланныя имъ обѣщанія улучшить ихъ положеніе ослѣпили ихъ; они не приложили достаточныхъ усилій, чтобы узнать, въ чемъ будутъ состоять обѣщанныя имъ улучшенія, и поэтому не понимали ихъ.

Новая избирательная кампанія средняго класса обезпечила сторонникамъ реформы огромное большинство въ Палатѣ Общинъ, и на этомъ большинствѣ были основаны надежды народа. Однако не много времени понадобилось для того, чтобы эти волшебные замки разсѣялись такъ же легко, какъ были воздвигнуты. Справедливость по отношенію къ Ирландіи выразилась въ тронной рѣчи, рекомендовавшей самый строгій принудительный законъ для этой страдающей и униженной страны. Даже О'Коннель, союзникъ Виговъ, заклеймилъ этотъ параграфъ королевской рѣчи эпитетомъ „кровавый“, и въ такихъ же рѣзкихъ выраженіяхъ онъ обличалъ своихъ союзниковъ, называя ихъ „низкими, грубыми и кровавыми Вигами“. Но, несмотря на могучую силу протеста великаго агитатора и его ирландскихъ сторонниковъ, Билль все же былъ представленъ въ Палату и проведенъ черезъ Законодательное собраніе огромнымъ большинствомъ годъ спустя послѣ узаконенія Билля о реформѣ.

Поставленный Вигами вопросъ объ экономіи въ финансахъ

выразился въ поправкѣ существовавшаго при Елизаветѣ сбора въ пользу бѣдныхъ *). Лица, предложившія поправку, не скрывали даже своихъ намѣреній. Сторонники Мальтуса, они давали понять, что главною цѣлью этого закона было заставить трудящійся классъ сократить свои и безъ того скудные расходы, и въ подтвержденіе того, что это было дѣйствительно ихъ главною цѣлью, лордъ Брумъ доказывалъ, что плохо оплачиваемый, рабочій классъ долженъ былъ дѣлать сбереженія въ молодости для того, чтобы обезпечить себя на старость **). Самымъ сильнымъ противникомъ этой вновь придуманной доктрины былъ безсмертный Вилльямъ Коббетъ, осуждавшій ее въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ печати, и вотировавшій принципіально противъ каждаго параграфа этой мѣры. Въ Законодательной Палатѣ нашлись еще немногочисленные защитники народныхъ правъ, но ихъ оппозиція не имѣла успѣха,—Билль былъ принятъ. Во имя реформы и свободы Парламентъ уничтожилъ приходскіе

*) Законъ Елизаветы былъ основанъ на правѣ бѣднаго требовать труда, а въ случаѣ его неимѣнія—помощи отъ прихода. Съ этой цѣлью состоятельные классы, главнымъ образомъ лэндлорды, были обложены особаго рода налогомъ. Бѣдные получали помощь на дому часто въ видѣ приплаты къ заработку, если этого заработка не хватало на содержаніе семьи. Въ 1834 г. въ Палатѣ Общинъ былъ принятъ новый законъ, хотя и не уничтожавшій легально право бѣдныхъ на помощь, но сводившій фактически эту помощь къ нулю. Былъ воздвигнутъ цѣлый рядъ работныхъ домовъ, гдѣ царила самая суровая дисциплина. Бѣдняковъ, не имѣющихъ заработка, помѣщали туда, причемъ мужей разлучали съ женами, дѣтей съ родителями. Нечего и говорить, что народъ возненавидѣлъ эти работные дома и прозвалъ ихъ „Бастиліями“. Главными сторонниками новаго закона выступили герцогъ Веллингтонъ и лордъ Брумъ, утверждавшіе, что старый законъ является нарушеніемъ права собственности, такъ какъ налоги въ пользу бѣдныхъ грозятъ будто-бы поглотить имѣнія лордовъ и джентльменовъ. *Прим. перев.*

**) Насколько невозможно было рабочимъ дѣлать какія-бы то ни было сбереженія въ этотъ періодъ промышленнаго кризиса въ Англіи, видно изъ того, что по статистическимъ даннымъ того времени средній размѣръ недѣльнаго заработка рабочаго равнялся 12 шил.; а расходъ на содержаніе взрослаго рабочаго съ женой и четырьмя дѣтьми равнялся 17 шил. въ недѣлю, при этомъ не принимались во вниманіе ни жилище, ни одежда. Такимъ образомъ получился еженедѣльный дефицитъ болѣе, чѣмъ въ 5 шил., который надо было покрывать или добавочнымъ трудомъ или отдачей на фабрику малолѣтнихъ дѣтей за самую ничтожную плату. *Прим. перев.*

совѣты и подчинилъ помощь бѣднымъ совѣту тріумвиратовъ, надъ которымъ плательщики налоговъ не имѣли никакого контроля.

Вскорѣ послѣ того правительство выступило съ предложеніями реформы Ирландской церкви, этого позора религіи и цивилизаціи. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ намѣреніяхъ, кабинетъ подалъ въ отставку, и его преемникомъ явился сэръ Робертъ Пиль со своей партіей. Достопочтенный баронетъ продержался у власти всего нѣсколько мѣсяцевъ. Виги были снова призваны, какъ только они отказались отъ основнаго принципа, ради котораго недавно вышли въ отставку. Боясь вызвать народное самосознаніе, правительство и Парламентъ продолжали свою выжидательную политику; и стало ясно, что обновленная Палата Общинъ была всесильна только въ дѣлѣ продолженія зла. Таковъ былъ Парламентъ, на который обманутый народъ возлагалъ такія горячія надежды.

Но въ числѣ членовъ этой ничтожной Палаты Общинъ было все же нѣсколько человѣкъ, обнаруживавшихъ большее стремленіе къ демократіи, чѣмъ все остальное огромное большинство. Во главѣ этой маленькой группы стоялъ Джонъ Артуръ Рёббекъ, къ нему примыкали Джонъ Темпль Лидеръ, сэръ Вилльямъ Мольсвортъ, полковникъ Томсонъ, Томасъ Уокли, Шерменъ Крофортъ, Джозефъ Юмъ, докторъ Баурингъ и Даніель О'Коннель. Эти лица, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, составляли крайнюю партію въ Палатѣ Общинъ, и по вопросамъ, касающимся народнаго благосостоянія, часто говорили со смѣлостью, представлявшей рѣзкій контрастъ съ водянистыми рѣчами Виговъ и ихъ сторонниковъ. Они часто ставили на очередь вопросъ объ измѣненіяхъ въ системѣ представительства. Но никогда никто изъ нихъ не предложилъ хорошо обдуманной мѣры, въ которой бы воплотились ихъ стремленія. Одинъ вносилъ въ Палату Общинъ вопросъ о льготахъ, другой о баллотировкѣ, третій—о продолжительности Парламента и четвертый—объ избирательномъ цензѣ.

Самый смѣлый шагъ былъ сдѣланъ этой радикальной партіей при открытіи первой сессіи Парламента послѣ восшествія на престолъ королевы Викторіи. Но въ это время на общихъ выборахъ Рёббекъ и другіе потеряли свои мѣста въ Парламентѣ. Мистеръ Уокли внесъ поправку въ видѣ приложенія къ адресу королевѣ, предложенному въ отвѣтъ на королевскую рѣчь. Въ этой поправкѣ Ея Величеству указывалось, что Палата Общинъ приступитъ при

первой же возможности къ обсужденію мѣръ для обезпеченія лучшаго народнаго представительства, а именно: расширенія избирательныхъ правъ, введенія тайной подачи голосовъ и сокращенія времени продолжительности Парламента. Сэръ Вилльямъ Мольсвортъ поддержалъ поправку. Лордъ Джонъ Россель, отъ имени правительства, выступилъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ этого проекта, и произнесъ по этому поводу свою знаменитую рѣчь о томъ, что Парламентская реформа закончена. Сэръ Робертъ Пиль также объявилъ о своемъ рѣшеніи противодѣйствовать всякимъ дальнѣйшимъ демократическимъ стремленіямъ. О'Коннель отдѣлился отъ своей партіи и вотировалъ вмѣстѣ съ правительствомъ. Достойно замѣчанія также, что мистеръ, а потомъ сэръ Генри Уордъ вотировалъ за поправку. При подсчетѣ голосовъ только двадцать два члена Парламента, включая сюда и докладчиковъ, оказались на сторонѣ реформы, тогда какъ противъ нея было громадное большинство.

Не задолго до этого въ столицѣ было основано общество подъ безпритязательнымъ названіемъ „Ассоціаціи Рабочихъ". Не смотря на то, что въ этомъ названіи не было никакого указанія на политическое направленіе, главной задачей Ассоціаціи было обезпечить народу участіе въ представительствѣ. Ассоціація такъ тщательно оберегала рабочій классъ отъ постороннихъ вліяній, что ни одно лицо, не принадлежавшее къ этому классу, не могло имѣть голоса при обсужденіи дѣлъ. Лица, принадлежавшія къ буржуазіи, принимались только въ качествѣ почетныхъ членовъ. Посредствомъ митинговъ, банкетовъ и печатныхъ адресовъ, Ассоціація старалась обратить вниманіе страны на парламентскія реформы. Знаменитая декларація Джона Росселя усилила значеніе маленькой группы парламентскихъ радикаловъ внѣ Парламента. Ихъ стали приглашать на митинги и банкеты, они часто пользовались этимъ приглашеніемъ, и между ними и Ассоціаціей установились мало-по-малу правильныя сношенія.

Былъ избранъ комитетъ, состоявшій отчасти изъ членовъ Парламента, отчасти изъ членовъ Ассоціаціи, и ему было вмѣнено въ обязанность изложить стремленія партіи въ формѣ Билля для того, чтобы потомъ представить на обсужденіе публичнаго митинга. Этотъ Билль заключалъ въ себѣ шесть главныхъ пунктовъ, а именно: — всеобщее мужское избирательное право, ежегодный Парламентъ, тайная подача голосовъ, уничтоженіе избиратель-

наго ценза, вознагражденіе членовъ Парламента и равномѣрное распредѣленіе избирательныхъ правъ по округамъ. Этому Биллю было дано названіе *Народной Хартіи.* На публичномъ митингѣ, собравшемся, чтобы положить начало новому движенію, многіе изъ радикальныхъ членовъ Парламента примкнули къ резолюціи и поддерживали ее. Весьма возможно, что они не представляли себѣ, что Билль этотъ встрѣтитъ такое сочувствіе со стороны общества, такъ какъ по мѣрѣ того, какъ общественное мнѣніе страны росло въ пользу Билля, ихъ радикализмъ ослабѣвалъ. Бѣглый взглядъ на прошлое и настоящее положеніе этихъ лицъ можетъ быть не безполезенъ. О'Коннель передавая Хартію секретарю Ассоціаціи, воскликнулъ: „вотъ Ловеттъ, ваша Хартія, агитируйте за нее и не удовлетворяйтесь ничѣмъ меньшимъ“, а, немного времени спустя, тотъ же самый О'Коннель дѣлалъ все, что было въ его власти, чтобы дискредитировать движеніе и продолжалъ вести самую дѣятельную оппозицію до самой своей смерти. Докторъ Баурингъ принялъ потомъ удобное мѣстечко отъ правительства и незадолго до этого сталъ необычайно молчаливъ относительно своихъ прежнихъ принциповъ. Нѣкогда радикальный, м-ръ Уордъ, принялъ должность губернатора на Іонитскихъ островахъ, гдѣ сдѣлался чудовищемъ жестокости, равнымъ развѣ только навсегда ненавистному Гейнау *). Сэръ Вилльямъ Мольсвортъ сталъ членомъ парламентской коалиціи и все то, что онъ сохранилъ отъ демократическихъ стремленій, носитъ самый примирительный характеръ: его разбавленныя розовой водицей рѣчи находятся въ странномъ противорѣчіи съ тѣми энергичными рѣчами, которыя когда-то вызывали въ Палатѣ Общинъ призывы „къ порядку“. Джонъ Артуръ Рёббекъ въ продолженіи многихъ лѣтъ искалъ себѣ мѣста, а потомъ, хотя все еще состоя членомъ Парламента, подъ бременемъ разочарованій и горькой досады почти отошелъ отъ общественной жизни. Джонъ Темпль Лидеръ быстро опустился до политической ничтожности и оставилъ родину для болѣе подходя-

---

*) Баронъ Гейнау, состоявшій на Австрійской службѣ, прославился своей жестокостью въ Итальянскихъ походахъ 1848—1849. При взятіи Brescia онъ сѣкъ женщинъ и заслужилъ прозвище „Гіены Брешіа“. Съ не меньшей жестокостью онъ подавлялъ потомъ возстаніе въ Венгріи. Въ 1850 онъ пріѣхалъ въ Англію, но тамъ подвергся нападенію ломовиковъ Перклея и Перкинса, бросившихъ его въ мусорный ящикъ.

Прим. перев.

щаго для себя климата. Уокли удалился отъ общественной жизни. Шерменъ Крофортъ наиболѣе значительный изъ нихъ всѣхъ— потерпѣлъ пораженіе на послѣднихъ выборахъ. Полковникъ Томсонъ по мѣрѣ того какъ старился, становился такимъ же эксцентричнымъ какъ Брумъ, и на него рѣдко можно было положиться, а демократизмъ Джозефа Юма выражался въ тирадахъ противъ прессы, за слишкомъ строгое отношеніе къ поступкамъ континентальныхъ деспотовъ.

Вотъ чѣмъ стали прежніе поборники народныхъ интересовъ. Всего вышесказаннаго довольно для того, чтобы научить народъ, что, слѣдуя по пути политическаго и соціальнаго прогресса, онъ долженъ разсчитывать только на самого себя.

Незадолго до начала движенія въ пользу Хартіи столичная Ассоціація разослала по странѣ своихъ миссіонеровъ для того, чтобы создать провинціальныя Ассоціаціи, по примѣру столичныхъ. Главнымъ депутатомъ для предварительныхъ дѣйствій былъ избранъ Генри Гезерингтонъ. Можетъ быть, для успѣха миссіи трудно было избрать болѣе подходящаго человѣка, такъ какъ одного его имени было достаточно, чтобы привлечь сочувствіе всѣхъ представителей радикальной реформы. Гезерингтонъ не принадлежалъ къ блестящимъ ораторамъ, способнымъ взволновать толпу силою своего краснорѣчія. У него было мало данныхъ для того, чтобы возбуждать страсти. Онъ не былъ подходящимъ человѣкомъ для лицъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ чувства, для которыхъ не существуетъ солидной аргументаціи, но которыхъ можно взволновать до глубины души пылкой декламаціей; онъ былъ болѣе подходящимъ ораторомъ для лицъ интеллигентныхъ и мыслящихъ, и эти-то послѣдніе и составляли главнымъ образомъ его аудиторію. На его миссіи лежало не создавать новые элементы, но соединять и крѣпко спаивать уже существующіе, и эти элементы онъ находилъ въ каждомъ городѣ.

Въ большой борьбѣ за освобожденіе прессы отъ штемпельнаго сбора, въ которой онъ принялъ самое дѣятельное участіе, подвергаясь не разъ правительственному преслѣдованію, онъ сталъ своего рода центромъ радикальной партіи. Обладая непобѣдимымъ мужествомъ и непоколебимой настойчивостью и не боясь преслѣдованія, онъ съ презрѣніемъ относился къ закону о штемпельномъ сборѣ и составилъ себѣ такую репутацію, что наиболѣе передовые элементы рабочаго класса собирались вокругъ

него десятками и сотнями. Его суровая и рѣзкая логика неотразимо дѣйствовала на умы, а его грубый специально-англійскій юморъ вносилъ въ его рѣчь пріятное оживленіе. Его митинги происходили обыкновенно въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, и при другихъ условіяхъ они, пожалуй, были-бы далеко не такъ удачны. Его миссія имѣла полный успѣхъ, Ассоціаціи быстро росли. Иногда они начинались только при двѣнадцати членахъ, но потомъ разростались въ огромныя учрежденія, обѣщавшія имѣть большое вліяніе на политическія дѣла. Въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ были основаны эти Ассоціаціи, члены Парламента съ уваженіемъ относились къ ихъ постановленіямъ и иногда снисходили даже до того, что лично присутствовали на ихъ митингахъ, чтобы добиться ихъ содѣйствія на ближайшихъ выборахъ. Большинство, правда, не имѣло избирательныхъ правъ, но многіе принадлежали къ классу избирателей, и было довольно важно пріобрѣсти ихъ сочувствіе въ сомнительныхъ и спорныхъ случаяхъ. Даже члены, не избиратели, имѣли значеніе, и ими тоже не пренебрегали. Таковы были Рабочія Ассоціаціи въ 1838 г.

Хотя вначалѣ Ассоціаціи поддерживали только общій принципъ демократическаго правленія, но какъ только Хартія была готова во всѣхъ подробностяхъ, копія ея была разослана всѣмъ радикальнымъ Ассоціаціямъ по всему королевству. Главный принципъ былъ уже санкціонированъ, поэтому не было большого труда добиться общаго соглашенія относительно подробностей, облекавшихъ этотъ принципъ въ практическую форму. Радикальную партію долго обвиняли въ отсутствіи государственности. Ея представители считались тонкими теоретиками и знатоками неопровержимыхъ абстрактныхъ принциповъ, но за ними отрицали способность дать этимъ принципамъ подходящую форму. Появленіе Хартіи лишило эти обвиненія всякихъ основаній. Каково бы ни было отношеніе къ самому принципу, документъ этотъ долженъ былъ заслужить одобреніе у самыхъ большихъ законовѣдовъ. Правда, Хартія не была переполнена различными техническими тонкостями, и въ ней совершенно отсутствовали неясности, сдѣлавшія англійскіе законы такими неопредѣленными, что они представляютъ широкій просторъ для всевозможныхъ адвокатскихъ уловокъ; но отсутствіе этихъ именно недостатковъ и составляло ея достоинство и дѣлало ее доступной для пониманія большинства.

Радикальную партію обвиняли также въ томъ, что у нея не было точныхъ представленій о непреложной обязательности закона. Хартія, предлагая возбуждать уголовныя преслѣдованія противъ нарушителей ея постановленій, дѣлала неосновательнымъ и это обвиненіе и показывала, что ея составители относились съ большимъ уваженіемъ къ общественному благу. Билль былъ единогласно принятъ провинціальными Ассоціаціями, но странно сказать, лица полурадикальной школы выражали свое сожалѣніе, что общій принципъ, на которомъ всѣ могли бы согласиться, былъ уснащенъ подробностями, не имѣвшими существеннаго значенія, и воспользовались этимъ предлогомъ, чтобы стать въ сторонѣ отъ движенія. Такимъ образомъ, на какой путь ни становились бѣдные радикалы, имъ было невозможно въ одно и то же время угодить и противникамъ и полу-искреннимъ друзьямъ. Если они уничтожали подробности, ихъ обвиняли въ излишней теоретичности и недомолвкахъ; если они принимали подробности, ихъ обвиняли въ излишнемъ многословіи. Такъ это всегда было, и такъ это всегда будетъ—пока не пробьетъ послѣдній часъ для тираніи.

Но вниманіе сторонниковъ радикальныхъ реформъ было обращено не на одни только политическіе вопросы. Въ политическихъ реформахъ цѣнилась, конечно, ихъ абстрактная справедливость, но на нихъ смотрѣли также, какъ на средство для обезпеченія низшимъ классамъ лучшаго соціальнаго положенія. И рѣчи ораторовъ производили всегда большій эффектъ, если они разсматривали вопросъ съ этой стороны. Вообще сомнительно, чтобы когда нибудь большое политическое народное движеніе не имѣло въ своемъ основаніи соціальной подкладки. Главнымъ матеріальнымъ объектомъ человѣчества всегда было соціальное благополучіе. Обезпечьте народу средство для достиженія этой цѣли, и онъ мало будетъ интересоваться политической абстракціей. Массы узнаютъ цѣну политическихъ правъ, только благодаря существованію большихъ соціальныхъ несправедливостей. И эта истина подтверждалась не разъ самымъ нагляднымъ образомъ. Во времена сравнительнаго благосостоянія на океанѣ политической жизни почти незамѣтно ни морщины, но какъ только благосостояніе нарушается разнаго рода несчастіями, волны народнаго неудовольствія поднимаются съ такой бурной силой, что угрожаютъ безопасности всего политическаго строя. Массы видятъ

привилегированные классы, утопающіе въ роскоши и сравниваютъ эту роскошь съ убогой нищетой своего существованія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что переходя отъ явленія къ причинѣ, они доходятъ до заключенія, что причиной нашей соціальной аномаліи служитъ ихъ устраненіе отъ политической власти. Можетъ быть, въ началѣ движенія въ пользу Хартіи, они не совсѣмъ ясно представляли себѣ, какимъ образомъ политическая власть могла дѣйствовать имъ во вредъ. Еще менѣе могли они знать, какими соціальными мѣрами могли-бы они сами улучшить условія своей жизни, если бы добились обладанія этой властью.

Рабочая Ассоціація и старалась разрѣшить эту тайну—раскрыть причину соціальной нищеты. На заголовкѣ ея членской карточки красовались слѣдующія поразительныя слова: „Человѣкъ, уклоняющійся отъ своей доли участія въ полезной работѣ, уменьшаетъ общественное благосостояніе и бросаетъ свое бремя на плечи сосѣда“.

———

ГЛАВА II.

Начало кампаніи.

Когда была организована Ассоціація, составлявшая механизмъ движенія, общественная агитація въ пользу Хартіи приняла болѣе широкіе размѣры. Лондонская Рабочая Ассоціація могла гордиться нѣсколькими членами, обладавшими весьма значительными талантами: одни, какъ дѣловые люди, другіе, какъ писатели, и третьи, какъ ораторы. Самымъ способнымъ человѣкомъ, какъ дѣлецъ и какъ писатель, былъ несомнѣнно Виллъямъ Ловеттъ. Онъ былъ родомъ изъ Корнваллиса и принадлежалъ къ самому бѣдному классу. Еще въ юности онъ оставилъ родину и отправился въ столицу, куда пріѣхалъ почти нищимъ. Первое время ему пришлось отчаянно бороться съ нуждою. Не обладая никакимъ особеннымъ призваніемъ, онъ вынужденъ былъ пользоваться разнаго рода случайнымъ заработкомъ для поддержанія своего существованія. Но среди этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ онъ умудрился заняться столярнымъ ремесломъ и достигъ въ этомъ отношеніи довольно большого искусства. Съ теченіемъ времени его положеніе, какъ рабочаго, значительно улучшилось. Ловеттъ состоялъ секретаремъ Ассоціаціи и, безъ всякихъ преувеличеній можно сказать, что онъ былъ жизнью и душою этого учрежденія. Обладая яснымъ и сильнымъ умомъ, и большимъ практическимъ смысломъ, онъ успѣшно приводилъ въ исполненіе все, что ни затѣвалъ; и хотя его ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать ораторомъ, онъ, въ дѣловой области, былъ болѣе полезенъ движенію, чѣмъ лица, обладавшія могучимъ даромъ краснорѣчія.

Но въ провинціяхъ, между всѣми лидерами Ассоціаціи, наибольшимъ вліяніемъ пользовался Генри Винсентъ. Онъ родился

въ столицѣ, но въ ранней юности отправился въ приморскій городъ Кингстонъ-на-Гулѣ, гдѣ занялся изученіемъ ремесла, сдѣлавшаго безсмертнымъ имя Гуттенберга. Винсентъ, еще мальчикомъ, сталъ увлекаться политикой. Тринадцати лѣтъ онъ выступилъ на политическую арену на одномъ изъ публичныхъ митинговъ въ вышеназванномъ городѣ, къ удивленію многихъ зрѣлыхъ политиковъ, и съ этихъ поръ занялся изученіемъ политическихъ вопросовъ и говорилъ по поводу нихъ при подходящихъ случаяхъ.

Впослѣдствіи Винсентъ снова вернулся въ Лондонъ, гдѣ его ораторское искусство развернулось во время Канадскаго возстанія. Но скоро ему было суждено появиться на болѣе широкой аренѣ. Когда Хартія сдѣлалась предметомъ общественной агитаціи, онъ былъ отправленъ Ассоціаціей въ провинцію для устройства цѣлаго ряда демонстрацій. Въ то время онъ былъ въ самомъ расцвѣтѣ молодости. Ему было двадцать пять лѣтъ. По наружности Винсентъ составлялъ полную противоположность своему сочлену Ловетту. У послѣдняго была высокая внушительная фигура, тогда какъ первый былъ много ниже средняго роста; тѣмъ не менѣе онъ былъ въ высшей степени изященъ и значительно выигрывалъ на платформѣ. У него былъ красивый, мягкій, гибкій голосъ, прекрасный цвѣтъ лица и, за исключеніемъ вспышекъ гнѣва, необыкновенно привѣтливое выраженіе лица; ему стоило только появиться, чтобы привлечь къ себѣ всѣ сердца. Пожалуй, ни у одного изъ извѣстныхъ ораторовъ нашего времени не было такихъ свободныхъ и изящныхъ жестовъ. Въ легкости краснорѣчія онъ соперничалъ со всѣми своими современниками, и нѣкоторые изъ нихъ опасались выступать вмѣстѣ съ нимъ на платформѣ. Его рѣдкая способность къ подражанію вызывала неудержимые взрывы смѣха въ самой серьезной аудиторіи. Одна изъ тайнъ его успѣха была необыкновенная гибкость его ума, позволявшая ему переходить отъ серьезнаго къ смѣшному и обратно и касаться нѣсколькихъ разнообразныхъ предметовъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Его тонкая прекрасная фигура, веселый блескъ глазъ, неподражаемая мимика, страстные взрывы энтузіазма, богатая музыка голоса и, главное, его призывы къ возвышенію женщины сдѣлали его общимъ любимцемъ, и демократы обоего пола смотрѣли на него, какъ на молодого Демосѳена англійской демократіи.

Это лучшая сторона его портрета. Но для полнаго сходства мы не можемъ скрыть и другой стороны. У Винсента была необычайная способность возбуждать массы, но дать устойчивость пробудившимся умамъ—дѣло другое, и въ этой способности изящному оратору было отказано. Человѣку его темперамента ничего не стоило пробудить страсть къ активной жизни, но дать созрѣть мысли и направить ее было внѣ его власти. Мы должны однако ради справедливости сказать, что онъ никогда и не пробовалъ этого. Онъ обладалъ способностью самопониманія—рѣдкій и драгоцѣнный даръ въ общественномъ дѣятелѣ — и у него было достаточно здраваго смысла и скромности для того, чтобы дѣйствовать сообразно со своими способностями. Онъ никогда не рисковалъ вступать на опасный путь логики; и если бы когда нибудь онъ рѣшился на это, то, безъ всякаго сомнѣнія, перевернулъ-бы всѣ ея правила. Его рѣчи въ дѣйствительности были совсѣмъ не такъ хороши, какъ онѣ казались. Когда его слушали съ платформы. казалось, что онъ достигалъ совершенства. Главная сила его краснорѣчія заключалась въ его жестахъ, въ его голосѣ, въ его манерахъ, и въ энтузіазмѣ скорѣе, чѣмъ въ содержаніи. Иногда—мы должны дать ему эту справедливость—онъ произносилъ великія и прекрасныя слова, но только иногда. Его слушатели были убѣждены, что всѣ его рѣчи, съ начала до конца, могли служить образцомъ краснорѣчія, но какъ только онѣ появлялись въ печати, сладкая иллюзія исчезала; чары были разсѣяны, магическое заклинаніе разрушено, и онъ становился самымъ заурядным ораторомъ.

Этому-то человѣку Ассоціація поручила пробудить дремлющую энергію массъ, и никогда еще, при подобныхъ обстоятельствахъ, дѣятельность народнаго оратора не сопровождалась такимъ блестящимъ успѣхомъ. Гдѣ бы онъ ни появлялся, ему въ отвѣтъ неслось самое восторженное сочувствіе. Винсентъ жилъ въ это время въ водоворотѣ счастливаго возбужденія. Его дѣятельность, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ среднихъ и западныхъ округахъ Англіи, а также на югѣ Уэльса. Иногда онъ проникалъ дальше на сѣверъ, но тамъ изящный ораторъ не имѣлъ такого успѣха. Нордгемптонъ, Лейстеръ, Ноттингемъ, Бонбери, Ковентри и Бирмингамъ—въ центральной Англіи; Челтенгэмъ, Базъ, Траубриджъ, Бредфордъ, Бристоль, Вуттонъ на Эджѣ; Страудъ и другія мѣста—на западѣ,—были главной ареной его ораторскаго искусства, и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстностей онъ пріобрѣлъ

вліяніе, которому могъ бы позавидовать и принцъ. Его пылкая декламація привлекала къ нему сердца всѣхъ уэльсцевъ. Металлическіе звуки его голоса, когда онъ описывалъ жестокую несправедливость къ рабочимъ классамъ, заставляли разгораться страсти этого легко возбуждаемаго народа въ цѣлое пламя, которое потомъ нельзя было потушить никакими разумными доводами. Его успѣхъ, какъ агитатора, былъ настолько великъ, что на его митингахъ часто и въ значительномъ числѣ присутствовали представители богатаго класса, приходившіе изъ любопытства; но признавая его силу, они ненавидѣли его принципы и требовали возбужденія противъ него судебнаго преслѣдованія, чтобы положить предѣлъ его дѣятельности.

Въ то время какъ лондонская Ассоціація сосредоточила свою дѣятельность въ центральной и западной Англіи, а также въ Уэльсѣ, въ другихъ мѣстахъ дѣло организаціи велось не менѣе энергично. Политическіе союзы стали злобой дня. Въ большихъ мануфактурныхъ округахъ Ланкашира, Іоркшира и Чешира, врядъ ли можно было найти городъ или деревню, гдѣ бы не было своихъ союзовъ пылкихъ демократовъ. Союзы въ этихъ округахъ возникали на другихъ основаніяхъ, чѣмъ Ассоціація Рабочихъ. Какъ уже раньше было замѣчено, послѣдняя давала право голоса въ своихъ дѣлахъ только рабочимъ. Какая бы ни была цѣль этого правила, оно было основано на ложномъ принципѣ, на принципѣ исключительной привилегіи класса, что всегда одинаково несправедливо, какой бы классъ этимъ ни пользовался. Демократія уничтожаетъ всякія классовыя различія и признаетъ только человѣка, безъ всякаго отношенія ко внѣшнимъ условіямъ его жизни. Правда, есть основаніе думать, что вышеупомянутое правило было вызвано не столько недоброжелательнымъ отношеніемъ къ высшимъ классамъ, сколько желаніемъ не допустить въ совѣщанія Ассоціаціи вредныхъ для дѣла лицъ, вліянія которыхъ очень опасались организаторы. Но если это было справедливо, то трудно было придумать болѣе неудачный способъ дѣйствія. Когда человѣкъ, принадлежащій къ высшему или среднему классу общества, выступаетъ защитникомъ интересовъ бѣдныхъ, то масса смотритъ на всякія препятствія, которыя ставятся на его пути безъ достаточнаго основанія, какъ на своего рода преслѣдованіе, и старается сплотиться сильнѣе вокругъ этой жертвы несправедливости. Очень возможно, что Ассоціація считала участіе нѣкоторыхъ лицъ вред-

нымъ для дѣла, но единственный правильный путь было показать, въ чемъ были неправы эти лица, а не стараться заглушить ихъ голоса нарушеніемъ принципа равенства, — основнаго принципа, который они сами защищали и въ рѣчахъ, и въ печати.

Человѣкъ, противъ котораго главнымъ образомъ былъ направленъ этотъ запретительный параграфъ, уже давно обратилъ на себя вниманіе въ Ирландіи, и вліяніе его начало теперь распространяться среди британскаго рабочаго класса,—это былъ извѣстный и эксцентричный Фиргусъ О'Коннoръ, гордившійся своимъ происхожденіемъ отъ ирландскихъ королей. Какую услугу могло оказать это происхожденіе въ дѣлѣ народнаго движенія—было загадкой. Несомнѣнно, что если когда-нибудь существовали люди, заслуживавшіе названіе трусовъ и лжецовъ, достойные презрѣнія и насмѣшки со стороны человѣчества, то это были ирландскіе короли, какъ съ этимъ должны согласиться всѣ, читавшіе ирландскую исторію; и они были предками О'Коннора.

Фиргусъ О'Коннoръ выступилъ первый разъ и съ большимъ успѣхомъ передъ ирландскимъ народомъ въ 1831 году. Главной его задачей было обезпечить возвращеніе либеральныхъ членовъ въ Палату Общинъ. Ни въ одной части Соединеннаго королевства выборы не ведутся съ такой партійною страстностью какъ въ Ирландіи. Чтобы достигнуть успѣха, нужна необыкновенная энергія съ обѣихъ сторонъ. О'Коннoръ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для бурныхъ ирландскихъ выборовъ. Ни одинъ изъ членовъ кулачнаго боя не могъ бы съ такой отчаянной энергіей пробивать себѣ дорогу среди толпы, какъ этотъ избирательный боксеръ; но онъ былъ полезенъ своимъ друзьямъ не одними только кулаками. Юристъ по профессіи, онъ обладалъ значительной долей реторическаго искусства и могъ защищать интересы своего кандидата на избирательныхъ собраніяхъ съ очень большою убѣдительностью. Въ этомъ отношеніи онъ оказалъ большую услугу О'Коннелю, расположеніемъ котораго пользовался одно время. Но двумъ такимъ элементамъ невозможно было долго оставаться въ соединеніи. О'Коннoръ пользовался въ Ирландіи довольно большою популярностью, какъ это въ особенности стало очевиднымъ, когда онъ вернулся въ графство Іоркъ въ 1833 году. О'Коннель, какъ лидеръ ирландскаго народа, не былъ въ состояніи выносить человѣка, который долженъ былъ дѣлить съ нимъ власть, а О'Коннoръ со своей стороны не признавалъ начальниковъ.

Слова Мильтона, вложенныя въ уста мятежнаго ангела, вполнѣ подходили къ нему: „Лучше царствовать въ аду, чѣмъ служить на небесахъ“. Все время, пока О'Конноръ былъ въ Парламентѣ, у него происходили стычки съ О'Коннелемъ. Допустимъ, что причиной этихъ разногласій была, главнымъ образомъ, большая прямолинейность О'Коннора. О'Коннель часто уступалъ Вигамъ въ цѣляхъ обезпечить мѣсто за своей партіей или усилить ея значеніе за счетъ принципа. Въ этомъ отношеніи О'Конноръ никогда не соглашался съ великимъ агитаторомъ и всегда старался разрушить его планы. Естественно, что они должны были разстаться, чтобы никогда больше не соединяться.

О'Коннель, отказавшись отъ своего прежняго друга, подарилъ его англійскимъ радикаламъ: часть изъ нихъ, какъ мы уже говорили, встрѣтила его безъ особенной симпатіи, зато другая часть охотно приняла его услуги. Онъ заслужилъ ихъ расположеніе, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, будучи членомъ Палаты Общинъ, потерялъ свое мѣсто на послѣднихъ выборахъ, такъ какъ не былъ утвержденъ парламентскимъ комитетомъ за недостаткомъ имущественнаго ценза. О'Конноръ избралъ мѣстомъ своей дѣятельности мануфактурные округи и достигъ тамъ большого вліянія. Для человѣка съ такой несокрушимой энергіей это не составляло большого труда. Онъ объѣздилъ всѣ эти округи, и всюду, гдѣ онъ ни появлялся, возникали политическіе союзы. Когда наступило время, всѣ эти союзы примкнули къ Хартіи.

По мѣрѣ того, какъ общественное мнѣніе росло въ пользу коренной реформы, другое важное политическое учрежденіе подверглось реорганизаціи. Это учрежденіе носило названіе Бирмингамскаго Политическаго Союза. Въ числѣ членовъ совѣта Союза было нѣсколько лицъ, имѣвшихъ вліятельное положеніе въ обществѣ. Лидеромъ его былъ Томасъ Атвудъ, членъ Парламента отъ избирательнаго мѣстечка (borough). Два другихъ были братья Мюнцъ, одинъ изъ которыхъ въ настоящее время занимаетъ мѣсто Атвуда, удалившагося въ частную жизнь. Мистеръ Дугласъ, издатель *Бирмингамской газеты* (Birmingham Journal) былъ тоже однимъ изъ его дѣятельныхъ членовъ. М-ръ Эдмондсъ, впослѣдствіи городской секретарь, оказывалъ ему также свое содѣйствіе, но главнымъ представителемъ Союза былъ М-ръ Джонъ Коллинсъ, рабочій.

Прежде чѣмъ началось Чартистское движеніе, Союзъ агитиро-

валъ въ пользу всеобщаго голосованія, тайной подачи голосовъ и ежегоднаго Парламента, но видя, что потокъ общественнаго мнѣнія направился въ пользу болѣе совершенной реформы, онъ присоединился къ поднявшемуся теченію и открыто примкнулъ къ Хартіи.

Нортумберландское и Дергемское графства не отставали отъ своихъ южныхъ сосѣдей въ великомъ дѣлѣ реформы. Общественное мнѣніе было въ достаточной мѣрѣ подготовлено однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и основательныхъ радикаловъ, когда либо появлявшихся на общественной платформѣ, Августомъ Бьюмонтомъ. Онъ часто говорилъ на многочисленныхъ собраніяхъ въ Ньюкастлѣ и въ окружающихъ мѣстностяхъ по главнымъ вопросамъ дня, и такъ какъ онъ былъ сторонникомъ крайнихъ взглядовъ, основанныхъ на справедливости, то Хартія должна была быть встрѣчена благопріятно. Симпатіи народа въ пользу демократическихъ перемѣнъ росли съ каждымъ днемъ. Радикалы обоихъ графствъ соединились въ одно Общество подъ названіемъ Сѣверно-политическаго Союза, состоявшаго изъ нѣсколькихъ тысячъ лицъ. Огромное большинство принадлежало къ рабочему классу, но значительную часть составляли также представители среднихъ круговъ общества, принявшихъ также дѣятельное участіе въ движеніи. Въ Карлейлѣ демократическіе элементы стали тоже объединяться. Его населеніе, одно изъ самыхъ бѣдныхъ въ королевствѣ, горячо присоединилось къ движенію, поставившему своей задачей возвышеніе рабочаго народа. Среди этого класса были талантливые лидеры, способные дать извѣстное направленіе стремленіямъ рабочихъ.

Въ Шотландіи также стала обнаруживаться самая усиленная дѣятельность. Бирмингамскій Политическій Союзъ отправилъ туда Коллинса, чтобы ознакомиться съ настроеніемъ радикальной партіи, и онъ совершилъ съ этой цѣлью большую круговую поѣздку. Въ своихъ странствованіяхъ онъ провозгласилъ политическое евангеліе не менѣе, чѣмъ въ двадцати церквахъ, и нашелъ, что дѣла обстоятъ согласно его желаніямъ. Главные политическіе дѣятели были вполнѣ готовы къ перемѣнѣ. Различіе мнѣній относительно подробностей исчезли. Подобно своимъ бирмингамскимъ собратьямъ, они сняли съ очереди всѣ второстепенные вопросы для того, чтобы крѣпко сплотиться на главномъ. Въ короткое сравнительно время Чартистскіе союзы выросли съ поразительной быстротой. Радикалы Великобританіи соединились теперь, казалось, по всѣмъ пунктамъ

въ одну могущественную фалангу, и всѣ одинаково стремились къ одной великой цѣли, на которую возлагали всѣ свои надежды.

Организація политическихъ союзовъ была только одной изъ частей механизма, необходимаго для возбужденія великаго народнаго движенія. Было бы мало пользы соединять народъ въ союзы, если бы не было органа, способнаго поддерживать ихъ требованіе и давать отчетъ о ихъ дѣятельности. Для радикальной партіи было поэтому необходимо создать свой печатный органъ, посредствомъ котораго можно было бы сообщать публикѣ свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ, касающимся общей задачи.

Лондонская Рабочая Ассоціація уже имѣла свою газету. Когда законъ, налагавшій четырехъ-пенсовый штемпельный сборъ на газеты, былъ уничтоженъ, *Двухпенсовая Депеша* (Twopenny Despatch) Гезерингтона измѣнила свое заглавіе на *Лондонскую Депешу* (London Despatch), и это названіе оставалось за нею, пока она не прекратила свое существованіе. Ея издатель, извѣстный подъ именемъ Бьюмонта, родственникъ, какъ мы думаемъ, Августа Бьюмонта, велъ ее довольно искусно. Столбцы этой газеты были посвящены почти исключительно политическимъ перемѣнамъ, хотя иногда она касалась и соціальныхъ несправедливостей. Главной ея задачей было утвержденіе Хартіи, и этой задачѣ были подчинены всѣ другіе вопросы. Ея тактика была основана на такъ называемомъ моральномъ воздѣйствіи партіи, отрицающемъ всякое примѣненіе физическаго насилія для достиженія перемѣны. Она старалась доказать своимъ читателямъ, что политическая эмансипація народа можетъ быть достигнута только мирными средствами. Ея статьи писались въ мягкомъ примирительномъ тонѣ. Она никогда не пользовалась очень большимъ распространеніемъ. Эта газета была органомъ Ассоціаціи.

Другая газета возникла въ мѣстечкѣ Лидсѣ подъ названіемъ „Сѣверной Звѣзды“ (The Northern Star). Собственникомъ ея былъ извѣстный Фиргусъ О'Коннoръ, сдѣлавшійся идоломъ всѣхъ рабочихъ мануфактурныхъ округовъ. Еще никогда ни одна газета не выступала съ такимъ успѣхомъ. Она угадала духъ времени и служила его выразителемъ. Но О'Коннoръ основалъ *Звѣзду* не на одни только свои средства. Его друзья собрали для него не менѣе восьмисотъ фунтовъ, и безъ этой своевременной помощи онъ врядъ ли бы рѣшился на такое предпріятіе. Друзья вѣрили въ его успѣхъ и не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ, какъ это показало будущее. Въ

скоромъ времени *Сѣверная Звѣзда* заняла первое мѣсто между демократическими газетами. Издателемъ ея былъ Его Пр. Вилльямъ Хилль, умный и знающій, но не очень симпатичный писатель. Но газета цѣнилась не за ея издателя; два обстоятельства способствовали ея успѣху. Однимъ изъ нихъ была популярность О'Коннора, а популярностью этой онъ былъ обязанъ въ значительной степени своей газетѣ, въ которой давался отчетъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ, словахъ и поступкахъ, въ самомъ выгодномъ для него освѣщеніи. Съ другой стороны, въ „*Звѣздѣ*“ печатались самые подробные отчеты о движеніи. Въ какой бы части страны ни происходилъ митингъ, хотя бы въ самомъ отдаленномъ захолустьѣ, отчетъ о немъ появлялся на страницахъ газеты въ самыхъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ для того, чтобы возбудить интересъ въ читателѣ и польстить тщеславію ораторовъ лестнымъ упоминаніемъ ихъ именъ. Даже если они никогда раньше не появлялись на платформѣ, рѣчи ихъ описывались, какъ въ высшей степени краснорѣчивыя, полныя аргументаціи и т. п., и воспроизводились съ такою-же тщательностью, какъ парламентскія рѣчи, предназначенныя для столбцовъ ежедневной прессы. Такимъ образомъ, лица съ весьма посредственными дарованіями на разстояніи казались народу оракулами политической мудрости. Не надо думать, что мы хотимъ этими замѣчаніями набросить тѣнь на дѣйствительные таланты, проявившіеся въ рабочемъ классѣ во время этого великаго движенія. Какъ бы ни были преувеличены эти таланты, они все же были достаточно велики для того, чтобы не относиться къ нимъ пренебрежительно.

Надо твердо помнить, чте до этого періода, за единственнымъ исключеніемъ Объединенныхъ Тредъ-Юніоновъ (Consolidated Trades-Unions) даже наиболѣе просвѣщенные представители рабочаго класса почти не выступали въ качествѣ публичныхъ ораторовъ. Платформа находилась почти въ исключительномъ распоряженіи высшихъ и среднихъ классовъ и трудно было ожидать, чтобы рабочіе, лишенные по большей части всѣхъ преимуществъ образованія, могли бы въ одинъ день сдѣлаться опытными ораторами. Но расцвѣтъ Чертистскаго движенія былъ своего рода эрой для ораторскаго искусства рабочаго класса. Самый скромный изъ нихъ могъ поднять свой голосъ на публичномъ митингѣ, и они жадно хватались за всякій представлявшійся имъ случай. Нѣтъ надобности говорить, можетъ быть, что эти рѣчи, такъ же какъ и

митинги, на которыхъ они произносились, страшно преувеличивались въ *Звѣздѣ*, но эти-то преувеличенія и были однимъ изъ основаній ея успѣха. Люди, не привыкшіе раньше видѣть себя въ печати, гордились этимъ лестнымъ для себя отличіемъ; правда, они часто съ трудомъ узнавали свой собственный портретъ, но прикрасы, которыя позволялъ себѣ по отношенію къ нимъ художникъ, вполнѣ соотвѣтствовали ихъ вкусамъ. И кто же изъ насъ не склоненъ въ большей или меньшей степени къ тщеславію? Люди, къ которымъ въ газетѣ относились съ такимъ уваженіемъ, служили въ своемъ родѣ какъ бы платными агентами для широкаго распространенія *Звѣзды*, и одно время она достигала 50.000 выпусковъ въ недѣлю. Другимъ ея преимуществомъ передъ остальными газетами было вполнѣ ясно выраженное направленіе. Она не только не раздѣляла мнѣній *Лондонской Депеши* о значеніи моральной силы, но держалась какъ разъ противоположной доктрины. О'Конноръ своими рѣчами такъ воспламенилъ духъ народа, что онъ становился почти ненасытнымъ, и *Звѣзда* должна была давать то, что отъ нея ожидали. Страницы ея проглатывались каждую недѣлю съ поразительной жадностью, и при каждомъ глоткѣ жажда увеличивалась. Чтобы утолить эту жажду, читатели пили все больше и больше до тѣхъ поръ, пока не впали въ своего рода delirium и огромное большинство не хотѣло слышать ни о чемъ другомъ, какъ о насильственномъ образѣ дѣйствій.

Въ Ньюкастлѣ на Тайнѣ дѣйствовалъ другой журналъ подъ названіемъ *Сѣвернаго Освободителя* (*Northern Liberator*). Онъ велся съ большимъ умомъ и искусствомъ. По оригинальности содержанія, онъ былъ выше и *Звѣзды*, и *Лондонской Депеши*, но служилъ, главнымъ образомъ, выразителемъ Нортумберландскихъ и Дергемскихъ демократовъ, и его распространеніе, за нѣкоторымъ исключеніемъ, ограничивалось только этими графствами.

Эдинбургъ—этотъ образовательный и воспитательный центръ,— не хотѣлъ отставать отъ другихъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ пресса. Въ Шотландіи не было до сихъ поръ демократической газеты, и этотъ недостатокъ надо было пополнить. Подъ руководствомъ м-ра Джона Фразера, родомъ изъ этого города, была основана газета внушительныхъ размѣровъ съ талантливыми и уважаемыми сотрудниками. Она называлась *Истиннымъ Шотландцемъ* (*The True Scotsman*) и была посвящена, главнымъ

образомъ, отчетамъ о шотландскомъ демократическомъ движеніи. По отношенію къ вопросамъ о моральномъ вліяніи и насильственномъ образѣ дѣйствій газета раздѣляла взгляды *Лондонской Депеши*.

Бирмингамскіе радикалы тоже не были лишены своего органа. Имъ не было надобности основывать новую газету. М-ръ Дугласъ былъ издателемъ *Бирмингамской газеты* (*Birmingham Journal*). Какъ только вошло въ моду говорить и писать о демократіи, и дѣло стало сулить выгоды, журналъ перешелъ изъ защитниковъ умѣренной реформы въ открытаго сторонника крайней демократіи и пользовался очень большимъ вліяніемъ въ Бирмингамѣ и его окрестностяхъ.

Въ скоромъ времени появились три другихъ радикальныхъ газеты: первая и самая важная изъ нихъ называлась *Работникъ* (*Operative*). Издатель ея Джемсъ Бронтеръ О'Брайенъ обладалъ большимъ и оригинальнымъ талантомъ. Уже много лѣтъ онъ выступалъ передъ публикой въ качествѣ писателя по большей части подъ именемъ Бронтера и болѣе всѣхъ другихъ способствовалъ развитію британскихъ демократовъ.

Вторая носила названіе *Хартіи* и издавалась Вилльямомъ Карпентеромъ, обладавшимъ нѣкоторымъ литературнымъ дарованіемъ, составителемъ политическихъ книгъ съ извлеченіями изъ наиболѣе любимыхъ писателей политической и соціальной демократіи.

Наконецъ послѣдняя изъ этихъ газетъ служила выразителемъ политической школы Коббета и носила заглавіе *Борца* (*The Champion*). Изданіемъ газеты завѣдывали сыновья Коббета съ нѣкоторыми другими лицами. На ея страницахъ появлялись самыя враждебныя статьи противъ Фиргуса О'Коннора и другихъ руководителей его партіи, причемъ ихъ называли даже измѣнниками народнаго дѣла.

Легко можно себѣ представить, до какой степени общественное мнѣніе было на сторонѣ движенія, если собственники всѣхъ этихъ газетъ рѣшались даже рисковать своимъ капиталомъ для этого дѣла. Они врядъ ли могли ожидать поддержки со стороны рабочаго класса, и враги демократіи употребляли всѣ средства, чтобы задержать распространеніе газетъ и разрушить ихъ вліяніе; но въ то время движеніе приняло грандіозные размѣры. Со временъ организаціи Союзныхъ Тредъ-Юніоновъ, еще никогда ни одинъ

вопросъ не объединялъ вокругъ себя такую массу народа. Демократическое направленіе поднялось на такую высоту, что лидеры должны были или итти дальше и вызвать вмѣшательство правящихъ классовъ, или отступить отъ занятыхъ ими передовыхъ позицій. Стоять на одномъ мѣстѣ было уже невозможно. Ихъ лозунгомъ должно было быть или назадъ, или впередъ, и они выбрали послѣднее. Впослѣдствіи мы увидимъ, къ чему это привело.

Движеніе въ пользу Хартіи развивалось съ поразительной быстротой. Было рѣшено устроить цѣлую серію конференцій во всѣхъ большихъ центрахъ съ цѣлью пробудить національный духъ и двинуть впередъ общее дѣло. Вліяніе различныхъ Ассоціацій достигло огромныхъ размѣровъ. Каждую недѣлю радикальные ряды пополнялись большимъ количествомъ членовъ. Ассоціація Рабочихъ, Бирмингамской Политическій Союзъ и другія учрежденія посылали своихъ наиболѣе талантливыхъ представителей въ самыя отдаленныя мѣстности для того, чтобы раздуть загорающееся пламя демократіи.

Глазго былъ первымъ мѣстомъ, гдѣ проявилось во всей своей силѣ сочувствіе населенія къ новому движенію. И тѣ, которые присутствовали при этомъ зрѣлищѣ, никогда не забудутъ этого событія. Рабочіе рѣшили устроить большой соединенный митингъ въ Гринѣ,—огромное пространство земли, на одной изъ возвышенностей Глазго, гдѣ внизу текутъ величественныя воды Клайда. Эта могучая демонстрація, 28 мая 1838 года, могла служить блестящимъ доказательствомъ численности рабочихъ, такъ какъ другіе классы почти не принимали въ ней участія, и только одинъ или два представителя средняго круга оказали свое содѣйствіе движенію. Но ни одна демонстрація не могла быть проведена съ большимъ искусствомъ и имѣть большее вліяніе на примыкавшія къ ней партіи. Все ея устройство показало нагляднымъ образомъ полную подготовленность рабочаго класса Глазго управлять своими собственными дѣлами. Бирмингамскій Союзъ рѣшилъ съ своей стороны оказать всякое содѣйствіе рабочимъ для того, чтобы придать этой демонстраціи возможно большее значеніе и съ этой цѣлью туда были отправлены Атвудъ, Дугласъ, Эдмундсъ, Мюнцъ и Коллинсъ.

Около одиннадцати часовъ десятки тысячъ рабочихъ собрались въ Гринѣ, и ровно въ одиннадцать процессія выступила для встрѣчи м-ра Атвуда въ восточной части Сити, куда онъ долженъ былъ прі-

ѣхать вмѣстѣ съ своими товарищами. Огромная масса рабочихъ шла по шести въ рядъ довольно быстрымъ шагомъ, а всѣ улицы, по всему пути шествія, были переполнены сплошною толпою людей, стремившихся выразить свое сочувствіе великому дѣлу политической реформы. Считаютъ, что не менѣе 200.000 доблестныхъ сыновъ труда, съ измученными отъ работы лицами, принимало участіе въ этомъ грандіозномъ собраніи. Даже во времена агитаціи за Парламентскую реформу никогда такое огромное количество народа не покидало своихъ мастерскихъ и домовъ, чтобы присоединиться къ всеобщему національному требованію. Небеса оглашались веселыми звуками музыки и восторженными криками толпы. Сорокъ оркестровъ музыки были разставлены на извѣстныхъ разстояніяхъ по всему пути процессіи; болѣе двухсотъ флаговъ и знаменъ самаго разнообразнаго вида и величины красиво и весело развѣвались по вѣтру и придавали еще большее оживленіе шествію. Одно изъ этихъ знаменъ изъ Стрэтгевена служило предметомъ всеобщаго любопытства и интереса, такъ какъ во время могучей и страстной борьбы Шотландіи за религіозную свободу, оно развѣвалось надъ смѣлыми пресвитеріанцами во время битвы при Дремклогѣ. Процессія употребила полтора часа на свое шествіе и, когда наконецъ м-ръ Атвудъ появился вмѣстѣ со своими товарищами, народному восторгу не было границъ.

Когда они вернулись обратно въ Гринъ, м-ръ Тернеръ, членъ городского совѣта, былъ избранъ предсѣдателемъ, и нѣсколько рабочихъ обратились къ митингу съ рѣчами, поддерживая различныя резолюціи и петицію въ Парламентъ. Послѣ этого, отъ имени огромнаго собранія, была выражена благодарность м-ру Атвуду и остальнымъ членамъ депутаціи, на что Атвудъ, въ свою очередь, пожелалъ отвѣтить рѣчью и былъ встрѣченъ восторженными кликами, маханьемъ шляпъ и барабаннымъ боемъ. Онъ прежде всего съ большою силою и чувствомъ остановился на печальномъ положеніи рабочаго класса и выразилъ мнѣніе, что Парламентская реформа оказалась совершенно несостоятельной для улучшенія условій жизни страны. Послѣ этого онъ развилъ свой планъ дѣйствій, принятый Бирмингамскимъ Политическимъ Союзомъ. Петиція должна была быть подписана демократами всей страны, и онъ разсчитывалъ, что можно было собрать два или три милліона подписей. Подача петицій должна была повторяться до тѣхъ поръ, пока Парламентъ не согласиться уступить народнымъ требованіямъ: но если послѣ

цѣлаго ряда попытокъ добиться согласія Парламента, имъ все же будетъ отказано, тогда рабочіе, соединившись, съ сочувствующими имъ представителями средняго класса, объявятъ торжественную и священную стачку во всѣхъ областяхъ труда. Ни одна рука не поднимется для работы; но сердце, голова и руки всѣхъ будутъ направлены къ защитѣ народнаго дѣла, пока ихъ усилія не увѣнчаются наконецъ побѣдой. Эдмундсъ, Мюнцъ и Дугласъ продолжали въ томъ же духѣ, къ большому восторгу митинга. Никто изъ четырехъ ораторовъ не старался обойти молчаніемъ препятствія, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были неизбѣжно встрѣтиться на народномъ пути. „Противъ насъ — воскликнулъ м-ръ Атвудъ—вся аристократія, девять десятыхъ мелкаго дворянства, огромная корпорація духовенства и всѣ пенсіонеры, сенекуристы и паразиты, питающіеся за счетъ народа". Но ему, повидимому, не приходило и въ голову указать на главное препятствіе изъ всѣхъ, на вновь организованный средній классъ, только что добившійся привилегій.

М-ръ Мерфей и докторъ Уэдъ выступили въ качествѣ депутатовъ Лондонской Ассоціаціи рабочихъ, и послѣдній обратился къ огромному народному митингу съ словами, полными надеждъ: „Мы обладаемъ—воскликнулъ онъ, въ концѣ своей рѣчи—достаточной физической силой, но она не нужна, потому что у насъ довольно нравственной силы, чтобы добиться того, что мы требуемъ".

Когда рѣчи были кончены, митингъ разошелся въ большомъ порядкѣ. Капитанъ Милларъ, начальникъ городской полиціи, держалъ себя при этой манифестаціи общественнаго мнѣнія, какъ главный церемоніймейстеръ, и объявилъ, что никогда еще ему не случалось присутствовать на митингѣ, который проходилъ бы съ большимъ порядкомъ. Вечеромъ, послѣ этой великой демонстраціи, былъ устроенъ банкетъ, на которомъ присутствовало около шестисотъ лицъ. Предсѣдательствовалъ Моиръ, чайный торговецъ. Говорили рѣчи Атвудъ, Дугласъ, Мюнцъ, Коллинсъ, Эдмундсъ, докторъ Уэдъ, Мерфей, Тернеръ, Его Преп. Эдуардсъ и другія лица. Здѣсь царилъ тотъ же энтузіазмъ. Каждый ораторъ, казалось, съ полной надеждой смотрѣлъ на будущее, и всѣ выражали твердую непреклонную рѣшимость продолжать великое дѣло, которое, по ихъ мнѣнію, въ недалекомъ будущемъ должно было привести массы къ освобожденію отъ политическаго неравенства и

соціальной нищеты. Демонстрація въ Гринѣ окрылила ихъ надежды, и они пришли къ рѣшенію употребить всѣ свои силы на дѣло національнаго освобожденія.

27-го іюня 1838 года населеніе Тайна и Уира рѣшило выразить свое сочувствіе новому движенію однимъ изъ самыхъ величественныхъ проявленій нравственной и численной силы рабочаго населенія данной мѣстности. Собраніе было назначено на Городскомъ Полѣ въ Ньюкастлѣ, огромное мѣсто немного къ сѣверу отъ города. Въ этотъ день съ ранняго утра всѣ улицы покрылись народомъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшимъ демонстраціи. Въ девять часовъ къ скверу Св. Николая—открытому мѣсту передъ одной изъ красивѣйшихъ церквей въ Европѣ—стала стекаться возбужденная толпа. Процессіи рабочихъ направились изъ различныхъ городскихъ кварталовъ къ этому скверу, откуда должна была выступить главная процессія. Эта организованная масса людей выстроилась въ линію по шести человѣкъ въ рядъ и открыла свое шествіе между тѣснившейся съ обѣихъ сторонъ толпой. Процессія была такъ велика, что, когда начало ея достигло мѣста назначенія, конецъ двигался еще по улицамъ въ полторы мили разстоянія отъ сборища. Въ ней участвовало не менѣе четырнадцати оркестровъ музыки, и по всей линіи развѣвались самыя красивыя знамена на разстояніи тридцати ярдъ другъ отъ друга. Большинство изъ нихъ было украшено патріотическими надписями изъ произведенія Байрона, приводимъ слѣдующія:

„Freedom".
When once more her hosts assemble,
Let the tyrants only tremble:
Smile they at this idle threat?
Crimson tears may follow yet".

„Hope".
Methinks I hear a little bird that sings,
The people bye and bye will be the stronger.

„Our Birthright".
„Freedom, such as God hath given
Unto all beneath His heaven".

„The Past and the Present".
„Must we but weep o'er days more blest
Must we blush our fathers bled".

„The Whigs".

„That worse than worst of foes, the once adored
False friend, that held out freedom to mankind.
And now would chain them to the very mind".

„Revolution".

I've seen some nations like o'er loaded asses,
Kick off their burdens, meaning the high classes".

Свобода: „Когда снова соберутся ея гости, тогда задрожатъ тюрьмы;
Они считаютъ это пустой угрозой и улыбаются?
Но они будутъ плакать кровавыми слезами".

Надежда: „Мнѣ слышится, будто птичка поетъ,
Народъ одолѣетъ мало по малу".

Право рожденія: „Свобода, какъ ее даровалъ Господь
Всѣмъ живущимъ подъ небесами!"

Прошедшее и настоящее: „Неужели намъ остается только плакать о прошломъ благословенномъ времени
И краснѣть при воспоминаніи о крови, пролитой нашими отцами?"

Виги: „Злѣйшій изъ враговъ—это нѣкогда обожаемый и ложный другъ.
Онъ показалъ свободу человѣчеству, а теперь хочетъ заковать въ цѣпи даже душу его".

Революція: „Я видѣлъ націи, нагруженныя подобно осламъ,
Но они сбросили съ себя бремя, иначе говоря высшіе классы".

На другомъ флагѣ красовалось хорошо извѣстное изреченіе Бернса:

„Man's inhumanity to man
Makes countless thousands mourn".

(Безчеловѣчное отношеніе одного человѣка къ другому заставляетъ страдать безчисленныя массы).

На третьемъ изъ того-же автора:

„The rank is but the guinea's stamp,
The man's the gowd for a that".

(Сословіе—штампъ для золотой монеты, а человѣкъ металлъ для ея чеканки).

Были также разныя другія надписи изъ Купера, Гольдсмита и другихъ писателей, но большая часть была вполнѣ оригинальна.

Процессія не успѣла еще достигнуть въ полномъ составѣ назначеннаго мѣста, какъ м-ръ Грей предложилъ избрать предсѣдателемъ м-ра Деблъдея, стараго ветерана демократіи, принимавшаго дѣятельное участіе во всѣхъ публичныхъ митингахъ. Городское Поле представляло въ это время—„по истинѣ ужасное зрѣлище“, какъ бы это назвали враги прогресса. Число присутствовавшихъ было не менѣе восьмидесяти тысячъ, и когда всѣ собрались въ назначенное мѣсто, ихъ охватилъ самый пылкій энтузіазмъ. Среди все возобновлявшихся восторженныхъ кликовъ, предсѣдатель объявилъ митингъ открытымъ. Добродушное выраженіе лица предсѣдателя, какъ нельзя болѣе, подходило для народнаго митинга и, пожалуй, его рѣчь произвела наиболѣе глубокое впечатлѣніе на собраніе. Мы не можемъ не помѣстить извлеченіе изъ этой рѣчи:

„Всеобщее избирательное право было обычаемъ въ странѣ до средины царствованія Генриха VI. Какъ же мы потеряли его? Мы потеряли его во время междоусобій гражданскихъ войнъ. Народъ не зналъ еще тогда цѣны ему, и подъ благовидными предлогами законъ былъ измѣненъ. Съ того времени до сихъ поръ англичане несутъ на себѣ всѣ послѣдствія этого предательскаго поступка. Зло расползалось понемногу. Страна была тогда богата, и благосостояніе простого народа такъ велико, что объ этомъ не имѣютъ даже представленія. Налоговъ почти не было, и ихъ не могло быть, потому что парламентъ, избираемый народомъ, заботился о народномъ благѣ. Но когда это было потеряно, все измѣнилось. Аристократія стала находить, что народъ былъ слишкомъ богатъ и издала законы, чтобы помочь такой бѣдѣ. Да! они даже издали законы, чтобы заработная плата не поднималась выше извѣстнаго уровня—это, чтобы народъ не впалъ въ роскошь—и плата, установленная закономъ, показывала состояніе страны того времени. Даже при этихъ законахъ рабочій человѣкъ зарабатывалъ въ недѣлю столько, что могъ купить себѣ хорошаго жирнаго барана или хорошій кусокъ бычачьяго мяса. Прекрасныя были тогда времена, не правда-ли? Теперь, развѣ вы могли бы имѣть что нибудь подобное? Да, такъ вотъ они были такъ добры, что не только позаботились о томъ, чтобы народъ не слишкомъ много ѣлъ, но даже и о томъ, чтобы онъ не слишкомъ хорошо

одѣвался. Поэтому они издали законъ, по которому ни одинъ рабочій или ремесленникъ не могъ купить себѣ сюртука, панталонъ или жилетки изъ сукна, стоившаго дороже двадцати четырехъ шиллинговъ ярдъ, по нынѣшнему разсчету. Теперь мы не нуждаемся въ подобнаго рода законахъ. Такъ шли дѣла. По мѣрѣ того, какъ росли власть и дерзость аристократіи, народъ становился бѣднѣе, пока наконецъ около 1770 года, разоривъ до извѣстной степени Англію, они придумали сдѣлать то же самое съ американскими колоніями. Но храбрые американцы не захотѣли подчиниться имъ; они возстали, началась битва, патріоты выиграли, Соединенные Штаты стали свободной республикой, и національный долгъ Англіи, какъ они это называютъ, достигъ теперь огромной суммы двухсотъ пятидесяти милліоновъ фунтовъ, и все это для того, чтобы удовлетворить аппетиты жадной аристократіи. Десять лѣтъ спустя разыгралась французская Революція. Жадная аристократія страшно испугалась. Она объявила войну французскому народу, чтобы помѣшать ему имѣть хорошее правительство. Эта несправедливая война продолжалась втеченіе двадцати лѣтъ и въ заключеніе англійскій народъ оказался обремененъ долгомъ въ восемьсотъ милліоновъ фунтовъ и налогами, которымъ нѣтъ равныхъ въ свѣтѣ".

Рѣчь предсѣдателя такъ понравилась собранію, что онъ съ трудомъ могъ ее закончить. Затѣмъ онъ представилъ митингу м-ра Джемса Айера, рабочаго, который въ теченіе своей рѣчи сказалъ между прочимъ, что—

„Онъ гордился тѣмъ, что тысячи собрались сюда сегодня, чтобы преклониться передъ алтаремъ свободы. Надъ ними виситъ мечъ угнетенія, но если понадобится, они обнажатъ мечъ справедливости и не вложатъ его въ ножны до тѣхъ поръ, пока справедливость не будетъ оказана угнетенному и измученному англійскому народу. Онъ тщательно искалъ вокругъ себя какого нибудь аристократа, чтобы сказать ему въ лицо все, что онъ думалъ, но не могъ найти ни лорда, ни герцога. Нѣтъ! они не смѣютъ придти на митингъ, чтобы встрѣтить справедливое негодованіе Ньюкастльскаго народа. Онъ будетъ защищать резолюцію, которую держитъ въ рукахъ. Она гласитъ, что они будутъ пользоваться всѣми средствами,—замѣтьте! не только законными средствами,—но всѣми средствами для достиженія всеобщаго избирательнаго права. Онъ не можетъ удержаться, чтобы не упомянуть

о монархіи. До сихъ поръ она царствовала для себя, но онъ объявляетъ передъ всѣмъ этимъ огромнымъ собраніемъ и отъ его имени, что если она не будетъ царствовать для блага милліоновъ, она не будетъ царствовать совсѣмъ. Голодный и беззащитный, вдовы и сироты, и все будущее поколѣніе ждутъ, чтобы они добились свободы — неужели и потомство будетъ также нуждаться? Интересы рабочаго класса вездѣ одни и тѣ же, и притѣснители увидятъ, что теперь рабочіе вездѣ хотятъ соединиться. Знаніе даетъ власть, союзъ даетъ силу; и знаніе въ соединеніи съ союзами, которые теперь растутъ среди народа, въ недалекомъ будущемъ—онъ это предсказываетъ—уничтожатъ аристократію во всемъ свѣтѣ. Они пригласили представителей деспота Николая и трусливаго тирана Луи-Филиппа и представителей всѣхъ другихъ родственныхъ имъ тирановъ присутствовать на коронаціи государыни великой націи, молоденькой дѣвочки, которой было бы полезнѣе и приличнѣе заниматься рукодѣліемъ. Но народъ не даетъ больше ослѣплять себя этой блестящей мишурой. Они будутъ заботиться о себѣ и о своихъ семьяхъ, потому что если они видятъ королевскій блескъ съ одной стороны, они видятъ также проклятую Бастилію—съ другой".

Вышеприведенный отрывокъ можетъ служить однимъ изъ лучшихъ образцовъ ораторскаго искусства рабочихъ того времени, и мы смѣло утверждаемъ, что употребляемыя въ немъ выраженія встрѣтили бы сочувствіе во всякомъ собраніи; но жаль смотрѣть, какъ люди расточаютъ слова на сравнительно пустые предметы. Кто же изъ интеллигентныхъ людей настоящаго времени смотритъ на монархію, какъ на корень народныхъ страданій? Уничтожьте завтра монархію, но оставьте основныя отношенія между капиталомъ и трудомъ въ ихъ настоящемъ видѣ, и въ дѣйствительности вы ровно ничего не сдѣлаете. Мы ни слова не говоримъ въ защиту монархическихъ учрежденій, но зачѣмъ нападать на меньшее зло и оставлять нетронутымъ самое большее?

Фиргусъ О'Коннoръ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для такихъ большихъ собраній. Онъ всегда давалъ обѣщаніе вести народъ къ смерти или къ славѣ. Онъ не забывалъ сообщить митингу, что былъ безплатнымъ защитникомъ народнаго дѣла. Но изъ его рѣчи больше всего понравился отрывокъ, въ которомъ онъ касался лорда Брума и новаго закона о бѣдныхъ:

„Гарри Брумъ говоритъ, что вамъ не нужно закона о бѣдныхъ, потому что каждый молодой человѣкъ долженъ самъ дѣлать сбереженія на старость; но когда онъ говорилъ это одной стороной своего рта, онъ кривилъ другую, чтобы выпросить себѣ прибавки пенсіи съ четырехъ до пяти тысячъ фунтовъ въ годъ. Но если бы у народа были права, онъ не сталъ бы платить ему этого жалованія. Гарри пошелъ бы въ казначейство, постучался бы, но церберъ не открылъ бы ему двери, а спросилъ бы, кто тамъ? И тогда несчастный Гарри отвѣтилъ бы: „Это я, бывшій канцлеръ. Я пришелъ получить 1250 фунтовъ, мое жалованіе за четверть года". Но церберъ отвѣтилъ бы: „Тутъ уже перебывало до дюжины человѣкъ сегодня, и для тебя ничего не осталось" и тогда Гарри заплакалъ бы: „О! что будетъ со мною? Что мнѣ дѣлать?" А церберъ сказалъ бы: „Отправляйся въ Бастилію, которую ты приготовилъ для народа". А когда лордъ Гарри и леди Гарри пришли бы въ Бастилію, то смотритель сказалъ бы имъ: „Это вамъ комната, направо, а это вамъ, миледи, налѣво, мы здѣсь мальтузіанцы и боимся какъ бы вы не расплодились, поэтому будемъ держать васъ врозь". Если бы я присутствовалъ при этой сценѣ, то, можетъ быть, я пожалѣлъ бы леди Брумъ, но ужъ не сталъ бы жалѣть лорда Гарри".

Рѣчь О'Коннора ежеминутно прерывалась взрывами смѣха и одобрительными возгласами по адресу оратора. Кромѣ О'Коннора говорили Дж. Смитъ, рабочій экипажникъ, Паркеръ, тоже рабочій, Чарльтонъ, Лоурей и другіе. Послѣдній сказалъ:

„Я радъ былъ видѣть сегодня грозную демонстрацію, устроенную несмотря на всѣ ухищренія помѣшать народу собраться на этотъ митингъ. Были употреблены всѣ средства, чтобы удержать народъ дома въ этотъ день, но все напрасно. На щелочной фабрикѣ Куксона въ Саусъ-Шильдѣ, дѣйствовали и убѣжденіями, и угрозами; и даже войска, которыхъ народъ кормитъ и одѣваетъ, имѣли дерзость пройти передъ ними съ поднятыми штыками, но пусть они знаютъ, что англичане могутъ также вооружиться, что у насъ достаточно людей, умѣющихъ владѣть оружіемъ, чтобы обратить въ бѣгство всѣхъ „обитателей казармъ".

Къ концу рѣчи О'Коннора взводъ драгунъ показался у казармъ (расположенныхъ по сосѣдству съ полемъ), двинулся по направленію къ митингу и остановился въ ста шагахъ. Когда онъ во второй разъ появился на каѳедрѣ, чтобы обратиться съ рѣчью

къ собранію, длинная линія кавалеріи въ сопровожденіи пушки двинулась на митингъ съ одной стороны, въ то время какъ калонна пѣхоты медленно наступала съ другой. Народъ былъ совершенно безоруженъ, поэтому не было никакого сколько нибудь разумнаго повода для появленія военной силы, видъ которой вызвалъ глубокое негодованіе у всѣхъ собравшихся на митингъ. Наступленіе войскъ и появленіе пушки давали основаніе думать, что Ньюкастльское поле превратится во второе Питерло *). Безоружный народъ встрѣтилъ войска криками негодованія, а О'Конноръ сказалъ, что—

„Онъ былъ глубоко возмущенъ этимъ дерзкимъ и достойнымъ презрѣнія поступкомъ. Онъ доведетъ это до свѣдѣнія Палаты Общинъ и сожалѣетъ, что люди, окружающіе его, не въ состояніи отвѣтить на это должнымъ образомъ—насиліемъ на насиліе. Его другъ м-ръ Лоурей собралъ наканунѣ вечеромъ въ полтора часа десять тысячъ человѣкъ въ Саусъ-Шильдѣ, чтобы выслушать его (О'Коннора) рѣчь о принципахъ свободы. Такъ пусть аристократическое отродье знаетъ, что если они осмѣлятся мѣшать народу собираться и пустятъ въ ходъ оружіе,—они встрѣтятъ такія же мужественныя сердца и здоровыя руки подъ черными сюртуками, какъ и подъ красными".

Эти слова вызвали самые оглушительные крики со стороны безоружной, но возбужденной и возмущенной толпы. Были употреблены всѣ усилія, чтобы найти предлогъ для избіенія собрав-

*) При Питерло въ 1819 г. былъ устроенъ огромный митингъ въ пользу *избирательной реформы*. Когда одинъ изъ главныхъ представителей радикальной партіи Гёнтъ (Hunt) началъ рѣчь, полиція бросилась къ нему, чтобы арестовать его. Народъ воспротивился и тѣснымъ кольцомъ окружилъ Гёнта. Произошло столкновеніе между полиціей и народомъ, и тогда въ толпу врѣзался гусарскій полкъ, и многіе были раздавлены. Это грубое нарушеніе одной изъ основныхъ привилегій англійскаго народа вызвало бурю негодованія. Былъ устроенъ цѣлый рядъ митинговъ съ цѣлью протеста. Но правительство отвѣтило новыми репрессіями и заставило Парламентъ принять рядъ исключительныхъ законовъ—*шесть актовъ*, причемъ одинъ изъ нихъ, а именно пятый запрещалъ всѣ собранія, устраиваемыя съ цѣлью „разсмотрѣнія неудовольствій, касающихся государственныхъ и церковныхъ дѣлъ, а также имѣющія цѣлью приготовлять петиціи". По пункту шестому всѣ политическія сочиненія свыше двухъ листовъ подлежатъ обложенію гербовымъ сборомъ и внесенію залога. *Прим. перев.*

шихся. Одинъ изъ офицеровъ поскакалъ во время рѣчи О'Коннора прямо на толпу. Этотъ поступокъ вызвалъ цѣлую бурю свистковъ и крики: „Вонъ! Вонъ!“ Одинъ пылкій молодой человѣкъ, выведенный изъ себя этимъ грубымъ и недостойнымъ поступкомъ, изо всѣхъ силъ оттолкнулъ лошадь, воскликнувъ при этомъ: „Убирайся вонъ, негодяй! Развѣ не довольно того, что мы терпимъ? Неужели вы должны еще оскорблять и топтать насъ!“.

О'Конноръ предложилъ выразить благодарность председателю, а тотъ въ отвѣтной рѣчи поблагодарилъ народъ за его мужественное и спокойное поведеніе. Но военныя власти хотѣли, повидимому, во что бы то ни стало нарушить мирное настроеніе рабочихъ. Какъ разъ, когда митингъ готовъ былъ разойтись, войска снова окружили народъ, разсчитывая вызвать его на сопротивленіе. Только спокойствіе и здравый смыслъ рабочихъ помѣшали кровопролитію. Поведеніе властей, казалось, оправдывало замѣчаніе Бронтера О'Брайена, что для народа не безопасно собираться въ большомъ количествѣ для обсужденія своихъ правъ, не имѣя оружія въ рукахъ, чтобы защищаться противъ нападеній его притѣснителей. Тѣмъ не менѣе все кончилось благополучно. Митингъ разошелся въ добродушномъ настроеніи, и такъ завершилась одна изъ самыхъ большихъ демонстрацій (принимая во вниманіе населеніе округа) въ защиту Хартіи.

За этой демонстраціей послѣдовала другая въ такихъ же грандіозныхъ размѣрахъ. Была устроена процессія, какъ и раньше; представители каждаго ремесла принимали въ ней участіе; даже самые аристократическіе изъ рабочихъ—экипажники—были въ значительномъ количествѣ, хотя они находились подъ большимъ вліяніемъ высшихъ классовъ, чѣмъ другіе, такъ какъ непосредственно зависѣли отъ нихъ. Ученики несли знамена съ слѣдующимъ любопытнымъ девизомъ:

„Когда старый пѣтухъ кричитъ, молодой учится“.

Женщины,—надо отдать справедливость ихъ интересу къ общественнымъ дѣламъ—не отставали отъ другихъ въ выраженіи сочувствія къ демократіи. Они участвовали въ процессіи въ большомъ количествѣ и, подобно мужчинамъ, жадно прислушивались къ пламеннымъ словамъ политическаго вдохновенія. Митингъ собрался съ цѣлью выбрать трехъ делегатовъ въ Конвентъ. Политическія убѣжденія лицъ, избранныхъ въ совѣтъ, были таковы, что только самые пламенные друзья движенія могли бы одобрить ихъ

выборъ. Но когда были названы ихъ имена, они были встрѣчены восторженными криками толпы. Этими тремя избранниками были д-ръ Джонъ Тейлоръ, Джорджъ Джуліанъ Гарней и Робертъ Лоурей. Докторъ Тейлоръ происходилъ изъ семьи, жившей въ графствѣ Айра, гдѣ у нея была значительная собственность. Нѣкоторое время онъ жилъ въ Гласго, гдѣ издавалъ газету подъ названіемъ *Гласговскій Освободитель* (*Glasgow Liberator*), но она просуществовала недолго, можетъ быть, потому, главнымъ образомъ, что вниманіе доктора было отвлечено болѣе настойчивыми обязанностями. Онъ служилъ довольно долго морскимъ врачемъ и обладалъ искренностью, великодушіемъ и мужествомъ сыновъ Нептуна. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ жилъ также во Франціи и сблизился тамъ съ самыми пламенными и восторженными сторонниками демократіи. Съ раннихъ лѣтъ онъ привыкъ безпечно относиться ко всему, что касалось его самого; общество, среди котораго онъ вращался, а также его природный мужественный характеръ выработали въ немъ убѣжденіе, что самымъ короткимъ и вѣрнымъ путемъ успѣха была насильственная революція. Тейлоръ находился въ это время въ полномъ расцвѣтѣ силъ, ему было около тридцати четырехъ лѣтъ. Въ его внѣшности было что-то романтическое, и онъ производилъ всегда самое благопріятное впечатлѣніе. Немного выше средняго роста, пропорціонально сложенный, съ красивымъ интеллигентнымъ лицомъ, съ большими блестящими темными глазами, черными густыми волосами, раздѣленными на проборъ и длинными локонами, спускавшимися ему на плечи, въ свободномъ матросскомъ костюмѣ, онъ служилъ воплощеніемъ безпечной свободы, и эта безпечность выражалась какъ въ его рѣчахъ, такъ и во всей его внѣшности. Онъ не принадлежалъ къ многорѣчивымъ скучнымъ ораторамъ, наслаждающимся своими рѣчами, главнымъ образомъ, потому, что не доставляютъ наслажденія никому больше. Его рѣчи продолжались, самое большее, двадцать минутъ или полчаса. Но слова лились все время чистымъ непрерывнымъ ручьемъ, безъ лишней паузы, съ самымъ пылкимъ краснорѣчіемъ съ выразительной мимикой, а его голосъ, хотя и громкій, былъ необыкновенно музыкаленъ. Однимъ словомъ, ни одинъ ораторъ не обладалъ въ такой степени счастливымъ соединеніемъ природнаго дара съ артистическимъ умѣніемъ, какъ д-ръ Джонъ Тейлоръ. Кромѣ того, онъ никогда не прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ демагоговъ. Онъ никогда не искалъ эффектныхъ фразъ, что-

бы вызвать народное одобреніе, никогда не хвастался своими жертвами для народа. Онъ никогда не говорилъ о себѣ, и изъ его рѣчей едва ли можно было когда узнать о существованіи д-ра Тейлора. Успѣхъ дѣла былъ для него всегда на первомъ планѣ и гораздо важнѣе его собственнаго успѣха. Онъ былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ искреннихъ, честныхъ, безстрашныхъ, прямолинейныхъ и безкорыстныхъ демократовъ нашего времени.

Мы не можемъ съ такимъ же одобреніемъ отнестись къ Джоржу Джуліану Гарнею, но, ради справедливости, должны сказать, что никогда ни одной минуты не сомнѣвались, какъ многіе другіе въ то время, въ его горячемъ сочувствіи демократическому движенію. Гарней старался придать такую же безпечность своимъ манерамъ, какъ и его товарищъ, но у него они были слишкомъ искусственны, и болѣе наблюдательные его друзья не только замѣчали это, но страдали за него, тогда какъ враги смѣялись надъ нимъ. Одной изъ главныхъ его слабостей было тщеславіе. Но ему это можно было извинить, такъ какъ онъ только что достигъ зрѣлости—возрастъ очень опасный даже для людей съ болѣе твердымъ характеромъ, пользующихся извѣстностью въ эти годы, а у Гарнея характеръ былъ не изъ сильныхъ. Мы не хотимъ бросить тѣнь на его способности, онъ обладалъ ими въ значительной мѣрѣ, но часто люди съ большими дарованіями думаютъ о себѣ больше, чѣмъ они этого заслуживаютъ, и Гарней не былъ свободенъ отъ этой слабости. У него не было ни безыскусственности, ни непосредственности д-ра Тейлора, напротивъ, его темные проницательные глаза, полузакрытые густыми бровями, ни минуты не оставались спокойными, его взглядъ перебѣгалъ съ предмета на предметъ, какъ будто бы никому не довѣряя; мстительная складка около губъ указывала на то, что его опасно было имѣть врагомъ, и опытъ подтверждалъ потомъ вѣрность этого впечатлѣнія, но надо также сказать, что рѣдкій человѣкъ могъ съ такой силой привязываться къ тѣмъ, кого онъ считалъ своими друзьями. Въ ранніе дни своей политической жизни Гарней стремился стать Маратомъ англійской революціи. Его обвинили разъ даже въ томъ, что онъ сравнивалъ себя съ нимъ. Онъ гораздо лучше владѣлъ перомъ, чѣмъ рѣчью, и какъ ораторъ никогда не достигалъ большаго искусства. Онъ могъ говорить въ теченіе двухъ часовъ подрядъ, но съ такою неувѣренностью, что любителямъ ораторскаго искусства было тяжело слушать его рѣчь. Въ болѣе спо-

койныя времена онъ никогда бы не достигъ сколько-нибудь выдающагося положенія, какъ ораторъ, но тогда времена были неспокойныя, былъ большой спросъ на сильныя слова, и толпа ничего другого не желала. Гарней отвѣчалъ на требованіе политическаго рынка, и въ этомъ отношеніи отличался большою щедростью; иногда его крайности доходили до безсмыслицы, но толпѣ блестящая мишура часто кажется настоящимъ золотомъ. Болѣе извѣстные политическіе дѣятели, благодаря его крайностямъ, принимали его за шпіона, но для такого предположенія не было никакого основанія. Многіе молодые люди съ непоколебимой честностью также безумствовали въ свое время, какъ Джорджъ Джуліанъ Гарней.

Третій человѣкъ весьма отличался отъ двухъ предшествующихъ. Лоурей принадлежалъ къ рабочему классу, и былъ по ремеслу портнымъ. У него были изуродованныя и страшно слабыя ноги; занятіе его доставляло ему много страданій, такъ какъ онъ не обладалъ достаточнымъ здоровьемъ. Онъ былъ скорѣе маленькаго роста съ интеллигентнымъ и пріятнымъ выраженіемъ лица, которое становилось еще лучше при внезапномъ возбужденіи, когда глаза его, обыкновенно спокойные, зажигались блескомъ и жизнью. Дать понятіе объ его краснорѣчіи нѣсколько трудно, но во всякомъ случаѣ оно было выше средняго. Его рѣчь была медленна и спокойна, но именно благодаря этому дѣйствовала съ большою силою на аудиторію. Его голосъ былъ не особенно музыкаленъ, но не непріятенъ, и онъ говорилъ громко и отчетливо. Основательностью и ясностью аргументаціи онъ превосходилъ большинство ораторовъ. Ему не надо было стараться быть логичнымъ, онъ обладалъ неизсякаемымъ источникомъ самыхъ основательныхъ доводовъ для всего, что бы онъ ни защищалъ, и хотя онъ никогда не достигалъ высшаго искусства краснорѣчія, его рѣчи были симпатичны, сильны и даже возвышенны. Его языкъ обыкновенно не отличался такими крайними и рѣшительными выраженіями, какъ языкъ его товарищей, но потокъ событій увлекалъ часто его за собою, и казалось иногда, что и онъ не былъ противникомъ доктрины физическаго насилія. Но надѣленный отъ природы довольно большою осторожностью, онъ рѣдко переходилъ извѣстныя границы. Слѣдующія выдержки могутъ дать ясное представленіе объ его сдержанности. Такъ какъ возбужденіе все росло, то начали ходить слухи, что прави-

тельство организуетъ милицію. Въ одной изъ своихъ рѣчей Лоурей коснулся этого вопроса въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Намъ говорятъ о намѣреніяхъ правительства организовать милицію, и я слышалъ, что молодые люди устраиваютъ клубы, для того чтобы увеличить свою силу. Но если правительство будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи, то мой совѣтъ не устраивать клубы, но взять оружіе, которое вамъ предлагаютъ, а какое сдѣлать изъ него употребленіе, это я предоставляю вашему собственному усмотрѣнію и осторожности“.

Невозможно не понять смыслъ этой рѣчи, но никто не могъ бы утверждать, что онъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ употребить оружіе противъ правительства.

Эти три человѣка были предложены митингу, какъ наиболѣе подходящіе для представительства въ Конвентѣ и послѣ того какъ было произнесено еще нѣсколько рѣчей толпа утвердила предварительные выборы Совѣта, единогласно высказавшись за его избранниковъ.

Доргемское графство не отставало отъ своего сосѣда въ выраженіи сочувствія быстро развивающемуся демократическому движенію. Центромъ демократическихъ радикаловъ служилъ Сендерлендъ, какъ наибольшій городъ въ этой мѣстности. Населеніе его съ горячимъ сочувствіемъ относилось къ дѣлу и выдвинуло изъ своей среды бо́льшее число ораторовъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ особенности два молодыхъ человѣка держали подъ своимъ обаяніемъ представителей рабочаго класса. Это были Джемсъ Вилльямсъ и Джоржъ Биннсъ. Они агитировали вмѣстѣ, такъ какъ одинъ обыкновенно поддерживалъ другого на многочисленныхъ митингахъ, устраиваемыхъ въ различныхъ частяхъ графства. Оба они по темпераменту и по наклонностямъ совершенно не походили другъ на друга. Самая ихъ наружность указывала на ихъ полное несходство. У Вилльямса были скорѣе крупныя черты, въ выраженіи его лица было что-то скрытное и хитрое, ускользавшее отъ взора ненаблюдательныхъ и мало вдумчивыхъ людей, но бросавшееся въ глаза болѣе опытнымъ физіономистамъ. Онъ обладалъ довольно большою логическою способностью, но къ его яснымъ и глубокимъ разсужденіямъ примѣшивалось часто столько софизмовъ, что было иногда трудно различить истину отъ лжи. Онъ говорилъ обыкновенно спокойно, медленно и увѣренно, предпочитая лучше остановиться, чѣмъ произнести слова, о которыхъ

потомъ, пожалуй, пришлось бы пожалѣть. Его можно было назвать скорѣе хорошимъ ораторомъ, но исключительно интеллектуальнымъ. У него почти совсѣмъ не было чувства, что даетъ такую силу настоящему истинному оратору. Не боясь быть несправедливымъ, мы можемъ утверждать, что даже когда онъ увлекался предметомъ своей рѣчи, и чувства его поднимались на доступную имъ высоту, даже тогда умъ его оставался господиномъ и держалъ его чувства въ точно опредѣленныхъ границахъ.

Джоржъ Биннсъ, напротивъ, былъ человѣкомъ, у котораго душа властвовала надо всѣмъ. Онъ также обладалъ сильнымъ и яснымъ умомъ, но совершенно былъ лишенъ хитрости и макіавеллистическихъ свойствъ своего товарища. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что онъ былъ красивымъ человѣкомъ. Какъ ораторъ, онъ обладалъ свободной, ясной, легкой, изящной и образной рѣчью. Онъ только что достигъ зрѣлости и былъ въ томъ возрастѣ, когда у людей съ его темпераментомъ душа сквозитъ въ каждомъ словѣ. Все, что онъ ни говорилъ, было проникнуто полной непосредственностью. Онъ не искалъ красивыхъ, отдѣланныхъ фразъ, но строгое чувство справедливости и долга сквозило въ каждой его фразѣ и дышало въ каждомъ его словѣ. Любопытно отмѣтить здѣсь, какъ геній обращаетъ въ ничто самое тщательное воспитаніе, разрушая въ одинъ день работу цѣлой полжизни. Родители Биннса принадлежали къ Обществу Друзей, члены котораго часто были очень хорошими людьми въ узкомъ смыслѣ этого слова, но употребляли самыя старательныя и настойчивыя усилія для подавленія страстей. Само собой разумѣется, что, какъ квакеры, они держались принциповъ мирнаго развитія общества, но всѣ ихъ старанія привить своему сыну холодные и безстрастные принципы секты остались безплодны. Они занимались торговлей сукна и посвятили своего сына во всѣ тайны коммерческаго дѣла, но даже мелкія и кропотливыя исчисленія барышей не могли надломить души Джоржа Биннса. Онъ былъ чистымъ самородкомъ. Дѣло его отца такъ мало соотвѣтствовало его вкусамъ и наклонностямъ, что онъ оставилъ его, едва достигнувъ совершеннолѣтія, и присоединился къ Вилльямсу для болѣе подходящаго ему печатнаго ремесла и продажи книгъ. Такъ какъ демократическое теченіе все развивалось, то продажа книгъ этого направленія достигла бѣшеныхъ размѣровъ, и молодой ораторъ былъ вполнѣ въ своей стихіи, распространяя знаніе.

которое, по словамъ поэта, часто повторявшимся имъ въ его аудиторіяхъ было: Крыльями, на которыхъ мы взлетаемъ къ небесамъ".

„Вилльямсъ и Биннсъ держали Доргемское графство въ постоянномъ возбужденіи. Рѣдкій день въ недѣлю проходилъ безъ одного или нѣсколькихъ митинговъ. Если нельзя было достать залъ, кровлей служилъ широкій сводъ небесъ, и огромное число собраній происходило на открытомъ воздухѣ. Когда Джонъ Коллинсъ возвращался изъ Шотландіи, было рѣшено воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы устроить большую демонстрацію на открытомъ воздухѣ. Передъ этимъ Коллинсъ два вечера говорилъ на митингѣ въ Ньюкастлѣ, служившемъ подготовительнымъ собраніемъ для первой большой демонстраціи, устроенной на Городскомъ полѣ. Въ Сендерландѣ было свое поле такъ же, какъ и въ Ньюкастлѣ, и было рѣшено устроить митингъ тамъ. Процессія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ прошла черезъ городъ съ музыкой и знаменами, на одномъ изъ которыхъ была слѣдующая надпись: „Истинная аристократія націи—это рабочіе", а на другомъ—„Союзъ смѣлыхъ и свободныхъ это великое и благородное дѣло; дѣло, которое будетъ имѣть успѣхъ и должно непремѣнно восторжествовать". Передъ митингомъ соединенные оркестры заиграли прекрасный старинный военный патріотическій гимнъ:

„Scots wha ho'e wi'Wallace bled".

Джемсъ Вилльямсъ предсѣдательствовалъ и сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Шесть или семь лѣтъ тому назадъ мы встрѣтились на этомъ мѣстѣ, для достиженія того, въ чемъ, какъ мы думали тогда, заключалась наша свобода. Мы соединились тогда съ среднимъ классомъ, боровшимся за свои права, — мы добились для нихъ политической свободы, и мы надѣялись, что, въ благодарность, они помогутъ намъ добиться правъ для народныхъ массъ. Мы были обмануты, насъ предательски покинули, но мы снова собрались здѣсь полные силъ и мощи, и мы снова одержимъ побѣду. Я не стыжусь того, что мы были обмануты, я не сожалѣю о томъ, что народъ шелъ тогда впереди, его это покрыло славой, но за то покрыло позоромъ тѣхъ, кто покинулъ дѣло справедливости и человѣчности; я увѣренъ, что движеніе, развернувшееся теперь съ такой силой, не болѣе, какъ черезъ

годъ дастъ англійскому народу тѣ права, которыхъ его лишаетъ несправедливая и нехристіанская аристократія".

Посмотрите, какъ легко впадаетъ Вилльямсъ въ общую тогда всѣмъ ошибку, приписывая политическое рабство массъ одной аристократіи. Совершенно справедливо, что аристократія была противъ эмансипаціи народа, но огромной силой, соединившейся теперь съ аристократіей и болѣе могущественной, чѣмъ ея союзникъ въ дѣлѣ политическихъ проскрипцій—былъ средній классъ, классъ воспользовавшійся поддержкой массъ, какъ это утверждалъ самъ Вилльямсъ, для достиженія власти и обѣщавшій взамѣнъ такую же власть для нихъ. Говорить послѣ этого, что аристократія лишила народъ его правъ, было хуже, чѣмъ безсмыслица. Палата Общинъ была отвѣтственна за всѣ тяжелыя условія, среди которыхъ приходилось работать народу, а она состояла преимущественно изъ представителей средняго класса.

Только что М'Кинни обратился съ рѣчью къ митингу, защищая первую резолюцію, какъ раздался громъ, и дождь полилъ настоящимъ потопомъ. При такихъ условіяхъ невозможно было говорить и рѣшено было перенести митингъ въ залъ Собранія, гдѣ онъ и закончился.

Чтобы дать понятіе о пылкомъ краснорѣчіи Биннса, мы приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ его рѣчи:

„Тысяча восемьсотъ лѣтъ тому назадъ была провозглашена простая и высокая доктрина равенства. Ее проповѣдывали, ей вѣрили, ей слѣдовали, но эта доктрина давно уже забыта, и теперь мы видимъ только нехристіанское себялюбіе. Но у народа есть одно средство, никогда ему не измѣняющее, и онъ снова прибѣгнетъ къ нему,—я надѣюсь, въ послѣдній разъ,—и соединится для своего возрожденія. Пусть тираны называютъ васъ неумытыми грубіянами, пусть осыпаютъ васъ самыми скверными эпитетами, которые только можетъ придумать ихъ извращенное воображеніе, но пусть они вспомнятъ также, что встрѣтятся съ вами на послѣднемъ Судѣ и займутъ свои мѣста рядомъ съ бѣдняками. Тираны хвалятся своею дисциплиной, но народъ можетъ похвалиться своею численностью и энергіей. Тираны могутъ прибѣгнуть къ жестокости, но у народа есть мужество. Насъ соединяютъ не себялюбивые узы. Пусть они хвалятся своими Веллингтонами, за насъ стоитъ Богъ".

Для того, чтобы имѣть представленіе о томъ, какой эффектъ производили эти и подобныя ей рѣчи, надо было слышать Биннса.

Его часто прерывали громкими возгласами одобренія, а заключительныя слова вышепроизнесенной рѣчи произвели магическое дѣйствіе: все собраніе привѣтствовало страстнаго и краснорѣчиваго оратора самыми бурными аплодисментами. Коллинсъ, какъ гость, принимавшій къ тому же дѣятельное участіе въ организаціи массъ, былъ, само собою разумѣется, героемъ дня. Онъ разсказалъ митингу о причинахъ, побудившихъ его принять участіе въ агитаціи. Съ восьми-лѣтняго возраста до того времени, какъ онъ примкнулъ къ демократическому движенію, ему приходилось работать по пятнадцати часовъ въ день. Онъ сказалъ также, что все же не покидалъ своего дома до тѣхъ поръ, пока не увидалъ двадцать тысячъ семей, состоявшихъ въ общемъ изъ восьмидесяти или ста тысячъ человѣкъ, отданныхъ на попеченіе общественной благотворительности. Тогда онъ не могъ больше выдержать и пошелъ къ народу, чтобы узнать, захочетъ ли онъ наконецъ постоять за себя или предпочтетъ зависѣть отъ благодѣянія другихъ. Коллинсъ продолжалъ:

„Въ законодательномъ собраніи имѣются представители интересовъ всѣхъ за исключеніемъ интересовъ народа. Церковь, судъ, интересы землевладѣльцевъ и капиталистовъ, все это процвѣтаетъ. Джекъ говоритъ Тому: „Не хочешь ли помочь мнѣ провести билль въ пользу землевладѣльцевъ! — Конечно, отвѣчаетъ Томъ, но и ты въ свою очередь помоги мнѣ провести билль въ пользу капиталистовъ. Джекъ поддерживаетъ требованія Тома, Томъ поддерживаетъ требованія Джека, а народъ становится жертвою того и другого. Если бы волку нужно было издавать законы для ягнятъ, а аисту для рыбъ, то они, конечно, поставили бы ягнятъ и рыбъ въ такія условія, при которыхъ имъ было бы легче питаться ими. Эксклюзіонисты говорятъ, что народъ не способенъ выбирать для себя подходящихъ представителей, но этотъ аргументъ можетъ оказать плохую услугу людямъ, избирающимъ Палату, готовую сегодня отмѣнить рѣшеніе, принятое ею вчера; аргументъ этотъ ложенъ; развѣ у народа нѣтъ благотворительныхъ и другихъ обществъ? И если кто нибудь изъ дѣятелей этихъ обществъ нарушаетъ свои обязанности, то у народа всегда хватаетъ ума, чтобы отставить его отъ должности. Но мы не будемъ скрывать грустной правды, что во многихъ отношеніяхъ народъ теряетъ свои способности, и если онъ непригоденъ теперь, то потомъ сдѣлается еще менѣе пригоднымъ. Я исхожу изъ вѣчныхъ прин-

циповъ права. Предположимъ, что кто нибудь предъявляетъ свои права на имѣніе,—развѣ судья можетъ сказать ему, что онъ слишкомъ невѣжественъ, чтобы управлять имъ? Нѣтъ, нѣтъ! Какъ онъ ни невѣжественъ, имѣніе все же попадетъ въ его руки, и онъ сразу сдѣлается способнымъ для законодательства".

Когда Коллинсъ закончилъ свою рѣчь, Биннсъ выступилъ снова и сказалъ, что прежде, чѣмъ будетъ поставлена резолюція, онъ обращается къ нимъ съ просьбой показать, что они готовы идти вмѣстѣ съ Бирмингамцами даже на смерть, если понадобится. Эти слова оратора были встрѣчены митингомъ самыми бурными рукоплесканіями, послѣ чего Національная Петиція была принята единогласно. Затѣмъ все собраніе съ музыкой и знаменами отправилось провожать Коллинса до почтовой кареты, въ которой онъ отправился въ Лидсъ среди громовыхъ рукоплесканій и звуковъ оркестровъ, игравшихъ веселые патріотическіе гимны. Все имѣло самый веселый видъ, и Сендерландскій народъ былъ преисполненъ надеждъ на быстрый успѣхъ національнаго дѣла. Въ этотъ же день послѣ большого митинга былъ устроенъ вечеръ, на которомъ предсѣдательствовалъ Вилльямсъ, а Биннсъ и Лоурей были главными ораторами. Значительную часть рѣчи Лоурей стоитъ привести, такъ какъ она служитъ лучшимъ образчикомъ его краснорѣчія.

„Я другъ демократіи, потому что это политическій законъ Бога. Я за свободу, потому что она воздвигнетъ справедливость въ своемъ храмѣ,—справедливость будетъ ей трономъ, а миръ—алтаремъ. Притѣснители могутъ скрежетать зубами и ревѣть, но указъ объ ихъ истребленіи уже изданъ; Господь рѣшилъ, что притѣснители должны погибнуть; пусть блестятъ ихъ штыки, пусть гремитъ громъ ихъ артиллерій, — свобода глянетъ имъ прямо въ лицо, и они содрогнутся и умолкнутъ передъ нею. Подобно огню весталокъ на древнихъ алтаряхъ, она никогда не угаснетъ, она пройдетъ отъ хребтовъ Айкоса до вершинъ Андъ и будетъ изливать радость, веселье и счастье на родъ человѣческій".

Демократы Мидланда не замедлили отвѣтить на собранія Гласго, Ньюкастля и Сендерланда. Жители Нордгемптона, наиболѣе центральнаго изъ значительныхъ городовъ Англіи, рѣшили выразить свое сочувствіе движенію устройствомъ митинга на открытомъ воздухѣ, на который они пригласили Генри Винсента. Эта

демонстрація была устроена подъ руководствомъ Ассоціаціи Рабочихъ и чтобы придать ей особый интересъ, она была назначена на 1-е августа 1838 года, въ годовщину освобожденія отъ рабства. Выраженіе „освобожденіе отъ рабства“ должно быть понято здѣсь въ условномъ смыслѣ, такъ какъ рабы, въ честь освобожденія которыхъ рабочіе устроили свой митингъ, находились и въ то время въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ они, но народъ рѣшилъ собраться, чтобы показать свое собственное рабство и придти къ рѣшенію сбросить съ себя оковы, державшіе его въ подчиненіи. Рабство имѣетъ разнообразныя формы, но каждая система, которая стремится поставить трудъ, жизнь и судьбу человѣка въ распоряженіе другого, заслуживаетъ этого позорнаго наименованія.

Надо было придать собранію возможно большее значеніе, какъ этого заслуживало дѣло, и потому было рѣшено для привлеченія вниманія публики къ митингу не жалѣть никакихъ расходовъ. Были развѣшены объявленія, составленныя въ самыхъ сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, возвѣщавшія, что процессія двинется отъ Рыночнаго сквера въ три часа; и къ этому времени скверъ и прилегающія къ нему улицы приняли самый оживленный видъ. Многочисленные флаги, спеціально приготовленные для торжества, съ различными эмблемами либеральныхъ принциповъ, красиво колыхались при дуновеніи лѣтняго вѣтерка. Члены Ассоціаціи появились съ трехцвѣтными розетками на груди. Когда процессія выстроилась, оркестръ заигралъ веселый мотивъ, и народъ двинулся впередъ въ почти военномъ порядкѣ. Процессія прошла по главнымъ улицамъ, все увеличиваясь по мѣрѣ того, какъ двигалась, и дошла наконецъ до бѣгового круга, подмостки котораго могли служить прекрасной платформой для ораторовъ.

Къ этому демократическому собранію нельзя было относиться поверхностно, какъ по выступавшимъ тамъ талантливымъ ораторамъ, такъ и по составлявшимъ его общественнымъ элементамъ. Главную часть собранія составляли, конечно, рабочіе, но на платформѣ выступали въ довольно значительномъ количествѣ и представители средняго класса. Такъ какъ митингъ долженъ былъ поднять значеніе и вліяніе рабочихъ массъ, то предсѣдателемъ былъ избранъ рабочій Джозефъ Райтъ, поденщикъ-сапожникъ. Рѣчь предсѣдателя при открытіи митинга отличалась простотою, здравымъ смысломъ и довольно большимъ знакомствомъ съ

дѣломъ. Существующіе законодатели страны подверглись его осужденіямъ; но какъ бы для того, чтобы показать силу обстоятельствъ и слабость человѣческой натуры, этотъ самый человѣкъ, вскорѣ послѣ того, поступилъ на службу въ полицію, гдѣ достигъ значительныхъ степеней и сдѣлался такимъ образомъ открытымъ слугою того самаго правительства, которое онъ такъ горячо осуждалъ. Однимъ изъ ораторовъ былъ также Его Преп. Джонъ Дженкинсонъ изъ Кеттеринга; его рѣчь была образна, сильна и остроумна; текстомъ ему послужила надпись на Кеттерингскомъ флагѣ: „Справедливость для всѣхъ“, и онъ прекрасно справился съ своей задачей. Его Преп. Ж. С. Микъ, Уніатаріанскій священникъ, тоже обратился съ рѣчью къ митингу, соединяя глубину аргументаціи съ смѣлыми и мужественными выраженіями, а мѣстный фермеръ, по имени Бердеттъ, оживилъ все собраніе удивительнымъ стариннымъ англійскимъ юморомъ, заслужившимъ всеобщее одобреніе.

Но, само собой разумѣется, главнымъ героемъ дня, рѣчь котораго ожидалась съ большимъ нетерпѣніемъ, былъ Генри Винсентъ, и онъ не обманулъ возлагавшихся на него ожиданій и надеждъ. Какъ разъ въ ту минуту, когда ораторъ началъ говорить, небеса потемнѣли и полилъ сильный дождь. Большой ливень дѣйствуетъ, какъ холодильникъ, даже на самыя восторженныя собранія. Митингъ зашевелился, но Винсентъ, вполнѣ защищенный отъ дождя огромнымъ зонтикомъ, который одинъ изъ его друзей держалъ надъ его головою, воскликнулъ ободрительнымъ голосомъ съ самой веселой улыбкой на лицѣ: „Исполняйте свой долгъ, друзья мои! маленькій дождь не бѣда!“ И изъ чувства-ли стыда, или изъ какого болѣе благороднаго мотива, но густая масса народа покорно подчинилась его требованію. Разъ Винсентъ началъ свою рѣчь, нечего было бояться, что собраніе разойдется. Онъ приковывалъ къ себѣ вниманіе каждой души. На этотъ разъ онъ превзошелъ себя. Виги заслужили его самыя ядовитыя замѣчанія. Онъ показалъ, въ какомъ противорѣчіи находился ложный патріотизмъ этой партіи съ ихъ деспотическими наклонностями, когда они, благополучно добравшись до власти, укрылись подъ сѣнью различнаго рода должностей. Контрастъ этотъ произвелъ самое большое впечатлѣніе на публику, и рѣчь его прерывалась взрывами смѣха и громкими восклицаніями. Тѣмъ не менѣе Винсентъ не совсѣмъ вѣрно и правдиво представилъ дѣло:

необходимо знать, что если средній классъ и обѣщалъ что либо народу, лордъ Джонъ Россель и его аристократическіе друзья никогда не выражали сочувствія Демократіи. Правда, они пересыпали свои рѣчи общими мѣстами о народныхъ правахъ и конституціонной свободѣ, которымъ можно было придать какой угодно смыслъ, но подъ которыми они сами разумѣли только право средняго класса дѣлить съ Аристократіей господство надъ работающими милліонами. Но какъ ужъ было замѣчено выше, въ тѣ времена массы легко удовлетворялись общими мѣстами; они рѣдко старались вникнуть въ смыслъ этихъ фразъ. Такъ легко всегда обманывать людей разными краснорѣчивыми уловками. Когда Винсентъ закончилъ свою рѣчь, резолюція въ пользу Хартіи была принята единогласно.

Прежде, чѣмъ Винсентъ уѣхалъ, было устроено еще три митинга, одинъ изъ нихъ на слѣдующій вечеръ въ залѣ Ассоціаціи, гдѣ онъ произнесъ одну изъ самыхъ удачныхъ рѣчей. Рѣдкій человѣкъ умѣлъ такъ искусно пользоваться изреченіями изъ какого нибудь любимаго автора; онъ до такой степени всецѣло овладѣвалъ имъ, и такъ умѣлъ вплести его въ нить своей рѣчи, что почти невозможно было догадаться, что это изреченіе не принадлежало ему самому. Хотя онъ и говорилъ (иногда), что оно было заимствовано, но развитіе мысли было до такой степени блестяще, что изреченіе пріобрѣтало особое значеніе и дѣйствовало съ такою же силою, какъ и его могучее краснорѣчіе. Онъ воспитывался въ политической школѣ Томаса Пена и въ вышеупомянутый вечеръ закончилъ свою, блестящую по внѣшности, рѣчь слѣдующими хорошо извѣстными словами этого республиканскаго писателя: „Неправда, что Богъ создалъ богатыхъ и бѣдныхъ; онъ создалъ мужчинъ и женщинъ и отдалъ имъ въ наслѣдіе землю“. Никто другой изъ ораторовъ не могъ бы развить эту мысль съ большею силою. Блестящее краснорѣчіе, театральные жесты, пылкое, возбужденное лицо оратора вызывали цѣлый рядъ самыхъ бурныхъ апплодисментовъ.

Второй митингъ въ закрытомъ помѣщеніи былъ назначенъ въ одномъ изъ самыхъ большихъ залъ города. О немъ были уже вывѣшены объявленія, но, благодаря нѣкоторымъ консервативнымъ вліяніямъ, въ день митинга комитету было отказано въ помѣщеніи въ очень вѣжливой формѣ, какъ разъ въ то время, когда они пришли уже за ключемъ. Найти другой залъ было невозможно.

Имъ оставалось только собраться на рыночномъ скверѣ. Тамъ быстро образовалась большая толпа въ сильномъ негодованіи на эти мелочныя преслѣдованія, заставлявшія ее слушать ея любимаго оратора на открытомъ воздухѣ. Вліяніе Винсента на слушателей возрасло въ этотъ вечеръ еще болѣе. Въ его наружности было поистинѣ что-то величественное, а его слова звучали смѣлѣе, чѣмъ когда либо. Онъ призывалъ народъ не вѣрить правительству и чиновникамъ и сравнивалъ ихъ съ самыми отвратительными твореніями природы. Эта острая пища была какъ нельзя болѣе по вкусу народу; ее смаковали съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что она была въ изобиліи снабжена всевозможными острыми приправами.

На слѣдующій вечеръ Винсентъ произнесъ прощальную лекцію о сравнительномъ образованіи различныхъ классовъ въ залѣ Ассоціаціи. Во время рѣчи онъ съ неподражаемой мимикой изображалъ высшіе классы. Онъ разсказалъ, какъ во время публичнаго митинга, устроеннаго въ честь восшествія на престолъ Ея Величества, онъ, бѣдный наборщикъ, прогналъ съ предсѣдательскаго кресла маркиза Лондондерри. Онъ такъ забавно изображалъ грозное бормотанье благороднаго лорда, что его голосъ заглушался взрывами смѣха. Послѣ этихъ митинговъ списки Ассоціаціи увеличились четырьмя стами новыхъ членовъ; потокъ демократическаго движенія несся со все увеличивающейся быстротой и угрожалъ снести значеніе старыхъ Виговъ и Торн. Дальше мы увидимъ, насколько это движеніе имѣло за собою солидное основаніе и насколько оно было дѣломъ минутной вспышки; но какъ бы тамъ ни было, нельзя отрицать значенія, которое ему придавали всѣ классы. Пресса не могла не высказаться по поводу этихъ событій, *Меркурій* (*Mercury*) Виговъ только жеманился, но *Геральдъ* (*Herald*) Тори, признавая за Винсентомъ легкость рѣчи и тактъ, не щадилъ по его адресу самыхъ грубыхъ выраженій и старался изобразить въ комичномъ видѣ распространяемые имъ принципы. Онъ доказывалъ, что митинги состояли изъ небольшой толпы оборванныхъ сапожниковъ. Почтенный издатель *Геральда* былъ священникъ; онъ сознательно искажалъ истину, говоря о малочисленности митинговъ, такъ какъ митинги были всегда многочисленны и состояли изъ представителей различныхъ классовъ. Наши мысли невольно обращаются къ началу Христіанской эры. Если бы Его Преподобіе жилъ въ тѣ времена, то что бы онъ писалъ объ Осно-

вателѣ христіанства и объ Его апостолахъ, бѣдныхъ Галилейскихъ рыбакахъ? Горе вамъ, распространители святотатственной лжи! Вамъ, лицемѣрнымъ обманщикамъ легковѣрныхъ и довѣрчивыхъ людей! Вамъ, акробатамъ лжи и самыхъ низкихъ уловокъ! Вамъ, предателямъ великихъ и святыхъ принциповъ справедливости и равенства, провозглашенныхъ Тѣмъ, кого вы съ лицемѣрною дерзостью называете вашимъ учителемъ, но ученіе котораго вы распинаете непрерывно между вашимъ низкимъ угодничествомъ несправедливой власти и вашей ненасытной жаждой золота!

ГЛАВА III.

Прогрессъ движенія.

Послѣдніе звуки ораторскаго голоса едва успѣли замереть въ Нортгэмптонѣ, какъ Бирмингамскій Совѣтъ рѣшилъ расширить свою дѣятельность. Бирмингамъ былъ почти всемогущимъ руководителемъ агитаціи, такъ какъ въ немъ самомъ и кругомъ него тѣснится густое рабочее населеніе. Ассоціаціи, организованныя тамъ для поддержки Билля о Реформѣ, подняли его значеніе среди другихъ городовъ, и кромѣ того у него было еще то преимущество, что онъ имѣлъ въ Парламентѣ своихъ собственныхъ представителей, руководившихъ движеніемъ. Нельзя было не считаться съ Томасомъ Атвудомъ, объявившимъ послѣ того, какъ Билль о Реформѣ былъ принятъ, что если бы реформы не были осуществлены, то онъ заставилъ бы придти въ столицу двѣсти тысячъ человѣкъ требовать ихъ узаконеній. Совѣтъ рѣшилъ устроить большой митингъ, избравъ мѣстомъ для собранія Голлоуэй-Гэдъ, гдѣ и раньше устраивались народныя демонстраціи, и употребилъ всѣ усилія, чтобы придать этому митингу какъ можно большее значеніе, и въ этомъ отношеніи достигъ полнаго успѣха.

Хотя въ такія возбужденныя времена склонны вообще къ преувеличиваніямъ, собраніе было дѣйствительно очень велико, и число лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе, доходило до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ. Къ девяти часамъ утра улицы были покрыты народомъ и представляли самый шумный и оживленный видъ. Мѣстомъ для сбора былъ назначенъ залъ Городской Думы въ десять часовъ утра; тамъ должны были собраться и члены Политическаго Союза. Залъ былъ переполненъ, каждое мѣстечко,

каждый уголокъ большого зданія были заняты; на этомъ митингѣ Совѣтъ Союза былъ избранъ на слѣдующій годъ.

Атвудъ, Сольтъ, Эдмундсъ отъ Политическаго Союза: О'Коннoръ, Мойръ, Перди отъ Шотландіи; д-ръ Уэдъ, Винсентъ и Гезерингтонъ отъ Лондона; Ричардсонъ отъ Манчестера и Фокнеръ отъ Оксфорда вошли въ залъ среди шумныхъ рукоплесканій, въ то время какъ по адресу „обманщиковъ виговъ и тирановъ тори" неслись громкія и откровенныя неодобренія. Нельзя не отмѣтить развѣвавшагося въ залѣ знамени, на которомъ были изображены три хлѣба различной величины, но помѣченные одной и той же цѣной, англійскій хлѣбъ самый маленькій, французскій побольше, а русскій самый большой изъ всѣхъ, внизу стояла надпись:

„Результатъ хлѣбныхъ законовъ".

Эдмундсъ заявилъ, что на митингѣ былъ О'Конноръ, избранный представителемъ отъ шести городовъ Іоркшира, между прочимъ отъ Лидса и Галифакса. Дугласъ прочиталъ отчетъ о денежныхъ дѣлахъ Союза, изъ котораго было видно, что, несмотря на большіе расходы, у Союза было еще около двухъ сотъ фунтовъ на агитаціонныя цѣли. Онъ сообщилъ также митингу, что изъ Уолсола прибыла депутація въ десять тысячъ человѣкъ. Это сообщеніе было встрѣчено громкими и единодушными рукоплесканіями. Когда выборы членовъ Совѣта закончились, процессія изъ разныхъ корпорацій двинулась по направленію къ Голлоуэй-Геду. Коллинсъ и Пирсъ, избранные церемоніймейстерами, ѣхали верхомъ на лошадяхъ передъ Бирмингамской корпораціей. Кромѣ того, тутъ было еще шесть другихъ корпорацій изъ Уолвэргэмптона, Уолсола, Дедлея, Гальсовэна, Варвика и Стедлея. Всѣ эти корпораціи прошли по улицамъ, направляясь къ главному мѣсту собранія, куда они прибыли въ часъ съ небольшимъ. Открытое мѣсто въ Голлоуэй-Гедѣ расположено въ формѣ амфитеатра, и подмостки устроены такимъ образомъ, что большое количество народа можетъ ясно видѣть ораторовъ и слышать ихъ на большомъ разстояніи. Представители различныхъ отраслей труда примкнули къ величественной процессіи, сопровождаемой знаменами и флагами съ различными надписями и девизами. Каждое сколько-нибудь удобное мѣсто, съ котораго можно было видѣть интересное собраніе, было занято съ самаго ранняго утра, и когда пришла процессія, то застала уже тамъ огромное стеченіе народа. Барабан-

ный бой возвѣстилъ о приближеніи процессіи, и воздухъ задрожалъ отъ громкихъ криковъ привѣтствія. Казалось, процессіи не будетъ конца: такимъ непрерывнымъ потокомъ двигалась огромная толпа. Трудно себѣ представить болѣе возвышенное зрѣлище, чѣмъ эта могучая волна все прибывавшаго народа.

Атвудъ былъ избранъ предсѣдателемъ и открылъ засѣданіе рѣчью въ духѣ свойственнаго ему направленія. Онъ заявилъ себя сторонникомъ мирныхъ средствъ и высказался рѣшительно противъ какихъ либо насильственныхъ мѣръ для достиженія успѣха народнаго дѣла, но разгорячаясь мало-по-малу, онъ сказалъ, что Законодательное собраніе не будетъ въ состояніи противиться требованію двухъ милліоновъ людей; если бы они не получили въ скоромъ времени удовлетворенія, то число ихъ увеличилось бы до пяти милліоновъ, и онъ угрожалъ Палатѣ Общинъ, что все это огромное количество народа будетъ вынуждено прибѣгнуть къ нѣкоторому давленію, если ему не будутъ даны его права. Въ случаѣ, если бы петиція не произвела надлежащаго впечатлѣнія, почтенный ораторъ совѣтовалъ устроить всеобщую забастовку на недѣлю: „въ теченіе этого времени пусть не поднимется ни одинъ молотокъ, пусть ни одна наковальня не издастъ ни одного звука, пусть не двинется ни одинъ челнокъ“, и онъ прибавилъ въ заключеніе, что, „хотя онъ и былъ противникомъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, но когда народъ подвергается притѣсненію, послѣдствія должны падать на голову притѣснителей. Онъ заявилъ также митингу, что если бы правительство осмѣлилось арестовать его при исполненіи имъ его мирныхъ обязанностей, сто тысячъ человѣкъ пошли бы требовать его освобожденія.

Но какъ-бы ни были мирны тѣ чувства, которыя Атвудъ хотѣлъ внушить своимъ слушателямъ, намъ кажется, что если бы они послѣдовали нѣкоторымъ изъ его совѣтовъ, то несомнѣнно вызвали бы тѣ послѣдствія, противъ которыхъ онъ, повидимому, такъ возставалъ. Послѣднее его замѣчаніе имѣло въ виду ничто иное, какъ физическое насиліе, если только предположить какой нибудь смыслъ въ этихъ словахъ; если бы сто тысячъ человѣкъ пошли бы всѣ для вышеуказанной цѣли и встрѣтили бы отказъ, то имъ оставалось бы только двѣ альтернативы: или добиться освобожденія Атвуда силой, или позорно отступить. Въ послѣднемъ случаѣ, все это шествіе туда и назадъ обратилось бы въ

самую смѣшную комедію и невольно напомнило бы всѣмъ шутливыя строки поэта:

„У храбраго стараго герцога Іоркскаго было десять тысячъ человѣкъ, онъ повелъ ихъ на большой высокій холмъ и спустился съ ними обратно“.

Другой планъ Атвуда о прекращеніи работъ тоже едва-ли могъ бы закончиться чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ насильственной революціи. Обезпеченные классы могли бы очень легко обойтись безъ наемнаго труда въ теченіе такого короткаго срока какъ недѣля, зная что въ концѣ этого времени народъ снова примется за работу. Нельзя совѣтовать народу прекращать работу, если для обезпеченія успѣха нѣтъ возможности прибѣгнуть къ болѣе сильнымъ средствамъ. Забастовка должна или имѣть успѣхъ, или закончиться примѣненіемъ физическаго насилія, иначе она можетъ привести къ самому плачевному результату и отодвинуть на неопредѣленное время поставленныя ею задачи. Мы сомнѣваемся, насколько самъ Атвудъ былъ готовъ взять на себя отвѣтственность за почти неизбѣжное послѣдствіе своихъ совѣтовъ, но его слова произвели неотразимое впечатлѣніе на собраніе и встрѣтили самое искреннее сочувствіе. Власть монарха не могла-бы сравниться съ властью Атвуда надъ этой огромной массой народа, и О'Конноръ первый поднялъ руку въ знакъ того, что онъ будетъ однимъ изъ этихъ ста тысячъ человѣкъ, которые пойдутъ требовать освобожденія предсѣдателя въ случаѣ его ареста.

Послѣ Атвуда говорили рѣчи его товарищъ Шольфильдъ, потомъ Мюнцъ, Дугласъ, Винсентъ, Мойръ и другіе. Послѣ предсѣдателя главнымъ героемъ дня былъ Фиргусъ О'Конноръ, рѣшившій не уступать Атвуду въ силѣ выраженій. Онъ совѣтовалъ собраться въ Лондонѣ въ количествѣ пяти сотъ тысячъ человѣкъ, когда петиція будетъ готова; сопровождать Атвуда съ петиціей въ Палату Общинъ и послать депутацію въ Палату съ заявленіемъ, что они ждутъ отвѣта на дворѣ Парламента. Но О'Конноръ пошелъ гораздо дальше этого. О содержаніи его рѣчи лучше всего можно судить по слѣдующей цитатѣ, взятой имъ изъ Мура:

„Then onward, our green standard rearing;
Go flesh every sword to the hilt.
On our side is Virtue and Erin
On their's is the Parson and Guilt.

Впередъ, съ высоко поднятыми зелеными знаменами.
Бейтесь, схватившись за рукоятку меча,
На нашей сторонѣ Доблесть и Эринъ,
На нихъ—пасторы и преступленіе.

Эта совершенно не подходящая цитата (не подходящая потому что она имѣла въ виду исключительно ирландскій народъ, тогда какъ О'Конноръ обращался къ собранію, состоявшему почти исключительно изъ англичанъ, и кромѣ того она касалась страданій всей страны, а не какой нибудь части населенія)—служила лучшимъ доказательствомъ его легкомыслія и недостатка вкуса и не позволяла возлагать большихъ надеждъ на тактъ этого великаго и могучаго агитатора. Такая цитата могла привести въ возбужденіе наиболѣе впечатлительныхъ слушателей въ данное время, но ничто не могло быть менѣе умѣстно для пользы дѣла и легко было предвидѣть, что эта выходка положитъ начало расколу, который въ свою очередь будетъ имѣть самыя роковыя послѣдствія для успѣха движенія. Многіе изъ руководителей не могли скрыть при этихъ словахъ своего неудовольствія, и не успѣлъ закончиться митингъ, какъ они выразили О'Коннору свое мнѣніе по этому поводу. Это показываетъ, что между ними и О'Конноромъ не было единогласія по отношенію къ агитаціоннымъ пріемамъ. Но все же нельзя сказать, что О'Конноръ былъ вполнѣ неправъ, если принять во вниманіе слова самого предсѣдателя. Онъ только разъяснилъ предполагаемый смыслъ совѣтовъ Атвуда, и если его рѣчь не была вполнѣ подходяща, то, во всякомъ случаѣ, его можно было извинить. Какъ ни рѣзокъ былъ языкъ О'Коннора, онъ нравился тѣмъ не менѣе толпѣ, да и всѣ его другія свойства выдѣляли его среди ораторовъ и располагали Бирмингамскую аудиторію въ его пользу. Наружность Байроновскаго Корсара:

„No giant frame set forth his common height",
(. . . . . . съ гибкимъ станомъ
И мощною рукой онъ не былъ великаномъ)

менѣе всего подходила къ нему, такъ какъ въ сравненіи съ другими людьми онъ былъ настоящимъ гигантомъ. Ростомъ выше шести футовъ, полный, атлетическаго сложенія, съ аристократической наружностью, несмотря на свои демократическія убѣжденія,

онъ однимъ своимъ видомъ внушалъ толпѣ благоговѣйное уваженіе. Вѣрной остается та истина, что, не смотря на ростъ цивилизаціи и на возрастающее уваженіе къ умственному превосходству, люди, въ общемъ, подчиняются обаянію физической силы. Единственнымъ физическимъ недостаткомъ О'Коннора была короткая шея, настолько короткая, что ее почти не было видно, но и этотъ недостатокъ не только не производилъ неблагопріятнаго впечатлѣнія, но напротивъ усиливалъ представленіе въ толпѣ о желѣзной силѣ этого могучаго человѣка.

Но О'Конноръ внушалъ невольное уваженіе массамъ не одной только физической силой. Его широкій ясный лобъ сильно выпуклый въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по мнѣнію френологовъ расположены у насъ органы воспріятія, обнаруживалъ большую интеллектуальную силу, хотя съ значительнымъ недостаткомъ мыслительной способности. Нельзя сказать, чтобы у него былъ основательный и стойкій умъ; съ большимъ интеллектомъ онъ соединялъ также и большое непостоянство. Если бы сила его сужденія равнялась быстротѣ его соображенія, онъ былъ бы по уму великимъ человѣкомъ, но ему именно не доставало этого главнаго свойства великаго ума; его жизнь представляла рядъ ошибокъ и противорѣчій, ронявшихъ его во мнѣніи людей, когда къ нему присматривались. Ни одинъ человѣкъ изъ участвующихъ въ движеніи не могъ достигнуть такой популярности, какъ О'Конноръ. Но ни одинъ также не могъ потерять ее такъ быстро. Всю силу его вліянія можно было оцѣнить только тогда, когда онъ начиналъ говорить, но и это въ значительной степени зависѣло отъ обстоятельствъ. Въ закрытыхъ помѣщеніяхъ Винсентъ стоялъ выше его. Но въ собраніяхъ на открытомъ воздухѣ О'Конноръ былъ почти всеобщимъ идоломъ; громовые раскаты его голоса достигали до ушей самыхъ безпечныхъ слушателей и принуждали къ молчанію самую шумную аудиторію. На Бирмингамскомъ митингѣ многіе ораторы могли бы поспорить съ нимъ въ искусствѣ краснорѣчія, но они стушевывались передъ этимъ человѣкомъ, голосъ котораго наполнялъ, казалось, своими звуками небесные своды, и который могъ-бы перекричать самого Стентора. Эффектъ его рѣчей былъ непреодолимъ, и онъ затмевалъ всѣхъ другихъ въ глазахъ этой огромной возбужденной толпы. Рѣзкія выраженія въ то время были въ большомъ ходу, и О'Конноръ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поправиться и увеличить свою временную

популярность Атвудъ, упомянувъ о ста тысячъ человѣкъ, указалъ ему исходный пунктъ, и онъ сейчасъ же воспользовался этимъ, чтобы показать, что въ погонѣ за популярностью онъ далеко можетъ опередить своихъ соперниковъ. Неудовольствіе Бирмингамскихъ лидеровъ противъ О'Коннора не долго держалось; всѣ резолюціи были единогласно приняты. Джоржъ-Фредерикъ Мюнцъ, Филиппъ-Генри Мюнцъ, Робертъ-Келли Дугласъ, Томасъ-Клеттонъ, Солтъ, Джоржъ Эдмундсъ, Бенжаменъ Гедлей, Джонъ Коллинсъ и Джонъ Пирсъ были избраны делегатами въ Конвентъ, который долженъ былъ собраться въ слѣдующемъ году, чтобы слѣдить за подачей петиціи и изыскивать средства для обезпеченія успѣха требованіямъ Демократіи. Надо замѣтить, что на Бирмингамскомъ митингѣ присутствовалъ Томъ Стиль, близкій другъ Даніеля О'Коннеля, выразившій, правда, свое согласіе отъ имени ирландскаго народа только на три пункта Хартіи изъ шести.

Вскорѣ за Бирмингамскимъ митингомъ послѣдовала радикальная демонстрація въ столицѣ, устроенная съ цѣлью оказать давленіе на Законодательное собраніе посредствомъ общественнаго мнѣнія. Подготовленія къ митингу велись подъ руководствомъ Ассоціаціи Рабочихъ, старавшейся придать ему возможно болѣе законный характеръ. Съ этою цѣлью Сэру Френсису Смедли, главному Вестминстерскому судьѣ была послана просьба, покрытая многочисленными подписями, почтить митингъ своимъ присутствіемъ. Сэръ Френсисъ согласился безъ малѣйшаго колебанія и назначилъ митингъ на 17 сентября въ полдень. Мѣстомъ для сборища долженъ былъ служить Palace Yard. Митингъ собрался въ назначенное время и въ назначенномъ мѣстѣ, но онъ не вполнѣ оправдалъ пылкія надежды и ожиданія партіи. Въ количественномъ отношеніи онъ совершенно не удался, въ особенности, если принять во вниманіе населеніе столицы. Количество собравшихся не превышало тридцати тысячъ. Если вспомнить, что въ Бирмингамѣ собралось двѣсти тысячъ, то легко судить, какъ незначительна была, въ сравненіи съ тѣмъ митингомъ, эта демонстрація. Здѣсь прекрасно выразился недостатокъ интереса у столичныхъ жителей къ политическимъ вопросамъ. Огромная разница между столицами Франціи и Англіи въ ихъ отношеніяхъ къ народнымъ движеніямъ въ пользу демократическихъ учрежденій могла-бы служить достойнымъ предметомъ

изученія для политическаго философа. Во Франціи Парижъ всегда былъ великимъ агитаціоннымъ центромъ, дававшимъ толчекъ провинціямъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что во всѣхъ передовыхъ народныхъ движеніяхъ Парижъ былъ Франціей, потому что вся остальная Франція поднималась только по его приказанію. Всѣ происходившія во Франціи революціи подтверждаютъ истину этого замѣчанія. Лондонъ, напротивъ, если поднимается, то только подъ вліяніемъ какой нибудь внѣшней силы. Обыкновенно ему даютъ толчекъ провинціи, и создать въ немъ глубокое и здоровое общественное мнѣніе кажется почти невозможнымъ. Достойно также замѣчанія, что большинство лидеровъ народнаго движенія въ Лондонѣ были родомъ не изъ столицы, но переселились въ нее изъ провинціи. Лондонскіе жители рѣдко интересуются политикой. Правда, съ помощью разныхъ средствъ въ нихъ можно возбудить большой политическій интересъ; музыка, знамена, экипажи могутъ пробудить душу простолюдина къ активной жизни, и сотни тысячъ народа высыпятъ на улицу, но ихъ погонитъ сюда жажда развлеченій, и они съ одинаковымъ восторгомъ будутъ привѣтствовать появленіе Лорда Мэра, королевскую процессію, или народную политическую демонстрацію. Безъ этихъ необходимыхъ атрибутовъ трудно повліять на чувства столичныхъ жителей: они обыкновенно всецѣло поглощены своими дѣлами. Выколачиваніе копѣекъ кажется имъ главной задачей ихъ жизни, и эта всепоглощающая цѣль не даетъ имъ заняться другими вопросами, вліяніе которыхъ глубоко отражается на цѣломъ обществѣ, но при поверхностномъ взглядѣ мало, повидимому, затрогиваетъ индивидуальную жизнь человѣка. Ассоціація Рабочихъ не хотѣла прибѣгнуть къ единственнымъ средствамъ, которыя могли бы обезпечить многочисленную демонстрацію, и она поступила вполнѣ разумно. Общественнымъ мнѣніемъ, основаннымъ на одномъ только внѣшнемъ возбужденіи, не стоитъ и дорожить. Цѣнно только то возбужденіе, которое основано на сознательномъ отношеніи къ предмету. Безъ этого необходимаго условія оно хуже, чѣмъ тщеславіе.

Но если митингъ не удался по численности, то онъ превзошелъ себя по силѣ талантовъ и по тому вліянію, которое онъ оказалъ. Въ часъ дня на каѳедру взошелъ Сэръ Френсисъ, а кругомъ него помѣстились Лидеръ, Ч. П. отъ Вестминстера, Диллонъ Браунъ, Ч. П. отъ Майо, полковникъ Тимсонъ, Фиргусъ

О'Конноръ, докторъ Уэдъ, Его Пр. В. Ж. Фоксъ, Эбензеръ Элліотъ поэтъ, противникъ хлѣбныхъ законовъ, Лоурей отъ Ньюкастля, Ричардсонъ отъ Манчестера, Денкенъ отъ Эдинбурга, Вилльямсъ отъ Кармартена и многіе другіе представители отъ различныхъ частей Англіи и Шотландіи. Кулье изъ Парижа также почтилъ собраніе своимъ присутствіемъ.

Ловетъ прочиталъ первую резолюцію и сказалъ по поводу нея по истинѣ благородную и мужественную рѣчь, въ которой онъ требовалъ во имя справедливости скорѣйшаго измѣненія представительной системы. Онъ сказалъ между прочимъ:

„Національныя петиціи воплощаютъ въ себѣ желанія народа; нельзя обѣщать народу одно, а потомъ обмануть его и дать совсѣмъ другое. Впродолженіе уже шести лѣтъ говорятъ, чтобы они вѣрили правительству, но что сдѣлало это правительство? Оно издало жестокій принудительный Билль для Ирландіи, нѣсколько деспотическихъ законовъ для Англіи и создало революцію и деспотизмъ въ Канадѣ. Мы не хотимъ больше такихъ законовъ".

Гезерингтонъ поддерживалъ резолюцію, а Эбензеръ Элліотъ произнесъ по поводу нея пламенную рѣчь. Говоря о богатыхъ классахъ, поэтъ сказалъ:

„Развѣ они не замышляютъ каждый день все новыя предательства? Развѣ они не лишили васъ недавно вашей привилегіи на общественную благотворительность? Они издали новый парламентскій законъ, который сохранится, слава Богу, въ документахъ на вѣчныя времена и будетъ служить доказательствомъ, что сами они принадлежатъ къ самой разорительной ордѣ нищихъ, когда либо наполнявшихъ нашу страну. Одно изъ самыхъ темныхъ, мрачныхъ и кровавыхъ страницъ въ исторіи будетъ воспоминаніе о первыхъ законахъ первыхъ немногихъ мѣсяцевъ царствованія королевы Викторіи. Впродолженіи этихъ немногихъ мѣсяцевъ ваши притѣснители наполнили Канаду *) такими жесто-

*) До 1836 г. въ Канадѣ законодательная власть принадлежала двумъ палатамъ: Верхней, назначаемей правительствомъ, и Нижней, избираемой народомъ. Исполнительная власть принадлежала губернатору, отвѣчавшему только передъ правительствомъ. Въ 1836 г. законодательное собраніе потребовало, чтобы обѣ Палаты избирались народомъ, и исполнительная власть отвѣчала-бы передъ Палатой за свои дѣйствія. Англ. правительство отвергло эти требованія. Тогда законодательное собраніе отказалось вотировать подати, и въ Канадѣ вспыхнуло

костями, которыя могли опозорить царствованіе Короля-Кастельрифа *), и съ которыми не сравнится Веллингтонъ-Императоръ **), когда придетъ его время. И почему все это было сдѣлано? Потому что канадскія общины не захотѣли больше платить подати, а если канадцы не имѣютъ права отказываться платить подати, то и британское правительство не имѣетъ права отказываться платить свои. Я думаю, что въ Лондонѣ врядъ ли найдется сто человѣкъ съ двадцатью тысячами фунтовъ капитала каждый, которые ненавидѣли-бы отъ всего сердца каждаго рабочаго, имѣющаго свой собственный образъ мыслей. То же самое и въ Америкѣ. Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, представляющій денежную аристократію страны, конечно, назначилъ бы, если бы только могъ, диктаторомъ Америки какого нибудь огромнаго богача. Но въ Америкѣ только одна Палата, у васъ ихъ двѣ, и ни одна изъ нихъ не служитъ вашимъ представителемъ, но тѣмъ не менѣе составляетъ для васъ законы. Всѣ они люди одного покроя, я хочу сказать—всѣ они лѣнтяи и богачи".

Джонъ Фрезеръ изъ Эдинбурга сказалъ также горячую, увлекательную рѣчь. Послѣ него говорили Гартвель, Кливъ и Дугласъ.

Лоурей произнесъ очень энергичную и смѣлую рѣчь, хотя и не вышелъ за предѣлы свойственной ему сдержанности. Онъ совѣтовалъ не прибѣгать къ насилію, не сказалъ ни слова о томъ, что бы онъ сдѣлалъ самъ, но коснувшись положенія вещей, замѣтилъ:

„Люди Сѣвера хорошо организованы. Ньюкастльскіе жители рѣшатся защищать свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ; военные узнали бы это въ день коронаціи, если бы только осмѣлились напасть на митингъ. Мы охотно готовы испробовать всѣ

возстаніе. Возстаніе было подавлено, но въ 1840 г. Англійское правительство все-же сдѣлало требуемыя уступки. *Прим. перев.*

*) Лордъ Кастельрифъ заслужилъ названіе „палача" за холодную жестокость, съ которой онъ подавлялъ возстаніе въ Ирландіи. Онъ былъ послѣдователемъ Меттерниха и сторонникомъ реакціи. Ему между прочимъ приписывались исключительные законы 1817 г., уничтожившіе временно право собраній и Habeas corpus. *Прим. перев.*

**) Лордъ Веллингтонъ, знаменитый побѣдитель Наполеона, былъ противникомъ Парламентской реформы 1832 г., а потомъ сторонникомъ отмѣны „закона о бѣдныхъ" Елизаветы; это вызвало противъ него народное неудовольствіе. Его освистали въ годовщину битвы при Ватерлоо и выбили стекла въ его домѣ. *Прим. перев.*

предоставленныя намъ моральныя средства воздѣйствія, мы охотно готовы терпѣть тронъ, покуда онъ служитъ народному счастью. Мы согласны имѣть аристократію, покуда она ведетъ себя достойно; но мы думаемъ, что должны имѣть одинаковыя съ нею права, а если нѣтъ, то мы готовы возстать противъ трона и противъ аристократіи. Жители Тайна и Уэра не вынутъ своихъ мечей, пока ихъ враги не обнажатъ своихъ, но разъ они положатъ руки на рукоятки, они уже не будутъ оглядываться назадъ".

Слова Лоурея были встрѣчены митингомъ съ большимъ одобреніемъ. Онъ продолжалъ въ томъ же духѣ и закончилъ слѣдующими словами: „Развѣ можетъ быть хуже, чѣмъ теперь? Къ трону относятся съ пренебреженіемъ, къ аристократіи съ презрѣніемъ, на законы смотрятъ, какъ на средство богатыхъ притѣснять бѣдныхъ, а церковь обращена въ политическое орудіе. Тѣ, кто должны были бы проповѣдывать смиреніе и миръ, обнаруживаютъ наибольшую жадность къ богатству и становятся самыми большими тиранами, когда достигаютъ власти. Развѣ мы не видѣли ихъ въ Ирландіи и въ Англіи съ мечемъ въ одной рукѣ и библіей въ другой? Они разорили бѣдняковъ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ и, гдѣ бы ни поднимались голоса за освобожденіе массъ, за улучшеніе положенія народа, священники всегда были противъ этого. Пусть народъ самъ добьется независимости. Онъ имѣетъ право на это, и его правители не смѣютъ отказать ему въ этомъ".

Слѣдующимъ ораторомъ былъ полковникъ Томсонъ. Онъ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ духовенства и утверждалъ, что никакой опасности не грозитъ оттого, что народу будетъ дана власть.

„Возможно-ль допустить, — спрашивалъ благородный полковникъ,—чтобы народъ сдѣлалъ хотя бы половину тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлали его правители? Народъ не требовалъ для себя привилегіи и всемогущей власти, какъ это дѣлали богатые классы для того, чтобы потомъ злоупотребить всѣмъ этимъ самымъ ужаснымъ образомъ. Народъ не стремится ко всему этому; онъ хочетъ только имѣть свою долю участія въ совѣщаніяхъ страны. Я стоялъ когда-то самъ за трехъ-годичный Парламентъ, но теперь запѣлъ другую пѣсню и скажу, почему. Въ началѣ новаго Парламента священники обѣщали соединиться съ Радика-

лами и идти съ ними рука объ руку, но это до тѣхъ поръ, пока Парламентъ не былъ выбранъ на семь лѣтъ, а тогда они сказали: теперь вы у насъ въ рукахъ на семь лѣтъ, и мы раскроемъ вамъ секретъ, который скрывали раньше. Мы всегда стояли за расширеніе власти землевладѣльцевъ. Пятьдесятъ милліоновъ въ годъ, никакой другой реформы“.

Благородному полковнику шумно апплодировали.

Лидеръ въ своей рѣчи убѣждалъ митингъ не прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ.

„Народъ долженъ полагаться на себя, только на себя одного. Они затѣяли не дѣтскую игру. Имъ предстоитъ не легкое дѣло. Имъ предстоитъ бороться противъ самой богатой, самой могущественной и самой образованной аристократіи, которая когда либо притѣсняла страну. Пусть среди борьбы они твердо помнятъ, что массы могутъ достигнуть успѣха во всемъ только посредствомъ моральнаго вліянія, посредствомъ убѣжденій и аргументовъ. Имъ будетъ обезпеченъ успѣхъ, если они не будутъ слушать призывы къ насилію, если они откажутся участвовать въ дѣлахъ насилія. Пусть они вспомнятъ, что происходило въ Ирландіи. Ирландія добилась кое-чего посредствомъ легальной агитаціи. (Крики: „мало, или ничего“). Они добились нѣкоторыхъ улучшеній, небольшихъ, правда, онъ готовъ согласиться, но посмотрите къ какимъ ужаснымъ результатамъ привело возстаніе въ Канадѣ. (Крикъ: „да, но они слишкомъ поторопились“). „Если такъ, то онъ проситъ англійскій народъ не слишкомъ торопиться. Онъ убѣжденъ, что они достигнутъ всего, если будутъ агитировать умѣло и въ духѣ организаціи, дѣйствующей теперь во всей странѣ“.

Послѣ горячихъ рѣчей Элліота и Лоурей, рѣчь Лидера была выслушана довольно холодно, но народъ пришелъ въ прежнее одушевленіе, когда появился энергичный и вездѣсущій О'Конноръ, заявившій собранію, что онъ является представителемъ отъ сорока или пятидесяти городовъ Шотландіи и Англіи. Его рѣчь была вполнѣ въ ирландскомъ духѣ: разнообразна, остроумна, иногда содержательна. Вотъ отрывокъ изъ нея: „Бѣдняковъ называютъ карманными ворами. Но онъ спроситъ: какая разница между богатыми карманниками и бѣдными? Разница вотъ въ чемъ: бѣдный человѣкъ обкрадываетъ карманъ богатаго, чтобы наполнить себѣ брюхо, а богатый обкрадываетъ брюхо бѣдняка, чтобы на-

полнить свой карманъ. Народъ слишкомъ долго и слишкомъ покорно выносилъ притѣсненія; онъ никогда не совѣтывалъ народу прибѣгать къ физической силѣ, потому что онъ находитъ, что на это могутъ рѣшиться только безумцы, но надо все-же сказать, что тѣ, которые кричатъ противъ насилія, поддерживаютъ свою власть исключительно физической силой. Въ какомъ положеніи находятся рабочіе? Они дѣти природы и хотятъ только продуктовъ природы. Имъ говорятъ, что они должны остаться при старой конституціи, но эта конституція подбита вѣтромъ и смазана саломъ. Народъ хочетъ желѣзнодорожной конституціи, хочетъ газовой конституціи, но не хочетъ лорда Мельборна съ его конституціей, смазанной саломъ. Ему не нуженъ ни лордъ Мельборнъ, ни его лживые законы. Онъ хочетъ конституціи и законовъ желѣзнодорожнаго генія, двигаемаго силою пара и освѣщаемаго блескомъ газа. Народъ хочетъ, чтобы у законодательства была и сила, и желаніе двигаться по тому пути, который онъ только-что указалъ. Народъ хочетъ, чтобы наука о законодательствѣ двигалась впередъ. Народъ долженъ только показать Палатѣ Общинъ, что рѣшеніе его непреклонно, и реформа будетъ дана. Такіе люди какъ Робертъ Пиль и маленькій Джонни Россель будутъ стараться пробраться и сюда, даже если бы имъ пришлось пролѣзть сквозь замочную скважину. Но говорятъ, что рабочій классъ состоитъ изъ грязныхъ оборвышей и что среди нихъ нельзя найти шестисотъ пятидесяти человѣкъ, достойныхъ засѣдать въ Палатѣ Общинъ. Въ самомъ дѣлѣ? Но онъ легко можетъ помочь этой бѣдѣ. Онъ наберетъ это число изъ присутствующихъ на митингѣ и отправится съ ними сначала на мыловаренную фабрику Гауэса, потомъ пойдетъ съ ними къ портному, оттуда къ парикмахеру и къ парфюмеру, гдѣ ихъ окропятъ модной вонью и послѣ всѣхъ этихъ приготовленій отправится съ ними въ Палату Общинъ, и навѣрно они будутъ лучшими изъ шестисотъ пятидесяти восьми, когда либо засѣдавшими въ ея стѣнахъ. Онъ совѣтуетъ имъ не прибѣгать ни къ возстанію, ни къ гражданской войнѣ, но онъ все же скажетъ и пусть слышитъ это Палата Общинъ, что если народъ будутъ угнетать, если конституція будетъ нарушаться, если народъ будетъ жить въ постоянной нуждѣ, тогда—если ни кто другой не отважится на это—онъ самъ поведетъ народъ къ смерти или къ славѣ". Въ другой части своей рѣчи О'Конноръ сказалъ: „На сѣверѣ они уже попробовали, что зна-

читъ физическая сила. Недавно нѣкоторые изъ представителей городской полиціи были посланы въ Дьюсбери, но ребята этого благороднаго города отослали ихъ обратно. Онъ будетъ пользоваться моральнымъ воздѣйствіемъ до тѣхъ поръ, пока это возможно до послѣднихъ предѣловъ, но онъ хочетъ также закрѣпить въ ихъ памяти, что лучше умереть свободнымъ, чѣмъ жить рабомъ. Каждая почетная побѣда достигалась физической силой, но имъ не надо этого, потому что если они добьются всеобщаго избирательнаго права, они быстро разрушатъ твердыню подкупа; онъ надѣется и даже увѣренъ, что народъ будетъ дѣйствовать на основаніи здраваго смысла, которымъ всегда былъ такъ исключительно богатъ рабочій классъ; пусть возникаетъ союзъ, и изъ этого союза выростетъ нравственное вліяніе, достаточное для того, чтобы завоевать права бѣднякамъ, но если это не удастся, то пусть каждый человѣкъ подниметъ оружіе въ защиту того, въ чемъ его здравый смыслъ видитъ справедливость".

Во время своей рѣчи О'Конноръ вспомнилъ о поставленной ему въ вину на Бирмингамскомъ митингѣ цитатѣ изъ Мура, и чтобы смягчить то впечатлѣніе, сказалъ пародію на эти стихи.

Вотъ она:

„Then onward your black banners sweeping,
Go stick every pen in the ink,
On our side is suffrage that sweet thing,
On theirs is corruption and stink" *).

Мы не думаемъ, чтобы кто нибудь изъ нашихъ читателей, прочтя вышеприведенныя строчки могъ бы предположить у О'Коннора поэтическій талантъ; а грубый и двусмысленный характеръ его рѣчей производитъ непріятное впечатлѣніе. Изъ этого отрывка видно, что онъ совершенно не могъ логически развивать данную мысль, но зато обладалъ способностью съ необыкновенной ловкостью переходить съ одного предмета на другой, а это нравилось аудиторіи и поддерживало ея вниманіе къ нему до самаго конца. Рѣчь его часто прерывали взрывами смѣха и веселыми восклицаніями и такъ же, какъ въ Бирмингамѣ, онъ былъ идоломъ огромнаго большинства.

---

*) И такъ впередъ съ вашими черными, бурными знаменами. Пусть каждое перо опустится въ чернильницу, на нашей сторонѣ всеобщее голосованіе, эта сладостная цѣль, на ихъ—подкупъ и вонь.

Диллонъ Браунъ говорилъ въ защиту Хартіи отъ имени четырехсотъ ирландцевъ, за нимъ послѣдовалъ Р. Ж. Ричардсонъ изъ Манчестера, соперничавшій съ О'Конноромъ въ намекахъ на необходимость физическаго насилія. Въ своей рѣчи, онъ между прочимъ, сказалъ:

„Ланкаширскій народъ началъ серьезно задумываться надъ нѣкоторыми вопросами и, прочтя Коментаріи къ англійскимъ законамъ Блекстона, увидѣлъ, что народъ имѣетъ право на петиціи, что онъ имѣетъ право требовать, если петиція потерпитъ неудачу; а если и требованія ни къ чему не приведутъ, то онъ имѣетъ право съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою свободу. Ланкаширскій народъ въ послѣдней сессіи оставилъ на Парламентскомъ столѣ петицію, покрытую четверть-милліономъ подписей, въ которой они просили отмѣнить поправку къ закону о бѣдныхъ. Какъ же отнеслись къ этой петиціи? Она была унесена двумя джентльменами въ длинныхъ мантіяхъ и сѣдыхъ парикахъ, и никто больше о ней не слышалъ. Ланкаширскій народъ рѣшилъ тогда не писать больше петицій, но требовать, а иные говорили, что не надо требовать, а надо вооружаться. Народъ сталъ вооружаться; народъ уже былъ вооруженъ; онъ собственными своими глазами видѣлъ оружіе надъ каминами бѣдняковъ; но тутъ какъ разъ во-время подоспѣла національная петиція, хотя народъ никогда не сталъ бы ее подписывать, если бы въ ней не шла рѣчь о всеобщемъ голосованіи. Если эта петиція потерпитъ неудачу, то нельзя ручаться за послѣдствія, начнутъ заряжать винтовки, это будетъ вторымъ шагомъ, и тогда мы посмотримъ, съумѣетъ-ли какое бы то ни было правительство, или какая бы то ни было вооруженная бурбонская полиція заставить опустить ихъ. Было бы безполезно скрывать положеніе вещей: тайна всегда все губила. Ланкаширскій народъ будетъ дѣйствовать вполнѣ открыто, будетъ поступать всегда согласно конституціи и закону".

Денкенъ произнесъ очень энергичную рѣчь отъ имени Эдинбургскихъ радикаловъ и объявилъ объ ихъ непреклонной рѣшимости поддерживать великіе принципы Демократіи. Д-ръ Уэдъ, Ривъ изъ Брайтона, Карьеръ изъ Траубриджа, и еще многіе другіе также произнесли рѣчи, и затѣмъ, по предложенію Лейтона изъ Брентфорда, представителями лондонской Демократіи въ предстоящій Конвентъ были единогласно выбраны Кливъ Гезерингтонъ, Ловеттъ, Винсентъ, Гартуэль, Муръ, Роджерсъ, и Бронтеръ О'Брай-

енъ. Такъ закончилась столичная радикальная демонстрація. Митингъ продолжался больше пяти часовъ.

Мы должны здѣсь замѣтить, что хотя при выборѣ делегатовъ и не было открытаго разногласія, тѣмъ не менѣе среди нѣкоторой части лондонскихъ демократовъ господствовало довольно сильное неудовольствіе. Образовалось новое Общество, подъ именемъ Демократической Ассоціаціи. Лидеромъ этого новаго Общества былъ молодой человѣкъ, довольно извѣстный въ радикальномъ мірѣ, и о которомъ мы уже говорили. Это былъ Джоржъ Джуліанъ Гарней. Преслѣдованіе правительства за продажу газетъ, не оплаченныхъ штемпельнымъ сборомъ, и недолгое тюремное заключеніе, создало ему политическое положеніе, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Онъ рано потерялъ родителей и долженъ былъ пробиваться собственными силами по тернистой дорогѣ жизни. Безъ сомнѣнія, бѣдность и дурное обращеніе во многомъ способствовали образованію его политическаго характера и наполнили его умъ горечью, сквозившей почти въ каждомъ его словѣ и въ каждой написанной имъ строкѣ. Избранный секретаремъ Ассоціаціи, онъ составлялъ различнаго рода воззванія отъ имени Ассоціаціи, и всѣ они отличались горячимъ, почти жестокимъ краснорѣчіемъ. Эти обращенія приковывали къ себѣ вниманіе своимъ восторженнымъ, пылкимъ и страстнымъ тономъ. Обыкновенно они кончались призывомъ къ народу добиваться своихъ правъ посредствомъ возстанія. Только съ помощью этого ужаснаго средства народъ могъ добиться своихъ правъ. Эти обращенія часто кончались зловѣщими словами: „всеобщее голосованіе или смерть“. Эта партія находилась въ полномъ антагонизмѣ съ Ловеттомъ и его сторонниками моральнаго воздѣйствія. Они хвалились, что въ ихъ книгахъ записаны три тысячи членовъ, и нѣкоторые изъ нихъ жаловались потомъ, что вынуждены были принять участіе въ избраніи делегатовъ въ Конвентъ отъ партіи Ассоціаціи Рабочихъ, въ которой было не болѣе четырехсотъ членовъ и которая, тѣмъ не менѣе, выставила кандидатами семь своихъ приверженцевъ и восьмого О'Брайена, не принадлежавшаго ни къ той, ни къ другой партіи. Демократическая Ассоціація пользовалась наибольшимъ вліяніемъ среди обнищалыхъ и голодныхъ ткачей Спительфильдса, доведенныхъ нищетою до той степени отчаянія, когда терпѣть дальше становится уже невозможно. Они съ жадностью слушали оратора, обѣщавшаго имъ скорое окончаніе ихъ бѣдствій, и этимъ ораторомъ былъ Джоржъ

Джуліанъ Гарней. Но какъ мы уже замѣтили раньше, на митингѣ въ Palace Yard не обнаружилось никакого открытаго разрыва—неудовольствіе выражалось только на партійныхъ митингахъ Ассоціаціи.

Какъ ни велико было возбужденіе въ нѣкоторыхъ округахъ, но мануфактурныя графства Ланкашира и Іоркшира превзошли всѣ другія по силѣ своей агитаціи. Въ первомъ въ особенности рабочій классъ находился въ состояніи лихорадочнаго возбужденія, о причинахъ котораго мы скажемъ въ короткихъ словахъ. Въ этихъ округахъ съ самаго начала распространился ужасъ передъ результатами новаго закона о бѣдныхъ. Рабочіе смотрѣли на отмѣну закона о бѣдныхъ Елизаветы и на замѣну его новымъ, какъ на нарушеніе связи, соединявшей ихъ до сихъ поръ съ богатымъ классомъ и какъ на разрывъ послѣдняго звена въ связывающей ихъ дружеской цѣпи. Огромные тюремнообразные дома были воздвигнуты въ разныхъ частяхъ и напоминали бѣднякамъ объ угрожавшей имъ участи. Въ настоящемъ они жили въ постоянной нуждѣ, такъ какъ скудный заработокъ часто не могъ дать имъ самаго необходимаго комфорта, а въ будущемъ имъ грозила Бастилія, куда ихъ должны были заточить, когда ихъ услуги станутъ ненужными ихъ богатымъ притѣснителямъ.

Въ это же самое время полицейская система достигла наиболѣе сильнаго развитія. Сначала большіе города подпали подъ ея вліяніе, потомъ она стала распространяться на маленькіе города и деревни. Это нанесло чувствительный ударъ стариннымъ англійскимъ народнымъ понятіямъ. Народъ увидѣлъ въ этомъ стремленіе къ централизаціи, уничтожавшей мѣстное самоуправленіе *).

---

*) До 1832 г. во главѣ мѣстнаго управленія стояли знатные и богатые люди, такъ какъ всѣ должностныя лица мѣстныхъ учрежденій служили по выборамъ безвозмездно. Одно изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ, мировой судья (Justice of the peace) выбирался пожизненно, былъ несмѣняемъ, также не получалъ никакого вознагражденія и дѣйствовалъ почти независимо отъ центральной власти. Такимъ образомъ все мѣстное управленіе находилось въ рукахъ аристократовъ, часто злоупотреблявшихъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Виги, желая ослабить вліяніе аристократовъ, сдѣлали нѣкоторыя измѣненія въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Были созданы новыя должности, выборныя и по назначенію, но съ жалованьемъ отъ правительства и подчиняемыя центральной власти. Кромѣ того, право выборовъ было распространено

Въ это же самое время фабричная система находилась въ такомъ ужасномъ положеніи, что жертвы ея страдали невыносимо. Законодательство, правда, не отказывало совершенно въ покровительствѣ фабричнымъ рабочимъ, но это покровительство было такого сомнительнаго свойства, что было бы лучше, если бы его не было совсѣмъ. Заработная плата стояла такъ низко, что тысячи родителей принуждены были посылать своихъ дѣтей на фабрику, гдѣ они работали выше своихъ силъ. Бѣдныя маленькія созданія съ разбитыми членами плелись съ фабрикъ въ свои безрадостные дома.

Всѣ эти тяжелыя страданія служили богатымъ источникомъ для неудовольствія среди массъ, и имъ недоставало только голоса, чтобы выразить сжигавшее ихъ негодованіе. Этотъ голосъ скоро нашелся. Два человѣка были хорошо извѣстны среди рабочаго класса, какъ выразители ихъ страданій, одинъ въ Іоркширѣ, другой въ Ланкаширѣ, и на сѣверѣ Чешира. Въ Іоркширѣ защитникомъ ихъ выступилъ Ричардъ Остлеръ. Этотъ симпатичный человѣкъ былъ управляющимъ сквайера Торнхила, помѣщика въ этомъ графствѣ. Остлеръ объявилъ самую рѣшительную войну новому закону о бѣдныхъ. Въ политикѣ онъ причислялъ себя къ тори; но слово консерватизмъ онъ ненавидѣлъ и считалъ, что оно означаетъ равнодушіе къ политическимъ принципамъ, другими словами, пригодно только для обманщиковъ и лицъ съ легкими политическими убѣжденіями, а онъ ненавидѣлъ обманщиковъ всѣхъ родовъ, и его торизмъ заключалъ въ себѣ самое внимательное отношеніе къ положенію бѣднаго класса. „Алтарь, тронъ и хижина“—вотъ его любимое изреченіе, и никто съ такой горячностью не обличалъ богатыхъ за ихъ глубокій эгоизмъ, за ихъ холодное пренебреженіе къ страдающимъ классамъ, какъ тори Остлеръ. Но его негодованіе было направлено главнымъ образомъ противъ водянистой кашицы философовъ либеральной школы, и онъ бичевалъ ихъ безпощадно. Онъ не пропускалъ почти ни одного митинга рабочихъ и обращался къ своимъ слушателямъ съ

на всѣхъ жителей, удовлетворявшихъ извѣстному имущественному цензу. Но т. к. эти реформы не касались трудящихся классовъ, то были встрѣчены ими враждебно, какъ вообще всѣ реформы, исходившія изъ либеральнаго кабинета и стремившіяся ослабить аристократію въ пользу буржуазіи. Усиленіе полиціи сначала въ городахъ, а потомъ и мѣстечкахъ еще болѣе раздражило населеніе. *Прим. перев.*

краснорѣчивыми и пламенными рѣчами. „Вооружайтесь, вооружайтесь, вооружайтесь!“ Такими словами часто заканчивались его рѣчи. Его прозвали „королемъ фабричныхъ дѣтей“ за ту непрерывную и неослабную энергію, съ которой онъ защищалъ ихъ интересы. Его популярность была необыкновенно велика среди рабочихъ классовъ всевозможныхъ политическихъ партій. Рабочіе чувствовали въ немъ человѣка, стремившагося къ одной цѣли, и этой цѣлью было всеобщее благо. Они видѣли, что онъ хотѣлъ счастливаго союза всѣхъ классовъ. Они могли не вѣрить въ дѣйствительность предлагаемыхъ имъ средствъ, но чистота его намѣреній никогда не подвергалась ни малѣйшему сомнѣнію, и онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „добраго стараго короля“.

Въ Ланкаширѣ еще съ большей силой, если это только возможно, дѣйствовалъ Его Пр. Джозефъ Рейнеръ Стефенсъ. Онъ былъ священникомъ-методистомъ и считался однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ. Рабскія чувства членовъ Веслеянской коллегіи методистовъ хорошо извѣстны. Не желая оскорблять никакой религіозной секты, мы тѣмъ не менѣе должны сказать откровенно, что если въ Англіи существуетъ вообще коллегія лицъ, состоящая на службѣ деспотизма и поддерживающая его принципы, то это коллегія методистовъ. Стефенсъ оказался виновнымъ въ непростительномъ преступленіи. Онъ обвинялъ фабричные законы въ жестокомъ притѣсненіи бѣднаго класса и былъ подвергнутъ преслѣдованію на томъ основаніи, что, противно своему долгу служителя евангелія, вмѣшивался въ политическія дѣла и бралъ на себя обязанности посредника. Если бы онъ явился защитникомъ интересовъ богатаго класса, то онъ не оскорбилъ-бы этимъ важный и лицемѣрный конклавъ. Стефенса, конечно, отставили отъ прихода, но эта отставка еще больше подняла его въ уваженіи народа, интересы котораго онъ защищалъ, и вскорѣ въ окрестностяхъ Аштона рабочими были воздвигнуты три часовни, въ которыхъ онъ могъ служить свободно и не стѣсняемый оковами деспотизма. Подобно Остлеру, Стефенсъ по политическимъ убѣжденіямъ принадлежалъ скорѣе къ тори, чѣмъ къ какой либо другой партіи, но по мѣрѣ того, какъ росло возбужденіе въ пользу демократіи, и онъ въ свою очередь уступалъ теченію; тѣмъ не менѣе онъ считалъ своей обязанностью сообщать своимъ слушателямъ, что не принадлежалъ къ радикаламъ, хотя его популярность была основана на

требованіяхъ радикальной партіи. Онъ не удовлетворился воздвигнутыми для него зданіями; ареной его дѣйствій служили также базарныя площади и здѣсь, передъ тысячной толпой, онъ произносилъ проповѣди отчасти религіознаго, отчасти политическаго характера, но во всѣхъ изображалъ жестокія и несправедливыя условія жизни рабочаго класса и призывалъ кровь и мщеніе на головы ихъ угнетателей. Кругъ его дѣятельности не ограничивался только исключительно Ланкаширскимъ округомъ, онъ ѣздилъ также въ сѣверную Англію и Шотландію въ обществѣ другихъ народныхъ ораторовъ и былъ самымъ пылкимъ изъ всѣхъ. Мы считаемъ необходимымъ привести образчикъ его краснорѣчія. На митингѣ въ Ньюкастлѣ, перваго января 1838 года, онъ говорилъ своимъ слушателямъ:

„Народъ не потерпитъ этого, и вотъ что онъ скажетъ: „Прежде чѣмъ жену разлучать съ мужемъ, а отца съ сыномъ, прежде чѣмъ ихъ подвергнутъ заточенію и заставятъ питаться „казенкой"—прежде чѣмъ жену и дочь одѣнутъ въ тюремное платье, Ньюкастль долженъ быть и будетъ превращенъ въ одно сплошное пламя, залить которое можно будетъ только однимъ средствомъ: кровью тѣхъ, кто поддерживалъ эти ужасныя мѣры".

„Онъ (Стефенсъ) былъ революціонеромъ огня, революціонеромъ ножа, крови и смерти. Члены Коммиссіи закона о бѣдныхъ, издавъ несправедливыя, не конституціонныя и незаконныя постановленія съ повелѣніемъ развѣшивать ихъ съ помощью ружей и штыковъ и распространять среди васъ вооруженной силой и всякимъ инымъ насильственнымъ способомъ, этимъ подписали себѣ смертный приговоръ; и если митингъ рѣшитъ, что это нарушало законъ и присягу государю; что это было нарушеніемъ конституціи и здраваго смысла, то онъ долженъ противодѣйствовать этимъ постановленіямъ всѣми законными способами. Законно думать объ этомъ и говорить объ этомъ; законно подписаться подъ протестомъ противъ этого и затѣмъ пойти въ ратушу и говорить противъ этого, а если и это не подѣйствуетъ, законно спросить себя: что же дѣлать дальше? И тогда законно будетъ, чтобы всякій человѣкъ взялъ винтовку, тесакъ, мечъ, пару пистолетовъ, или копье,—чтобы каждая женщина взяла пару ножницъ,—каждый ребенокъ бумажку съ булавками и иголками — (здѣсь голосъ оратора былъ заглушенъ смѣхомъ присутствующихъ)— и пусть всѣ эти люди съ факеломъ въ одной рукѣ и съ кинжа-

ломъ въ другой объявятъ смерть каждому, кто осмѣлится разлучить мужа и жену".

Въ томъ же самомъ мѣсяцѣ Стефенсъ говорилъ на митингѣ въ Глазго и заключилъ слѣдующимъ образомъ свою краснорѣчивую рѣчь: „Если они не захотятъ измѣнить всего этого, вырвать все это съ корнемъ, они вызовутъ революцію, которой такъ боятся. Мы разрушимъ ихъ преступное жилище, воздвигнутое ими вопреки всѣмъ законамъ Божественнаго писанія. Если они не захотятъ поступать такъ, какъ предписываетъ законъ и повелѣваетъ Богъ; такъ, чтобы каждый человѣкъ трудами рукъ своихъ зарабатывалъ приличное пропитаніе и одежду не только для себя, но и для своей жены и малютокъ—тогда мы поклянемся любовью нашихъ братьевъ,—нашимъ Богомъ, создавшимъ насъ всѣхъ для счастья,—землею, которую онъ намъ далъ для нашего пропитанія,—небесами, которыя онъ уготовалъ для всѣхъ, кто любитъ другъ друга здѣсь, и адомъ, удѣломъ тѣхъ, кто нарушая Его писанія, обрекаетъ своихъ ближнихъ, образъ и подобіе Бога, на голодъ, на холодъ, на смерть: мы поклянемся нашимъ Богомъ, небесами, землею и адомъ, что отъ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ, мы покроемъ всю страну ужасной пеленой всепожирающаго пламени, которое ничто не въ силахъ будетъ потушить, — мы уничтожимъ всѣ фабрики хлопчатобумажныхъ тирановъ и всѣ жилища, воздвигнутыя съ помощью грабежа и убійства, основанныя на несчастіи милліоновъ, которыхъ Богъ, нашъ Богъ, Богъ Шотландіи создалъ для счастья".

Въ Аштонѣ Стефенсъ произнесъ краснорѣчивую, полную глубокаго чувства проповѣдь:

„Развѣ Богъ не создалъ васъ по образу своему и подобію? Вотъ вашъ малютка, похожій на васъ! Развѣ вы можете ненавидѣть его? Эти маленькія созданія, плоть отъ плоти вашей; они братья и сестры; они вмѣстѣ танцуютъ на лугу; они вмѣстѣ собираютъ цвѣты, они вмѣстѣ вплетаютъ ихъ въ свои волосы, они сплетаютъ гирлянды и вѣшаютъ ихъ на шею другъ другу, или обвиваютъ ими свое платье. Они прыгаютъ на полу у вашихъ ногъ, они играютъ вмѣстѣ, они спятъ вмѣстѣ, они вмѣстѣ ходятъ въ школу, они вмѣстѣ вступаютъ въ жизнь. Сестра и братъ — развѣ могутъ ненавидѣть другъ друга? Народы всей земли созданы Богомъ изъ одной крови. Всѣ мы братья, такъ Онъ создалъ насъ. Онъ устроилъ человѣческую семью, какъ я только

что описалъ, такъ чтобы каждый человѣкъ чувствовалъ къ своему ближнему только дружбу, братскую доброту и милосердіе. Вы видите сами, какъ мудро это было все устроено. Кто же первый нарушилъ этотъ законъ? Каинъ, убившій своего брата. Что сказалъ Господь? Какъ только пролилась кровь Авеля, запахъ крови его поднялся къ небесамъ и дошелъ до Господа Бога, и Господь спустился съ небесъ, и сказалъ Господь Каину: Каинъ, гдѣ Авель, братъ твой? Я не вижу его; онъ былъ здѣсь сегодня утромъ, гдѣ же онъ вечеромъ? Гдѣ твой братъ? Вотъ домъ его, вотъ его плачущая жена, вотъ его плачущія дѣти, но гдѣ же онъ?—А Каинъ отвѣчалъ: развѣ я сторожъ брату моему? И потребовалъ Господь у него отчета, и донынѣ Господь требуетъ отчетъ у каждаго убійцы. Господь спрашиваетъ каждаго убійцу, будь то убійца отдѣльнаго лица или убійца цѣлой общины, Господь спрашиваетъ его: Гдѣ братъ твой? И сегодня вечеромъ въ Аштонѣ Господь спрашиваетъ. Господь спрашиваетъ это у вашихъ правителей. Господь спрашиваетъ у каждаго изъ владѣльцевъ фабрикъ, убившихъ сотни, если не тысячи. Господь спрашиваетъ ихъ: гдѣ братъ твой? И Господь требуетъ отвѣта“.

Говоря о „законѣ о бѣдныхъ“, онъ воскликнулъ: „Я буду говорить каждому человѣку, живущему въ этой странѣ: вмѣсто того, чтобы поднять свой мечъ за законъ, обрати его противъ закона; вмѣсто того, чтобы выстрѣлить изъ ружья за законъ, выстрѣли изъ него противъ закона. О, да, лордъ Россель! Слишкомъ поздно, слишкомъ поздно, слишкомъ поздно! благодаря Богу слишкомъ поздно! Посадите меня, куда вамъ угодно и держите меня въ заточеніи сколько вамъ угодно до тѣхъ поръ, пока захочетъ этого Богъ и выдержитъ мое бѣдное тѣло. Вы можете дѣлать со мной что хотите, но слишкомъ поздно, слишкомъ поздно, слишкомъ поздно; кровь пролилась. Ахъ! она прилипаетъ къ вашимъ пальцамъ, она сочится изъ подъ вашихъ ногтей, она готова разорвать вамъ черепъ. Кровь отца вашего вопіетъ. Молоко вашей матери течетъ, течетъ, течетъ. Вы становитесь наконецъ мужчинами, вы становитесь наконецъ женщинами, вы становитесь наконецъ отпрысками мужчины и женщины. Хвала Богу за это! Онъ вложилъ въ уста народа новый языкъ. Слишкомъ поздно, слишкомъ поздно!“

Тутъ кто-то изъ толпы на чистомъ ланкаширскомъ нарѣчіи воскликнулъ: „Да, слишкомъ поздно; сегодня утромъ я выгналъ

изъ своего дома сторожа, который пришелъ подслушивать; я сказалъ ему, пусть попробуетъ придти опять, я его такъ отдѣлаю, что онъ ногъ своихъ не унесетъ".—„Какъ! онъ пришелъ въ вашъ домъ, говорите вы? Онъ ворвался въ вашъ домъ незаконно? Вы были вполнѣ правы въ такомъ случаѣ. Если сторожъ или полицейскій подниметъ щеколду вашихъ дверей, вы имѣете право снять пистолетъ съ полки; если онъ подниметъ засовъ, вы имѣете право спустить курокъ. Берегитесь, полицейскіе! Берегитесь, лордъ Джонъ Россель! Вы, посылающій полицейскихъ стрѣлять по ногамъ моихъ маленькихъ нищихъ! Говорю вамъ: если они будутъ стрѣлять по ногамъ моихъ маленькихъ нищихъ, какъ они сдѣлали это въ Бери, то мы постараемся найти для себя какую нибудь лучшую цѣль; они сказали правителямъ, что стрѣляли надъ головами народа, а попали въ ногу одному изъ мальчиковъ. Поистинѣ плохіе стрѣлки!"

Въ такомъ духѣ бывали и рѣчи, и проповѣди Стефенса. Его жесты и движенія вполнѣ соотвѣтствовали его языку. Указывая на чудовищную фабрику, онъ восклицалъ: „Вы видите тамъ фабрику съ огромной башенной трубой? Каждый кирпичъ этой фабрики скрѣпленъ кровью женщинъ и маленькихъ дѣтей. Въ другой разъ онъ сказалъ: „Если права бѣдныхъ попираются ногами, то долой тронъ, долой аристократію, долой епископовъ, долой духовенство! сожгите церковь, долой всѣ ранги, всѣ титулы, всѣ привилегіи!"

Не надо очень много воображенія, чтобы понять, что хотя Стефенсъ и Остлеръ и не были демократами въ политикѣ, они, тѣмъ не менѣе, очищали путь для направленія, задачею котораго было уничтоженіе господства богатаго класса надъ народомъ. Это было задачей Хартіи, и бѣдняки смотрѣли на нее, какъ на путеводную звѣзду къ свѣтлому будущему. Главнымъ центромъ агитаціи въ Ланкаширѣ былъ Манчестеръ, какъ самый многолюдный городъ въ округѣ. Было рѣшено устроить тамъ митингъ, который своей численностью и опредѣленностью своихъ резолюцій придалъ бы силу національному движенію и произвелъ бы впечатлѣніе на правящіе классы. Комитеты различныхъ городовъ дѣятельно принялись за работу съ цѣлью организовать демонстрацію, величайшую по силѣ. Митингъ былъ назначенъ на понедѣльникъ, 25 сентября, и въ этотъ день весь округъ, казалось, пробудился и пришелъ въ движеніе, чтобы сдѣлать великое

собраніе достойнымъ себя и своего дѣла. Въ окрестности Манчестера врядъ ли можно было бы найти городъ или деревню, не принимавшихъ участія въ этомъ огромномъ собраніи. Густыя массы народа потоками текли по направленію къ мѣсту, гдѣ они должны были проявить свой патріотизмъ. Митингъ былъ назначенъ около часу, но толпы народа потянулись по улицамъ съ самаго разсвѣта. Въ девять часовъ народная процессія изъ деревни направилась въ городъ. О размѣрахъ митинга можно судить потому, что въ процессіи участвовало, по крайней мѣрѣ, двадцать оркестровъ музыки и развѣвалось двѣсти флаговъ и знаменъ съ самыми разнообразными радикальными надписями и девизами. На одномъ великолѣпномъ знамени было изображено избіеніе при Питерло, а внизу красовались слова: „Убійство требуетъ суда". На другомъ красовался девизъ, хотя далеко не классическій, но за то очень забавный: „Побольше свиней и поменьше священниковъ". На третьемъ была изображена мертвая голова съ двумя скрещенными костями, и рука, хватающаяся за кинжалъ со слѣдующей вопросительной надписью: „О, тираны! Неужели вы доведете насъ до этого?" На другихъ были написаны девизы, пояснявшіе принципы Хартіи. Большая часть девизовъ носила угрожающій характеръ и наводила, пожалуй, больше ужаса, чѣмъ рѣчи самаго пламеннаго оратора. Эти девизы выбирались вполнѣ обдуманно, а спокойное обсужденіе способовъ мщенія болѣе ужасно, чѣмъ слова, произнесенныя ораторомъ въ минуту энтузіазма подъ вліяніемъ возбужденной аудиторіи. Суровъ былъ видъ толпы въ этомъ огромномъ собраніи. Истощенныя, худыя лица носили очевидные признаки страданія. Одного ихъ вида было достаточно, чтобы извинить яростное отношеніе къ виновникамъ ихъ страданій. Блѣдныя покрытыя морщинами щеки, потухшіе глаза, сгорбленный станъ наглядно свидѣтельствовали противъ негодности системы, заставлявшей большинство работать для того, чтобы немногіе могли наслаждаться жизнью. Число все прибывавшаго народа было такъ велико, что хотя первая процессія вышла изъ зала комитета въ 10 час. утра, всѣ корпораціи пришли на мѣсто собранія только къ часу. Изъ одного Ольдгема и его непосредственныхъ предмѣстій было не менѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Различныя процессіи соединились теперь въ одну густую и плотную массу, заключавшую въ себѣ, по словамъ репортеровъ „Morning Advertiser", не менѣе трехсотъ тысячъ че-

ловѣкъ. Ради удобства митингъ устроили на большой пустоши въ центрѣ Мура для того, чтобы большинству было возможно видѣть ораторовъ, произносившихъ рѣчи. Знамена были разставлены на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга на возвышенныхъ мѣстахъ и оживляли собраніе своимъ красивымъ видомъ. Стефенсъ и О'Конноръ пріѣхали вмѣстѣ въ каретѣ, запряженной четверней, и были встрѣчены взрывами такихъ искренныхъ рукоплесканій, какія рѣдко приходится слышать даже среди легко возбуждаемаго населенія мануфактурныхъ округовъ и, когда различные ораторы поднимались на большіе подмостки, ихъ встрѣчали новыми взрывами аплодисментовъ, и среди такихъ же оглушительныхъ рукоплесканій Джонъ Фильденъ, представитель Ольдгема, былъ выбранъ предсѣдателемъ. Онъ открылъ митингъ рѣчью, нѣкоторыя мѣста изъ которой мы считаемъ нужнымъ привести:

„Я принадлежу къ числу тѣхъ, кто думаетъ, что жизнь. свобода и счастье должны быть предметомъ тщательнаго изученія со стороны представителей народа, и что благосостояніе и охрана жизни народа должны составлять болѣе важный предметъ для обсужденія, чѣмъ накопленіе богатствъ. Въ Англіи не я одинъ держусь такихъ мнѣній, и среди государственныхъ и политическихъ дѣятелей другихъ странъ есть лица, раздѣляющія мои взгляды. Основатели американской республики, эти умнѣйшіе изъ людей, держались того же мнѣнія, и во всѣхъ своихъ рѣчахъ и статьяхъ распространяли совершенно тѣ же доктрины. Бѣдность, я утверждаю, не можетъ, не должна служить препятствіемъ для пользованія избирательными правами. А что касается до невѣжества народа, который, говорятъ, можетъ помѣшать имъ пользоваться избирательнымъ правомъ, то я проведу сравненіе между англійскими рабочими и представителями Палаты Общинъ. Если бы Парламентъ состоялъ изъ рабочихъ, то они не задерживали бы развитія законовъ и конституціи въ странѣ и не пропустили бы принудительнаго билля для Ирландіи. Если бы Парламентъ состоялъ изъ бѣдныхъ людей, они не пропустили бы новаго закона о бѣдныхъ, но они прежде всего обезпечили бы рабочему классу достаточную заработную плату. Если бы Палата Общинъ состояла изъ рабочихъ, они не вотировали бы шестидесяти тысячъ фунтовъ на лондонскую полицію и не посылали бы ее надоѣдать и мѣшать жителямъ самыхъ отдаленныхъ округовъ государства. Если бы Палата Общинъ состояла изъ рабо-

чихъ, они не отмѣнили бы налога на солодъ только для того, чтобы на слѣдующій день, по предложенію лорда Канцлера, снова возстановить его. Если бы они были въ Палатѣ, то хлѣбные законы были бы давно отмѣнены".

Годжетсъ предложилъ резолюцію въ пользу Хартіи. Въ своей рѣчи онъ упомянулъ объ избіеніи въ Питерло. Въ теченіе нѣкотораго времени послѣ этого огромная масса не могла успокоиться. Ничто не могло привести Ланкаширскую аудиторію въ такое волненіе, какъ упоминаніе о Питерло. Стефенсъ, хотя и не радикалъ, поддерживалъ резолюцію, но въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ не могъ начать говорить, такъ какъ громкія рукоплесканія заглушали его голосъ. Рѣчь его была очень характерна, онъ заявилъ митингу, что они собрались сюда не для того, чтобы говорить, такъ какъ были уже достаточно подготовлены, но для того, чтобы выразить свою волю и показать свою силу. О'Конноръ, говорившій послѣ Стефенса, произнесъ одну изъ своихъ обычныхъ рѣчей. Онъ обвинялъ Виговъ въ измѣнѣ и просилъ всѣхъ, раздѣлявшихъ съ нимъ это мнѣніе, поднять руку, и все огромное собраніе народа единогласно присоединилось къ его заявленію. Потомъ говорили рѣчи Фиттонъ изъ Брайтона, Голлидей изъ Ольдгема, Дугласъ, Коллинсъ и Пирсъ изъ Бирмингама, Лоурей изъ Ньюкастля, Деффей изъ Лондона, кромѣ того нѣсколько мѣстныхъ ораторовъ. Уилеръ предложилъ выбрать делегатами въ Конвентъ слѣдующихъ лицъ: д-ра Флетчера отъ Бери, Его Пр. Дж. Р. Стефенса отъ Аштона, Тейлора отъ Рокделя и Бронтера О'Брайена отъ Манчестера. Другіе четверо были Найтингелъ, Ричардсонъ, Коббетъ и Ро. Всѣ эти лица были выбраны единогласно, и тогда Уилеръ сказалъ, что „онъ надѣется, что они поддержатъ делегатовъ въ ихъ трудныхъ обязанностяхъ и будутъ защищать ихъ: и если обманщики Виги осмѣлятся наложить на нихъ руки, а народъ откажется вступиться за нихъ, то значитъ онъ заслуживаетъ свою судьбу, жить въ рабствѣ".

Въ концѣ митинга полилъ проливной дождь, но это не произвело никакого впечатлѣнія на восторженную и возбужденную толпу. Густая масса точно срослась вмѣстѣ и такъ была поглощена своимъ дѣломъ, что ничто, казалось, не было въ силахъ двинуть ее съ мѣста. Весь митингъ прошелъ вполнѣ мирно, и ни одно религіозное собраніе не могло бы разойтись въ большемъ порядкѣ. Все населеніе единодушно хотѣло участвовать въ этомъ собраніи;

лавки и фабрики были закрыты во всемъ округѣ. Фабриканты не могли не видѣть настроенія рабочаго класса и рѣшили, что открывать фабрики было бы безполезно. Какъ умные люди, они пошли на встрѣчу общему желанію и прекратили въ этотъ день всякую работу, за исключеніемъ работы на пользу политическаго и соціальнаго возрожденія. Присутствіе Фильдена усилило значеніе митинга, и демократы могли поздравить себя въ этомъ случаѣ съ побѣдой. Фильденъ былъ извѣстенъ, какъ послѣдователь принциповъ и завѣтовъ безсмертнаго Коббета, и пользовался заслуженной популярностью, такъ какъ принималъ всегда живое и неустанное участіе въ судьбѣ рабочаго населенія. Болѣе сильнаго противника—въ особенности новаго закона о бѣдныхъ, если принять во вниманіе его положеніе—трудно было встрѣтить. Точно такое же опредѣленное положеніе онъ принялъ противъ полицейской системы. Но онъ завоевалъ себѣ горячую симпатію рабочаго класса главнымъ образомъ тѣмъ, что самъ, богатый фабрикантъ, взялъ на себя тѣмъ не менѣе роль горячаго обличителя фабричныхъ притѣснителей. Онъ готовъ былъ на всякую мѣру только, чтобы защитить народъ отъ посягательствъ бумагохлопчатниковъ. Онъ выступалъ постояннымъ защитникомъ десятичасового рабочаго дня и въ концѣ концовъ добился того, что эта мѣра была принята Парламентомъ. Что касается до нашего собственнаго мнѣнія относительно такихъ мѣръ, какъ десятичасовой рабочій день, то мы думаемъ, что хотя они и хороши сами по себѣ, но недостаточны для достиженія намѣченной цѣли; они не затрогиваютъ основныхъ причинъ народнаго бѣдствія, а если остаются причины, то будутъ продолжаться и слѣдствія, хотя, можетъ быть, на нѣкоторое время, въ болѣе смягченномъ видѣ. Но каково бы ни было наше мнѣніе относительно цѣлесообразности этихъ средствъ, оно не мѣшаетъ намъ цѣнить по достоинству этого человѣка, отдѣлившагося отъ своего класса и рѣшившагося какимъ бы то ни было путемъ выступить въ защиту требованія страдающаго человѣчества противъ богатства и могущества. Фильденъ стоялъ не за одну только фабричную реформу, онъ являлся также защитникомъ всеобщаго избирательнаго права. Онъ не только бралъ на себя защиту народа противъ притѣсненій, но, стремясь вооружить его правомъ голосованія, хотѣлъ дать ему возможность защищаться самому. Онъ доказалъ, что былъ не простымъ филантропомъ, торгашемъ гуманитарныхъ идей для пріобрѣтенія популярности. Какъ ораторъ онъ далеко

не былъ талантливъ. Главную силу его составляло не краснорѣчіе, а искренность. Онъ былъ всегда серьезенъ, не гонялся за эффектами, но мужественно шелъ своей собственной скромной и безпритязательной дорогой къ достиженію своей цѣли. Онъ отошелъ теперь къ тѣнямъ своихъ предковъ. Миръ праху его. Подъ солнцемъ на землѣ рѣдко живутъ такіе хорошіе люди, какъ Джонъ Фильденъ.

Въ то время какъ въ южномъ Ланкаширѣ происходилъ великій объединительный митингъ, западный Іоркширъ рѣшилъ не отставать отъ сосѣдей и избралъ Пипъ-Гринъ мѣстомъ для водруженія демократическаго знамени. Это знаменитое мѣсто, расположенное между Лидсомъ и Годдерсфильдомъ, служитъ наиболѣе удобнымъ, центральнымъ пунктомъ для большой группы городовъ, занимающихъ западную часть графства. Митингъ былъ назначенъ на пятнадцатое октября. Хотя онъ не могъ сравниться съ Ланкаширскимъ митингомъ, но тѣмъ не менѣе имѣлъ довольно внушительный видъ. Число присутствующихъ опредѣляли въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Также какъ и въ Керсель-Мурѣ здѣсь не было недостатка въ музыкѣ, флагахъ и знаменахъ для приданія оживленія собранію. Толпы народа потянулись изъ Лидса, Брайдфорда, Галифаста, Годдерсфильда, Дьюсбери и изо всѣхъ другихъ городовъ, не слишкомъ далеко расположенныхъ отъ мѣста сборища, и когда всѣ эти разнообразныя корпораціи со всѣми ихъ аттрибутами стали подходить одни за другими къ Грину, получилось по истинѣ величественное зрѣлище. Кромѣ О'Коннора и другихъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ разныхъ городовъ, тутъ были также талантливые представители мѣстныхъ радикаловъ.

О'Коннору выпала большая честь быть избраннымъ представителемъ отъ этого огромнаго митинга не въ Парламентъ богачей, но въ Конвентъ, гдѣ онъ могъ имѣть гораздо большее значеніе. Когда онъ появился на подмосткахъ, раздались самыя бурныя рукоплесканія. Воздухъ потрясся отъ оглушительныхъ криковъ многочисленнаго собранія, а ничто не могло такъ вдохновить предметъ ихъ поклоненія, какъ эти крики. Шумъ былъ вполнѣ подходящей стихіей для О'Коннора. Даже крики неодобренія были ему милѣе равнодушнаго спокойствія. Но на демонстраціи Уэстъ-Райдинга неодобреній не было.

„Все было весело какъ свадебные колокола“.

Восторгъ собранія вдохновилъ его и заставилъ произнести одну изъ самыхъ сильныхъ рѣчей. Ни одинъ человѣкъ не былъ такъ неровенъ въ своихъ рѣчахъ какъ О'Конноръ. Иногда это была одна сплошная и самая дикая декламація, но иногда, у него являлось спокойное и истинное краснорѣчіе, и тогда онъ поражалъ удивленіемъ тѣхъ, кто раньше не слышалъ его—но только читалъ о немъ, какъ о бѣшеномъ демагогѣ, О'Коннорѣ. Но на митингѣ въ Уэстъ-Райдингѣ онъ не былъ въ спокойномъ состояніи духа; каждое его слово было разсчитано на то, чтобы привести въ возбужденіе сангвиниковъ, а то одобреніе, съ которымъ онъ былъ встрѣченъ, заставило его впасть въ свойственную ему ошибку: говорить больше о себѣ, вмѣсто того чтобы направить вниманіе народа на болѣе важные предметы. Товарищами его были Лоренсъ Питкитлей, Годдерсфильскій купецъ, и Вильямъ Ридеръ, рабочій. Первый былъ человѣкомъ съ добродушнымъ складомъ ума и принадлежалъ скорѣе къ политической школѣ Коббета. Какъ ораторъ, онъ составилъ себѣ популярность скорѣе своею серьезностью, чѣмъ краснорѣчіемъ. Что касается до Ридера, то онъ совсѣмъ не обладалъ даромъ краснорѣчія; въ своихъ рѣчахъ онъ былъ также простъ, какъ и въ своей наружности; и въ самомъ дѣлѣ, онъ смотрѣлъ на рѣчи, какъ на дѣтскую забаву. Онъ былъ сторонникомъ школы физическаго насилія и, по его мнѣнію, всѣ моральныя средства агитаціи, кромѣ необходимыхъ для организаціи демократическихъ силъ, были пустой тратой времени.

Всѣ три кандидата произнесли рѣчи. О'Конноръ говорилъ довольно долго и съ большимъ успѣхомъ. Послѣ того, какъ еще нѣсколько лицъ изложили передъ народомъ свои взгляды, митингъ разошелся въ такомъ же прекрасномъ порядкѣ, какимъ отличались всѣ митинги этого періода. Въ то же время многіе изъ большихъ городовъ занимались выборами своихъ делегатовъ, независимо отъ делегатовъ, избранныхъ на соединенныхъ митингахъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ часто по нѣсколько разъ избирались одни и тѣ же делегаты. Большой и населенный городъ Болтонъ избралъ делегатами Карпентера и Уордена, а Престонскіе демократы избрали Ричарда Марсдена, рабочаго, много страдавшаго отъ бѣдности, и который былъ поэтому вполнѣ подходящимъ представителемъ нищеты. Пожалуй, изъ всѣхъ выбранныхъ делегатовъ никто не обладалъ такими искренними убѣжде-

ніями, какъ Марсденъ. Онъ принадлежалъ къ крайней школѣ Гарнея и Ридера и готовъ былъ прибѣгнуть къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ для достиженія своей цѣли. Какъ фабричному рабочему, ему пришлось перенести самыя ужасныя страданія; подъ гнетомъ нищеты и притѣсненія онъ былъ близокъ къ смерти; все это наполнило его душу отчаянной рѣшимостью. Но отъ природы у Ричарда Марсдена не было никакой склонности къ жестокости. Какъ частный человѣкъ, онъ никогда бы не раздавилъ даже червяка. Стоило взглянуть въ его мягкіе голубые глаза, увидѣть его спокойное и открытое лицо, чтобы придти къ заключенію, что въ его груди обильнымъ источникомъ струится любовь къ человѣчеству. Если источникъ этотъ иногда наполнялся желчью, то только подъ вліяніемъ жгучей обиды за тяжелое положеніе его класса. Въ разговорахъ онъ былъ добродушенъ и простъ; какъ ораторъ, онъ отличался глубокимъ паѳосомъ, и его голосъ былъ также патетиченъ, какъ и его слова. Безправное положеніе рабочихъ милліоновъ тяготило его душу, и его языкъ пріобрѣлъ соотвѣтственную рѣзкость и силу; но даже самыя рѣзкія его слова, переполненныя ненавистью къ деспотизму, дышали любовью къ человѣчеству, и эту любовь ничто въ мірѣ не могло ожесточить. Многіе годы жестокихъ и тяжелыхъ страданій привели его къ убѣжденію, что изъ водоворота нищеты есть только одинъ путь и что на этотъ путь можно ступить только черезъ потоки крови. Безъ сомнѣнія, его гуманной и великодушной природѣ было часто тяжело работать непрерывно подъ вліяніемъ этихъ ужасныхъ убѣжденій. Но эти убѣжденія были непоколебимы и властны, а ежедневный опытъ, казалось, все сильнѣе укрѣплялъ ихъ въ его умѣ. Можемъ ли мы осуждать его за такія чувства? Прежде чѣмъ осуждать, поставимъ себя на его мѣсто. Представимъ себя выброшенными на улицу нищими, безъ работы, безжалостнымъ приказомъ фабричнаго хозяина, и все это только за убѣжденіе, что милосердный Создатель предназначилъ человѣка не для нищеты, и что эта нищета существуетъ благодаря несправедливости нашихъ ближнихъ. Представимъ себѣ любимую жену и малютокъ, существованіе которыхъ зависитъ отъ насъ, и которыхъ мы совершенно не въ состояніи прокормить, подумаемъ о томъ, что этотъ фактъ относится не только къ намъ однимъ, но также къ тысячамъ, больше, десяткамъ тысячамъ нашего класса, что притѣсненія и нищета не только не уменьшаются, но увеличиваются

съ теченіемъ времени и прибавьте ко всему этому твердое рѣшеніе со стороны притѣснителей поддерживать и продолжать это ужасное иго. И представивъ себѣ все это, спросимъ себя вполнѣ искренно: при этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, могли ли бы мы быть болѣе кроткими и болѣе спокойными, чѣмъ Ричардъ Марсденъ? И если только мы не захотимъ обманывать себя, искренность заставитъ насъ отвѣтить отрицательно.

Бредфордскіе демократы избрали своимъ делегатомъ Питера Буссе. Буссе былъ хозяиномъ пивной въ городѣ, и эта пивная была любимымъ мѣстомъ сборища для радикальной партіи. Онъ могъ служить прекраснымъ типомъ грубоватаго, стариннаго англійскаго трактирщика. Его неуклюжія манеры сдѣлали его особеннымъ любимцемъ бредфордскихъ демократовъ, видѣвшихъ въ его грубости доказательства прирожденной честности. Не желая бросать никакой тѣни на характеръ Буссе, мы не можемъ не замѣтить, что это далеко не непогрѣшимый критерій для оцѣнки человѣчества. Въ грубости можетъ быть точно такая же аффектація, какъ и въ изящности, и часто это худшая аффектація изъ двухъ. Рѣчи Бредфордскаго делегата всегда были пропитаны духомъ насилія, и онъ довольно часто заслуживалъ одобренія О'Коннора за смѣлость своихъ рѣчей. Аштонъ вмѣстѣ со своими окрестностями также выбралъ своего делегата. Это было сдѣлано уже раньше, какъ можетъ быть замѣтилъ читатель, на Керсель-Мурѣ, но въ дѣлахъ Стефенса произошли измѣненія, о которыхъ мы разскажемъ въ свое время; онъ долженъ былъ отказаться отъ своей обязанности, и на мѣсто его былъ избранъ замѣститель.

Вскорѣ послѣ того, какъ началась агитація, на политическую арену выступилъ молодой человѣкъ, которому было суждено въ ближайшемъ будущемъ сыграть важную роль въ движеніи. Имя этого человѣка было Питеръ Мёррей М'Дуэль. Родители М'Дуэля занимали среднее положеніе въ обществѣ и рѣшили посвятить своего сына медицинской профессіи. Онъ впервые увидѣлъ свѣтъ въ Ньютонѣ-Стьюуортѣ, въ западной Шотландіи, но еще въ юности переселился въ Рамсботтомъ, маленькій городокъ въ Ланкаширѣ, близъ Бёри. Здѣсь онъ составилъ себѣ довольно большую медицинскую практику. До того времени, какъ началась агитація, обстоятельства его жизни были очень хороши, и онъ могъ разсчитывать занять въ будущемъ видное положеніе. Помимо хорошаго здоровья, у него были всѣ преимущества молодости; ему

было не болѣе 24 лѣтъ, ростомъ онъ былъ скорѣе малъ, но строенъ и хорошо сложенъ. М'Дуэль былъ очень красивъ: черты его овальнаго лица были въ высшей степени выразительны; ротъ невеликъ, но хорошо очерченъ безъ какой либо непріятной складки около губъ; при этомъ большіе глаза, блестѣвшіе огнемъ въ минуту возбужденія, большой высокій и открытый лобъ и темныя, красиво очерченныя брови; волосы свѣтлые, почти песочнаго цвѣта (хотя по правительственнымъ описаніямъ, они были черные), раздѣленные проборомъ по серединѣ красивыми локонами спускались къ шеѣ. Вообще вся его внѣшность была въ высшей степени интересна. У доктора былъ пылкій и горячій темпераментъ, и хотя онъ обладалъ большими мыслительными способностями, но былъ впечатлителенъ до послѣднихъ предѣловъ, и ему ни въ какомъ случаѣ нельзя было отказать въ мужествѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ примкнулъ къ движенію изъ великодушнаго желанія добиться народнаго благосостоянія и былъ глубоко убѣжденъ въ справедливости народныхъ требованій. Для этого дѣла онъ пожертвовалъ доходной профессіей и отдалъ ему всѣ свои средства. Въ первый разъ онъ выступилъ передъ народомъ на публичномъ митингѣ въ городѣ Бёри, подъ покровительствомъ своего друга доктора Флетчера, который уже принималъ участіе въ агитаціи. Первые шаги М'Дуэля на общественной аренѣ были неудачны. Подобно многимъ молодымъ ораторамъ, онъ сильно страдалъ отъ нервнаго возбужденія, затруднявшаго его рѣчь; но лица, не надѣявшіяся на его успѣхъ въ этой области послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ, были потомъ пріятно удивлены, такъ какъ М'Дуэль сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ и лучшихъ ораторовъ движенія. Немного времени понадобилось, чтобы побѣдить нервный страхъ, овладѣвавшій имъ при началѣ его общественной карьеры. Онъ пересталъ заикаться, и рѣчь его лилась сильно и смѣло какъ у опытнаго оратора. Когда Стефенсъ отказался отъ чести засѣдать въ Конвентѣ, онъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ М'Дуэлемъ. Онъ предложилъ М'Дуэля Аштонскому населенію, и тотъ былъ выбранъ единогласно. Шеффильдъ избралъ Вилльяма Гилля рабочаго; Дигэнъ—тоже рабочій былъ избранъ отъ Нью-Мильса: Дергемское графство выбрало своимъ представителемъ Нокса; Мерильбонъ, излюбленное мѣстечко аристократіи, избрало своего собственнаго делегата въ лицѣ Вилльяма Кардо—башмачника, тогда какъ обширный и насе-

ленный округъ Стаффортширъ-Поттерисъ выбралъ выразителемъ своихъ желаній стараго ветерана рабочаго по имени Джонъ Ричардсъ или Дадди Ричардсъ, какъ его называли болѣе фамильярно. Уигэнъ, одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и самыхъ несчастныхъ городовъ Англіи, выбралъ своимъ представителемъ Фэнни; отъ Лейстера былъ избранъ старый господинъ, по имени Смартъ, тогда какъ демократы Ловборо послали своимъ представителемъ Ж. Скевингтона, другого ветерана радикальной партіи. Агитація заразила своимъ демократическимъ духомъ даже такой фешенебельный городъ, какъ Брайтонъ, гдѣ въ Конвентъ былъ избранъ Осборнъ. Ноттингемъ, знаменитый въ лѣтописяхъ чартистской агитаціи, выбралъ Его Преп. доктора Уэда. Достойный докторъ въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ любимцемъ радикальной партіи. Онъ принималъ въ ней самое дѣятельное участіе во времена Союзныхъ Трэдъюніоновъ. Горячая симпатія, которую онъ выказывалъ къ дорчестерскимъ земледѣльцамъ, и интересъ, съ которымъ онъ всегда относился къ рабочему классу, завоевали ему всеобщее довѣріе и уваженіе; это довѣріе и уваженіе усилило безъ сомнѣнія то обстоятельство, что онъ былъ священникомъ въ государственной церкви. Представителемъ Ольдгема былъ избранъ Мильсъ, тогда какъ демократы большого коммерческаго города Ливерпуля почтили своимъ довѣріемъ двухъ лицъ: Уитля и Смита. Радикалы Ридинга не очень многочисленные—послали въ Конвентъ делегата, по имени Тайтъ.

Въ западной Англіи также происходили выборы делегатовъ. Винсентъ привелъ въ броженіе демократическія чувства этого округа. Бристоль выбралъ въ Конвентъ члена Лондонской Демократической Ассоціаціи, товарища Джуліана Гарнея, С. Г. Нисома. Онъ перешелъ уже за средній возрастъ и многіе годы принималъ участіе въ радикальномъ движеніи. Нисомъ не обладалъ ни большими талантами, ни шириною взглядовъ, но лучшимъ средствомъ для пріобрѣтенія популярности ему служилъ его въ высшей степени рѣзкій языкъ. Онъ не старался скрыть своего расположенія къ насильственной революціи, и это обезпечило ему расположеніе Бристольцевъ.

Радикалы аристократическаго города База избрали своимъ представителемъ одного изъ своихъ горожанъ, Милинга, тогда какъ Вилльямъ Каррьеръ былъ избранъ отъ Траубриджа и Брадфорда на публичномъ митингѣ, на которомъ, говорятъ, присутствовало

тридцать тысячъ человѣкъ отъ различныхъ мѣстъ Сомерсета и Вильтса.

Уэльскіе демократы избрали своими представителями въ Конвентъ двухъ делегатовъ. Первымъ изъ нихъ былъ купецъ и городской судья по имени Фростъ; мѣстожительство его было Ньюпортъ, въ графствѣ Монмутъ, и онъ былъ избранъ отъ южной части округа. Винсентъ былъ первымъ публичнымъ лекторомъ, приглашеннымъ въ этотъ округъ и нашелъ тамъ восторженное населеніе, вполнѣ готовое къ воспріятію демократическихъ идей. Уэльсцы почти такой же впечатлительный народъ, какъ и ирландцы. Исторія отмѣчаетъ благородный духъ этого народа въ его стремленіи удержать свою національность. Это стремленіе до нѣкоторой степени существуетъ и сейчасъ, такъ какъ весьма значительное количество Уэльсцевъ отказывается принять англійскій языкъ и строго держится своего природнаго языка. Этотъ національный духъ часто осуждаютъ, считаютъ его выраженіемъ ограниченности и находятъ, что онъ мѣшаетъ развитію универсальности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Ничто не можетъ быть несправедливѣе подобнаго рода разсужденій. Безъ сомнѣнія наступитъ когда нибудь свѣтлый день, когда всемірный духъ братства сплотитъ всѣ земныя націи въ одну общину съ одной душой, съ однимъ сердцемъ, съ одними интересами; но всемірное единеніе должно быть результатомъ взаимнаго пониманія, а не побѣды, такъ какъ духъ любви не можетъ быть созданъ грубой силой. Всемірная исторія есть ни что иное, какъ исторія завоеваній и соединенія нѣсколькихъ націй въ одну жестокой и алчной силой не въ интересахъ человѣчества, а въ угоду безсердечнымъ деспотамъ. Уэльсъ былъ побѣжденъ силою меча, и сознаніе этой несправедливости до сихъ поръ живетъ въ его населеніи и заставляетъ его съ благоговѣніемъ относиться ко всему тому, что можетъ напомнить ему объ его прошлой славѣ.

Этотъ впечатлительный народъ принялъ Винсента съ распростертыми объятіями. Онъ былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы возбудить массы, положеніе которыхъ было не изъ лучшихъ, и вскорѣ въ сердцахъ у слушателей зажегся огонь, грозившій превратиться въ одно неугасимое пламя. Когда Винсентъ пріѣхалъ въ Ньюпортъ, онъ былъ принятъ Джономъ Фростомъ со всѣмъ гостепріимствомъ, отличающимъ Уэльсцевъ. Съ полнымъ безкорыстіемъ, достойнымъ рыцарскихъ временъ, онъ

увѣровалъ въ принципы молодого оратора, и вся его семья съ такимъ же восторгомъ отдалась народному дѣлу, какъ и онъ самъ. Положеніе его, какъ купца и судьи, давало ему огромное вліяніе среди бѣднаго населенія, смотрѣвшаго на него, какъ на своего рода Моисея, посланнаго, чтобы провести его въ обѣтованную землю свободы и благосостоянія.

Бываютъ люди, рожденные демократами. Поставьте ихъ въ какую угодно сферу, они инстинктивно будутъ стремиться къ справедливости и къ гуманности. Джонъ Фростъ принадлежалъ къ людямъ этого типа. Чувство справедливости властвовало у него надъ всѣми другими чувствами. И эту справедливость, которой былъ проникнутъ каждый его поступокъ, нельзя было побѣдить никакими самыми ловкими доводами. Нѣтъ ничего удивительнаго, слѣдовательно, что онъ примкнулъ къ движенію, цѣлью котораго было возвышеніе массъ. Онъ былъ глубоко религіозенъ, хотя и не фанатикъ, и смотрѣлъ на Бога, какъ на всеобщаго Отца,—на человѣчество, какъ на братьевъ, права которыхъ надо одинаково уважать и защищать отъ всякаго нарушенія. Однимъ словомъ, Джонъ Фростъ глубоко и искренно любилъ народъ, и народъ въ свою очередь любилъ его и облекъ его своимъ довѣріемъ, которое онъ никогда не нарушалъ, не смотря на то, что внѣшнія обстоятельства иногда, казалось, говорили противъ него.

Представителемъ демократовъ сѣвернаго Уэльса былъ избранъ Чарльсъ Джонсъ изъ Уэльшпуля. Родители Джонса думали сдѣлать изъ него священника и воспитывали его согласно своей цѣли, но когда они почти были увѣрены, что достигли, чего хотѣли, онъ бросился съ головою въ движеніе и разрушилъ всѣ ихъ планы. Вся семья отвернулась отъ него послѣ такого поступка и предоставила ему искать средства къ существованію у своей партіи. Несчастный Джонсъ не былъ выдающимся ораторомъ. Всѣ свои рѣчи онъ сначала писалъ и потомъ заучивалъ наизусть. Его языкъ былъ очень силенъ и отличался большимъ вкусомъ; онъ говорилъ популярно, но безъ вульгарности. Его рѣчи были сильны и хороши, а его голосъ производилъ очень сильное впечатлѣніе. Онъ былъ высокаго роста, представительной наружности, съ смѣлымъ профилемъ, съ блестящими глазами и черными курчавыми волосами; но характеръ у него былъ до такой степени вспыльчивъ, что онъ часто оскорблялъ даже своихъ друзей.

Трудныя условія его жизни, безъ сомнѣнія, способствовали развитію этой раздражительности.

Шотландія также не отставала въ избраніи делегатовъ. Эдинбургскіе демократы выбрали своимъ представителемъ Вилльерса Танкей. Отецъ его былъ членомъ уничтоженнаго ирландскаго Парламента и пользовался каждымъ случаемъ, чтобы вотировать противъ закона, соединившаго двѣ страны въ одно законодательное собраніе. Населеніе Глазго выбрало своимъ делегатомъ въ Народный Парламентъ Мейера, а отъ Борнса былъ избранъ Гугъ Крэгъ Бэйли изъ Кильмарнока. Бернсъ былъ избранъ изъ большого мануфактурнаго города Денди, а Денкенъ, Галлей и Мэтью были посланы отъ Демфермлейна, Пейсли и отъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ Шотландіи. Теперь остается упомянуть только еще объ одномъ человѣкѣ, но такъ какъ мы должны довольно долго остановиться на немъ, то мы и закончимъ здѣсь эту главу.

ГЛАВА IV.

Джемсъ Бронтеръ О'Брайенъ.

Въ періодъ, который мы описываемъ, жилъ одинъ человѣкъ, сдѣлавшій больше для распространенія демократическихъ убѣжденій, чѣмъ кто либо другой изъ участниковъ движенія и, за единственнымъ исключеніемъ О'Коннора, пользовавшійся наибольшей популярностью. Но труды и почести платформы не играли большой роли въ его жизни. Его вліяніе распространялось, главнымъ образомъ, посредствомъ печати. Этого человѣка звали Джемсъ Бронтеръ О'Брайенъ и, какъ показываетъ его фамилія, онъ былъ родомъ изъ Ирландіи. Отецъ О'Брайена, въ продолженіе многихъ лѣтъ, велъ большую торговлю виномъ и спиртомъ и имѣлъ кромѣ того табачную фабрику въ Лонгфордскомъ графствѣ. Сынъ его родился въ 1805 году и, слѣдовательно, въ началѣ Чартистскаго движенія ему было около тридцати трехъ лѣтъ. Геній О'Брайена началъ обнаруживаться въ самомъ раннемъ возрастѣ; ему не было еще десяти лѣтъ, какъ онъ изучилъ уже нѣсколько языковъ, въ которыхъ достигъ довольно значительнаго совершенства. Дѣла его отца разстроились вслѣдствіе пріостановки дѣятельности нѣсколькихъ Дублинскихъ фирмъ, и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ онъ поѣхалъ въ Западную Индію съ цѣлью поправить свое разстроенное состояніе, но тамъ заболѣлъ и умеръ. Сынъ его былъ предоставленъ теперь, подобно Байрону, попеченію оставшейся въ живыхъ матери, и она рѣшила посвятить его какой нибудь изъ ученыхъ профессій. Обладая природными склонностями къ наукѣ, онъ употреблялъ всѣ старанія для пріобрѣтенія знаній, очень быстро овладѣлъ латинскимъ, французскимъ, греческимъ и итальянскимъ языками и въ то же самое время сдѣлалъ самые блестящіе успѣхи въ

математикѣ и другихъ наукахъ. Онъ обнаружилъ также большія литературныя способности, какъ въ прозѣ такъ и въ поэзіи. Покойный Лоуель Эджевортъ (братъ знаменитой писательницы того же имени, любившій производить педагогическіе опыты, узналъ о многообѣщающихъ дарованіяхъ юнаго школьника и попросилъ его мать помѣстить ея сына въ школу Эджеворта, гдѣ ученіе велось по мониторной системѣ, которую Эджевортъ находилъ лучшей для пополненія образованія болѣе способныхъ учениковъ.

Послѣ недолгаго пребыванія въ школѣ О'Брайенъ сдѣлался первымъ среди двадцати одного монитора въ школѣ, и ему было поручено обученіе старшихъ классовъ. Миссъ Эджевортъ часто посѣщала своего брата и въ одно изъ такихъ посѣщеній подарила О'Брайену прекрасное изданіе сочиненій Попа, въ награду за его исключительные успѣхи. Сэръ Вальтеръ Скоттъ, посѣтивъ школу, былъ такъ пораженъ выдающимися талантами и знаніями О'Брайена, что подарилъ ему на память серебряный футляръ для карандаша. Подобные же подарки онъ получалъ и отъ другихъ извѣстныхъ лицъ, въ знакъ ихъ уваженія. Пробывъ въ вышеуказанномъ заведеніи нѣсколько лѣтъ, онъ переселился въ Дублинъ и поступилъ здѣсь въ университетъ, гдѣ достигъ высшихъ академическихъ отличій, еще будучи тамъ, а при окончаніи университета получилъ степень Баккалавра Искусствъ. Вскорѣ послѣ того, поступилъ въ королевское училище Правовѣдѣнія, откуда перешелъ въ училище Правовѣдѣнія Грея, въ Лондонѣ, гдѣ подготовлялся къ адвокатской дѣятельности.

Но какъ разъ въ то время, когда О'Брайенъ подвигался къ намѣченной имъ цѣли, онъ познакомился съ Коббетомъ, Гентомъ и другими лидерами реформы; это знакомство открыло для него политическій міръ. Съ этого часа онъ обрекъ себя на непрерывную борьбу противъ, такъ называемыхъ, законныхъ учрежденій. Въ первый разъ О'Брайенъ выступилъ передъ британской публикой, подъ покровительствомъ Гента, на Лондонскомъ митингѣ, насколько мы помнимъ въ 1730 году. Гентъ сообщилъ митингу, что будетъ имѣть удовольствіе представить ему молодого человѣка съ большими дарованіями, всѣ симпатіи котораго всецѣло принадлежатъ народу и который, по его мнѣнію, былъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для дѣла. Затѣмъ, со свойственной ему грубоватостью, онъ закричалъ О'Брайену: „Идите

сюда, милѣйшій, и говорите сами за себя". Подобно многимъ другимъ молодымъ людямъ, только что вступающимъ въ общественную жизнь, О'Брайену стоило нѣкотораго труда побѣдить свою робость, перешедшую въ страхъ, когда онъ обратился къ митингу. Но уже по первому опыту можно было видѣть, что въ скоромъ времени О'Брайенъ будетъ имѣть огромное вліяніе на умы рабочаго класса. Когда началась борьба за освобожденіе прессы отъ штемпельнаго сбора, Гезерингтонъ почувствовалъ, какъ много можетъ выиграть дѣло, если О'Брайенъ выступитъ, какъ писатель, и онъ сталъ издавать *The Poor Man's Guardian*. Газета эта объявила, что она будетъ издаваться вопреки закону, чтобы удостовѣриться, насколько право сильнѣе власти; и О'Брайенъ, выступивъ въ этой газетѣ, былъ оцѣненъ, какъ публицистъ, и получилъ извѣстность. Онъ писалъ также очень талантливыя статьи въ *The Twopenny Despatch*, въ *The Peaple's Conservative*, *The Destructive* и въ другихъ газетахъ. Огромное вліяніе, которымъ пользовались эти газеты, должны хорошо помнить политики того времени. Правительство пользовалось всѣми возможными средствами, чтобы уничтожить ихъ, не столько изъ-за штемпельнаго сбора, сколько изъ-за страха передъ распространяемыми ими доктринами. Въ 1736 году О'Брайенъ сдѣлалъ новый шагъ въ демократической литературѣ, издавъ переводъ книги подъ заглавіемъ „Исторія заговора Бабефа для достиженія равенства" Буонаротти. О'Брайенъ считалъ, что всѣ предшествовавшіе, такъ называемые, историки французской революціи, были немногимъ лучше простыхъ доносчиковъ и, выставляя на восхищеніе всему свѣту величайшихъ враговъ общества, чернили и искажали характеръ наилучшихъ, наиболѣе гуманныхъ и просвѣщенныхъ друзей народа. Онъ находилъ, что книга Буонаротти проливаетъ яркій свѣтъ на людей и на событія этой важной эпохи, а знаніе французскаго языка дало ему возможность перевести книгу самымъ лучшимъ образомъ. Книгѣ предшествовало предисловіе переводчика, въ которомъ онъ въ сильныхъ и горячихъ выраженіяхъ изобличалъ поведеніе высшихъ и среднихъ классовъ Франціи. Къ нѣкоторымъ мѣстамъ произведенія были прибавлены тщательныя примѣчанія, объяснявшія неясности автора и вносившія нѣкоторыя поправки къ его взглядамъ. Если мы припомнимъ, что исторія Буонаротти вызвала похвалу даже со стороны *Quarterly Review*, органа тори, то читатель можетъ составить себѣ понятіе, какъ объ историческихъ познаніяхъ,

О'Брайена, такъ и объ его литературномъ дарованіи. Вскорѣ послѣ изданія этого произведенія О'Брайенъ поѣхалъ въ Парижъ, отчасти, какъ мы думаемъ, съ цѣлью собрать матеріалъ для точной и правдивой біографіи Робеспьера, характеръ котораго по его мнѣнію былъ оклеветанъ самымъ безстыднымъ и грубымъ образомъ.

Злые нападки на Робеспьера его клеветниковъ въ первый разъ привели О'Брайена къ мысли, что Робеспьеръ могъ быть какъ разъ полной противоположностью того, что писали объ немъ историки, и онъ рѣшилъ заняться кореннымъ изученіемъ этого вопроса. О'Брайенъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ:—„Лица, писавшія о характерѣ Робеспьера, принадлежали къ тому классу общества, монополію и злоупотребленія котораго онъ считалъ своей миссіей уничтожить. Эти классы были виновны какъ разъ въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ они обвиняли свою жертву. Ихъ нескрываемое намѣреніе было защитить себя отъ нападокъ, слѣдовательно въ ихъ интересахъ было очернить характеръ своего противника, достоинства котораго, если ихъ узнать и сравнить съ многочисленными преступленіями тѣхъ людей, могли бы служить для нихъ вѣчнымъ упрекомъ". Онъ заключилъ изъ этого, что чѣмъ выше были достоинства Робеспьера, тѣмъ болѣе естественно было съ ихъ стороны запятнать его безчестіемъ. Вскорѣ въ печати появилась книга о Жизни Робеспьера, которую можно причислить къ одному изъ лучшихъ произведеній своего рода, когда либо появлявшихся на свѣтъ. Онъ старался доказать въ этой работѣ, что избранный имъ герой не только не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ лицомъ, которое обыкновенно описывали, но принадлежалъ къ самымъ просвѣщеннымъ, самымъ гуманнымъ реформаторамъ въ мірѣ.

Болѣе смѣлый шагъ трудно было сдѣлать какому бы то ни было публицисту. Это былъ прямой вызовъ строго установившемуся и почти общепринятому мнѣнію,—вызовъ, повидимому, непреложной истинѣ. Мы должны будемъ здѣсь коснуться дурныхъ качествъ Робеспьера, которые приписывали ему его враги, и тогда только мы дадимъ понятіе о томъ мужествѣ, которое надо было имѣть, чтобы выступить печатно на его защиту.

Монгальяръ, Монгуа и Дессодорсъ, все французскіе писатели, утверждали, что Робеспьеръ былъ „невѣжественъ, безобразенъ, суровъ, мраченъ, золъ, вульгаренъ, распущенъ, грубъ, завистливъ,

ненавидѣлъ журналистику, отличался варварскимъ отношеніемъ къ искусству и наукѣ, былъ палачемъ своихъ враговъ, убійцею своихъ друзей, но женился только потому, что чистота брака не подходила къ его распущеннымъ вкусамъ, былъ обольстителемъ дочери своего благодѣтеля, грязнымъ животнымъ, кончавшимъ свои дневныя оргіи гильотиной и сладострастіемъ, ночнымъ развратомъ среди самыхъ грубыхъ проститутокъ".

Вотъ какъ описывали характеръ человѣка, игравшаго такую видную роль въ исторіи революціи, и надо было очень много смѣлости, чтобы взять на себя рискованное дѣло защиты такого человѣка. И эту защиту взялъ на себя О'Брайенъ, бросивъ вызовъ предвзятымъ мнѣніямъ, которыя конечно должны были возмутиться такимъ образомъ дѣйствій; и онъ привелъ массу доказательствъ, достаточную для того, чтобы поколебать вѣру всѣхъ безпристрастныхъ людей въ правдивость этихъ, такъ называемыхъ, историковъ. Утверждали, что Робеспьеръ былъ жестокъ отъ природы и что онъ обнаруживалъ эту жестокость въ различныхъ случаяхъ въ самомъ раннемъ періодѣ своей жизни. Но О'Брайенъ доказывалъ, приводя свидѣтельства другой стороны, ложь этихъ обвиненій и утверждалъ, что Робеспьеръ былъ одаренъ болѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ размѣрахъ гуманными и великодушными чувствами. Онъ также успѣшно опровергъ обвиненіе въ невѣжествѣ и вульгарности; и на основаніи произведеній его юности, а также на основаніи показаній однихъ изъ первыхъ профессоровъ Франціи, доказалъ, что Робеспьеръ обладалъ не только большимъ и оригинальнымъ умомъ, но также даромъ выражать свои мысли изящнымъ и классическимъ языкомъ; и что всѣ его поступки доказываютъ, что онъ былъ въ истинномъ смыслѣ этого слова горячимъ, энергичнымъ, неустаннымъ другомъ справедливости и гуманности. Подтвержденіе того, что О'Брайенъ писалъ свое произведеніе не на основаніи только своей собственной фантазіи, можно найти въ достаточной степени въ его книгѣ, а также у Ламартина, этого поклонника Жирондистовъ (непримиримыхъ враговъ Робеспьера). Великій писатель въ своей знаменитой Исторіи Жирондистовъ говоритъ читателямъ, что Робеспьеръ былъ, пожалуй, единственнымъ человѣкомъ, съ самаго начала предвидѣвшимъ конецъ революціи. Онъ свидѣтельствуетъ также о величіи и широтѣ его взглядовъ и даетъ многія доказательства его гуманности и его ужаса пе-

редъ кровопролитіемъ. Онъ доказываетъ всѣмъ, кто только хочетъ взять на себя трудъ читать и сравнивать, что, когда Робеспьеръ давалъ свою санкцію на уничтоженіе человѣческой жизни, онъ былъ вынужденъ это дѣлать подъ вліяніемъ суровой и неумолимой необходимости.

Еще до начала агитаціи въ пользу Хартіи О'Брайенъ, какъ публицистъ, выбралъ для себя далеко не обычный путь среди политическихъ дѣятелей того времени. Онъ не ограничивался только одной политикой и не потому, чтобы не достаточно цѣнилъ политическія реформы: напротивъ, онъ старался показать, что всѣ усилія народа достигнуть соціальной эмансипаціи должны кончиться неудачей, если законодательная власть останется въ рукахъ его притѣснителей; но онъ понималъ также и старался объяснить своимъ читателямъ, что самое большое политическое вліяніе не поможетъ имъ разбить оковы соціальнаго бѣдствія, покуда для нихъ не станутъ ясны истинныя основы общества. Онъ находилъ, что двумя ужасными источниками нашихъ главныхъ и основныхъ золъ служатъ лендлордизмъ и ростовщичество въ ихъ самыхъ разнообразныхъ формахъ и проявленіяхъ. До этого времени существовало, можно сказать, только двѣ школы соціальныхъ экономистовъ. Одна сторона защищала, такъ называемыя, права собственности, не обращая никакого вниманія на требованіе промышленности; другая сторона, подобно Роберту Оуену, старалась подрѣзать самые корни частной собственности и замѣнить ее коммунистическимъ владѣніемъ. Правда, была еще небольшая часть лицъ, принадлежавшая къ школѣ Остлера, но ея требованія по отношенію къ труду были основаны больше на благотворительности, чѣмъ на основномъ правѣ. О'Брайенъ стоялъ между этими двумя школами и, возражая на положеніе первой, онъ доказывалъ также несостоятельность послѣдней, старавшейся перестроить общество на основаніи голой и непровѣренной теоріи; но онъ былъ не только критикомъ чужихъ недостатковъ, онъ искалъ также какими способами примирить права частной собственности съ наиболѣе полной справедливостью по отношенію къ трудящимся классамъ.

Его взгляды въ то время еще не были такъ закончены, какъ въ позднѣйшее время, но онъ развивалъ, тѣмъ не менѣе, основные свои принципы въ многочисленныхъ и талантливыхъ статьяхъ. Хотя иниціатива въ дѣлѣ Чартистскаго движенія при-

надлежала другимъ лицамъ, но основаніемъ для этого движенія служили статьи О'Брайена, и его огромное вліяніе въ этомъ дѣлѣ было признано, какъ только началась агитація. Хотя онъ и не старался никогда привлечь къ себѣ вниманіе общества, народъ, для котораго онъ такъ долго и такъ горячо работалъ, самъ обратился къ нему. Какъ только былъ рѣшенъ вопросъ объ учрежденіи Конвента, болѣе тринадцати избирательныхъ коллегій обратились къ нему съ просьбой быть ихъ представителемъ въ этомъ учрежденіи. Сначала онъ отклонилъ эти приглашенія, но нѣкоторыя изъ коллегій, не обращая вниманія на его отказъ, все же вопреки его желанію избирали его своимъ представителемъ. Такъ сдѣлали Лондонъ, Манчестеръ, Стокпортъ, Норвичъ, Ли и островъ Уайтъ. Это открытое, настойчивое выраженіе довѣрія побѣдило его колебанія, и онъ рѣшился взять на себя обязанности делегата. Мы не можемъ не сказать въ заключеніе нѣсколькихъ словъ о наружности и личныхъ свойствахъ О'Брайена. Онъ былъ немного выше средняго роста, хорошо сложенъ, но съ нѣкоторою наклонностью къ сутуловатости, какъ это всегда бываетъ у большихъ ученыхъ. Черты его лица были скорѣе красивы, хотя намъ приходилось иногда слышать и противоположное мнѣніе. Эта разница во мнѣніи въ значительной степени зависѣла отъ того настроенія, въ которомъ его видѣли. Когда онъ находился подъ вліяніемъ непріятныхъ мыслей, его нельзя было назвать очень красивымъ; но когда онъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи, рѣдко можно было встрѣтить болѣе обаятельнаго человѣка, чѣмъ О'Брайенъ. Его высокій широкій и большой лобъ указывалъ на его исключительныя умственныя способности, и въ то же самое время на его черепѣ была развита выпуклость, указывающая, по мнѣнію френологовъ, на добродушіе. Можно сказать, что изъ всѣхъ демократическихъ лидеровъ, выступавшихъ въ началѣ Чартистскаго движенія онъ обладалъ наиболѣе широкимъ умомъ. Въ рядахъ Чартистовъ онъ былъ обыкновенно извѣстенъ подъ именемъ школьнаго „учителя", титулъ данный ему О'Конноромъ. Его самые большіе враги не отрицали въ немъ огромнаго ума. *Weekly Chronicle* осыпала его всевозможными обвиненіями, но въ той же самой статьѣ она говорила о немъ, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ больше въ своемъ мизинцѣ, чѣмъ всѣ остальные лидеры Чартизма вмѣстѣ взятые.

Какъ ораторъ, О'Брайенъ стоялъ совершенно особнякомъ. Мы

знали даже нѣкоторыхъ лицъ, совершенно отрицавшихъ въ немъ ораторскій талантъ. Трудно было впасть въ большее заблужденіе. Правда, у него не было ни цвѣтистаго стиля Винсента, ни стремительнаго потока краснорѣчія О'Коннора, ни осторожной разсудительности, отличавшей рѣчи Лоурей. Но онъ въ извѣстной степени соединялъ свойства всѣхъ этихъ трехъ ораторовъ. Когда онъ развивалъ какую нибудь мысль, его логика была удивительна. Ни одинъ ораторъ не способенъ былъ подняться до такой высоты, или такъ увлечь аудиторію силою и глубиною своихъ чувствъ, и ни одинъ ораторъ не могъ соперничать съ нимъ въ гибкости голоса. Кромѣ того, онъ превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей въ умѣніи пользоваться сатирическими пріемами; но въ его остроуміи не было грубости; оно было красиво и могуче— могуче, какъ сама логика, и дѣйствовало съ такой же силой. Ни одинъ человѣкъ не умѣлъ такъ искусно соединить въ одно цѣлое логику, сатиру и краснорѣчіе и съ непобѣдимой силой обрушиться при помощи этого тройного орудія на своего противника. Онъ обладалъ также счастливою способностью приспособляться къ пониманію аудиторіи. Оратора нужно судить главнымъ образомъ по тому впечатлѣнію, которое онъ производитъ, чѣмъ по какимъ либо другимъ качествамъ, и съ этой точки зрѣнія О'Брайена надо признать первоклассныымъ ораторомъ. Когда онъ бывалъ здоровъ, въ духѣ и имѣлъ передъ собой многочисленную аудиторію, главная его задача состояла не въ томъ, чтобы возбудить къ себѣ симпатію слушателей, но, напротивъ, въ томъ, чтобы сдержать бурные аплодисменты, которыми его привѣтствовали. Мы должны также замѣтить, что въ то время, о которомъ мы пишемъ, онъ говорилъ гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ всѣ другіе ораторы. Обыкновенно на митингѣ онъ занималъ три часа, но иногда его рѣчь длилась четыре и даже пять часовъ, и вниманіе аудиторіи было все время приковано къ его словамъ. Безъ всякаго колебанія мы скажемъ наше мнѣніе, что человѣкъ, обладавшій такими способностями, долженъ былъ быть выдающимся ораторомъ, и что онъ былъ художникомъ не только словъ, но и идей.

Въ то время какъ демократы Лондона, средней и сѣверной Англіи усиленно работали для ускоренія дѣла народной Хартіи, демократы западной Англіи, какъ мы уже упоминали раньше, также усиленно работали въ этомъ направленіи. Винсентъ каж-

дый день собиралъ тысячи народа для обсужденія этой обширной парламентской реформы. Въ Бристолѣ, Базѣ, Чельтенгемѣ, Траубриджѣ, Бредфордѣ и другихъ городахъ господствовало сильное возбужденіе подъ вліяніемъ горячихъ рѣчей знаменитаго оратора, популярность котораго въ этихъ округахъ достигла огромныхъ предѣловъ. Женщины еще съ большимъ восторгомъ, чѣмъ мущины, относились ко всеобщему движенію. Они организовали между собой радикальную Ассоціацію, насчитывавшую сотни именъ. Безъ сомнѣнія въ патріотизмѣ этихъ прекрасныхъ представительницъ демократіи играло большую роль личное обаяніе Винсента. Какъ мы уже раньше замѣтили, онъ былъ общимъ любимцемъ женщинъ. Женщины демократки въ Базѣ часто устраивали митинги, на которыхъ Винсентъ являлся всегда почетнымъ гостемъ. Въ знакъ благодарности за его услуги, онѣ устроили между собою подписку и подарили ему цѣнные золотые часы. Этотъ подарокъ былъ ему поднесенъ на публичномъ митингѣ, и онъ превзошолъ самого себя въ благодарственной рѣчи, которую произнесъ по этому поводу. Въ доказательство того, въ какомъ возбужденіи находились женщины этого красиваго, фешенебельнаго романтическаго города, достаточно замѣтить, что когда стало извѣстно, что Винсентъ изъявилъ свое согласіе почтить митингъ своимъ присутствіемъ, онѣ наняли Гартшильскій садъ, въ разстояніи одной мили отъ города, и тамъ, чтобы привѣтствовать его, собрались четыре тысячи женщинъ, и кромѣ того огромное количество не могло войти, такъ какъ было занято каждое мѣстечко. На этомъ собраніи произошелъ довольно забавный инцидентъ. Женщины рѣшили, что, за исключеніемъ ихъ любимца Винсента, ни одинъ мущина не будетъ допущенъ въ собраніе. Но не смотря на это запрещеніе, однимъ изъ представителей грубаго пола овладѣло такое любопытство (болѣе приличное представительницѣ прекраснаго пола), что онъ переодѣлся въ женское платье и такимъ образомъ пробрался въ садъ. Обманъ былъ быстро обнаруженъ, почти сейчасъ же сдѣлался извѣстенъ митингу, и незванный гость былъ изгнанъ изъ сада среди добродушныхъ шутокъ. Предсѣдательницею избрали миссисъ Болуель, жену одного изъ радикальныхъ лидеровъ въ Базѣ, и Винсентъ произнесъ длинную рѣчь. Когда кончился митингъ въ саду, онъ обратился къ лицамъ, стоявшимъ внѣ сада, и не имѣвшимъ возможности войти. Восторженныя слушательницы

махали ему платками и всячески выражали ему свое удовольствіе.

Митингъ, устроенный въ Базѣ, съ цѣлью избрать делегатовъ въ Конвентъ, былъ очень многочисленъ. Считали, что тамъ присутствовало пятнадцать тысячъ человѣкъ. Кромѣ Винсента и другихъ ораторовъ, митингъ почтилъ своимъ присутствіемъ полковникъ Вильямъ Нэпиръ, произнесшій тысячной толпѣ рѣчь по поводу всеобщаго голосованія. Благородный полковникъ былъ тѣмъ не менѣе глубоко обиженъ на этомъ митингѣ. Винсентъ въ своей рѣчи между прочимъ упомянулъ о партіяхъ, находившихся въ оппозиціи къ народному движенію и замѣтилъ, что эти бездѣльники задерживаютъ движеніе. „Лордъ Джонъ Россель бездѣльникъ! Гарри Брумъ бездѣльникъ! Герцогъ Велингтонъ бездѣльникъ"! Полковникъ выступилъ впередъ и воскликнулъ: „Я протестую противъ этого, Герцогъ Велингтонъ не бездѣльникъ; онъ храбро, благородно и славно сражался за свою страну. Онъ не бездѣльникъ". Винсентъ продолжалъ: „Я говорю, что каждый человѣкъ, отрицающій за мною право на голосованіе, бездѣльникъ, будь то Россель, Велингтонъ или Нэпиръ". Полковникъ заявилъ, что ораторъ сегодня позволяетъ себѣ такія выраженія, которыя только вредятъ дѣлу. За исключеніемъ этого маленькаго инцидента митингъ прошелъ въ полномъ согласіи.

Самая большая демонстрація западныхъ графствъ произошла, 30 сентября, 1838 года, въ Трауль-Коммонѣ, мѣстечкѣ, между Траубриджемъ и Бредфордомъ. Двѣ многочисленныя процессіи отправились изъ этихъ городовъ, отъ которыхъ до мѣста сборища было около мили. Прежде чѣмъ процессія вышла изъ Траубриджа, молодая дѣвушка отъ имени всѣхъ дѣвушекъ въ городѣ поднесла Винсенту шелковый шарфъ, а замужнія женщины поднесли такой же подарокъ Каррьеру. Обѣ процессіи изъ Траубриджа и Бредфорда встрѣтились въ Коммонѣ и, какъ только они соединились, воздухъ наполнился восторженными рукоплесканіями. Тридцать тысячъ человѣкъ поклялись въ вѣрности народному дѣлу въ этотъ день. Если мы вспомнимъ о сравнительной малочисленности населенія въ этомъ округѣ, мы должны будемъ сознаться, что возбужденіе должно было быть очень велико, если народъ собрался въ такомъ огромномъ количествѣ. Дѣло въ томъ, что Винсентъ зажегъ умы массъ, и многіе талантливые люди слѣдовали его примѣру, выступая какъ публичные ораторы,

и отдавая всю свою энергію общему дѣлу. Въ числѣ ихъ былъ В. П. Робертсъ, присяжный повѣренный въ Базѣ, двоюродный братъ тогдашняго лорда Главнаго Судьи сера Николая Тиндаля. Послѣ перваго же посѣщенія Винсента База Робертсъ сошелся съ нимъ, сдѣлался его самымъ интимнымъ другомъ и раздѣлялъ съ нимъ опасности и почести борьбы. Молодой химикъ изъ Траубриджа, по имени Поттсъ, восторженный демократъ, также присоединился къ нимъ и отдался движенію со всѣмъ пыломъ и со всей неустрашимостью молодости. Вилльямъ Каррьеръ, фигурировавшій на митингѣ въ Palace Yard, рабочій, но лучшій изъ всѣхъ мѣстныхъ ораторовъ, также оказывалъ помощь въ дѣлѣ распространенія принциповъ демократіи. Если въ началѣ своей карьеры Винсентъ и обнаруживалъ склонность къ моральному воздѣйствію, то теперь всѣ его рѣчи были болѣе или менѣе проникнуты стремленіемъ къ физическому насилію. Онъ говорилъ о скорой побѣдѣ народа въ самыхъ смѣлыхъ выраженіяхъ. Онъ присутствовалъ на большихъ и въ высшей степени возбужденяыхъ митингахъ Бристольскихъ демократовъ въ Брендонъ-Гилѣ. Разъ онъ пріѣхалъ на митингъ на бѣломъ конѣ, обрушился съ самыми сильными обвиненіями на правительство и предсказалъ его быстрое паденіе. Въ Траубриджѣ „лойяльная" часть населенія съ каждымъ днемъ приходила все въ большую тревогу по поводу грозившей имъ неминуемой опасности. Поттсъ такъ открыто исповѣдывалъ свое сочувствіе къ физическому насилію, что украсилъ свое окно огромной цѣпью изъ пуль, которыя онъ имѣлъ дерзостью называть „пилюлями Тори". Винсентъ былъ настолько занятъ въ этомъ округѣ, что въ теченіе долгаго времени не могъ найти дня, чтобы поѣхать въ какое либо другое мѣсто. Къ его услугамъ обращались безпрерывно, и чѣмъ болѣе онъ работалъ, тѣмъ чаще и настойчивѣе становились эти просьбы.

Въ то время какъ Глазго, Ньюкастль, Бирмингамъ, Лондонъ, Манчестеръ и Пипъ-Гринъ служили аренами для огромныхъ соединенныхъ митинговъ, другія мѣстности обнаруживали не меньшую дѣятельность въ распространеніи принциповъ Хартіи. Города и деревни вокругъ Ньюкастля съ такимъ же восторгомъ отдавались движенію, какъ и самъ этотъ благородный городъ. Десятаго октября населеніе маленькаго приморскаго городка Блиса собралось въ количествѣ тысячи человѣкъ, причемъ рѣчи говорили

Аркелъ, Генбернъ, Браунъ, Бердъ, Смитъ и Лоурей. Собраніе было въ большомъ восторгѣ, и всѣ заявили о своемъ полномъ сочувствіи Хартіи. Въ деревнѣ Освортъ былъ устроенъ такой же восторженный митингъ, на которомъ говорили Гаммонтъ, предсѣдатель, Томасонъ, Смитъ и Девиръ. Въ заключеніе они образовали отдѣлъ Сѣвернаго Политическаго Союза. Въ Гринсайдѣ, деревнѣ по южной сторонѣ Тайна, народъ собрался на открытомъ воздухѣ въ количествѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Среди нихъ было очень много женщинъ. Присутствовалъ чудный оркестръ изъ Винлетона. Рѣчи говорили Фостеръ, предсѣдатель, и депутація изъ Ньюкастля. Митингъ прошелъ въ большомъ возбужденіи, а когда онъ кончился, цѣлая процессія отправилась провожать депутацію изъ Ньюкастля до Винлэтона, гдѣ въ тотъ же самый вечеръ долженъ былъ состояться другой митингъ. Съ этой цѣлью былъ нанятъ театръ, но такъ какъ въ немъ не могли помѣстить собравшуюся многотысячную толпу, то митингъ рѣшили перенести на открытый воздухъ. Предсѣдателемъ былъ выбранъ Сомерсайдъ, а рѣчи говорили Ольдеръ, Смитъ, Паркеръ, Томасонъ, Чарльтонъ и Кокбернъ. Въ теченіе всего собранія царилъ самый пылкій энтузіазмъ. Въ Карлейлѣ царило то же настроеніе. Въ августѣ публичный митингъ въ честь движенія былъ устроенъ въ залѣ Городской Думы, гдѣ могла помѣститься только тысяча. Залъ былъ переполненъ, и почти такое же количество осталось внѣ зданія, такъ какъ не было возможности пройти. Ораторами выступили Голлъ, Гансонъ, Барнсъ, Бердъ, Макъ-Кензи, Барръ и Лоренсъ. Ни одинъ голосъ не поднялся противъ предложенной резолюціи, и было объявлено, что союзъ считаетъ въ числѣ своихъ членовъ тысячу двѣсти лицъ. Въ Шотландіи, Абердинѣ, Демфризѣ, Денди и большинствѣ городовъ Лоленда, большихъ и маленькихъ, шла дѣятельная агитація. Въ Абердинѣ былъ устроенъ большой митингъ, и Денкенъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой между прочимъ довольно остроумно говорилъ о духовенствѣ. „Тори — сказалъ Денкенъ — всѣ религіозны: они много говорятъ о религіи. Они хотятъ все новыхъ церквей и, возможно больше, тупоголовыхъ священниковъ, а каждый священникъ, сказать вамъ правду, находится въ союзѣ съ казною. Священники тори—это наши современные фарисеи: они произносятъ длинныя молитвы, молятся на углахъ улицъ, но пожираютъ дома вдовицъ. Такъ искажаютъ они Евангеліе Іисуса

Христа. Тираны платятъ священникамъ, а священники обманываютъ народъ ради войска. Мы платимъ двѣнадцать милліоновъ для поддержанія нашего войска, и во всемъ свѣтѣ не имѣемъ враговъ. Требуется двадцать пять тысячъ штыковъ для того, чтобы охранять Евангеліе Іисуса Христа въ Ирландіи. Согласны ли вы терпѣть такой порядокъ вещей?“ Въ отвѣтъ на вопросъ оратора раздались громкія рукоплесканія и крики—„нѣтъ, никогда!“ Въ Демпфридѣ митингъ былъ устроенъ на Корбели-Гилѣ. На вершинѣ холма развѣвалось нѣсколько знаменъ. Кембель, Найтъ и Уордропъ обратились съ рѣчами къ собравшимся тысячамъ, и митингъ единогласно выразилъ рѣшеніе стоять за принципы Хартіи.

Въ большомъ коммерческомъ городѣ Ливерпулѣ толпа изъ нѣсколькихъ тысячъ собралась, 25 сентября, во дворѣ Старой Больницы. Во все время митинга дождь лилъ потоками, но тѣмъ не менѣе толпа находилась въ хорошемъ настроеніи, благодаря краснорѣчію Гутфелло, Робинсона, Эдмундса, О'Коннора, Меррея, Коббета, Коллинса, Лоуреа и другихъ, и резолюціи принимались единогласно. За митингомъ послѣдовалъ въ тотъ же вечеръ большой обѣдъ, послѣ котораго ораторы говорили собравшемуся обществу до двѣнадцати часовъ. Все время царствовали полный порядокъ и полная гармонія.

Даже въ правительственномъ городѣ Девонпортѣ демократія не спала. Былъ устроенъ митингъ въ залѣ на двѣ тысячи человѣкъ, но собралась такая огромная толпа, что надо было перенести собраніе на открытый воздухъ; *Sun* подтвердилъ, что на этомъ митингѣ собралось четыре тысячи человѣкъ и выразилъ по этому поводу свое удивленіе. Все время царствовалъ самый горячій энтузіазмъ. Шеффильдскіе демократы, повидимому, слѣдовали направленію Эбенезера Элліота, произнесшему рѣчь на митингѣ въ Palace Yard. Они собрались, 25 сентября, въ количествѣ двадцати тысячъ человѣкъ. Великій поэтъ „хлѣбныхъ законовъ“ былъ избранъ предсѣдателемъ, а Гилль, Бекененъ и другіе талантливые ораторы произнесли рѣчи. Митингъ прошелъ очень оживленно. 30 сентября Брайтонскіе радикалы устроили огромную демонстрацію, чтобы показать свою численность. Фиргусъ О'Конноръ былъ героемъ дня, и митингъ обнаружилъ самый бѣшеный энтузіазмъ. Въ Ковентри народъ выразилъ свое сочувствіе Хартіи устройствомъ большой демонстраціи,

на открытомъ воздухѣ; а въ графствѣ Нордгемптонѣ митинги были устроены въ Лонгъ-Беклей, Кеттерингѣ, Давентри, Веллингборо и во многихъ другихъ деревняхъ, причемъ была организована очень успѣшная подписка въ пользу дѣла. Въ маленькомъ городкѣ Кеттерингѣ радикальная Ассоціація насчитывала не менѣе трехсотъ членовъ. Въ Ибсвичѣ, демократы устроили большой митингъ, на которомъ петиція была принята единогласно. Въ Бирмингамѣ радикальныя леди образовали между собою союзъ. На ихъ собраніяхъ царствовалъ самый большой энтузіазмъ. На одномъ изъ митинговъ этого союза, устроенномъ въ началѣ сентября, предсѣдательница заявила, что въ союзѣ насчитывается тысяча триста членовъ. Она заявила также, что давно уже вычеркнула изъ своихъ молитвъ то мѣсто, въ которомъ возносится благодарность Богу за его „земныя блага", такъ какъ очень немного изъ „земныхъ благъ" появлялось на ея столѣ. На этомъ митингѣ изъ средствъ союза было отчислено десять фунтовъ въ пользу предполагавшагося Конвента. Недѣлю спустя былъ устроенъ второй митингъ отъ того же союза, на которомъ Коллинсъ представилъ собранію Джемса Айера изъ Ньюкастля, который въ своей рѣчи въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ нападалъ на новый законъ о бѣдныхъ. Онъ заявилъ собравшимся сотнямъ народа, что его вражда къ новому закону настолько сильна, что ему не стоитъ никакого труда поклясться передъ собраніемъ, какъ онъ уже сдѣлалъ это на другомъ митингѣ, что „если попечители бѣдныхъ отъ имени закона когда-нибудь попробуютъ разлучить его съ женою, то имъ удастся привести этотъ законъ въ исполненіе только надъ его бездыханнымъ тѣломъ". Это заявленіе встрѣтило горячее одобреніе со стороны собранія.

Бирмингамскій Политическій Союзъ рѣшилъ испытать настроеніе общества въ Киддерминстерѣ, и Мюнцъ Дугласъ и другіе отправились на устроенный тамъ публичный митингъ. Подмостки были выстроены на открытомъ воздухѣ. Митингъ былъ очень великъ, и на немъ произошло нѣкоторое смятеніе, благодаря тому, что нѣсколько пьяныхъ негодяевъ, представители средняго класса,— овладѣли подмостками, прежде чѣмъ прибыла депутація. Эти „почтенные" болваны постоянно прерывали собраніе. Ораторы не щадили ихъ въ своихъ рѣчахъ, но это не производило на нихъ никакого впечатлѣнія; за то митингъ всецѣло былъ на сторонѣ депутатовъ. Въ Бирмингамѣ Политическій Союзъ продолжалъ устраивать

еженедѣльные митинги. О'Конноръ часто присутствовалъ на нихъ. На одномъ изъ этихъ собраній онъ заявилъ, что не считаетъ себя больше лидеромъ народа, но послѣдователемъ Атвуда и Фильдепа. Ему сказали въ отвѣтъ, что Союзъ не признаетъ лидеровъ, но соединяется со всякимъ, кто честно и серьезно работаетъ на пользу общаго дѣла. Во всѣхъ мануфактурныхъ округахъ, даже въ самыхъ маленькихъ деревняхъ, количество митинговъ все увеличивалось, и во многихъ земледѣльческихъ деревняхъ царило большое волненіе. Женщины и мужчины тысячами присоединялись къ движенію, и ихъ поклоненіе Хартіи съ каждымъ днемъ становилось сильнѣе.

Но вскорѣ послѣ того, какъ демократы объявили свое рѣшеніе присоединиться къ Народной Хартіи, въ ихъ лагерѣ начались признаки разъединенія. Яблокомъ раздора въ данномъ случаѣ явились средства, необходимыя для достиженія общей цѣли, такъ какъ относительно самой цѣли не было никакихъ признаковъ разногласія. Дѣло Хартіи велось представителями двухъ различныхъ школъ. Первая состояла изъ лицъ, утверждавшихъ, что народъ долженъ добиваться своихъ правъ только посредствомъ моральной силы. Другая школа состояла изъ болѣе рѣшительныхъ людей, которые считали, что правящій классъ уступитъ только передъ физической силой, и которые поэтому въ своихъ рѣчахъ часто прибѣгали къ угрозамъ. О'Конноръ считался лидеромъ второй партіи, такъ какъ хотя онъ и заявлялъ, что испробуетъ всѣ моральныя средства воздѣйствія, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ чему-либо другому, въ его рѣчахъ тѣмъ не менѣе чувствовалась скорѣе склонность къ физическому насилію; къ тому же онъ выказывалъ явное сочувствіе къ наиболѣе яростнымъ представителямъ своей партіи, и поэтому на его слабую защиту моральныхъ средствъ воздѣйствія смотрѣли только, какъ на остатки его прежней осторожности и были увѣрены, что онъ отброситъ все это, когда обстоятельства склонятся на сторону болѣе смѣлаго образа дѣйствія. Мы уже упоминали, что рѣчь О'Коннора въ Бирмингамѣ произвела неблагопріятное впечатлѣніе на сторонниковъ моральной силы; впечатлѣніе это тогда было сглажено; но въ дальнѣйшемъ стало невозможно скрывать это неудовольствіе, такъ какъ партія физической силы съ каждымъ днемъ все откровеннѣе выражала свои взгляды. Настало наконецъ время нанести открытый ударъ. Набатъ прозвонилъ въ трехъ городахъ: Лондонѣ, Бирмингамѣ и Эдинбургѣ.

Въ первомъ—вызовъ партіи физическаго насилія бросила Ассоціація рабочихъ, во второмъ - роль обвинителя вышеуказанной тактики взялъ на себя Совѣтъ Политическаго Союза, а въ третьемъ—прибѣгли къ посредничеству публичнаго митинга, на которомъ сторонники физическаго воздѣйствія должны были потерпѣть пораженіе. Но О'Коннора никакъ нельзя было расчитывать разбить безъ борьбы. Онъ собралъ Бирмингамскихъ демократовъ и объявилъ имъ, что готовъ выступить защитникомъ своей тактики. Собрался митингъ. Онъ произнесъ очень искусную рѣчь и въ заключеніе предложилъ резолюцію, соотвѣтствующую его рѣчи и кончавшуюся выраженіемъ ему довѣрія. Противники его выступили также, но несмотря на ихъ количество и на ихъ прежнее вліяніе, они не могли побѣдить О'Коннора, и ему удалось добиться утвержденія резолюціи огромнымъ большинствомъ.

Въ Эдинбургѣ сторонники нравственной силы дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ. Въ Кальтгонъ-Гилѣ былъ устроенъ публичный митингъ, главными ораторами на которомъ выступили Джонъ Фразеръ, восхвалявшій съ такимъ жаромъ О'Коннора на Лондонской демонстраціи, Абрамъ Денкенъ и Его Пр. Патрикъ Брустеръ изъ Пезлея. Но въ то время, какъ эти ораторы выражали свое сочувствіе мирной агитаціи, рѣчи многихъ изъ нихъ носили далеко не мирный характеръ по отношенію къ ихъ противникамъ. Брустеръ такъ и сыпалъ оскорбленіями и требовалъ очистить поле отъ „Остлеровъ, Стефенсовъ"... онъ не будетъ и говорить о Фиргусѣ О'Коннорѣ, потому что увѣренъ, что Фиргусъ О'Конноръ, несмотря на всѣ свои ошибки, честный человѣкъ". Всѣ резолюціи были приняты, но было очевидно, что большинство Эдинбургскихъ радикаловъ не раздѣляло мнѣнія собранія, такъ какъ на митингѣ, на которомъ Хартія въ первый разъ была принята въ этомъ городѣ, присутствовало пятнадцать тысячъ человѣкъ, а неодобреніе тактикѣ физической силы О'Коннора выразило только пять тысячъ. Послѣдній отвѣтилъ своимъ противникамъ на столбцахъ „Сѣверной Звѣзды" въ характерномъ стилѣ, наполовину хвалебномъ, наполовину обвинительномъ. Онъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ расхваливалъ Фразера, но старался уронить Денкена, разсказывая, что въ первый же разъ, какъ онъ увидѣлъ его, онъ спросилъ его имя, и какъ только узналъ, что это Абрамъ Денкенъ, сказалъ: „Берегитесь этого человѣка: на него нельзя положиться". Онъ судилъ по наружности Абрама, хотя и не былъ

знакомъ съ наукой физіономистики. Къ Брустеру, самому умному, ученому и самому извѣстному изъ троихъ, онъ отнесся самымъ пренебрежительнымъ образомъ. Обращаясь ко всѣмъ троимъ, онъ сказалъ: „Фразеръ, я люблю васъ; Денкенъ, я благодарю васъ; Брустеръ, я не знаю васъ“, не придавая такимъ образомъ послѣднему никакого значенія. Надо тутъ замѣтить, что вскорѣ послѣ того Денкена расхвалили на страницахъ той же самой „Сѣверной Звѣзды“, въ которой появилось вышеприведенное мнѣніе.

Ничто не могло быть печальнѣе этого раскола. Косвеннымъ образомъ это значило играть въ руку общему врагу, такъ какъ каждая изъ двухъ партій разрушала и ослабляла вліяніе другой. Мы находимъ, что споры о значеніи моральной и физической силы, вообще говоря, только потеря времени. Мы находимъ, что обѣ эти силы тѣсно связаны между собою. Въ политическихъ вопросахъ, по крайней мѣрѣ, это несомнѣнно. Правительство, по необходимости, всегда основано на силѣ—моральной до извѣстныхъ предѣловъ, но за этими предѣлами—на силѣ физической. Правительство безъ физической силы не было бы правительствомъ. Представимъ себѣ самое лучшее правительство изъ всѣхъ, обязанное приводить въ исполненіе законы, изданные съ общаго согласія. Это правительство желало бы пользоваться исключительно моральной силой для своей власти; но законъ имѣетъ мало значенія, если онъ не опирается на физическую силу, такъ какъ безъ этой физической силы небольшое меньшинство можетъ возстать и отказаться повиноваться законамъ, принять или не принять которые каждый имѣлъ право голоса. Въ такихъ случаяхъ справедливые интересы всего общества могли бы сдѣлаться жертвой эгоистичныхъ и исключительныхъ интересовъ немногихъ. Законъ такимъ образомъ по самой своей природѣ всегда долженъ опираться на физическую силу, но онъ долженъ быть въ то же время основанъ на нравственномъ духѣ народа, такъ какъ безъ этого законъ есть мертвая буква. Но съ другой стороны, если правительство правитъ вопреки желанію большинства, то власть его основана исключительно только на силѣ. Если большинство обнаружитъ желаніе измѣнить систему правленія, классъ узурпаторовъ, въ своемъ жадномъ стремленіи сохранить власть, отнесется съ пренебреженіемъ къ моральному воздѣйствію и никогда не уступитъ, если не будетъ знать, что эта моральная сила опирается на другую, гораздо болѣе могущественную. Мы можемъ взять въ сви-

дѣтели всемірную исторію для доказательства того, что всегда и вездѣ правительство деспотическаго характера отказывалось отъ своей узурпаторской власти только подъ вліяніемъ физической силы или изъ страха передъ нею. Тамъ, гдѣ къ этой силѣ не прибѣгаютъ, классъ узурпаторовъ только тогда соглашается уступить справедливымъ народнымъ требованіямъ, когда чувствуетъ явное приближеніе опасности. Въ то же самое время нельзя отрицать, что говорить о физическомъ насиліи противъ правительства народу, который ничѣмъ не выразилъ своего желанія пойти хотя бы на малыя жертвы, не только не оказываетъ пользы народному движенію, но, напротивъ, приноситъ ему неисчислимый вредъ. Народъ, не подготовленный даже къ малымъ жертвамъ, никогда не захочетъ принести самую большую изъ жертвъ—свою жизнь. Поэтому надо избѣгать всякихъ угрозъ до тѣхъ поръ, пока въ народѣ не созрѣетъ глубокое сознаніе своихъ политическихъ и соціальныхъ правъ. Когда же онъ будетъ приготовленъ, и если его притѣснители откажутся уступить его требованіямъ, ему не надо будетъ говорить, что дѣлать. Законъ самосохраненія укажетъ ему, какъ надо дѣйствовать, и этому голосу онъ будетъ слѣпо повиноваться. Словесная война изъ-за моральнаго и физическаго способа дѣйствія возбудила страсти съ обѣихъ сторонъ, но въ теченіе нѣкотораго времени эти споры не ослабляли силы движенія. Каждая партія шла своимъ путемъ и прошло довольно много времени, прежде чѣмъ начали обнаруживаться дѣйствія раскола, ослабляя и разрушая радикальную партію. И слабость и разъединеніе наступили наконецъ.

ГЛАВА V.

Національная петиція.

Съ тѣхъ поръ, какъ Англія получила что-то похожее на установленную конституцію, какъ ни плоха была эта конституція, на петицію смотрѣли всегда, какъ на законное право ея гражданъ, и защитники Хартіи—представители какъ моральной, такъ и физической силы,—пришли къ соглашенію о необходимости Петиціи, въ которой воплотились бы въ абстрактной формѣ народныя требованія. Въ исполненіе всеобщаго желанія Бирмингамскій Союзъ взялъ на себя составленіе текста петиціи. Документъ этотъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть интересенъ, какъ первая Петиція соединенныхъ чартистовъ, и мы приводимъ ее нашимъ читателямъ:

„Благороднымъ Общинамъ Великобританіи и Ирландіи, соединеннымъ въ Парламентъ, Петиція отъ ихъ страждущихъ соотечественниковъ, нижеподписавшихся.

Покорнѣйше просимъ обратить ваше вниманіе:

„Что мы, просители, живемъ въ странѣ, купечество которой извѣстно своей предпріимчивостью, фабриканты — своими знаніями, рабочіе своимъ искусствомъ. Страна сама по себѣ хороша, почва богата, климатъ здоровъ. Она обильно снабжена всѣми матеріалами для торговли и промышленности. Она обладаетъ многочисленными и удобными гаванями. Въ легкости внутреннихъ путей сообщенія она превосходитъ всѣ другія страны. Въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ мы наслаждались полнымъ миромъ. Но несмотря на всѣ данныя къ народному благоденствію, несмотря на желаніе и на умѣнье пользоваться ими, мы подавлены страданіями, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Мы изнемогаемъ подъ тяжестью налоговъ, которые,

тѣмъ не менѣе, все еще не удовлетворяютъ нашихъ правителей. Наши промышленники дрожатъ передъ угрожающимъ имъ банкротствомъ; наши рабочіе умираютъ съ голода. Капиталъ не приноситъ дохода; трудъ не оплачивается. Домъ рабочаго пустъ, а кладовая ростовщика полна. Работные дома переполнены, а фабрики пустуютъ. Мы присматривались къ обстоятельствамъ; мы старались найти причины такого жестокаго и такого продолжительнаго бѣдствія. Мы не можемъ найти этихъ причинъ ни въ природѣ, ни въ Провидѣніи. Небо изливало свои дары на народъ, и народъ не злоупотреблялъ его милостями, но безумство нашихъ правителей обратило въ ничто дары Господни. Энергія нашего могущественнаго государства растрачивалась на укрѣпленіе власти себялюбивыхъ и невѣжественныхъ людей, а его средства шли на ихъ обогащеніе. Благосостояніе націи приносилось въ жертву благосостоянію немногихъ. Меньшинство управляло въ интересахъ меньшинства и безумно пренебрегало интересами большинства, или дерзко и тиранически топтало ихъ. Друзья народа возлагали большія надежды на Парламентскую Реформу 1832 г. и думали въ ней найти избавленіе, если не отъ всѣхъ страданій, то, по крайней мѣрѣ, отъ большей ихъ части. Они видѣли въ этой реформѣ мудрое средство для достиженія высокой цѣли, механизмъ для улучшенія законодательства, въ которомъ, въ концѣ концовъ, должна была пріобрѣсти значеніе воля народа. Но они были горько и низко обмануты. Плоды, такіе прекрасные на видъ, обратились въ пыль и прахъ, когда ихъ стали собирать. Парламентская Реформа осуществила только переходъ власти отъ одного господствующаго класса къ другому, а народъ остался такъ-же безпомощенъ, какъ и раньше. Наше рабство смѣнилось тяжкими годами „ученичества“ въ ожиданіи свободы (apprenticeship to liberty) и къ нему присоединилось еще горестное чувство нашего соціальнаго униженія вмѣстѣ съ болью по утраченнымъ надеждамъ. Мы обращаемся теперь къ вашей благородной Палатѣ, чтобы сказать вамъ въ полномъ смиреніи, что нельзя дозволить продолжаться такому положенію вещей. Оно не можетъ долго продолжаться, не подвергнувъ опасности тронъ и внутренній миръ страны. Если съ Божьей помощью, и всѣми законными и конституціонными средствами можно положить конецъ этому, мы твердо рѣшились въ самомъ скоромъ времени добиться этого конца. Мы говоримъ благородной палатѣ, что капиталъ хозяина

долженъ приносить ему необходимый доходъ, и что трудъ рабочаго не можетъ быть лишенъ необходимаго вознагражденія. Что законы, благодаря которымъ, пища такъ дорога, а деньги такъ скудны, должны быть уничтожены. Налоги должны падать на собственность, а не на трудъ. Благо большинства, какъ единственная законная цѣль, должно быть главною задачею правительства. Въ качествѣ предварительной и необходимой мѣры какъ для этихъ, такъ и для другихъ перемѣнъ, въ качествѣ единственнаго средства, съ помощью котораго интересы народа могутъ быть дѣйствительно ограждены и обезпечены—мы требуемъ поручить охрану интересовъ народа самому народу. Когда Государству нужны защитники или нужны деньги, бѣдность и невѣжество не принимаются во вниманіе; подъ этими предлогами нельзя отказываться или просить объ отсрочкѣ. Отъ насъ требуютъ постоянно, чтобы мы поддерживали законы и повиновались имъ, поэтому природа и разумъ говорятъ намъ, что при составленіи законовъ должно непремѣнно слушать голосъ народа. Мы несемъ на себѣ обязанности свободныхъ гражданъ, мы должны имѣть права свободныхъ гражданъ. Поэтому мы требуемъ всеобщаго избирательнаго права. Для того чтобы голосованіе было свободно отъ подкуповъ богатыхъ и насилія могущественныхъ, оно должно быть тайно. Признаніе нашихъ правъ должно нести за собою и возможность пользоваться ими безъ принужденія. Мы хотимъ дѣйствительнаго блага, а не призрачнаго, и поэтому мы требуемъ тайной подачи голосовъ. Для того чтобы связь между народомъ и его представителями была благотворна, она должна быть дѣйствительна. Законодательная и учредительная власти для того, чтобы можно было слѣдить за ними и исправлять ихъ промахи, должны находиться въ частомъ соприкосновеніи. Ошибки, сравнительно незначительныя и которыя легко исправить съ помощью народныхъ силъ, могутъ привести къ самымъ ужаснымъ бѣдствіямъ, если онѣ будутъ разростаться въ продолженіи многихъ лѣтъ насильственнаго промедленія. Для общественной безопасности, какъ и для общественнаго довѣрія, необходимы частые выборы. Поэтому мы требуемъ ежегодныхъ парламентскихъ выборовъ. При правѣ выборовъ и при свободѣ выборовъ сфера нашего выбора не должна быть ограничена. По существующимъ законамъ мы можемъ избирать нашими представителями людей, неспособныхъ понять наши нужды или относящихся къ нимъ безъ всякаго сочувствія, куп-

цовъ, удалившихся отъ торговли и не несущихъ больше ея тягостей, землевладѣльцевъ, не знакомыхъ ни съ источниками нашихъ нуждъ, ни со средствами ихъ исцѣленія; адвокатовъ, для которыхъ одобреніе сената важно только, чтобы добиться значенія въ судахъ. Обязанности представителя, тщательно относящагося къ своему долгу, многочисленны и тяжелы. Несправедливо, неразумно и не безопасно заставлять его нести эти обязанности безвозмездно. Мы требуемъ, чтобы на слѣдующихъ выборахъ въ вашу благородную палату единственнымъ условіемъ для выбора представителя было бы одобреніе избирательной коллегіи и чтобы каждому такому представителю было назначено изъ общественныхъ суммъ приличное вознагражденіе за все то время, которое онъ посвящаетъ общественному дѣлу. До сихъ поръ управленіе нашимъ могущественнымъ государствомъ служило только для удовлетворенія эгоистическихъ желаній господствующаго класса. Мы путемъ тяжелаго опыта дошли до пониманія вредныхъ послѣдствій такого управленія. Небольшіе проблески непрочнаго благоденствія утопали въ періодахъ мрачныхъ и продолжительныхъ страданій. Если народное самоуправленіе и не уничтожитъ всѣхъ источниковъ бѣдствій, то по крайней мѣрѣ оно успокоитъ народное негодованіе. Всеобщее избирательное право и только оно одно можетъ дать продолжительный и истинный миръ націи; мы убѣждены также, что оно поведетъ за собою и благоденствіе. Поэтому да будетъ благоугодно вашей благородной палатѣ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ отнестись къ нашей петиціи и употребить всѣ ваши старанія, чтобы всѣми возможными конституціонными средствами провести законъ о дарованіи права быть избраннымъ въ члены парламента каждому представителю мужского пола законнаго возраста, въ здравомъ умѣ и не находящагося подъ судомъ. Производить всѣ будущіе выборы въ парламентъ посредствомъ тайной подачи голосовъ, время избранія въ парламетъ ограничить только однимъ годомъ, уничтожить имущественный цензъ для членовъ парламента и опредѣлить имъ должное вознагражденіе на время исполненія ими ихъ парламентскихъ обязанностей.

И ваши просители будутъ вѣчно благодарить Бога".

Изъ шести пунктовъ Хартіи въ петиціи были указаны только пять. Былъ ли это пропускъ сдѣланъ по недостатку вниманія, мы не знаемъ. Должно быть, ея составители смотрѣли на равное рас-

предѣленіе представительства (пропущенный пунктъ) какъ на необходимую принадлежность всеобщаго избирательнаго права и считали поэтому лишнимъ упоминать объ этомъ. Петиція получила санкцію отъ Чартистской партіи всей Великобританіи. Какъ мы уже раньше видѣли, Атвудъ ожидалъ двухъ или трехъ милліоновъ подписей. Всѣ демократическія секціи пришли къ соглашенію о необходимости петиціи, хотя дѣйствовали подъ вліяніемъ разныхъ мотивовъ. Представители моральной силы находили, что этотъ шагъ окажетъ большое вліяніе на законодательство. Нѣкоторые довольно наивно думали, что податели петиціи добьются сейчасъ же исполненія своихъ желаній подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Съ другой стороны представители физической силы не имѣли ни малѣйшей надежды на успѣхъ, но подписали петицію для того, чтобы дать случай Законодательной Палатѣ еще разъ показать свое презрѣніе къ общественнымъ правамъ и окончательно убѣдить такимъ образомъ народъ въ несостоятельности такихъ средствъ для достиженія цѣли. Они заявляли при этомъ, что это была послѣдняя петиція, которую они соглашаются подписать и, что, если просителямъ будетъ отказано, имъ остается только объявить подкупленной Палатѣ Общинъ и классу, который ее избираетъ и поддерживаетъ, „войну до ножей". Были и другіе, стоявшіе посреди этихъ двухъ крайнихъ мнѣній, не имѣвшіе непоколебимой вѣры въ то, что народныя требованія будутъ исполнены законодательнымъ собраніемъ, но и не думавшіе также, что всѣ требованія эти будутъ отвергнуты и находившіе, что отъ подобной попытки вреда все-же никакого не будетъ. О'Брайенъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ и статьяхъ совѣтовалъ народу подписывать петицію, но вполнѣ открыто говорилъ, что, если народъ не будетъ готовъ поддержать свои подписи болѣе могучими средствами, петиція не произведетъ никакого эффекта. Въ виду всѣхъ этихъ разнообразныхъ мотивовъ всѣ группы радикальной партіи рѣшили подписывать. Петиція съ подписями должна была потомъ быть передана въ Конвентъ для того, чтобы представители Конвента могли тщательно просмотрѣть ее и потомъ отдать Атвуду и Фильдену для представленія въ Палату Общинъ.

Злополучный расколъ, вызванный вопросомъ о физическихъ и нравственныхъ способахъ дѣйствій не помѣшалъ въ данномъ случаѣ дѣлать все возможное для поддержанія Конвента. На Бирмин-

гамской демонстраціи была принята резолюція о національной подпискѣ для этой цѣли. Организація этой подписки была поручена делегатамъ, выбраннымъ митингомъ, и ими были выработаны всѣ подробности. Согласно ихъ рѣшенію каждый городъ долженъ былъ быть раздѣленъ на округи, и для каждаго округа назначены лица, на которыхъ лежала обязанность собирать пожертвованія. На каждую тысячу населенія была опредѣлена сумма въ 2 ф. 10 шил., а наименьшая подписная сумма равнялась шести пенсамъ съ каждаго человѣка. Подписка должна была начаться по всему королевству въ первый понедѣльникъ октября 1838 года. Когда подписная сумма достигала пяти фунтовъ ее надлежало вносить на имя Джоржа Фредерика Мюнца, Филиппа Генри Мюнца и Роберта Келли Дугласа въ лондонскій банкъ Прескота, Грета и К°. Было рѣшено, что лишніе расходы на делегатовъ будутъ оплачиваться избравшими ихъ коллегіями, но предстояли и другіе многочисленные расходы, какъ плата за помѣщеніе, корреспонденція, плата миссіонерамъ и проч. Вскорѣ послѣ назначеннаго времени работа комитета закипѣла. Выполнить резолюцію относительно опредѣленной суммы съ опредѣленнаго количества населенія было невозможно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ округахъ радикалы были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ, а ожидать подписки можно было только отъ радикальной части общества. Сборъ пожертвованій производился самымъ энергичнымъ образомъ, и лица, взявшія на себя эту обязанность, самымъ добродушнымъ образомъ относились ко всякаго рода отвѣтамъ на свои просьбы. Въ распоряженіе Конвента была предоставлена значительная сумма; и, объ этомъ можно судить по отчету одного изъ казначеевъ, изъ котораго видно, что было подписано болѣе 1,700 ф.; за вычетомъ всѣхъ расходовъ оставшаяся сумма равнялась 700 ф. Такимъ образомъ въ то время общественное настроеніе было на сторонѣ движенія, и делегаты находили поддержку для энергичнаго преслѣдованія своей цѣли.

Митинги, въ продолженіе еще значительнаго времени, продолжали привлекать къ себѣ вниманіе всѣхъ партій и классовъ безъ всякаго вмѣшательства правительства. Стефенсъ, въ особенности, каждый день появлялся передъ огромными и возбужденными аудиторіями, гдѣ говорилъ самыя ужасныя рѣчи, ужасныя для состоятельныхъ классовъ, но въ высшей степени благопріятныя для страдающихъ массъ, къ которымъ онъ обра-

щался. Описывая имъ несчастныя условія ихъ жизни, онъ доходилъ даже до того, что обращалъ ихъ вниманіе на хорошо набитые погреба и подвалы богачей и въ самыхъ открытыхъ выраженіяхъ убѣждалъ своихъ слушателей, что, если они лишены необходимаго комфорта, на который ихъ трудъ даетъ имъ право, то не только не будетъ преступленіемъ съ ихъ стороны взять необходимые припасы отъ излишка ихъ притѣснителей, но что это будетъ вполнѣ согласно съ нравственнымъ закономъ. Эту доктрину онъ подкрѣплялъ разными ссылками на Св. Писаніе и въ доказательство своего положенія приводилъ восьмую заповѣдь. Онъ утверждалъ, что заповѣдь „не укради" одинаково обязательна для всѣхъ и старался доказать, что богачи первые начали грабежъ, лишивъ бѣдняковъ съ помощью закона результатовъ ихъ честнаго труда. Изъ этого онъ выводилъ заключеніе, что отнять у богатаго класса излишекъ ихъ награбленнаго богатства было бы только актомъ нравственной справедливости и должнаго возмездія. Онъ утверждалъ дальше, что позволить богатымъ пользоваться ихъ богатствомъ, несправедливо отнятымъ ими отъ обездоленныхъ рабовъ,— это значило бы санкціонировать возстаніе противъ Бога и измѣну человѣчеству. Большая часть печати отмѣчала какъ эти, такъ и другія рѣчи и объявляло правительство отвѣтственнымъ за разрѣшеніе такихъ митинговъ. Подобные нападки на правительство за его бездѣятельность повторялись изо дня въ день, и въ концѣ концовъ вызвали декларацію лорда Джона Росселя по этому вопросу. Въ сентябрѣ, 1838 года, лордъ Джонъ Россель на обѣдѣ, устроенномъ въ честь его представителями гражданской власти въ Ливерпулѣ, въ своей рѣчи сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

Онъ не хочетъ „пускаться въ политическую область при данной обстановкѣ, но есть вопросъ, имѣющій отношеніе къ его собственной дѣятельности, на которомъ онъ проситъ разрѣшенія остановиться нѣсколько минутъ. Онъ говоритъ о публичныхъ митингахъ, которые устраиваются теперь въ различныхъ частяхъ государства. Можетъ быть многіе хотятъ, чтобы эти митинги были запрещены, но ни онъ, ни правительство, отъ имени котораго онъ дѣйствуетъ, не раздѣляютъ этого мнѣнія. Онъ находитъ, что народъ имѣетъ право собираться. Если бы у народа не было причинъ для неудовольствія, то свойственный ему здравый смыслъ пришелъ бы ему на помощь и положилъ бы конецъ митингамъ.

Правительство должно опасаться не свободнаго обсужденія вопросовъ, не открытаго выраженія общественнаго мнѣнія, правительство должно бояться, когда народъ принужденъ соединяться въ тайныя сообщества. Вотъ гдѣ таится опасность; вотъ чего надо бояться; а не свободнаго обмѣна мнѣній".

Это заявленіе было принято, какъ выраженіе намѣреній правительства. Представитель власти въ этомъ заявленіи давалъ свое открытое согласіе на продолженіе агитаціи. Печать, тѣмъ не менѣе, продолжала сыпать обвиненія противъ правительства, обвиняя его въ трусости и въ подстрекательствѣ къ возстанію. Нѣкоторые представители печати утверждали даже, что правительство гораздо болѣе, чѣмъ сами агитаторы, подвергаетъ опасности общественное спокойствіе. Другіе утверждали, что правительство не можетъ вмѣшиваться, такъ какъ этимъ вмѣшательствомъ оно осудило бы свой собственный образъ дѣйствій, такъ какъ оно добилось власти благодаря тѣмъ же агитаціоннымъ средствамъ. Въ теченіе нѣкотораго времени митинги продолжались безъ всякаго перерыва, хотя требованія правительственнаго преслѣдованія съ каждымъ днемъ становились все сильнѣе и сильнѣе. Здѣсь мы сдѣлаемъ нѣкоторое отступленіе, чтобы сказать свое мнѣніе относительно отвѣтственности правительства. Жертвы преслѣдованія обыкновенно склонны винить только правительство за его дѣйствія противъ свободы гражданъ, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ вся отвѣтственность должна падать на партіи, хотя онѣ не выступаютъ на первый планъ. Что касается по крайней мѣрѣ Англіи, то какъ ни дурно бываетъ иногда наше правительство, за нимъ стоитъ еще болѣе могущественная власть. Ни одинъ кабинетъ не могъ бы просуществовать даже недѣли, еслибы онъ дѣйствовалъ противъ желанія Палаты Общинъ. Палата Общинъ не могла бы существовать безъ санкціи избирательнаго учрежденія, т. е. лордовъ и капиталистовъ, воля которыхъ и служитъ основаніемъ для всѣхъ законовъ и учрежденій. Въ дѣйствительности они являются настоящими и единственными заправилами общества и косвенно или прямо даютъ понять правительству, какъ оно должно дѣйствовать. Парламентъ, мѣстныя власти и печать только органы, черезъ которые проявляется воля господствующихъ классовъ, и печать неизмѣнно подаетъ первый сигналъ къ тревогѣ. Въ данномъ случаѣ вполнѣ ясно, что правительство само по себѣ не имѣло никакого желанія вмѣшиваться и если потомъ оно измѣ-

нило свое рѣшеніе, то только подъ вліяніемъ настойчивыхъ просьбъ и угрозъ со стороны власти, отъ которой зависѣло его собственное существованіе. Мы не имѣемъ никакого желанія возвеличивать наше правительство; самое лучшее изъ нихъ въ достаточной мѣрѣ плохо и деспотично, но въ большинствѣ случаевъ оно является только креатурой стоящей надъ нимъ власти, и лица, утверждающія обратное, только затуманиваютъ общественное сознаніе. Съ самаго начала движенія печать пришла въ ярость, только сначала эта ярость скрывалась подъ покровомъ пренебреженія, но по мѣрѣ того, какъ народное дѣло разросталось и пріобрѣтало значеніе, печать сбросила покровъ и стала утверждать, что съ помощью Хартіи хотятъ водворить царство грабежа и насилія, и разрушить всѣ звенья, соединяющія человѣческое общество. Это замѣчаніе было необходимо сдѣлать для того, чтобы указать реформаторамъ истинную власть, съ которой они должны бороться, и чтобы подготовить ихъ къ борьбѣ съ истинными угнетателями вмѣсто того, чтобы направлять словесный огонь противъ простыхъ исполнителей и подчиненныхъ.

Съ осени 1838 года, митинги стали принимать грозный характеръ. Неудобно было устраивать частыя народныя собранія днемъ. Средства для существованія народа были слишкомъ ограничены для того, чтобы онъ могъ тратить свое время. Иногда необходимо, конечно, устраивать огромныя собранія подобно митингу въ Керсаль-Мурѣ, но такого рода опыты нельзя повторять слишкомъ часто. Для огромной толпы, увеличивавшейся съ каждымъ днемъ, чтобы выразить свою ненависть къ существующей системѣ, трудно было найти подходящій залъ, а въ залѣ Городской Думы имъ почти всегда отказывали. Но изъ всякаго затрудненія можно найти выходъ, и руководители движенія скоро нашли способъ обходиться безъ залъ и безъ всякихъ закрытыхъ помѣщеній. Они придумали устраивать митинги при факельномъ освѣщеніи, находя, что это гораздо удобнѣе для народа, какъ съ точки зрѣнія времени, такъ и расходовъ. Сказано-сдѣлано, и въ теченіе нѣкотораго времени мануфактурные округа стали аренами такихъ могучихъ народныхъ демонстрацій, какихъ еще не было ни въ какихъ прежнихъ движеніяхъ. Больтонъ, Стокпортъ, Аштонъ, Гайдъ, Стелибриджъ, Ли и другія мѣста большія и маленькія обратились въ театры величественныхъ собраній. Рабочіе и народъ собирались въ громадномъ количествѣ, чтобы принести клятву вѣрности общему дѣлу. Не-

возможно описать возбужденія, вызываемаго этими манифестаціями. Чтобы составить себѣ понятіе о настроеніи народа, нужно было самому присутствовать на этихъ митингахъ. Народъ не шелъ прямо къ мѣсту митинга, но собирался сначала въ какомъ-нибудь другомъ назначенномъ пунктѣ и оттуда въ опредѣленное время выступала огромная процессія, которая двигалась черезъ главныя улицы, наполняя воздухъ громомъ рукоплесканій при видѣ своихъ кумировъ и испуская самыя ужасныя угрозы, проходя мимо какой-нибудь враждебной редакціи или мимо дома ненавистнаго магистрата или чиновника. Знамена съ самыми угрожающими надписями, освѣщенныя краснымъ блескомъ сверкающихъ факеловъ, придавали процессіи видъ грознаго величія. Мертвыя головы, изображенныя на нѣкоторыхъ изъ нихъ, казались гробовыми призраками и напоминали многимъ изъ поклонниковъ мамоны объ угрожавшей имъ судьбѣ. Грубый видъ этихъ тысячей рабочихъ, не имѣвшихъ времени послѣ работы зайти домой и привести себя въ порядокъ, ихъ лица, покрытыя потомъ и грязью, придавали еще болѣе необычайный видъ процессіи. Процессіи эти часто бывали безконечно длинны, иногда состояли изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, и по всему ихъ пути лились потоки свѣта, освѣщая высокія небеса, подобно зареву объятаго пожаромъ города. Сами митинги принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Одинъ видъ пылающихъ факеловъ зажигалъ, казалось, умы какъ ораторовъ, такъ и слушателей. О'Конноръ, Стефенсъ, М'Дуэль почти постоянно присутствовали на факельныхъ митингахъ, и ихъ рѣчи были лишены всякой сдержанности. Стефенсъ и М'Дуэль открыто призывали къ вооруженному возстанію. О'Конноръ почти въ каждой рѣчи заходилъ такъ далеко, что опредѣлялъ даже день, въ который Хартія должна была быть принята Законодательнымъ собраніемъ и кончалъ обыкновенно заявленіемъ, что если она будетъ отвергнута 29 сентября, то 30 сентября Законодательному собранію будетъ поднесенъ „Гусь С. Михаила“. Стефенсъ безъ всякихъ колебаній заявлялъ, что правящій классъ ничѣмъ не отличается отъ шайки убійцъ и требовалъ ихъ крови во имя общественной справедливости.

Одинъ изъ подобнаго рода факельныхъ митинговъ былъ устроенъ въ г. Гайдѣ, и ораторомъ долженъ былъ выступить Стефенсъ. Митингъ былъ назначенъ на 14 ноября. Въ процессіи участвовало не менѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ. Во главѣ шелъ

оркестръ музыки, и масса знаменъ колыхалась въ огненномъ свѣтѣ. На одномъ изъ нихъ было слѣдующее любимое изреченіе Стефенса:

„За женъ и дѣтей мы будемъ бороться до ножей!“

На другомъ библейское изреченіе: „У кого нѣтъ меча, пусть продастъ свое платье и пріобрѣтетъ его“. На третьемъ красовалась надпись. „Аштонъ требуетъ всеобщаго избирательнаго права или всеобщаго мщенія!“ Еще на одномъ слѣдующія слова: „Помните о кровавомъ событіи въ Питерло!“, а на пятомъ зловѣщая надпись: „Тираны, вѣрьте и трепещите!“ На шестахъ несли красные фригійскіе колпаки свободы, а громкіе выстрѣлы изъ пистолетовъ возвѣщали, что лица, собравшіяся на митингъ, были вооружены. Когда процессія достигла мѣста собранія, Стефенсъ началъ свою рѣчь. Онъ заявилъ, что въ этотъ день присутствовалъ на нѣсколькихъ уже митингахъ, и на всѣхъ господствовало одно настроеніе: народъ рѣшилъ добиваться своихъ правъ. Онъ сказалъ, что въ Болтонѣ городскія власти требовали, чтобы на общественныхъ митингахъ присутствовали военныя силы, и офицеръ гарантировалъ содѣйствіе войска, въ случаѣ если-бы гражданской власти оказалось недостаточно. „Но,—продолжалъ Стефенсъ,—у меня есть другъ въ казармахъ, и онъ сказалъ мнѣ, что если будутъ вызваны солдаты, ни одинъ изъ нихъ не станетъ дѣйствовать противъ народа“.

Мы остановимся здѣсь, чтобы задать себѣ вопросъ, неужели Стефенсъ былъ такъ наивенъ, чтобы повѣрить нелѣпому заявленію о рѣшимости военныхъ не поднимать оружія противъ народа? Если онъ вѣрилъ, то это показываетъ его полную наивность. Мы въ свое время слышали множество подобнаго рода утвержденій, но всегда относились къ нимъ съ большою осторожностью. Намъ часто приходилось слышать отъ военныхъ, что, въ случаѣ народнаго возстанія, солдаты перейдутъ на сторону народа и станутъ помогать ему. Весьма возможно, что лица, дѣлавшія подобнаго рода заявленія, вѣрили имъ; возможно даже, что были основанія для подобнаго рода заявленій, но еще вѣроятнѣе, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ у нихъ не было никакихъ основаній, и можетъ быть они служили только орудіемъ для распространенія ложныхъ слуховъ о симпатіяхъ солдатъ къ народу, для того, чтобы вызвать послѣдній на преждевременное возстаніе, при которомъ плохо вооруженная и плохо дисциплинированная толпа была-бы разстрѣлена тѣми-же самыми,

солдатами, на симпатію и помощь которыхъ она расчитывала. Во всякомъ случаѣ, со стороны народа рискованно полагаться на помощь людей, состоящихъ на жалованіи у его враговъ, такъ какъ можно безъ всякихъ колебаній утверждать, что если одинъ шансъ будетъ въ пользу народа, то десять будутъ противъ него. Несомнѣнно одно: народъ, рѣшившись на революцію, не долженъ расчитывать ни на какую помощь со стороны. Онъ никогда не долженъ рѣшаться на такое рискованное предпріятіе, если не чувствуетъ въ самомъ себѣ достаточной силы, чтобы довести свое дѣло до конца. Если у него есть эта сила, военные могутъ перейти на его сторону и измѣнить своимъ господамъ (въ такихъ случаяхъ солдаты неизмѣнно переходятъ на сторону сильнѣйшаго). Но, если этой силы нѣтъ, то ко всѣмъ обѣщаніямъ сочувствія со стороны военныхъ надо относиться съ полнымъ недовѣріемъ.

Стефенсъ сказалъ даже, что клубъ похоронныхъ процессій и другіе клубы пожертвовали свои средства на пріобрѣтеніе оружія. Говоря о фабричной системѣ, онъ заявилъ, что промышленныя права Гоуорда, владѣльца фабрики, были начертаны кровавыми буквами на каждомъ камнѣ и на каждомъ кирпичѣ этой фабрики, и затѣмъ, перейдя снова къ вопросу о необходимости физической силы, совѣтовалъ своимъ слушателямъ запастись большими кухонными ножами, которыми удобно рѣзать свиное сало, а при случаѣ и проткнуть горло врагамъ народа. Въ концѣ рѣчи Стефенсъ спросилъ слушателей, были-ли они готовы и вооружены? Въ отвѣтъ на это раздались два или три выстрѣла. Это все? — спросилъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ цѣлый залпъ выстрѣловъ. Но онъ продолжалъ тѣмъ не менѣе допрашивать митингъ и потребовалъ, чтобы всѣ, желающіе купить оружіе, подняли руки. Поднялся цѣлый лѣсъ рукъ и снова раздались громкіе выстрѣлы. Посовѣтовавъ имъ пріобрѣсти ружья, пистолеты, мечи, копья и всякое другое орудіе, которое могло бы говорить болѣе острымъ языкомъ, чѣмъ слова, онъ заключилъ: „Я вижу, что все въ порядкѣ и желаю вамъ покойной ночи“.

Языкъ Стефенса приходился какъ нельзя болѣе по вкусу изстрадавшемуся отъ страшной нищеты народу. И правда,—казалось, что въ англійскомъ языкѣ не было достаточно сильныхъ и пылкихъ выраженій для этихъ измученныхъ и полуголодныхъ сыновъ труда. Приглашеніе къ моральному воздѣйствію было бы встрѣчено презрительнымъ смѣхомъ; одобреніе встрѣчали

только самые рѣшительные призывы; на нихъ отвѣчали не только одобрительнымъ громомъ безчисленнаго множества голосовъ, но какъ мы видѣли ружейными выстрѣлами, а также подъятіемъ пикъ, которыя во множествѣ приносились на митингъ, съ цѣлью показать твердую рѣшимость прибѣгнуть къ послѣднему средству оскорбленнаго народа для отмщенія своихъ нарушенныхъ правъ.

Въ это время высшіе и средніе классы тоже стали организоваться для противодѣйствія требованіямъ народа. Правительство поощряло ихъ и предлагало снабдить всѣми военными снарядами, если они организуютъ клубы для охраны жизни и собственности; и многіе клубы уже были организованы. Но по большей части эти классы предпочитали поручать охрану своей безопасности вооруженнымъ дисциплинированнымъ войскамъ, вмѣсто того чтобы самимъ рисковать жизнью. Въ отвѣтъ на предложеніе правительства Р. Ж. Гаммеджемъ въ Нордгемптонской Ассоціаціи Рабочихъ была предложена резолюція, предлагавшая секретарю Ассоціаціи обратиться къ Государственному секретарю съ просьбою снабдить Ассоціацію и ея сторонниковъ двумя тысячами орудій, аммуниціей и т. п. для охраны жизни и собственности рабочихъ противъ нападенія. Резолюція была принята единогласно среди громкихъ рукоплесканій, и многія другія корпораціи рабочихъ приняли подобныя же резолюціи. Можетъ быть, излишне говорить, что хотя на нѣкоторыя резолюціи и былъ полученъ отвѣтъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ благопріятнымъ. Охраны, повидимому, заслуживали жизнь и собственность только богатыхъ людей; а между тѣмъ какъ мы уже видѣли на большомъ Ньюкестльскомъ митингѣ, жизни рабочихъ угрожала опасность со стороны военной силы, не желавшей дать имъ возможность вполнѣ мирнымъ способомъ пользоваться конституціонными правами; единственное удовлетвореніе, которое они получили — это увѣреніе со стороны правительства, что власти не имѣли никакого намѣренія мѣшать митингамъ. Надо-ли удивляться, что такая грубая несправедливость еще болѣе убѣждала рабочій классъ, что добиться своихъ правъ отъ притѣснителей онъ можетъ только силой.

Большіе и многочисленные факельные митинги привели высшій и средній классы въ такую тревогу, и представленія, которыя дѣлались по этому поводу правительству, носили такой опредѣленный характеръ, что ему не оставалось другого выхода,

какъ или нанести рѣшительный ударъ подобнаго рода собраніямъ, или признать свою несостоятельность. Врядъ ли можно было ожидать, чтобы оно пошло на второе, такъ какъ это было бы равносильно отреченію отъ власти; на такой шагъ правительство рѣшается только тогда, когда оно доведено до крайности, а въ данномъ случаѣ такой крайности не было. Въ скоромъ времени на стѣнахъ всѣхъ городовъ появились воззванія отъ королевы, въ которыхъ факельные митинги объявлялись незаконными, и всѣ лица, принимающія въ нихъ участіе, должны были подвергнуться преслѣдованію закона. Сказать, что появленіе этихъ воззваній вызвало большое возбужденіе, значило бы дать недостаточное представленіе о народномъ настроеніи. Народъ пришелъ въ такое лихорадочное состояніе, что, казалось, его охватилъ какой-то бредъ, и тысячи выражали рѣшимость растоптать воззванія и послать вызовъ правительству. О'Коннoръ въ „Сѣверной Звѣздѣ" совѣтовалъ прекратить факельные митинги, которые, по его мнѣнію, могли бы повредить дѣлу. Но зато ярость Стефенса не знала предѣловъ; онъ видѣлъ въ этихъ правительственныхъ прокламаціяхъ новое оскорбленіе угнетеннаго народа, говорилъ, что они противорѣчатъ конституціи и не имѣютъ силы закона. Тѣмъ не менѣе, съ этого времени факельные митинги прекратились, и снова стали устраиваться обыкновенные митинги, какъ и раньше. Но со стороны правительства нельзя было ожидать, чтобы оно остановилось на этомъ и вскорѣ послѣ запрещенія факельныхъ шествій послѣдовалъ приказъ объ арестѣ Ж. Р. Стефенса по обвиненію въ присутствіи на незаконныхъ митингахъ и въ подстрекательствѣ къ возстанію. Онъ былъ арестованъ и подвергнутъ допросу на слѣдственномъ судѣ въ Манчестерѣ. Возбужденіе, уже царившее раньше, теперь приняло угрожающій характеръ. Какъ только распространился слухъ объ арестѣ Стефенса, ни о чемъ другомъ не было разговора. Мужчины, женщины и дѣти тянулись по улицамъ мануфактурныхъ городовъ огромнаго и населеннаго округа. Два чувства волновали рабочій классъ: глубокое и горячее негодованіе противъ властей, и самая горячая и пылкая симпатія къ жертвѣ ихъ преслѣдованія. Никто не спрашивалъ, въ достаточной ли степени былъ остороженъ Стефенсъ, какъ агитаторъ. Довольно было того, что онъ всегда былъ ихъ другомъ; въ немъ они видѣли мужественнаго обличителя тяготѣющихъ надъ ними несправедливостей и краснорѣчиваго, настойчиваго и искренняго защитника ихъ нарушенныхъ правъ; они по-

кланялись ему съ религіознымъ благоговѣніемъ. Въ день, назначенный для его допроса, всѣ улицы, по направленію къ суду, были въ буквальномъ смыслѣ слова запружены: такъ страстно хотѣли народныя массы видѣть человѣка, котораго они такъ любили, и узнать его судьбу. Появленіе его дало сигналъ къ самому бурному взрыву аплодисментовъ. Воздухъ въ буквальномъ смыслѣ слова дрожалъ отъ оглушительныхъ криковъ, раздавшихся на улицахъ и грозившихъ, казалось, потрясти всѣ зданія до самаго основанія. Мы не знаемъ, что чувствовалъ при видѣ такого восторга Стефенсъ, когда онъ склонилъ голову передъ этимъ взрывомъ народныхъ рукоплесканій; но если судить о немъ съ точки зрѣнія обыкновенныхъ чувствъ обыкновеннаго человѣка, то мы должны будемъ сказать, что навѣрно никогда въ жизни онъ не чувствовалъ себя такимъ великимъ, и мы прибавимъ также, такимъ счастливымъ какъ въ эту минуту. Но какъ ни пріятна бываетъ громко выраженная благодарность возбужденнаго народа, послѣдствія ея иногда очень тяжелы. Народная симпатія окружала Стефенса, но кто могъ бы сказать, куда приведетъ эта симпатія какъ его, такъ и народъ, выражавшій ее. Человѣкъ, пользующійся симпатіями массъ, беретъ на себя страшную отвѣтственность и въ то время, какъ взрывы народнаго восторга наполняютъ его удовлетвореніемъ, чувство страха иногда охватываетъ его душу и нарушаетъ бурный потокъ радости.

Слѣдствіе по дѣлу Стефенса началось среди гробового молчанія всѣхъ судей. Множество свидѣтелей было вызвано для подачи показаній и это отняло довольно значительно времени. И наступилъ наконецъ моментъ, когда должны были подвергнуться испытанію достоинство и мужество обвиняемаго. Его спросили, что онъ можетъ сказать въ отвѣтъ на предъявленное ему обвиненіе. Теперь вопросъ, какъ долженъ былъ держать себя Стефенсъ? На его долю выпала честь быть первымъ человѣкомъ, на котораго правительство обрушило мщеніе закона за участіе въ новомъ движеніи; ему предстояло, слѣдовательно, поддержать не только свое личное достоинство, но и достоинство всего дѣла. По нашему мнѣнію, твердое и скромное молчаніе было бы лучшимъ средствомъ для того, чтобы выиграть уваженіе; но Стефенсъ держался другого мнѣнія: онъ произнесъ длинную безсвязную рѣчь, составленную въ самомъ дурномъ вкусѣ. Въ этой рѣчи не было ни ясности, ни мысли, и она могла только ухудшить его

положеніе. Правда, онъ не пытался отказываться отъ своего прежняго образа мыслей, но въ его попыткахъ расположить судей въ свою пользу было желаніе—хотя, можетъ быть, и безсознательное,—выйти сухимъ изъ воды. Онъ зналъ, что имѣющіяся противъ него улики были вполнѣ достаточны для того, чтобы предать его суду на основаніи законовъ и обычая, и что бы онъ ни говорилъ въ свою пользу, рѣшеніе судей не могло быть измѣнено. Поведеніе его было по меньшей мѣрѣ безразсудно; это поколебало къ нему уваженіе всѣхъ мыслящихъ людей и лишило его достоинства, которое онъ навѣрное бы сохранилъ, если бы дѣйствовать инымъ способомъ. Ему надо было подождать, пока обстоятельства позволили бы ему обратиться въ высшій судъ, а за это время онъ могъ бы собрать и привести въ порядокъ свои матеріалы; но онъ выбралъ другой путь и выказалъ себя только пустымъ болтуномъ. Какъ и надо было предвидѣть, дѣло Стефенса рѣшено было перенести въ судъ; съ него былъ взятъ залогъ въ 1000 фунтовъ и кромѣ того по 500 фунтовъ съ каждаго изъ его поручителей. Въ то время, какъ велось слѣдствіе, въ толпѣ, окружавшей зданіе суда царствовало самое сильное возбужденіе, и, какъ это всегда бываетъ, строились всевозможныя предположенія. Шумъ принялъ такіе угрожающіе размѣры, что судьи встревожились и обнаружили еще меньше достоинства, чѣмъ Стефенсъ; они зашли такъ далеко въ своихъ опасеніяхъ, что просили О'Коннора, который былъ въ судѣ и слѣдилъ за слѣдствіемъ, попробовать успокоить толпу своимъ вліяніемъ. О'Конноръ отвѣтилъ, что такая просьба кажется ему странной, но безъ сомнѣнія, польщенный внутренно, возложенной на него обязанностью умиротворителя, согласился исполнить ихъ просьбу, подошелъ къ окну и былъ встрѣченъ цѣлымъ громомъ рукоплесканій со стороны узнавшаго его народа. Онъ махнулъ рукой, чтобы возстановить молчаніе и поистинѣ съ удивительной легкостью успокоилъ разыгравшіяся страсти возбужденной массы. Все огромное множество людей въ одну минуту затихло, и тогда онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, прося ихъ не пятнать ихъ славнаго дѣла какимъ-нибудь безумнымъ поступкомъ и обѣщая, что предмету ихъ обожанія будетъ оказана справедливость. Но толпа успокоилась только временно и скоро пришла опять въ такое же возбужденіе, какъ и раньше. Вечеромъ О'Конноръ говорилъ рѣчь на огромномъ собраніи въ Манчестерѣ по поводу событія дня; онъ

обѣщалъ въ самомъ скоромъ времени полную побѣду народа надъ его притѣснителями. О Стефенсѣ онъ отзывался съ самой большой любовью и уваженіемъ и въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ и затѣмъ коснулся вѣроятнаго исхода суда. Онъ сказалъ, что, по мнѣнію Остлера, Стефенсъ будетъ сосланъ, но что онъ со своей стороны считаетъ это невозможнымъ, такъ какъ вина Стефенса не достаточно велика для ссылки, но что если бы тираны дѣйствительно осмѣлились выслать его, то скованныя ноги Стефенса переступили бы на корабль не иначе какъ черезъ его (О'Коннора) бездыханное тѣло. Не надо прибавлять, что это заявленіе было встрѣчено громомъ рукоплесканій со стороны митинга. Легко можно себѣ представить, что поднявшійся восторгъ былъ безграниченъ, и трудно было бы сказать, который изъ двухъ идоловъ былъ болѣе популяренъ! Стефенсъ или О'Конноръ.

Возбужденіе, вызванное арестомъ Стефенса, не ограничилось предмѣстьемъ Манчестера, но распространилось по всей странѣ, по всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ только было поднято знамя чартизма. Въ Іоркширѣ вездѣ господствовало сильнѣйшее волненіе среди рабочихъ; въ средней Англіи возбужденіе, хотя и не было такъ широко, но за то очень глубоко. На западѣ устраивались многочисленные митинги, въ которыхъ принимались резолюціи, осуждавшія образъ дѣйствія правительства. Въ Бристолѣ Винсентъ сказалъ рѣчь народу въ Брендонъ Гилѣ и предложилъ резолюцію съ выраженіемъ сочувствія Стефенсу и со строгимъ порицаніемъ его преслѣдователямъ, принятую среди оглушительныхъ рукоплесканій. Слѣдующую субботу вся „Сѣверная Звѣзда" была наполнена подобнаго рода резолюціями. Стефенсъ сдѣлался болѣе популярнымъ, чѣмъ когда либо. Со всѣхъ округовъ къ нему неслись письма, полныя симпатіи, съ обѣщаніемъ поддержки и горячими приглашеніями почтить ихъ авторовъ своимъ посѣщеніемъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, гдѣ сочувствовали его убѣжденіямъ, устраивались комитеты для его защиты, и несмотря на то, что въ это же время шла національная подписка, основался особый фондъ подъ именемъ фонда Стефенса, увеличивавшійся съ каждымъ днемъ и достигнувшій ко дню судебнаго разбирательства двухъ тысячъ фунтовъ. Подписка шла исключительно среди рабочаго класса. Стефенсъ попрежнему обращался къ народу съ проповѣдями и рѣчами; но большей частью онъ держался проповѣдей. Отчетъ о нихъ появлялся въ „Сѣверной

Звѣздѣ“, а потомъ онѣ появлялись отдѣльными оттисками подъ названіемъ „Политической трибуны“. Эти проповѣди жадно раскупались, и во многихъ городахъ толпы народа собирались по воскресеньямъ, чтобы слушать ихъ. Чтенія эти еще больше усиливали симпатію народа къ Стефенсу и возбуждали интересъ къ исходу дѣла.

Какъ только промышленники средняго класса замѣтили, что народъ серьезно хочетъ добиться всеобщаго избирательнаго права, они стали напрягать всѣ свои усилія, чтобы отвлечь его отъ этой цѣли. Они знали, что чартисты стремятся положить конецъ соціальной монополіи, и они сами сдѣлались противниками монополіи. Но единственная монополія, обращавшая на себя вниманіе этихъ „друзей народа“, была монополія лендлордовъ; они указывали на хлѣбные законы, какъ на единственный источникъ соціальнаго бѣдствія народнаго класса и въ отмѣнѣ этихъ законовъ видѣли панацею отъ всѣхъ золъ. Они старались доказать, какъ было важно, чтобы народъ присоединился къ ихъ требованіямъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, оставивъ на время агитацію въ пользу Хартіи. Они ничего не имѣли противъ Хартіи и не могли ничего имѣть, такъ какъ это было правомъ народа. Съ абстрактной точки зрѣнія всѣ народныя требованія были справедливы, но несвоевременны. Въ Палатѣ Общинъ было очень немного друзей Хартіи, и въ настоящее время нельзя было имѣть никакой надежды на успѣхъ, но въ то же время въ парламентѣ можно было найти очень много сторонниковъ отмѣны хлѣбнаго закона, и если бы рабочій классъ оказалъ имъ свою поддержку, то на ихъ сторонѣ была бы сила. Но народъ не пошелъ на эту удочку такъ легко, какъ предполагали эти господа; они расчитывали главнымъ образомъ на поддержку мануфактурныхъ округовъ, а въ этихъ округахъ противъ нихъ образовалось вполнѣ опредѣленное общественное мнѣніе. Оскорбленный въ своихъ правахъ рабочій классъ поддерживалъ лидеровъ чартизма въ ихъ борьбѣ противъ сторонниковъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Они старались привлечь къ себѣ и общественныя симпатіи, но скоро увидѣли, что общество не было расположено въ ихъ пользу.

Различные представители чартистскаго движенія вели борьбу съ „Лигой противъ хлѣбныхъ законовъ“ по различнымъ соображеніямъ. Огромное большинство руководилось ненавистью къ соціальной тираніи фабрикантовъ и не вѣрило, что съ этой стороны

можетъ исходить что либо полезное для ихъ дѣла. Ассоціація Рабочихъ исходила изъ другой точки зрѣнія: члены ея признавали желательность отмѣны хлѣбныхъ законовъ, но находили въ то же самое время, что покуда законодательство будетъ производиться на прежнихъ основаніяхъ, было бы тщетно ожидать отмѣны хлѣбныхъ законовъ; и во всякомъ случаѣ для агитаціи въ пользу этой отмѣны потребовалось-бы столько же силъ, какъ и для Хартіи, а между тѣмъ, въ случаѣ успѣха Хартіи, они не только добились бы отмѣны хлѣбнаго закона, но и всѣхъ другихъ законовъ, основанныхъ на несправедливомъ отношеніи къ народу. Они говорили въ то же время, что средніе классы совершенно не думали объ отмѣнѣ хлѣбнаго закона до тѣхъ поръ, пока не увидѣли твердой рѣшимости со стороны массъ добиться политической власти; что если бы они въ самомъ дѣлѣ желали добиться своей цѣли имъ было бы это очень легко, такъ какъ большинство членовъ Палаты избирается среднимъ классомъ и зависящими отъ него лицами; и они заявляли, что надо съ большой подозрительностью относиться къ классу, который старается отвлечь вниманіе общества отъ большой задачи и обратить его на сравнительно неважныя цѣли.

Но была и еще партія, самая большая, утверждавшая, что при современномъ устройствѣ общества свободная торговля не только не окажетъ благотворнаго вліянія, но напротивъ принесетъ еще новый вредъ трудящемуся населенію; во главѣ этой школы стоялъ Джемсъ Бронтеръ О'Брайенъ, а за нимъ слѣдовали Фирганъ О'Коннoръ и большинство самыхъ вліятельныхъ лицъ въ движеніи. Точку зрѣнія О'Брайена можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Онъ не чувствовалъ симпатіи къ классу лендлордовъ, въ которыхъ видѣлъ наслѣдственныхъ враговъ общества, но онъ еще съ большимъ опасеніемъ смотрѣлъ на другой классъ, на обширный денежный классъ, достигнувшій большого значенія, и власть котораго все усиливалась; огромное большинство этого класса существовало вполнѣ обезпеченными доходами. Естественнымъ стремленіемъ свободной торговли, какъ говорили сами экономисты, было удешевленіе жизненныхъ удобствъ, и О'Брайенъ доказывалъ, что это помогло бы всѣмъ богачамъ, пожирателямъ налоговъ, священникамъ и всѣмъ другимъ классамъ, имѣющимъ опредѣленные доходы, достигнуть при той же самой затратѣ денегъ увеличенія жизненныхъ удобствъ пропорціонально съ ихъ дешевизной, и сообразно съ этой пропорціей доходы ихъ значительно уве-

личились бы. Онъ утверждалъ дальше, что если бы эти классы, не оказавъ обществу никакихъ услугъ, достигли бы увеличенія благосостоянія, они добились бы этого только за счетъ другихъ, а этими другими были бы рабочіе классы, служившіе всегда источникомъ всякаго богатства. О'Брайенъ принималъ также во вниманіе положеніе частнаго должника и кредитора, указывая, что долги, заключенные при покровительственной системѣ, когда цѣны на продукты высоки, а цѣна денегъ низка, должны были быть уплачены при свободной торговлѣ, когда цѣны на продукты понижаются, а цѣна денегъ, вслѣдствіе этого, повышается. Онъ ничего не имѣлъ противъ самыхъ принциповъ свободной торговли, но доказывалъ только, что для того, чтобы свободная торговля была полезна всѣмъ классамъ, надо было добиться болѣе справедливыхъ отношеній между государственными и частными должниками и кредиторами, что доходы имущественныхъ классовъ должны быть уменьшены, или же иначе классъ не производительный отниметъ у класса производительнаго получившуюся разницу въ цѣнахъ потребляемыхъ ими товаровъ. Какъ было уже раньше замѣчено, всѣ наиболѣе вліятельные лидеры чартистовъ раздѣляли эти взгляды, и гдѣ бы ни появлялись представители свободной торговли, О'Конноръ, О'Брайенъ и другіе выступали противъ нихъ на платформѣ, доказывая несостоятельность ихъ стремленій и возбуждая противъ нихъ общественное мнѣніе. О'Брайенъ нападалъ на нихъ не только въ рѣчахъ; онъ писалъ также противъ нихъ на страницахъ „Operative“ самыя сильныя и талантливыя статьи, когда либо исходившія изъ подъ его пера. Онъ доказывалъ въ нихъ эгоизмъ ихъ теорій и обрушивался на нихъ со всею силою своей логики и остроумія. Послѣ того, какъ были приняты мѣры, предложенныя Сэромъ Робертомъ Пилемъ въ 1846 году, взгляды О'Брайена могутъ показаться ложными. Но къ этому предмету мы вернемся въ дальнѣйшихъ главахъ нашей работы.

Оппозиція чартистовъ представителямъ свободной торговли (фритредерамъ) сильно мѣшала ихъ агитаторамъ. Чартисты просили только одного: публичныхъ обсужденій существовавшей между ними розни. Но фритредеры не желали споровъ съ чартистами. Они ничего не имѣли противъ публичнаго обсужденія этого вопроса съ лендлордами, потому что вліяніе этого класса было не такъ сильно, но когда на платформѣ для обсужденія этого вопроса появлялся чартистъ, среди нихъ происходило такое вол-

неніе, какъ будто въ ихъ ряды была брошена бомба и для того, чтобы не дать мѣста дебатамъ, они стали пускать на свои митинги по билетамъ съ цѣлью лишить возможности чартистовъ принимать участіе въ обсужденіи вопросовъ. Если же какой нибудь чартистъ все же проникалъ на собраніе и выражалъ свое мнѣніе, то эти мирные агитаторы доходили до того, что употребляли противъ него физическую силу. Но иногда, не смотря на всѣ принятыя предосторожности, чартисты овладѣвали билетами и проводили резолюцію противъ фритредеровъ. Мы ни въ какомъ случаѣ не одобряемъ подобной тактики. Если какая нибудь отдѣльная партія устраиваетъ митингъ для обсужденія какого-либо вопроса, мы считаемъ, что стараніе проникнуть на него вопреки желаніямъ партіи равносильно вторженію въ частное жилище. Мы считаемъ, что выступать съ оппозиціей можно только тогда, когда открыто свободно обращаются къ общественному мнѣнію, и въ послѣднихъ случаяхъ мы за каждымъ человѣкомъ признаемъ право свободно выражать свое мнѣніе и отстаивать это право, если понадобится, даже съ помощью физической силы.

ГЛАВА VI.

Конвентъ.

Въ зиму 1838/9 года агитація въ пользу Хартіи не только не ослабѣвала, но быстро двигалась впередъ. Если одинъ планъ чартистовъ терпѣлъ неудачу, они быстро придумали другой для достиженія своей цѣли. Власти, запретивъ факельные митинги и арестовавъ наиболѣе популярныхъ лицъ въ мануфактурныхъ округахъ, думали нанести тяжелый ударъ движенію, но чартисты тѣмъ не менѣе обнаруживали самую усиленную дѣятельность. Попрежнему очень часто устраивались митинги: днемъ на открытомъ воздухѣ, вечеромъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, и рѣчи нисколько не теряли своей обычной силы. Различные комитеты работали съ усиленной настойчивостью. Фондъ въ пользу Конвента и фондъ охранительный дѣйствовали съ такимъ успѣхомъ, что наиболѣе пылкіе члены могли быть удовлетворены, и взоры всѣхъ были теперь устремлены на собраніе Конвента, который долженъ былъ выражать, за отсутствіемъ широкаго парламентскаго представительства, мысли, чувства и настроенія политическихъ рабовъ общества. Делегаты собрались въ Лондонѣ 4-го февраля. Первое собраніе состоялось въ Британской кофейной, на улицѣ Кокспэръ, но черезъ два дня они перебрались въ Больтъ-Кортъ, на улицѣ Флитъ, гдѣ къ ихъ услугамъ была отведена удобная комната. Лондонскіе демократы устроили въ честь собравшихся делегатовъ большой обѣдъ въ обширномъ залѣ Уайтъ Кондитъ-хаузъ. Ораторами выступили О'Конноръ, Фростъ и другіе руководители движенія. Первый, не смотря на свое почти желѣзное сложеніе, такъ сильно переутомился агитаціей, что имѣлъ совершенно больной видъ; обычный румянецъ исчезъ съ его щекъ и уступилъ

мѣсто болѣзненной блѣдности. Присутствующіе выражали опасеніе, что его здоровье было совершенно надорвано; но энергичный защитникъ демократіи быстро вернулъ себѣ прежнія силы, не прекращая ни на минуту своей работы. Нельзя не упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, случившемся съ Фростомъ. Какъ уже было раньше замѣчено, онъ присоединился къ народнымъ требованіямъ въ самомъ началѣ движенія. Въ результатѣ онъ получилъ письмо отъ лорда Джона Росселя, упрекавшаго его за его образъ дѣйствія не соотвѣтствовавшій его служебному положенію. Фростъ съ большимъ достоинствомъ отвѣтилъ лорду Росселю, отрицая его право вмѣшиваться въ его (Фроста) политическія мнѣнія. Его остроумный отвѣтъ вызвалъ безсвязное посланіе со стороны Росселя, въ которомъ тотъ увѣрялъ Фроста, что не имѣлъ никакого намѣренія его обидѣть. Однимъ словомъ, лорду Джону пришлось проглотить свои прежнія слова. Во время обѣда Фростъ упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ и замѣтилъ, что если правительство вычеркнетъ его изъ списковъ должностныхъ лицъ, народъ быстро возведетъ его въ прежнюю должность. Министръ, прочитавъ рѣчь въ газетахъ, сейчасъ же написалъ магистрату, чтобы узнать, вѣрно ли была передана рѣчь и, получивъ утвердительный отвѣтъ Фроста, лишилъ его должности городскаго судьи. Рѣчи краснорѣчивыхъ и остроумныхъ ораторовъ вызывали самый пылкій энтузіазмъ въ собраніи. Изъ сказаннаго въ предшествующихъ главахъ можно легко заключить, что Конвентъ не представлялъ изъ себя вполнѣ гармоничнаго цѣлаго. Почти всѣ шотландскіе, лондонскіе и бирмингамскіе делегаты, а также и нѣкоторые другіе принадлежали къ школѣ моральнаго воздѣйствія. Но большинство тѣмъ не менѣе состояло изъ сторонниковъ доктрины физической силы. Предсѣдателемъ былъ выбранъ Бэльи Крэгъ, делегатъ отъ Айршира, а Вильямъ Ловетъ былъ избранъ секретаремъ. Какъ только покончили съ разнаго рода формальностями, такъ сейчасъ же стали обнаруживаться разногласія между членами. Нѣкоторые члены Конвента, принадлежавшіе къ школѣ Коббета, держались мнѣнія, что на обязанности Конвента лежала только подача національной петиціи, и что послѣ этого миссія его кончалась; но огромное большинство было противоположнаго мнѣнія. На этотъ разъ представители какъ моральной, такъ и физической силы, держались того мнѣнія, что народъ ожидаетъ отъ нихъ большаго. Разъ уже были сдѣланы обѣщанія и возбуждены ожиданія, членамъ Конвента не

оставалось другого исхода, какъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, въ случаѣ если бы петиція потерпѣла неудачу. Резолюція Коббета была поэтому отвергнута, какъ не соотвѣтствующая задачамъ Конвента, собравшагося съ цѣлью добиться народныхъ правъ. Послѣ этого рѣшенія партія Коббета принимала лишь слабое участіе въ дѣлахъ Конвента.

Въ то время какъ одна небольшая партія старалась не допустить Конвентъ до какихъ бы то ни было крайнихъ мѣръ, другая партія, такая же малочисленная, толкала его впередъ съ стремительной быстротой; во главѣ послѣдней партіи стоялъ Джуліанъ Гарней. Представители этой послѣдней партіи выражали увѣренность (нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно вѣрили въ это), что народъ былъ готовъ безъ промедленія завоевать свои права, и— обвиняли членовъ Конвента въ трусости и тупости за то, что тѣ не рѣшались взять на себя иниціативу въ насильственномъ переворотѣ. Наиболѣе пылкіе демократы собрали публичный митингъ съ цѣлью повліять на Конвентъ; на этомъ митингѣ ораторами выступили Гарней, Райдеръ и Марсденъ и въ самыхъ несдержанныхъ выраженіяхъ говорили о подготовленности народа и объ медлительности Конвента. Въ концѣ митинга была принята резолюція, постановлявшая, что, если Конвентъ будетъ исполнять свои обязанности, то всеобщаго избирательнаго права можно добиться черезъ два мѣсяца. Для того чтобы способствовать распространенію своихъ взглядовъ на дѣло, партія крайней физической силы стала издавать періодическую газету подъ названіемъ „Лондонскій Демократъ“ (London Democrat), главнымъ писателемъ котораго былъ Джуліанъ Гарней. Журналъ этотъ велся очень талантливо и краснорѣчиво, и въ статьяхъ его говорилось главнымъ образомъ о необходимости содѣйствовать революціи, которая, по мнѣнію его писателей, была совсѣмъ близка. Гарней присутствовалъ на митингѣ на открытомъ воздухѣ въ Смитфильдѣ и появился на платформѣ въ красномъ фригійскомъ колпакѣ, въ подражаніе патріотамъ французской революціи. Онъ обнаружилъ полную готовность бороться и строго порицалъ тѣхъ, бездѣйствіе которыхъ задерживало народное дѣло, подавляло пылъ народа и мѣшало его стремленіямъ къ свободѣ.

Конвентъ обратилъ вниманіе на образъ дѣйствія Гарнея и его друзей. Вильерсъ Сенкей внесъ предложеніе, осуждавшее этихъ членовъ Конвента, вредившихъ дѣлу употребленіемъ французскихъ

выраженій и французскихъ эмблемъ. Поведеніе Гарнея подвергалось особенному обсужденію, и многіе члены выражали свое негодованіе по поводу его безразсуднаго образа дѣйствія, но большинство было противъ того, чтобы принимать какіе бы то ни было шаги въ этомъ направленіи и, послѣ нѣкоторыхъ споровъ, вопросъ этотъ былъ оставленъ.

Конвентъ перешелъ затѣмъ къ болѣе полезнымъ занятіямъ чѣмъ обсужденіе этихъ мелочей; оно разослало въ разныя стороны миссіонеровъ, чтобы ознакомиться съ общественнымъ настроеніемъ и устроить митинги съ цѣлью поближе познакомить народъ съ вопросомъ объ ихъ правахъ. Для этой полезной цѣли была отчислена довольно большая часть фонда. Нѣкоторые изъ лучшихъ ораторовъ были отправлены въ округи, но ошибка была въ томъ, что ихъ послали почти всѣхъ въ тѣ округи, гдѣ уже велась агитація, вмѣсто того чтобы открыть для нихъ новое поле дѣйствіи въ менѣе просвѣщенныхъ частяхъ государства, гдѣ массы до такой степени невѣжественны относительно всего того, что касается ихъ правъ, какъ будто бы эти права никогда и не существовали.

Хотя крайняя партія Конвента и не получала отъ него поддержки, большинство все же было на сторонѣ физической силы, какъ это выразилось въ рѣчахъ на различныхъ митингахъ. Ихъ заставило вступить на этотъ путь сильное неудовольствіе, господствовавшее въ рабочемъ классѣ, въ особенности въ мануфактурныхъ округахъ, неудовольствіе, порождаемое самой ужасной бѣдностью безъ всякой надежды на улучшеніе. Эта ужасная нищета служила часто темою для рѣчей. Однажды Марсденъ, Престонскій делегатъ, произнесъ по этому поводу рѣчь, появившуюся въ печати и вызвавшую ужасъ у всѣхъ читателей. Для иллюстраціи той нищеты, къ которой приводитъ фабричная система, онъ указалъ на свою собственную семью, заявивъ, что его жена и дѣти были лишены всякихъ средствъ къ существованію. У его жены былъ грудной ребенокъ, а ей нечего было ѣсть, и она дошла до такого истощенія, что когда младенецъ начиналъ сосать, то вмѣсто молока у нея текла кровь. Эти слова подтвердила потомъ автору этой книги сама м-съ Марсденъ. Можно ли удивляться послѣ того, что ея мужъ, отъ природы добрый человѣкъ, готовъ былъ прибѣгнуть ко всякимъ средствамъ, чтобы положить конецъ системѣ, при которой возможны подобные ужасы. Гораздо удивительнѣе

то, что можно быть свидѣтелемъ такихъ соціальныхъ жестокостей и все же не сойти съ ума.

Разногласія между различными партіями Конвента все продолжались и задерживали его дѣятельность. Наконецъ произошло одно событіе, разорвавшее его ряды; 11 марта 1839 г., собрался огромный митингъ въ Тавернѣ Короны и Якоря, на которомъ говорили Фростъ, О'Конноръ, Гарней и другіе. Предсѣдателемъ былъ Фростъ. Большинство рѣчей носило самый рѣзкій характеръ. Всѣ ораторы призывали народъ быть готовымъ къ приближающейся борьбѣ; энтузіазмъ собравшихся еще больше воспламенялъ ораторовъ. Когда рѣчи появились въ печати, онѣ вызвали большое волненіе. Враждебная часть прессы выражала свое неудовольствіе по поводу нихъ, и скоро послѣ этого Сольтъ, Гедли и Дугласъ вышли изъ состава Конвента. Этотъ поступокъ вызвалъ самое разнообразное отношеніе. Друзья ихъ одобряли сдѣланный ими шагъ, но такихъ друзей было немного. Огромное большинство чартистовъ осуждало ихъ, и по всей странѣ ихъ иначе не называли какъ „измѣнниками". Бирмингамскіе демократы выбрали ихъ замѣстителями Брауна, Поуеля и Дональдсона; но безполезно прибавлять, что этотъ разрывъ имѣлъ весьма печальныя послѣдствія, которые скоро и обнаружились въ Бирмингамскомъ Политическомъ Союзѣ. Въ началѣ мая изъ Конвента вышли Коббетъ, Уэдъ, Метьюсъ и Роджерсъ. На ихъ мѣсто тоже были выбраны другіе, но каждый такой разрывъ ослаблялъ силы чартистовъ, и ряды ихъ становились все просторнѣе. Тѣмъ не менѣе возбужденіе продолжало рости въ особенности въ большихъ городахъ, и всѣ митинги были въ высшей степени многочисленны.

Въ концѣ концовъ Конвентъ очутился въ такомъ положеніи, что ему необходимо стало предпринять рѣшительный шагъ, для того чтобы вызвать кризисъ. Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и популярныхъ членовъ, Генри Винсентъ, былъ арестованъ въ Ньюпортѣ; было весьма вѣроятно, что за нимъ послѣдуютъ другіе аресты, и Конвентъ еще болѣе опустѣетъ. Для того, чтобы испытать настроеніе народа, Ловетъ, секретарь, составилъ цѣлый рядъ предложеній съ цѣлью подвергнуть ихъ обсужденію на публичныхъ митингахъ. Митинги эти должны были устраиваться одновременно въ Духовъ день и было рѣшено, что за исключеніемъ Комитета, члены котораго должны были оставаться въ главномъ центрѣ, остальные члены разъѣдутся въ разныя мѣста для того, чтобы

посѣтить возможно большее количество митинговъ. Такъ какъ возбужденіе росло съ каждымъ днемъ, Конвентъ, слѣдуя совѣту Атвуда, въ самомъ началѣ агитаціи, рѣшилъ переѣхать изъ Лондона въ Бирмингамъ. Они думали, что этотъ шагъ усилитъ значеніе Конвента, такъ какъ онъ будетъ окруженъ густымъ населеніемъ, восторженно относившимся къ національному дѣлу. 13 мая Конвентъ переѣхалъ въ Бирмингамъ.

Предложенія Конвента, которыя онъ рѣшилъ поставить на обсужденіе своихъ избирателей, были составлены въ такомъ духѣ, что врядъ ли могли бы потерпѣть неудачу, если бы за проведеніе ихъ принялись умные люди, рѣшившіе во что бы то ни стало добиться своихъ правъ. Главныя изъ нихъ были: взятіе вкладовъ изъ банковъ, воздержаніе отъ всѣхъ спиртныхъ напитковъ, бойкотъ всѣхъ торговцевъ, враждебныхъ чартизму; вооруженіе и всеобщая забастовка. Эти предложенія вызвали горячія пренія. Джуліанъ Гарней находилъ, что въ предложеніи воздерживаться отъ спиртныхъ напитковъ было что-то фальшивое. Р. Ж. Ричардсонъ возразилъ ему, что они въ тотъ день были свидѣтелями печальныхъ результатовъ, къ которымъ приводитъ невоздержанность въ языкѣ, и что это должно было бы послужить имъ наукой о необходимости быть воздержаннымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Но Гарней утверждалъ, что только крайнія мѣры могли имѣть какое нибудь значеніе. Онъ стоялъ за самые рѣшительные способы дѣйствій и рѣдко или даже почти никогда не думалъ о томъ, чего это будетъ стоить. Конвентъ, рѣшивъ предоставить народу прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, когда это онъ найдетъ необходимымъ, былъ совершенно правъ; выдвигая на первый планъ нравственное воздѣйствіе и желая испытать, въ какой степени народъ способенъ на жертвы, прежде чѣмъ прибѣгать къ насилію, онъ поступалъ вполнѣ разумно. Для людей, желающихъ во что бы то ни стало заслужить репутацію храбрецовъ, ничего не стоитъ говорить громкія фразы о смерти, славѣ и т. п., но учрежденіе не имѣетъ права организовывать возстаніе въ странѣ, если у него нѣтъ полной увѣренности въ томъ, что народъ вполнѣ подготовленъ и побѣда будетъ на его сторонѣ, а увѣренность въ подготовкѣ народа должна быть основана на чемъ нибудь большемъ, чѣмъ народные митинги и восторженныя рукоплесканія наиболѣе рѣзкимъ и пылкимъ ораторамъ. Народъ, готовый пожертвовать своей жизнью, никогда не остановится передъ менѣе

значительными жертвами, по крайней мѣрѣ въ нашей странѣ; если же онъ не готовъ еще и для небольшихъ жертвъ, то это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что онъ не готовъ и для самой большой. Взятіе вкладовъ изъ банковъ, воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ и бойкотъ торговцевъ, если бы это было принято, дало бы ясное понятіе о народномъ настроеніи. Этимъ было бы достигнуто даже большее: они ударили бы по жизненному нерву своихъ враговъ и дали бы народу возможность, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ болѣе сильнымъ средствамъ, какъ напримѣръ къ забастовкѣ и—въ случаѣ нападенія на нихъ непріятеля—къ самозащитѣ. Но существуетъ цѣлый рядъ людей, считающихъ себя народными вождями, которымъ нравятся только крайности. Не способные къ логическимъ разсужденіямъ или, можетъ быть, пренебрегая логикой, они не могутъ или не хотятъ видѣть, что для того чтобы народъ былъ въ состояніи бросить открытый вызовъ своему правительству, нужна подготовительная работа. Эти люди принадлежатъ обыкновенно къ самымъ многорѣчивымъ ораторамъ, и недостатокъ ума и логики замѣняютъ крикомъ и безтолковщиной. Во времена сильнаго народнаго возбужденія, особенно когда къ нему присоединяется горечь страданія, такого рода люди часто овладѣваютъ народнымъ довѣріемъ и пользуются большимъ вліяніемъ, чѣмъ другіе, гораздо болѣе достойные, по умъ и добросовѣстность которыхъ не позволяютъ имъ приносить народъ въ жертву своему безумію или эгоизму.

Какъ уже было раньше замѣчено, Конвентъ былъ совершенно правъ, отодвигая крайнія мѣры на задній планъ и рѣшивъ сначала испробовать нравственныя силы народа; но онъ поступилъ бы еще лучше, если бы совсѣмъ не упоминалъ о крайнихъ мѣрахъ, а занялся бы широкимъ распространеніемъ политическихъ и соціальныхъ знаній среди народа, чтобы подготовить массы къ рѣшительному образу дѣйствій. Прежде чѣмъ рекомендовать крайнія мѣры, надо быть всегда увѣреннымъ въ томъ, что они будутъ приняты, или же эта попытка будетъ только пустой тратой времени и энергіи. До этого времени мѣры, принимаемыя для просвѣщенія народа, были сравнительно очень незначительны. Публичные митинги, правда, были весьма многочисленны, въ особенности въ нѣкоторыхъ округахъ, но требовалось нѣчто большее, чѣмъ публичные митинги. Для народа было бы полезнѣе поменьше слушать ораторовъ и обладать большими научными знаніями, чего

можно было бы достигнуть съ помощью книгъ. Но огромное большинство народныхъ лидеровъ совершенно упустило это изъ виду; по ихъ мнѣнію, рѣчи были самымъ необходимымъ орудіемъ для того, чтобы привести массы въ извѣстное настроеніе и въ большинствѣ случаевъ народъ оставался безъ всякаго образованія, не получая его ни съ платформы, ни изъ печати. Крайнія средства можетъ быть были бы желательны при другихъ обстоятельствахъ, но въ данномъ случаѣ о нихъ нельзя было даже говорить, потому что не только нельзя было расчитывать на то, чтобы ихъ вездѣ приняли, но можно было быть увѣреннымъ, что когда пробьетъ часъ, эти средства и ихъ сторонники будутъ оставлены всѣми, за исключеніемъ сравнительно небольшого числа восторженныхъ и искреннихъ людей, которые будутъ принесены въ жертву невѣжеству и безпечности массъ. Конвентъ рѣшилъ другое. Онъ находился, правда, въ очень затруднительномъ положеніи. Люди, выйдя изъ предѣловъ осторожности, часто бываютъ вынуждены ступить на ложный путь для того, чтобы не вызвать къ себѣ презрѣнія. Въ такомъ положеніи находился Конвентъ. Народу съ одной стороны были сдѣланы слишкомъ большія обѣщанія, съ другой стороны, по адресу правительства разсыпались угрозы и теперь надо было поддержать къ себѣ уваженіе. Они рѣшили дѣйствовать по мѣрѣ возможности осторожно, и одновременные митинги должны были служить для нихъ средствомъ, для того чтобы узнать, насколько народъ былъ готовъ къ защитѣ своихъ правъ.

Какъ уже было сказано, во всѣхъ большихъ агитаціонныхъ центрахъ были устроены многочисленные митинги. Конвентъ предполагалъ возможность вмѣшательства со стороны властей. Было очевидно, что чартистамъ готовились нанести ударъ; изъ Лондона была переведена въ Бирмингамъ значительная часть полиціи, такъ какъ до сихъ поръ этотъ городъ не отличался военной силой. Власти обнаружили намѣреніе разсѣять митинги въ Бульрингѣ и въ другихъ частяхъ города. На этихъ митингахъ не было никакого безпорядка до тѣхъ поръ, пока не появилась полиція, но когда она появилась, со стороны народа на встрѣчу ей понеслись проклятія, и только благодаря вліянію Бронтера О'Брайена, доктора Тейлора и другихъ талантливыхъ членовъ Конвента, не произошло столкновенія.

Въ засѣданіи Конвента, 16 мая, О'Конноръ строго порицалъ

вооруженныя собранія (лордъ Джонъ Россель въ Палатѣ Общинъ объявилъ ихъ незаконными) и просилъ своего друга О'Брайена поставить по этому поводу резолюцію съ тѣмъ, чтобы она была принята Конвентомъ и объявлена народу на предстоящихъ митингахъ. На слѣдующій день О'Брайенъ представилъ рядъ резолюцій, а именно:

1) Миръ, законъ и порядокъ будутъ лозунгами Конвента до тѣхъ поръ, пока наши притѣснители будутъ дѣйствовать по отношенію къ народу въ томъ же духѣ мира, закона и порядка; но если наши враги, вмѣсто мира, объявятъ войну или нарушатъ нашу законную и спокойную агитацію беззаконными насиліями, то мы сочтемъ священною обязанностью народа на насиліе отвѣтить насиліемъ и воздать за убійство справедливой казнью.

2) Согласно вышеуказанной резолюціи, Конвентъ будетъ дѣйствовать только законными и мирными средствами для преслѣдованія великой и справедливой цѣли настоящаго движенія. Не желая дать возможности нашимъ врагамъ исказить наши намѣренія и воспользоваться вооруженной силой противъ народа, мы просимъ чартистовъ не брать съ собою на предстоящіе одновременные митинги палки, пики, пистолеты и другое оборонительное оружіе. Мы просимъ приходить на митинги въ полномъ порядкѣ безъ оружія и трезвыми. Смотрѣть, какъ на враговъ дѣла на тѣхъ, кто позволитъ себѣ прибѣгнуть къ оружію или нарушить спокойное теченіе дѣла какимъ-нибудь другимъ безумнымъ и злонамѣреннымъ поступкомъ.

3) Главные распорядители и другія должностныя лица, на обязанности которыхъ будетъ лежать устройство одновременныхъ митинговъ, должны въ особенности употреблять всѣ зависящія отъ нихъ средства для того, чтобы привести въ исполненіе постановленіе предшествующихъ резолюцій. Мы просимъ также, чтобы всѣ распорядители передъ устройствомъ митинговъ обращались къ мѣстнымъ властямъ.

4) Въ случаѣ, если наши притѣснители среднихъ и высшихъ классовъ станутъ подстрекать власти къ нападенію на народъ съ помощью вооруженной силы, вопреки существующимъ въ государствѣ законамъ, вышеуказанные притѣснители высшихъ и среднихъ классовъ будутъ отвѣчать, какъ своей личностью, такъ и своимъ имуществомъ за тотъ вредъ, который они нанесутъ народу посредствомъ этихъ жестокихъ подстрекательствъ".

Принявъ эти резолюціи и покончивъ съ другими дѣлами, Конвентъ отложилъ свои засѣданія до 1-го іюля. Одною изъ самыхъ большихъ демонстрацій въ это время была демонстрація въ Керсаль Мурѣ. Невозможно въ точности сказать о количествѣ собравшихся. „Сѣверная Звѣзда“ опредѣляла число присутствовавшихъ въ полмильона, что было совершенно невѣроятно даже для такого въ высшей степени населеннаго округа. Безъ сомнѣнія все же это было одно изъ самыхъ большихъ собраній въ данной мѣстности и надо помнить, что „Утренній Вѣстникъ“ (Morning Advertiser) опредѣлялъ количество собравшихся на первомъ митингѣ въ 300.000. На митингѣ присутствовали войска подъ командою полковника Уимиса. Но все время царствовалъ самый строгій порядокъ. Слѣдующій по значенію митингъ былъ устроенъ въ Уэстъ-Райдингѣ на Пипъ-Гринѣ; тамъ собралось 200.000. Изъ ораторовъ говорили О'Конноръ, О'Брайенъ, Джемсъ Тейлоръ, Мильсъ, Питкитли и Буссе, все члены Конвента. Кромѣ того, Дикенсонъ, Торнтонъ, Веверсъ, Уайтъ, Аштонъ, Арренъ, Гой, Кребтри и многіе другіе мѣстные ораторы. Графъ Герудъ, лордъ-намѣстникъ графства, получилъ приглашеніе присутствовать на митингѣ, но отклонилъ приглашеніе и приказалъ развѣсить объявленіе, предостерегавшее народъ противъ посѣщенія незаконныхъ митинговъ и запрещавшее кабатчикамъ продавать пиво и спиртные напитки на мѣстѣ собранія. Военныя силы тоже были развернуты въ видѣ милиціи, ветерановъ, регулярнаго войска и спеціальныхъ констеблей. Но все прошло совершенно мирно. На этомъ митингѣ Вильямъ Райдеръ, заявлявшій раньше, что среди членовъ Конвента не найдется и восьми честныхъ людей, сложилъ съ себя званіе делегата отъ Уэстъ-Райдинга. Въ концѣ митинга было предложено выразить благодарность властямъ за запрещеніе продавать спиртные напитки на мѣстѣ собранія. Хотя рѣчи главныхъ ораторовъ были составлены такимъ образомъ, что не могли вызвать преслѣдованія закона, тѣмъ не менѣе онѣ были очень смѣлы и рѣзки. О'Конноръ, говоря объ относительномъ положеніи народа и его правителей замѣтилъ:

„По существующей въ этой странѣ конституціи, королева можетъ поступать такъ же беззаконно, какъ и рабочіе; но, по моему мнѣнію, нарушеніе конституціи со стороны королевы гораздо болѣе преступно, чѣмъ незаконный поступокъ со стороны рабочаго. Неужели власти думаютъ положить конецъ нашимъ митингамъ

съ помощью насилія? Я думаю, что они собираются это сдѣлать. Но если мы подвергнемся нападенію сегодня, будь что будетъ: жизнь, смерть или побѣда,—я рѣшилъ, что эту ночь не буду искать пріюта ни подъ чьей кровлей. Я вполнѣ готовъ подписаться подъ доктриной Виверса—всегда стоять на почвѣ закона и не давать нашимъ тиранамъ никакого предлога для нападенія на насъ вооруженной силы; но если они употребятъ противъ насъ насиліе, я буду стоять за то, чтобы на аттаку отвѣтить аттакой".

Рѣчь О'Брайена представляла очень цѣнный матеріалъ, такъ какъ касалась условій жизни различныхъ классовъ. Въ концѣ своей рѣчи онъ сказалъ:

„На слѣдующихъ общихъ выборахъ мы должны избрать своими представителями чартистовъ, и когда они будутъ избраны поднятіемъ рукъ, мы должны настоять, чтобы это избраніе было формально признано отчетнымъ чиновникомъ. Когда у насъ будетъ законно избранный парламентъ подъ управленіемъ королевы, тогда мы покажемъ нашимъ тиранамъ разницу между парламентомъ, избраннымъ девятью или десятью милліонами и между парламентомъ, избираемымъ тремя или-четырьмя стами тысячъ монополистовъ. Народный парламентъ соберется въ Бирмингамѣ и необходимо, чтобы къ этому времени тамъ было 500.000 избирателей, чтобы охранять его при исполненіи имъ своихъ законныхъ обязанностей; и когда всѣ соберутся тамъ, тогда я скажу, что нужно по моему мнѣнію дѣлать; но не раньше. Я не сдѣлаю ни одного шага, покуда не буду увѣренъ, что я сильнѣе, чѣмъ законъ и конституція. Вы содержите цѣлое племя землевладѣльцевъ, капиталистовъ, два мильона слугъ и служанокъ вмѣстѣ съ сотней тысячъ проститутокъ въ одномъ только Лондонѣ. Почему бы вамъ не создать учрежденія, которыя могли бы дать возможность всѣмъ этимъ людямъ честно зарабатывать себѣ хлѣбъ? Всеобщее избирательное право дастъ вамъ возможность избавиться отъ этой тяготы. Со времени мирнаго договора національный долгъ увеличился почти вдвое. Со времени царствованія Іакова II, рента съ четырехъ мильоновъ возросла до сорока мильоновъ, стоимость государственныхъ бумагъ въ сто фунтовъ увеличилась втрое съ 1815 года. И зная все это, неужели мы не скажемъ этимъ измѣнникамъ и разбойникамъ: „Стойте! Ни шагу дальше. Національная петиція будетъ своего рода векселемъ, предъявленнымъ ко взысканію, а затѣмъ на основаніи закона будетъ наложенъ арестъ

на имущество. Въ заключеніе я буду убѣдительно просить васъ дѣйствовать согласно постановленію Генеральнаго Конвента и прежде всего избѣгать преждевременныхъ и отдѣльныхъ вспышекъ. Что до меня, гдѣ бы я ни былъ, и что бы со мною ни случилось— я знаю, что будетъ дано предписаніе о моемъ арестѣ — я до послѣдняго вздоха буду защищать принципъ, что народъ долженъ управляться самимъ народомъ".

Многимъ покажется страннымъ утвержденіе О'Брайена, что національный долгъ возросъ почти вдвое со времени наступленія мира; но такъ это въ дѣйствительности было; не въ номинальной его суммѣ, но посредствомъ пониженія цѣнъ на продукты труда, благодаря главнымъ образомъ фокуснымъ пріемамъ нашей монетной системы, помогавшей національнымъ кредиторамъ распоряжаться промышленными товарами.

Въ Ливерпулѣ на митингѣ, устроенномъ въ королевскомъ скверѣ, собралось около 15.000 человѣкъ. Отъ Конвента на собраніи присутствовалъ докторъ Флетчеръ, встрѣченный съ большимъ энтузіазмомъ. Была организована цѣлая партія съ цѣлью разстроить митингъ и вызвать смятеніе, но эта попытка потерпѣла неудачу. Какое-то лицо внесло поправку къ резолюціи, но такъ какъ никто не поддержалъ ее, то она провалилась. На этомъ митингѣ говорили рѣчи многіе рабочіе, и настроеніе все время было самое лучшее, но какъ мы увидимъ, количество присутствующихъ, хотя и было довольно велико, все же уступало своей численностью митингамъ мануфактурныхъ округовъ. Ньюкастль на Тайнѣ не отступалъ ни на шагъ отъ своего прежняго направленія. На Городскомъ Лугу былъ устроенъ митингъ, на которомъ присутствовало не менѣе 100.000 человѣкъ. Процессія съ оркестромъ пришла сюда за двадцать миль разстоянія. Болѣе ста знаменъ развивалось по пути процессіи. Мѣстными ораторами выступили Айръ, Чарльтонъ, Кукъ, Блекей, Девиръ, Кокбёрнъ и другіе, а Денкенъ, Гарней, Ноксъ, Лоурей и докторъ Тейлоръ говорили отъ Конвента. Денкенъ сказалъ:

„Я надѣюсь, что эти наемные нравственные убійцы, негодные прихвостни тираническаго правительства, эти низкіе полицейскіе шпіоны, присланные сюда изъ Лондона и находящіеся теперь среди васъ, будутъ достаточно умны, чтобы донести въ точности лорду Джону — я бы и самъ сказалъ ему это прямо въ лицо — что ему больше не придется шутить съ народными правами.

Пусть они скажутъ ему, что это слова не одного рабочаго, но что десятки тысячъ народа встрѣтили одобреніемъ это заявленіе. Десятки тысячъ людей въ нашей странѣ находятся сейчасъ въ такой нищетѣ, что ихъ не ужасаетъ больше ни поле битвы, ни мучительная смерть. Въ такія времена нѣтъ толку въ пророчествахъ, но я позволю себѣ предсказать, что когда въ слѣдующій разъ вы соберетесь здѣсь въ такомъ же количествѣ, вамъ будутъ предложены совсѣмъ другія резолюціи, и что вы должны будете соединиться въ одномъ общемъ торжественномъ рѣшеніи: или увидѣть свою страну свободною, или погибнуть въ одномъ общемъ пламени".

Лоурей сказалъ, что „онъ стоитъ за законъ, миръ и порядокъ, но что при несправедливости и притѣсненіяхъ не можетъ быть мира. Онъ будетъ бороться противъ системы, лишающей бѣдняка его заработка и опустошающей его домъ. Онъ не можетъ подчиняться закону, который стоитъ на сторонѣ богатыхъ и направленъ противъ бѣдныхъ; не можетъ онъ назвать также порядкомъ, если одинъ человѣкъ получаетъ 10.000 фунтовъ жалованья за ничего недѣланіе, тогда какъ рабочій зарабатываетъ только 10 шиллинговъ въ недѣлю. Это безпорядокъ и грабежъ. Ихъ враги говорятъ, что имъ нечего терять, но все, что есть, производится ими, и если у нихъ ничего нѣтъ, то значитъ ихъ обокрали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ".

На вышеуказанномъ митингѣ не произошло никакого вмѣшательства военной силы какъ на первой большой демонстраціи, и все время царило самое большое единодушіе. Въ Карлейлѣ народъ изъ окрестностей собрался въ количествѣ десяти тысячъ человѣкъ. Генсонъ, Бауменъ и другіе говорили въ пользу резолюціи такъ же какъ докторъ Тейлоръ, Джуліанъ Гарней, Денкенъ и Ноксъ. Всѣ они были встрѣчены восторженными криками.

Въ Сендерландѣ населеніе Норсъ-Дергема собралось на Городскомъ лугу: различныя корпораціи пришли сюда за много миль со своими лидерами во главѣ. Когда процессія за процессіей густыми массами стала входить въ городъ, все пришло въ возбужденіе. Большая часть народа состояла изъ мужественныхъ углекоповъ, обнаруживавшихъ самую большую рѣшимость. На митингѣ собралось не менѣе 50.000 человѣкъ, не смотря на правительственныя прокламаціи, на организацію спеціальныхъ констеблей и многія другія враждебныя дѣйствія. Предсѣдательство-

валъ Джемсъ Вилльямсъ, и послѣ многочисленныхъ мѣстныхъ ораторовъ, произнесли рѣчи Денкенъ и Ноксъ.

Въ Лондонѣ чартисты собрались въ довольно значительномъ количествѣ въ Кеннингтонъ Коммонѣ подъ предсѣдательствомъ Джемса Ватсона, радикала книгопродавца. Ораторами выступили Уолъ, Камеронъ, Леблондъ, Аккерлей, Муръ и др.

Въ Базѣ чартисты устроили собраніе въ открытомъ полѣ. Присутствовало около 6.000 человѣкъ; это сравнительно небольшое количество объясняется тѣмъ, что властями были приняты мѣры, чтобы всячески запугать населеніе. Страхъ передъ властями былъ такъ силенъ, что помѣщеніе для митинга можно было достать только съ трудомъ, и даже когда оно было уже обѣщано, надо было держать его втайнѣ для того, чтобы не дать возможности запугать владѣльцевъ и побудить ихъ взять назадъ свое согласіе. Прокламаціи, спеціальные констебли и военныя силы были въ большомъ ходу, но чартисты дѣйствовали въ высшей степени осторожно. Бартлетъ, Больуель, Меткафъ и Іонгъ, а также Нисомъ и Милингъ, члены Конвента, говорили рѣчи собравшейся толпѣ, восторженно апплодировавшей имъ. Послѣ митинговъ чартисты отправились въ городъ, гдѣ встрѣтили роту гусаръ, которую привѣтствовали криками, на что военные сдѣлали имъ подъ козырекъ. Населеніе Уэльса не отставало отъ англичанъ въ сочувствіи общему дѣлу. Различныя корпораціи собрались въ Блекудѣ и Монмуширѣ—центральныхъ пунктахъ графства Монмуса и Глеморгана. Огромныя толпы народа пришли сюда со всѣхъ окрестныхъ городовъ и деревень, число собравшихся опредѣлялось отъ 400.000 до 500.000 человѣкъ. Предсѣдательствовалъ рабочій Джонсъ. Многіе ораторы говорили на уэльскомъ нарѣчіи. Главнымъ героемъ дня былъ ихъ делегатъ Фростъ, которому митингъ выразилъ самое искреннее уваженіе и симпатію. Онъ пользовался большой популярностью и получалъ приглашенія на различныя англійскія демонстраціи. Но такъ какъ Винсентъ былъ заключенъ въ тюрьму, то присутствіе Фроста въ Уэльсѣ было необходимо и, повинуясь свойственнымъ ему гуманнымъ чувствамъ, онъ предпочелъ остаться здѣсь и заниматься своимъ дѣломъ. Населеніе обоихъ вышеуказанныхъ графствъ обратилось къ лорду-намѣстнику съ просьбою присутствовать на митингѣ, но онъ отвѣтилъ отказомъ, какъ и многіе другіе.

Въ Гулѣ залы Викторіи были переполнены восторженной тол-

ной. Мэръ отказалъ дать залъ Городской Думы, хотя двѣсти двадцать квартиронанимателей просили его объ этомъ. Главными ораторами были члены Конвента, Бернсъ и Гартуелъ.

Въ Престонѣ чартисты собрались на открытомъ мѣстѣ за городомъ, пройдя предварительно процессіей, съ музыкой и знаменами, по главнымъ городскимъ улицамъ. Рѣчи говорили Гаттонъ, Стеггъ, Бёрдъ и Мёрфи, а также членъ Конвента Ричардсъ.

Въ Нордгемтонѣ чартисты устроили собраніе на базарномъ скверѣ—одномъ изъ лучшихъ въ Англіи. Джонъ Робинсъ, пылкій представитель труда, былъ выбранъ предсѣдателемъ. Открывая митингъ онъ произнесъ рѣчь, въ которой коснулся вопроса объ организаціи спеціальныхъ констеблей, милиціи и другихъ нелѣпыхъ мѣръ, принимаемыхъ властями. Лизерлендъ изъ Кеттеринга, авторъ „Низкіе притѣснители, проснитесь“, Эльмеръ, Уильмотъ, Белей, Джозефъ Джонсъ и Робертсонъ произнесли рѣчи такъ же, какъ Коллинсъ и Джонсъ, члены Конвента, причемъ первый былъ избранъ делегатомъ отъ этого графства. Кромѣ демонстраціи въ Уэстъ-Райдингѣ, населеніе Бретфорта съ многочисленными знаменами отправилось процессіей въ Гартсхедъ-Поръ. Одно изъ этихъ знаменъ обращало на себя всеобщее вниманіе. На немъ былъ изображенъ Маркусъ, старавшійся безболѣзненно задушить младенца. Митингъ былъ очень многолюденъ, и настроеніе восторженное. Однимъ изъ главныхъ ораторовъ былъ Буссе. Шеффильдскіе демократы обратились съ просьбою устроить митингъ къ старостѣ ножевщиковъ, но онъ отказалъ, и народъ собрался въ Передайсъ-скверѣ въ количествѣ 15.000 человѣкъ со знаменами и съ музыкой. Большая процессія пришла также изъ Роттергема. Ждали О'Коннора, Буссе, Мильса и Тейлора отъ Конвента, но они не пріѣхали. Вольстонголмъ предсѣдательствовалъ, а рѣчи говорили Гиллъ, Фоденъ, Баркеръ, Чаттертонъ, Лаусонъ, Лингардъ и Тернеръ. Гиллъ прочелъ письмо отъ О'Коннора, въ которомъ тотъ говорилъ, что не могъ пріѣхать, потому что власти въ Уэстъ-Райдингѣ выпустили прокламацію, предупреждавшую противъ демонстраціи, и онъ долженъ былъ остаться тамъ, чтобы помогать населенію своими совѣтами. Гиллъ въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицалъ намѣреніе правительства организовать деревенскую полицію:

„Самую мысль о деревенской полиціи онъ считаетъ оскорбленіемъ для страны: если они хотятъ подчиниться этому, пусть

подчиняются; что до него — онъ будетъ исполнять свой долгъ и бороться до послѣдняго издыханія; если страна раздѣляетъ его мнѣніе, то все населеніе должно возстать противъ этого ужаснаго плана, и голова Джона Росселя пусть красуется тамъ, гдѣ его сіятельство хотѣло посадить головы нѣкоторыхъ лицъ. Онъ долженъ сообщить имъ, что лордъ Джонъ написалъ книгу о конституціи страны. Въ этой книгѣ онъ говоритъ, что тѣ, кто вступаетъ въ заговоръ противъ народной свободы, заслуживаютъ того, чтобы ихъ головы украсили собою Темпль-Баръ. Онъ находитъ, что деревенская полиція утверждается для того, чтобы раздавить народную свободу, и поэтому голова лорда Джона Росселя должна красоваться тамъ".

Въ Саусъ-Шильдсѣ митингъ былъ устроенъ на Рыночной площади, собралось 15.000 человѣкъ. Ждали Джуліана Гарнея, но онъ не могъ пріѣхать вслѣдствіе опозданія поѣзда. Вмѣсто Гарнея говорили Бирнъ и Грей, встрѣченные съ большимъ энтузіазмомъ.

Въ маленькомъ городкѣ Ли народъ собрался въ количествѣ 10.000, хотя митингъ былъ устроенъ внезапно, только потому что въ городѣ въ это время находились докторъ Тейлоръ, а также Уорденъ и Феннн. Ихъ рѣчи привели митингъ въ самый бѣшеный восторгъ. Въ Пенрисѣ, Кокермаусѣ, Вигтонѣ, Дальстонѣ, Карлейлѣ и въ другихъ мѣстахъ рѣчи Джуліана Гарнея вызывали энтузіазмъ слушателей. На нѣкоторыхъ изъ нихъ къ нему являлись депутаціи отъ женщинъ-чартистокъ, чтобы выразить свое уваженіе.

Въ Глазго митингъ собрался вечеромъ въ Гринѣ. „Истинный Шотландецъ" (True Scotsman) опредѣлялъ количество собравшихся въ 130.000 человѣкъ. Несмотря на плохую погоду, толпа не расходилась и выражала самый горячій энтузіазмъ. Предсѣдательствовалъ глазговскій делегатъ Мойръ. Изъ мѣстныхъ ораторовъ выступили Гильспай, Макъ-Кей, Гамильтонъ, Петерсонъ, Роджерсъ, Эндрью, Россъ и другіе. Коллинсъ, Фростъ, Ричардсонъ, О'Брайенъ, Буссей, Лоуерей и докторъ Тейлоръ были представителями Конвента. Фростъ въ своей рѣчи сказалъ:

„Я дамъ вамъ такой же совѣтъ, какой далъ моимъ землякамъ въ Уэльсѣ. Они рѣшили держаться закона, и я совѣтую имъ не отступать отъ этого рѣшенія. Пусть тѣ, кто хочетъ нарушить законъ, отвѣчаютъ за это. Члены Конвента еще никогда не нарушали закона и не собираются этого дѣлать; поэтому если пра-

вительство осмѣлится наложить руку на кого-нибудь изъ нихъ, мы, въ свою очередь, наложимъ руку на кого-нибудь изъ правителей страны, и это будетъ служить залогомъ безопасности для Конвента. Если наши враги хотятъ слѣдовать примѣру Іакова II, то на нашей обязанности слѣдить за тѣмъ, чтобы нарушеніе закона не проходило безнаказанно".

Митингъ встрѣтилъ эти слова громкими рукоплесканіями.

Ричардсонъ, говоря о банкахъ, сказалъ, что —

„Онъ противъ нападенія на банки и какихъ бы то ни было волненій въ странѣ, но онъ совѣтуетъ имъ только обратить вниманіе на ихъ вклады въ сберегательныя кассы. Совѣтовать нападеніе на банки это значило бы совѣтовать незаконный образъ дѣйствій. Совѣтовать имъ затруднять денежныя операціи правительства было бы также незаконно, но совѣтовать имъ внимательно относиться къ своимъ собственнымъ сбереженіямъ вполнѣ законно, справедливо и разумно. Онъ не будетъ говорить имъ идти сейчасъ въ сберегательныя кассы, такъ какъ можетъ случиться, что они получатъ свои деньги, а манчестерцы не получатъ, но дайте намъ знать, когда вы будете готовы, и мы пойдемъ всѣ вмѣстѣ. Надо только положить начало. Если у правительства не будетъ народныхъ сбереженій въ наличности, армія должна будетъ быть распущена, а флотъ останется въ докахъ. Приходило ли имъ въ голову, когда они вносили свои двѣнадцать шиллинговъ въ сберегательную кассу, что на эти двѣнадцать шиллинговъ будетъ куплено ружье для арміи, или что шиллингъ будетъ употребленъ на покупку патроновъ для оружій? Онъ не совѣтуетъ имъ принимать такого рода помощь отъ правительства, и онъ не думаетъ, чтобы они были такъ безразсудны, чтобы вложить палку въ руки врага и просить бить ихъ этой палкой".

Рѣчь Ричардсона, отличавшаяся большимъ сарказмомъ, прерывалась взрывами смѣха и аплодисментами.

О'Брайенъ, говоря о тактикѣ, которой чартисты будутъ держаться на предстоящихъ выборахъ, сказалъ, что —

„Онъ не далъ бы ни гроша за всѣ эти рукоплесканія и крики одобренія, если бы народъ не былъ готовъ на что-нибудь болѣе серьезное. Въ существующей Палатѣ Общинъ нѣтъ ихъ представителей; она служитъ представителями людей, живущихъ процентами, живущихъ ростовщичествомъ, лихоимствомъ. Она представляетъ негодную толпу чиновниковъ, епископовъ и священниковъ, ростов-

щиковъ и маклеровъ. Она служитъ представительницей людей, нисколько не интересующихся благосостояніемъ страны. Маклерамъ общественныя бѣдствія такъ же выгодны, какъ ростовщикамъ разореніе частныхъ лицъ. Она служитъ еще для представителей военнаго сословія, правомъ голосованія пользуются также около 2.000 собственниковъ публичныхъ домовъ въ Лондонѣ, это фактъ. Никто не осмѣлится сказать, что представители, избранные ими (народомъ) на публичныхъ митингахъ, созванныхъ съ разрѣшенія королевской власти, не будутъ истинными представителями страны. Въ всякомъ случаѣ ихъ долгъ дѣйствовать такимъ образомъ, и они будутъ такъ дѣйствовать, несмотря на Виговъ и на Тори. Онъ воспользуется случаемъ, чтобы разсказать имъ, какъ относятся другъ къ другу ихъ общіе враги. Виги обвиняютъ Тори въ клятвопреступленіи; Даніель О'Коннель объявилъ, что каждый изъ нихъ виновенъ въ клятвопреступленіи, въ самомъ ужасномъ клятвопреступленіи, и что онъ можетъ доказать это. Вотъ изъ какихъ людей состоитъ одна часть палаты. Негодяи не посмѣли отрицать обвиненіе, такъ какъ знали, что это была истинная правда, но они отвѣчали, что Виги виновны еще въ большемъ клятвопреступленіи, такъ какъ подвергали опасности тронъ королевы Викторіи. Виги подняли руку на собственность, иначе сказать, представители одной собственности хотѣли овладѣть собственностью другихъ, поэтому Тори заявили: „вы Виги измѣнники и клятвопреступники". Виги никогда не говорили, тѣмъ не менѣе, что Тори должны быть лишены права голоса за клятвопреступленіе, но они лишаютъ права голоса народъ не виновный ни въ какомъ преступленіи. Они признаютъ право голоса за клятвопреступниками, и Тори со своей стороны охотно даютъ право голоса измѣнникамъ и клятвопреступникамъ. И какъ только народъ выберетъ триста или четыреста делегатовъ, они соберутся въ Манчестерѣ или Бирмингамѣ, и тогда—онъ даетъ свою голову на отсѣченіе — если онъ не выработаетъ имъ новый способъ подачи петицій. Онъ выберетъ сильныхъ и здоровыхъ людей, чтобы поддержать делегатовъ, а также королеву Викторію, ихъ законную и конституціонную правительницу, и броситъ вызовъ какъ Вигамъ, такъ и Тори. Правительство никогда не раскрывало ему своихъ секретовъ, поэтому и онъ не откроетъ своего секрета новаго способа подачи петицій, не откроетъ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ такое положеніе, когда ему будетъ все равно: знаютъ

его секретъ или нѣтъ. Собранія Конвента вполнѣ законны. Онъ никогда не совѣтовалъ народу нарушать законъ, не потому, чтобы онъ сколько-нибудь уважалъ его, но потому, что онъ дорожитъ своей собственной головою и жизнью рабочихъ. По старинному конституціонному закону Англіи избирательныя записки должны быть провѣрены и тотъ, у кого окажется наибольшее количество голосовъ, долженъ считаться законно избраннымъ. Теперь избирателемъ является каждый изъ нихъ и понадобится довольно много времени, чтобы сосчитать количество голосовъ, но онъ увѣренъ, что всѣ они будутъ стоять на сторонѣ справедливости и равенства. Планъ, выработанный имъ, вполнѣ безопасенъ и обладаетъ большими преимуществами. Если-бы собравшіеся делегаты и оказались не достаточно сильны, то пусть они снова подаютъ петиціи. Если-же они окажутся сильнѣе закона, то имъ будетъ все равно, нарушаютъ они законъ или нѣтъ".

Этотъ отрывокъ даетъ только слабое представленіе о рѣчи О'Брайена. Трудно описать то впечатлѣніе, которое она произвела; почти каждая фраза оратора вызывала или взрывы смѣха или рукоплесканія, или то и другое вмѣстѣ, въ зависимости отъ содержанія его словъ и отъ той формы, въ которую онъ ихъ облекалъ.

Докторъ Тейлоръ сказалъ, что —

„Имъ не надо спрашивать его мнѣнія относительно принциповъ, которые они защищаютъ. Что касается только что прочитанной резолюціи, то онъ всегда говорилъ, что бойкотъ торговцевъ лучшая мѣра для того, чтобы сломить ихъ враговъ.

Если они отмѣтятъ мѣломъ двери по обѣимъ сторонамъ улицы и будутъ знать каждаго лавочника, не желающаго помогать имъ въ достиженіи свободы, то они скоро наведутъ ихъ на мысль, что рабочій классъ вполнѣ подготовленъ для пользованія своими правами. А если прекратится музыка монетъ, — единственная музыка, любимая лавочникомъ, и опустѣютъ его сундуки, то онъ дойдетъ до сознанія, что народъ долженъ имѣть своихъ представителей. Если они будутъ дѣйствовать согласно этому плану и примутся за его немедленное осуществленіе, то это одно уже можетъ обезпечить успѣхъ Хартіи, и какъ только ихъ комитетъ открылъ-бы лавку, у нихъ набралась бы масса сторонниковъ чартистскихъ принциповъ".

Доктору Тейлору горячо аплодировали. Буссе сказалъ:

„Между классами не существуетъ никакой симпатіи. Это всецѣло вопросъ фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ. Золото—богъ лавочниковъ. Если, какъ говорятъ, добраться до головы англичанина можно только черезъ его брюхо, то онъ думаетъ, что добраться до головы средняго класса можно только черезъ его карманъ. Давно уже имъ (лавочникамъ) пора выступить впередъ и принять участіе въ движеніи, а если они отказываются, то гораздо болѣе честно сдѣлать что-нибудь хорошее для друга, чѣмъ для врага, и поэтому онъ совѣтуетъ имъ покупать только у того, кто можетъ помочь имъ добиться своихъ правъ".

Лоурей сказалъ:

„Онъ спрашиваетъ ихъ, вполнѣ ли они готовы для осуществленія своихъ задачъ? Это не пустыя задачи. Ни одинъ человѣкъ не можетъ предъявлять требованія, если онъ не готовъ поддержать ихъ оружіемъ. Они не поставятъ Конвентъ въ глупое положеніе, но докажутъ, что они потомки людей, которые оставили свои дома и ушли въ горы, опоясавшись мечами. Имъ нечего бояться. Правда и справедливость на ихъ сторонѣ. И хотя они не могутъ говорить съ грамматической правильностью, они могутъ, тѣмъ не менѣе, обличать лицемѣріе. Они могутъ доказать, что ихъ противники нарушили заповѣди и преступили Божій законъ о милосердіи. Народъ долженъ спросить ихъ, что они сдѣлали съ тѣми мильонами, которые вытянули изъ народа? Онъ спроситъ также духовенство, которое такъ много говоритъ о невѣжествѣ народа, почему оно позволяетъ двѣнадцати и четырнадцати лѣтнимъ дѣтямъ подавать свой голосъ по вопросу касающемуся ихъ вѣчнаго спасенія и въ то же время отказываетъ въ правѣ голоса юношамъ двадцати одного года, когда дѣло касается законовъ, которыми они управляются. Онъ спроситъ ихъ, почему они даютъ народу возможность обезпечить себѣ спасеніе на небесахъ и не даютъ ему возможности обезпечить свое существованіе на землѣ. Какое кощунство и какая насмѣшка со стороны религіи говорить, что Богъ потребуетъ отчета у людей, и въ то же самое время утверждать, что они слишкомъ невѣжественны для того, чтобы пользоваться избирательными правами, что они не съумѣютъ отличить истину отъ лжи".

Вотъ въ какомъ духѣ происходили митинги въ различныхъ мѣстностяхъ Англіи. Напрасно издавались прокламаціи, объявлявшія митинги незаконными. Они устраивались вопреки всѣмъ

прокламаціямъ и, несмотря на военную силу, имѣвшуюся въ распоряженіи правящихъ классовъ, устраивались въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, по всей Великобританіи, гдѣ только голосъ демократіи находилъ себѣ откликъ. Но въ то время, какъ всюду митинги происходили безпрепятственно за исключеніемъ отмѣченныхъ нами выше случаевъ, въ Бирмингамѣ образъ дѣйствія властей принялъ угрожающій характеръ. Двое изъ лидеровъ Браунъ и Фоссель—первый членъ Конвента—произнесли рѣчи на многолюдныхъ митингахъ въ Буль-Рингѣ и другихъ мѣстахъ. За эти рѣчи они были арестованы и подвергнуты допросу слѣдственнаго суда. Эти аресты произошли незадолго до одновременныхъ митинговъ и были сдѣланы, по всему вѣроятію, съ цѣлью устрашенія. Мы тѣмъ болѣе склонны думать это, что обвиненіе, возбужденное противъ Брауна, имѣло въ виду митинги, на которыхъ онъ говорилъ за два мѣсяца передъ тѣмъ. Обвиненіе касалось главнымъ образомъ тѣхъ его рѣчей. Что же касается до послѣднихъ митинговъ, то къ нимъ отнеслись съ сравнительно большей легкостью. Власти повидимому рѣшили нанести ударъ Бирмингамскимъ митингамъ. Нѣкоторые изъ судей были ренегатами изъ чартистовъ, а ренегаты всегда съ гораздо большей жестокостью относятся къ своимъ прежнимъ союзникамъ. Дѣло Брауна и Фосселя рѣшено было перенести на судъ присяжныхъ и, хотя оба принадлежали къ рабочему классу, съ Брауна потребовали залогъ въ 800 фунтовъ, а съ Фосселя въ 400 фун. За Фосселя внесли немедленно, но залогъ за Брауна опоздалъ и его отправили въ Варвикъ въ сопровожденіи драгуновъ и среди восторженныхъ криковъ толпы, собравшейся для выслушанія приговора суда. Стефенсъ въ это время говорилъ проповѣди въ Лондонѣ, куда получилъ спеціальное приглашеніе. Онъ говорилъ рѣчи передъ огромной толпою на Примрозъ-Хилѣ и въ Кеннингтонъ-Коммонѣ и съ прежней силой и рѣзкостью обвинялъ правительство за отмѣну закона о бѣдныхъ.

Когда кончились одновременные митинги, Конвентъ собрался въ Бирмингамѣ, какъ это было рѣшено раньше, въ понедѣльникъ 1-го іюля. На первой очереди стоялъ вопросъ о переѣздѣ въ Лондонъ. Мойръ внесъ предложеніе о необходимости переѣзда. О'Конноръ внесъ поправку, предлагавшую выразить благодарность бирмингамскому населенію за пріемъ, оказанный Конвенту, и объявлявшую, что они будутъ продолжать свои засѣданія въ этомъ городѣ. Послѣ этого занялись вопросомъ о Фондѣ Національной

Защиты, и О'Конноръ заявилъ, что онъ говорилъ по этому вопросу на публичныхъ митингахъ въ Ньюкастлѣ, Карлейлѣ, Эдинбургѣ, Саусъ-Шильдѣ, Шеффильдѣ, Мансфильдѣ, Ноттингемѣ, Лофборо и другихъ значительныхъ городахъ. Онъ сказалъ также, что открылъ подписку въ „Сѣверной Звѣздѣ" и положилъ ей основаніе, пожертвовавъ 20 фунтовъ. Затѣмъ онъ заявилъ, что надо говорить народу объ его правѣ носить оружіе и далъ отчетъ о дѣлѣ наслѣдственномъ судѣ въ Мансфильдѣ, гдѣ онъ обвинялъ нѣкоторыхъ лавочниковъ въ упражненіи въ военномъ искусствѣ и въ употребленіи оружія, которымъ ихъ снабдилъ герцогъ Портландскій, и гдѣ судьи рѣшили дѣло въ пользу лавочниковъ. Онъ далъ также отчетъ о положеніи Бирмингама и сообщилъ Конвенту, что триста добровольныхъ констеблей вступили въ ряды полиціи. Это дало поводъ къ обсужденію вопроса, могутъ ли продолжаться митинги на Буль-Рингѣ. Ловетъ, Нисомъ, Крэгъ, О'Конноръ и нѣкоторые другіе члены выразили свои мнѣнія, и затѣмъ было постановлено единогласно, что для того, чтобы лишить власти всякаго оправданія для вмѣшательства, лучше было проходить процессіей по улицамъ и устраивать митинги внѣ города.

Послѣ этого Конвентъ занялся изысканіемъ средствъ для помощи тринадцати лицамъ, арестованнымъ за упражненіе въ военномъ искусствѣ въ Ньютаунѣ, и съ этой цѣлью былъ избранъ комитетъ тринадцати. Было заявлено также, что въ Ньюпортѣ, Понтейпули и въ окрестностяхъ было собрано 50 фунтовъ въ пользу фонда защиты (Defence fund). Сто фунтовъ были подписаны въ одномъ только Мертиръ-Тидвилѣ. Это служило доказательствомъ горячей преданности дѣлу рабочаго класса въ Уэльсѣ, такъ какъ сумма была собрана исключительно между рабочими, несмотря на ихъ бѣдность.

Во вторникъ Мойръ внесъ предложеніе о переѣздѣ Конвента въ Лондонъ, поводомъ для чего служило, по его мнѣнію, критическое положеніе правительства. Онъ находилъ, что Конвентъ долженъ былъ быть тамъ для того, чтобы пользоваться каждымъ затруднительнымъ положеніемъ правительства. Онъ приводилъ выдержку изъ газеты Sun (Солнце), изъ которой было видно, что съ 20 по 26 іюня изъ страны было вывезено 49.090 унцій серебра въ слиткахъ, 247.344 унцій серебряныхъ монетъ, 11.750 унцій золотыхъ монетъ и 6.570 унцій золота въ слиткахъ. Онъ сомнѣвался, будетъ ли въ состояніи англійскій банкъ выплатить восем-

надцать пенсовъ звонкой монетой, и на этомъ основанiи настаивалъ на переѣздѣ Конвента въ Лондонъ. Дигенъ поддержалъ предложенiе. О'Конноръ внесъ поправку довольно любопытную, если сравнить ее съ его же рѣчью противъ переѣзда. Онъ сказалъ, что событiя, совершающiяся по ночамъ, требуютъ, чтобы они остались въ Бирмингамѣ и что Конвенту удобнѣе протестовать и принимать разныя мѣры противъ опасности, именно тамъ, гдѣ она угрожаетъ. Затѣмъ онъ предложилъ Конвенту переселиться въ Лондонъ въ слѣдующiй понедѣльникъ. Флетчеръ, Крэгъ и Питкетли поддержали Мойра, докторъ Тейлоръ и Кардо поддерживали поправку. Тринадцать вотировали за поправку и десять за предложенiе. Буссе предложилъ Конвенту оставаться въ Бирмингамѣ до тѣхъ поръ, покуда народъ не отвѣтитъ на обращенный къ нему манифестъ. Но это предложенiе было отвергнуто. Флетчеръ, Ричардсъ, О'Конноръ, Кардо и другiе высказались противъ него. Ловетъ заявилъ, что онъ не видитъ никакого преимущества въ томъ, что Конвентъ будетъ находиться около банка, какъ это утверждалъ Мойръ. Бумажныя деньги могутъ быть обращены въ наличное золото и безъ ихъ присутствiя, для этого надо только, чтобы ихъ желанiе стало извѣстно избирателямъ. Указу ихъ будутъ такъ-же повиноваться, какъ если бы они находились въ Лондонѣ. Кромѣ того, если они уѣдутъ, то этимъ обнаружатъ нерѣшительность и недостатокъ обдуманности. Несомнѣнно, что если сами они находили переѣздъ въ Бирмингамъ необходимымъ, то теперь надо было остаться здѣсь дольше. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что Конвентъ соберется въ Лондонѣ въ слѣдующую среду. Затѣмъ делегаты дали отчетъ о возложенной на нихъ миссiи, и такъ какъ по ихъ отчетамъ лучше всего можно судить о движенiи и о лицахъ примыкавшихъ къ нему, то мы вкратцѣ приведемъ сущность этихъ отчетовъ.

Крэгъ доложилъ, что населенiе Айршира готово повиноваться законнымъ конституцiоннымъ постановленiямъ Конвента. Дигенъ сообщилъ, что на публичныхъ митингахъ въ Лейстерѣ, Нотингемѣ, Дерби и въ Сеттенѣ (Ашфильдъ) манифестъ былъ принятъ съ замѣчательнымъ единодушiемъ. Докторъ Флетчеръ заявилъ, что на митингахъ въ Керсаль Мурѣ и Ливерпулѣ народъ обѣщалъ свое содѣйствiе Конвенту. Кардо сказалъ, что онъ былъ въ Корнвалисѣ, гдѣ народъ обнаруживаетъ полное невѣжество въ политическихъ дѣлахъ; что рудокопы получаютъ тамъ только пять шиллинговъ въ недѣлю, и всѣ сочувственно относятся къ мани-

фесту, который они рѣшили провести; что въ Пензансѣ народъ беретъ деньги изъ сберегательныхъ кассъ, и городъ походитъ на ярмарку. На лѣстницѣ банка стояли два священника и уговаривали народъ не брать денегъ, но ихъ слова лишь увеличивали желаніе народа получить свои сбереженія. Имъ выдавали однако только банкнотами англійскаго банка, и онъ былъ увѣренъ, что Корнвалисскіе банки можно было привести въ затрудненіе. Динъ доложилъ, что на митингѣ подъ открытымъ небомъ въ Чичестерѣ народъ былъ на сторонѣ крайнихъ мѣръ. Нисомъ доложилъ, что онъ присутствовалъ на митингахъ около База и Страуда, а также въ Бристолѣ и Чельтенгемѣ, въ Ульдширѣ, Семерсетширѣ и Лейстерширѣ, и что народъ стоялъ за крайнія мѣры и не хотѣлъ ждать больше. Фростъ сообщилъ, что одинъ полицейскій въ Базѣ, получивъ тесакъ, спросилъ, что онъ долженъ съ нимъ дѣлать, и когда ему объяснили, то онъ отвѣтилъ, что никогда не подниметъ оружія противъ своихъ земляковъ; что касается до властей, то объ ихъ настроеніи можно судить по тому обстоятельству, что этотъ человѣкъ до сихъ поръ продолжалъ оставаться на полицейской службѣ.

О'Конноръ заявилъ, что онъ былъ на трехъ митингахъ: въ Керсаль-Мурѣ, Пипъ-Гринѣ и Бирмингамѣ. На этихъ трехъ митингахъ присутствовало болѣе милліона людей, выражавшихъ рѣшимость добиться всеобщаго избирательнаго права моральными средствами, если это только возможно, и физическими, если безъ этого нельзя будетъ обойтись. Онъ находилъ, что теперь наступилъ третій періодъ агитаціи. Первый періодъ—это созданіе общественнаго мнѣнія; второй—организація общественнаго мнѣнія и третій — руководство общественнымъ мнѣніемъ. Они создали общественное мнѣніе; они довершили почти его организацію, но онъ находитъ, что они могутъ управлять имъ только въ томъ случаѣ, если готовы довести дѣло до конца. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что теперь они могутъ сдѣлать болѣе смѣлый шагъ. Сейчасъ они заняли такую сильную позицію, что могутъ сказать Вигамъ, вы должны дать намъ всеобщее избирательное право, или мы сами возьмемъ его. Вотъ въ какомъ положеніи находится теперь народъ, и они въ правѣ ожидать, что добьются теперь избирательныхъ правъ.

Докторъ Тейлоръ присутствовалъ на многолюдныхъ митингахъ въ Карлейлѣ, Ньюкестлѣ, Пенризѣ, Ли и въ нѣкоторыхъ другихъ

мѣстахъ. Результаты были самые лучшіе. Донольдсонъ доложилъ, что онъ былъ на митингахъ въ Стаурбриджѣ, Лайуестѣ и Дедлеѣ. Народъ хотѣлъ, чтобы они послали туда миссіонера. Онъ не можетъ больше переносить такую нищету и ждетъ только указаній отъ Конвента, чтобы начать дѣйствовать. Мардсенъ сказалъ, что въ Ньютаунѣ митингъ не могъ состояться, такъ какъ мѣсто оказалось занятымъ солдатами; секретарь Ассоціаціи былъ арестованъ; если они будутъ продолжать кричать: „Спокойствіе, спокойствіе!“ то въ результатѣ получится полная гибель дѣла. Въ Ланкастерѣ, Бернлеѣ, Чорлеѣ и другихъ мѣстахъ, на всѣ запросы Конвента былъ полученъ утвердительный отвѣтъ. Мойръ заявилъ, что онъ присутствовалъ на двадцати или тридцати митингахъ, на которыхъ была масса народа, готоваго подчиниться всѣмъ законнымъ и конституціоннымъ повелѣніямъ Конвента. Гартуэлъ сказалъ то же самое объ окрестностяхъ Гуля и Скэрбаро, а Бернсъ добавилъ, что Гартуэлъ забылъ упомянуть, что вліяніе радикаловъ увеличивается съ каждымъ днемъ, что даже полицейскіе состоятъ членами радикальной ассоціаціи и дѣятельно занимаются сборомъ денегъ. Ричардсъ заявилъ, что онъ былъ на митингахъ въ Чеширѣ и что народъ тамъ обнаруживаетъ рѣшимость отмстить своимъ притѣснителямъ, если страданіямъ его не будетъ положенъ конецъ въ самомъ скоромъ времени. Коллинсъ доложилъ, что онъ былъ на различныхъ митингахъ въ Гринокѣ, Баннокбернѣ, Аллоѣ, Донфермлейнѣ, Монрозѣ, Денди, Перзѣ, Эдинбургѣ и другихъ мѣстахъ и, за исключеніемъ Донфермлейна, ему еще никогда не приходилось видѣть такого подъема духа. Вотъ въ общихъ чертахъ главные отчеты делегатовъ, и на основаніи этихъ отчетовъ Конвентъ приступилъ на слѣдующій день къ обсужденію крайнихъ мѣръ.

Первое предложеніе было внесено Кардо и поддержано О'Конноромъ и состояло въ томъ, чтобы основать комитетъ для изысканія лучшихъ средствъ для обмѣна банкнотовъ англійскаго банка на золото. Для этой цѣли были избраны Мойръ, Джемсъ Тейлоръ, Буссе, Кардо и Флетчеръ. Докторъ Тейлоръ предложилъ затѣмъ составить и немедленно разослать всюду воззваніе къ народу съ приглашеніемъ вынимать деньги изъ банковъ, требовать обмѣна бумагъ на золото, приступить къ бойкоту торговцевъ не чартистовъ, отказаться отъ всѣхъ спиртныхъ напитковъ, и возможно въ скоромъ времени воспользоваться конституціоннымъ правомъ на вооруженіе.

О'Конноръ поддерживалъ предложеніе и замѣтилъ, что они должны не только представить петицію, но и заставить принять Хартію; онъ былъ увѣренъ, что покуда они не устроятъ „священнаго праздника“, они никогда не добьются всеобщаго избирательнаго права. Конвентъ былъ въ настоящее время единственной избранной народомъ властью въ странѣ, и онъ думаетъ, что они не будутъ пользоваться своей властью во вредъ народу. Сейчасъ Конвентъ пользуется большимъ вліяніемъ въ странѣ и было бы нехорошо рисковать потерять все для того, чтобы добиться частичной побѣды. У Крэга не было полномочій отъ его избирателей на крайнія мѣры. Буссе говорилъ, чтобы Конвентъ предложилъ народу дѣйствовать согласно манифесту 15 іюля 1839 года; его поддерживалъ Кардо, находившій, что взятіе вкладовъ изъ банка вполнѣ можетъ обезпечить общую забастовку. Докторъ Флетчеръ присоединился къ послѣднему мнѣнію. Докторъ М. Дуэль заявилъ, что населеніе Аштона приняло предложеніе о вооруженіи. Онъ находилъ, что надо какъ можно скорѣе начать „священный мѣсяцъ“, а такъ какъ іюль былъ уже извѣстенъ и въ исторіи революціи и въ исторіи реформаціи, то онъ совѣтуетъ выбрать іюль, такъ какъ впереди у нихъ будетъ хорошая жатва, которой они могутъ воспользоваться. Уордонъ поддерживалъ резолюцію Буссе, такъ какъ находилъ, что національная забастовка равняется національному возстанію. Коллинсъ горячо поддерживалъ первое предложеніе. Браунъ, выпущенный подъ залогъ, выражалъ свое удовольствіе, что могъ присутствовать въ Конвентѣ для того, чтобы поддержать предложеніе Буссе. Ловетъ раздѣлялъ предложеніе доктора Тейлора; въ то же время онъ не могъ не раздѣлять мнѣнія Буссе и другихъ, что лучшимъ средствомъ противъ народныхъ страданій была бы забастовка или священный мѣсяцъ, но, раздѣляя это мнѣніе, онъ хотѣлъ сначала узнать отношеніе палаты общинъ къ хартіи, которую долженъ былъ подать Атвудъ. Прежде чѣмъ совѣтовать такую серьезную и такую торжественную вещь, какъ священный мѣсяцъ, онъ думалъ, что необходимо было бы сдѣлать запасы для народа, для того, чтобы обезпечить ему существованіе на время забастовки. Онъ находилъ, что лучше всего было бы избрать комитетъ изъ десяти или двѣнадцати лицъ, чтобы подготовить лучшій планъ дѣйствій для осуществленія священнаго мѣсяца. По его мнѣнію лучшимъ средствомъ для общей забастовки было бы прекращеніе работъ въ наиболѣе важныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, что

должно было бы неизбѣжно вызвать прекращеніе работъ и въ другихъ отрасляхъ труда, а для поддержанія рабочихъ нужно было собрать предварительный фондъ. Это было бы лучшимъ средствомъ для испытанія общественнаго настроенія; если бы народъ отказался подписать шиллингъ или шесть пенсовъ въ недѣлю на такое время, то было бы напрасно ждать, чтобы онъ бросилъ работу; поэтому онъ, Ловетъ, находилъ, что надо было принять предложеніе доктора Тейлора и затѣмъ избрать комитетъ для обсужденія вопроса. Докторъ Флетчеръ заявилъ, что надо было обратиться къ народу съ призывомъ поддержать предложенія, указанныя въ резолюціи, и если къ 20-ому іюля Хартія не будетъ принята, то назначить общую забастовку. Фростъ соглашался съ тѣмъ, что нужно устроить священный мѣсяцъ, но находилъ, что они еще не были достаточно подготовлены для забастовки. Ричардсъ заявилъ, что по одному только предложенію взять свои сбереженія изъ банка все населеніе сѣвернаго Стафордшира и южнаго Чешира взяло свои деньги. Манифестъ произвелъ громадное впечатлѣніе на фарфоровыхъ заводахъ, гдѣ исключительныя мѣры служили могучимъ орудіемъ для агитаціи. Они были согласны на священный мѣсяцъ, если получатъ приказаніе Конвента, но имъ надо было нѣсколько недѣль на подготовку. Нисомъ и Марсденъ настаивали, чтобы назначить день. Мойръ находилъ, что еще не настало время для прекращенія работъ, такъ какъ Хартія не была еще отвергнута Палатой Общинъ; онъ присоединялся къ мнѣнію о взятіи вкладовъ изъ банковъ, но былъ противъ того, чтобы назначать день для начала священнаго мѣсяца до тѣхъ поръ, покуда у нихъ не будетъ возможности сдѣлать это вполнѣ безопасно. Ловетъ заявилъ, что голосованіе по вопросу о Хартіи состоится двѣнадцатаго текущаго мѣсяца и что перваго августа нужно будетъ собраться для обсужденія вопроса. Докторъ Тейлоръ находилъ, что двѣнадцатаго они будутъ знать отношеніе къ Хартіи и могутъ собраться тринадцатаго, для того, чтобы назначить начало священнаго мѣсяца. Избиратели Гартуэля стояли за взятіе вкладовъ изъ банковъ, но у него не было полномочій вотировать за какой-нибудь опредѣленный день для начала священнаго мѣсяца, покуда не опредѣлится отношеніе къ Хартіи 12-го. Удгаусъ находилъ, что прежде, чѣмъ начинать священный мѣсяцъ, надо посмотрѣть къ чему приведутъ другія мѣры: бойкотъ торговцевъ—не чартистовъ, взятіе вкладовъ изъ банковъ и воздержаніе

отъ спиртныхъ напитковъ; можетъ быть, результаты ихъ будутъ также благопріятны. Докторъ Тейлоръ добавилъ къ своему предложенію, „чтобы всѣ члены Конвента собрались 13-го іюля съ тѣмъ, чтобы назначить день для начала священнаго мѣсяца, если Хартія не будетъ принята“. Динъ былъ уполномоченъ своими избирателями подать голосъ за немедленное опредѣленіе дня забастовки, такъ какъ многіе находились наканунѣ голодной смерти. Фабриканты въ Аштонѣ и въ окрестностяхъ заявили, что они или понизятъ заработную плату и будутъ пускать свои фабрики только три или четыре раза въ недѣлю, или закроютъ ихъ на цѣлый мѣсяцъ. Онъ былъ убѣжденъ, что, если день не будетъ назначенъ, у народа произойдетъ столкновеніе съ властями. Питкетли счелъ своимъ долгомъ напомнить Конвенту, что, если народъ начинаетъ борьбу, не имѣя возможности поддержать ее, то этимъ онъ еще крѣпче стягиваетъ свои оковы. На ихъ обязанности лежало сдѣлать все возможное для обезпеченія успѣха дѣла. Всѣ шансы будутъ на ихъ сторонѣ, если они не начнутъ дѣйствовать безразсудно. Правительство съ каждымъ днемъ падаетъ все ниже и ниже, а сила народа все растетъ и, если они начнутъ дѣйствовать слишкомъ поспѣшно, то этимъ отбросятъ дѣло на двадцать лѣтъ назадъ. Докторъ Флетчеръ заявилъ, что на тѣхъ митингахъ, гдѣ онъ былъ, народъ больше всего сочувствовалъ двумъ пунктамъ манифеста: взятію вкладовъ изъ банка и національному священному мѣсяцу. Коллинсъ сказалъ, что если народъ приметъ нѣкоторыя изъ крайнихъ мѣръ, то это будетъ служить гарантіей, что онъ подготовленъ и для другихъ, если въ нихъ встрѣтится надобность; они больше выиграютъ довѣріе народа постепеннымъ образомъ дѣйствій, чѣмъ поспѣшнымъ назначеніемъ дня забастовки, которая можетъ повредить ихъ дѣлу. Смартъ держался того мнѣнія, что имъ не надо торопиться въ своихъ рѣшеніяхъ и что предложеніе доктора Тейлора съ дополнительной поправкой встрѣчаетъ его полное и сердечное сочувствіе. Избиратели Стоу были готовы поддержать Конвентъ забастовкой или какими-нибудь другими крайними средствами, на которыя онъ укажетъ. Онъ заявилъ также, что многія тайныя общества, имѣвшія фонды въ сберегательныхъ и другихъ банкахъ, начали вынимать оттуда деньги. Дигенъ также, какъ и его избиратели, держался того мнѣнія, что вопросъ о забастовкѣ надо снять съ очереди, а стараться заставить принять населеніе другія мѣры,

указанныя въ манифестѣ. Докторъ М'Дуэль былъ уполномоченъ Стокпортскими углекопами заявить, что они готовы были защищать Конвентъ и слѣдовать его постановленіямъ; и дальше, что они были готовы дѣйствовать, имѣя кое-что въ рукахъ. Буссе отказался отъ своей поправки, и предложеніе доктора Тейлора было принято единогласно.

Пробѣгая краткій отчетъ этихъ дебатовъ, нельзя не удивляться поспѣшному и опрометчивому образу дѣйствій большинства членовъ Конвента. Изъ отчетовъ вполнѣ ясно, что, какъ ни велико было настроеніе въ пользу Хартіи, священный мѣсяцъ не вызывалъ общаго сочувствія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общественное мнѣніе было рѣшительно противъ него, въ другихъ были приняты резолюціи общаго характера о поддержкѣ Конвента, или соглашались на забастовку въ томъ случаѣ, если бы она была принята всѣми. Большинство населенія наиболѣе значительныхъ округовъ безъ сомнѣнія относилось къ забастовкѣ безъ всякаго сочувствія и въ большинствѣ случаевъ резолюціи о прекращеніи работъ принимались среди лихорадочнаго возбужденія митинга подъ вліяніемъ рѣчей ораторовъ. Но эти митинги не могли служить выраженіемъ спокойныхъ и обдуманныхъ мнѣній присутствовавшихъ на нихъ лицъ. Большинство членовъ Конвента повидимому сознавало это, но у нихъ не хватало мужества выдержать обвиненіе въ трусости, и не смотря на сомнѣнія въ возможности осуществленія священнаго мѣсяца, они вотировали за предложеніе, заключительная часть котораго обязывала ихъ, не разсматривая далѣе вопроса о возможности забастовки, въ данное время, во всякомъ случаѣ назначить день для ея начала, если Хартія не будетъ принята Палатой Общинъ, 12-го іюля. И не смотря на разногласіе во мнѣніяхъ какъ между членами Конвента, такъ и между ихъ избирателями, въ Конвентѣ не нашлось ни одного члена, который рѣшился-бы высказаться противъ предложенія д-ра Тейлора, хотя это предложеніе обязывало къ священному мѣсяцу. Недостатокъ обдуманности у нѣкоторыхъ членовъ Конвента бросается въ глаза. Напримѣръ, одинъ говорилъ о необходимости забастовки, потому что фабриканты собирались закрыть на мѣсяцъ свои фабрики. Но вѣдь изъ этого слѣдовало, что эти фабриканты сами желали забастовки. Мы воображаемъ, какъ должны были смѣяться враги чартистовъ, когда они читали рѣчь Бёрнса, напоминавшаго своему товарищу Гартуелю, что онъ пропустилъ

въ своемъ отчетѣ, что въ Гулѣ даже полиція присоединилась къ Ассоціаціи и дѣятельно занималась сборомъ денегъ. Ни одинъ полицейскій конечно не могъ бы и недѣли заниматься сборомъ пожертвованій съ вѣдома начальства, если бы онъ не былъ орудіемъ этихъ же самыхъ властей, для того чтобы сообщать имъ свѣдѣнія о ходѣ дѣла. Такъ легко могутъ быть обмануты въ періоды возбужденія умные, но неопытные люди.

ГЛАВА VII.

Права англичанъ.

Какъ уже было сказано въ предыдущей главѣ, Бирмингамскія власти съ нѣкоторыхъ поръ стали обнаруживать враждебное отношеніе къ митингамъ на Буль-Рингѣ, и пришло наконецъ время, когда они рѣшили силой положить имъ конецъ. Въ Англіи конечно, все еще существовали старинныя понятія о конституціонномъ правѣ англичанъ собираться для обсужденія своихъ неудовольствій, но, какъ уже было сказано, нѣкоторые изъ представителей властей въ Бирмингамѣ были чартисты ренегаты и не желали считаться съ этими понятіями. 8-го іюля народъ собрался, какъ всегда на Буль-Рингѣ, и одинъ рабочій взошелъ на возвышеніе, чтобы прочитать газету. Но ему недолго пришлось читать; отрядъ столичной полиціи, только что пріѣхавшій по желѣзной дорогѣ, во главѣ съ мэромъ и другими городскими властями появился на Буль-Рингѣ и безъ малѣйшаго повода напалъ на народъ; даже беззащитныя женщины и дѣти не избѣжали жестокости этихъ наемниковъ; народъ былъ безъ всякаго оружія и совершенно не подготовленъ для обороны. Объятая паникой толпа бросилась сначала бѣжать въ разныя стороны, но бѣгство это было только мгновеннымъ; они сейчасъ же снова соединились и въ свою очередь съ яростью напали на полицію, которая была обращена въ бѣгство. Многіе изъ полицейскихъ были серьезно ранены при этомъ столкновеніи и увезены въ безнадежномъ состояніи. Двое изъ чиновъ полиціи навѣрное сдѣлались бы жертвою народнаго мщенія, если бы не подоспѣлъ докторъ Тейлоръ, популярность котораго помогла ему спасти ихъ отъ народной ярости, грозившей обрушиться на ихъ голову.

Послѣ этого жестокаго и ничѣмъ не оправдываемаго избіенія толпы, мэръ, подъ охраной военной силы, прочиталъ Актъ объ мятежѣ (Riot Act), а затѣмъ полиція снова напала на народъ и многихъ арестовала. Всѣ улицы наполнились войсками; и по всѣмъ главнымъ дорогамъ, ведущимъ въ Буль-Рингъ, были поставлены отряды, такъ что онѣ оказались отрѣзанными отъ города, и всякое движеніе по нимъ даже пѣшеходное было прекращено.

Нападеніе произошло въ девять часовъ вечера, и въ половинѣ десятаго сраженіе кончилось. Но скоро послѣ этого народъ опять собрался съ громкими криками и началъ пѣніе чартистскаго гимна— „Да погибнутъ тираны", послѣ чего раздались оглушительныя рукоплесканія. Между одиннадцатью и двѣнадцатью часами поднялся громкій крикъ: Голлоуей! Голлоуей! и народъ немедленно отправился въ Голлоуей-Гедъ, гдѣ поклялся отмстить столичной полиціи и затѣмъ пошелъ въ церковь св. Ѳомы, вырывая по дорогѣ колья изъ заборовъ и обращая ихъ въ оружіе. Ограда церкви на протяженіи семидесяти футовъ была разрушена, не смотря на каменный фундаментъ, а желѣзныя брусья обращены въ оружіе около трехъ футовъ длины; широкія и крѣпкія желѣзныя ворота были тоже сорваны, а массивные столбы, на которыхъ они двигались, сдвинуты, что даетъ представленіе о могучей силѣ даже безоружнаго народа, когда онъ доведенъ несправедливостью до ярости. Вооруженная такимъ образомъ толпа снова бросилась на мѣсто конфликта, гдѣ была встрѣчена докторами Тейлоромъ и М'Дуэлемъ, которымъ стоило большого труда убѣдить народъ бросить оружіе и отказаться отъ своего намѣренія. Докторъ Тейлоръ, въ награду за то, что спасъ жизнь двумъ полицейскимъ и убѣдилъ народъ бросить оружіе, былъ арестованъ безъ всякаго письменкаго предписанія въ два часа утра, со всею грубостью, свойственной оффиціальнымъ Джекамъ. Въ шесть часовъ утра судъ произвелъ арестованному допросъ, и рано утромъ докторъ Тейлоръ вмѣстѣ съ десятью другими былъ отправленъ въ варвикскую тюрьму, такъ какъ за его освобожденіе потребовали залогъ въ 1000 фунтовъ.

Въ 9 час., въ Золотомъ Львѣ, собрался Конвентъ для обсужденія событій предыдущей ночи. Въ концѣ концовъ члены Конвента остановились на слѣдующей резолюціи, которая должна была быть расклеена по городу:

1) Конвентъ находитъ, что бирмингамскому народу нанесено безпричинное, жестокое и несправедливое оскорбленіе со стороны кровожадной и антиконституціонной лондонской полиціи, дѣйствовавшей съ согласія лицъ, которыя, до своей служебной дѣятельности, санкціонировали народные митинги и принимали въ нихъ участіе, а теперь, примкнувъ въ свою очередь къ общественному грабежу, хотятъ держать народъ какъ въ соціальномъ, такъ и въ политическомъ униженіи.

2) Бирмингамскій народъ—лучшій судья своего права собираться въ Буль-Рингѣ или въ другомъ мѣстѣ. Его собственное сознаніе укажетъ ему, какъ онъ долженъ отвѣтить на полученное оскорбленіе, и онъ лучше всего можетъ судить о своей собственной силѣ и о средствахъ для достиженія справедливости.

3) Произвольный и деспотическій арестъ доктора Тейлора, нашего уважаемаго товарища, служитъ новымъ убѣдительнымъ доказательствомъ отсутствія всякой законности въ Англіи и лучше всего показываетъ, что не можетъ быть безопасности для жизни, свободы или собственности, покуда народъ не пріобрѣтетъ контроля надъ законами, которымъ онъ долженъ повиноваться.

На этомъ собраніи присутствовало много делегатовъ, и когда резолюціи были приняты, то всѣ члены, надо замѣтить къ ихъ чести, хотѣли подписать, но Ловетъ, съ свойственнымъ ему рыцарствомъ, сказалъ, что такъ какъ правительство безъ сомнѣнія возбудитъ преслѣдованіе противъ подписавшихъ, то вполнѣ достаточно пожертвовать однимъ, и что онъ подпишетъ одинъ. Такъ онъ и сдѣлалъ, а Коллинсъ взялъ на себя опубликовать эти резолюціи. Въ результатѣ немедленный арестъ обоихъ. Между тѣмъ народъ продолжалъ собираться въ Голлоуей-Гедѣ, но военныя силы разгоняли его. Всѣ дѣла остановились, и городъ принялъ мрачный угрожающій видъ. Съ докторомъ Тейлоромъ обращались въ тюрьмѣ самымъ грубымъ образомъ. Ему обрѣзали волосы и подвергали его всевозможнымъ униженіямъ, какъ самаго простого преступника.

Вскорѣ послѣ того, какъ резолюціи Конвента были развѣшены на стѣнахъ Бирмингама, Ловетъ и Коллинсъ подверглись допросу, и оба держали себя съ достоинствомъ, дѣлавшимъ честь тому дѣлу, за которое ихъ арестовали. Когда предсѣдатель спросилъ Ловета: были ли резолюціи опубликованы по его распоряженію, онъ безъ малѣйшаго колебанія отвѣтилъ: „Да". Осталь-

ные его отвѣты были также искренни и заслужили ему похвалу предсѣдателя. Одинъ изъ отвѣтовъ Ловета достоинъ увѣковѣченія для всѣхъ поклонниковъ свободы, честности и искренности. „Знали-ли вы, спросилъ его предсѣдатель, что многіе изъ полицейскихъ чиновъ были серьезно ранены?“ Ловетъ отвѣчалъ: „Я слышалъ, что многіе изъ нихъ были ранены, но я подумалъ тогда же, что народъ былъ правъ, отражая деспотическую и кровожадную силу всякими, имѣющимися въ его распоряженіи, средствами. Я нахожу, что существованіе полиціи есть посягательство на конституцію и свободу, составлявшихъ право нашихъ предковъ; если народъ будетъ подчиняться всѣмъ несправедливостямъ, которымъ власти произвольно подвергаютъ его, то онъ, въ концѣ концовъ, будетъ обращенъ въ прахъ безъ всякихъ средствъ къ самозащитѣ“. Предсѣдатель попробовалъ очень ловко запутать Коллинса, спросивъ его, былъ ли онъ членомъ Національнаго Конвента, но Коллинсъ отвѣчалъ, что ему ничего не извѣстно о такомъ учрежденіи, и что онъ знаетъ только Генеральный Конвентъ рабочихъ классовъ. Его затѣмъ спросили: былъ-ли онъ членомъ Генеральнаго Конвента, и на это онъ далъ довольно неожиданный отвѣтъ: „Я—членъ Генеральнаго Конвента и былъ выбранъ туда въ одно время съ м-ромъ Мюнцемъ“. Бѣдный Мюнцъ сидѣлъ на судейской скамьѣ. Онъ помѣстилъ въ газетахъ заявленіе, говоря, что не принималъ на себя обязанности делегата и не состоялъ членомъ Конвента. Но въ дѣйствительности Мюнцъ принималъ самое дѣятельное участіе въ движеніи; никогда ничего не возражалъ противъ своего избранія и разрѣшилъ, чтобы его имя было напечатано въ числѣ главныхъ казначеевъ національной подписки, послѣ того какъ его избраніе состоялось. Ни Ловетъ, ни Коллинсъ не произнесли ни одного звука, который могъ бы запутать въ дѣло другихъ, и ихъ поведеніе вызвало самое горячее одобреніе чартистовъ и восхищеніе всѣхъ.

Военныя и полицейскія силы продолжали красоваться на улицахъ, разгоняя народъ и нанося серьезныя раны массѣ лицъ, съ которыми приходили въ столкновеніе. Было объявлено военное положеніе, и всѣ общественныя учрежденія должны были закрываться въ восемь часовъ вечера. Гэстъ напечаталъ воззваніе отъ Конвента, призывавшее народъ къ крайнимъ мѣрамъ, и былъ арестованъ въ ту минуту, когда явился въ судъ для того, чтобы внести залогъ за доктора Тейлора. Въ концѣ концовъ Тейлора взяли на

поруки О'Конноръ и Смитъ. Восемьдесятъ человѣкъ было арестовано за этотъ бунтъ, бывшій въ дѣйствительности бунтомъ властей противъ народа. Во вторникъ въ Бирмингамъ былъ привезенъ подъ арестомъ Джуліанъ Гарней, взятый наканунѣ ночью въ Бедлингтонѣ, деревнѣ въ Нортумберландѣ. Хотя онъ былъ привезенъ въ Карлейль поздно вечеромъ, извѣстіе объ его арестѣ быстро распространилось. Огромная толпа собралась передъ гостинницей, гдѣ находился арестованный и требовала его освобожденія. Гарней просилъ толпу не вступаться за него, но безуспѣшно. Къ заднему крыльцу гостинницы была подана карета, Гарней съ офицеромъ вошли въ нее и уѣхали въ то время, какъ народъ стоялъ на улицѣ передъ гостинницей. Письменное предписаніе объ его арестѣ пришло черезъ нѣкоторое время. Его обвиняли въ произнесеніи рѣчи, подстрекающей къ бунту, а эта рѣчь была изъ самыхъ кроткихъ, которыя онъ когда-либо произносилъ.

Не имѣя возможности собираться на открытомъ воздухѣ, народъ обратился съ просьбою дать ему для собранія Думскій Залъ, но получилъ отказъ и снова собрался въ Голлоуей-Гедѣ. При появленіи военныхъ, народъ сталъ бросать въ нихъ камнями. Отданъ былъ приказъ зарядить ружья и держать ихъ на готовѣ. Но въ это время подошло подкрѣпленіе, и стрѣльбы не было. Многіе были арестованы. Войска продолжали разъѣзжать по улицамъ и разгонять народъ. Многочисленная толпа собралась на улицѣ Св. Мартина, когда на нихъ напала полиція, отдавшая приказаніе домовладѣльцамъ заперсть ворота для того, чтобы народъ не имѣлъ возможности искать тамъ спасенія. Большое количество было серьезно ранено жестокими преслѣдователями. Въ такомъ положеніи находились событія до понедѣльника 15-го, когда долго сдерживаемыя оскорбленныя чувства народа прорвались наконецъ съ ужасающей яростью. Около 8 часовъ толпы народа стали собираться на Буль-Рингѣ, и полиція явилась разгонять ихъ. Но одинъ видъ полиціи привелъ народъ въ бѣшенство, и въ 9 часовъ раздался крикъ: „Тушите газъ!“. Началась самая ужасная сумятица. Полиція была безсильна. Потерпѣли многіе ненавистные народу лавочники. Народъ сжегъ домъ колоніальнаго торговца Борна. Загорѣлись также дома Леджета—оптоваго и розничнаго торговца перьевъ и матрасовъ, Дenкса—москательныхъ товаровъ, Декина и Недена—колоніальныхъ торговцевъ, Гортона—серебряныхъ дѣлъ мастера. Огонь свирѣпствовалъ также на Сно-Гилѣ.

Отчаяніе народа, казалось, не знало предѣловъ. Толпа врывалась въ лавки, забирала оттуда всѣ товары, относила на Буль-Рингъ и тамъ предавала сожженію, не позволяя приблизиться пожарной машинѣ. На Буль-Рингѣ были поставлены солдаты, но сейчасъ же вспыхнули еще четыре пожара въ различныхъ частяхъ города.

Не смотря на все свое безуміе, народъ обнаруживалъ достойное подражанія безкорыстіе. Даже самые дорогіе товары не искушали его; были растоптаны даже чудныя серебряныя вещи Гортона, въ доказательство того, что какъ бы ни было сильно возбужденіе толпы, къ грабежу она не была способна. Народъ велъ войну съ правящими классами, но не хотѣлъ для себя привилегій солдатъ; если онъ былъ доведенъ до отчаянія, то не по своей винѣ. Его пороки принадлежали его притѣснителямъ, а его достоинства—ему самому. Митинги продолжались и народъ собирался на нихъ толпами. Торговля вся остановилась, и огромное количество привилегированныхъ сословій убѣжало изъ города; даже храбрый мэръ былъ обращенъ въ бѣгство; нѣсколько лицъ было арестовано за поджигательство и за разрушеніе домовъ, и надъ ними долженъ былъ состояться судъ на ближайшихъ ассизахъ.

Поведеніе бирмингамскихъ властей возбудило негодованіе чартистовъ по всей странѣ. Какъ только извѣстіе достигло Ньюкастля, въ воскресенье вечеромъ былъ назначенъ митингъ, переполненный до того, что едва можно было дышать. Предсѣдательствовалъ Джемсъ Айеръ. Бронтеръ О'Брайенъ, находившійся въ городѣ, вошелъ въ собраніе среди оглушительныхъ рукоплесканій. Онъ прочиталъ отчетъ газеты „Sun“ о совершившихся событіяхъ, что произвело глубокое впечатлѣніе. О'Брайенъ сказалъ: „Семь лѣтъ тому назадъ онъ предсказалъ, что средній классъ скорѣе прольетъ кровь народа, чѣмъ дастъ ему права; онъ совѣтовалъ рабочему классу организоваться въ агитаціонные комитеты, зная, что власти постараются пріостановить дѣйствіе суда присяжныхъ. Онъ совѣтовалъ народу вооружиться съ ногъ до головы, чтобы ниспровергнуть тирановъ, опирающихся только на физическую силу наемныхъ человѣкоубійцъ. Если правительство отнеслось бы къ нимъ разумно, все дѣло можно было бы провести мирнымъ способомъ; но если мирныя собранія разгоняются, то было бы насмѣшкой требовать отъ народа, чтобы онъ собирался, не принимая никакихъ мѣръ къ самооборонѣ. Возста-

ніе произвели наемные охранители, напавъ на народъ, и если бы въ Англіи существовали законъ и справедливость, то въ тюрьмѣ сидѣли бы эти негодяи, а не мирные граждане, но въ Англіи законъ существуетъ только для семи сотъ тысячъ людей, живущихъ доходами, процентами, рентами, и желающихъ управлять Англіей съ помощью физической силы. Не говорите о королевѣ, или о министрахъ, или о Палатѣ Общинъ; это только орудіе въ рукахъ семи сотъ тысячъ монополистовъ, которыхъ онъ (О'Браііенъ) объявляетъ заговорщиками противъ народа. (Тутъ одинъ изъ представителей средняго класса выразилъ свое неудовольствіе по поводу замѣчанія О'Брайена) О'Брайенъ отвѣчалъ: „Если этотъ джентльмэнъ не возстаетъ противъ народныхъ требованій, то обвиненіе его не касается, но если онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые хотятъ сохранить за собой права и отказываютъ въ нихъ народу, то онъ и его называетъ заговорщикомъ, такъ какъ это настоящее для него имя. Онъ называетъ заговорщиками только тѣхъ представителей средняго класса, которые не хотятъ позволить народу пользоваться принадлежащими ему правами. Военныя силы не могли бы дѣйствовать въ провинціальномъ городѣ безъ помощи городскихъ властей. Развѣ бирмингамскія власти заявили Джону Росселю, что имъ не нужны военныя или полицейскія силы? Нѣтъ! Потому что, если бы они это заявили, то лордъ Джонъ Россель не посмѣлъ бы сдѣлать шагу для уничтоженія публичныхъ митинговъ въ Бирмингамѣ, и если въ Ньюкастлѣ была пролита народная кровь, то не обвиняйте въ этомъ военныхъ. Нѣтъ! Обвиняйте тѣ классы, которые отдали имъ этотъ приказъ. Если народная кровь была пролита въ то время, какъ народъ мирно пользовался своимъ правомъ собраній, то отвѣчать за это должны мѣстныя власти своимъ имуществомъ и своею жизнью. Только съ помощью этихъ средствъ имъ удается освободиться отъ деспотизма. Деспотами были не только нѣсколько человѣкъ на берегахъ Темзы. Нѣтъ! Тирановъ надо искать среди всѣхъ людей, составляющихъ себѣ состояніе потомъ народа и до тѣхъ поръ, пока избиратели, узурпирующіе власть, будутъ толкать народъ на борьбу противъ военныхъ и полиціи, они не достигнутъ мира и—онъ опять повторяетъ—они должны отвѣчать своей жизнью и имуществомъ. Они хотятъ, прикрываясь закономъ, создать власть болѣе сильную, чѣмъ самъ законъ; а разъ мѣстныя власти пытаются нарушить законъ, то на-

родъ долженъ собраться не иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ для защиты королевы, для защиты конституціи и, прежде всего, для защиты правъ англичанъ, для которыхъ и существуютъ королева и конституція".

Длинная и краснорѣчивая рѣчь О'Брайена была встрѣчена самыми бурными рукоплесканіями. Месонъ, Томасонъ, Девиръ, Кокбернъ произнесли также красивыя рѣчи. Послѣдній сказалъ:

«Если власти противятся народу и пытаются уничтожить конституціонныя собранія, то народъ долженъ противодѣйствовать властямъ силою. Онъ не знаетъ ни одной народной попытки завоевать свои права, которая не была бы встрѣчена грубой силой со стороны его притѣснителей. Настоящая система держится только на физической силѣ. Если бы это не было такъ, то зачѣмъ же держать постоянную армію, вооруженную и антиконституціонную полицію; если народъ не возстанетъ теперь и не выступитъ въ борьбу, то онъ скоро потеряетъ послѣдніе остатки своихъ правъ. Онъ совѣтуетъ народу вооружиться, но онъ противъ кровопролитія, потому что если весь народъ будетъ вооруженъ, правительство не посмѣетъ противиться ему. Виги провели Билль о реформахъ только съ помощью физической силы. Если бы аристократія не боялась за свои помѣстья, она никогда не согласилась бы на Билль о реформѣ. Тотъ, кто стремится къ миру и ненавидитъ кровопролитіе, долженъ быть готовъ къ войнѣ теперь или никогда!"

О'Брайенъ просилъ всѣхъ, кто согласенъ на забастовку, въ случаѣ если бы Конвентъ былъ арестованъ, поднять руки. Весь митингъ поднялъ руки и раздались восторженныя рукоплесканія. Были приняты единогласно слѣдующія резолюціи:

1) Правительство и мѣстныя власти совершили государственную измѣну противъ королевы и конституціи, пытаясь разсѣять бирмингамскій народъ, мирно собравшійся для обсужденія причинъ своихъ тяжкихъ страданій.

2) Въ случаѣ, если правительство будетъ продолжать мѣшать конституціоннымъ собраніямъ народа посредствомъ физическаго насилія, мы, жители Ньюкастля, уповая на Бога, и опираясь на наши права и на конституцію, рѣшили отвѣтить на беззаконное насиліе законнымъ сопротивленіемъ".

Въ Сендерландѣ въ нѣсколько часовъ двадцать тысячъ человѣкъ собрались со всѣхъ сторонъ графства на городскомъ лугу

и выразили свой ужасъ и свое негодованіе по поводу образа дѣйствія правительства и бирмингамскихъ властей. Въ Глазго господствовало то же настроеніе. „Сѣверная Звѣзда“ и другія демократическія газеты были завалены резолюціями. Резолюціи, принятыя въ Нордгемтонѣ, даютъ понятіе о возбужденіи, вызванномъ вышесказанными событіями.

„Митингъ предупреждаетъ любящее свободу правительство виговъ, что если оно, посредствомъ грубаго насилія, будетъ мѣшать мирной и законной агитаціи народа, оно (правительство) беретъ на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія. Изстрадавшійся народъ, изнемогая подъ бременемъ всевозможныхъ тяготѣющихъ надъ нимъ несправедливостей, въ полночь предастъ огню свои жалкіе дома, и истребляющая стихія быстро охватитъ все кругомъ и обратитъ въ одну страшную груду развалинъ дома богачей и лачуги бѣдняковъ“.

Дѣйствіе этой резолюціи, прочитанной председателемъ, было поразительно. Одну минуту митингъ, казалось, окаменѣлъ. И затѣмъ всѣ руки поднялись и раздался взрывъ рукоплесканій. Эта резолюція можетъ служить образцомъ другихъ резолюцій, принятыхъ демократами Великобританіи по поводу всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ событій.

Въ то время какъ въ округахъ царствовало страшное возбужденіе, Атвудъ и Фильденъ вели свое дѣло въ законодательномъ собраніи. Атвудъ представилъ петицію 14-го іюня. Она была подписана не двумя или тремя милліонами, какъ ожидали, но только однимъ милліономъ двумя стами восьмидесятью тысячами. Палата Общинъ оказала въ данномъ случаѣ необычное для нея вниманіе къ обществу, открывъ доступъ на галлерею постороннимъ лицамъ. Атвуду было разрѣшено не только сообщить о задачахъ петиціи, но и произнести довольно длинную рѣчь въ ея пользу, что не согласовалось съ существующими правилами Палаты. Дж. Г. Смитъ возражалъ противъ такого образа дѣйствія, но возраженіе его не было принято Спикеромъ. Фильдену тоже было разрѣшено произнести рѣчь въ Палатѣ. По предложенію Атвуда было сдѣлано распоряженіе напечатать петицію, и затѣмъ онъ заявилъ, что въ скоромъ времени будетъ просить Палату образовать комитетъ для разсмотрѣнія петиціи. Послѣ этого петиція была унесена двѣнадцатью лицами, чтобы раздѣлить судьбу всѣхъ петицій, имѣвшихъ въ виду казенную реформу.

12-го іюля Атвудъ, согласно своему обѣщанію, внесъ свое предложеніе въ Палату въ очень талантливой рѣчи. Онъ сказалъ, что самъ участвовалъ въ составленіи петиціи, такъ какъ послѣдніе двадцать лѣтъ привели его къ убѣжденію, что на англійскій народъ не распространяются, общая для всѣхъ, справедливость и, общія для всего человѣчества, права. Онъ сослался на петиціи, которыя были представлены въ 1816, 1819 и 1825 годахъ, когда народъ переживалъ тяжелыя бѣдствія вслѣдствіе денежныхъ операцій правительства и указалъ на то, что жалобы народа были оставлены безъ вниманія, между тѣмъ какъ они (члены парламента) не терпѣли никакихъ лишеній. Онъ опровергалъ мнѣніе, что будто агитація въ пользу хартіи была дѣломъ зловредныхъ агитаторовъ, и выражалъ свое убѣжденіе, что если бы народу была оказана справедливость, то англійская нація была бы самой счастливой и самой довольной изъ когда либо существовавшихъ, причемъ ни одному человѣческому существу не было бы оказано ни малѣйшей несправедливости. Онъ увѣренъ, что Палата, состоящая изъ представителей привилегированнаго класса, не понимаетъ истиннаго положенія и истинныхъ нуждъ народа, и поэтому законодательствуетъ въ темнотѣ. Онъ заявилъ, что агитація началась еще въ 1829 году, и результатомъ ея была парламентская реформа 1832 года; но эта реформа не сдѣлала ровно ничего для улучшенія положенія народа и привела къ мѣрамъ, нарушившимъ его интересы. Они ждали до 1837 г., и тогда его уважаемые сосѣди снова обратились къ его помощи, и онъ отвѣтилъ на ихъ призывъ. Три депутаціи были отправлены къ лорду Мельборну съ просьбою дать возможность народу существовать своимъ трудомъ. Имъ отвѣтили, что бирмингамскій народъ не есть англійскій народъ. Онъ указалъ лорду Мельборну, какъ можно было бы улучшить существующее положеніе вещей, но лордъ Мельборнъ отвѣтилъ, что Палата Общинъ не согласилась бы на это; тогда онъ заявилъ благородному лорду, что они измѣнятъ составъ Палаты Общинъ. Онъ никогда не былъ агитаторомъ, но чтобы познакомиться съ настроеніемъ народа, онъ поѣхалъ въ 1837 году въ Глазго и встрѣтилъ тамъ самое восторженное настроеніе; тогда онъ сказалъ: „Теперь у насъ есть доказательство, что бирмингамскій народъ не одинокъ“. Ему хорошо извѣстно, что Палата Общинъ, избранная на основаніи всеобщаго избирательнаго права, можетъ допустить различныя край-

ности, но онъ считаетъ, что какія бы опасности и какія бы несчастія не пришлось испытать англійскому народу, все же это будетъ лучше, чѣмъ выносить жестокія и преступныя притѣсненія въ теченіе двадцати лѣтъ, угнетающія промышленность, честь и безопасность страны. Онъ требуетъ только одного: права народа жить честнымъ трудомъ. Онъ уже говорилъ, что петиція была подписана милліономъ двумя стами восьмидесятью тысячами лицами; она была подписана *избранными* представителями рабочаго класса, людьми умѣющими писать, а не бродягами, ворами и всякими подозрительными лицами, къ которымъ обыкновенно причисляютъ людей, пытающихся измѣнить законъ. Мильонъ людей выражалъ свое неудовольствіе и указывалъ на несправедливость законодательства. Нельзя же предположить, чтобы мильонъ грамотныхъ людей поставилъ свою подпись подъ злонамѣренною и прямою ложью. По его мнѣнію, вся меркантильная система государства была основана на гибельномъ заблужденіи. Въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ одинъ изъ банковъ потерпѣлъ убытокъ, благодаря банкротству двухъ ливерпульскихъ фирмъ, на сумму 200.000 фунтовъ каждая. Благородные члены парламента могутъ отвѣтить ему ссылкой на огромныя національныя богатства страны, на ея великолѣпныя фабрики и на множество новыхъ фирмъ, возникающихъ каждый день; но это дутое богатство. Что̀ бы ни говорили отдѣльные члены меркантильнаго хозяйства о своемъ благоденствіи, они хотятъ только скрыть внутреннюю язву своихъ жизненныхъ соковъ; фабрикантъ, вложившій отъ 20.000 до 30.000 фунтовъ въ свое дѣло и въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ не имѣющій дохода, разорится, если захочетъ реализовать свой капиталъ. Если онъ будетъ продолжать дѣло — онъ разорится, если остановится — разорится, если попытается отступить — разорится, и въ такомъ безвыходномъ положеніи находятся четыре пятыхъ фабрикантовъ и купцовъ въ Англіи. Петиціонеры старались найти лекарство противъ такого положенія вещей и, по ихъ убѣжденію, такимъ лекарствомъ можетъ быть только всеобщее избирательное право. Петиціонеры думаютъ, что Палата Общинъ, въ ея настоящемъ составѣ, не можетъ понять нуждъ рабочаго класса. Они думаютъ, что волки не могутъ быть представителями овецъ, что ястребы не могутъ быть представителями голубей, и богатые люди не могутъ быть представителями нуждъ бѣднаго класса. Въ странѣ находится

двадцать милліоновъ жителей, которыхъ нельзя удовлетворить ничѣмъ, кромѣ коренного измѣненія конституціи. Если имъ не будетъ сдѣлана уступка, они никогда не успокоятся. Благородные члены парламента могутъ быть въ этомъ увѣрены. Онъ считаетъ своею обязанностью заявить Палатѣ Общинъ свое глубокое убѣжденіе, что народъ не согласится больше подчиняться существующему порядку вещей и что никакая армія не заставитъ народъ покориться. Онъ можетъ сказать вмѣстѣ съ Берке, что, когда стремленіе къ перемѣнѣ становится всеобщимъ, перемѣна становится неизбѣжной. Неужели благородные члены парламента закроютъ глаза и уши, когда подъ нихъ ногами разверзается соціальный вулканъ? Затѣмъ Атвудъ по пунктамъ разобралъ петицію, защищая каждый изъ нихъ, и заявилъ, что петиція должна быть принята. Онъ всегда стоялъ только за законныя средства для достиженія цѣлей. Онъ никогда не совѣтовалъ прибѣгать къ какимъ-либо другимъ средствамъ; и не его надо будетъ винить, если попытка примиренія не удастся, возбужденіе народа дойдетъ до крайности и приведетъ къ событіямъ, которыя закончатся не бунтомъ черни, а революціей.

Фильденъ поддерживалъ резолюцію.

Затѣмъ произнесъ рѣчь Лордъ Джонъ Россель. Онъ отдалъ честь мирнымъ намѣреніямъ Атвуда, но жаловался на рѣчи многихъ чартистскихъ ораторовъ, превосходящихъ рѣзкостью и жестокостью выраженій, по его словамъ, рѣчи худшихъ временъ французской революціи. Онъ выразилъ мнѣніе, что общее избирательное право не обезпечитъ постояннаго благоденствія и не спасетъ страну отъ періодовъ колебаній, свойственныхъ промышленной и торговой системѣ Англіи. Чтобы поддержать свое положеніе, онъ указалъ на примѣръ Америки, гдѣ, по его словамъ, земля болѣе доступна народу, что облегчаетъ его положеніе, гдѣ имѣется такой же большой бумажный кредитъ, и такое же широкое монетное обращеніе. Но онъ забылъ провести различіе между настоящими бумажными цѣнностями, основанными на дѣйствительномъ богатствѣ страны, и дутыми цѣнностями безъ всякаго обезпеченія. Онъ указалъ потомъ на количество подписей, имѣющихся на петиціи и замѣтилъ, что Майоръ Картрайтъ *)

---

*) Майоръ Картрайтъ (1728—1826) писалъ исключительно по политическимъ вопросамъ, требуя всеобщаго мужского избирательнаго

набралъ для петиціи три милліона подписей. По его мнѣнію семьсотъ тысячъ избирателей болѣе представляютъ націю, чѣмъ петиціонеры, составляющіе всего одинъ милліонъ двѣсти восемьдесятъ тысячъ. Петиція не выражаетъ мнѣнія большинства народа, который, навѣрно, взволновался бы, если бы просьба петиціонеровъ была исполнена. Титулованный глупецъ! Какой могъ быть поводъ для ихъ тревоги, если всѣхъ взрослыхъ мужчинъ было отъ пяти до шести милліоновъ, тогда какъ петиціонеровъ было немногимъ болѣе милліона съ четвертью. Петиціонеры просили, чтобы право голосованія было распространено на всѣхъ. По мнѣнію лорда Джона выходило, что большинство должно было быть встревожено тѣмъ, что на ихъ сторонѣ было бы больше власти, чѣмъ на сторонѣ петиціонеровъ. Затѣмъ, въ доказательство народнаго благоденствія, онъ указалъ на все увеличивающіеся вклады въ сберегательныя кассы, забывая, что эти вклады дѣлались, главнымъ образомъ, средними классами, аристократической челядью и представителями наилучше оплачиваемыхъ ремеслъ — такъ что по этимъ вкладамъ нельзя было судить о положеніи народныхъ массъ; онъ забылъ также, что увеличилось народонаселеніе, а это вызвало, конечно, и увеличеніе вкладовъ. Онъ сталъ затѣмъ утверждать, что петиціонеры хотятъ равнаго распредѣленія собственности и, выдвинувъ это пугало, началъ пространно доказывать къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ могло привести практическое примѣненіе подобной теоріи. А между тѣмъ, какъ ему прекрасно было извѣстно, петиціонеры не только никогда не требовали этого, но даже и не желали. Онъ выразилъ свое убѣжденіе, что монархія и наслѣдственное перство несовмѣстимы со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Затѣмъ онъ заявилъ, что вѣритъ въ здравый смыслъ народа, что народнымъ лидерамъ не удастся совратить народъ, и ихъ проискамъ—онъ въ этомъ увѣренъ—скоро будетъ положенъ конецъ.

Дизраели заявилъ, что Хартія явилась слѣдствіемъ нарушенія народныхъ правъ и принятіемъ новыхъ законовъ о бѣдныхъ.

Юмъ указывалъ на тяжелое положеніе народа и говорилъ,

права, тайной подачи голосовъ и ежегоднаго парламента. Кромѣ того, онъ предлагалъ земельную реформу для улучшенія положенія фермеровъ и былъ ярымъ поборникомъ уничтоженія рабства. Онъ заслужилъ названіе „Отца реформы“. *Прим. переводч.*

что чартисты хотятъ только того, къ чему еще раньше нихъ стремились такіе люди, какъ герцогъ Ричмондъ, Питтъ, Серъ Френсисъ Бердетъ и другія лица, занимавшія высокое положеніе, и привелъ въ пользу чартистовъ выдержки изъ рѣчей самого лорда Джона Росселя и графа Грея.

О'Коннель въ своей рѣчи обвинялъ чартистовъ въ государственной измѣнѣ за призывъ къ физическому насилію, хотя раньше онъ самъ совѣтовалъ народу подать петицію съ пятью стами тысячами подписей и указать въ ней, что они всѣ готовы на борьбу. Въ то же самое время онъ утверждалъ, что было бы странно требовать послушанія отъ тѣхъ, кто не имѣетъ голоса въ законодательномъ собраніи.

Уоллесъ былъ за „квартирное" избирательное право, за тайную подачу голосовъ и за вознагражденіе членовъ парламента. Онъ готовъ былъ поддерживать петицію.

Генералъ Джонсонъ поддерживалъ петицію и обвинялъ большинство палаты за нежеланіе признать за рабочимъ классомъ какія бы то ни было права. Онъ стоялъ за всеобщее избирательное право и за тайную подачу голосовъ.

По мнѣнію Виллъерса петиціонеры имѣли основаніе быть недовольными составомъ Палаты. И онъ не представлялъ себѣ, какъ можетъ Палата отказываться отъ разсмотрѣнія такой гигантской петиціи.

Освальдъ находилъ, что если бы Палата образовала комитетъ, то онъ все равно бы отвергъ первый и главный принципъ петиціи—всеобщее избирательное право. Онъ считалъ поэтому совершенно излишнимъ, чтобы Палата образовала по этому вопросу комитетъ.

Уорбертенъ, не раздѣляя всѣхъ требованій петиціонеровъ, все же стоялъ за комитетъ; если бы онъ думалъ, что болѣе широкія избирательныя права поведутъ къ увеличенію національнаго долга, то онъ первый былъ бы противъ этого, но онъ этого не думалъ.

Уокли отвѣчалъ на заявленіе благороднаго лорда относительно увеличенія вкладовъ въ сберегательныхъ банкахъ въ Экзетерѣ. Невозможно допустить, чтобы эти вклады были сдѣланы рабочимъ народомъ этого графства, зарабатывающаго въ среднемъ въ недѣлю отъ шести до семи шиллинговъ. Вклады должны были дѣлаться другими классами. Земледѣльческое населеніе въ окрестностяхъ столицы находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи,

и земледѣльцы должны были спать подъ навѣсами, въ ригахъ и въ шалашахъ (одинъ изъ членовъ парламента: это батраки!) Онъ знаетъ, что это батраки, но развѣ такимъ образомъ должны помѣщаться земледѣльцы, обливающіеся пòтомъ весь день подъ жгучимъ солнцемъ и обязанные ночью находить себѣ отдыхъ подъ навѣсами въ ригахъ и носить лохмотья вмѣсто платья? Народъ долженъ знать, что ему нечего разсчитывать на то, чтобы голосъ его былъ услышанъ въ Палатѣ. Ему хотѣлось бы сказать народу: не теряй своей энергіи на представленіе новой петиціи въ Палату Общинъ; не теряй своего времени на представленіе петиціи людямъ, которые не хотятъ слушать тебя. Онъ сказалъ бы всѣмъ этимъ бѣднякамъ, если бы онъ говорилъ подъ открытымъ небомъ: устраивайте Ассоціаціи, обсуждайте между собою причины вашихъ страданій, старайтесь, чтобы ваши желанія стали извѣстны и пріобрѣтайте себѣ друзей, а не враговъ между вашими сосѣдями. Достигайте своей цѣли посредствомъ постояннаго обсужденія важныхъ для васъ вопросовъ и старайтесь пріобрѣсти расположеніе среднихъ классовъ общества. Соединитесь съ ними въ вашихъ требованіяхъ и, тогда вы добьетесь чего-нибудь отъ этого собранія, но пока Палата находится въ настоящемъ составѣ, вы съ такимъ же успѣхомъ могли бы обратиться со своей петиціей къ гибралтарской скалѣ.

Сленей, Уайтъ, Фоксъ Моль, Т. Аклендъ и сэръ Дж. И. Булеръ высказались противъ петиціи.

Затѣмъ всталъ Шоффильдъ и обратился съ рѣчью къ палатѣ, но стали раздаваться громкіе крики о необходимости пустить вопросъ на голосованіе и можно было только съ большимъ трудомъ услышать нѣсколько фразъ. Онъ сказалъ, что стоитъ за честное исполненіе обязательствъ по отношенію къ государственнымъ кредиторамъ и что онъ противъ раздѣленія собственности. Онъ стоитъ за подоходный налогъ, что вызвало бы болѣе равномѣрное обложеніе богатыхъ и бѣдныхъ классовъ.

Атвудъ въ своемъ отвѣтѣ разбилъ доводы Джона Росселя относительно вкладовъ въ сберегательные банки. Общая сумма вкладовъ равнялась 22.000.000 фунтовъ, но изъ этого числа только 2.000.000 были внесены мелкими вкладами ниже 20 фунтовъ. Остальная сумма состояла изъ вкладовъ лицъ средняго круга, большая часть которыхъ принадлежала скорѣе къ богатымъ людямъ, вклады ихъ равнялись 200 фунтамъ и даже выше, и

такимъ образомъ они получали со своихъ денегъ больше, чѣмъ если бы они отдали ихъ подъ какое либо другое обезпеченіе.

Затѣмъ началось голосованіе, и въ пользу петиціи, включая сюда и докладчиковъ, изъ всего количества членовъ высказалось только сорокъ восемь членовъ. Всего было двѣсти тридцать семь. Такимъ образомъ большинство, не пожелавшее принять во вниманіе жалобы одного милліона двухсотъ тысячъ восьмидесяти соотечественниковъ, равнялось ста восьмидесяти девяти, если не считать отсутствующихъ членовъ, которые почти всѣ безъ исключенія присоединились бы къ большинству, если бы находились въ Палатѣ. Изъ членовъ, вотировавшихъ въ пользу предложенія, многіе принадлежали къ лидерамъ радикальной партіи, и на рѣчи ихъ разсчитывали, но они удовольствовались только молчаливой подачей голосовъ. Среди послѣднихъ находились сэръ В. Мольсвортъ, Д. В. Гарвей, Дж. Т. Лидеръ и В. Виллямсъ, что служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ мало можетъ расчитывать народъ на парламентскихъ радикаловъ. Рѣчь лорда Джона Росселя была сплошнымъ сплетеніемъ нелѣпостей и не сдѣлала бы чести даже какому-нибудь школьному педанту, а что касается до его симпатіи къ народу, то онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы доказать отсутствіе тѣхъ бѣдствій, которыя съ каждымъ днемъ все больше обременяли жизнь сотней тысячъ. Это было еще большимъ оскорбленіемъ для народа, чѣмъ восклицаніе какого-то несчастнаго человѣческаго выродка, въ отвѣтъ на заявленіе Уоклея о бѣдственномъ положеніи земледѣльческаго населенія: „Это батраки“, какъ будто бы батраки не имѣли права на какія бы то ни было жизненныя удобства, но были осуждены тратить свою жизнь на собираніе богатства для лордовъ и хозяевъ. Большаго равнодушія къ условіямъ жизни народа, большаго невниманія къ его правамъ, чѣмъ то, которое обнаружила Палата Общинъ въ этомъ засѣданіи, трудно себѣ представить. Палата своимъ безсердечнымъ отношеніемъ только подтвердила уже широко распространенное мнѣніе, что народъ можетъ вырвать свои права изъ рукъ притѣснителей только посредствомъ кровавой революціи.

Конвентъ собрался въ тавернѣ Джонсона въ Больтъ-Кортѣ, на улицѣ Флитъ, согласно резолюціи, принятой въ Бирмингамѣ 10 іюля, въ среду. Даже если бы этотъ день не былъ назначенъ, переѣздъ изъ Бирмингама былъ необходимъ. Терроръ со стороны властей

достигъ такихъ предѣловъ, что Конвентъ не могъ найти ни одной комнаты для своихъ собраній.

На первомъ засѣданіи въ Лондонѣ Кардо внесъ предложеніе, чтобы Конвентъ отложилъ очередныя дѣла для того, чтобы заняться обсужденіемъ священнаго мѣсяца. Нисомъ поддержалъ это предложеніе, но оно встрѣтило горячее возраженіе со стороны доктора Флетчера и было отвергнуто единогласно. Затѣмъ по предложенію Карпентера и Кардо была принята слѣдующая резолюція, поддержанная Гезерингтономъ, Нисомомъ, Удхауземъ и Бернсомъ:

„Конвентъ съ чувствомъ глубокаго негодованія прочелъ заявленіе, сдѣланное наканунѣ вечеромъ въ Палатѣ Общинъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, о необходимости и своевременности разослать въ различныя части государства столичную полицію для разсѣянія публичныхъ и вполнѣ мирныхъ народныхъ митинговъ, а потомъ одобреніе, выраженное тѣмъ-же министромъ кровавому и жестокому нападенію на бирмингамскій народъ антиконституціонными и ненавистными представителями насилія. Конвентъ держится того мнѣнія, что если на лицъ, собравшихся гдѣ-бы то ни было и когда-бы то ни было для справедливыхъ и законныхъ цѣлей безъ всякаго волненія и мятежа, будетъ сдѣлано нападеніе со стороны полиціи или другихъ представителей насилія, то лица, присутствующія на собраніи, на основаніи принциповъ закона и самообороны, могутъ отвѣтить на насиліе насиліемъ и даже убить виновныхъ въ жестокихъ и звѣрскихъ нарушеніяхъ права и личной безопасности“.

13-го іюля, послѣ того какъ предложеніе Атвуда было отвергнуто, Конвентъ занялся вопросомъ о священномъ мѣсяцѣ. Засѣданіе было очень малолюдное, такъ какъ большинство изъ членовъ по различнымъ причинамъ было въ отъѣздѣ. Лоурей сказалъ, что было бы безполезно ожидать чего-нибудь отъ Палаты Общинъ. Бельгія и Америка добились свободы только силой; другимъ способомъ не добьется ея и англійскій народъ. Онъ былъ въ Шотландіи, Кумберлендѣ и Уэстморлендѣ; народъ тамъ находилъ, что для начала священнаго мѣсяца надо выбрать время, когда хлѣбъ уже созрѣетъ, а картофель будетъ еще въ землѣ. Онъ раздѣлялъ это мнѣніе и внесъ слѣдующую резолюцію:

„Такъ какъ Палата Общинъ отказалась образовать Комитетъ для обсужденія національной петиціи, то отъ такой палаты нельзя

больше ничего ожидать. Національный Конвентъ пришелъ къ тому мнѣнію, что народъ не долженъ работать послѣ 12-го августа, если ему не будетъ дано право избирать членовъ парламента для охраны своего труда".

Одинъ изъ членовъ Конвента обратился было съ рѣчью къ собранію, но въ это время Атвудъ и Фильденъ прислали просить Конвентъ о депутаціи. Депутація была отправлена спросить благородныхъ членовъ парламента, что должны были дѣлать теперь чартисты? Имъ посовѣтовали составить побольше петицій, такъ какъ оппозиція отрицала, чтобы поданная петиція была петиціей отъ всего народа. По мнѣнію Атвуда надо было собрать петиціи отъ всѣхъ приходовъ. Депутація отвѣтила, что чартисты никогда больше не будутъ подавать петиціи, такъ какъ находятъ это совершенно безполезнымъ. Послѣ того, какъ депутація вернулась и сообщила свое донесеніе, было прочитано письмо отъ доктора Тейлора, заявлявшаго, что въ мануфактурныхъ округахъ организація священнаго мѣсяца растетъ съ быстротою пожара. Дигенъ и Мойръ совѣтовали оба дѣйствовать осторожно при назначеніи дня забастовки. Обсужденіе этого вопроса было отложено на понедѣльникъ, потомъ на вторникъ, когда было принято предложеніе Лоурея, что забастовка должна начаться 12-го августа.

Какъ можно было ожидать, вслѣдствіе малочисленности членовъ, принявшихъ вышеуказанную резолюцію, вопросъ о священномъ мѣсяцѣ снова былъ поставленъ на очередь. О'Брайенъ посѣтилъ большое количество митинговъ и постарался пріобрѣсти самыя точныя свѣдѣнія отъ руководителей движенія въ различныхъ округахъ относительно подготовленности народа. Результаты полученныхъ свѣдѣній заставили его усумниться въ своевременности резолюціи, принятой въ отсутствіи многихъ важныхъ членовъ. На этомъ основаніи онъ внесъ въ Конвентъ 16-го іюля резолюцію, подкрѣпивъ ее серьезными доводами. Резолюція состояла въ слѣдующемъ:—

„Конвентъ, продолжая единодушно держаться того мнѣнія, что только всеобщей стачкой, или прекращеніемъ работъ по всему государству, можно добиться возстановленія правъ и свободы трудящихся классовъ, не можетъ въ то же самое время взять на себя отвѣтственность за установленіе времени и обстоятельствъ, при которыхъ можетъ начаться забастовка, находя, что онъ не компетентенъ въ этомъ отношеніи по слѣдующимъ причинамъ:

1) Число членовъ Конвента значительно уменьшилось вслѣдствіе измѣны дѣлу, отсутствія и произвольныхъ арестовъ значительной части членовъ.

2) Между оставшимися членами существуетъ разногласіе относительно возможности всеобщей забастовки при настоящемъ положеніи промышленности въ мануфактурныхъ округахъ.

3) Такая же разница во взглядахъ существуетъ среди нашихъ избирателей и всего рабочаго класса.

4) При такихъ условіяхъ болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы постановленіе Конвента о всеобщей забастовкѣ было бы всѣми исполнено, и забастовка можетъ потерпѣть неудачу.

5) Твердо вѣря, что только всеобщей забастовкой можно спасти страну, Конвентъ въ тоже время убѣжденъ, что отдѣльныя забастовки только увеличатъ тяжелыя лишенія и страданія забастовщиковъ, а при существующемъ въ высшей степени возбужденномъ состояніи народа, могутъ привести къ смутѣ и анархіи.

6) Хотя Конвентъ считаетъ своею обязанностью раздѣлять съ народомъ всѣ опасности, онъ не долженъ тѣмъ не менѣе создавать безполезной опасности какъ для себя, такъ и для другихъ. Подвергать опасности себя самихъ было бы безуміемъ, подвергать опасности другихъ было бы преступленіемъ.

7) Мы увѣрены, что только народъ можетъ быть настоящимъ судьею своего права на забастовку и своей готовности къ ней, а также судьею своихъ средствъ и своей способности перенести всѣ затрудненія, которыя можетъ вызвать такое событіе. При такихъ обстоятельствахъ мы рѣшаемъ избрать Комитетъ изъ троихъ, чтобы вновь пересмотрѣть постановленіе 16-го іюля и замѣнить его обращеніемъ къ народу, въ которомъ предоставить народу самому рѣшить: желаетъ онъ, или нѣтъ—начать священный мѣсяцъ 12-го августа. Объяснить ему вмѣстѣ съ тѣмъ причины, на основаніи которыхъ Конвентъ рѣшилъ принять такое рѣшеніе, взявъ въ то же самое время на себя обязательство помогать народу всѣми средствами, необходимыми для его безопасности и для его освобожденія".

Питкетли поддерживалъ эту резолюцію.

О'Коннорь предложилъ, а Джемсъ Тейлоръ поддержалъ слѣдующую поправку:—

„Предлагается секретарямъ обратиться къ каждому члену Конвента съ увѣдомленіемъ собраться въ среду 31-го іюля, чтобы

обсудить наиболѣе дѣйствительныя средства для осуществленія крайнихъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью достиженіе всеобщаго избирательнаго права, и просить всѣхъ делегатовъ узнать вполнѣ точно мнѣніе по поводу этого вопроса ихъ избирателей".

Послѣдовали очень продолжительныя пренія, изъ которыхъ выяснилось, что среди делегатовъ не было единодушія. О'Конноръ въ своей рѣчи говорилъ за и противъ забастовки, и докторъ Флетчеръ замѣтилъ, что изъ его рѣчи нельзя было вывести никакого заключенія. О'Конноръ въ сущности былъ противъ забастовки, но боялся только потерять во мнѣніи ея сторонниковъ. Въ концѣ концовъ резолюція О'Брайена была принята большинствомъ шести голосовъ. Двѣнадцать вотировали за, шесть — противъ, семь воздержалось отъ голосованія. Былъ избранъ Комитетъ изъ пяти лицъ: О'Конноръ, О'Брайенъ, Флетчеръ, Лоурей и Нисомъ. Мы находимъ, что Конвентъ принялъ самое мудрое рѣшеніе, какое только можно было принять и постараемся доказать это на основаніи того факта, что за предложеніе О'Брайена голосовали: Берисъ отъ Денди; Карпентеръ отъ Больтона; Гезерингтонъ отъ Лондона; Ноксъ отъ Доргема: О'Конноръ отъ Іоркшира; О'Брайенъ отъ Лондона, Манчестера, Стокфорта и другихъ мѣстъ; Питкетли отъ Іоркшира; Смартъ и Скевингтонъ отъ Лейстера, Дерби и Лефборо; Тейлоръ отъ Рокделя; Удхаузъ отъ Нottингема и Кливъ отъ Лондона. Противъ были: Лоурей отъ Нортумберланда, Милингъ отъ База, Марсденъ отъ Престона, Нисомъ отъ Бристоля, Осборнъ отъ Брайтона, Вольстонгольмъ отъ Шеффильда. Какъ видно изъ этого списка, большинство состояло изъ представителей наиболѣе многолюдныхъ округовъ. Правда, нѣкоторые изъ этого большинства вотировали за забастовку, но уже тотъ фактъ, что они поддерживали предложеніе О'Брайена, служило доказательствомъ, что у нихъ были сомнѣнія относительно ея своевременности. Что касается до Бристоля, то оттуда было получено письмо отъ Фроста, выражавшаго свое твердое убѣжденіе, что народъ не будетъ бастовать. Онъ сообщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что населеніе Уэльса тоже не было подготовлено. Забастовка въ Базѣ не имѣла-бы значенія, такъ какъ Базъ не принадлежалъ къ промышленнымъ городамъ и находился въ зависимости отъ аристократіи и мелкопомѣстнаго дворянства, которые могли всегда оставить его. То же самое можно было сказать и о Брайтонѣ. Въ Престонѣ демократы, хотя и горячо относились къ

дѣлу, но были немногочисленны. Питеръ-Буссей, предложивъ самъ забастовку, сталъ находить ее потомъ неосуществимой. Крэгъ, подписавшій резолюцію о забастовкѣ, объявилъ, что Конвентъ совершилъ самоубійство и вышелъ изъ его состава. Денкенъ, делегатъ отъ Демфриса былъ противъ нея. Докторъ Флетчеръ, вотировавшій за забастовку, заявилъ, что имѣющіеся на лицо факты говорятъ противъ нея. Ричардсонъ прислалъ письмо изъ Манчестера, указывая на неподготовленность народа, и его коллега Динъ раздѣлялъ это мнѣніе. При такихъ обстоятельствахъ на забастовкѣ могъ настаивать или человѣкъ, доведенный возбужденіемъ почти до сумасшествія, или же измѣнникъ, желавшій дѣйствовать въ интересахъ враговъ. Но люди такъ неохотно всегда сознаются въ своихъ ошибкахъ, что нѣкоторые делегаты продолжали настаивать на забастовкѣ и подобно людямъ, цѣпляющимся за погибающія иллюзіи, пытались убѣдить себя, что они составляютъ націю или, по крайней мѣрѣ, ея представителей. Хорошо, что они встрѣтили препятствіе въ своихъ стремленіяхъ, иначе часть страны была бы залита кровью самыхъ благородныхъ и самыхъ восторженныхъ сторонниковъ справедливости свободы, и все это безъ малѣйшей пользы для дѣла.

Событія въ Бирмингамѣ продолжали вызывать самое сильное возбужденіе главнымъ образомъ, въ сѣверной Англіи. Въ Ньюкастлѣ послѣ митинга въ читальнѣ каждый день происходили большія собранія на открытомъ воздухѣ. Въ понедѣльникъ два оркестра пришли изъ Уинлетона и Суольуэля въ сопровожденіи огромной массы народа, и всѣ отправились въ Форсъ, который былъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, переполненъ возбужденной толпой. Извѣстіе объ арестѣ ихъ делегатовъ Тейлора и Гарнея только раздуло пожаръ и были приняты самыя рѣшительныя резолюціи. Предсѣдатель Гепбернъ просилъ собраніе воздержаться отъ апплодисментовъ, но въ отвѣтъ на его просьбы раздались самые бурные крики. Въ продолженіе всей недѣли устраивались митинги, на которыхъ собирались десятки тысячъ народа, и всѣ они носили такой же восторженный характеръ. Въ слѣдующее воскресенье лилъ потоками дождь, но, несмотря на погоду, оркестръ игралъ на всѣхъ улицахъ гимнъ „Rule Britannia“, и на Форсѣ подъ проливнымъ дождемъ собралась тысячная толпа. Въ понедѣльникъ, вторникъ и среду митинги продолжались. На нихъ говорили Айръ, Чарльтонъ, Кокбернъ, Бирнъ и другіе. Нѣкоторые

изъ нихъ читали отчеты газетъ о положеніи страны. Въ понедѣльникъ, 22-го іюля, пришло извѣстіе объ арестѣ Вилльямса и Биннса въ Сендерландѣ за подстрекательство къ возстанію. Результатомъ было устройство другого публичнаго митинга въ Форсѣ, такого же многолюднаго, какъ и первый, и на немъ единодушно были приняты резолюціи съ выраженіями симпатіи къ арестованнымъ и къ устройству священнаго мѣсяца. Но власти въ Ньюкастлѣ, подражая своимъ бирмингамскимъ собратіямъ, готовились нанести ударъ праву публичныхъ митинговъ. На судебной сессіи судъ безъ всякаго предварительнаго предупрежденія возбудилъ преслѣдованіе противъ Бронтера О'Брайена, Вилльяма Томасона, Джона Месона, Джемса Айра и Томаса Девира за рѣчи, произнесенныя ими въ читальнѣ 7-го іюля и всѣхъ сейчасъ же арестовали. Были изданы указы противъ публичныхъ митинговъ. Въ отвѣтъ на это демократы обратились къ Джону Файфу, мэру, съ просьбой собрать публичный митингъ съ цѣлью просить королеву не увеличивать постоянную армію и не учреждать деревенской полиціи. Обѣ эти мѣры были внесены въ законодательное собраніе. Въ послѣднюю минуту мэръ отказался собрать митингъ и демократы устроили его сами въ Форсѣ. Въ воскресенье чартисты собрались и заполнили церковь св. Николая во время богослуженія къ большому неудовольствію постоянныхъ прихожанъ. Митингъ въ Форсѣ прошелъ въ самомъ строгомъ порядкѣ, но какъ разъ въ то время, когда толпа расходилась, появился мэръ съ добровольными констеблями, полиціей и военными и былъ встрѣченъ громкими криками негодованія. Эти представители насилія овладѣли нѣсколькими знаменами и обошлись самымъ грубымъ образомъ со многими изъ присутствующихъ на митингѣ. Безоружный народъ оказалъ большую сдержанность и хотя у большинства въ рукахъ были палки, но только очень немногіе воспользовались ими. Нападеніе это совершилось послѣ наступленія темноты, и если Ньюкастль не постигла участь Бирмингама, то власти были тутъ не причемъ. Измѣнникъ мэръ получилъ въ награду за свое предательство сомнительное званіе рыцаря. Мы говоримъ „измѣнникъ“, потому что раньше этотъ человѣкъ былъ однимъ изъ ярыхъ защитниковъ общественныхъ собраній, но тогда это нужно было для цѣлей средняго класса. Чтобы оказать справедливость Файфу, мы должны напечатать одинъ или два отрывка изъ его прежнихъ рѣчей. 13-го мая 1832 г. въ Ньюкастлѣ

былъ устроенъ большой митингъ. Графъ Грей сложилъ съ себя свою должность, такъ какъ король отказался назначить новыхъ Пэровъ, для того чтобы провести Билль о реформѣ, и митингъ собрался, чтобы выразить свое мнѣніе по поводу этого вопроса. Файфъ былъ однимъ изъ ораторовъ. Онъ воспользовался случаемъ, чтобы сослаться на рѣчь Фокса по поводу Билля о предупрежденіи возстаній (Sedition Bill) въ 1795 г. „Во время преній Фоксъ сказалъ:—Палата Общинъ и Палата лордовъ могутъ принять этотъ Билль. Онъ можетъ даже получить королевскую санкцію, и все же онъ будетъ настолько противенъ конституціи и духу народа, что исполненіе его не можетъ быть нравственнымъ долгомъ, и возстаніе найдетъ себѣ оправданіе. — Слѣдующій разъ, когда Питтъ просилъ его объясниться, онъ повторилъ свои слова и добавилъ: — этими принципами я живу, и за нихъ я умру. — „Тутъ,—сказалъ Файфъ,—присутствуетъ огромная толпа, но найдется ли среди нея хоть одинъ человѣкъ, который не поднялъ бы вмѣстѣ со мною правую руку и не повторилъ бы за мною: „Этими принципами я живу, и за нихъ я умру“. При этомъ восклицаніи вся огромная толпа подняла руки и повторила клятву, и вслѣдъ затѣмъ руки опять поднялись, и въ каждой изъ нихъ было по дубовой палкѣ. Сцена эта продолжалась нѣсколько минутъ, и затѣмъ Файфъ сказалъ: „Я знаю, что многіе изъ моихъ соотечественниковъ вооружены, и многіе вооружаются, и что каждый изъ обитателей нашей страны имѣетъ такое же право на оружіе, какъ маркизъ Лондондерри, и я увѣренъ, что самый невѣжественный и самый ограниченный человѣкъ въ этомъ собраніи съумѣетъ сдѣлать изъ него должное употребленіе; но тѣмъ не менѣе я прошу васъ помнить, что насиліе—это самое крайнее и самое худшее изъ орудій. Между страною и революціею попрежнему стоитъ Палата Общинъ и служитъ доказательствомъ, что, пока у націи есть представители, народъ можетъ добиться своихъ правъ безъ смуты и безъ кровопролитія. И поэтому воскликнемъ единогласно: „Парламентскія привилегіи! Парламентскія привилегіи! Только тогда, когда эти требованія будутъ отвергнуты, когда парламентскія привилегіи перестанутъ существовать или будутъ грубо нарушены, только тогда я воскликну: „По шатрамъ своимъ, Израиль!

На митингѣ на Городскомъ Лугу, 27 мая 1833 года, Файфъ сказалъ:—

„Ваша толпа очистилась отъ плевелъ, отъ всѣхъ этихъ робкихъ, себялюбивыхъ полувиговъ, увеличивавшихъ раньше нашу численность, хотя они были простыми орудіями виговъ аристократовъ. Вы сильнѣе безъ нихъ. Сегодня ваша толпа состоитъ только изъ лучшихъ людей. Полмилліона честныхъ людей готово пожертвовать своей жизнью для достиженія Билля о реформѣ. Если бы Тори могли опереться на рабскія чувства арміи, то чтобы сохранить свою власть, они покрыли бы нашу несчастную страну всѣми ужасами кровавой, междуусобной войны. Но армія сочувствовала своимъ товарищамъ и соотечественникамъ. Наши храбрые солдаты не обнажили бы своихъ мечей противъ своихъ отцовъ и братьевъ по приказанію безчестной аристократіи. У аристократіи огромныя земли, великолѣпные замки, чудовищныя привилегіи. Неужели имъ мало всего этого? Развѣ они забыли судьбу французской аристократіи? Развѣ они не знаютъ, что гибель французской аристократіи можно было бы предотвратить, если бы народу была оказана справедливость. Если они цѣнятъ свои привилегіи, если они хотятъ сохранить свои помѣстья, если они дорожатъ своимъ существованіемъ, то я совѣтую имъ выпустить изъ своихъ рукъ права и собственность народа, покуда еще есть время, покуда ихъ руки не парализованы еще народнымъ мщеніемъ“.

Вотъ что изображалъ изъ себя ранѣе Файфъ, который теперь заставлялъ избивать своихъ согражданъ, мирно собравшихся на митингъ для выраженія своего негодованія противъ системы деспотизма, худшаго, чѣмъ до Парламентской реформы, деспотизма сыскной полиціи въ рукахъ низкихъ узурпаторовъ, въ родѣ Файфа и его безчеловѣчной предательской партіи.

На слѣдующій день былъ арестованъ Джонъ Белль, типографъ „Сѣвернаго Освободителя“ (Northern Liberator) за напечатаніе воззванія къ среднему классу, а въ пятницу были подвергнуты допросу восемь лицъ за событія въ Форсѣ, и дѣло ихъ передано на судъ присяжныхъ. Свидѣтельскими показаніями было установлено, что, прежде чѣмъ было сдѣлано нападеніе на народъ, Билль о мятежѣ (Riot Bill) не былъ прочитанъ.

Въ другихъ округахъ власти дѣйствовали не лучше, чѣмъ въ Ньюкастлѣ. Въ Стокпортѣ были арестованы за храненіе оружія Джемсъ Мичель, Чарльсъ Девисъ, Джонъ Райтъ, Джемсъ Бритонъ, Исаакъ Армитеджъ, Корнелій Армитеджъ, Джоржъ Брешуортъ,

Исаакъ Армитеджъ младшій, Давидъ Робертсъ и Тимофей Хиггинсъ. Полиція ворвалась въ ихъ дома на разсвѣтѣ и употребила самое грубое насиліе; сломала разныя цѣнныя вещи, забрала бумаги и позволяла себѣ самыя недостойныя выходки, хотя ей не было оказано ни малѣйшаго сопротивленія.

На судѣ въ Монгомерширѣ разбиралось дѣло сорока лицъ; всѣ они были признаны виновными въ ношеніи оружія, въ упражненіи въ военномъ искусствѣ, въ мятежѣ и т. п. и приговорены на различные сроки къ ссылкѣ и заключенію въ тюрьму. Въ Ленидлосѣ царило такое возбужденіе, и чартисты пользовались такимъ сильнымъ вліяніемъ, что власти поручили имъ охрану города, умоляя ихъ употребить все ихъ вліяніе, чтобы оградить жизнь и собственность гражданъ, что они и исполняли въ теченіе двухъ недѣль. Судъ издалъ приказъ объ арестѣ Чарльса Джонса, члена Конвента, и была назначена награда за его доставку, но его не могли найти, и онъ умеръ нѣсколько времени спустя отъ чахотки, ускорившей его кончину, благодаря тяжелымъ условіямъ его жизни.

На ассизахъ въ Варвикѣ разбиралось дѣло Ловета и Коллинса. Ловетъ самъ велъ свою защиту, сдѣлавъ должную оцѣнку властямъ и мужественно защищая право публичныхъ собраній; въ поддержку своего мнѣнія онъ приводилъ слова многихъ авторитетовъ и въ томъ числѣ лорда Джонъ Росселя. Само собою разумѣется, что оба подсудимые были признаны виновными. Врядъ ли можно было ожидать другого, когда двое изъ присяжныхъ засѣдателей заранѣе объявили, что хотѣли бы видѣть повѣшенными всѣхъ чартистовъ. Ловетъ просилъ объ отводѣ обоихъ присяжныхъ, но просьба его была отклонена. Присяжные совѣщались не болѣе двухъ или трехъ минутъ, прежде чѣмъ вынести вердиктъ. Оба подсудимые были приговорены къ тюремному заключенію на годъ, Іеремія Гоуель, Франсисъ Робертсъ, Джонъ Джонсъ и Томасъ Аштонъ были приговорены къ смерти, но послѣ усиленнаго ходатайства передъ правительствомъ смертная казнь была замѣнена пожизненной ссылкой. Многіе другіе обвиняемые были приговорены къ тюремному заключенію на различные сроки.

Въ Монмутѣ были привлечены къ суду Винсентъ, Эдуардсъ, Диккенсонъ и Таунсгентъ за подстрекательство къ возстанію и за присутствіе на незаконныхъ митингахъ. Свидѣтели присягнули, что народъ приходилъ на митинги съ палками, и что Винсентъ

въ своей рѣчи сказалъ, что ихъ лозунгомъ должно быть: „По шатрамъ своимъ, Израиль! Дружнымъ усиліемъ, однимъ ударомъ уничтожимъ привилегированные классы. Смерть аристократіи. Возстань народъ и создай свое правительство“.

Подсудимыхъ защищалъ Робекъ, но они были признаны виновными и присуждены къ тюремному заключенію, Винсентъ на годъ, Эдуардсъ на девять мѣсяцевъ, Диккенсонъ и Таунсгентъ на шесть мѣсяцевъ. Винсентъ просилъ разрѣшить ему книги и письменныя принадлежности, но получилъ въ отвѣтъ, что кромѣ религіозныхъ книгъ ему ничего не будетъ дано.

Аресты продолжались. Дигенъ былъ арестованъ за то, что на публичномъ митингѣ въ Рогделѣ совѣтовалъ народу вооружиться. Вилльямъ Бенбау, Джонъ Ливсей и Тимофей Буссъ тоже подверглись аресту. Первый за присутствіе на неразрѣшенномъ митингѣ, второй за упражненіе въ искусствѣ владѣть оружіемъ, а третій за храненіе оружія, и дѣло всѣхъ троихъ передано на разсмотрѣніе суда. Докторъ М'Дуэль и Джонъ Бредлей были также привлечены къ суду за присутствіе на незаконномъ митингѣ въ Гайдѣ.

Въ Дивайзѣ большое джюри возбудило преслѣдованіе противъ Робертса, Потса и Карьера; всѣ трое были арестованы за призывъ къ бунту и за присутствіе на незаконныхъ митингахъ; но никакого вниманія не было обращено на организованное нападеніе на чартистовъ въ Дивайзѣ толпою черни въ пятьсотъ человѣкъ, дѣйствовавшихъ подъ покровительствомъ высшихъ классовъ; толпа была вооружена камнями, кирпичами и ножами и жизни Винсента и другихъ грозила серьезная опасность.

Въ Стокпортѣ арестовали еще за подстрекательство къ возстанію Исаака Джонсона и Его Пр. В. Еслера; а въ Манчестерѣ за различныя политическія преступленія были арестованы Ричардсонъ, Смитъ, Тильманъ, Финней, Дойль и Его Пр. Джексонъ. Фиргусъ О'Конноръ тоже долженъ былъ предстать передъ судомъ въ Манчестерѣ, такъ какъ на Ливерпульскихъ ассизахъ противъ него было возбуждено пять обвиненій, и дѣло его передано на судъ присяжныхъ. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что въ то время, какъ съ рабочихъ за ихъ освобожденіе требовали залогъ въ 1000 фунтовъ, съ О'Коннора взяли только 600 фунтовъ, что вызвало нѣсколько презрительныхъ замѣчаній съ его стороны. У Бронтера О'Брайена не только былъ сдѣланъ обыскъ Ньюкастльскими властями, но изданъ былъ второй приказъ объ его арестѣ

въ Ланкаширѣ. Его схватили въ Лондонѣ и подвергли разнаго рода насиліямъ и оскорбленіямъ.

Въ Шеффильдѣ дѣла стали принимать зловѣщій оборотъ. Огромные митинги собирались ночью на открытомъ воздухѣ въ глубокомъ молчаніи. Войска разгоняли эти митинги, и многіе были арестованы за присутствіе на нихъ. Многочисленные аресты были произведены по всей Англіи во множествѣ округовъ. Никогда раньше въ наше время ни одно правительство не принимало такихъ рѣшительныхъ мѣръ для уничтоженія какой либо политической партіи, какъ это правительство Виговъ для уничтоженія чартистовъ. Когда рабочіе увидѣли, что ихъ право на собранія нарушено, они прибѣгли къ новому способу для показанія своей численности. Сотни, иногда и тысячи рабочихъ собирались по воскресеньямъ и заполняли церкви. По большей части они предупреждали объ этомъ священниковъ, прося ихъ произносить проповѣди на опредѣленные тексты какъ напримѣръ: „Мужъ работающій, первый да пользуется плодами рукъ своихъ“. „Не трудящійся, да не ястъ“ и другіе тексты въ подобномъ же родѣ. Но духовенство рѣдко соглашалось на ихъ просьбы. Священники предпочитали проповѣдывать пассивное послушаніе и презрѣніе ко всему земному. Но это только возмущало слушателей, и они не всегда могли воздержаться отъ выраженія своего негодованія при видѣ лицемѣрія людей, проповѣдующихъ такое ученіе и пользующихся, тѣмъ не менѣе, всѣми радостями роскошной жизни. Иногда чартисты приходили въ церковь въ такомъ количествѣ, что больше ни для кого не находилось мѣста. Они занимали скамейки лицъ привилегированнаго сословія, которымъ приходилось или уходить домой или стоять въ боковыхъ придѣлахъ, въ то время какъ происходила служба. Вслѣдствіе многочисленныхъ арестовъ, создался фондъ для защиты, и въ различныхъ городахъ были разосланы лица для сбора пожертвованій. Очень часто этотъ сборъ кончался только „черными записями“, такъ какъ лица, принимавшія пожертвованія, носили съ собою двѣ книги, одна изъ нихъ носила названіе „черной книги“ и въ нее вносились имена тѣхъ, кто отказывался отъ подписки.

Въ Лидсѣ были арестованы Уайтъ и Уильсонъ за угрозы лавочникамъ, къ которымъ они обратились за пожертвованіемъ. Джоржъ Уайтъ былъ рабочій, родомъ изъ Ирландіи и уже давно принималъ участіе въ радикальномъ движеніи. Онъ былъ извѣстенъ

своей непоколебимой настойчивостью и рѣшительностью, съ какой приводилъ въ исполненіе все, за что ни принимался. Онъ никогда не отказывался ни отъ какой работы, выпадавшей на его долю. Надо ли было произнести рѣчь на митингѣ, или написать отчетъ, или устроить подписку, онъ все дѣлалъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Онъ особенно охотно расправлялся съ полицейскими, и если-бы понадобилось, онъ навѣрно съ готовностью сталъ бы во главѣ возстанія, такъ какъ никогда не думалъ о личной безопасности. Главнымъ талантомъ Джоржа, какъ оратора, было его остроуміе и жгучій сарказмъ, который онъ выражалъ далеко не классическимъ языкомъ; но это-то и было въ высшей степени по вкусу людямъ его круга, хотя ни въ какомъ случаѣ не могло нравиться людямъ съ болѣе изысканными требованіями. Джоржъ никогда ничего не дѣлалъ на половину. Всякое дѣло, за которое онъ принимался, онъ доводилъ до конца. Никогда также онъ не унижался до обмана. Если онъ совершалъ какой-нибудь несправедливый поступокъ, всегда откровенно сознавался въ этомъ и защищался такъ смѣло, какъ будто онъ совершилъ какое-нибудь славное дѣло. Одинъ изъ его противниковъ обвинялъ его въ томъ, что онъ прибѣгнулъ къ некрасивымъ средствамъ для того, чтобы разбить его. Онъ отвѣчалъ: „Такъ что же, развѣ я не говорилъ, что разобью васъ, такъ я и сдѣлалъ". Можно вполнѣ справедливо упрекать Джоржа Уайта за отсутствіе какой бы то ни было благовоспитанности, но даже его злѣйшій врагъ не могъ бы обвинить его ни въ какой лжи. На послѣднее онъ былъ совершенно неспособенъ.

Комитетъ, выбранный Конвентомъ для собиранія свѣдѣній о возможности священнаго мѣсяца, продолжалъ свою работу и собиралъ всѣ свѣдѣнія для того, чтобы придти къ правильному рѣшенію вопроса. Полученныя имъ сообщенія привели его къ заключенію, что этотъ проектъ потерпѣлъ бы полную неудачу, если бы они захотѣли привести его въ исполненіе. Это было мнѣніемъ всѣхъ, несмотря на то, что три члена комитета высказывались за забастовку. На основаніи донесеній комитета Совѣтъ Конвента, 6 августа, принялъ слѣдующую резолюцію, предложенную Бронтеромъ О'Брайеномъ и поддержанную Фиргусомъ О'Конноромъ.

„На основаніи свѣдѣній, полученныхъ Совѣтомъ съ разныхъ концовъ государства, мы пришли единогласно къ тому убѣжденію,

что народъ не подготовленъ начать священный мѣсяцъ 12 августа. Тѣ же свѣдѣнія привели насъ къ убѣжденію, что большая часть рабочихъ различныхъ отраслей труда могутъ тѣмъ не менѣе оставить работу 12-го числа на два или на три дня, для того, чтобы посвятить это время торжественнымъ процессіямъ и торжественнымъ митингамъ для обсужденія современнаго ужаснаго состоянія страны и для разсмотрѣнія лучшихъ средствъ къ обузданію дикаго деспотизма, который грозитъ рабочему народу со стороны злодѣйскаго большинства высшихъ и среднихъ классовъ, живущихъ народнымъ трудомъ. Въ то же самое время мы просимъ объявить всей странѣ, что по мнѣнію Совѣта, профессіональные рабочіе, объединенные въ союзы, должны соединиться со своими болѣе несчастными собратіями для устройства большой національной, мирной демонстраціи 12-го числа; въ противномъ случаѣ страну невозможно будетъ спасти отъ кровавой революціи, которая, послѣ огромныхъ жертвъ какъ жизнью такъ и имуществомъ, должна привести рабочихъ къ полной зависимости отъ богатыхъ хищниковъ общества. При этихъ обстоятельствахъ мы просимъ всѣхъ нашихъ братьевъ-чартистовъ оставить проектъ о священномъ мѣсяцѣ, какъ вполнѣ непригодный въ настоящее время, и приняться за подготовку къ выполненію законныхъ постановленій, принятыхъ на 12-ое число. Мы просимъ также союзы рабочихъ, если они хотятъ спасти страну отъ потрясеній, а самихъ себя и свои семьи отъ разоренія, оказать своимъ несчастнымъ собратіямъ всякое, имѣющееся въ ихъ власти, содѣйствіе 12-го августа или раньше, для приведенія въ исполненіе великой и благодѣтельной задачи трехдневной забастовки".

Опубликованіе этой резолюціи положило конецъ проектамъ о національномъ праздникѣ, и въ чартистскихъ округахъ стали устраиваться многолюдныя собранія для составленія адреса на имя королевы, съ просьбой распустить ея совѣтниковъ и призвать новыхъ людей, которые бы облегчили страданія народа. 12-го августа не обошлось тѣмъ не менѣе безъ небольшихъ вспышекъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: въ Больтонѣ, Уигенѣ, Корлеѣ, Гендлеѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Но принимая во вниманіе настроеніе страны, можно сказать, что старанія Конвента предупредить пролитіе человѣческой крови увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Конвентъ отправилъ Фиргуса О'Коннора на большой делегатскій митингъ въ Глазго, собравшійся 21 августа. На немъ при-

сутствовало 57 делегатовъ. Делегаты дали отчетъ о состоянiи городовъ, представителями которыхъ они являлись. Изъ этихъ отчетовъ было видно, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чартисты были готовы прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, большинство стояло исключительно за моральную агитацiю въ соединенiи только съ нѣкоторыми наиболѣе мелкими крайними мѣрами, принятыми Конвентомъ. Почти всѣ были противъ священнаго мѣсяца и большинство жалѣло о недостаткѣ организацiи. О'Конноръ и Месонъ изъ Ньюкастля изложили положенiе вещей въ Англiи и были встрѣчены громкими аплодисментами. Нельзя было сомнѣваться, что, если и находились восторженные люди, готовые на все для пользы дѣла, даже на священный мѣсяцъ и на принесенiе въ жертву своей собственной жизни, огромное большинство не было подготовлено даже къ другимъ, болѣе легко выполнимымъ, крайнимъ мѣрамъ. Только немногiе выполняли ихъ. Но, вообще говоря, они не встрѣтили сочувствiя среди народа, и Конвентъ скоро увидѣлъ, что ему ничего не остается, какъ разойтись. Силы его были значительно ослаблены арестами и выходомъ изъ его состава многихъ членовъ. Со времени перваго собранiя Конвента до его закрытiя изъ его состава вышло не менѣе двадцати одного члена *), а выбранные вмѣсто нихъ пять или шесть членовъ никогда не появлялись на засѣданiяхъ. Такимъ образомъ, не смотря на то, что нѣкоторые изъ вакантныхъ мѣстъ были заполнены, партiя чартистовъ сильно ослабѣла, такъ какъ выходъ изъ состава Конвента нѣкоторыхъ его членовъ, положилъ начало къ разъединенiю въ различныхъ мѣстностяхъ, гдѣ до этихъ поръ царствовала гармонiя и сила. Въ силу всѣхъ этихъ условiй на засѣданiи Конвента, 6 сентября, О'Брайенъ внесъ предложенiе о распущенiи Конвента. Его предложенiе было поддержано докторомъ Тейлоромъ; одиннадцать вотировало за, одиннадцать противъ. Но Фростъ, предсѣдатель, подалъ рѣшающiй голосъ за распущенiе **). Такъ закончился

*) Фамилiи этихъ лицъ слѣдующiя: Коббетъ, докторъ Уедъ, Дугласъ, Сольдъ, Гэдлей, Пирсъ, Матьюсъ, Крэгъ, Ланкей, Ро, Уудъ, Гудъ, Гаррисъ, Уитль, Файтъ, Р. Ж. Ричардсонъ, Райдеръ, А. Галлей, Джиль, Финней и Мильсъ.

**) За распущенiе вотировали: Буссе, Скевингтонъ, Ричардсъ, Барри, Джонсъ, Кардо, Питкетли, О'Брайенъ, Гарней, Гезерингтонъ, Фростъ и докторъ Тейлоръ. Противъ были—Бернсъ, Лоурей, Нисомъ, Гардуэль, О'Конноръ, Вольстонгольмъ, Карпентеръ, Джаксонъ, Смартъ, Джемсъ Тейлоръ и Диганъ.

первый Конвентъ. Среди его членовъ было много высокодаровитыхъ людей, но коренная разница во взглядахъ на тактическіе пріемы борьбы привела принятую ими на себя великую миссію къ роковымъ результатамъ. Огромною ошибкою Конвента было стремленіе дѣйствовать, не обладая достаточной властью для обезпеченія успѣха. Часть Конвента состояла изъ медлительныхъ и робкихъ людей, другая часть, напротивъ, изъ лицъ слишкомъ горячихъ и стремительныхъ, а лицъ, обладавшихъ необходимой энергіей для успѣха дѣла и для поддержанія равновѣсія между двумя крайностями, было слишкомъ мало для того, чтобы направить потокъ общественнаго мнѣнія по правильному руслу. Большинство постоянно колебалось между страхомъ передъ опасностью съ одной стороны и страхомъ передъ обвиненіемъ въ трусости съ другой. Незначительное количество подписей подъ петиціей служило доказательствомъ, что предстояла еще большая работа для пріобрѣтенія сторонниковъ чартизма, и если бы члены Конвента вмѣсто того, чтобы навязывать крайнія мѣры не подготовленному еще для этого народу, дѣятельно принялись бы за пропаганду, они сдѣлали бы въ пятьдесятъ разъ больше и безъ малѣйшей доли тѣхъ неудачъ, которыя потерпѣла принятая ими тактика. Но во всякомъ случаѣ эти неудачи могли бы быть еще гораздо большими; неослабная настойчивость О'Брайена и немногихъ другихъ спасла страну отъ ужасной рѣзни, которая неизбѣжно должна была бы послѣдовать, если бы священный мѣсяцъ былъ принятъ. Если у Конвента были свои недостатки, то у него были и свои достоинства: многіе изъ его членовъ обнаружили такую энергію, такую непреклонную рѣшимость, такой патріотизмъ, что заслужили себѣ уваженіе и восхищеніе всѣхъ лучшихъ людей и ихъ усилія надолго останутся въ памяти тысячей ихъ соотечественниковъ.

Еще до распущенія Конвента состоялся судъ надъ многими лидерами чартистскаго движенія. Помимо уже осужденныхъ въ Варвикѣ и въ Монгомери, многіе были осуждены на ассизахъ въ Чесерѣ. Незадолго до всѣхъ этихъ происшествій Джозефъ Рейнеръ Стефенсъ сталъ гораздо болѣе умѣреннымъ въ своихъ выраженіяхъ, и въ своей послѣдней проповѣди, произнесеннойназадолго до предстоявшаго ему суда, онъ круто повернулъ въ другую сторону. Вмѣсто того, чтобы проповѣдовать доктрину о сопротивленіи, составлявшую раньше суть всѣхъ его рѣчей, онъ убѣждалъ

своихъ слушателей быть довольными всѣмъ, что бы ни выпало на ихъ долю. Эта удивительная перемѣна вызвала лишь легкое выраженіе неудовольствія. Такое уваженіе, какимъ былъ окруженъ Стефенсъ, не разрушается въ одинъ день и, вообще говоря, на это обстоятельство почти не было обращено вниманія. Ему предстояли испытанія за его прежнія обличительныя рѣчи противъ гнета, и эта мысль превозмогала всѣ другія въ умахъ его слушателей. Дѣло его разбиралось въ Честерѣ, 15-го Августа, спеціальнымъ джюри, подъ предсѣдательствомъ М-ра Паттисона. Онъ самъ велъ свою защиту, не обращаясь къ помощи адвокатовъ, и въ своей рѣчи, продолжавшейся пять часовъ, отказался отъ радикальныхъ принциповъ, противъ которыхъ, какъ онъ увѣрялъ присяжныхъ, онъ всегда боролся всѣми силами. Онъ говорилъ главнымъ образомъ о новомъ законѣ о бѣдныхъ и старался доказать властямъ, что этому закону нельзя было повиноваться, такъ какъ онъ находился въ полномъ противорѣчіи съ священнымъ писаніемъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы заставить забыть рѣзкость своихъ выраженій. Несмотря на все свое краснорѣчіе, онъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ тюремному заключенію на полтора года. Но тѣмъ не менѣе со Стефенсомъ обращались совсѣмъ иначе чѣмъ съ другими. Ему были разрѣшены всѣ удобства, какими только можно было пользоваться въ тюрьмѣ.

На тѣхъ же самыхъ ассизахъ разбиралось дѣло доктора М'Дуэля и Брадлея изъ Гайда за подстрекательство къ возстанію и за присутствіе на незаконномъ митингѣ подъ предсѣдательствомъ Брадлея. М'Дуэль тоже защищался самъ; онъ произнесъ рѣчь, продолжавшуюся четыре часа и по своей силѣ, краснорѣчію и смѣлости не только не уступавшую лучшимъ защитительнымъ рѣчамъ чартистскихъ подсудимыхъ, но даже превосходившую ихъ. Онъ далъ самую потрясающую картину тяжелыхъ условій жизни рабочаго класса и съ большимъ умомъ коснулся прежняго образа дѣйствія своихъ преслѣдователей, совершавшихъ раньше, пока они не находились на службѣ, такіе же проступки, въ которыхъ теперь обвиняли его. Но сила его краснорѣчія послужила ему только во вредъ. Предсѣдатель суда заявилъ, что отпускать на свободу человѣка съ такимъ талантомъ было бы въ высшей степени опасно. Оба подсудимые были признаны виновными и приговорены къ тюремному заключенію: Брадлей на восемь мѣсяцевъ,

а М'Дуэль на годъ. Для того, чтобы осложнить дѣло М'Дуэля, большое жюри предъявило къ нему во время судебнаго разбирательства второе обвиненіе за участіе въ заговорѣ, и это заставило его спросить: „Могъ ли онъ ожидать какой-нибудь справедливости отъ такого суда?“

Томсонъ, оружейный мастеръ въ Бирмингамѣ, Митчеръ и Девисъ изъ Стокпорта и Хиггинсъ изъ Аштона обвинялись въ бунтѣ, въ участіи въ нелегальныхъ митингахъ, въ подстрекательствѣ къ нарушенію общественнаго спокойствія и незаконномъ ношеніи оружія. Большое жюри требовало, чтобы къ обвиненію былъ прибавленъ еще пунктъ о государственной измѣнѣ, но это было отклонено предсѣдателемъ суда. Всѣ подсудимые были признаны виновными и приговорены къ тюремному заключенію на полтора года. Дѣло другихъ двѣнадцати заключенныхъ было перенесено на другую сессію. Въ Ливерпулѣ шли также дѣятельные аресты. Джонъ Гольмсъ осужденъ за то, что шелъ впереди процессіи, неся красную шапку на шестѣ. Эдуардъ Райлей за обученіе военнымъ пріемамъ и за участіе въ бунтѣ около Манчестера. Т. Редкливъ обвинялся въ заговорѣ къ возстанію и участіи въ бунтѣ въ Вигенѣ, но былъ признанъ виновнымъ только въ послѣднемъ. Дж. Ферплей судился за незаконное употребленіе оружія и былъ осужденъ. Еще отъ двадцати до тридцати лицъ судились за различные проступки такого же характера и всѣ были признаны виновными. Ихъ приговорили къ тюремному заключенію на различные сроки. Дѣла многихъ другихъ обвиняемыхъ были перенесены на слѣдующую сессію.

Не смотря на яростное преслѣдованіе правительства, чартисты продолжали устраивать митинги, хотя по большей части въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Около этого времени была сдѣлана попытка вызвать движеніе въ Ирландіи. Въ Дублинѣ уже была небольшая группа чартистовъ, во главѣ которой стоялъ купецъ Патрикъ О'Хиггинсъ. Д. Лоурей получилъ приглашеніе пріѣхать въ этотъ прекрасный городъ, и въ честь его пріѣзда былъ устроенъ митингъ. Но О'Коннель поднялъ тревогу, и грубая толпа угольщиковъ ворвалась на митингъ и подняла страшный шумъ. Лоурея невозможно было разслышать, и ему грозила опасность подвергнуться насилію. Тогда онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ великодушію ирландскаго характера и, обратившись къ главному руководителю толпы, человѣку огромныхъ размѣровъ, сказалъ:

„Вы видите, я хромой. Я становлюсь подъ вашу защиту". Тотъ сейчасъ-же схватилъ Лоурея за руку и воскликнулъ: „Пойдемъ со мной, мой мальчикъ, и пусть будетъ проклятъ тотъ, кто осмѣлится дотронуться до тебя", и вывелъ его изъ толпы вполнѣ невредимымъ.

Послѣ распущенія Конвента, докторъ Тейлоръ провелъ довольно много времени на сѣверѣ, такъ какъ бирмингамскія власти прекратили дѣло противъ него. Онъ говорилъ на многочисленныхъ митингахъ въ Карлейлѣ, Ньюкастлѣ и окрестностяхъ и попрежнему выражалъ надежду на успѣхъ движенія. На одномъ изъ ньюкастльскихъ митинговъ произошелъ забавный инцидентъ. Карлейльскія власти издали приказъ объ его арестѣ и полицейскіе пріѣхали въ Ньюкастль, чтобы взять его. Увидѣвъ объявленіе объ его лекціи, они рѣшили схватить его при входѣ въ залъ. Но докторъ узналъ объ ихъ намѣреніи и не пришелъ, а Бирней, одѣвшись въ платье доктора, отправился въ лекціонный залъ. Полицейскіе, думая, что добыча въ ихъ рукахъ, улучили удобную минуту и арестовали его. Прошло нѣкоторое время прежде, чѣмъ полиція узнала о своей ошибкѣ, вызвавшей большое веселье на митингѣ. Джуліанъ Гарней тоже появился на сѣверѣ, послѣ распущенія Конвента; онъ попрежнему находился на свободѣ, такъ какъ съ него взяли только обязательство явиться въ Варвикъ, когда его туда вызовутъ; а это было равносильно прекращенію преслѣдованія. Питеръ Буссе поддерживалъ демократическій духъ въ окрестностяхъ Брэдфорда, произнося рѣчи на митингахъ какъ въ самомъ Брэдфордѣ, такъ и въ окрестныхъ городахъ. Фиргусъ О'Коннoръ тоже не бездѣйствовалъ: онъ посѣтилъ Шеффильдъ, Ноттингемъ и множество другихъ городовъ, и вездѣ былъ встрѣченъ съ обычнымъ восторгомъ, всегда сопровождавшимъ его энергичную дѣятельность. Въ Доргемскомъ графствѣ Виллъямсъ и Биннсъ, несмотря на предписаніе объ ихъ арестѣ, разъѣзжали по округу и поддерживали еще горѣвшій огонь агитаціи. Во всѣхъ радикальныхъ мѣстностяхъ страны демократы, повидимому, рѣшили продолжать агитацію и, если возможно, обезпечить успѣхъ дѣлу. Докторъ Тейлоръ былъ затѣмъ арестованъ и долженъ былъ дать подписку въ томъ, что явится на судъ. Чтобы показать, до какихъ предѣловъ доходило правительство въ желаніи раздавить каждаго вліятельнаго лидера, необходимо замѣтить, что оно предложило черезъ посредство мѣстныхъ властей сто фунтовъ издателю

„Карлейльскаго патріота“ (Carlisle Patriot), для того, чтобы заставить его показывать противъ доктора. Само собою разумѣется, издатель отнесся къ предложенію со всѣмъ тѣмъ презрѣніемъ, котораго оно заслуживало. Фиргусъ О'Коннорь, недовольный распущеніемъ Конвента, предложилъ планъ для организаціи другого учрежденія изъ двадцати одного члена: тринадцать отъ Англіи и Уэльса и восемь отъ Шотландіи. Тринадцати англійскимъ депутатамъ онъ предложилъ платить по два фунта въ недѣлю каждому изъ доходовъ „Сѣверной Звѣзды“, но его предложеніе встрѣтило очень мало сочувствія, такъ какъ въ немъ увидѣли желаніе воспользоваться движеніемъ для своихъ личныхъ цѣлей. Излишне говорить, что такого рода учрежденіе должно было бы неизбѣжно руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ желаніями Фиргуса О'Коннора, а не желаніями своихъ избирателей. Чартистское движеніе превратилось бы такимъ образомъ въ движеніе Фиргуса О'Коннора. Но у представителей чартистовъ сохранилось еще достаточно чувства собственнаго достоинства, чтобы оградить себя отъ такого униженія.

ГЛАВА VIII.

Возстаніе въ Уэльсѣ.

Вскорѣ послѣ происшествій, отмѣченныхъ въ предыдущей главѣ, случилось одно событіе, передъ которымъ стушевались всѣ другія событія чартистскаго движенія. Не надо забывать, что на Ливерпульскомъ обѣдѣ самъ лордъ Джонъ Россель указалъ въ своей рѣчи, что всякая попытка подавить общественное мнѣніе грозитъ опасностью для страны. Его предсказанія уже оправдались на злополучныхъ вспышкахъ въ Бирмингамѣ и въ другихъ мѣстахъ, вспышкахъ, грозившихъ принять теперь болѣе широкіе размѣры. Обширные рудокопные округи Уэльса погрузились, повидимому, въ полную апатію. Публичные митинги были прекращены, но массы въ дѣйствительности не успокоились, а только таили свое озлобленіе. Негодованіе народа еще болѣе усилилось, когда стало извѣстно, что монмутскія власти обращаются съ Винсентомъ и съ другими заключенными чартистами съ возмутительной жестокостью. Имъ выдавалась пища и одежда самыхъ послѣднихъ преступниковъ и ихъ подвергали той-же дисциплинѣ. Фростъ обращался съ разнаго рода ходатайствами и дѣлалъ все, что могъ, чтобы улучшить положеніе заключенныхъ, но всѣ его усилія ни къ чему не привели: преслѣдователи были неумолимы. Рабочій классъ въ Уэльсѣ одаренъ, какъ мы уже раньше замѣтили, горячимъ великодушнымъ сердцемъ. Это суровое, безпримѣрное обращеніе глубоко возмущало его, и народное негодованіе скоро достигло самаго напряженнаго состоянія. Ньюпортскія власти получили свѣдѣнія, что готовится сильное движеніе. Они приняли это къ свѣдѣнію. Можетъ быть, вполнѣ справедливо утвержденіе, что они посредствомъ своихъ агентовъ сами принимали участіе въ организаціи этого движенія

для того, чтобы нанести ударъ чартизму. Какъ бы тамъ ни было, утромъ 4 ноября 1839 года, съ холмовъ этого округа можно было видѣть огромную толпу рабочихъ, направлявшуюся къ Ньюпорту. Численность этой толпы трудно опредѣлить съ точностью, такъ какъ мнѣнія по этому вопросу были различны и противорѣчивы. *Times* утверждалъ, что всѣхъ было восемь тысячъ, *Morning Chronicle*—десять тысячъ, а по другимъ свѣдѣніямъ всего было двадцать тысячъ. Чартисты говорили, что въ толпѣ участвовало десять тысячъ человѣкъ, и это, по всему вѣроятію, самая точная цифра. Все это огромное количество людей собралось ночью, не смотря на то, что стихіи были противъ нихъ: лилъ сильный дождь, и они промокли до костей. Значительное количество было вооружено. Одни были съ ружьями, другіе съ пиками, третьи съ вилами, четвертые съ дубинами, но многіе явились безъ всякаго оружія, кромѣ даннаго природой. Вся эта масса людей двигалась сквозь мрачную темноту ноябрьской ночи, останавливаясь передъ трактирами для подкрѣпленія и снова принимаясь шагать къ мѣсту своего назначенія, къ городу Ньюпорту, куда они пришли около девяти часовъ утра въ сопровожденіи Фроста, ихъ делегата въ Конвентѣ. Въ чемъ заключался планъ ихъ дѣйствій, нельзя въ точности понять изъ противорѣчивыхъ показаній, данныхъ на слѣдствіи и на судѣ, но одной изъ ихъ задачъ было освобожденіе Винсента и его товарищей по заключенію, грубое обращеніе съ которыми въ тюрьмѣ вызывало такое негодованіе и ужасъ народа. Въ тюрьмѣ былъ поставленъ отрядъ отъ 45 полка, и вся толпа съ громкими криками направилась туда. Дойдя до тюрьмы, они тотчасъ же начали аттаку. Городскія власти, полиція и спеціальные констебли были обращены въ бѣгство и искали спасенія въ тюрьмѣ. Солдаты стояли у оконъ и народъ сталъ стрѣлять въ окна. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ показаній, огонь былъ открытъ какимъ-то человѣкомъ, по свѣдѣніямъ, дезертиромъ 45 полка, убитымъ наповалъ въ стычкѣ. Солдаты, само собою разумѣется, отвѣтили на выстрѣлы. Занимая такую удобную позицію, они могли стрѣлять съ полнымъ успѣхомъ, не подвергаясь сами почти никакой опасности, и въ результатѣ, не болѣе какъ черезъ двадцать минутъ, десять чартистовъ были убиты наповалъ и около пятидесяти ранено: многіе очень тяжело, а нѣкоторые даже опасно. Не будучи болѣе въ состояніи стоять подъ выстрѣлами, они сдѣлали попытку прорваться въ тюрьму. Можетъ быть, это имъ и удалось бы, если бы они съ этого

начали, но теперь было уже поздно. Большая часть изъ нихъ разбѣжалась, а оставшіеся были разбиты. Однимъ изъ павшихъ въ этой аттакѣ былъ юноша, энтузіазмъ и мужество котораго не могутъ не вызвать восхищенія даже самыхъ ярыхъ противниковъ движенія. Его звали Шель. Что вся его душа принадлежала движенію, и что онъ былъ одушевленъ самыми чистыми стремленіями къ свободѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго письма его къ родителямъ:

„Понтипуль, воскресенье вечеромъ,
4-го ноября, 1839 года“.

„Дорогіе родители! Я надѣюсь, что это письмо найдетъ васъ въ такомъ же полномъ здоровьѣ, въ какомъ я нахожусь сейчасъ. Сегодня ночью я иду въ славный бой за свободу. Если Богу будетъ угодно сохранить мою жизнь, я скоро снова увижу васъ, а если нѣтъ — не горюйте обо мнѣ. Я умру за благородное дѣло. Прощайте!

Преданный вамъ
Джоржъ Шель“.

Этому юношѣ только что исполнилось восемнадцать лѣтъ, и если въ похвалу героевъ деспотизма пишутся цѣлые тома, то великая и мужественная преданность дѣлу этого юнаго апостола свободы, отдавшаго ей въ жертву свою жизнь, достойна того, чтобы занять мѣсто въ исторіи.

Это злополучное событіе привело весь Ньюпортскій округъ въ состояніе самаго крайняго возбужденія. За арестъ Фроста было предложено сто фунтовъ. Въ его домѣ тотчасъ же былъ сдѣланъ обыскъ, но безъ всякихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе власти захватили всѣ бумаги, попавшія въ ихъ руки. Въ эту же ночь они явились съ обыскомъ въ домъ ньюпортскаго типографа Патриджа и, открывъ силою дверь, прежде всего увидѣли Фроста, котораго и арестовали вмѣстѣ съ Патриджемъ и еще третьимъ лицомъ, по имени Уотерсъ. Фростъ казался очень спокойнымъ и сдержаннымъ и, прежде чѣмъ послѣдовать за офицерами, закусилъ хлѣбомъ съ сыромъ и выпилъ пива. За этимъ арестомъ послѣдовало нѣсколько другихъ. Арестованъ былъ, между прочимъ, Генри, сынъ Фроста, подростокъ четырнадцати лѣтъ, за участіе въ толпѣ,

произведшей аттаку, а также Зефанія Виллььямсъ и Вилльямъ Джонсъ — обвиняемые въ томъ, что они предводительствовали другими отрядами чартистовъ, которые должны были соединиться съ главнымъ отрядомъ въ Ньюпортѣ, но вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ запоздали. Немедленно была учреждена Спеціальная Коммиссія для разслѣдованія дѣла многочисленныхъ подсудимыхъ, и были приняты всѣ мѣры, чтобы возстановить общественное мнѣніе, главнымъ образомъ, противъ Фроста и противъ членовъ его семьи. Утверждали даже, будто бы м-ссъ Фростъ и ея дочери были среди инсургентовъ въ Блеквудѣ, переодѣтыя крестьянками. Другіе увѣряли, что онѣ махали платками изъ оконъ во время аттаки тюрьмы, и безстыдная печать старалась распространять эти слухи, не заключавшіе въ себѣ ни слова правды. Цѣль же распространенія подобныхъ вымысловъ достаточно ясна. Если бы движеніе имѣло успѣхъ, то, будь всѣ эти слухи даже справедливы, а не ложны, тѣ же самыя газеты трубили бы объ этихъ благородныхъ женщинахъ, какъ о героиняхъ и требовали бы награды за ихъ патріотизмъ. Вотъ справедливость печати! *Times* имѣлъ низость прибѣгнуть къ диффамаціямъ, приписывая Фросту жестокость и безпринципность, оскорбительныя для всякаго сторонника справедливости и гуманности.

„Нашъ собственный корреспондентъ" откапывалъ всѣ мельчайшія подробности изъ жизни Фроста, изображая все въ самомъ ужасномъ свѣтѣ, чтобы внушить къ нему отвращеніе; газета печатала одну передовицу за другой, требуя крови жертвъ, для утоленія своей страстной жажды мщенія. *Times* признала Джона Фроста виновнымъ задолго до суда и подготовляла вердиктъ для присяжныхъ засѣдателей. Отступникъ О'Коннель внесъ свою долю участія въ распространеніи всѣхъ этихъ вымысловъ, и хотя въ той же рѣчи, въ которой онъ обвинялъ Фроста, онъ заявилъ, что скорѣе уйдетъ въ сраженіе, чѣмъ допуститъ, чтобы Ирландія управлялась Торіями, онъ въ то же время предлагалъ 500.000 человѣкъ изъ своей арміи моральной силы для уничтоженія чартистовъ. Вотъ до чего доходилъ этотъ представитель политическаго лицемѣрія. Недоставало еще одного голоса въ общемъ хорѣ нападокъ на этихъ заранѣе обреченныхъ жертвъ. Этотъ пробѣлъ заполнилъ смиренный и кроткій священникъ, произнесшій проповѣдь судьямъ передъ открытіемъ Спеціальной Комиссіи. Досто-

почтенный проповѣдникъ употребилъ всѣ усилія, чтобы внушить своимъ слушателямъ твердую увѣренность въ виновности лицъ, которыхъ Комиссіи предстояло судить. Власти со своей стороны употребляли всѣ средства, чтобы уничтожить появленіе чего-бы то ни было, носившаго имя чартизма. Газета Винсента *Western Vindicator*, имѣвшая широкое распространеніе въ Уэльсѣ, арестовывалась вездѣ, гдѣ ее только находили и, въ концѣ концовъ, должна была прекратиться. Огромнымъ преступленіемъ со стороны *Vestern Vindicator* былъ призывъ, обращенный къ чартистамъ, употребить всѣ средства для спасенія Фроста и его товарищей по заключенію отъ безчеловѣчной смерти. Винсентъ изъ тюрьмы послалъ для напечатанія письмо; онъ говорилъ, что единственная возможность добиться успѣха—это заявить обвинителямъ, что если они произнесутъ смертный приговоръ, то этимъ обрекутъ на смерть и себя. Всѣ чартисты принимали самое горячее участіе въ заключенныхъ. Были устроены комитеты защиты: О'Конноръ, О'Брайенъ, Гарней, Тейлоръ и другіе лидеры защищали ихъ на митингахъ. Начался притокъ пожертвованій. О Конноръ отдалъ на это дѣло весь недѣльный доходъ со „Звѣзды". Было рѣшено обратиться къ лучшимъ адвокатамъ. Въ Лондонѣ для обсужденія дѣла собрался Конвентъ и было рѣшено употребить всевозможныя средства, чтобы добиться оправдательнаго вердикта для подсудимыхъ.

По мѣрѣ того, какъ приближалось время суда Специальной Комиссіи, волненіе и возбужденіе среди общества увеличивалось. Отряды кавалеріи разъѣзжали въ окрестностяхъ Монмута, чтобы препятствовать сборищамъ возбужденнаго народа, а 6 ноября, въ день открытія Комиссіи, въ скверѣ былъ произведенъ смотръ войскамъ. Всѣ улицы, прилегавшія къ зданію суда, были заняты солдатами, а также лондонской и монмутской полиціей. Желающихъ попасть на засѣданіе суда было такъ много, что власти находились въ большомъ затрудненіи. Въ половинѣ девятаго утра тюремная карета привезла узниковъ изъ тюрьмы въ судъ. Семнадцать всадниковъ, вооруженныхъ копьями, охраняли ее, и по улицамъ были разставлены войска, чтобы не допустить приближеніе народа. Подсудимые, числомъ тринадцать, вышли изъ повозки; Фроста ввели въ судъ въ сопровожденіи тюремщика; другіе были раздѣлены на двѣ партіи, по шести человѣкъ въ каждой, скованные вмѣстѣ и съ кандалами на рукахъ. У всѣхъ былъ бодрый и

вполнѣ спокойный видъ. Верховные судьи сэръ Николай Тиндаль, М-ръ Бэронъ Паркъ и сэръ Джонъ Виллньямсъ прибыли въ десять часовъ. Представителями короны были сэръ Джонъ Кембель, генералъ-атторней, сэръ Томасъ Уайтъ, генералъ соллиситоръ, сэръ Тельфордъ, сэръ Ледло, Уайтсайтъ и Тальботъ; а защитниками подсудимыхъ — сэръ Фредерикъ Поллокъ, Фицрой Келли и Томасъ. Фиргусъ О'Конноръ занялъ мѣсто около защитниковъ подсудимыхъ. Подсудимые, перечисленные по именамъ, были: Джонъ Фростъ, Чарльсъ Уотерсъ, Джонъ Ловель, Ричардъ Бенфильдъ, Джонъ Рисъ, Джоржъ Тернеръ, Зефаній Виллльямсъ, Эдмундъ Эдмондсъ, Джекобъ Морганъ, Соломонъ Бритонъ, Вилльямсъ Джонсъ, Джемсъ Остъ и Давидъ Джонсъ. Никто изъ обвиняемыхъ не призналъ себя виновнымъ, и они просили разрѣшить имъ отводъ присяжныхъ каждому въ отдѣльности. Были перечислены фамиліи многочисленныхъ присяжныхъ засѣдателей, и адвокаты подсудимыхъ просили объ отводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. При имени одного присяжнаго засѣдателя генералъ-атторней со своей стороны заявилъ просьбу объ отводѣ его отъ имени короны, на что сэръ Фредерикъ Поллокъ замѣтилъ, что, если корона будетъ произвольно отводить каждаго присяжнаго, то составъ присяжныхъ можетъ оказаться въ такомъ составѣ, что у подсудимыхъ не будетъ никакой надежды на справедливость, но судьи не приняли во вниманіе его протеста *). На слѣдующій день генералъ-атторней хотѣлъ начать обвиненіе противъ Фроста, но былъ остановленъ сэромъ Фредерикомъ Поллокомъ, заявившимъ, что было бы безполезно начинать дѣло, относительно котораго не имѣлось никакихъ явныхъ уликъ. Затѣмъ онъ сказалъ, что судебное разбирательство не можетъ состояться, такъ какъ не были соблюдены законныя судебныя формальности. По закону требовалось, чтобы копія съ обвинительнаго акта, списокъ присяжныхъ засѣдателей и списокъ свидѣтелей были представлены подсудимому въ одно и то же время, за десять дней до начала суда. Въ данномъ случаѣ, списокъ свидѣтелей не былъ представленъ вмѣстѣ съ другими доку-

*) Въ концѣ концовъ, слѣдующія лица принесли присягу въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей: Джонъ Даніель, Томасъ Девисъ, Ричардъ Льюисъ, Эдуардъ Бритль, Джемсъ Холлинсъ, Томасъ Джонсъ, Эдуардъ Рисъ, Эдмундъ Смитъ, Христофоръ Джонъ, Вильямъ Вильямсъ, Джонъ Ричардсъ и Джонъ Кепель Смитъ.

ментами и, по мнѣнію совѣта адвокатовъ, при такихъ условіяхъ дѣло не могло разбираться. Замѣчаніе было оставлено сначала безъ вниманія, но когда вызвали перваго свидѣтеля, сэръ Фредерикъ снова повторилъ свой протестъ и, въ концѣ концовъ, было рѣшено продолжать судебное разбирательство, а рѣшеніе этого вопроса отдать на разсмотрѣніе судьямъ.

На слѣдующій день было вызвано множество свидѣтелей. Когда къ столу подошелъ первый свидѣтель Самюель Симонсъ, сэръ Фредерикъ Поллокъ не хотѣлъ допустить его до показаній, такъ какъ не было въ точности установлено его мѣстожительство. Но это замѣчаніе также не было принято во вниманіе. Всѣхъ свидѣтелей было вызвано больше тридцати семи и, зная, кто были эти свидѣтели, невозможно удержаться отъ подозрѣнія, что правительство или само принимало мѣры въ организаціи этой вооруженной демонстраціи, или же потомъ воспользовалось своимъ вліяніемъ, чтобы заставить лицъ, участвовавшихъ въ движеніи, давать показаніе противъ своихъ же товарищей, такъ какъ не менѣе двадцати пяти свидѣтелей дали что называется Queen's evidence: другими словами, они сами принимали бо̀льшее или меньшее участіе въ демонстраціи. Что власти сами содѣйствовали тайнымъ образомъ возстанію, въ этомъ тогда почти не сомнѣвались. Свидѣтели показывали, напримѣръ, что одинъ неизвѣстный человѣкъ, въ лакированной шляпѣ призывалъ одинъ изъ первыхъ къ возстанію и затѣмъ исчезъ. Адвокаты подсудимыхъ подвергли нѣкоторыхъ свидѣтелей перекрестному допросу. Когда слѣдствіе было закончено, сэръ Фредерикъ Поллокъ произнесъ въ защиту Фроста рѣчь, продолжавшуюся шесть часовъ. Онъ упомянулъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ объ огромныхъ демонстраціяхъ, которыя устраивали Виги, агитируя за реформы и сравнивалъ эти демонстраціи съ демонстраціей Фроста. Въ отвѣтъ на показаніе одного свидѣтеля, что будто-бы у подсудимыхъ было намѣреніе овладѣть Ньюпортомъ, взорвать мостъ и затѣмъ прекратить сообщеніе между Уэльсомъ и Бирмингамомъ, сэръ Фредерикъ указалъ на то, что Ньюпортскій дилижансъ шелъ только до Портъ-Ферри, а тамъ другой дилижансъ отправлялся изъ Ферри въ Бристоль и третій изъ Бристоля до Бирмингама, а изъ этого было ясно, какъ нелѣпы были предположенія, будто бы остановка ньюпортскаго дилижанса могла быть сигналомъ для бирмингамскаго населенія. Онъ сказалъ, затѣмъ, что цѣлью демонстраціи было освобожденіе Генри Винсента и подтвердилъ это

многочисленными ссылками на различныя данныя о движеніи, выяснившіяся во время разбирательства дѣла. Сэръ Фредерикъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Хотя я совершенно расхожусь во мнѣніяхъ съ такъ называемыми чартистами, но долженъ тѣмъ не менѣе отдать имъ справедливость и сказать, что чартизмъ не только не измѣна, но даже и не возстаніе, какъ это думаютъ въ обществѣ. Я пойду дальше: какое бы роковое вліяніе ни сказало, по моему мнѣнію, установленіе принциповъ чартизма на счастіе, довольство и благосостояніе нашей родины, я все же долженъ замѣтить, что если, когда-нибудь, огромная часть интеллигенціи и народа проникнется этими принципами, если главныя силы и нервы общества и интеллигенція, руководящая этой силой, рѣшатся принять чартистскую программу, то она, конечно, будетъ принята такъ же, какъ былъ принятъ Билль о Реформѣ и бороться противъ нея тогда было бы напрасно“.

По окончаніи этой рѣчи Келли допросилъ свидѣтелей защиты и произвелъ очную ставку между ними и свидѣтелями отъ обвиненія. Одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что нѣкоторыя лица изъ вооруженной толпы напали на офицеровъ тюрьмы съ восклицаніями: „Сдавайтесь намъ плѣнными“. А свидѣтель отъ защиты показалъ, что они кричали: „Отдайте намъ нашихъ плѣнныхъ“, имѣя въ виду заключенныхъ въ тюрьмѣ. Это послѣднее показаніе было дано Ньюпортскимъ констеблемъ. Многіе свидѣтели говорили о благородномъ, гуманномъ характерѣ Фроста. На слѣдующій день въ защиту Фроста произнесъ краснорѣчивую рѣчь Фицрой Келли, говорившій пять съ половиною часовъ. Фроста спросили, не хочетъ ли онъ что-либо добавить къ защитѣ своихъ адвокатовъ, но онъ заявилъ, что вполнѣ доволенъ ихъ защитой и не имѣетъ ничего сказать. Затѣмъ произнесъ рѣчь генералъ-соллиситоръ, стараясь выдвинуть всякую мелочь, свидѣтельствовавшую противъ подсудимаго. Показанія одного изъ свидѣтелей нѣкоего Гарриса онъ даже не коснулся, такъ какъ оно было въ пользу подсудимыхъ. Во время всей своей рѣчи, продолжавшейся по нѣсколько часовъ въ теченіе двухъ дней, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы добиться обвинительнаго вердикта. Со времени знаменитаго Джефриса въ залахъ суда почти никогда не раздавалась рѣчь, дышавшая такой ненавистью. Послѣ того, какъ предсѣдатель резюмировалъ показанія, присяжные удалились и

послѣ короткаго, получасового совѣщанія вынесли обвинительный приговоръ вмѣстѣ съ просьбой о смягченіи наказанія. Обвинительный приговоръ вызвалъ большое разочарованіе въ публикѣ, которая надѣялась и ждала, что Фростъ будетъ оправданъ по главному пункту обвиненія; и правда, нельзя не возмущаться при мысли, что двѣнадцать человѣкъ, въ рукахъ которыхъ находилась жизнь ихъ ближняго, посвятили для разсмотрѣнія такого отвѣтственнаго дѣла только какіе-нибудь полчаса; но удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ, если мы вспомнимъ недостойное поведеніе нѣкоторой части прессы и другихъ партій, старавшихся возстановить ихъ заранѣе противъ подсудимаго.

Послѣ того, какъ окончился судъ надъ Фростомъ, наступила очередь Зефанія Вилльямса; противъ него показывали многіе изъ предыдущихъ свидѣтелей. Джозефъ Боксъ-Стокдель показалъ, что онъ арестовалъ подсудимаго въ Кардифѣ на палубѣ „Винтеджа“, отправлявшагося въ Опорто. Томасъ въ своей защитительной рѣчи, продолжавшейся семь часовъ, подвергъ самой строгой критикѣ свидѣтельскія показанія и заявилъ, что въ Народной Хартіи не было ни одного пункта, съ которымъ бы онъ не согласился. Затѣмъ онъ вызвалъ свидѣтелей защиты. Томасъ Льюисъ показалъ, что подсудимый нѣсколько разъ обращался къ народу съ просьбой сохранять спокойствіе. Даніель Льюисъ, лавочникъ, показалъ подъ присягой, что Томасъ Сондерсъ, одинъ изъ свидѣтелей обвиненія, будучи у него на службѣ, совершилъ нѣсколько недостойныхъ поступковъ и заявилъ, что онъ никогда бы не повѣрилъ его клятвѣ. Ричардсъ Марсденъ, торговецъ полотномъ, у котораго также служилъ Сондерсъ, въ свою очередь, заявилъ, что не повѣрилъ бы его клятвѣ и доказалъ ложность его показаній.

Въ понедѣльникъ 20-го Вилльямсъ снова предсталъ передъ судомъ и выразилъ желаніе сказать нѣсколько словъ въ свою защиту. Онъ утверждалъ, что совершенно не былъ виновенъ, что не имѣлъ ни малѣйшаго желанія поднимать возстанія противъ королевы, что большинство свидѣтелей показывало ложно и что онъ уповаетъ на Бога! Вилльямсъ казался сильно взволнованнымъ, дѣлая это заявленіе. Послѣ рѣчи прокурора, Томасъ снова поднялся и снова протестовалъ противъ нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаній, такъ какъ по отношенію къ нимъ не были соблюдены законныя формальности, но, какъ и въ первомъ случаѣ съ Фростомъ, вопросъ этотъ былъ отданъ на позднѣйшее разсмотрѣніе

судей, и баронъ Паркъ сдѣлалъ резюме показаній. Послѣ этого присяжные удалились и черезъ двадцать пять минутъ явились съ обвинительнымъ вердиктомъ, прося, какъ и раньше, о смягченіи наказанія. Затѣмъ настала очередь Вилльяма Джонса и, вскорѣ послѣ этого, судъ отложилъ свое засѣданіе до слѣдующаго дня. Показанія противъ Джонса были такія же, какъ противъ Фроста и Вилльямса и былъ вынесенъ такой же вердиктъ съ просьбой о смягченіи.

Во вторникъ, 13 января 1840 года, Фростъ, Вилльямсъ и Джонсъ были привезены для выслушанія приговора. Фростъ былъ такъ-же спокоенъ, какъ и во время суда. Вилльямсъ казался больнымъ и разстроеннымъ, а Джонсъ держалъ себя спокойно и съ достоинствомъ. Подсудимыхъ спросили, не имѣютъ ли они что-нибудь возразить противъ прочтенія приговора. Гичъ протестовалъ противъ прочтенія приговора на томъ основаніи, что одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей былъ невѣрно названъ. Но его протестъ былъ оставленъ безъ вниманія; затѣмъ судьи надѣли черныя шапки, и всѣ были призваны къ молчанію. Предсѣдатель, обратившись къ подсудимымъ, объявилъ имъ, что они были признаны виновными въ ужасномъ преступленіи, гибельныя послѣдствія котораго были предотвращены Божественнымъ Провидѣніемъ; онъ просилъ ихъ приготовиться къ ожидающей ихъ „большой перемѣнѣ“, и затѣмъ произнесъ старинный и варварскій приговоръ: ихъ должны были опять отвезти туда, откуда ихъ привезли, оттуда доставить на мѣсто казни; тамъ повѣсить ихъ за шею и держать въ такомъ положеніи, покуда они не умрутъ; затѣмъ отдѣлить ихъ головы отъ туловища; туловища четвертовать и затѣмъ поступить съ ними, какъ того пожелаетъ Ея Величество. Въ заключеніе онъ выразилъ обычную надежду, что Господь помилуетъ ихъ души. При чтеніи послѣдней части приговора Фростъ поднялъ глаза, но ни Вилльямсъ, ни Джонсъ не обнаруживали никакихъ признаковъ волненія. Затѣмъ ихъ увели со скамьи подсудимыхъ. Чарльсъ Уотерсъ, Джонъ Ловель, Ричардъ Бенфильдъ, Джонъ Рисъ и Джекобъ Морганъ тоже были признаны виновными и приговорены къ смерти, но имъ смертная казнь была замѣнена пожизненной ссылкой. Затѣмъ начался судъ надъ другими четырнадцатью подсудимыми: нѣкоторые были признаны виновными и приговорены къ тюремному заключенію на разные сроки, а съ другихъ было взято только слово, что въ будущемъ они обнару-

жать хорошее поведеніе. Остальныя дѣла были переданы въ судебные ассизы, и засѣданія Коммиссіи были кончены.

Извѣстіе о приговорѣ Фроста вызвало сильнѣйшее возбужденіе среди чартистовъ. Въ различныхъ городахъ Англіи и Шотландіи были устроены публичные митинги и составлены адреса на имя Ея Величества съ просьбою о помилованіи виновныхъ. Въ субботу, 1-го февраля, протестъ, сдѣланный сэромъ Поллокомъ по поводу одного изъ подсудимыхъ, разбирался въ присутствіи пятнадцати судей Аппеляціоннаго суда. Сэръ Фредерикъ Поллокъ, Фицрой Келли и сэръ Вилльямъ Фоллетъ были защитниками подсудимыхъ; а генералъ-атторней и генералъ-соллиситоръ — представителями отъ Короны. Между обѣими сторонами возникли продолжительныя пренія и, въ концѣ концовъ, лорды рѣшили большинствомъ голосовъ, что протестъ былъ вполнѣ правиленъ. Но они прибавили, тѣмъ не менѣе, что, несмотря на всю основательность протеста, онъ былъ сдѣланъ несвоевременно. При такихъ обстоятельствахъ правительство рѣшило пойти на компромиссъ, и скоро распространился слухъ, что смертная казнь не будетъ приведена въ исполненіе, а замѣнена пожизненной ссылкой. Общественное мнѣніе было рѣшительно противъ смертной казни, и митинги, устраиваемые съ цѣлью протеста, становились все многочисленнѣе. Двадцать шесть лицъ, пользовавшихся большимъ богатствомъ и вліяніемъ, многіе изъ нихъ члены парламента, сдѣлали въ этомъ смыслѣ представленіе лорду Норманби и, безъ сомнѣнія, столь опредѣленно выраженное общественное настроеніе оказало свое вліяніе на правительство.

Въ понедѣльникъ, 3 февраля, подсудимые, въ сопровожденіи военныхъ, были привезены въ тюремной повозкѣ изъ Монмута и отправлены въ Чепстоу, по повелѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Въ Чепстоу ихъ ждалъ корабль, на которомъ ихъ должны были перевезти въ Бристоль, а оттуда на другомъ кораблѣ въ Портсмутскіе понтоны. Въ тотъ день, когда подсудимыхъ должны были увезти изъ Монмута, въ Манчестерѣ состоялось собраніе тридцати трехъ чартистскихъ делегатовъ, на которомъ было рѣшено употребить всѣ старанія, чтобы спасти осужденныхъ отъ ссылки. Семья Фроста обратилась къ королевѣ съ самой трогательной просьбой, но лордъ Норманби отвѣтилъ, что онъ считаетъ несовмѣстимымъ съ его общественнымъ долгомъ совѣтовать Ея Величеству уступить ихъ просьбѣ. Во вторникъ, 10 марта, Лидеръ

внесъ предложеніе въ Палату Общинъ составить адресъ на имя Ея Величества съ просьбой оказать полное помилованіе Фросту, Вилльямсу и Джонсу. Предложеніе это было поддержано только семью членами, включая сюда и докладчиковъ. Всѣ усилія спасти жертвы закона отъ ссылки не имѣли успѣха. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ приговора они простились съ родиной. Миссисъ Фростъ хотѣла непремѣнно сопровождать своего мужа вмѣстѣ со всею семьей, но онъ рѣшительно воспротивился этому. По слѣдующему письму, послѣднему, написанному имъ до ссылки, можно судить объ его отношеніи къ этому вопросу, а также о глубокой привязанности его къ своей семьѣ.

28 февраля 1840 года.

„Моя дорогая Мэри! когда мы плыли по Ламаншу въ среду вечеромъ, наша гротъ-мачта и бизань-мачта погнулись, и мы должны были остановиться, чтобы исправить ихъ. Я подумалъ, что могу воспользоваться случаемъ, чтобы набросать тебѣ нѣсколько строкъ. Мнѣ ничего неизвѣстно опредѣленнаго насчетъ нашего приговора; я могу руководиться только слухами, но ты вѣроятно лучше освѣдомлена. Я только что сейчасъ видѣлъ одного очень вліятельнаго господина, и онъ находитъ, что съ твоей стороны было бы крайне неосторожно слѣдовать за мной; кромѣ того, дорогая моя, за жизнь нельзя поручиться. Предположимъ, что-нибудь случится со мною; что станетъ тогда съ моей семьей въ чужой странѣ безъ друзей? На родинѣ, какъ бы строго ни осуждали поведеніе твоего мужа (а мое поведеніе теперь—общественное достояніе), позоръ не коснется васъ. Англичане слишкомъ великодушны и слишкомъ честны для того, чтобы позволить оскорбить тебя или,—теперь увы!—моихъ пятерыхъ сиротокъ дочерей и двухъ мальчиковъ. Я не могу допустить, чтобы даже мои личные враги, которые радуются печальному положенію своей жертвы, были бы способны на такую низость. На родинѣ, я повторяю это съ вѣрою, смягчающей мои страданія, у васъ будутъ и поддержка и сочувствіе, которыя вы не найдете среди чужихъ. Послѣдуй же моему совѣту, начни дѣло и положись во всемъ остальномъ на Провидѣніе. Корабль пойдетъ черезъ три недѣли; напиши мнѣ съ нимъ и сообщи всѣ, имѣющіяся у тебя, свѣдѣнія.

Мы, по всему вѣроятію, отправимся сегодня вечеромъ. Итакъ, любовь моя, тебѣ представляется теперь случай испытать силу твоей религіи, твоего мужества, твоей покорности судьбѣ. Прежде всего имѣй вѣру въ Того, безъ Чьего разрѣшенья ни одинъ воробей не упадетъ на землю“, и Кто такъ любитъ насъ слабыхъ смертныхъ, что „считаетъ каждый волосъ на нашихъ головахъ“. Помни, что у тебя есть обязанности по отношенію къ нашимъ дорогимъ дѣтямъ и помни, что на тебѣ лежитъ отвѣтственность за всѣхъ этихъ молодыхъ, слабыхъ и беззащитныхъ дѣвочекъ. Вѣрь, что твоя любовь къ мужу должна выражаться въ твоемъ отношеніи къ нимъ. Если вы послѣдуете за мной, это только увеличитъ мою тревогу. Еще разъ, моя дорогая Мэри; подумай хорошенько и не позволяй своимъ чувствамъ увлечь тебя и разлучить тебя съ домомъ и съ твоими соотечественниками. Я убѣжденъ, что у тебя по прежнему будетъ уютный домъ, семейный очагъ. Ты съ дочерьми найдешь себѣ дѣло и, можетъ быть, увидишь своего мужа въ сынѣ, котораго онъ такъ любилъ. Хотя правительство было противъ моихъ политическихъ воззрѣній, но оно не захочетъ все-же подвергать меня долгому наказанію, когда на лицо нѣтъ никакихъ законныхъ доказательствъ. Законы—это единственное убѣжище англичанъ и, требуя моего возвращенія на родину, я ищу только покровительства законовъ. Увѣренность въ томъ, что ты и моя семья устроились такъ хорошо, какъ только можно безъ меня, значительно облегчила бы мое горе. Увы! мои дѣти— мои несчастныя, беззащитныя дѣти, — этотъ залогъ нашей взаимной любви и привязанности, не оставляютъ меня ни днемъ, ни ночью. Моя первая и моя послѣдняя молитва за нихъ, и да сохранитъ ихъ небо. И хотя на мнѣ лежитъ позорное обвиненіе въ измѣнѣ — преступленіе, котораго я никогда не совершалъ — я прошу передать имъ благословеніе отъ ихъ несчастнаго отца и сказать имъ, что даже въ изгнаніи каждое утро и каждый вечеръ я буду молить Бога за нихъ. Пусть Утѣшитель несчастныхъ и Отецъ сиротъ будетъ служить поддержкой и руководителемъ, какъ тебѣ, такъ и моимъ дорогимъ дѣтямъ. Господь да благословитъ тебя, любовь моя! Всегда твой

Джонъ Фростъ.

Теперь мы пока должны разстаться съ Фростомъ и съ возстаніемъ въ Уэльсѣ. Но въ связи съ нимъ мы должны коснуться нѣсколькихъ важныхъ событій.

Правительство, подавляя самымъ суровымъ образомъ чартизмъ въ Уэльсѣ, проявляло не меньшую дѣятельность и въ другихъ округахъ, и для того, чтобы достигнуть своей цѣли, прибѣгало къ самымъ недостойнымъ средствамъ. 16 января 1840 года, въ четвергъ былъ устроенъ митингъ въ залѣ Промышленнаго союза въ Бетналь-Гринѣ на Аббей-Стритѣ, съ цѣлью указать на бѣдственное и несчастное положеніе рабочихъ классовъ. На этомъ митингѣ предсѣдательствовалъ Нисомъ. Только что Сперъ началъ свою рѣчь, какъ въ залъ ворвалась полиція и арестовала нѣсколько лицъ, имѣвшихъ при себѣ оружіе. Народъ устремился къ выходу, и большинство ушло. Предсѣдатель обратился къ оставшимся съ просьбой не терять присутствія духа, и Сперъ продолжалъ говорить; но нѣкто Муръ спросилъ фамилію предсѣдателя, которая и была ему сказана, а Сперъ, уступая настояніямъ со стороны властей, прекратилъ свою рѣчь. Полиція заперла двери, арестовала оставшихся, и на слѣдующій день они были подвергнуты допросу. Бирнъ, Кларкъ, Рейнардъ, Гоббъ и Вилькинсъ обвинялись въ ношеніи оружія, а Джозефъ Вилльямсъ, Давидъ Вилльямсъ, Нисомъ, Сперъ, Черри, Ливингсъ и Эвансъ въ произнесеніи мятежныхъ рѣчей на незаконномъ митингѣ; дѣло ихъ было отослано въ Центральный Уголовный Судъ. Нисомъ, Джозефъ Вилльямсъ, Рейнардъ, Гоббъ и Сперъ были призваны на судъ, но имъ было разрѣшено перенести дѣло на слѣдующую сессію; съ Нисома былъ взятъ залогъ въ тысячу фунтовъ. Дѣло это по всѣмъ признакамъ было организовано самой полиціей; она прекрасно знала, кого должна была арестовать, и въ то же время другимъ, тоже вооруженнымъ, дала возможность скрыться. Эти послѣдніе были, навѣрно, орудіемъ въ рукахъ полиціи для того, чтобы съ помощью ихъ запутать другихъ.

Около этого же времени много чартистовъ было арестовано въ Шеффильдѣ по обвиненію въ заговорѣ и произнесеніи незаконной присяги. Главными свидѣтелями противъ нихъ выступили лица, принимавшія сами, по ихъ собственному заявленію, участіе въ заговорѣ. Одинъ изъ нихъ, Томсонъ, показалъ, что многіе чартисты соединились въ группы, пріобрѣли оружіе и составили планъ съ цѣлью овладѣть нѣкоторыми частями города и сжечь другія;

что они постановили убивать каждаго полицейскаго и каждаго сторожа и обезоруживать солдатъ, прежде чѣмъ тѣ успѣютъ выстрѣлить. Казармы рѣшено было сжечь и инсургенты намѣревались овладѣть Городской Думой и Таможней, гдѣ они рѣшили укрѣпиться съ помощью баррикадъ. Когда свидѣтельскія показанія закончили, было рѣшено отослать въ судъ дѣла Самюэля Гольберри, Вилльяма Букера, Томаса Букера, Джона Клейтона, Самюэля Бентлея, Джона Маршаля, Томаса Пентгорна, Джозефа Беннисона и Вилльяма Уэльса. Между прочимъ аресту подверглась также миссисъ Гольберри, очень интересная женщина, но она была освобождена за неимѣніемъ противъ нея достаточныхъ уликъ.

Вскорѣ послѣ этого въ Бредфордѣ послѣдовало другое событіе, о которомъ власти были заранѣе предупреждены. Довольно значительное количество чартистовъ, отъ пятидесяти до ста человѣкъ, собралось ночью. Полиція была на стражѣ и, замѣтивъ, что мимо прошло нѣсколько человѣкъ, позвала себѣ на помощь своихъ товарищей. Но тѣ отвѣтили, что сами находятся въ рукахъ чартистовъ; такъ оно въ дѣйствительности и оказалось. Черезъ непродолжительное время однако роли измѣнились. Чартисты должны были уступить свою добычу болѣе многочисленному числу противниковъ и подверглись аресту; дѣло восьми изъ нихъ было отослано въ Іоркскій судъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ „Сѣверной Звѣздѣ“ появились письма Гарнея и Райдера, обвинявшихъ нѣкоего Педди въ томъ, что онъ въ качествѣ правительственнаго шпіона, затѣялъ все это дѣло съ цѣлью устроить ловушку чартистамъ. На слѣдующей недѣлѣ Гарней отказался отъ своего обвиненія, но было уже слишкомъ поздно. Педди былъ схваченъ властями, дѣло его отослано въ судъ, и онъ съ тѣхъ поръ вѣчно благодарилъ Гарнея и Рейдера за свой арестъ. Безъ сомнѣнія, Гарнею слѣдовало основательно подумать, прежде чѣмъ выступить съ такимъ обвиненіемъ противъ другого; его самого слишкомъ часто подозрѣвали въ томъ же, и поэтому онъ долженъ былъ бы съ бо̀льшею осторожностью отнестись къ другому, который легко могъ оказаться также невиненъ, какъ и онъ самъ, тѣмъ болѣе, что Педди не былъ безызвѣстенъ среди чартистовъ. Онъ нерѣдко говорилъ на публичныхъ митингахъ, въ особенности въ Ньюкастлѣ, и рѣчи его часто появлялись въ печати.

29 февраля въ Ньюкастльскомъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ Кольбриджа, разбиралось дѣло О'Брайена. Единственнымъ свидѣ-

телемъ со стороны обвиненія выступилъ Гендерсонъ, репортеръ *Tyne Mercury*, присутствовавшій на митингѣ и заявившій, что онъ записалъ рѣчь обвиняемаго. На основаніи этихъ записей онъ давалъ свои показанія. О'Брайенъ, самъ ведшій свою защиту, подвергнулъ его перекрестному допросу, и почти при каждомъ вопросѣ съ его стороны, Гендерсонъ совершенно уничтожалъ свои собственныя показанія. Когда допросъ былъ законченъ, произнесъ рѣчь Коббетъ, взявшій на себя защиту Томасона. Послѣ него наступила очередь О'Брайена, произнесшаго, въ высшей степени логическую, содержательную и убѣдительную рѣчь. Онъ изложилъ поведеніе Бирмингамскихъ властей на Буль-Рингѣ, утверждая, что ихъ поведеніе должно было служить оправданіемъ для его образа дѣйствія. Послѣ О'Брайена говорили Месонъ и Айръ, затѣмъ присяжные удалились и вскорѣ вернулись съ оправдательнымъ вердиктомъ.

Нѣкоторые изъ подсудимыхъ привлекались къ суду по разнымъ другимъ обвиненіямъ, но разбирательство этихъ дѣлъ было отложено до слѣдующей сессіи, и они были отпущены, подписавъ обязательство о явкѣ на судъ. Джонъ Бель былъ найденъ виновнымъ въ напечатаніи брошюры, подстрекающей къ бунту и приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Изъ всѣхъ обвиняемыхъ по политическимъ дѣламъ только онъ одинъ былъ признанъ виновнымъ въ этой сессіи. Даже арестованные на Форсѣ за бунтъ Файфомъ были освобождены, и съ нихъ было взято только обязательство о явкѣ на судъ. Когда былъ прочитанъ оправдательный приговоръ О'Брайену и другимъ подсудимымъ, публика, наполнявшая залъ суда, разразилась оглушительными рукоплесканіями, подхваченными толпой народа, съ тревогой ожидавшей на улицѣ исхода дѣла. Вечеромъ былъ устроенъ митингъ, на которомъ О'Брайенъ говорилъ рѣчь. Залъ собранія былъ до того переполненъ, что съ трудомъ можно было дышать, и публика устроила талантливому оратору восторженный пріемъ, вполнѣ имъ заслуженный. Говорили рѣчи также Гарней и Лоурей, причемъ Гарней предложилъ почтить О'Брайена троекратнымъ рукоплесканіемъ, что и было съ восторгомъ исполнено. Въ Дергемѣ къ суду были привлечены за подстрекательство къ мятежу Виллльямсъ и Биннсъ; дѣлу уже былъ данъ ходъ, но судьѣ понадобилось уѣхать въ Іоркъ, и судебное разбирательство было отложено. Точно также были отложены дѣла Брайна и Оуэна, привлекавшихся по такому же обвиненію.

Въ понедѣльникъ, 16 марта, въ Іоркширѣ, подъ предсѣдательствомъ судьи Эрскайна и судьи Кольриджа, началось дѣло Шеффильдскихъ чартистовъ. Судъ представлялъ съ внѣшней стороны весьма оживленный видъ. Какъ со стороны защиты, такъ и со стороны обвиненія присутствовало очень много представителей судебной профессіи. Гольберн, оба Букера, Деффи и Уэльсъ обвинялись въ заговорѣ и бунтѣ. Въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ противъ подсудимыхъ на столѣ стояла большая корзина, полная ручныхъ гранатъ и другихъ взрывчатыхъ веществъ, лежало также большое количество пикъ и кинжаловъ. Свидѣтели показывали, что все это было найдено у подсудимыхъ во время ареста. Особенно сильны были показанія противъ Гольберн, который, будучи арестованъ, не только ничего не отрицалъ, но напротивъ, заявилъ, что цѣлью его было низверженіе правительства, и что онъ охотно готовъ умереть за Хартію. Главными свидѣтелями отъ обвиненія были Томсенъ и Фоксель, фигурировавшіе въ качествѣ Queen's evidence и принимавшіе усердное участіе въ дѣятельности подсудимыхъ. Обвинялъ генералъ-атторней, а защищали Грегори Льюинъ, Ватсонъ и Мёрфи; они въ особенности рѣзко возражали противъ показаній свидѣтелей. Но послѣ того, какъ судья Эрскинъ далъ свое заключеніе, присяжные вынесли всѣмъ подсудимымъ обвинительный вердиктъ. Вилльямъ Уэльсъ, Джонъ Клейтонъ, Джонъ Маршаль, Томасъ Пэнторпъ, Джозефъ Беннисонъ и Чарльзъ Фоксъ обвинялись въ тѣхъ же преступленіяхъ и также были найдены виновными. Робертъ Коксъ, Джорджъ Геллиморъ, Джемсъ Бартоломью, Джозефъ Лингардъ, Томасъ Паульсъ, Джошуа Клейфордъ, выпущенные подъ залогъ, также обвинялись въ бунтѣ и заговорѣ. Обвинителями выступили Джемсъ Уортлей; Морфи и Вилькинсъ защищали подсудимыхъ въ очень талантливыхъ рѣчахъ и добились оправдательнаго вердикта.

Джонъ Марсденъ обвинялся въ бунтѣ и въ попыткѣ освободить изъ тюрьмы Питера Фодена, одного изъ арестованныхъ чартистовъ, и былъ признанъ виновнымъ. Вилльямъ Мартинъ обвинялся въ подстрекательствѣ къ мятежу. Обвинителями выступили Бенсъ и Уортлей. Адвокатъ подсудимаго Ватсонъ произнесъ въ его защиту въ высшей степени краснорѣчивую рѣчь, но присяжные все же вынесли обвинительный приговоръ.

На слѣдующій день было назначено дѣло Фиргуса О'Коннора за статью, призывавшую къ возстанію, и судъ, въ буквальномъ

смыслѣ слова, осаждали просьбами о разрѣшеніи присутствовать при разбирательствѣ. Число адвокатовъ было многочисленнѣе, чѣмъ когда-либо, и также много было судей. Предсѣдательствовалъ Кольриджъ. О'Коннору было разрѣшено сидѣть за адвокатскимъ столомъ. Дѣло велось спеціальнымъ жюри. О'Конноръ обвинялся въ напечатаніи статьи, призывавшей къ возстанію. Въ дѣйствительности все преступленіе его заключалось въ томъ, что онъ напечаталъ нѣсколько рѣчей въ „Сѣверной Звѣздѣ". Первой напечатанной имъ рѣчью была его собственная рѣчь въ Рокделѣ относительно организаціи фонда защиты. Вторая рѣчь была произнесена Вилльямомъ Диномъ Тейлоромъ въ Манчестерѣ, третья О'Брайеномъ въ Стокпортѣ. Его обвиняли также въ напечатаніи отчетовъ о событіяхъ на Ньюкастльскомъ митингѣ, за который О'Брайенъ, вмѣстѣ съ другими, привлекался къ суду и былъ оправданъ, благодаря своей краснорѣчивой и содержательной рѣчи. Генералъ-атторней въ своемъ длинномъ обвиненіи прочиталъ вышеупомянутыя рѣчи. Послѣ того, какъ фактъ напечатанья былъ установленъ, О'Конноръ обратился къ присяжнымъ, онъ коснулся факельныхъ митинговъ и обвинялъ правительство въ томъ, что оно запретило ихъ, тогда какъ самъ генералъ-атторней грозилъ когда-то начать дѣло противъ Дедлейскихъ судей за разсѣяніе такого же митинга. Онъ остановился на тѣхъ жертвахъ, которыя онъ принесъ народу и сообщилъ, что имъ истрачено на чартистское движеніе отъ восьми до девяти тысячъ фунтовъ. Затѣмъ, прочитавъ отрывки приблизительно изъ пятидесяти произнесенныхъ имъ рѣчей, онъ заявилъ, что не только никогда не былъ сторонникомъ насильственныхъ дѣйствій, но напротивъ, всегда выступалъ ихъ противникомъ, рискуя даже своей популярностью. Затѣмъ онъ въ пространныхъ выраженіяхъ сталъ обвинять Файфа, бывшаго мэра въ Ньюкастлѣ, Мюнца и Даніеля О'Коннеля и заявилъ, что никогда не измѣнитъ своимъ принципамъ. Рѣчь О'Коннора продолжалась четыре съ четвертью часа. Предсѣдатель далъ самое безпристрастное заключеніе, но тѣмъ не менѣе присяжные послѣ десяти минутнаго совѣщанія вынесли обвинительный вердиктъ. По просьбѣ О'Коннора исполненіе приговора было отложено.

Въ среду были привлечены къ суду за бунтъ и заговоръ въ Брэдфордѣ Робертъ Педди, Вилльямъ Брукъ, Томасъ Дрэкъ, Джемсъ Гольдсуордъ и Поль Гольдсуордъ. Обвинителями выступили ге-

нералъ-атторней, М-ръ Уитменъ и докторъ правъ Эчарли. Защитниками подсудимыхъ были Ватсонъ, Уортлей и Вилькинсъ. Послѣ заключительной рѣчи предсѣдателя, всѣ они были признаны виновными за исключеніемъ Джемса Гольдсуорта. На судѣ выяснилось, что Педди не только не былъ правительственнымъ шпіономъ, но, напротивъ, самъ сдѣлался жертвой одного изъ этихъ презрѣнныхъ людей. Этого негодяя звали Гаррисономъ; онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ властями и давалъ имъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, обманывая свои жертвы, чтобы обезпечить успѣхъ своимъ низкимъ замысламъ. При перекрестномъ допросѣ этотъ величайшій мошенникъ отказался дать присягу въ томъ, что онъ не получалъ ста фунтовъ за свои дѣянія. Онъ отказался также присягнуть въ томъ, что онъ не служилъ орудіемъ для завлеченія съ помощью обмана, по крайней мѣрѣ, двѣнадцати человѣкъ въ дѣло, которое грозило висѣлицей. У насъ есть основаніе думать, что, хотя Педди и зналъ раньше до нѣкоторой степени обо всемъ этомъ, но не принималъ никакого участія въ дѣлѣ и старался насколько возможно разрушить низкія козни провокатора. Справедливость требуетъ сказать, что ему были сдѣланы блестящія предложенія при условіи, что онъ предастъ другихъ, но, къ его чести, онъ съ негодованіемъ отвергъ подобное предложеніе. До какой степени мало значенія могли имѣть показанія Гаррисона видно изъ того, что онъ послѣ того донесъ на двухъ бѣдныхъ мальчиковъ, обвиняя ихъ въ кражѣ лошади. Но, на этотъ разъ судъ напалъ на слѣдъ дѣйствительнаго виновника. Возникло подозрѣніе, и его самого привлекли къ отвѣтственности за преступленіе, въ которомъ онъ обвинялъ своихъ жертвъ. Онъ былъ признанъ виновнымъ и осужденъ на пожизненную ссылку *).

*) 21 марта былъ прочитанъ приговоръ Шеффильдскимъ и Брэдфордскимъ подсудимымъ. Гольберри былъ присужденъ къ четырехлѣтнему тюремному заключенію и кромѣ того долженъ былъ представить залогъ въ пятьдесятъ фунтовъ и двухъ поручителей со внесеніемъ по десяти фунтовъ каждый для обезпеченія спокойнаго поведенія по окончаніи срока наказанія. Томасъ Букеръ былъ приговоренъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію, къ залогу въ тридцать фунтовъ, и два поручителя должны были внести за него по десяти фунтовъ каждый. Виллъямъ Букеръ, его сынъ, къ тюрьмѣ на два года и къ залогу въ двадцать фунтовъ для обезпеченія спокойнаго поведенія. Джемсъ Деффи къ трехлѣтнему тюремному заключенію, двадцати фунтамъ залога и къ представленію двухъ поручителей со внесеніемъ по десяти

На Монмузскихъ Ассизахъ Винсентъ и Эдуардсъ должны были вторично предстать на судъ за участіе въ заговорѣ совмѣстно съ Джономъ Фростомъ для ниспроверженія существующей власти и для насильственнаго измѣненія конституціи. Кромѣ того къ нимъ было представлено обвиненіе за призывъ къ возстанію. Представителемъ обвиненія снова явился докторъ правъ Тальфордъ. Эдуардса защищалъ Каррингтонъ, а Винсентъ велъ свою защиту самъ и произнесъ довольно длинную рѣчь. Оба они были признаны виновными, но заслуживающими снисхожденія. Баронъ Герней приговорилъ Винсента къ тюремному заключенію на годъ, а Эдуардса на четырнадцать мѣсяцевъ. Мы должны здѣсь сказать, что, когда потомъ дѣло этихъ обоихъ подсудимыхъ обсуждалось въ Палатѣ Общинъ, Тальфордъ заявилъ, что послѣ рѣчи Винсента, онъ сожалѣлъ о томъ, что взялъ на себя обвиненіе и порицалъ несправедливое и суровое отношеніе къ чартистскимъ узникамъ.

На Ливерпульскихъ Ассизахъ разбиралось дѣло его преп. У. В. Джексона, Вилльяма Беттеруорта, Ричардсона и Джемса Бронтера О'Брайена, обвинявшихся въ злоумышленномъ заговорѣ, въ воз-

---

фунтовъ каждый. Вилльямъ Уэльсъ къ тюремному заключенію на одинъ годъ и къ залогу въ двадцать фунтовъ. Маршалъ, Пенторпъ и Беннисонъ къ тюремному заключенію на два года каждый, и къ залогу въ двадцать фунтовъ для обезпеченія спокойнаго поведенія; Вилльямъ Мартинъ къ тюремному заключенію на двѣнадцать мѣсяцевъ. Изъ Брэдфордскихъ чартистовъ, Робертъ Педди былъ приговоренъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію и для обезпеченія мирнаго поведенія къ залогу [въ тридцать фунтовъ, и къ представленію двухъ поручителей по десяти фунтовъ каждый. Вилльямъ Брукъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ залогу въ тридцать фунтовъ. Томасъ Дрэкъ къ тюремному заключенію на полтора года и къ залогу въ тридцать фунтовъ. Поль Гольдсуортъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ залогу въ той же суммѣ. Джонъ Уокеръ, Джозефъ Нейлоръ, Джонъ Райдингъ и Джонъ Ришуортъ были признаны виновными въ бунтѣ въ Брэдфордѣ, и приговорены каждый къ двухлѣтнему тюремному заключенію и къ залогу въ тридцать фунтовъ. Геттонъ и Смизисъ за подобное же преступленіе къ тюремному заключенію на полтора года и къ залогу въ тридцать фунтовъ. Питеръ Гой, Джонъ Кребтри и Вилльямъ Антонъ были признаны виновными въ незаконномъ сборищѣ въ Барнслеѣ и присуждены каждый къ двухлѣтнему тюремному заключенію и къ залогу въ пятьдесятъ фунтовъ. Этими строгими, мы должны были бы сказать, безжалостными приговорами закончилось дѣло чартистовъ въ Іоркскихъ Ассизахъ.

бужденіи населенія къ мятежу и къ вооруженію оборонительными орудіями, а также въ разныхъ другихъ дѣйствіяхъ, имѣвшихъ цѣлью произвести возстаніе. О'Брайенъ защищался самъ, какъ на судѣ въ Ньюкастлѣ. Судебное разбирательство продолжалось цѣлый день, но на этотъ разъ О'Брайенъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ первый разъ, и присяжные признали виновными всѣхъ подсудимыхъ. О'Брайенъ расчитывалъ на значительное количество свидѣтелей, но они не явились по тѣмъ или другимъ причинамъ.

Джорджъ Генри Смитъ, Кристоферъ Дойль и Джонъ Кэй обвинялись въ мятежныхъ дѣйствіяхъ въ Манчестерѣ и были признаны виновными. Баркеръ, Дэвидсонъ и Джемсъ Левъ, обвинявшіеся въ заговорѣ и въ бунтѣ въ Манчестерѣ также были признаны виновными. Когда Ричардсонъ, Джексонъ, Беттеруортъ и О'Брайенъ были приведены для выслушиванія приговора, Ричардсонъ попросилъ предсѣдателя замѣнить ему тюремное заключеніе денежнымъ штрафомъ, такъ какъ тюремное заключеніе могло серьезно повредить его здоровью, что могли подтвердить свидѣтели подъ присягой. Но просьба его была отклонена, и онъ такъ же, какъ и Беттеруортъ, былъ приговоренъ къ девятимѣсячному тюремному заключенію, и къ залогу въ сто фунтовъ для обезпеченія спокойнаго поведенія въ теченіе трехъ лѣтъ; кромѣ того для той-же цѣли два поручителя должны были внести за него по пятидесяти фунтовъ каждый. По поводу Джексона предсѣдатель выразилъ свое сожалѣніе, что служитель религіи могъ произносить такія рѣчи, и такъ какъ его положеніе, знанія и средства помогали ему вести зловредную пропаганду, то его присудили къ восемнадцати-мѣсячному тюремному заключенію, къ залогу для обезпеченія спокойнаго поведенія въ пятьсотъ фунтовъ и къ представленію двухъ поручителей со внесеніемъ по полтораста фунтовъ каждый. О'Брайенъ хотѣлъ остановить исполненіе приговора и заявилъ, что судопроизводство велось неправильно, такъ какъ по дѣлу Джексона и Беттеруорта не были вызваны нѣкоторые свидѣтели, которые могли бы опровергнуть показанія доносчика. Предсѣдатель отвѣтилъ, что протестъ его запоздалъ. Тогда О'Брайенъ выразилъ желаніе, чтобы тюремное заключеніе было замѣнено ему пожизненнымъ изгнаніемъ, такъ какъ у него не было никакой охоты оставаться въ странѣ, отъ которой въ настоящее время ничего нельзя было ждать. Предсѣдатель отвѣтилъ, что онъ можетъ подвергнуть его только тюремному заключенію и пригово-

рилъ О'Брайена къ тюрьмѣ на полтора года, къ залогу для обезпеченія спокойнаго поведенія въ триста фунтовъ и къ представленію двухъ поручителей со внесеніемъ по полтораста фунтовъ каждый *).

Въ понедѣльникъ, 11 мая 1840 года, послѣ многочисленныхъ отсрочекъ, вслѣдствіе нездоровья, О'Конноръ явился наконецъ на судъ Королевской скамьи для выслушанія приговора. Онъ привелъ длинный рядъ доказательствъ въ пользу того, что всегда стоялъ на сторонѣ только моральнаго воздѣйствія. Но судья, прежде чѣмъ произнести приговоръ, замѣтилъ, что, согласно показаніямъ самого О'Коннора, его моральное воздѣйствіе мало чѣмъ отличалось отъ физическаго насилія, и его приговорили къ восемнадцатимѣсячному заключенію въ Іоркской крѣпости.

Въ Диваизѣ Вилльямъ Робертсъ, Вилльямъ Потсъ и Вилльямъ Карьеръ обвинялись въ мятежѣ и были признаны виновными. Робертсъ и Потсъ были приговорены каждый къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Карьеръ, къ тюрьмѣ также на два года, но такъ какъ онъ былъ рабочимъ, то ему прибавили еще каторжныя работы. Черезъ нѣсколько недѣль Робертсъ былъ освобожденъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. Въ Тонтонѣ Іонгъ Больуель и Бартлетъ по обвиненію въ мятежѣ, были при-

---

*) Джексонъ по второму обвиненію былъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію, къ залогу въ пятьсотъ фунтовъ и къ представленію двухъ поручителей со внесеніемъ по сто фунтовъ каждый. Джонъ Кэй къ шестимѣсячному тюремному заключенію, къ залогу въ двѣсти фунтовъ и къ представленію двухъ поручителей, по пятидесяти фунтовъ каждый. Кристоферъ Дойль къ девятимѣсячному тюремному заключенію, къ залогу въ триста фунтовъ и къ представленію двухъ поручителей, по сто фунтовъ каждый. Вилльямъ Баркеръ былъ приговоренъ съ тюремнымъ каторжнымъ работамъ въ тюрьмѣ на полтора года, а Федерикъ Девидсонъ на шесть мѣсяцевъ, Самюэль Скотъ къ тюремному заключенію на восемь мѣсяцевъ, къ залогу въ сто фунтовъ и къ представленію двухъ поручителей, по пятидесяти фунтовъ каждый; Чарльсъ Моррисъ къ тюремному заключенію на годъ, къ залогу въ сто фунтовъ и къ представленію двухъ поручителей по двадцати фунтовъ каждый, Даніель Боллъ къ каторжнымъ работамъ на полтора года съ тѣмъ же залогомъ; Питеръ Мердинъ къ каторжнымъ работамъ на шесть мѣсяцевъ и Ульилоби на три мѣсяца.

На Честерскихъ ассизахъ Вилльямъ Бенбау, дѣло котораго было перенесено сюда съ послѣдней сессіи, былъ вызванъ на судъ, но не призналъ себя виновнымъ. Этотъ мужественный ветеранъ радикальной

говорены къ тюремному заключенію: Іонгъ—на три, Больуель—на шесть и Бартлетъ—на девять мѣсяцевъ. Въ іюлѣ былъ изданъ приказъ объ арестѣ Марсдена, и его привезли въ Ньюкастль. Онъ могъ служить настоящимъ воплощеніемъ нищеты и выглядѣлъ до такой степени плохо, что когда свидѣтель, явившійся для показаній противъ него, былъ поставленъ съ нимъ на очную ставку, то едва могъ узнать его. Когда наступило время судебной сессіи, Марсденъ занялъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ вмѣстѣ съ Юмомъ, Девиромъ и Томасономъ, но судебное совѣщаніе доложило суду, что относительно ихъ виновности не было достаточно уликъ, и всѣ подсудимые были освобождены. Джона Месона еще разъ привлекли къ суду по обвиненію въ мятежѣ, но присяжные оправдали его послѣ произнесенной имъ защитительной рѣчи.

На Дэргемскихъ Ассизахъ было назначено наконецъ къ разбирательству долго откладываемое дѣло Вилльямса и Биннса. Оба они сами вели свою защиту и произнесли очень краснорѣчивыя и содержательныя рѣчи. Главнымъ свидѣтелемъ противъ нихъ выступилъ Г. Ф. Гезерингтонъ, репортеръ *Sunderland Herald'a*. Присяжные нашли ихъ виновными, но, принимая во вниманіе ихъ юность, заслуживающими снисхожденія. Но Вилльямсъ, заявилъ, что про-

---

реформы произнесъ защитительную рѣчь, продолжавшуюся десять съ половиною часовъ; но все-же былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ шестнадцати мѣсячному тюремному заключенію, несмотря на то, что до суда онъ просидѣлъ уже восемь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Исаакъ Джонсонъ обвинялся въ произнесеніи мятежныхъ рѣчей въ Стокпортѣ. Онъ обратился къ присяжнымъ съ смѣлой и краснорѣчивой рѣчью, продолжавшейся нѣсколько часовъ. Онъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ тюремному заключенію на годъ, къ залогу въ двѣсти фунтовъ для обезпеченія спокойнаго поведенія на два года и къ представленію двухъ поручителей со внесеніемъ по сто фунтовъ каждый. Стеббсъ, Барнетъ, Саведжъ, Лау, Уиверъ и Джексонъ обвинялись въ заговорѣ и въ бунтѣ въ Мэклсфильдѣ. За исключеніемъ Уивера, всѣ признали себя виновными, и ихъ отпустили на свободу, подъ условіемъ внесенія залога по сто фунтовъ каждый и съ обязательствомъ явиться на судъ для выслушанія приговора. Джемсъ Дьюкъ изъ Аштона и Джонъ Ливсей изъ Манчестера обвинялись въ участіи въ заговорѣ, и были признаны виновными и приговорены къ тюремному заключенію на годъ и къ представленію залога по полтораста фунтовъ для обезпеченія спокойнаго поведенія въ теченіе трехъ лѣтъ или, въ противномъ случаѣ, дальнѣйшему заключенію.

ситъ не принимать во вниманіе причину, выставленную присяжными, такъ какъ онъ дѣйствовалъ вполнѣ обдуманно, и судить его только на основаніи его полезной общественной дѣятельности. Оба они были приговорены къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Бирнъ и Оуэнъ были также признаны виновными и приговорены къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Уайтъ и Вильсонъ обвинялись въ вымогательствѣ денегъ при помощи угрозъ и запугиванія. Уайту было назначено шесть, а Уильсону четыре мѣсяца тюремнаго заключенія.

Несмотря на то, что правительство усиленно преслѣдовало Чартистовъ и приговорило большинство ихъ лидеровъ къ тюрьмѣ или ссылкѣ, борьба за реформу все же не ослабѣвала. Въ Шотландіи въ особенности велась энергичная агитація. Кромѣ Мойра и другихъ, дѣйствовавшихъ въ Глазго, а также цѣлой рати мѣстныхъ лидеровъ, агитировавшихъ въ различныхъ городахъ, Лоурей и Дэнкенъ съ своей стороны объѣхали значительную часть Шотландіи, говоря рѣчи на публичныхъ митингахъ, а Джуліанъ Гарней, подобно древнимъ апостоламъ, ходилъ пѣшкомъ изъ города въ городъ, проникая даже въ самыя отдаленныя горныя мѣста и всюду проповѣдуя доктрины Хартіи. Въ Англіи также устраивались многолюдные митинги, на которыхъ выступали мѣстные таланты. Бѣдный д-ръ Тейлоръ, совершенно разочаровавшись въ успѣхѣ чартистскаго движенія, съ разбитымъ отъ непрерывной агитаціи здоровьемъ, удалился въ домъ своего зятя, Ирландскаго священника, гдѣ вскорѣ и умеръ. Его смерть вызвала глубокое сожалѣніе среди всѣхъ, знавшихъ его по его участію въ движеніи; даже политическіе противники не могли не пожалѣть о потерѣ человѣка, который, несмотря на нѣкоторые незначительные недостатки и немного грубоватую внѣшность, обладалъ благороднымъ сердцемъ, всегда горячо боролся за гуманность и былъ защитникомъ угнетенныхъ противъ угнетателей. *Ayr Advertiser* помѣстилъ прочувствованную замѣтку по поводу его смерти, изъ которой можно было видѣть, какимъ уваженіемъ пользовался докторъ даже среди своихъ политическихъ враговъ.

Правительство Виговъ, захвативъ въ свою власть чартистовъ, во многихъ случаяхъ налагало на нихъ гораздо болѣе суровыя наказанія, чѣмъ это дѣлали Тори за такія же преступленія. Съ О'Конноромъ въ началѣ обращались, какъ съ самымъ заурядным уголовнымъ преступникомъ, и только протестъ его друзей, на-

стойчивое заявленіе нѣкоторыхъ членовъ Парламента и нѣкоторой части печати обезпечили ему лучшее обращеніе. О'Брайенъ былъ присужденъ къ самому строгому наказанію, какому только можно подвергнуть человѣка съ такимъ умомъ и съ такими широкими познаніями: его лишили книгъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ одобренныхъ властями. Винсента почти во все время его тюремнаго заключенія ничѣмъ не отличали отъ уголовныхъ преступниковъ: его облекли въ арестантскую одежду и заставляли работать въ качествѣ портного, хотя онъ совершенно не былъ знакомъ съ этимъ ремесломъ. Ловету и Коллинсу отпускали такую отвратительную пищу, что они выпуждены были отказаться отъ нея. Здоровье Карьера и Потса совершенно разстроилось отъ дурного обращенія. Пэдди поставили на каторжныя работы, что вызывало у него постоянныя рвоты и сильно разрушило его здоровье. Такому же обращенію подвергались почти всѣ чартисты въ различныхъ тюрьмахъ Англіи.

Послѣ такого „избіенія", часть чартистской прессы закончила свое существованіе. „Рабочій" (Operative) угасъ за невозможностью со стороны издателя продолжать дѣло, а также и потому, что нѣкоторые лидеры мѣшали въ тайнѣ его распространенію. „Истинный Шотландецъ" (True Scotsman), „Хартія" (Charter), „Лондонская депеша" (London Despatch) и „Поборникъ" (Champion) кончили тѣмъ же—послѣдній соединился съ „Сѣвернымъ Освободителемъ"—а „Бирмингамскій журналъ" снова вернулся къ программѣ Виговъ. О'Брайенъ и Карпентеръ, зимою 1839—40 основали „Южную Звѣзду", но арестъ О'Брайена и тюремное заключеніе лишили его возможности заниматься издательствомъ, и газету постигла участь „Рабочаго". Въ Глазго демократы основали газету подъ заглавіемъ „Шотландскій патріотъ" (Scottish Patriot), еще нѣсколько мелкихъ періодическихъ изданій. На западѣ Филиппъ сталъ издавать „Возродителя" (Regenerator). Въ Манчестерѣ подъ тѣмъ же названіемъ была основана газета Ричардсономъ. Кливъ сдѣлался издателемъ „Англійскаго Чартистскаго Вѣстника", а въ Глазго общественное мнѣніе привлекала маленькая, но очень интересная газета „Шотландскій Чартистскій Вѣстникъ" (Scottish Chartist Circular). Такимъ образомъ не было недостатка въ попыткахъ замѣнить какимъ-нибудь образомъ исчезнувшія газеты, и эти новыя періодическія изданія въ особенности оба „Вѣстника" пользовались большимъ вліяніемъ среди Чартистовъ.

ГЛАВА IX.

Возрожденіе агитаціи.—Освобожденіе Чартистскихъ лидеровъ.

Не успѣлъ закончиться судъ надъ послѣдними подсудимыми, какъ среди чартистовъ началось стремленіе измѣнить организацію партіи. Какъ уже наши читатели могли видѣть, первыя ассоціаціи чартистовъ носили мѣстный характеръ, хотя всѣ онѣ были заняты однимъ національнымъ дѣломъ. Многія изъ этихъ ассоціацій распались, и 20-го іюля 1840 г., въ понедѣльникъ въ Манчестерѣ собрался митингъ делегатовъ съ цѣлью обсудить этотъ вопросъ, а также изыскать планъ для лучшаго устройства партіи *). Утвердивъ сначала резолюціи, касавшіяся женъ и семей заключенныхъ чартистовъ, делегаты занялись обсужденіемъ различныхъ плановъ реорганизаціи; послѣ нѣсколькихъ дней засѣданія, было рѣшено наконецъ соединить всѣ мѣстныя учрежденія въ одну ассоціацію подъ названіемъ „Національной Чартистской Ассоціаціи Великобританіи". Краеугольнымъ камнемъ ассоціаціи служила,

*) Присутствовало двадцать три делегата, а именно: Джонъ Арранъ Джозефъ Гатфильдъ отъ Уэстъ-Райдингъ въ Іоркширѣ; Джемсъ Личъ и Джемсъ Тейлоръ отъ южнаго Ланкашира; Диганъ отъ Стелибриджа и Ливерпуля; Давидъ Джонъ отъ Мертиръ-Тидвиля и Монмута; Гансонъ отъ Карлейля; Тильманъ отъ Манчестера; Жоржъ Гальтонъ отъ Престона; Самюель Личъ отъ Стокпорта; Ричардъ Литлеръ отъ Сальфорда; Андрью отъ Глосопа; Лау отъ Больтона; Самюель Ройсъ отъ Гайда; Вильямъ Морганъ отъ Бристоля, Базаи Чельтенгема; Джемсъ Кукъ отъ Ли; Джоржъ Блэкъ отъ Ноттингема; Джемсъ Вилльямсъ отъ Сондерланда; Томасъ Рейноръ Смартъ отъ Лейстера и Нордгемтона; Джемсъ Тейлоръ отъ Ловборо; Ричардъ Сперръ отъ Лондона и Ричардъ Гартлей отъ Кольна.

конечно, Народная Хартія; было постановлено при этомъ пользоваться для достиженія цѣли только мирными конституціонными средствами. Въ члены могли приниматься всѣ лица, раздѣлявшія принципы ассоціаціи; имъ выдавалась членская карточка, возобновлявшаяся каждую четверть года, и за которую надо было вносить два пенса. Въ случаѣ надобности члены раздѣлялись на различныя группы по десяти человѣкъ въ каждой, причемъ лидеры назначались Исполнительнымъ Комитетомъ. Комитетъ этотъ, состоявшій изъ семи лицъ, включая въ это число секретаря и казначея, утверждалъ совѣтъ съ помощникомъ секретаря и съ помощникомъ казначея, избираемаго членами каждой мѣстности. Исполнительный Комитетъ также, какъ и Генеральный Совѣтъ, избирались ежегодно, первый — большинствомъ членовъ всей страны. Главный секретарь получалъ два фунта въ недѣлю, а другіе члены комитета тридцать шиллинговъ въ недѣлю во время засѣданій комитета. Половина собранныхъ денегъ находилась въ распоряженіи Исполнительнаго Комитета, который долженъ былъ въ случаѣ надобности, выступать въ качествѣ миссіонеровъ, а также назначать миссіонеровъ изъ числа членовъ Ассоціаціи для агитаціи въ пользу Хартіи, въ различныхъ округахъ. Было рѣшено, что на ближайшихъ общихъ выборахъ чартисты, по возможности, будутъ дѣйствовать согласно плану О'Брайена, т. е. выдвигать кандидатами чартистовъ для защиты своихъ принциповъ, а также посѣщать всѣ публичные политическіе митинги для распространенія своихъ взглядовъ, и если понадобится вносить поправки къ постановленіямъ митинговъ. Выработавъ планъ организаціи, делегаты обратились съ воззваніемъ къ странѣ и предложили двѣнадцать лицъ, для того чтобы выбрать изъ ихъ числа временный Исполнительный Комитетъ. Первымъ предсѣдателемъ этого комитета былъ Джемсъ Линчъ, а секретаремъ Вилльямъ Тильманъ. Вышеуказанный планъ организаціи былъ принятъ чартистами повсюду, и во многихъ городахъ довольно значительная часть членовъ записалась въ ассоціацію, однако количество этихъ членовъ далеко уступало тѣмъ массамъ, которыя записывались раньше въ мѣстныя ассоціаціи. Но наступали событія, которыя снова должны были воспламенить огонь Чартистскаго движенія: истекало время тюремнаго заключенія нѣкоторыхъ изъ лидеровъ, и на ихъ освобожденіе возлагалось много надеждъ и ожиданій.

24-го іюля 1840 года открылись двери Варвикской тюрьмы,

и Вилльямъ Ловетъ и Джонъ Коллинсъ вышли изъ этой живой могилы. Тюремное заключеніе очень тяжело отозвалось на первомъ; онъ значительно похудѣлъ и съ трудомъ могъ ходить безъ поддержки. Коллинсъ, повидимому, лучше вынесъ тяжести заключенія. Освобожденныя жертвы, въ сопровожденіи депутаціи, отправились въ домъ Френча, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ завтракъ. Томсонъ, отъ имени Бирмингамскихъ Чартистовъ, пригласилъ Ловета и Коллинса на публичное собраніе въ этотъ городъ. Коллинсъ заявилъ согласіе, но Ловетъ съ благодарностью отклонилъ предложеніе, отчасти изъ-за разстроеннаго здоровья, отчасти изъ-за другихъ приглашеній, сдѣланныхъ ему раньше. На слѣдующій день Варвикскіе Чартисты устроили вечеръ въ честь обоихъ освобожденныхъ; но присутствовалъ на немъ только Коллинсъ. Предсѣдательствовалъ Кардо; говорили рѣчи Коллинсъ, Дональдсонъ и другіе. Пѣлись пѣсни, и вечеръ прошелъ съ большимъ оживленіемъ и въ полной гармоніи.

Бирмингамская демонстрація произошла въ понедѣльникъ, 27 іюля 1840 года, и какъ по численности собравшихся, такъ и по царившему среди нихъ энтузіазму, не оставляла желать ничего лучшаго. Процессія выступила въ десять часовъ отъ Кроссъ-Генса на Ланкастерской улицѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) два маршала верхомъ на лошадяхъ, 2) члены комитета по два въ рядъ, 3) члены коммиссіи по сбору пожертвованія по четыре въ рядъ, 4) большое знамя, 5) оркестръ Союза въ форменныхъ платьяхъ, 6) карета, запряженная четырьмя сѣрыми лошадьми, съ Коллинсомъ и его семьей, 7) кареты съ депутаціями отъ различныхъ мѣстностей Англіи и Шотландіи, 8) кареты съ членами комитета Женскаго Политическаго Союза, 9) члены рабочихъ союзовъ по четыре въ рядъ, 10) большое знамя, 11) оркестръ мѣдныхъ инструментовъ, 12) члены рабочихъ союзовъ по четыре въ рядъ, 13) товарищи изъ ближайшихъ округовъ по четыре въ рядъ, 14) два маршала верхомъ на лошадяхъ. Въ этомъ порядкѣ процессія прошла по улицамъ города по Варвикской дорогѣ до Мермеда, вернулась обратно той же дорогой къ улицѣ Аштонъ и затѣмъ направилась къ Госта-Грину; порядокъ процессіи поддерживался полиціей, предоставленной въ распоряженіе комитета. Спросъ на экипажи со стороны комитета былъ такъ великъ, что для другихъ цѣлей ихъ съ трудомъ можно было достать. Какъ разъ въ то время, какъ процессія начала строиться,

ярко засіяло солнце. Видъ густой массы народа былъ въ высшей степени величественъ и невольно вызывалъ восторгъ. Процессія тянулась на разстояніи мили, а на обратномъ пути увеличилась еще вдвое; улицы были, въ буквальномъ смыслѣ слова, переполнены густой толпой народа. Фонарные столбы, окна и крыши домовъ были усѣяны людьми, желавшими посмотрѣть на процессію, и все это огромное множество народа потрясало воздухъ криками, а женщины махали платками въ знакъ привѣтствія. Когда огромная толпа достигла Госта-Грина, раздался призывъ къ молчанію, и Коллинсъ началъ свою рѣчь слѣдующимъ обращеніемъ: „Друзья, сограждане и братья рабы". Онъ сдѣлалъ обозрѣніе прошлаго, съ надеждой говорилъ о будущемъ и обѣщалъ имъ свое постоянное содѣйствіе для завоеванія народныхъ правъ. Вечеромъ въ честь Коллинса былъ устроенъ банкетъ, въ которомъ приняло участіе болѣе восьмисотъ человѣкъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ Ферброзеръ Педжъ, городской совѣтникъ, и имъ были предложены обычные радикальные тосты и пожеланія. Кардо, Уорденъ, Томасонъ, Томсонъ, Чарльтовъ, Гривзъ и Ватсонъ отвѣчали, и Коллинсъ въ отвѣтъ на провозглашенный за его здоровье тостъ, произнесъ пылкую рѣчь. На слѣдующее утро состоялся митингъ делегатовъ, избранныхъ для присутствія на демонстраціи *). По предложенію Лондонскихъ и Ланкаширскихъ делегатовъ единогласно была принята слѣдующая резолюція:

„Мы, делегаты, пріѣхавшіе сюда изъ различныхъ мѣстъ Англіи и Шотландіи, чтобы поздравить нашихъ друзей, Джона Коллинса и Вилльяма Ловета съ освобожденіемъ изъ тюрьмы, разсмотрѣвъ планъ организаціи, принятой на Манчестерскомъ собраніи делегатовъ, состоявшемся спеціально для этой цѣли, выражаемъ наше одобреніе этому плану и наше рѣшеніе оказать ему самую горячую поддержку въ мѣстностяхъ, представителями которыхъ мы являемся".

Въ тотъ же вечеръ былъ устроенъ другой митингъ на откры-

---

*) Гольманъ и Джаксонъ были представителями отъ Тотнеса, Личъ отъ Манчестера, Сперъ отъ Лондона, Катеръ и Гривзъ отъ Ольдгема и Седльдворта, Чапель отъ Стокпорта; Томасонъ отъ Ньюкастля на Тайнѣ; Чансъ отъ Стаурбриджа; Чадвикъ отъ Потериса; Гриффинъ отъ западнаго Бромвича, Кукъ отъ Дэдлея; Льюисъ отъ Бристоля, Морганъ отъ База, Мильсонъ отъ Чельтемгэма; Санкей отъ Эдинбурга и О'Нэйль отъ Ланкашира.

томъ воздухѣ на мѣстѣ, предназначенномъ для новаго народнаго зала. На этомъ митингѣ говорили Чадвикъ, Чапль, Сперъ, О'Нэйль, Эмсонъ, Смольвудъ и Мемфордъ, и затѣмъ былъ прочитанъ предварительно составленный делегатами адресъ, единогласно принятый митингомъ вмѣстѣ съ разными другими резолюціями. Такъ закончилась большая Бирмингамская демонстрація Чартистовъ въ честь двухъ первыхъ страдальцевъ за Хартію.

Лондонскіе чартисты хотя и болѣе скромнымъ образомъ, но также почтили заслуги Ловета и Коллинса. Въ ихъ честь былъ устроенъ большой обѣдъ въ понедѣльникъ, 3 августа. Предсѣдательствовалъ Уэкли, Ч. П., съ правой стороны его сидѣлъ Ловетъ, а съ лѣвой Коллинсъ. На обѣдѣ присутствовалъ также Денкомбъ. Ч. П.-Уэкли въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ порицалъ обращеніе съ обоими узниками въ тюрьмѣ. Ловетъ, въ отвѣтъ на тостъ за его здоровье, произнесъ очень хорошую рѣчь. По началу ея можно судить, оказало-ли на него заточеніе въ тюрьмѣ то дѣйствіе, котораго добивались его притѣснители.

„Люди, не испытавшіе однообразія и тяжести тюремнаго заключенія, врядъ ли могутъ понять, какъ дороги и прекрасны благословенные дары свободы. Но, несмотря на все это, я еще разъ готовъ испытать ужасное заключеніе въ Варвикской тюрьмѣ. Я готовъ скорѣе съ радостью перестрадать опять все, что я вынесъ, чѣмъ видѣть, какъ попирается право на публичные митинги, какъ мирный народъ подвергается нападеніямъ вооруженныхъ дубинами, въ синихъ одеждахъ, людей и не слышать ни одного голоса, который осмѣлился-бы подняться, чтобы обличить притѣснителей и разгласить объ его низости всему свѣту".

Коллинсъ, къ большому удовольствію митинга, говорилъ въ юмористическомъ духѣ. Кливъ представилъ Морлинга и Лондселя изъ Брайтона, прочитавшихъ адресъ Ловету и Коллинсу отъ чартистовъ этого фешенебельнаго города. Затѣмъ произнесъ рѣчь Денкомбъ, остановившись, главнымъ образомъ, на правительственныхъ преслѣдованіяхъ, которыя онъ горячо осуждалъ. Ватсонъ, д-ръ Эппсъ и многіе другіе отвѣчали на различные тосты и привѣтствія, и затѣмъ собраніе разошлось, очень довольное проведеннымъ вечеромъ.

Освобожденіе д-ра М'Дуэля изъ Честерской тюрьмы подало поводъ къ другимъ такого же рода демонстраціямъ. Въ субботу, 22 августа, М'Дуэль и Коллинсъ въѣхали въ Манчестеръ, гдѣ

были встрѣчены процессіей, а въ слѣдующій понедѣльникъ около пятисотъ лицъ устроило имъ обѣдъ, причемъ залъ былъ украшенъ флагами, портретами выдающихся патріотовъ и различными чартистскими эмблемами. Послѣ обѣда были произнесены обычные тосты и рѣчи. Его Пр. Джемсъ Скольфильдъ былъ избранъ предсѣдателемъ. М'Дуэль, пожелавшій сказать рѣчь, былъ встрѣченъ самымъ сердечнымъ образомъ. Упомянувъ о своемъ тюремномъ заключеніи, онъ сказалъ:

„Я прошелъ черезъ тюрьму и дурныя послѣдствія заключенія отразились на моемъ здоровьѣ, но я забылъ о своихъ страданіяхъ и теперь помню только о своихъ преслѣдователяхъ. Теперь для меня настало время расплаты съ ними. Долгъ мой очень великъ и, съ того момента, какъ я вышелъ за тюремныя ворота, я поклялся въ сердцѣ своемъ отомстить имъ, но отомстить не въ общепринятомъ значеніи этого слова, какъ они, можетъ быть, думаютъ. Мое мщеніе—это Хартія. Я буду, если возможно, бороться за Хартію мирными средствами, за Хартію, ради которой всѣ мы—я въ этомъ увѣренъ—готовы страдать и, если нужно, умереть".

М'Дуэль говорилъ все время съ замѣчательной энергіей и силой, и ему горячо апплодировали. Послѣ него произнесъ рѣчь Тильманъ; потомъ Коллинсъ сообщилъ о болѣзни своего друга Ловета, и доказывалъ правильность принятой ими тактики, хотя она и привела ихъ обоихъ къ тюремному заключенію. Затѣмъ говорили Литлеръ, Диганъ и другіе; на митингѣ все время царило самое восторженное настроеніе. М'Дуэль посѣтилъ всѣ главные города на сѣверѣ Англіи, въ нѣкоторыхъ, въ честь его, устраивались большія процессіи, и вездѣ онъ встрѣчалъ самый радушный пріемъ.

Вскорѣ кончился срокъ заключенія Уайта, и его вмѣстѣ съ Коллинсомъ и М'Дуэлемъ пригласили посѣтить различныя мѣстности Шотландіи. Въ Глазго состоялась величественная народная демонстрація; десятки тысячъ рабочихъ бросили работу и устроили огромную процессію въ честь освобожденныхъ борцовъ и привѣтствовали ихъ появленіе громкими, радостными криками. Всѣ собравшіеся отправились въ Гринъ, и тамъ выбрали предсѣдателемъ Мойра; Коллинсъ, Уайтъ и М'Дуэль произнесли нѣсколько рѣчей. На этомъ митингѣ было не менѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ; послѣ митинга въ честь освобожденныхъ защитниковъ Хартіи былъ устроенъ вечеръ, и Глазговскіе радикалы въ своихъ рѣчахъ

выражали имъ свою признательность и свое уваженіе къ ихъ заслугамъ и страданіямъ. Послѣ демонстраціи въ Глазго М'Дуэль раздѣлился съ своими коллегами; они поѣхали впередъ и говорили обыкновенно на митингахъ подъ открытымъ небомъ; онъ слѣдовалъ за ними и читалъ интересныя лекціи въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ собиралось всегда очень много народу. Такимъ образомъ они объѣхали Шотландію и вездѣ, гдѣ они ни появлялись, агитація снова оживала. Вскорѣ послѣ того были выпущены изъ Дергэмской тюрьмы Бирнъ и Оуэнъ и посѣтили нѣсколько митинговъ въ окрестностяхъ Дергэма. Въ Ньюкастлѣ демократы устроили демонстрацію въ честь Бирна, Оуена и Уайта, вернувшагося изъ Шотландіи. Коллинсъ не могъ присутствовать вслѣдствіе нездоровья. На желѣзнодорожной станціи Уайтъ былъ встрѣченъ процессіей, со знаменами и съ оркестромъ, сопровождавшей его на митингъ, гдѣ онъ произнесъ довольно длинную рѣчь съ свойственнымъ ему ядовитымъ остроуміемъ. Диганъ и другіе также произнесли рѣчи. Послѣ митинга около ста двадцати лицъ присутствовали на обѣдѣ въ Мегдональдскомъ Отелѣ, гдѣ предсѣдателемъ былъ выбранъ вѣрный и испытанный другъ народнаго дѣла, Томасъ Дебльдей, а Бирнъ, Уайтъ и Диганъ говорили рѣчи. Затѣмъ въ Music Hall былъ устроенъ вечеръ, на которомъ присутствовали демократы обоихъ половъ. Женщины-чартистки поднесли адресъ освобожденнымъ борцамъ за свободу, и затѣмъ Миссъ Гольмсъ надѣла серябряную цѣпь на шею Бирну, а также и Уайту, за что они оба выразили свою благодарность. Въ теченіе вечера было произнесено много привѣтственныхъ и отвѣтныхъ рѣчей, и собраніе закончилось аплодисментами въ честь „Сѣвернаго Освободителя", „Сѣверной Звѣзды", въ честь дамъ и предсѣдателя.

Въ то время какъ освобожденные чартисты вновь пробуждали движеніе въ пользу Хартіи, общественное вниманіе привлекло на время другое, тоже очень значительное движеніе. Мы бы не стали упоминать о немъ на страницахъ этой исторіи, еслибъ не его вліяніе на агитацію чартистовъ. Это движеніе касалось иностранной политики Лорда Пальмерстона. Центромъ этого движенія былъ Ньюкастль на Тайнѣ, главнымъ руководителемъ Давидъ Эркгартъ, спеціально изучавшій англійскую иностранную политику; ему помогалъ Чарльсъ Атвудъ, братъ бывшаго популярнаго члена Парламента отъ Бирмингама. Виллльямъ Каргиль также игралъ здѣсь руководящую роль. Всѣ эти лица обвиняли Лорда Паль-

мерстона въ томъ, что онъ жертвуетъ интересами Британской націи для Россіи. Они доходили даже до того, что обвиняли его въ томъ, что онъ будто-бы былъ подкупленъ Россіей для того, чтобы вовлечь Англію въ войну съ Франціей. „Сѣверный Освободитель“ служилъ выразителемъ этой партіи на сѣверѣ, а Деблъдей поддерживалъ ихъ обвиненія, какъ въ своихъ статьяхъ, такъ и въ рѣчахъ. Чартисты были единственной партіей, на поддержку которой можно было расчитывать, и пропаганда среди нихъ имѣла нѣкоторый успѣхъ. Въ Ньюкастлѣ были устроены публичные митинги, главными ораторами на которыхъ выступали Эркгартъ, Чарльсъ Атвудъ, Деблъдей и Каргиль; и къ нимъ присоединились многіе лидеры чартистовъ, такъ, напримѣръ, извѣстные Айръ, Месонъ и Лоурей, и агитація въ пользу этого вопроса велась съ довольно большой энергіей. Кардо, Ричардсъ и Уорренъ, всѣ трое члены Конвента, были посланы въ качествѣ миссіонеровъ въ Бирмингамъ, Нортгэмптонъ, Карлейль и многія другія мѣста. Но, за исключеніемъ Ньюкастля, движеніе это не долго пользовалось успѣхомъ. Произошло это не потому, чтобы чартисты имѣли какое-нибудь довѣріе къ Британскому министру, но изъ опасенія, чтобы это движеніе не отвлекло ихъ отъ главной задачи. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ О'Конноръ, который всѣми силами старался дискредитировать это движеніе въ „Сѣверной Звѣздѣ“, и въ скоромъ времени оно дѣйствительно сосредоточилось почти исключительно только въ Ньюкастлѣ. Въ этомъ вопросѣ чартисты, благодаря вліянію О'Коннора, обнаружили очень узкое отношеніе къ дѣлу. Безъ сомнѣнія, Хартія была ихъ главной и наиболѣе важной задачей, но въ ихъ интересахъ было всѣми возможными средствами доказывать несостоятельность ихъ правителей, для того, чтобы, пользуясь ихъ ошибками, добиться осуществленія своихъ принциповъ.

Зимою 1841 года со стороны радикальной партіи Виговъ была сдѣлана попытка вызвать новое движеніе въ пользу народнаго представительства, и съ этой цѣлью былъ устроенъ большой митингъ на новой мельницѣ, выстроенной Маршалъ въ Лидсѣ. Чтобы придать большее значеніе движенію, были выставлены имена О'Коннеля, Рейбека, полковника Томсона, Шермана Крофордъ и Джозефа Юма. Если бы даже не было никакихъ другихъ основаній, то одного только имени О'Коннеля было-бы достаточно, чтобы осудить это движеніе на гибель. Его энергичная оппозиція чартизму, не сдержанныя и обличительныя рѣчи, физическое

насиліе, къ которому онъ позволилъ себѣ прибѣгнуть, чтобы разогнать чартистское собраніе въ Дублинѣ, возстановили противъ него всю партію; по всему Уестъ Райденгу было разослано воззваніе, въ которомъ чартисты приглашались придти на этотъ митингъ и оказать О'Коннелю заслуженный имъ пріемъ. Митингъ былъ назначенъ въ четвергъ, 21 января, и чартисты рѣшили устроить въ этотъ день контръ-демонстрацію, для чего съ разныхъ концовъ Англіи и Шотландіи собрались делегаты. Въ среду, наканунѣ митинга радикаловъ, въ честь пріѣхавшихъ чартисткихъ делегатовъ былъ устроенъ вечеръ, въ Music-Hall, на которомъ предсѣдательствовалъ Его Пр. Вилльямъ Хиллъ, издатель „Сѣверной Звѣзды". На другой день, несмотря на холодную погоду, процессія съ многочисленными знаменами, украшенными обычными девизами и лозунгами, прошла по различнымъ улицамъ города и остановилась въ Гольбекмурѣ. На митингѣ предсѣдательствовалъ Джошуа Гобсонъ и прочелъ имена делегатовъ, это были: Мойръ отъ Глазго, Коллинсъ и О'Нейль отъ Бирмингама, Джонъ Месонъ отъ Миндланда, Джемсъ Личъ отъ Манчестера, Вилльямъ Тильманъ отъ Манчестера и Лондона, Дейль отъ Манчестера и отъ столичныхъ округовъ; Диганъ отъ Дергемскаго графства; Бернсъ, Самюель Гилей, Джонъ Пекъ и Вилльямъ Уорсдель отъ Гуля, Лоренсъ Питкитли и Эдуардъ Клейтонъ отъ Годдерсфильда, Джонъ Райтъ отъ Стокпорта, Джорджъ Гальтонъ отъ Престона, Джобъ Мидглей отъ Гебденъ Бриджа, Джемсъ Виккерманъ отъ Галифакса, Джонъ Гривсъ отъ Ольтгема, Вилльямъ Бислей отъ Берилея, Робертъ Лоурей отъ Ньюкастля, Томасъ Бальдуинъ отъ Кольна, Томасъ Ноульсъ отъ Кифлея, Джонъ Содонъ отъ Грэтъ-Гортона и Ж. Р. Бэрстау отъ Ливерпуля.

Было принято единогласной резолюціей продолжить движеніе въ пользу Хартіи и не довѣрять иниціаторамъ поваго движенія; ихъ обвиняли главнымъ образомъ за приглашеніе на митингъ О'Коннеля, самаго лицемѣрнаго, какъ это было сказано, изъ современныхъ политиковъ. Была принята также резолюція о довѣріи къ Фиргусу О'Коннору, и затѣмъ другая, объ отставкѣ министерства и составленъ адресъ королевѣ по этому поводу. Когда митингъ кончился, делегаты отправились на мельницу Маршаль въ сопровожденіи многочисленной толпы, которая быстро наполнила залъ (расчитанный на семь тысячъ человѣкъ), гдѣ должно было состояться собраніе представителей средняго класса. На спинкѣ предсѣдатель-

скаго кресла были написаны различные девизы, какъ напримѣръ: „Справедливость для каждаго и для всѣхъ“, „Отмѣна ценза для членовъ Парламента“, „Право голоса для всѣхъ квартиронанимателей“, „Тайная баллотировка и трехгодичный парламентъ“, „Новое распредѣленіе представительства по округамъ“. Предсѣдателемъ былъ Джемсъ Гардъ-Маршалъ. Но чартистамъ не удалось оказать О'Коннелю заслуженнаго имъ пріема, такъ какъ у великаго агитатора не хватило мужества явиться на митингъ. Джозефъ Юмъ произнесъ по поводу первой резолюціи рѣчь, продолжавшуюся цѣлый часъ; но онъ не имѣлъ успѣха, и встрѣтилъ довольно плохой пріемъ, что было по меньшей мѣрѣ несправедливо и не заслужено. Какія бы ни были политическія убѣжденія Юма, онъ всегда стоялъ на сторонѣ рабочаго класса, какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ парламента.

Резолюція была составлена въ такихъ общихъ чертахъ, что чартисты вполнѣ могли присоединиться къ ней. Вотъ она:—

„Великая попытка улучшить положеніе страны съ помощью Билля о реформѣ не осуществила народныхъ стремленій, поэтому являются необходимыми дальнѣйшія реформы, и митингъ выражаетъ свое мнѣніе, что соединенныя усилія всѣхъ сторонниковъ реформы должны быть направлены къ достиженію болѣе широкаго избирательнаго права для того, чтобы интересы представителей согласовались съ интересами всей страны и, такимъ образомъ, обезпечили бы справедливое правительство для всѣхъ классовъ народа“.

Резолюція была поддержана Мойромъ изъ Глазго, а затѣмъ произнесъ рѣчь Коллинсъ, защищавшій такъ же, какъ и его предшественникъ, принципъ всеобщаго избирательнаго права. Затѣмъ выступилъ Робекъ, порицавшій, между прочимъ, суровое отношеніе правительства къ чартистамъ. За нимъ послѣдовалъ О'Нейль, заявившій, что чартисты никогда не сойдутъ съ занятой имъ высокой позиціи. Шерманъ Крофордъ изложилъ систему классоваго представительства и защищалъ представительство отъ квартиронанимателей, въ число которыхъ должны были быть включены и жильцы, но также какъ и Юмъ, онъ не имѣлъ успѣха, и его часто прерывали. Лоурей въ своей рѣчи отозвался довольно рѣзко о Даніелѣ О'Коннелѣ. Послѣ Лоурея говорилъ Вилльямсъ Ч. П., отъ Ковентри; онъ стоялъ за представительство квартиронанимателей, хотя и заявилъ себя сторонникомъ всеобщаго избирательнаго

права. Затѣмъ произнесъ сильную рѣчь Месонъ, за которымъ послѣдовалъ полковникъ Томсонъ, объявившій себя „презрѣннымъ чартистомъ“. Послѣднимъ говорилъ Диганъ и, когда онъ кончилъ, резолюція была поставлена на голосованіе и принята среди восторженныхъ рукоплесканій. Затѣмъ было предложено благодарить предсѣдателя, и митингъ закончился троекратными рукоплесканіями въ честь О'Коннора, въ честь Фроста, Вилльямса и Джонса и троекратнымъ порицаніемъ по адресу Даніеля О'Коннора. Такимъ образомъ цѣль, ради которой былъ устроенъ митингъ, совершенно не была достигнута. Митингъ во всѣхъ отношеніяхъ носилъ чартистскій характеръ и, нѣтъ сомнѣнія, что никакія попытки объединить средній и рабочій классы ради какой-нибудь другой цѣли, кромѣ Хартіи, не могли имѣть успѣха, по крайней мѣрѣ, въ данное время.

Лѣтомъ 1841 года должны были происходить всеобщіе выборы. Чартисты поклялись отомстить Вигамъ и—такъ какъ приближался конецъ ихъ министерству—они приготовились привести въ исполненіе свою угрозу. Министерство Мельборна, чувствуя, что популярность его гибнетъ, рѣшило предпринять смѣлый шагъ для того, чтобы возстановить къ себѣ довѣріе публики, и результатомъ этого рѣшенія были три важныя мѣры. Оно предложило уничтожить существующій хлѣбный законъ и взамѣнъ него, установить опредѣленную пошлину въ восемь шиллинговъ съ четверика, уравнять пошлину на сахаръ и уменьшить пошлину на заграничный лѣсъ. Оно надѣялось съ помощью этихъ мѣръ вернуть себѣ общественное довѣріе, которое потеряло, благодаря своему лицемѣрному законодательству. Раньше эти мѣры были-бы навѣрно встрѣчены съ одобреніемъ, но теперь добрыя намѣренія правительства не могли вернуть ему довѣрія. Общественное мнѣніе было слишкомъ настроено противъ Виговъ и всего, что исходило отъ нихъ и, когда они внесли свои предложенія, Палата Общинъ не приняла ихъ и парламентъ пришлось распустить. Выдвигался вопросъ, какой тактики будутъ держаться чартисты? Нѣкоторые стояли за поддержку наиболѣе либеральныхъ представителей Виговъ,—другіе же хотѣли во что бы то ни стало прогнать и разбить Виговъ, даже если пришлось бы замѣнить ихъ Тори. Между О'Конноромъ и О'Брайеномъ произошла размолвка, хотя оба они были въ это время въ тюрьмѣ. Первый стоялъ за Тори, второй былъ противъ нихъ и утверждалъ, что, если чартисты

будутъ вотировать за Тори, то станутъ игрушками въ рукахъ этой партіи. Онъ считалъ возможнымъ вотировать за Тори только въ томъ случаѣ, если тѣ въ свою очередь помогли-бы чартистамъ провести своихъ кандидатовъ. О'Браіенъ держался того же взгляда и относительно Виговъ; по его мнѣнію чартисты, поддерживая ту или иную партію, должны были прежде всего преслѣдовать свои интересы. Въ этомъ спорѣ О'Брайенъ, безъ сомнѣнія, былъ вполнѣ правъ, но неудовольствіе противъ Виговъ было такъ сильно, что взгляды О'Коннора встрѣтили большее сочувствіе и были приняты всей партіей. Трудно было принять болѣе роковое для партіи рѣшеніе; если-бы не эта тактика, партія Виговъ была-бы надолго обезсилена, а теперь чартисты дали имъ могущественное орудіе противъ себя. Ихъ прозвали презрительнымъ наименованіемъ „Тори Чартисты“ и это имѣло свое дѣйствіе. Мы, въ данномъ случаѣ, идемъ еще дальше О'Брайена; *мы никогда не соединились-бы ни съ какой партіей, несмотря ни на какія условія.* Такое соединеніе показываетъ только полную непослѣдовательность. Поддерживать съ одной стороны своего сторонника, а съ другой, можетъ быть, своего смертельнаго врага, по меньшей мѣрѣ смѣшно! Такого рода тактика никогда не приносила ничего хорошаго. Временно иногда можно одержать побѣду, но эта побѣда хуже пораженія. Развѣ можетъ произойти что-нибудь хорошее отъ соединенія истины съ заблужденіемъ и добродѣтели съ порокомъ? Если существуютъ хотя бы три человѣка съ вѣрными принципами, то пусть они или борятся за эти принципы, или падутъ за нихъ—это, по крайней мѣрѣ, обезпечитъ имъ уваженіе даже со стороны враговъ.

Но для выборовъ была принята еще другая резолюція, гораздо лучшая, чѣмъ резолюція о поддержкѣ Тори; она состояла въ томъ, чтобы выдвигать на избирательныхъ собраніяхъ своихъ кандидатовъ съ цѣлью распространенія принциповъ чартизма. Въ избирательные списки было внесено много кандидатовъ, но нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ политической школѣ Робека. Всѣ сторонники принциповъ Хартіи перечислялись въ длинномъ письмѣ Фиргуса О'Коннора въ „Сѣверной Звѣздѣ“. Робекъ, выступившій кандидатомъ въ Базѣ, былъ избранъ, но полковникъ Томсонъ потерпѣлъ неудачу въ Гулѣ; Окли и Денкомбъ были избраны въ Финсбёри, Фильденъ и Джонсонъ въ Ольтгемѣ. Винсентъ, выступившій кандидатомъ въ Бендбери, получилъ только пятьдесятъ одинъ голосъ: но и изъ другихъ кандидатовъ также

никто не получилъ больше ста двадцати четырехъ голосовъ. М'Дуэль поставилъ свою кандидатуру въ Нордгемптонѣ, гдѣ чартисты открыто соединились съ Тори. Началась отчаянная борьба между Вигами и Тори, но Виги одержали верхъ, и М'Дуэль получилъ только сто семьдесятъ голосовъ изъ двухъ тысячъ. Въ Ньюкастлѣ на Тайнѣ кандидатомъ отъ чартистовъ былъ предложенъ Бронтеръ О'Брайенъ и, хотя онъ все еще находился въ тюрьмѣ, за него было поднято огромное количество рукъ, далеко превосходившее своимъ количествомъ сторонниковъ другихъ, болѣе счастливыхъ кандидатовъ, мы хотимъ сказать, болѣе счастливыхъ въ полученіи большинства по избирательнымъ запискамъ. Друзья О'Браіена сняли его кандидатуру послѣ этой побѣды на избирательномъ собраніи. Гарней и Питкитли состязались съ Лордомъ Морпетомъ и Мильтономъ на избирательныхъ собраніяхъ Уэстъ-Райдинга въ Іоркширѣ, гдѣ имъ удалось привлечь общественное мнѣніе въ пользу Хартіи. Въ аристократическомъ мѣстечкѣ Мерильбона кандидатомъ отъ чартистовъ выступилъ Сенкей; онъ имѣлъ мужество подвергнуться баллотировкѣ по запискамъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, и получилъ только семьдесятъ голосовъ. Даже въ Брайтонѣ чартисты имѣли своего кандидата въ лицѣ Чарльса Брукера, мѣстнаго жителя, получившаго только восемнадцать голосовъ изъ огромнаго числа избирателей. Въ Карлейлѣ чартисты выдвинули своимъ кандидатомъ Генсона, поденщика ткача, получившаго, при голосованіи поднятіемъ рукъ, большее количество голосовъ, чѣмъ его аристократическіе соперники. Чартисты выставили своихъ кандидатовъ и въ другихъ мѣстахъ Англіи и Шотландіи и, почти во всѣхъ случаяхъ, огромное большинство избирательныхъ собраній оказывалось на ихъ сторонѣ. Сочувствіе большинства несомнѣнно было на ихъ сторонѣ и въ тѣхъ случаяхъ, когда при баллотировкѣ по запискамъ они оставались въ меньшинствѣ. Это служило только доказательствомъ разногласія между избирательнымъ классомъ и не избирательнымъ. Исключеніе составлялъ только Лидсъ, гдѣ не избирательный классъ былъ проникнутъ буржуазнымъ духомъ. Кандидатами отъ чартистовъ выступили Личъ и Вилльямсъ, но баллотировка поднятіемъ рукъ была противъ нихъ, и когда ихъ друзья сообщили ея результаты они, какъ сторонники всеобщаго избирательнаго права, преклонились передъ народнымъ рѣшеніемъ и сняли свою кандидатуру.

Если бы чартисты отказались принять тактику О'Коннора и не поддерживали-бы Тори, то выборы 1841 года оказали бы огромную услугу народному дѣлу. Если-бы чартисты стояли въ сторонѣ отъ избирательной кампаніи и, предоставивъ Вигамъ и Тори сражаться между собою, выставляли-бы своихъ кандидатовъ только при простой баллотировкѣ поднятіемъ рукъ, ихъ вліяніе навѣрное возрасло-бы, и они положили-бы начало своему будущему торжеству. Но принятая партіей тактика внесла страшный разладъ въ ея ряды, разладъ гораздо большій, чѣмъ разногласіе по поводу вопросовъ о моральной и физической силѣ. Правда, тактика О'Коннора встрѣтила одобреніе у большинства, но значительное меньшинство, состоявшее изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ, изъ отвращенія къ принятой партіей тактикѣ, бросилось въ другую крайность и соединилось съ Вигами. Такимъ образомъ чартисты совершенно разъединились и выборы, которые при другихъ обстоятельствахъ могли бы значительно помочь дѣлу, только задержали движеніе, на выборахъ Тори одержали побѣду надъ Вигами; изъ ихъ числа въ Парламентъ было выбрано на сто человѣкъ больше. Но, изъ чартистскихъ кандидатовъ ни одинъ, за исключеніемъ уже раньше занимавшихъ мѣста въ Палатѣ Общинъ, какъ Робекъ напримѣръ, не былъ избранъ. Даже тамъ, гдѣ Тори изъявили свое согласіе на соединеніе съ чартистами для взаимной поддержки, они, за рѣдкимъ исключеніемъ, все-же не подавали своихъ голосовъ за чартистскихъ кандидатовъ. Этого надо было ожидать. Разница между Вигами и Тори очень незначительна, но между принципами чартистовъ и Тори лежитъ безконечная пропасть. Какъ Виги, такъ и Тори, съ соціальной точки зрѣнія, являются владѣтелями монополіи. Возможно-ли, чтобы какая нибудь изъ этой партіи искренно соединилась съ сторонниками демократіи, неизбѣжной противницей всякихъ монополій? Отсутствіе правильнаго освѣщенія вопроса привело къ неудачѣ 1841 года и результатомъ этого былъ, какъ уже вы замѣтили раньше, разладъ среди чартистовъ, а это, въ свою очередь, привело къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ для всего чартистскаго движенія.

Только что успѣла основаться Національная Чартистская Ассоціація, какъ возникла другая ссора, и какъ всегда, по вопросу о тактикѣ. Ловетъ съ Коллинсомъ написали въ тюрьмѣ сочиненіе подъ названіемъ „Чартизмъ", въ которомъ предлагали планъ организаціи

чартистовъ по всему государству. Въ этотъ планъ входило назначеніе миссіонеровъ, печатаніе и разсылка брошюръ, передвижныя библіотеки, постройка залъ для публичныхъ чтеній и школъ для физическаго, умственнаго, нравственнаго и политическаго воспитанія народа, а также открытіе нормальныхъ школъ для подготовки учителей обоего пола. Они высчитали, что если-бы каждое лицо, подписавшее національную петицію, внесло-бы только по одному пенни въ недѣлю, то каждый годъ въ округахъ можно было бы устроить по восьмидесяти залъ для публичныхъ чтеній, или-же такое-же количество нормальныхъ или техническихъ школъ стоимостью по 3.000 ф. каждая, всего на сумму 240.000 ф. семьсотъ десять передвижныхъ библіотекъ по 20 ф. каждая, всего на сумму 14.200 ф.; имѣть четырехъ миссіонеровъ, съ уплатой каждому по 200 ф. въ годъ, включая сюда и путевыя издержки, итого 800 ф.; разсылать каждую недѣлю по 20.000 брошюръ по 15 шиллинговъ за 1000, всего на сумму 780 ф., затѣмъ печать, почтовыя издержки, вознагражденіе и т. п. на сумму 700 фунтовъ. Такимъ образомъ каждый годъ на народное образованіе и на народную организацію уходило бы 256.200 ф. Но какъ только этотъ планъ появился въ печати, на него посыпался цѣлый рядъ обвиненій. О'Конноръ съ „Сѣверной Звѣздой" первый забилъ въ набатъ, заявивъ, что съ помощью этой программы хотятъ уничтожить чартистское движеніе въ угоду среднему классу, и почти во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствовали чартисты „новому движенію" была объявлена война. Въ „Сѣверной Звѣздѣ" время отъ времени появлялись письма и статьи, доказывавшія, что одна только Манчестерская программа заслуживаетъ быть принятой народомъ, и объявлявшія измѣнниками всѣхъ сторонниковъ плана Ловета и Коллинса. Скоро возникла еще причина для раскола. Винсентъ, изъ своей тюрьмы въ Окэмѣ, написалъ письмо чартистамъ, совѣтуя всѣмъ отказаться отъ употребленіи спиртныхъ напитковъ. Выйдя изъ тюрьмы, въ мартѣ 1841 г., онъ объѣхалъ по приглашенію своихъ друзей всѣ главные города и, въ концѣ каждаго митинга, убѣждалъ организовать Чартистское Общество Трезвости; къ нему примкнуло довольно большое количество членовъ. Нападки на этотъ планъ не имѣли такого успѣха, какъ яростныя нападки на планъ Ловета и Коллинса. Издатель „Сѣверной Звѣзды" М-ръ Хиллъ подписался подъ воззваніемъ Винсента, и его примѣру послѣдовали многіе другіе мѣстные лидеры. Но О'Конноръ былъ

противъ него; онъ признавалъ только Манчестерскую программу партіи и возставалъ противъ всякаго другого плана.

Скоро явилась еще третья партія, встрѣченная чартистскимъ вождемъ такимъ же неодобреніемъ. Шотландскіе чартисты учредили во многихъ мѣстностяхъ Шотландіи христіанскія чартистскія церкви, въ которыхъ каждое воскресенье произносились политическія проповѣди, и это движеніе до нѣкоторой степени проникло и въ Англію. Въ Бирмингамѣ пасторомъ этого новаго направленія былъ Артуръ О'Нейль. О'Конноръ помѣстилъ въ „Сѣверной Звѣздѣ“ письмо, подъ заглавіемъ „Ученый чартизмъ, трезвенный чартизмъ и христіанскій чартизмъ“. Въ этомъ письмѣ онъ съ большимъ паѳосомъ нападалъ на всѣ три направленія, какъ самостоятельныя организаціи, но нападки его были направлены, главнымъ образомъ, на первую партію. Все это не могло, конечно, способствовать дружескому единенію между О'Конноромъ и вышеозначенными партіями; они усмотрѣли въ немъ стремленіе установить своего рода диктаторство и сдѣлать изъ партіи послушное орудіе, оказывая поддержку только одному направленію для своихъ собственныхъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи они были вполнѣ правы. Было бы настоящимъ деспотизмомъ утверждать, что люди, придерживающіеся одинаковыхъ принциповъ, обязаны всегда слѣдовать одной и той же опредѣленной тактикѣ и что всѣ несогласные съ ней, являются врагами дѣла. Планъ Ловета и его друзей заключалъ въ себѣ истинный элементъ народнаго возрожденія, если бы только онъ былъ выполненъ въ полномъ объемѣ честно и непреклонно, и это было-бы вполнѣ возможно, если бы за него принялись надлежащимъ образомъ. Было бы большимъ счастьемъ, если бы этотъ планъ встрѣтилъ всеобщее одобреніе, такъ какъ чартисты всегда имѣли бы возможность слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ не служилъ интересамъ средняго класса. Тогда черезъ нѣсколько лѣтъ мы создали бы народную власть, достаточно сильную, чтобы противостоять всѣмъ врагамъ демократіи.

Къ концу лѣта, 1841 года, были выпущены изъ тюрьмы О'Конноръ и О'Брайенъ и это на время придало новую силу чартистскому движенію, у котораго былъ теперь постоянный Исполнительный Комитетъ, состоявшій изъ М'Дуэля, Лича, Фильпа, Кембеля и Моргана Вилльямса. О'Конноръ возвѣстилъ въ „Сѣверной Звѣздѣ“, что онъ одѣнется въ бумазейную пару, когда будетъ выпущенъ

изъ тюрьмы для того, чтобы показать, что онъ вполнѣ отождествляетъ себя съ рабочимъ классомъ. Само собой разумѣется, что бумазейная пара была ему заказана и преподнесена. Въ день его освобожденія делегаты изъ разныхъ мѣстностей собрались въ Іоркѣ, чтобы поздравить его отъ имени своихъ избирателей. Всѣхъ делегатовъ было пятьдесятъ шесть. Для этого случая была сооружена тріумфальная колесница, въ которую посадили О'Коннора въ его бумазейной парѣ; колесницу сопровождали тысячныя толпы народа; процессія прошла по всѣмъ улицамъ Іорка, провозглашая, время отъ времени, громкое „ура“ освобожденному „Льву свободы“. Прежде чѣмъ разъѣхаться, делегаты составили воззваніе къ странѣ, призывая народъ организоваться, чтобы усилить движеніе. Ланкастерскіе демократы устроили въ честь О'Брайена собраніе, на которомъ онъ былъ встрѣченъ съ самымъ пылкимъ восторгомъ и произнесъ какъ всегда въ высшей степени краснорѣчивую и содержательную рѣчь. Вскорѣ послѣ того, О'Конноръ и О'Брайенъ были приглашены въ Манчестеръ, гдѣ ихъ встрѣтила огромная процессія, оказавшая имъ всѣ подобающія въ данномъ случаѣ почести.

О'Конноръ являлся на всѣ демонстраціи, которыя устраивались въ честь его. Объѣхавъ Шотландію, онъ неожиданно заявилъ, что въ три мѣсяца соединитъ средній классъ съ рабочимъ классомъ, и это послѣ того, какъ онъ самъ раньше заявлялъ о невозможности какого-бы то ни было соединенія между этими двумя классами. Что касается до О'Брайена, то онъ рѣшительно отказался отъ какихъ-бы то ни было процессій и демонстрацій, находя, что подобнаго рода демонстраціи въ данное время не приводили ни къ чему хорошему; но по приглашенію различныхъ корпорацій, онъ объѣхалъ страну и вездѣ читалъ краснорѣчивыя, блестящія, въ высшей степени содержательныя лекціи, создавшія ему такую славу. О'Конноръ совершилъ свою поѣздку по Шотландіи не безъ помѣхи: слѣдомъ за нимъ почти всюду ѣздилъ Его Преп. П. Брустеръ и возражалъ ему по вопросу о физическомъ насиліи съ довольно значительнымъ успѣхомъ.

Весною, 1842 года, въ рядахъ чартистовъ появился новый источникъ разлада. Джозефъ Стерджъ вышелъ изъ „Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ“, найдя, что руководители ея страдаютъ отсутствіемъ принциповъ, и принялся за агитацію по вопросу объ всеобщемъ избирательномъ правѣ. Онъ выпустилъ декларацію,

провозглашавшую за каждымъ человѣкомъ право на избраніе. Онъ призывалъ всѣхъ сторонниковъ парламентской реформы подписать эту декларацію и собрать затѣмъ конференцію въ Бирмингамѣ, для того, чтобы обсудить лучшія средства для осуществленія этой реформы. Довольно большое число чартистовъ, въ особенности въ западной Англіи, отнеслось къ этому движенію сочувственно. Винсентъ и Фильпъ находились въ это время въ Базѣ, редактируя *National Vindicator* чартистскій органъ цѣною въ два пенни и не оплачиваемый штемпельнымъ сборомъ. Фильпъ, какъ мы замѣтили раньше, состоялъ членомъ Исполнительнаго Комитета чартистовъ. Оба они подписали декларацію Стерджа и такимъ образомъ выразили согласіе на конференцію, делегатами на которую и были избраны. Чартисты въ Утенѣ подъ Эджемъ избрали своимъ представителемъ на конференціи Бронтера О'Брайена. Макъ-Картней былъ посланъ отъ Ливерпуля. Дьюгерстъ и четверо другихъ явились представителями Бредфордскихъ чартистовъ. Отъ Лондона былъ выбранъ Джонъ Гемфрисъ Пари, и еще нѣкоторые другіе делегаты отъ различныхъ мѣстностей. Большинство составляли лица средняго класса, никогда раньше не принимавшія участія въ чартистскомъ движеніи. Органомъ новаго движенія былъ *Nonconformist,* газета издававшаяся Майелемъ, священникомъ диссидентомъ. Въ этой газетѣ появилась серія очень содержательныхъ и краснорѣчивыхъ статей о правѣ рабочаго класса на голосованіе. Но хотя часть чартистовъ сочувственно относилась къ задачамъ Стерджа, О'Конноръ и его партія были противъ этого движенія и, когда собралась Конференція, О'Конноръ явился въ Бирмингамъ наблюдать за ея дѣйствіями. Прежде всего былъ поднятъ вопросъ о представительствѣ; и послѣ двухъ-дневныхъ преній, въ теченіе которыхъ О'Брайенъ и другіе чартистскіе делегаты употребляли всѣ усилія, чтобы выдвинуть на первый планъ главные принципы чартизма, конференція приняла всѣ шесть пунктовъ Народной Хартіи. Затѣмъ по предложенію Ловета и О'Брайена было рѣшено собрать Конференцію болѣе національнаго характера, члены которой избирались бы на народныхъ митингахъ. Эта послѣдняя Конференція должна была выработать во всѣхъ подробностяхъ новую реформу, основаніемъ для которой служили вышеупомянутые шесть пунктовъ. Въ слѣдующемъ номерѣ „Сѣверной Звѣзды" появилась передовая статья, осуждав-

шая Конференцію и выражавшая особенное порицаніе О'Брайену. Онъ обвинялся въ измѣнѣ чартизму ради интересовъ средняго класса и въ намѣреніи уничтожить Національную Чартистскую Ассоціацію, ради новой Ассоціаціи Стерджа. О'Коннoръ старался уронить въ глазахъ чартистовъ и Фильпа, такъ какъ тотъ также подписалъ декларацію, что, по мнѣнію О'Коннора, не согласовалось съ его обязанностями, какъ члена Исполнительнаго Комитета. Знаменитый агитаторъ прибѣгнулъ къ характерному способу, для того чтобы заставить своихъ сторонниковъ удалить Фильпа изъ Исполнительнаго Комитета. Онъ помѣстилъ въ „Сѣверной Звѣздѣ" письмо къ Личу, М'Дуэлю и Кембелю, наполненное обычною для него въ такихъ случаяхъ лестью, и заявилъ, что на слѣдующихъ выборахъ въ Комитетъ, онъ будетъ вотировать за нихъ. Письмо оказало желаемое дѣйствіе, Фильпъ былъ забаллотированъ, а на его мѣсто выбранъ Джонатанъ Бэрстау, молодой человѣкъ съ ораторскими способностями, уже давно выступавшій въ качествѣ лектора въ Уэстъ-Райдингѣ и въ другихъ мѣстахъ.

О'Брайенъ рѣшилъ не уступать своимъ врагамъ безъ борьбы; онъ написалъ письмо къ издателю „Сѣверной Звѣзды", указывая ему на его несправедливость и предлагая какъ ему, такъ и О'Коннору устроить въ Бирмингамѣ, гдѣ происходили всѣ эти событія, публичный диспутъ, на которомъ онъ брался доказать, что всѣ обвиненія, направленныя противъ него, не имѣли за собой никакихъ основаній и совершенно расходились съ дѣйствительными фактами; но единственнымъ отвѣтомъ на это приглашеніе было новое сплетеніе извращенныхъ фактовъ. О'Брайенъ снова написалъ письмо къ издателю, но тотъ отказался напечатать его на томъ основаніи, что письмо это было продиктовано „яростью разсерженнаго человѣка" и состояло все сплошь изъ „сквернословій и ругательствъ". Ничего не могло быть дальше отъ истины. О'Брайенъ, правда, опровергалъ взводимыя на него обвиненія съ благороднымъ негодованіемъ, но въ его выраженіяхъ не было ничего, что могло бы скомпрометировать какую бы то ни было газету. Не найдя справедливости въ „Сѣверной Звѣздѣ", не давшей ни одного точнаго отчета о занятіяхъ Конференціи, и удовлетворявшейся только короткими выдержками изъ другихъ газетъ, О'Брайенъ издалъ маленькую брошюру, въ которой ясно доказалъ всю несправедливость направленныхъ противъ него обвиненій. Издатель „Звѣзды" обвинялъ его

въ томъ, что онъ будто-бы протестовалъ противъ благодарственной резолюціи, которую одинъ изъ Бредфордскихъ делегатовъ предложилъ выразить рабочему классу за его труды. Въ дѣйствительности было такъ: онъ поддерживалъ предложеніе до тѣхъ поръ, покуда Парри, замѣтивъ, по общему впечатлѣнію, что предложеніе было сдѣлано изъ узко-партійныхъ мотивовъ, внесъ поправку, предлагая благодарить не только рабочій классъ, но и всѣхъ другихъ защитниковъ общаго дѣла; тогда О'Брайенъ, видя, что первое предложеніе не будетъ имѣть успѣха, поддержалъ поправку, заключавшую въ себѣ и первое предложеніе, но не носившую только такого исключительнаго характера. Далѣе, отвѣчая на второе обвиненіе, что онъ будто-бы хочетъ сыграть чартистскимъ движеніемъ въ руку Стерджа и его партіи, онъ объяснилъ вполнѣ ясно занятую имъ позицію, а именно: рекомендовать рабочему классу полагаться на свою собственную силу, но въ то же самое время не противодѣйствовать стремленіямъ извѣстной части средняго класса—защищать принципы Хартіи другими способами. Короче сказать, О'Брайенъ доказывалъ, что цѣль его заключается не въ томъ, чтобы обезпечить господство извѣстной партіи, но въ установленіи справедливыхъ принциповъ, откуда бы они ни исходили.

Поведеніе О'Коннора было тѣмъ болѣе странно, что на публичномъ митингѣ въ Бирмингамѣ, послѣ окончанія Конференціи, онъ поддержалъ резолюцію, выражавшую полное одобреніе дѣйствіямъ Конференціи и поздравлявшую страну съ направленіемъ, принятымъ ея членами. Но онъ приписалъ все то хорошее, что было сдѣлано, только себѣ. Было ясно, что онъ хотѣлъ развѣнчать О'Брайена; несмотря на то, что въ Бирмингамѣ у него былъ платный репортеръ, въ „Звѣздѣ“ не было напечатано ни одного правильнаго отчета о постановленіяхъ Конференціи, такъ какъ такой отчетъ разрушилъ бы замыслы О'Коннора. Теперь же на основаніи этихъ одностороннихъ отчетовъ значительнымъ большинствомъ были приняты въ разныхъ мѣстностяхъ резолюціи, порицавшія О'Брайена и Конференцію. Каждый наемный слуга О'Коннора (а ихъ было много) чувствовалъ себя обязаннымъ итти по слѣдамъ своего господина.

Но все же наиболѣе интеллигентная часть чартистовъ была на сторонѣ справедливости. Въ „Сѣверную Звѣзду“ было послано съ этой цѣлью нѣсколько резолюцій, но ихъ или совсѣмъ не пе-

чатали, или задерживали, выжидая, пока ядъ возымѣетъ свое дѣйствіе. О'Брайену было очень трудно защищаться, онъ не имѣлъ собственнаго органа, а „Сѣверная Звѣзда" самодержавно властвовала надъ всѣми другими. Однако, не смотря на все ея вліяніе, О'Брайенъ все же получилъ нѣсколько приглашеній читать лекціи. Но тогда была создана настоящая организованная система, чтобы силою срывать его митинги и подрывать его вліяніе. Однимъ изъ городовъ, гдѣ особенно чувствовалось вліяніе О'Коннора, былъ Лейстеръ. Весною, 1842 года, рабочій классъ этого города переживалъ особенно тяжкую нужду. Тысячи рабочихъ находились безъ занятій и жили только той работой, которую давалъ имъ приходъ, а такая работа оплачивалась нищенской платой $2^1/_2$ пенса въ день. Эту огромную массу людей, доведенную нищетой почти до безумія, было въ высшей степени легко возбудить противъ богатыхъ, въ особенности, если бы за это дѣло взялся человѣкъ со страстнымъ темпераментомъ, способный заразить своею горячностью слушателей; и такой человѣкъ нашелся въ лицѣ Томаса Купера.

Томасъ Куперъ родился въ Лейстерѣ. Отецъ его умеръ, когда онъ былъ еще младенцемъ, и мать переѣхала съ нимъ въ Генсборо, въ Линкольнширѣ, гдѣ ей съ большимъ трудомъ удавалось добывать пропитаніе себѣ и ребенку. Часто достать работу бывало такъ трудно, что матери приходилось голодать для того, чтобы ребенокъ не умеръ отъ истощенія. Любовь ея къ нему была такъ велика, что она часто отказывалась отъ пищи, чтобы удовлетворить его все возраставшую страсть къ чтенію. Въ ранней юности Куперу приходилось жить въ такой бѣдности, что у него часто не было ни чулокъ, ни башмаковъ. Въ то время здоровье его было очень слабое, и это, конечно, не удивительно. Въ пятнадцать лѣтъ его отдали въ обученіе сапожнику, и онъ занимался этимъ ремесломъ до двадцати трехъ лѣтъ. Но тяжелая и скучная механическая работа не мѣшала ему пріобрѣтать различнаго рода знанія. Онъ занялся изученіемъ языковъ и математики, и достигъ основательныхъ познаній въ латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ и французскомъ языкахъ, а также въ геометріи и алгебрѣ. Затѣмъ въ теченіе своей дальнѣйшей жизни онъ изучилъ итальянскій, нѣмецкій и другіе языки. И тратя столько энергіи на пріобрѣтеніе этихъ разнообразныхъ знаній, онъ зарабатывалъ только десять шиллинговъ въ недѣлю своимъ сапожнымъ ремес-

ломъ. Здоровье его матери въ то время уже разстроилось, и ему часто очень трудно было содержать и ее и себя. Куперъ нѣкоторыми своими привычками напоминалъ Коббета, а въ привычкѣ рано вставать даже превосходилъ его. Лѣтомъ онъ поднимался въ три часа утра и гулялъ до шести, читая во время прогулокъ. Двадцати трехъ лѣтъ онъ перенесъ тяжелую болѣзнь, послѣ которой одинъ изъ его друзей убѣдилъ его оставить сапожное ремесло и сдѣлаться учителемъ. Онъ послѣдовалъ этому совѣту и открылъ школу въ Генсборо, имѣвшую большой успѣхъ. Когда ему было около тридцати лѣтъ, онъ переѣхалъ въ знаменитый городъ Линкольнъ, гдѣ продолжалъ заниматься школьнымъ дѣломъ. Въ Линкольнѣ онъ сдѣлался репортеромъ *Stamford Mercury*, газеты, занявшей въ короткое время первое мѣсто среди провинціальной прессы. Вначалѣ онъ получалъ за свой репортерскій трудъ только двадцать фунтовъ въ годъ, но мало-по-малу заработокъ его повысился и достигъ ста фунтовъ въ годъ; затѣмъ онъ переѣхалъ въ Стамфордъ, гдѣ сдѣлался участникомъ по изданію этой газеты съ жалованіемъ въ триста фунтовъ въ годъ. Но онъ недолго оставался тамъ и вскорѣ переселился въ Лондонъ, гдѣ жилъ одно время въ такой нуждѣ, что ему часто приходилось продавать свои книги и даже закладывать свои платья. Иногда все же ему перепадала та или иная ничтожная работа при нѣкоторыхъ журналахъ, и въ концѣ концовъ онъ сдѣлался издателемъ *Greenwich Gazette*, просуществовавшей, впрочемъ, очень недолго. Но незадолго передъ тѣмъ, какъ закончилось издательство вышеуказанной газеты, Куперъ получилъ приглашеніе сдѣлаться репортеромъ *Leicestershire Mercury*, издававшейся въ его родномъ городѣ. Онъ принялъ это предложеніе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему пришлось присутствовать на митингѣ, чтобы дать отчетъ о лекціи по чартизму Джона Месона изъ Ньюкастля. Въ результатѣ онъ самъ сдѣлался чартистомъ и открылъ кофейную и лавку для продажи чартистскихъ изданій. Какъ мы уже раньше замѣтили, весной 1842 года, въ Лейстерѣ царила страшная нужда. Куперъ горячо изобличалъ всѣ несправедливости, которымъ подвергался рабочій классъ. Обладая пылкимъ ораторскимъ дарованіемъ, неустанной энергіей и непреклонной волей, онъ сталъ во главѣ рабочихъ, объединилъ мѣстныхъ чартистовъ, давъ имъ названіе „Шекспировской бригады Лейстерскихъ чартистовъ“ и подъ всѣми воззваніями этого общества подписывался „Генералъ“.

Возбужденные до крайнихъ предѣловъ его рѣчами, безработные представители труда, несмотря на свои несчастія, съ веселыми криками цѣлыми тысячами ходили за нимъ по улицамъ, останавливаясь у дверей лавочниковъ для полученія пожертвованій. Когда Куперъ не былъ въ состояніи предводительствовать этими процессіями самъ, его мѣсто занималъ какой-то другой человѣкъ въ военной формѣ, но народъ слушалъ всегда только Купера и повиновался только его приказаніямъ. Эта полуголодная толпа обнаруживала поразительное остроуміе и добродушіе въ своихъ ежедневныхъ шествіяхъ по городу. Если бы не лохмотья и не измученныя лица, то можно было бы подумать, что въ городѣ происходитъ какое-то празднество.

Изъ всѣхъ тогдашнихъ поклонниковъ Фиргуса О'Коннора, благоговѣйно преклонявшихъ предъ нимъ колѣна, первымъ и самымъ главнымъ былъ Томасъ Куперъ; и онъ съ гордостью и совершенно открыто заявлялъ себя поклонникомъ своего кумира, какъ это показываетъ одна изъ его рѣчей въ Манчестерѣ. Каждое слово Фиргуса О'Коннора было закономъ для Купера, каждое слово противъ Фиргуса О'Коннора — своего рода преступленіемъ. Однимъ словомъ, Куперъ былъ помѣшанъ на О'Коннорѣ и его поклоненіе выражалось во всѣхъ его поступкахъ. Когда его кумира выпустили изъ тюрьмы, Куперъ сочинилъ пѣсню въ честь его освобожденія подъ заглавіемъ „Левъ Свободы", и эту пѣсню пѣли неизмѣнно при открытіи каждаго митинга, на которомъ присутствовалъ Куперъ. Онъ всегда первый затягивалъ пѣсню, такъ какъ имѣлъ также большія музыкальныя способности, а его „храбрые шекспировцы" весело присоединялись къ нему. Онъ властвовалъ надъ этой полуголодной толпой подобно королю. Стоило ему только приказать, и его приказу повиновались безпрекословно. И вотъ въ это-то осиное гнѣздо попалъ О'Брайенъ, какъ разъ послѣ Бирмингамской конференціи *).

Въ Лейстерѣ существовала еще и другая партія чартистовъ, вполнѣ отличная отъ куперовскихъ о'коннорцевъ. Къ этой партіи принадлежалъ Джонъ Маркемъ. Члены этой партіи были слишкомъ интеллигентны, чтобы подчиняться диктаторству „Генерала шекспировцевъ" и откололись отъ нихъ. О'Брайенъ былъ приглашенъ этой партіей для чтенія лекціи, нанявшей для этой цѣли одно

---

*) См. письмо Купера въ приложеніи.

изъ самыхъ большихъ и красивыхъ залъ въ Лейстерѣ. За входъ для возмѣщенія расходовъ была назначена плата въ два пенса. Но представители физическаго насилія—„шекспировцы“ ворвались въ залъ, не внеся никакой платы, и образовали большинство, а ихъ „Генералъ“ занялъ мѣсто на платформѣ, чтобы оттуда повелѣвать ими. Онъ хорошо дисциплинировалъ своихъ солдатъ и внушилъ имъ долгъ безпрекословнаго повиновенія своимъ декретамъ. Онъ постарался внушить имъ, что богатые — ихъ враги (это довольно справедливо); что Джозефъ Стерджъ былъ богатымъ хлѣботорговцемъ и, слѣдовательно, не могъ быть честнымъ; что Бронтеръ О'Брайенъ былъ орудіемъ Стерджа и врагомъ ихъ великаго вождя Фиргуса О'Коннора. Онъ забылъ напомнить имъ, что хотя по большей части богатые почти всегда являются врагами бѣдныхъ, но тѣмъ не менѣе во всѣ времена среди нихъ находились представители гуманности и справедливости, защищавшіе интересы народа. Митингъ открылся предложеніемъ избрать въ предсѣдатели В. Д. Тейлора, но Бидгемъ, одинъ изъ оберъ-офицеровъ „Генерала“, предложилъ въ предсѣдатели своего господина. Начался споръ о томъ, кто имѣетъ большинство. Тогда поднялся О'Брайенъ и заявилъ, что былъ избранъ Куперъ. Такимъ образомъ Куперъ занялъ мѣсто предсѣдателя и открылъ митингъ пѣсней „Льву Свободы“, которую его сторонники скорѣе проревѣли, чѣмъ пропѣли. Затѣмъ Куперъ въ саркастическихъ выраженіяхъ извинился за неслыханное поведеніе своихъ бѣдныхъ фанатическихъ послѣдователей: у нихъ было страстное желаніе послушать ихъ „школьнаго учителя“, но они были слишкомъ бѣдны чтобы заплатить за входъ. Послѣ этого онъ предложилъ О'Брайену начать рѣчь. Тотъ произнесъ одну изъ самыхъ содержательныхъ рѣчей, когда-либо произносившихся съ платформы. Интеллигентная часть аудиторіи привѣтствовала его громкими рукоплесканіями. Онъ вполнѣ ясно опредѣлилъ свое участіе въ Конференціи и заявилъ, что со своей стороны продолжалъ стоять за Хартію, за ея названіе, за всѣ ея детали и пр. Хотя это заявленіе встрѣтило бурное одобреніе со стороны значительной части собранія, и хотя оно вполнѣ соотвѣтствовало программѣ „о'коннорцевъ“, „Генералъ“ тѣмъ не менѣе не апплодировалъ, а его солдаты, конечно, слѣдовали его примѣру. О'Брайенъ, между прочимъ, говоря о движеніи, поднятомъ Стерджемъ, защищалъ право всякаго сторонника демократіи создавать какую угодно ассоціацію или примыкать къ

ней и утверждалъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ предписывать другому присоединиться во что бы то ни стало къ Національной Чартистской Ассоціаціи. Эти слова О'Брайена вызвали громкое одобреніе со стороны его друзей, но „шекспировцы" молчали; и вотъ Куперъ, думая, очевидно, что лекція начинаетъ становиться слишкомъ убѣдительной и поэтому опасной для самодержавія „О'конноризма", вскочилъ и закричалъ: „Нѣтъ, нѣтъ! Чартисты, чартисты!" Затѣмъ онъ замахалъ своей шляпой и прокричалъ привѣтствіе О'Коннору, которое его солдаты повторили съ такимъ же послушаніемъ, съ какимъ ребенокъ повторяетъ слова родителей. Стоило только посмотрѣть на лица этихъ оборванныхъ и измученныхъ людей, чтобы понять, изъ какихъ элементовъ состоялъ „О'конноризмъ"—изъ невѣжества и фанатизма. Строгая принципіальность О'Брайена, его поразительная аргументація и блестящее остроуміе встрѣчали только мертвый или безсмысленный взглядъ. Они обнаруживали признаки жизни только при возгласахъ предсѣдателя, но это была жизнь страстей, но не жизнь разума. О'Брайенъ говорилъ въ теченіе двухъ часовъ, но затѣмъ долженъ былъ кончить вслѣдствіе внезапнаго приступа нездоровья. У него сдѣлался припадокъ рвоты, и онъ не могъ продолжать. Это обстоятельство обезоружило даже яростныхъ поклонниковъ О'Коннора, и Куперъ заявилъ, что въ этотъ вечеръ онъ не будетъ предлагать никакихъ вопросовъ О'Брайену. На слѣдующій вечеръ, прежде чѣмъ О'Брайенъ началъ свою рѣчь, Куперъ задалъ ему цѣлый рядъ вопросовъ, какъ напримѣръ, „Состоялъ-ли О'Брайенъ членомъ Національной Чартистской Ассоціаціи" и пр. въ томъ же духѣ. Отвѣты О'Брайена на эти вопросы не заключали въ себѣ ничего двусмысленнаго. Онъ отвѣчалъ, что не состоитъ членомъ Національной Чартистской Ассоціаціи, что предпочитаетъ дѣйствовать на основаніи своей личной отвѣтственности и поэтому въ настоящее время не вступилъ бы ни въ какую ассоціацію. Тогда Куперъ поставилъ на баллотировку вопросъ о выраженіи недовѣрія О'Брайену и „шекспировцы" провели эту резолюцію, одержавъ побѣду надъ болѣе образованной частью митинга. О'Брайенъ пытался говорить, но напрасно. „Генералъ" со своей ратью поднялъ такой шумъ, что ничего не возможно было слышать, и митингъ окончился среди страшнаго безпорядка.

Около того же времени Винсентъ былъ также приглашенъ въ Лейстеръ на лекцію. Но опять явился Куперъ со своими „шек-

спировцами“ и не далъ говорить Винсенту, несмотря на всѣ его усилія заставить себя выслушать. Куперъ стоялъ на платформѣ и громко кричалъ друзьямъ Винсента: „Если Стерджъ или Спенсеръ пріѣдетъ въ Лейстеръ, народъ будетъ слушать ихъ, но онъ не хочетъ слушать этого маленькаго ренегата“. И Винсентъ принужденъ былъ покинуть митингъ.

Другая штука, выкинутая Куперомъ, была еще болѣе необыкновенна. Виллььямъ Динъ Тейлоръ долженъ былъ читать лекцію; онъ обидѣлъ Купера, и тотъ явился со своей партіей. Конечно, „Шекспировцы“ выбрали предсѣдателемъ своего лидера; платформа состояла изъ ряда ступеней. Тейлоръ поднялся, чтобы начать говорить, но вдругъ предсѣдатель потребовалъ отъ него, чтобы онъ сталъ ступенью ниже. Тейлоръ отказался повиноваться. „Чартисты!“ воскликнулъ Куперъ — „Тейлоръ не слушается вашего предсѣдателя“. И только потому, что лекторъ не согласился подчиниться этому дерзкому требованію, фанатическіе послѣдователи Купера цѣлый вечеръ заглушали своими криками его рѣчь. Вотъ къ какимъ выходкамъ прибѣгалъ, въ 1842 году, одинъ изъ величайшихъ геніевъ, когда-либо выходившихъ изъ рядовъ рабочаго класса; и подобно многимъ людямъ съ такого рода характеромъ, Куперъ имѣлъ дерзость утверждать, что О'Брайенъ былъ сумасшедшій. У Фильпа тѣмъ не менѣе хватило хладнокровія и самообладанія, чтобы оказать противодѣйствіе диктаторству Купера. Онъ пріѣхалъ въ Лейстеръ съ цѣлью прочитать лекцію и просилъ Купера устроить ее ему. Куперъ встрѣтилъ его очень нелюбезно и сказалъ, что, прежде чѣмъ читать лекцію въ Лейстерѣ, онъ долженъ на колѣняхъ просить прощенія за прошлое. Фильпъ отвѣчалъ спокойно и съ достоинствомъ и, оставивъ Купера, обратился къ другому кружку чартистовъ, которые устроили ему лекцію въ своемъ залѣ. Куперъ, услышавъ объ этомъ, самъ чуть не на колѣняхъ, упрашивалъ Фильпа отказаться отъ своего намѣренія, но спокойный, хладнокровный и скромный „мальчикъ“, какъ Куперъ называлъ его, не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія.

Безуміе, царствовавшее въ Лейстерѣ, заражало болѣе или менѣе всю партію чартистовъ. Разумъ топтали ногами; царила страсть, раздуваемая демагогіей. Тотъ, кто имѣлъ мужество не идти слѣпо за О'Коннором и за „Сѣверной Звѣздой“ не могъ расчитывать на какой-бы то ни было успѣхъ. Что могло быть болѣе несправедливаго и не

разумнаго, какъ требовать при такомъ общественномъ настроеніи и при такомъ разногласіи между лидерами, соединенія всѣхъ демократовъ въ одну единственную ассоціацію? Это было самое грубое насиліе. Требовать единенія можно только тогда, когда достаточно распространено образованіе, дѣлающее его возможнымъ; но настоящая демагогія всегда стремится достигнуть цѣли, не соображаясь со средствами. Покуда образованіе не распространится въ достаточной мѣрѣ среди народа, нельзя ожидать чтобы онъ вошелъ въ какую бы то ни было организацію, необходимую для осуществленія его правъ. А для распространенія образованія не имѣетъ значенія, существуетъ ли одна или сто ассоціацій, такъ какъ всѣ они имѣютъ въ виду одну и ту же великую цѣль. Разладъ, который приписывали разницѣ во взглядахъ и въ пріемахъ борьбы, происходилъ не изъ этого источника, но изъ того факта, что одна часть чартистской партіи требовала, чтобы всѣ приняли именно ея тактику и не хотѣла признавать никакой другой. Отсюда ссоры и дрязги, отсюда ослабленіе партіи чартистовъ и распаденіе ея могущественныхъ организацій на сравнительно незначительныя группы.

Вскорѣ послѣ этихъ событій О'Брайенъ сдѣлался собственникомъ и издателемъ газеты, носившей названіе *British Statesman*, въ этой газетѣ онъ съ большой силой защищалъ право каждаго демократа на независимый образъ дѣйствій, если онъ остается вѣрнымъ принципу. Но у О'Брайена почти не было капитала, и поэтому борьба его съ О'Конноромъ и съ его организованными агентами не могла имѣть успѣха. Въ скоромъ времени *British Statesman* долженъ былъ сложить оружіе. Партія Ловета имѣла свой органъ подъ названіемъ *National Association Gazette*. Винсентъ и Фильдъ продолжали излагать свои взгляды въ *National Vindicator*; но ни одна изъ этихъ газетъ не пользовалась долголѣтнимъ существованіемъ. Чтобы показать крайнюю непослѣдовательность политики О'Коннора въ то время, мы должны упомянуть объ одномъ маленькомъ обстоятельствѣ, случившемся въ Базѣ; въ этомъ городѣ была сдѣлана попытка образовать союзъ между сторонниками отмѣны Хлѣбнаго Закона и Чартистами, основаніемъ котораго должно было служить отмѣна Хлѣбнаго Закона и полное, свободное, справедливое народное представительство. Винсентъ былъ представителемъ отъ чартистовъ на одномъ публичномъ митингѣ, собранномъ для обсужденія этого вопроса.

Мы раньше замѣтили, что Винсентъ бралъ, главнымъ образомъ, не столько содержаніемъ своихъ рѣчей, сколько своими манерами, голосомъ, жестами и энтузіазмомъ, но иногда онъ говорилъ дѣйствительно хорошо и содержательно, чему эта его рѣчь можетъ служить доказательствомъ:

„Миръ возсталъ противъ аристократическихъ учрежденій. Правда, война ведется различными способами, сраженія происходятъ въ различныхъ мѣстахъ. Сегодня она выражается въ борьбѣ диссидентовъ противъ господства государственной церкви; завтра въ доблестныхъ усиліяхъ освободить черныхъ рабовъ; послѣ завтра въ стремленіяхъ нашихъ угнетенныхъ католическихъ братьевъ. Мы слышимъ ее въ протестѣ противъ „Хлѣбныхъ Законовъ“: мы видимъ ее въ сооруженіи школы. Все это ничто иное какъ проявленіе великаго и благороднаго духа. Борьба ведется во имя высокихъ принциповъ вѣры въ братство человѣчества, во имя осуществленія христіанскихъ учрежденій. Это умственное и нравственное возмущеніе противъ вѣковыхъ предразсудковъ. Господа! зачѣмъ бояться этого проявленія новой силы? Что до меня — я радуюсь ему. Вмѣстѣ съ Каннингомъ я нахожу, что этотъ вѣкъ отмѣченъ событіями. Я наблюдаю съ величайшей радостью духовный ростъ демократіи и тревожное біеніе ея пульса. Привѣтствуйте и вы, господа, это движеніе, я прошу васъ! Не презирайте его, поддержите его, помогите ему. Посмотрите на эту толпу; Богъ — общій отецъ имъ и вамъ. Онъ сотворилъ ихъ такъ-же, какъ сотворилъ васъ, по образу своему и подобію. Грѣхъ и аристократическія учрежденія исказили этотъ образъ, но, по мѣрѣ того, какъ будетъ рости религіозное, умственное, нравственное, политическое и соціальное развитіе массъ, образъ этотъ возстановится во всей своей первоначальной красотѣ. Не удивляйтесь тому, что масса требуетъ абстрактныхъ правъ, вмѣсто того, чтобы требовать хлѣба; въ этомъ скрывается благородство, достойное всякихъ похвалъ. Поистинѣ великое зрѣлище представляетъ этотъ голодный и оборванный народъ, увлекающійся прекрасной абстракціей. Онъ говоритъ: правда, у насъ нѣтъ хлѣба, но мы требуемъ отнятыхъ отъ насъ правъ. Въ этомъ есть истинное величіе. Это показываетъ, что искра Господня зажгла ихъ души. Это провозглашеніе христіанской истины: „Не о хлѣбѣ единомъ будетъ жить человѣкъ, но о каждомъ словѣ исходящемъ изъ устъ Божіихъ“.

О'Конноръ пріѣхалъ въ Базъ, въ день митинга и, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ рѣчь Винсента была очень буржуазна, О'Конноръ на другомъ публичномъ митингѣ, состоявшемся вечеромъ, и на которомъ присутствовалъ Винсентъ, воскликнулъ, говоря объ его рѣчи: „Я зналъ, что Генри Винсентъ, этотъ Веньяминъ Франклинъ Чартизма, одержитъ блестящую побѣду надъ нашими врагами со своей арміей Базскихъ Чартистовъ". Не надо забывать, что эта, такъ называемая, побѣда была ни чѣмъ инымъ, какъ союзомъ между чартистами и сторонниками отмѣны хлѣбныхъ законовъ; что Чартисты, и въ особенности О'Конноръ, утверждали, что Хартія была необходима для того, чтобы сдѣлать отмѣну хлѣбныхъ законовъ благодѣтельной для народа и что, если бы Хартія была принята, то народъ самъ добился бы ихъ отмѣны. Съ этой точки зрѣнія было бы нелѣпостью говорить о союзѣ между двумя партіями. О'Конноръ зналъ, что сторонники отмѣны хлѣбныхъ законовъ, принадлежавшіе къ среднему классу, хотѣли только использовать вліяніе Чартистовъ для своей собственной спеціальной цѣли, и тѣмъ не менѣе онъ называлъ союзъ Чартистовъ съ ними „славной побѣдой надъ нашими врагами!"

Но когда, около этого же времени, Исполнительный Комитетъ Чартистовъ составилъ циркуляръ, въ которомъ излагался союзъ между Чартистами и сторонниками отмѣны хлѣбныхъ законовъ на лучшихъ основаніяхъ, чѣмъ это было сдѣлано Винсентомъ, О'Конноръ угрожалъ разоблачить этотъ планъ передъ партіей Чартистовъ, и его издатель дѣйствительно разоблачилъ его въ „Звѣздѣ". Въ ту же весну Джозефъ Стерджъ выступилъ кандидатомъ въ Нотингэмѣ противъ Джона Вальтера изъ *Times*'а. На предыдущихъ выборахъ О'Конноръ поддерживалъ Вальтера, теперь же онъ началъ поддерживать Стерджа противъ того, хотя считалъ Стерджа ловкимъ орудіемъ „Лиги противъ Хлѣбныхъ Законовъ", и пригласилъ читать въ защиту Стерджа цѣлый отрядъ чартистскихъ лекторовъ, державшихъ городъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ постоянномъ возбужденіи. Стерджъ не былъ выбранъ; но онъ получилъ болѣе тысячи восемьсотъ голосовъ противъ почти восьми тысячъ поданныхъ за его соперника. О'Конноръ потомъ послалъ Стерджу счетъ за лекціи; и лекторы согласились принять плату отъ человѣка, котораго большинство изъ нихъ считало врагомъ дѣла. Вотъ не-

многіе примѣры непослѣдовательности Чартистовъ того времени; непослѣдовательности, вредившей движенію, какимъ бы временнымъ цѣлямъ она ни служила.

Тѣмъ временемъ Исполнительный Комитетъ старался привлечь вниманіе страны къ другой петиціи о Хартіи, проэктъ которой былъ имъ разосланъ для обсужденія. Эта вторая петиція не удовлетворялась одной только Хартіей, но, отмѣтивъ всѣ народныя неудовольствія, ходатайствовала также о самостоятельномъ Парламентѣ для Ирландіи. Это послужило новымъ яблокомъ раздора. Часть шотландскихъ чартистовъ была противъ того, чтобы вводить въ петицію что либо другое, помимо Хартіи, и по этому поводу произошелъ разладъ между д-ромъ М'Дуэлемъ и Джономъ Дёнканомъ, однимъ изъ самыхъ лучшихъ и самыхъ способныхъ шотландскихъ чартистовъ. Большинство тѣмъ не менѣе было на сторонѣ Исполнительнаго Комитета, и подписи подъ петиціей росли съ удивительной быстротой.

Въ Лондонѣ былъ назначенъ Конвентъ на три недѣли, для обсужденія вопроса о представленіи петиціи. Онъ состоялъ изъ двадцати пяти членовъ. Вотъ ихъ имена: Абрамъ Денканъ, Е. Стальудъ, Джемсъ Личъ, Дж. Р. Х. Берстау, Ч. Дойль, В. П. Робертсъ, Джоржъ Уайтъ, Фиргусъ О'Конноръ, Н. Поуэль, Р. Лоурей, Джемсъ Мойръ, С. Бартлетъ, Вилльямъ Бислей, Дж. М'Ферсонъ, Дж. Гаррисонъ, Р. П. М'Дуэль, Морганъ Вилльямсъ, Р. К. Фильпъ, Рёффи Ридлей, В. Удуордъ, Дж. Месонъ, Вилльямъ Томасонъ, Лоуренсъ Питкитли, Дж. Кембель и Дж. Бронтеръ О'Брайенъ. Какъ видно изъ этого списка, изъ двадцати пяти членовъ только шесть принадлежало къ старому конвенту.

Конвентъ собрался въ Лондонѣ, 17 апрѣля 1842 года, и сталъ принимать подписи для Національной Петиціи; число этихъ подписей въ общей сложности дошло до трндцати трехъ тысячъ. Петиція была представлена Палатѣ Общинъ Дёнкомбомъ 2 мая. По этому случаю была устроена большая процессія, которая, выйдя изъ залы Конвента, прошла по различнымъ главнымъ улицамъ къ Палатѣ Общинъ. Властями былъ отданъ приказъ о прекращеніи экипажнаго движенія по этимъ улицамъ для того, чтобы не препятствовать процессіи, и приказъ этотъ былъ исполненъ въ точности. Собралось страшное множество народа; многіе пріѣхали изъ провинціи для того, чтобы присутствовать при этомъ событіи. Дёнкомбъ представилъ петицію, которую вкатили въ Палату Общинъ на колесахъ, и

отмѣтилъ главные ея пункты; затѣмъ онъ внесъ предложеніе въ Палату о допущеніи представителей Чартистовъ для защиты петиціи. По поводу предложенія Денкомба было произнесено, какъ всегда, очень много рѣчей. Маколей выступилъ ярымъ противникомъ предложенія. Онъ заявилъ, что ничего не имѣетъ противъ Хартіи, за исключеніемъ только одного пункта, а именно всеобщаго избирательнаго права, цѣлью котораго, по его мнѣнію, было ничто иное, какъ конфискація собственности у богатыхъ. Онъ обрушился на рабочій классъ съ самой неосновательной и ужасной клеветой. Дёнкомбъ произнесъ въ высшей степени благородную и сильную рѣчь, вызвавшую къ нему уваженіе представителей всѣхъ партій; но хорошей рѣчи было не достаточно для того, чтобы убѣдить Палату Общинъ. И въ пользу его предложенія вотировали только пятьдесятъ одинъ членъ. Палата была слишкомъ труслива или слишкомъ равнодушна къ условіямъ жизни народа, для того чтобы согласиться встать лицомъ къ лицу съ истинными представителями страдающихъ бѣдняковъ и выслушать изложеніе всѣхъ тяготѣющихъ надъ ними несправедливостей отъ тѣхъ, которымъ такъ хорошо все это было извѣстно. Денкомбъ заявилъ, что поведеніе Палаты Общинъ такъ отвратительно, что со стороны народа было бы униженіемъ снова когда-либо обращаться къ ней съ петиціей; онъ никогда не взялъ бы на себя представить ее.

Конвентъ воспользовался своими засѣданіями, чтобы обсудить разногласія среди Чартистовъ. Робертъ, Филпъ и Брайенъ горячо порицали тактику О'Коннора. Пренія закончились двумя резолюціями: противъ публичныхъ порицаній и противъ нападокъ частнаго характера другъ на друга со стороны общественныхъ дѣятелей; обѣ эти резолюціи были внесены и поддержаны О'Брайеномъ и О'Конноромъ. О'Конноръ протянулъ руку О'Брайену, и тотъ принялъ ее изъ-за политическихъ мотивовъ, но заявилъ тѣмъ не менѣе, что его мнѣніе относительно О'Коннора и его тактики остается тѣмъ же.

По закрытіи Конвента, Чартистскіе лекторы продолжали агитировать въ различныхъ округахъ. Съ 1839 года выступило очень много новыхъ людей, а нѣкоторые другіе, прежде незамѣтные, достигли теперь извѣстнаго положенія. Въ числѣ послѣднихъ были Берстау, Вилльямъ Джонсъ изъ Ливерпуля, Джонъ Месонъ изъ Ньюкастля, В. Д. Тейлоръ, Джемсъ Личъ и Джонъ Кембель. Между

всѣми этими лицами Берстау пользовался, можетъ быть, наибольшимъ успѣхомъ на публичныхъ митингахъ... Въ его рѣчахъ было, правда, слишкомъ много декламаціи: въ его описаніи слишкомъ много красокъ... Ему было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ и обладалъ сильнымъ, чистымъ, музыкальнымъ голосомъ и повелительными жестами. Онъ часто вдавался въ такія метафоры, что многіе изъ его слушателей не могли никакъ догадаться, что онъ хотѣлъ сказать. Этимъ въ особенности отличались его лекціи углекопамъ и другимъ подобнаго рода рабочимъ. Мы приводимъ одну выдержку, чтобы дать понятіе о стилѣ Берстау. Рѣчь эта была произнесена на митингѣ въ Іоркѣ, въ 1839 году; оратору было тогда только двадцать лѣтъ:

„Неужели такое состояніе будетъ продолжаться вѣчно? Эта постоянная огромная армія, и деревенская полиція—это проклятіе страны — ежегодный расходъ на которую доходитъ до четырехъ милліоновъ и единственная цѣль которой обратить въ рабство свободный народъ, укрѣпить цитадель аристократическаго владычества, раззорить страну до самаго послѣдняго уголка, до самой послѣдней щели, подорвать физическую энергію народа, обезсилить его попытки къ противодѣйствію,—и все это для того, чтобы поддержать власть, несмотря на оппозицію и вопреки народному желанію, поддержать этотъ презрѣнный, раззорительный, проклятый классъ, отдыхающій на мягкомъ ложѣ развращеннаго нахальства, и проявляющій свою энергію только тогда, когда надо отнять у народа послѣдніе осколки оставшейся свободы; классъ, который съ помощью какой-то магической силы переводитъ въ свои карманы все народное богатство и насильственно поддерживаетъ систему управленія, осуждающую миріады лицъ на преждевременную могилу. И жгучая тоска переполняетъ истекающія кровью сердца тысячей вдовъ, и голоса сиротъ вопіютъ къ небесамъ, взывая объ отмщеніи безчеловѣчнымъ убійцамъ. Они стерли послѣдніе слѣды образа и подобія Божія, они разрушили красоту въ самомъ ея зародышѣ, они осудили рабочихъ на голодъ, вырожденіе и преждевременную смерть; они обратили въ прахъ всю энергію земледѣльца; они подорвали самый нервъ промышленности; они, подобно урагану, смяли и пригнули къ землѣ честнаго и трудолюбиваго земледѣльца, осудили на вымираніе этотъ цвѣтъ и гордость Британіи.

Но имъ мало всего этого. Они его живого гонятъ на смертный одръ, въ кровавую Бастилію, отрываютъ его отъ всего что ему дорого на землѣ; они преслѣдуютъ его даже за предѣлами земной жизни; они подвергаютъ анатомическому ножу его послѣдніе останки; они становятся у его могилы и кричатъ въ зіяющую пасть: „Давай, давай, давай".

Месонъ былъ очень пылкимъ и страстнымъ ораторомъ. Онъ обладалъ могучимъ даромъ слова, но его рѣчи были переполнены точными фактами и вѣскими аргументами; онъ принадлежалъ скорѣе къ политической школѣ О'Брайена. Вилльямъ Динъ Тейлоръ съ необыкновенной ловкостью умѣлъ создавать что нибудь изъ ничего. Взявъ темой для своей рѣчи какое либо простое изреченіе, онъ могъ говорить въ теченіи двухъ или трехъ часовъ подрядъ; но когда онъ кончалъ, то нельзя было не видѣть, что это были только одни „слова, слова и слова". И эти слова выливались въ непріятную, до смѣшного пышную форму. Джемсъ Личъ никогда не пытался разыгрывать изъ себя оратора. На публичныхъ митингахъ онъ говорилъ просто и свободно, но врядъ ли кто изъ ораторовъ превосходилъ его въ силѣ аргументаціи и подборѣ фактовъ. Джонъ Кэмбель обладалъ бо́льшимъ даромъ слова, чѣмъ Личъ, но такъ былъ занятъ своими секретарскими обязанностями, что рѣдко выступалъ передъ публикой въ качествѣ оратора. Онъ создалъ себѣ славу, издавъ памфлетъ подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе законовъ о хлѣбныхъ и пищевыхъ продуктахъ". Этотъ памфлетъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду „Лигу противъ хлѣбныхъ законовъ" и въ свое время пользовался значительнымъ успѣхомъ. Вилльямъ Джонсъ былъ несомнѣнно лучшимъ изъ ораторовъ того времени. Онъ обладалъ легкимъ и образнымъ языкомъ, пріятнымъ и сильнымъ голосомъ и не прибѣгалъ къ тѣмъ крайностямъ, которыя служили отличительной чертой Берстау.

Мы приведемъ одинъ изъ образчиковъ его краснорѣчія. Онъ произнесъ эту рѣчь въ Королевскомъ Театрѣ въ Ливерпулѣ, по случаю освобожденія О'Брайена изъ Ланкастерской тюрьмы. Ораторъ въ это время только что достигъ совершеннолѣтія.

„По тѣмъ безнравственнымъ негодяямъ, которые встрѣчаются среди рабочихъ, нельзя судить о всемъ народѣ и думать, что порокъ запятналъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ весь рабочій классъ. Народъ въ цѣломъ нравственненъ и добродѣтеленъ, и среди ра-

бочихъ, можно найти примѣры нравственнаго подъема и самоотреченія, которые не уступятъ даже прославленнымъ подвигамъ гордыхъ героевъ Рима. Когда рабочій вмѣстѣ съ женою и семьею, существованіе которыхъ зависитъ отъ него, лишенъ заработка и осужденъ на безконечную нищету и униженіе, когда для поддержанія своего существованія онъ долженъ пользоваться милостыней своихъ друзей, почти такихъ же бѣдняковъ, какъ онъ самъ, или питаться жалкими крохами „приходскаго работнаго дома", когда на блѣдныхъ, измученныхъ личикахъ своихъ малютокъ онъ замѣчаетъ слѣды голода, подрывающаго здоровье; когда онъ видитъ, какъ скорбныя, крупныя слезы тихо катятся по щекамъ его обожаемой жены, измученной жестокими лишеніями и горемъ; когда онъ слышитъ полуподавленный вздохъ, вырывающійся изъ ея разбитаго сердца и говорящій ему объ ея тяжкихъ и скрытыхъ страданіяхъ и, когда потомъ онъ смотритъ, какъ живетъ общество, видитъ блескъ, пышность и великолѣпіе богатыхъ, зная, что каждый блестящій камень, украшающій браслетъ какой нибудь леди или сверкающій на пальцѣ какого нибудь гордаго обладателя богатствъ могли бы не только облегчить его настоящее положеніе, но даже обезпечить его довольство въ будущемъ,—неужели, друзья мои, мы не преклонимся и тогда передъ героической добродѣтелью человѣка, находящаго въ себѣ силы, чтобы устоять противъ искушенія совершить нечестный поступокъ. Неужели въ нашей груди не вспыхнетъ огонь благороднаго негодованія, когда намъ говорятъ, что этотъ человѣкъ, предпочитающій скорѣе жить въ нуждѣ и страданіи, чѣмъ посредствомъ нечестнаго поступка обезпечить себѣ довольство и благосостояніе,—что этотъ человѣкъ не имѣетъ уваженія къ установленнымъ законамъ, не имѣетъ уваженія къ собственности своихъ ближнихъ, что онъ невѣжественный и безнравственный негодяй и недостоинъ пользоваться человѣческими правами? Но если бы нравственность стала единственнымъ цензомъ для избирателя или законодателя, то сколько бы гордыхъ и напыщенныхъ аристократовъ должны были бы выпустить изъ своихъ рукъ бразды правленія, должны были бы отказаться отъ сладкихъ преимуществъ своего положенія и своихъ окладовъ и скрыть въ безславной темнотѣ частной жизни свои безнравственные поступки. А эти ничтожные лавочные аристократы, поднимающіеся утромъ съ дрожащими руками, красными и мутными глазами послѣ ночныхъ кутежей, проводя-

щіе цѣлый день въ конторахъ, чтобы съ помощью обмана и мошенничества увеличить свое состояніе; эти лавочники, преисполненные гордымъ сознаніемъ своего маленькаго величія, презрительно сжимающіе губы, всегда синіе и дрожащіе отъ расточительной жизни, въ отвѣтъ на требованія народа возвратить ему его права и утверждающіе, что рабочіе слишкомъ безнравственны, чтобы пользоваться привилегіями, — какъ многіе изъ этихъ лавочниковъ должны были бы въ свою очередь лишиться привилегій, въ которыхъ они отказываютъ народу за его безнравственности“.

Къ числу ораторовъ, значительно выдвинувшихся съ 1839 г., принадлежалъ также Р. К. Фильпъ. Это былъ тоже совсѣмъ молодой человѣкъ, не болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Онъ не обладалъ декламаторскимъ искусствомъ, но многія изъ его рѣчей, хотя не отличавшіяся большою силою выраженія, были тѣмъ не менѣе краснорѣчивы и содержательны, и въ печати читались съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ рѣчи многихъ пламенныхъ ораторовъ.

Никогда еще Національная Чартистская Ассоціація не находилась въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ 1842 г. Въ составъ ея входило болѣе четырехсотъ отдѣленій, а въ ея спискахъ числилось сорокъ тысячъ членовъ. Въ графствахъ и округахъ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали ея организаціи, и нѣкоторые лекторы иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ ѣздили по странѣ съ цѣлью пропаганды. Въ Нордгемптонскомъ графствѣ, гдѣ даже въ 1839 г. было не болѣе двухъ или трехъ чартистскихъ обществъ, теперь насчитывалось около двѣнадцати. Эти организаціи процвѣтали благодаря энергіи Джона Макъ-Ферлана, родомъ изъ Шотландіи, состоявшаго секретаремъ графства, и которому авторъ этой книги обязанъ своимъ первымъ появленіемъ на митингѣ. Въ такомъ же положеніи, какъ Нордгемптонъ, находились Лейстеръ, Ноттингемъ, Дерби, Ланкаширъ, Іоркширъ и многія другія графства. Но уже тайныя силы начали свою работу для разрушенія этой организаціи. Партія О'Коннора втайнѣ готовилась нанести ударъ Исполнительному Комитету. Куперъ первый началъ противъ него открытую аттаку. Онъ подготовилъ цѣлую серію резолюцій, ни на чемъ не основанныхъ, указывавшихъ на ошибки Исполнительнаго Комитета и обвинявшихъ его въ пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ. Онъ написалъ своему другу Миду, читавшему лекцію

въ окрестностяхъ Ноттингема, письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ слѣдующее: „Мы сговорились наконецъ насчетъ этого лживаго Исполнительнаго Комитета. Джоржъ и Джуліанъ, а также издатель въ Лидсѣ и нашъ генералиссимусъ — всѣ согласны со мной. Заставьте нашихъ Ноттингемскихъ ребятъ принять нашу резолюцію. Джонъ Кембель дѣлается о'брайнистомъ: его надо остановить".

21 іюня случилось еще одно событіе, вызвавшее большое волненіе въ рядахъ Чартистовъ — умеръ Самюель Гольбери, одинъ изъ Шеффильдскихъ узниковъ. Заключеніе въ тюрьмѣ очень плохо дѣйствовало на его здоровье. Сначала его заключили въ Нортеллертонскую тюрьму, гдѣ были крайне суровые порядки; но послѣ смерти Клейтона, другого чартистскаго узника, Гольбери по ходатайству друзей былъ переведенъ въ Іоркскую тюрьму; здоровье его однако уже не поправлялось, и онъ почти все время находился подъ наблюденіемъ врачей. Наконецъ, по ходатайству врача, министръ внутреннихъ дѣлъ согласился его освободить съ условіемъ, чтобы онъ внесъ двѣсти фунтовъ залога для обезпеченія спокойнаго поведенія въ теченіе пяти лѣтъ и нашелъ бы двухъ поручителей со внесеніемъ по сто фунтовъ каждый; но пока велись эти переговоры, несчастный Гольбери умеръ. Въ Шеффильдѣ всѣ Чартисты взволновались. Рѣшено было похоронить его на общественный счетъ. Погребеніе было назначено въ понедѣльникъ, 27 іюня. Опять явились на сцену знамена и оркестры. Процессія двинулась изъ Шеффильда въ Аттерклифъ, гдѣ лежали останки Гольбери. На гробу его была дощечка со слѣдующей надписью: „Самюель Гольбери. Умеръ мученикомъ за дѣло демократіи 26-го іюня, 1842 года, двадцати семи лѣтъ отъ роду". На одномъ изъ знаменъ было слѣдующее Библейское изреченіе: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ, говоритъ Господь", на другомъ съ одной стороны: „Клейтонъ и Гольбери, мученики за народную Хартію", съ другой „Не убій". На третьемъ—также имена мучениковъ, а на обратной сторонѣ: „Господу ненавистны руки, проливающія кровь невинныхъ". Огромная масса народа слѣдовала за тѣломъ, которое везли на кладбище на катафалкѣ. Когда траурная процессія двинулась впередъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ лицъ, зрѣлище было въ высшей степени величественно... Въ городѣ число сопровождавшихъ шествіе увеличилось еще больше; окна, крыши домовъ и всѣ другія удобныя мѣста были переполнены

зрителями, желавшими увидѣть это торжественное шествіе. Процессія прошла, сначала къ Шеффильдъ-Муру, все увеличиваясь по дорогѣ. *Sheffield Iris* опредѣлялъ количество собравшихся въ двадцать тысячъ, а репортеръ „Сѣверной Звѣзды" въ пятьдесятъ тысячъ. Дѣйствительное количество собравшихся должно быть было среднее между этими двумя цифрами. Многіе изъ лавочниковъ, въ знакъ уваженія къ памяти умершаго, закрывали свои лавки по мѣрѣ приближенія процессіи. Изъ Шеффильдъ-Мура процессія двинулась по новой дорогѣ къ кладбищу, гдѣ уже ждали еще сотни лицъ. Какъ только открылись ворота, толпа бросилась на кладбище и произошло нѣкоторое смятеніе, продолжавшееся впрочемъ не больше минуты и вызванное страстнымъ желаніемъ стоять ближе къ могилѣ; оркестръ остался у воротъ, а катафалкъ, кареты и народъ двинулись по дорожкѣ къ часовнѣ, гдѣ была отслужена заупокойная обѣдня священникомъ диссидентомъ Ландэльсомъ. Послѣ этого гробъ былъ опущенъ въ могилу, и Ландэльсъ послѣ произнесенія молитвы удалился. Тогда С. Парксъ началъ слѣдующій гимнъ, сочиненный Дж. Г. Брамвичемъ изъ Лейстера, однимъ изъ тогдашнихъ Чартистскихъ поэтовъ.

Great God! is this the patriot doom!
Shall they, who dare defend the slave
Be hurled within a prison's gloom,
To fit them for an early grave?

Shall victim after victim fall
A pray to cruel class-made laws?
Forbid it, Lord! on Thee we call,
Protect us, and defend our cause!

In vain we prayed the powers that be
To burst the drooping captive's chain;
But mercy, Lord, belongs to Thee,
For Thou hast freed him from all pain.

Is this the price of Liberty!
Must martyrs fall to gain the prize?
Then be it so; we will be free,
Or all become a sacrifice

Tho'freedom mourns her murder'd son,
And weeping friends surround his bier;
Tho'tears like mountain torrents run,
Our cause is watered by each tear.

Oh! may his fate cment the bond
That binds us to our glorious cause!
Raise, raise the cry, let all respond,
Justice, and pure and equal laws"*).

Какъ только замолкло пѣніе гимна, Гарней сталъ на краю могилы и обратился съ рѣчью къ огромной толпѣ. Мы приводимъ слѣдующую выдержку изъ его рѣчи, отданную имъ тогда въ печать. По ней можно видѣть, что языкъ у Гарнея былъ хорошъ, хотя его и нельзя было назвать хорошимъ ораторомъ.

„Плакать не наше дѣло; оставимъ слезы женщинамъ. Нашъ долгъ дѣйствовать; всѣмъ сердцемъ и всею душою работать надъ разрушеніемъ ужаснаго строя, отъ котораго погибъ Гольбери. Страданія его кончились; теперь онъ тамъ, гдѣ „нѣтъ ни печали, ни воздыханій!" Онъ спитъ спокойно, его имя будетъ пріобщено къ мученикамъ за свободу, умершимъ раньше него. Онъ увѣнчанъ безкровными лаврами, которые принесъ ему въ знакъ поклоненія благодарный ему народъ. Какъ отличаются эти лавры отъ вѣнковъ, украшающихъ головы царственныхъ убійцъ и побѣдоносныхъ грабителей! Въ сравненіи съ честной, благородной славой этого сына труда, какой бѣдной, какой презрѣнной кажется намъ такъ называемая слава Александра или Наполеона. Опустошенныя государства и погибшіе милліоны людей спасли правда ихъ имена отъ забвенія, но не спасутъ ихъ отъ проклятія потомъ, когда наступитъ лучшее будущее; имя Гольбери будетъ жить вмѣстѣ съ именами Теля и Тейлера; его будутъ почитать, ему будутъ поклоняться. Пусть на нашу

---

*) О, Боже! и это судьба патріота? Неужели подъ гнетомъ жестокихъ законовъ, установленныхъ однимъ классомъ, будутъ падать жертва за жертвой? Не допусти этого, Господь! Мы прибѣгаемъ къ тебѣ. Защити насъ и помоги намъ въ нашей борьбѣ! Напрасно просили мы сильныхъ міра сего разорвать цѣпи узника. Но ты, Господь, всегда милосерденъ, ты освободилъ его отъ страданія. Неужели свобода достигается такой цѣной? Неужели, чтобы достигнуть цѣли, нужна смерть мучениковъ? Да будетъ такъ, мы хотимъ быть свободными или всѣ погибнуть въ борьбѣ. Хотя свобода оплакиваетъ своихъ убитыхъ сыновъ, и плачущіе друзья окружаютъ ихъ гробъ; хотя слезы струятся подобно горнымъ ручьямъ, эти слезы придаютъ силу нашей борьбѣ. О! пусть его смерть укрѣпитъ нашъ союзъ въ борьбѣ за славное дѣло! Пусть со всѣхъ сторонъ поднимется крикъ: Справедливость и чистые, справедливые законы.

долю выпадетъ славное дѣло завоеванія свободы для страны для того, чтобы, въ будущемъ сыны свободы были избавлены отъ жертвъ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ тираны старались раздавить свободу и съ помощью пытокъ, цѣпей и смерти помѣшать осуществленію „Правъ Человѣка“. Повидимому, и наши высокомѣрные правители идутъ по тому же пути и хотятъ тѣми же средствами возстановить прогрессъ демократіи. Мы бросимъ имъ вызовъ! Мы скажемъ этимъ жалкимъ Канутамъ, что несмотря на ихъ запрещеніе, умственный океанъ подымется. Здѣсь у могилы этихъ двухъ патріотовъ, здѣсь подъ широкимъ голубымъ сводомъ небесъ заключимъ между собою торжественный союзъ и дадимъ другъ другу обѣтъ. Пусть всѣ честные и искренніе сторонники свободы соединятся какъ братья въ единый союзъ и дадутъ клятву вмѣстѣ со мною. Клянитесь вѣчной истиной нашихъ принциповъ, мертвыми останками нашего убитаго брата; клянитесь въ то время, какъ духъ Гольбери витаетъ надъ нами и одобрительно улыбается нашей клятвѣ; клянитесь соединиться въ одну безчисленную духовную фалангу и вести гигантскую борьбу, которой союзъ обезпечитъ успѣхъ, клянитесь поддерживать и любить другъ друга, чтобы разрушить тяготѣющіе надъ нами оковы. Клянитесь, какъ я клянусь теперь, что ни преслѣдованіе, ни ненависть, ни клевета, ни засовы, ни рѣшетки, ни цѣпи, ни пытки, ни висѣлицы, ни смертныя муки на тюремномъ ложѣ, ни ужасъ эшафота не заставятъ насъ измѣнить нашимъ принципамъ, измѣнить нашему долгу или покинуть путь къ свободѣ. Пусть будутъ страданія, пусть будутъ муки,—мы поклянемся передъ трономъ вѣчной справедливости добиться отмщенія за смерть Гольбери; мы поклянемся добиться узаконенія Хартіи и навсегда уничтожить покрытый кровью деспотизмъ, убившій тысячу мучениковъ и десятки тысячъ патріотовъ и умертвившій на своемъ алтарѣ поклонниковъ свободы и истины“.

Послѣ него произнесъ сильную рѣчь Паркъ, и затѣмъ народъ, оставивъ могилу, снова образовалъ процессію и отправился обратно въ Шеффильдъ. Лица, участвовавшія въ процессіи, разошлись по домамъ; масса зрителей отправилась тѣмъ не менѣе въ Пэрэдайсъ-Скверъ, но всѣ очень скоро ушли, такъ какъ шествіе вмѣстѣ съ погребальнымъ обрядомъ и такъ продолжалось семь часовъ.

Въ это время шла ожесточенная борьба между Чартистами

и „Лигой противъ хлѣбныхъ законовъ". Памфлетъ Кембеля служилъ настольной книгой для провинціальныхъ чартистскихъ лидеровъ, и они такъ же какъ и пріѣзжіе лекторы, вездѣ выступали противъ Лиги и иногда въ очень пылкихъ рѣчахъ старались подорвать ея вліяніе среди народа. Какое бы ни было отношеніе къ принятой тактикѣ, нельзя не сказать, что рабочіе въ данномъ случаѣ вели себя геройски. Это была борьба между работодателями и наемниками. Хозяева удивлялись дерзости, какъ они это называли, своихъ рабочихъ, не стѣснявшихся становиться рядомъ съ ними на платформѣ и разбивать ихъ излюбленныя доктрины. За такую смѣлость рабочіе подвергались ужаснымъ преслѣдованіямъ. Обыкновенно ихъ расчитывали; но работодатели напрасно старались голодомъ вынудить ихъ покорность; они и это испытаніе выносили съ большимъ мужествомъ. Однако чартизму готовился новый ударъ, отъ котораго онъ долго не могъ оправиться.

Нужда въ фабричныхъ округахъ 1842 года была такъ сильна, что среди рабочихъ классовъ поднялось самое сильное броженіе. Ихъ заработная плата все уменьшалась и уменьшалась и дошла наконецъ до нищенской цѣны. Къ концу іюля въ Аштонѣ, Стелибриджѣ и Гайдѣ были устроены митинги, на которыхъ ораторы совѣтовали бросить работу и не приниматься за нее до тѣхъ поръ, пока хозяева не окажутъ рабочимъ хоть какое-нибудь подобіе справедливости. Пятаго августа Аштонскіе рабочіе прекратили работу; а 7-го августа въ Моттрамъ-Мурѣ состоялись два митинга, и на послѣднемъ было рѣшено не приниматься за работу до тѣхъ поръ, пока Хартія не будетъ узаконена. 8-го августа былъ устроенъ еще митингъ въ Гэйѣ около Стэлибриджа, на которомъ присутствовало отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ. На митингѣ были развѣшаны объявленія, на одномъ изъ которыхъ было напечатано „Рабочіе Стэлибриджа не отступятъ, какія бы опасности ни встрѣтились на ихъ пути". Когда кончились рѣчи ораторовъ, народъ отправился по окрестнымъ фабрикамъ—Гаррисонъ и Лій были въ числѣ прочихъ—всюду прекращая работу, согласно резолюціи, принятой на митингѣ въ Моттрамъ-Мурѣ.

На слѣдующій день нѣсколько тысячъ рабочихъ, вооруженныхъ дубинами и со знаменами, отправились процессіей въ Манчестеръ. При входѣ въ городъ они были остановлены войсками, и между лидерами и городскими властями, находившимися здѣсь

вмѣстѣ съ войсками, начались переговоры. Лидерамъ удалось убѣдить представителей власти, что ихъ лозунгомъ были миръ, законъ и порядокъ, они поручились при этомъ, что никакого безпорядка не произойдетъ. Тогда власти приказали войскамъ удалиться, и сами присоединились къ народу въ его шествіи по городу. Черезъ нѣкоторое время толпа раздѣлилась на отдѣльныя партіи, и начала ходить по фабрикамъ и мастерскимъ, всюду останавливая работу. Отъ нѣкоторыхъ лавочниковъ они требовали хлѣба и денегъ, что имъ и давали. Въ теченіе трехъ дней всѣ лавки были закрыты, и Манчестеръ представлялъ такое зрѣлище, какого, пожалуй, еще не было въ исторіи.

12 августа въ Манчестерѣ состоялось собраніе делегатовъ отъ фабричныхъ округовъ; присутствовало триста пятьдесятъ восемь делегатовъ. На обсужденіе былъ поставленъ вопросъ: продолжать ли забастовку съ единственной цѣлью увеличенія заработной платы, или же добиваться Хартіи. Триста двадцать делегатовъ подали голосъ въ пользу послѣдняго предложенія. 15 августа состоялся второй митингъ делегатовъ, на которомъ была составлена резолюція, призывавшая къ объединенію для этой цѣли всѣхъ рабочихъ Англіи. 16-го делегаты собрались снова, но явилась полиція и потребовала, чтобы въ теченіе десяти минутъ залъ засѣданія былъ очищенъ, что ими и было исполнено. Въ тотъ же самый день состоялось другое собраніе делегатовъ. Поводомъ къ этому собранію послужило открытіе памятника Генри Генту; сначала предполагалось устроить процессію, но въ виду возбужденнаго состоянія округа мысль о процессіи была оставлена, и собравшіеся делегаты занялись исключительно всепоглощающимъ вопросомъ о забастовкѣ. Въ концѣ концовъ была принята резолюція съ выраженіемъ сочувствія забастовщикамъ и съ пожеланіемъ, чтобы движеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока Хартія не будетъ узаконена, причемъ Конференція обязывалась помогать народу въ достиженіи этой цѣли. Резолюція однако не была принята единогласно. Его Преп. Вилльямъ Хиллъ, издатель „Звѣзды", присутствовавшій здѣсь, внесъ поправку, въ которой указывалъ, что имѣющіяся у Конференціи свѣдѣнія не даютъ ей права побуждать народъ къ національной забастовкѣ или празднику, а тѣмъ менѣе соединять съ ней Хартію, такъ какъ существовало мнѣніе, что забастовка эта была начата „Лигой противъ хлѣбныхъ законовъ". Джуліанъ Гар-

нэй, такъ же какъ и Хиллъ, былъ противъ резолюціи. Но за поправку высказались только шесть голосовъ и было рѣшено, что меньшинство подчинится большинству. Конференція выпустила по поводу этой резолюціи воззваніе къ странѣ, въ которомъ говорилось, что Исполнительный Комитетъ Національной Чартистской Ассоціаціи долженъ пользоваться довѣріемъ всѣхъ. Исполнительный Комитетъ со своей стороны также выпустилъ воззваніе, написанное очень энергичнымъ языкомъ. Мы приводимъ изъ него слѣдующія мѣста:

„Англичане! кровь вашихъ братьевъ пролилась на улицахъ Престона и Блэкберна, но убійцы еще не утолили своей жажды. Будьте тверды! будьте мужественны! будьте мужчинами! До сихъ поръ среди насъ царили миръ, законъ и порядокъ; пусть же они продолжаютъ царить до тѣхъ поръ, пока наши братья въ Шотландіи, Уэльсѣ и Ирландіи не узнаютъ о вашей резолюціи! А когда одержитъ верхъ всеобщая забастовка— что должно случиться черезъ недѣлю— тогда что смогутъ сдѣлать штыки противъ общественнаго мнѣнія? Какъ устоятъ тираны предъ этимъ могучимъ потокомъ мысли и энергіи, который стремительно несется впередъ, управляемый человѣческимъ разумомъ, посредствомъ котораго создатель хочетъ вынести свой народъ за предѣлы нужды, избавить его отъ мщенія деспотизма и отъ страданія рабства? Рабочіе союзы—эти благородные, патріотическіе союзы—положили начало, высказавшись за Хартію. Послѣдуйте ихъ примѣру! Не оставляйте въ рукахъ правителей кнута, которымъ онъ могъ-бы хлестать васъ! Намъ извѣстно, какъ широко распространилась стачка, и теперь на разстояніи пятидесяти миль вокругъ Манчестера не двигается ни одна машина, и все молчитъ: слышенъ только благодѣтельный стукъ мельничныхъ колесъ, да ласковый лязгъ косы въ поляхъ.

„Граждане и братья! столѣтія пройдутъ, какъ они уже прошли, прежде чѣмъ опять начнется такое всемірное дѣло. Мы поставили все на ставку за свободу и теперь, какъ настоящіе мужчины, мы должны быть готовы ко всѣмъ случайностямъ игры. Не теряйте мужества; будьте спокойны, бодрствуйте и, подобно дѣвамъ въ евангельской притчѣ, поддерживайте огонь въ вашихъ свѣтильникахъ. Пусть ваша неослабная рѣшимость служитъ руководящимъ маякомъ тѣмъ, кто спѣшитъ теперь послѣдовать вашему доблестному примѣру. Братья! мы полагаемся на вашу твердость. Трусость, предательство, женская робость могутъ отбросить наше дѣло на полъ-столѣтіе

назадъ. Пусть никто не нарушитъ торжественной клятвы, ни мужчина, ни женщина, ни ребенокъ. Если же кто нарушитъ ее, то да падутъ на его голову проклятія голодныхъ и бѣдныхъ. Тотъ, кто безумно подчиняется рабству, заслуживаетъ его. У насъ все готово, и черезъ три дня къ вашему дѣлу примкнетъ вся интеллигенція, которую мы позовемъ на помощь. Поэтому будьте спокойны, будьте мужественны. Пока у васъ царитъ порядокъ, старайтесь чтобы онъ царилъ и у другихъ. И подчиняясь закону, помните, что у васъ нѣтъ голоса въ законодательствѣ, и поэтому вы рабы желаній, законовъ и цѣнъ вашихъ хозяевъ. Мы призываемъ всѣхъ уполномоченныхъ Ассоціаціи помогать мирному распространенію движенія, поддерживать его и отдавать всѣ собранныя деньги въ распоряженіе делегатовъ на нужды рабочихъ. Помогите намъ въ этомъ кризисѣ! поддержите вашихъ вождей. Объединитесь вокругъ святого дѣла и уповайте на Бога справедливости и войны".

15-го состоялся большой митингъ въ Стокпортѣ, на которомъ присутствовало около пяти тысячъ человѣкъ; говорили рѣчи Ричардъ Пиллингъ, Джонъ Райтъ и многіе другіе. Большія пренія вызвалъ на этомъ митингѣ вопросъ о цѣлесообразности соединенія политики съ забастовкой. Нѣкоторые изъ ораторовъ совѣтовали идти въ Лондонъ, но другіе возставали противъ этого и обвиняли своихъ противниковъ въ томъ, что они служатъ орудіями „Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ". Были ораторы, совѣтовавшіе народу приняться за работу. 13-го состоялся митингъ въ Ростонѣ. Нѣкто Радкливъ возражалъ противъ борьбы за Хартію въ данное время и совѣтовалъ ограничиться только вопросомъ о заработной платѣ; но его освистали самымъ немилосерднымъ образомъ; всѣ, повидимому, сочувствовали болѣе широкой постановкѣ вопроса—борьбѣ за осуществленіе Хартіи. За этимъ митингомъ послѣдовалъ другой тамъ же 15-го числа, и Радкливъ снова выступилъ противъ борьбы за Хартію, говоря, что Хартіи никогда не добиться; но несмотря на его оппозицію было рѣшено цѣлью забастовки поставить Хартію. 17-го состоялся третій митингъ; главнымъ ораторомъ выступилъ Фредерикъ Тейлоръ, а также Гойль. Тейлоръ доложилъ, что онъ присутствовалъ на делегатскомъ митингѣ въ Манчестерѣ и что тамъ было рѣшено добиваться утвержденія Хартіи и не дѣлать никакихъ уступокъ. Это заявленіе было встрѣчено громкими рукоплесканіями. 12-го августа въ Бэкёпѣ царило сильное волненіе. Процессія, состоявшая изъ двухъ тысячъ

человѣкъ, вооруженныхъ палками, вошла въ городъ, по Рокдэльской дорогѣ, и пошла по фабрикамъ, всюду снимая рабочихъ. Не прошло и получаса послѣ ихъ появленія въ городѣ, какъ всѣ фабрики, числомъ до двадцати, остановились; тогда пришедшая толпа разбилась на партіи и отправилась по лавкамъ. Многія лавки были заперты; но они заставили ихъ открыть путемъ убѣжденія и угрозъ, причемъ требовали разные съѣдобные продукты, и лавочники давали имъ, не смѣя отказать. Въ Стэлибриджѣ толпа отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ наполнила улицы и ходила по фабрикамъ, крича: „Снимайте рабочихъ, снимайте рабочихъ!“ и этому приказу сейчасъ же повиновались: изъ Стэлибриджа они отправились въ Декинфильдъ, останавливая каждую фабрику на своемъ пути, а потомъ и въ самомъ городѣ. Затѣмъ пошли въ Аштонъ и тамъ продѣлали то же, бѣгая съ фабрики на фабрику и потрясая своими палками. Въ Аштонѣ къ толпѣ присоединился народъ изъ разныхъ другихъ мѣстъ, и составился митингъ на открытомъ воздухѣ, на которомъ говорили Кroслей, Пиллингъ и Эткинъ; послѣдній упрекалъ толпу за ея насильственный образъ дѣйствій. Сейчасъ же послѣ митинга Стэлибриджскіе забастовщики оставили Аштонъ и отправились въ Дентонъ и Гайдъ, гдѣ также требовали прекращенія работы до тѣхъ поръ, пока рабочіе не получатъ справедливую заработную плату за справедливый рабочій день, и пока Хартія не будетъ узаконена. Рабочіе повиновались, и имъ было приказано присоединиться къ толпѣ, которая такимъ образомъ увеличилась и пошла дальше, вездѣ снимая рабочихъ. Въ Кингстонѣ они потребовали отъ М-ра Аштона остановить фабрику, и онъ не осмѣлился, или просто, не хотѣлъ противиться имъ. Многіе изъ молодыхъ рабочихъ производили буйства, и старшимъ стоило большого труда ихъ остановить. 11-го числа рабочіе изъ Стэлибриджа въ количествѣ восьмисотъ человѣкъ отправились въ Седльвортъ, останавливая на своемъ пути всѣ работы и повергая въ ужасъ буржуазію. 12-го августа состоялся митингъ въ Престонѣ: говорили Эткинъ и Чэленджеръ. На слѣдующій день, въ пять часовъ утра, толпа собралась на томъ же мѣстѣ и оттуда снова отправилась останавливать одну фабрику, которая все еще продолжала работать. Съ этой фабрики они отправились на другія.

Но если народъ обнаруживалъ такую энергію, то и власти также не бездѣйствовали. Была вызвана полиція, а также тридцать

человѣкъ солдатъ, которые были расквартированы въ городѣ. Городскія власти, въ сопровожденіи солдатъ, отправились въ Фишергейтъ и, встрѣтивъ огромную толпу, преградили ей путь. На солдатъ обрушился цѣлый градъ камней, тогда они выстроились съ цѣлью сдѣлать наступленіе на толпу и разсѣять ее, что было въ высшей степени трудно. Начальникъ полиціи заявилъ, что будетъ прочитанъ Актъ о мятежѣ, но въ ту же минуту полетѣлъ камень, выбившій бумагу изъ его рукъ: и со всѣхъ сторонъ полетѣли камни. Мэру удалось тѣмъ не менѣе прочитать Актъ о мятежѣ, несмотря на летавшіе кругомъ него камни. Затѣмъ главный констебль предупредилъ народъ, что Актъ о мятежѣ былъ прочитанъ. Женщины наполняли свои передники камнями и приносили ихъ мужчинамъ, а тѣ бросали ихъ съ другихъ улицъ черезъ дома и приводили этимъ военныхъ въ большое раздраженіе. Напрасно солдаты пытались разсѣять толпу. Всѣ попытки устрашить народъ угрозами не имѣли успѣха, и въ концѣ концовъ Мэръ отдалъ приказъ стрѣлять. При первомъ выстрѣлѣ многіе попадали на землю, но остальные не побѣжали, а въ продолженіе двухъ или трехъ минутъ стояли неподвижно, какъ бы пораженные ужасомъ и, не имѣя силъ двинуться, четверо были убиты на смерть, а многіе другіе ранены. Затѣмъ толпа быстро разсѣялась, и военные удалились. На другой день на фабрикахъ началась работа.

16-го августа большая толпа народа вошла въ Стокпортъ, чтобы помочь забастовщикамъ и подошла къ фабрикѣ Брэдшау. Многіе изъ толпы были вооружены палками, но какъ и въ большинствѣ случаевъ, они носили ихъ скорѣе для удобства, чѣмъ какъ орудіе для нападенія. Они встрѣтили Брэдшау у воротъ и потребовали, чтобы онъ пропустилъ ихъ на фабрику, для того, чтобы снять рабочихъ. Но онъ отказался исполнить ихъ требованіе подъ тѣмъ предлогомъ, что рабочіе ушли обѣдать. Они возразили, что все же войдутъ и посмотрятъ, и хотѣли войти силой, но владѣлецъ заявилъ имъ, что не пуститъ ихъ ни къ себѣ, ни къ рабочимъ и заперъ передъ ними ворота. Тогда они стали разбивать окна, попытались силой открыть ворота, что имъ и удалось, и вошли во дворъ. На этотъ разъ, раздраженные оказаннымъ имъ сопротивленіемъ, они избили Брэдшау палками такъ сильно, что онъ долженъ былъ нѣсколько дней провести въ постелѣ. Въ окрестностяхъ Глоссопа царило такое же возбужденіе. Партія рабочихъ отправи-

лась въ Чизвортъ, близъ города, явилась на фабрику Купера и заявила ему, что если онъ не отпуститъ рабочихъ, они сожгутъ фабрику. Ихъ было сто или двѣсти человѣкъ, и всѣ были вооружены палками. Куперъ сейчасъ же уступилъ ихъ требованію: рабочіе его оставили фабрику и присоединились къ толпѣ. Потомъ эти рабочіе выразили желаніе вернуться, но ихъ хозяинъ боялся открыть фабрику. И рабочіе каждый день приходили къ нему съ 11 августа (когда ихъ сняли съ работы) по 24-ое, когда хозяинъ наконецъ рѣшился снова открыть фабрику. Но какъ только они принялись за работу, на фабрику опять явилась партія забастовщиковъ и потребовала, чтобы они оставили работу. Эта вторая партія состояла не менѣе чѣмъ изъ трехсотъ или четырехъ сотъ человѣкъ; они вошли во дворъ и послали двухъ-трехъ человѣкъ обыскать помѣщеніе. Но тѣ убѣжали изъ страха передъ послѣдствіями, а нѣкоторые изъ забастовщиковъ были арестованы и подвергнуты допросу слѣдственной комиссіи, засѣдавшей въ казармахъ. Куперы давали показаніе противъ нихъ, и когда они вышли, въ нихъ стали бросать камнями, и они должны были убѣжать, чтобы спастись отъ нападенія. Толпа явилась также на фабрику Родса, въ Брукфильдѣ и, ставъ у воротъ, потребовала, чтобы рабочіе оставили работу. Затѣмъ они ворвались во дворъ, и, хотя владѣлецъ заявилъ, что имъ незачѣмъ прибѣгать къ насилію, такъ какъ фабрика все равно остановится, они побѣжали на фабрику и насильно снимали рабочихъ, грозя имъ въ случаѣ, если они опять начнутъ работать, сдѣлать ихъ неспособными къ труду. Рабочіе тѣмъ не менѣе снова принялись за работу 26-го августа: и сейчасъ же толпа народа окружила фабрику, стараясь прорваться туда силою. Первое ихъ нападеніе было отбито, но они начали второе, разбивая окна вмѣстѣ съ рамами и, въ концѣ концовъ, для охраны фабрики пришлось пригласить военныя силы.

Въ Петрикрофтѣ, въ окрестностяхъ Эккельса, толпа людей въ количествѣ трехсотъ человѣкъ вышла утромъ 22 августа, разбившись на партіи въ десять и двѣнадцать человѣкъ. Затѣмъ они собрались всѣ вмѣстѣ и устроили митингъ, на которомъ говорилъ нѣкто Моррисонъ. Было предложено избрать депутацію, которая обошла бы различныя фабрики съ требованіемъ прекратить работы; но затѣмъ была внесена поправка, предлагавшая митингу отправиться съ этой цѣлью всѣмъ составомъ. Согласно этому по-

становленію, толпа явилась на фабрику Насмита, но не нашла рабочихъ, ушедшихъ завтракать; когда тѣ вернулись, былъ устроенъ митингъ; забастовщики требовали прекращенія работы. Моррисонъ сказалъ имъ, что нужда, въ концѣ концовъ, доберется и до нихъ, хотя сейчасъ, можетъ быть, они не считаютъ свое положеніе плохимъ и что, если они не оставятъ работу добровольно, ихъ принудятъ къ этому силой. „Мы пришли, сказалъ одинъ изъ толпы, мы пришли, чтобы, подобно колокольному звону, предупредить васъ, прежде чѣмъ употребить насиліе, и теперь вы знаете, что вы были предупреждены“. Мастеръ сказалъ имъ, что рабочіе прекратятъ работу. Въ тотъ же день на митингѣ въ Эккельсѣ Макъ-Картней изъ Ливерпуля произнесъ сильную рѣчь въ защиту стачки и предвѣщалъ забастовщикамъ быстрый успѣхъ. Ланкаширскіе рабочіе не ограничились только своимъ райономъ, но многіе изъ нихъ пошли въ Іоркширъ съ цѣлью распространить стачку и тамъ. Большія толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ отправились изъ Бернлея и Бэкепа въ Тодморденъ и затѣмъ по прекрасной долинѣ въ Галифаксъ, снимая рабочихъ со всѣхъ фабрикъ, лежащихъ между этими городами. Въ Тодморденѣ были устроены митинги съ цѣлью поддержать агитацію. 18 августа состоялись два митинга, на которыхъ говорилъ Брукъ, учитель, старый упорный демократъ, убѣждавшій рабочихъ не уступать, пока не будетъ принята Хартія. 15 августа партія рабочихъ собралась въ городѣ Блекбернѣ и, въ 11 часовъ дня, явилась на фабрику Роджетъ и Брирлей, гдѣ нѣкоторые изъ толпы начали ломиться въ ворота, а другіе стучать въ нихъ палками. Была вызвана полиція, а также и войска, готовыя, въ случаѣ надобности, принять рѣшительныя мѣры. Очень многіе изъ нападавшихъ были арестованы. Два часа спустя другая толпа, въ количествѣ двухъ тысячъ, появилась на Бернлейской дорогѣ и подошла къ городскимъ властямъ и солдатамъ, державшимъ ружья наготовѣ. Одинъ изъ толпы обратился къ представителямъ городской власти со слѣдующими словами: „Ну что, ребята, въ чемъ дѣло? можемъ ли мы дѣйствовать мирнымъ способомъ или нѣтъ? если нѣтъ, то мы возьмемъ свое силой“. Другіе говорили: „Э...э... да это совсѣмъ не то, что мы хотимъ! мы хотимъ совершенно спокойно пройти въ городъ, чтобы снять рабочихъ и не допускать ихъ до работы, пока у насъ не будетъ справедливой рабочей платы и справедливаго рабочаго дня“... Городскія власти пытались убѣдить ихъ

оставить городъ, говоря, что имъ будетъ оказано противодѣйствіе, но они отказались уйти, и тогда полиція арестовала сорокъ человѣкъ; остальные разбѣжались по разнымъ направленіямъ, а полиція и солдаты отвели своихъ плѣнниковъ въ городъ. Другая большая толпа собралась у воротъ Эккельса, но тоже разбѣжалась, какъ только появилась полиція вмѣстѣ съ городскими властями. На слѣдующій день толпа рабочихъ отправилась на фабрику Гопвуда и разбила окна въ сторожкѣ и конторѣ, но солдаты арестовали шестьдесятъ человѣкъ и разсѣяли остальныхъ. 18 числа на улицахъ Аштона появились сотни рабочихъ, вооруженныхъ палками и другими орудіями. Потрясая палками и съ помощью разнаго рода угрозъ они заставили бросить работу каменщиковъ, мостившихъ улицы. Былъ прочитанъ Актъ о мятежѣ, но каменщики все же были принуждены бросить работу. Затѣмъ забастовщики отправились на фабрику Юма и потребовали отъ управляющаго, чтобы онъ остановилъ фабрику, но тотъ отказался исполнить это требованіе. Они ушли, но скоро вернулись еще въ большемъ количествѣ, и тогда, увидѣвъ ихъ приближеніе, рабочіе побросали работу. Забастовщики потребовали отъ хозяина обѣщаніе, что онъ не откроетъ фабрику. Но такъ какъ онъ отказался дать это обѣщаніе, то они погасили огонь и вытащили болты изъ котловъ, такъ что работа не могла продолжаться; тогда были вызваны войска и толпа разсѣялась. Въ Скиптонѣ въ Іоркширѣ толпа въ двѣ или три тысячи отправилась изъ Кольна на фабрики Дегерта и Седжевика съ требованіемъ прекратить работу. Они отказались; переговоры велись въ продолженіе часа, и наконецъ толпа была разсѣяна спеціальными констеблями. Но забастовщики скоро снова вернулись въ усиленномъ составѣ и, не смотря на то, что былъ прочитанъ Актъ о мятежѣ, они вытащили болты изъ котловъ и остановили работу. Въ Бернлеѣ сняли всѣхъ рабочихъ. 13-го въ окрестностяхъ и въ городѣ царило большое волненіе. 15-го была сдѣлана попытка остановить работы въ каменноугольныхъ копяхъ въ Хабергемъ-Ивсѣ, но толпа была разсѣяна драгунами, во главѣ съ городскими властями. Лавочники въ Бернлеѣ до такой степени заразились всеобщимъ возбужденіемъ, что собрали митингъ съ цѣлью подать петицію за народную Хартію. На разстояніи пятидесяти миль вокругъ Манчестера царствовало такое же возбужденіе. Забастовщики толпами ходили съ фабрики на фабрику, снимая всюду рабочихъ, разбивая окна и ворота въ

случаѣ сопротивленія, прося или требуя денегъ и пищевыхъ продуктовъ у торговцевъ и всякими другими способами проявляя свою силу. Въ разныхъ мѣстахъ были организованы комитеты и въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшалось заканчивать работу для того, чтобы не дать пострадать дѣлу отъ внезапной остановки фабрики.

ГЛАВА X.

Томасъ Куперъ въ Стаффордширѣ.

Въ другихъ округахъ среди рабочаго класса господствовало не меньшее возбужденіе, чѣмъ въ Ланкаширѣ и Іоркширѣ. Въ Стаффордширѣ, въ особенности, волненіе было очень сильно. Томасъ Куперъ „Шекспировскій Генералъ“ по дорогѣ на Манчестерскую конференцію, читалъ лекціи углекопамъ и другимъ рабочимъ этого округа. Мы уже раньше замѣтили, что рѣчи Купера отличались большой горячностью. Онъ поднималъ въ рабочихъ массахъ бѣшеную ненависть къ богатымъ классамъ. На его митингахъ присутствовали тысячи народа. Онъ говорилъ рѣчи углекопамъ въ Уэднесбери, Бильстонѣ и Ульвергэмптонѣ. На митингѣ въ первомъ изъ этихъ городовъ присутствовало тридцать тысячъ человѣкъ и были приняты резолюціи стоять за Хартію и дѣйствовать мирными средствами. Отсюда онъ поѣхалъ въ Поттерясъ и въ воскресенье, 14 августа 1842 г., говорилъ на трехъ митингахъ въ Лонгтонѣ, Фентонѣ и Ганлеѣ. Въ Ганлеѣ его просили говорить на слѣдующее утро на митингѣ забастовавшихъ углекоповъ, и въ тотъ же самый вечеръ онъ говорилъ еще на одномъ митингѣ. Между прочимъ, онъ посѣтилъ Стаффордъ,—городъ, не отличавшійся демократическимъ настроеніемъ, и гдѣ ему грозила опасность быть арестованнымъ. Но Куперъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы дать себя арестовать. Замѣтивъ, что полиція готовилась при первомъ удобномъ случаѣ схватить его, онъ оставилъ серьезный тонъ и сталъ говорить въ ироническомъ духѣ. Слѣдующій отрывокъ можетъ дать понятіе объ его способѣ обманывать представителей власти. Эта выдержка изъ письма, обращеннаго „Къ моимъ дорогимъ това-

рищамъ, Шекспировской бригадѣ Лейстерскихъ Чартистовъ", и подписаннаго „Вашъ вѣрный Генералъ Томасъ Куперъ".

„Существовали большія опасенія, что я буду арестованъ, если осмѣлюсь выступить сегодня вечеромъ на базарной площади. Но тѣмъ не менѣе, какъ только пробило семь часовъ, я уже былъ тамъ и стоялъ, забравшись на длинную скамейку, принесенную друзьями. Начальникъ полиціи занялъ мѣсто какъ разъ около моего праваго локтя. Торійскіе джентри и дамы подняли окна, чтобы послушать, какъ будетъ компрометировать себя бунтовщикъ чартистъ и посмотрѣть, какъ его схватятъ и потащатъ въ грязные тиски сырыхъ казармъ. Но нѣтъ! Я разсказаль имъ, какъ хорошо имѣть „нѣжную маленькую, съ серебристымъ голоскомъ женщину" и тратить милліонъ съ четвертью на содержаніе какъ ея, такъ и ея штата. Я доказывалъ, что, по мнѣнію всѣхъ честныхъ чартистовъ, страна разорилась бы, если бы сократила бюджетъ на ея содержаніе; и что рабочіе выплакали бы себѣ всѣ глаза, если бы Аделаиду лишили ея милліона фунтовъ въ годъ. Я заявилъ, что каждый оборванный башмачникъ (а вамъ мои славные Шекспировцы извѣстно, что Стаффордъ, также какъ и Нортгемптонъ, славится своими башмаками), что каждый оборванный башмачникъ былъ бы глупцомъ, если бы вздумалъ жаловаться на то, что его старая бабушка заперта въ Бастиліи и постится на казенномъ супѣ, тогда какъ вдовствующая королева имѣетъ три дворца въ своемъ распоряженіи". Эта сатира совершенно обезоружила „Синюю Муху"; его суровое лицо распустилось, его зубы раздвинулись и, въ концѣ концовъ, онъ весело осклабился, тогда какъ толпа башмачниковъ покатывалась со смѣху".

Весь Стаффордширъ находился въ возбужденномъ состояніи, волненіе было въ особенности сильно въ Поттерисѣ. Въ ночь послѣ митинга въ Ганлеѣ среди углекоповъ начался бунтъ, разросшійся до ужасающихъ размѣровъ. Въ Лонгтонѣ партія рабочихъ напала на домъ Его Пр. д-ра Вэля. Они ворвались въ погребъ, гдѣ нашли вино; многіе изъ нихъ напились до пьяна и подожгли домъ; пожаръ быстро охватилъ и другія зданія. Среди богатаго класса началась настоящая паника.

Огромныя массы народа ходили по улицамъ; сильнѣйшее возбужденіе царило въ Лонгтонѣ, Фентонѣ, Ганлеѣ, Берслемѣ и въ окрестностяхъ, и власти принялись арестовывать чартистовъ,

подозрѣваемыхъ въ прикосновенности къ этому движенію. Въ Стаффордѣ всѣ дѣла остановились, и можно было подумать, что рабочіе и здѣсь прекратили работу, а въ дѣйствительности это было только отраженіе забастовки въ другихъ городахъ. Когда Куперъ пріѣхалъ туда, тамъ въ тюрьмѣ сидѣло не менѣе ста пятидесяти углекоповъ, арестованныхъ за разныя преступленія, находившіяся въ связи съ движеніемъ. Дж. Месонъ и нѣкоторые другіе были тоже заключены въ тюрьмы за присутствіе, по выраженію тупоголовыхъ судей, на противозаконномъ митингѣ, хотя этотъ митингъ происходилъ до начала забастовки, вызвавшей волненіе. Куперъ былъ такъ увѣренъ, что будетъ арестованъ, если останется въ Поттерисѣ, что въ ночь, когда произошелъ бунтъ, въ половинѣ двѣнадцатаго, вышелъ изъ города пѣшкомъ, въ сопровожденіи двухъ юношей, для того, чтобы на слѣдующій день придти на Манчестерскую конференцію. Но онъ успѣлъ дойти только до Берслема; тамъ его арестовали и привели къ судьѣ, который подвергъ его допросу, несмотря на то, что былъ поднятъ съ постели. Его отпустили, тѣмъ не менѣе, очень скоро и онъ закончилъ свое путешествіе, какъ предполагалъ. За исключеніемъ Ланкашира, Іоркшира, Стаффордшира и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ забастовка среди рабочихъ не имѣла успѣха, хотя возбужденіе въ мануфактурныхъ округахъ было очень сильно—настолько сильно, что правительство выпустило прокламацію, предупреждая населеніе не принимать никакого участія въ буйствѣ; буйство, правда, не причиняло никакого особеннаго ущерба собственности, если не считать вреда, происходившаго отъ насильственной пріостановки работъ. Но какъ мы уже замѣтили, во многихъ мѣстахъ забастовщики были даже противъ этого.

Какъ только Исполнительный Комитетъ выпустилъ свое воззваніе, власти начали арестовывать лидеровъ Чартизма. О'Конноръ, Личъ, Кембель, Дэрстоу и многіе другіе были схвачены, и дѣло ихъ передано въ судъ; но потомъ ихъ освободили подъ залогъ съ обязательствомъ явиться на судъ. Правительству очень хотѣлось наложить руки на М'Дуэля, такъ какъ ему хорошо было извѣстно, что онъ былъ авторомъ воззванія Исполнительнаго Комитета. За его доставку была предложена награда въ пятьдесятъ фунтовъ и по всей странѣ, въ различныхъ общественныхъ мѣстахъ, былъ выставленъ его портретъ вмѣстѣ съ описаніемъ его наружности. Но описаніе это не во всемъ соотвѣтствовало дѣйствитель-

ности. Докторъ часто бывалъ на волоскѣ отъ ареста. Въ Лидсѣ, выйдя на станцію, онъ замѣтилъ полицейскаго, пристально смотрѣвшаго на него; онъ смѣло подошелъ къ нему и попросилъ его указать гостиницу, что тотъ и исполнилъ. Онъ пригласилъ съ собой своего спутника и спросилъ бренди, но затѣмъ постарался, какъ можно быстрѣе, избавиться отъ своего полицейскаго товарища. Нѣкоторое время онъ все же пробылъ въ Лидсѣ, но переодѣлся такимъ образомъ, что ускользнулъ отъ бдительности своихъ преслѣдователей. Въ другой разъ онъ пошелъ въ Манчестеръ и по дорогѣ остановился въ одномъ домѣ, гдѣ на стѣнѣ увидѣлъ свой портретъ изъ „Сѣверной Звѣзды“. На немъ была короткая грязная куртка и картузъ, и его красивые локоны были спрятаны. Онъ спросилъ хозяйку, какъ она можетъ держать портретъ такого человѣка въ своемъ домѣ? Ея отвѣтъ ободрилъ его. Онъ снялъ картузъ, его локоны разсыпались, и женщина сейчасъ же узнала его. Для того, чтобы продолжать свой путь въ большей безопасности, онъ убѣдилъ женщину, которая тоже была въ рабочемъ костюмѣ, сопровождать его; но онъ не ускользнулъ, тѣмъ не менѣе, отъ бдительнаго взгляда встрѣтившагося имъ на дорогѣ полицейскаго. Женщина оглянулась, когда они миновали его, и тогда полицейскій подозвалъ ее къ себѣ и посовѣтовалъ ей, какъ можно скорѣе, скрыть своего товарища, такъ какъ слѣдующій полицейскій могъ быть не такъ любезенъ. Послѣ многихъ затрудненій докторъ попалъ въ Брайтонъ и отправился съ однимъ другомъ на скачки. По странному случаю они очутились въ обществѣ главнаго констебля, сказавшаго его другу, что у него въ карманѣ портретъ М'Дуэля съ описаніемъ его наружности, и что онъ въ настоящую минуту ищетъ его. Доктору удалось потомъ пробраться во Францію, гдѣ онъ пробылъ въ изгнаніи два года. Онъ рѣшился на это по совѣту своихъ политическихъ товарищей. Но, какъ разъ въ то время, когда онъ находился въ такомъ критическомъ положеніи, редакторъ „Сѣверной Звѣзды“ обрушился на него съ самыми невеликодушными обвиненіями. Для того, чтобы помочь ему жить, нужны были деньги. Редакторъ зашелъ такъ далеко, что заявилъ, что каждый человѣкъ, обладающій хотя бы искрой мужества, скорѣе повѣсился бы на деревѣ, чѣмъ согласился бы висѣть на шеѣ у народа. Въ тотъ день, какъ появились эти обвиненія, О'Конноръ находился въ Манчестерѣ и при свиданіи съ Личемъ постарался вывѣдать отъ него отношеніе чартистовъ къ

нападкамъ своего редактора. Узнавъ, что чартисты были на сторонѣ М'Дуэля, онъ въ тотъ-же вечеръ на публичномъ митингѣ началъ сурово порицать направленныя противъ М'Дуэля обвиненія. Исполнительный Комитетъ также далъ поводъ къ обвиненіямъ, такъ какъ истратилъ на свои цѣли около восьми фунтовъ больше, чѣмъ это было назначено. Редакторъ не упустилъ этого случая, чтобы указать на каждую самую мелкую разницу. Но О'Конноръ не согласился съ нимъ, и редакторъ, въ концѣ концовъ, вышелъ изъ состава „Звѣзды". Вмѣсто него былъ приглашенъ Джуліенъ Гарней, сначала въ качествѣ помощника редактора, а потомъ и главнымъ редакторомъ.

Къ Куперу, арестованному за участіе въ Манчестерской конференціи, стаффордскими властями было предъявлено обвиненіе въ поджогѣ во время буйства въ Поттерисѣ. Его обвиняли не въ томъ, что онъ самъ принималъ участіе въ буйствѣ, но въ томъ, что онъ вызвалъ бунтъ своими рѣчами. Куперъ самъ велъ свою защиту и произнесъ такую блестящую рѣчь, что присяжные признали его невиновнымъ. Вилльямъ Эллисъ, обвинявшійся въ томъ же преступленіи, былъ не такъ счастливъ, какъ Куперъ; онъ былъ признанъ виновнымъ и присужденъ къ ссылкѣ на двадцать лѣтъ, не смотря на то, что доказалъ свое alibi. Эллисъ былъ непріятенъ нѣкоторымъ партіямъ, и присяжные не постѣснились поэтому вынести ему обвинительный вердиктъ. Чартистскіе лидеры были арестованы и во многихъ другихъ мѣстахъ по обвиненію въ мятежѣ. Въ Лейстерѣ былъ схваченъ Вилльямъ Джонъ за произнесеніе мятежной рѣчи, а въ Дерби такая же судьба постигла лектора Джона Уэста. Были также арестованы Джозефъ Линнэй изъ Бильстона, Джоржъ Уайтъ и Артуръ О'Нэйль въ Бирмингамѣ. Дѣло Уэста разбиралось потомъ подъ предсѣдательствомъ барона Альдерсона. Онъ защищался самъ и велъ свою защиту очень искусно, а такъ какъ само по себѣ дѣло было совершенно ничтожно, и судья далъ ему очень хорошій совѣтъ, которымъ онъ воспользовался, то присяжные оправдали его. Линней былъ признанъ виновнымъ и присужденъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Артуръ О'Нэйль, не смотря на то, что былъ членомъ Общества Мира, былъ также признанъ виновнымъ и присужденъ къ заключенію въ Стаффордской тюрьмѣ на годъ. Дѣло Джоржа Уайта также разбиралось на судѣ. При арестѣ онъ оказалъ сопротивленіе полицейскому, но, въ концѣ концовъ, былъ

все-же арестованъ. На допросѣ Слѣдственной Комиссіи Уайтъ велъ себя со свойственной ему дерзостью. Онъ подвергъ свидѣтелей длинному перекрестному допросу, и въ срединѣ допроса вдругъ сѣлъ и потребовалъ себѣ сандвичъ и стаканъ вина. Ему заявили, что эта просьба не можетъ быть исполнена; на это онъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ онъ не можетъ вести дальше перекрестный допросъ. Ему снова сказали, что это невозможно и что это противно правиламъ суда. Онъ заявилъ, что судебныя правила ему неизвѣстны, но зато хорошо извѣстно, что пока ему не дадутъ сандвича и вина онъ не будетъ продолжать перекрестнаго допроса. Напрасно судьи убѣждали его, Джоржъ былъ непоколебимъ и въ концѣ концовъ одержалъ побѣду. Уайтъ признанъ былъ виновнымъ и приговоренъ потомъ судомъ Королевской скамьи къ восьмимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ, гдѣ онъ часто устраивалъ пріемы, на которые собирались главные представители столичной демократіи.

Дѣло Джонса разбиралось подъ предсѣдательствомъ барона Гёрнея; какъ и многіе другіе, онъ самъ велъ свою защиту. Возбужденное противъ него обвиненіе въ мятежѣ было такъ неосновательно, что не предубѣжденные присяжные ни въ какомъ случаѣ не могли бы найти его виновнымъ; но онъ совершилъ еще новое преступленіе, такъ какъ произнесъ одну изъ самыхъ блестящихъ рѣчей, когда либо говорившихся на судѣ; рѣчь эта продолжалась четыре часа и вызвала похвалы даже со стороны „Daily Times“. Нельзя обойти молчаніемъ въ данномъ случаѣ поведеніе барона Гёрнея; оно напоминаетъ безстыдныя выходки крovаваго Джефриса, когда жертва находилась въ его власти. При перекрестномъ допросѣ одного свидѣтеля, Джонсъ между прочимъ спросилъ его: „Находите-ли вы себя нравственно правымъ?“—Баронъ Герней:—Подождите, подождите, что намъ до этого за дѣло?—Джонсъ: „Милордъ, я думаю“... Баронъ Герней:—Вы можете думать, что вамъ угодно, но мы не потерпимъ, чтобы у насъ на судѣ говорились разныя глупости о какой-то нравственной правотѣ.—Когда судья насладился торжествомъ своего жалкаго остроумія, Джонсъ снова сталъ допрашивать свидѣтеля, заявившаго, что оскорбленіе Лондонской полиціи было нанесено до прихода Джонса, а не послѣ. Баронъ Герней, обращаясь къ Джонсу: „Они все же арестовали васъ, какъ вы видите, и такимъ образомъ обезвредили васъ. Если вы пустите собаку на улицу и закричите „бѣшеная собака“, вамъ не зачѣмъ

говорить, чтобы ее били; въ этомъ нѣтъ никакой надобности. такъ какъ это сдѣлаютъ и безъ того". Джонсъ: „Мнѣ это очень хорошо извѣстно, Милородъ, я и другіе подобные мнѣ, испытали это на своемъ собственномъ тяжеломъ опытѣ".

На судѣ Джонсу помогали вести защиту двое его друзей. Баронъ Герней заявилъ, что онъ удалитъ ихъ изъ залы засѣданія, если они не перестанутъ подсказывать. Джонсъ горячо протестовалъ противъ такого вмѣшательства.—„Милордъ, сказалъ онъ, могу я просить, чтобы меня не прерывали больше и чтобы мнѣ позволили вести мою защиту такъ, какъ я нахожу это нужнымъ и такъ, какъ я ее приготовилъ.—„Это будетъ зависить отъ того, насколько вы будете держаться въ должныхъ границахъ и въ предѣлахъ представленнаго къ вамъ обвиненія". Джонсъ заявилъ. что онъ находитъ лишнимъ говорить дальше. Но грубость предсѣдателя не ограничилась только этими замѣчаніями. Между прочимъ Джонсъ сказалъ, что „всегда стоялъ за миръ и порядокъ", но что, правда, обвинялъ правительство въ тираніи. Баронъ Герней съ большой горячностью: „Въ такомъ случаѣ вы были совершенно не правы; лично до васъ намъ нѣтъ никакого дѣла". Джонсъ: „Это было мое убѣжденіе, Милордъ". Баронъ Герней: „Вы можете имѣть, сэръ, какія вамъ угодно убѣжденія, но вы не имѣете права говорить народу о тираніи правительства, это преступленіе. Вамъ не къ чему говорить намъ о вашихъ скверныхъ свойствахъ—намъ не зачѣмъ знать васъ лично, сэръ, намъ важно знать ваши слова и поступки только въ томъ дѣлѣ, которое мы разбираемъ. Оставайтесь въ границахъ предъявленнаго къ вамъ обвиненія". „Morning Chronicle" спрашивалъ по поводу этихъ неприличныхъ выходокъ: „Кто судья, и кто преступникъ?" И потомъ продолжалъ: „Если бы даже Джонсъ былъ самымъ безпринципнымъ агитаторомъ, или самымъ дерзкимъ предателемъ, то и тогда отношеніе къ нему барона Гернея должно было бы, тѣмъ не менѣе, возмутить каждаго, кто знакомъ съ судебными порядками". Рабολѣпные присяжные уступили дерзкому произволу деспотическаго судьи и вынесли обвинительный вердиктъ. Джонсъ былъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію за то, что старался возстановить порядокъ въ Лейстерѣ.

На Ланкастерскихъ Ассизахъ, въ мартѣ 1843 года, разбиралось дѣло Фиргуса О'Коннора и пятидесяти восьми другихъ Чартистовъ. Всѣ они были привлечены по такъ называемому „Mon-

ster Indictement“—обвиненію—монстръ, заключавшему въ себѣ девять обвинительныхъ пунктовъ, многіе изъ которыхъ были почти одинаковы. Суть ихъ сводилась къ обвиненію пятидесяти девяти подсудимыхъ въ „противозаконной помощи, поддержкѣ, возбужденіи, содѣйствіи, поощреніи и подстрекательствѣ злонамѣренныхъ лицъ къ устройству и веденію противозаконныхъ собраній, употребленіи угрозъ, запугиванія и насилія; остановкѣ или задержкѣ работъ въ ремесленныхъ, торговыхъ и фабричныхъ учрежденіяхъ съ цѣлью вызвать терроръ и волненіе среди мирнаго населенія королевства и посредствомъ этого террора и волненія насильственнымъ и незаконнымъ путемъ произвести большія измѣненія въ конституціи королевства, закономъ установленной“. Это былъ четвертый пунктъ обвиненія. Пунктъ пятый обвинялъ въ „незаконномъ стремленіи возбудить въ вѣрноподданныхъ Ея Величества неудовольствіе и ненависть къ существующимъ законамъ; въ незаконномъ подстрекательствѣ вышеупомянутыхъ вѣрноподданныхъ къ соединенію между собою, въ формѣ союзовъ, съ тѣмъ, чтобы посредствомъ прекращенія работъ въ большей части королевства, вызвать измѣненія въ законахъ и конституціи королевства“. Судебное разбирательство началось въ среду, 21 марта; предсѣдателемъ былъ баронъ Рольфъ. Въ составъ коронпаго совѣта вошли Генералъ-Атторней, сэръ Ф. Поллокъ, Дж. С. Уортлей, сэръ Грегори Льюинъ, Гильдіардъ М-ръ Поллокъ. Защитниками со стороны подсудимыхъ были Дендасъ, Азертонъ, Бенсъ, Коббетъ, Мерфей, Макъ-Убрей. Но подсудимые по большей части сами вели свою защиту. Было вызвано не менѣе семидесяти двухъ свидѣтелей, причемъ большинство со стороны обвиненія. На судъ былъ вызванъ, по настоянію О'Коннора, сэръ Джемсъ Гремъ, нѣсколько дней прождавшій напрасно въ судѣ; потомъ О'Конноръ заявилъ, что вслѣдствіе показанія другого свидѣтеля, онъ не нуждается больше въ показаніи Министра Внутреннихъ дѣлъ, и тотъ уѣхалъ обратно въ Лондонъ. Судъ продолжался восемь дней и, если принять во вниманіе число свидѣтелей и подсудимыхъ, то нельзя не удивляться быстрому веденію дѣла. При открытіи судебнаго разбирательства сэръ Ф. Поллокъ произнесъ очень мягкую рѣчь, рѣзко отличавшуюся отъ многихъ обвинительныхъ рѣчей при правительствѣ Виговъ. Онъ, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія воспользоваться преимуществомъ своего положенія во вредъ обвиняемымъ и съ большимъ благородствомъ относился къ каждому

изъ нихъ. Допросъ свидѣтелей только со стороны одного обвиненія длился пять дней. Главными свидѣтелями со стороны обвиненія были Картледжъ и Гриффинъ—оба они принимали дѣятельное участіе въ движеніи. Первый былъ привлеченъ сначала вмѣстѣ съ другими обвиняемыми, но его убѣдили выступить въ качествѣ Queen's evidence (свидѣтелемъ отъ короны) и такимъ образомъ онъ избѣжалъ скамьи подсудимыхъ. Оба эти свидѣтеля дали присяжнымъ отчетъ о событіяхъ на конференціи. Картледжъ былъ однимъ изъ делегатовъ, а Гриффинъ однимъ изъ репортеровъ „Вечерней Звѣзды". Первымъ давалъ показаніе Картледжъ; онъ разсказалъ о собраніи делегатовъ и объ участіи подсудимыхъ въ этомъ собраніи. Его подвергли очень долгому, тщательному и подробному перекрестному допросу, въ особенности О'Конноръ, который своими вопросами сбивалъ Картледжа въ его показаніяхъ *).

Когда свидѣтельскія показанія были закончены, Дёндасъ произнесъ прекрасную рѣчь въ защиту Роберта Брука изъ Тодмордена. Затѣмъ произнесъ рѣчь Бэнсъ въ защиту Джемса Шольфильда, священника дисседента, въ часовнѣ котораго происходила конференція. Мерфей защищалъ доктора М'Дуэля, Томаса Рельтона

*) Мы приводимъ часть этого допроса: Теперь, Картледжъ, я хотѣлъ-бы сказать вамъ слова два. Когда вы пріѣхали въ Ланкастеръ?—Во вторникъ.—Съ кѣмъ вы пріѣхали?—Съ М-ромъ Првиномъ и М-ромъ Гриффиномъ.—Какъ вы пріѣхали?—По желѣзной дорогѣ.—Въ третьемъ классѣ?—Нѣтъ.—Во второмъ классѣ?—Нѣтъ.—Въ первомъ классѣ?—Да.—На васъ надѣта рабочая куртка?—Да.—Развѣ у васъ нѣтъ лучшей одежды?—Нѣтъ.—Вы можете присягнуть въ этомъ?—Могу.—Развѣ у васъ не было красивой жилетки?—У меня была болѣе нарядная жилетка, чѣмъ эта.—Сколько вы за нее дали?—Три шиллинга.—Развѣ недавно вы не заплатили фунтъ пятнадцать шиллинговъ за что-то?—Нѣтъ.—Гдѣ вы купили жилетку?—Я не знаю въ какой-то лавкѣ въ Манчестерѣ.—Вы не знаете гдѣ, вы въ этомъ увѣрены?—Въ Манчестерѣ.—Въ какой лавкѣ?—Я не знаю.—Можете присягнуть въ этомъ?—Да.—Заплатили вы за нее?—Я не знаю.—Но вы не увѣрены?—Нѣтъ. Я или моя жена заплатили за нее.—За нее уплачено?—Да.—Вы знаете миссисъ Нольсъ?—Знаю.—Вы ей заказывали сюртукъ и жилетъ?—Да.—Когда?—Нѣсколько недѣль тому назадъ.—Когда вы получили сюртукъ?—Двѣ недѣли тому назадъ.—Заплатили вы за него?—Нѣтъ, не заплатилъ и, слѣдовательно, онъ мнѣ не принадлежитъ.—Предупреждали ли вы о своемъ намѣреніи оставить вашу квартиру или вы оставили ее внезапно?—Я оставилъ ее внезапно: если я взялъ сюртукъ и жилетку, то взялъ только съ единственной цѣлью заложить ихъ, чтобы пріѣхать сюда.—Вы собрали ваши пожитки, послѣ того какъ получили

и Джона Дергема. За нимъ послѣдовалъ Азертонъ, взявшій на себя защиту Джемса и Вилльяма Стефенсоновъ, Макъ-Убрей выступилъ послѣднимъ. Онъ защищалъ Джемса Муней и Вилльяма Эткена. Затѣмъ къ присяжнымъ обратился Джоржъ Джуліанъ Гарней. Онъ привелъ изъ „Sheffield Independent“ свою рѣчь. произнесенную имъ на конференціи въ Шеффильдѣ, въ которой онъ возставалъ противъ забастовки. Мы считаемъ своимъ долгомъ привести слѣдующую сильную и вполнѣ точную выдержку изъ этой рѣчи:

„Онъ не думаетъ, чтобы большинство рабочихъ принадлежало къ чартистамъ; они могли принять резолюцію о прекращеніи работъ и бросить работать, но развѣ тѣ, которые не присутствовали на этихъ митингахъ, должны были подчиняться этой резолюціи? Онъ увѣренъ, что нѣтъ; и на другое утро большинство мастерскихъ снова открылись бы и колеса на фабрикахъ снова завертѣлись бы. Забастовщики могли собраться и пойти снимать рабочихъ, но развѣ отъ этого они сдѣлались бы чартистами? Развѣ отъ того, что ихъ сняли, они прекратили-бы работу? Рабочіе, бросающіе работу не ради достиженія Хартіи, а изъ страха быть

эти вещи отъ миссисъ Нольсъ?—Да, съ единственной цѣлью пріѣхать сюда.—Заплатили вы за ваше мѣсто на желѣзной дорогѣ?—Да.—Вы заложили сюртукъ и жилетку?—Кажется, моя жена заложила ихъ.—Сколько вы получили за нихъ подъ залогъ?—Я не знаю.—Вы никогда не слыхали?—Нѣтъ.—Вы можете присягнуть?—Я не знаю.—Черезъ сколько времени послѣ того, какъ вы получили ваши вещи отъ миссисъ Нольсъ, вы уѣхали?—Не знаю; я оставилъ тамъ мою жену.—Вы состоите поставщикомъ и секретаремъ областного кооперативнаго магазина?—Да.—Въ какомъ округѣ?—Въ Манчестерскомъ.—Это большой округъ. Въ какомъ именно мѣстѣ этого округа?—ВъАнкотсѣ. Занимали ли вы какую-нибудь значительную должность въ округѣ Браунъ-Стрита?--Да.--Вы были поставщикомъ и подрядчикомъ ассоціаціи?—Да.--И секретаремъ?—Нѣтъ.—Вы составляли отчеты?—Насколько это меня касалось, да.—Балансъ былъ въ вашу пользу?—Нѣтъ.—Значитъ, было совсѣмъ обратно?—Я не понимаю вопроса.—Былъ балансъ противъ васъ?—Нѣтъ, если его разъяснить.—Они обвиняютъ васъ въ томъ, что вы должны имъ деньги.—Не думаю.—Такъ что же нуждается въ разъясненіи?—На мнѣ лежала продажа „Сѣверной Звѣзды“, доходы съ которой поступали въ Ассоціацію; такъ оно и было, но нѣкоторыя партіи сдѣлали долги. Потомъ составился новый Комитетъ, и теперь они говорятъ, что я долженъ отвѣчать за долги прежней партіи и они ставятъ ихъ за мой счетъ.—Сколько же вы должны? — Я ничего не долженъ. — А въ кооперативную лавку должны вы что-нибудь?—Я не знаю,какъ обстоятъ дѣла. Должны

побитыми, снова примутся за нее, несмотря на забастовщиковъ, какъ только тѣ уйдутъ, или какъ только явятся военныя силы для охраны ихъ. Даже „Сѣверная Звѣзда“ увѣряла, что многіе изъ рабочихъ, которыхъ сняли въ другихъ городахъ, снова принялись за работу. Въ Галифаксѣ ихъ сняли въ понедѣльникъ, во вторникъ пролилась кровь, а въ четвергъ они снова стали на работу. Неужели Шеффильдскіе рабочіе будутъ настолько глупы, чтобы принять резолюцію о забастовкѣ, а потомъ поступить такъ же, какъ рабочіе въ Галифаксѣ? Если они хотятъ забастовки, то не надо жалѣть времени на обсужденіе этого вопроса. Онъ надѣется, что смѣлые и пылкіе товарищи, порицающіе его, встанутъ и выскажутъ свои доводы. Прежде чѣмъ согласиться на забастовку, онъ долженъ быть увѣренъ въ двухъ вещахъ: первое—что Шеффильдскіе рабочіе—чартисты; второе, что они бросятъ работу добровольно ради Хартіи, безъ всякаго принужденія“.

Гарней сообщилъ затѣмъ присяжнымъ, что его старанія помѣшать забастовкѣ увѣнчались успѣхомъ и затѣмъ, перейдя къ Картледжу и Гриффину, продолжалъ:

„Я увѣренъ, господа, что вы не обвините меня на основаніи

вы деньги?—Нѣтъ.—Такъ, значитъ, они должны вамъ деньги?—Нѣтъ.—Такъ вы не знаете какъ обстоятъ дѣла?—Нѣтъ.—Вы говорите, что чартисты дурно отнеслись къ вашей женѣ, когда она была въ Чистерѣ?—Да.—Она ѣздила въ Чистеръ?—Да.—Кто послалъ ее туда?—Чартисты.—Они дали ей денегъ?—Да.—Такъ, значитъ, въ Чистерѣ вамъ пришло въ первый разъ въ голову выступить свидѣтелемъ?—Да.—И вы пріѣхали сюда только потому, что чартисты дурно поступили съ вашей женою?—Да.—Такъ вы находите, что съ вашей женой поступили дурно, пославъ ее къ вамъ?—Да.—Вы находите, что съ вами поступили дурно, пославъ къ вамъ вашу жену? Теперь, сэръ, мнѣ кажется, что на вопросъ Генерала-Атторнея вы отвѣтили, что 14 августа вы были чартистомъ?—Да.—Какъ скоро послѣ того вы прочли ваше отреченіе?—Я его не читалъ.—Вы все попрежнему чартистъ?—Я попрежнему раздѣляю принципы Хартіи.—Вы, значитъ, попрежнему чартистъ?—Да.—Вы за ежегодный парламентъ?—Да.—Вы за всеобщее избирательное право?—Да.—Вы за тайную баллотировку?—Да.—Вы за равное распредѣленіе избирательныхъ правъ по округамъ?—Да.—Вы за отмѣну имущественнаго ценза для членовъ парламента?—Да.—Вы стоите за вознагражденіе членовъ парламента за ихъ службу?—Да.—Въ такомъ случаѣ вы хорошій чартистъ.—Затѣмъ О'Конноръ спросилъ: Гдѣ вы были послѣднія три недѣли, Картледжъ?—Въ Манчестерѣ.—Все время?—Двѣ недѣли тому назадъ я былъ въ Лиммѣ въ Чеширѣ.—Сколько времени вы тамъ пробыли?—Я выѣхалъ наканунѣ и на другой день

показаній такихъ безчестныхъ людей. Но если даже мнѣ вынесутъ обвинительный вердиктъ и меня присудятъ къ холодной тюремной камерѣ, къ этой живой могилѣ преступленія и ужаса, то все же— вѣрьте мнѣ, господа, что это не пустая напыщенная фраза—я никогда бы не промѣнялъ своего положенія на положеніе моихъ обвинителей для того, чтобы избѣжать готовящейся мнѣ пытки. Если бы изъ залы суда я долженъ былъ взойти на эшафотъ и тамъ, вырвавшись изъ объятій любви, встрѣтить холодное прикосновеніе окровавленной руки палача и отдать свою жизнь съ ея скорбями, съ ея надеждами и радостями, увы! такими короткими, и ступить за порогъ могилы, въ безпредѣльную неизвѣстность, то и тогда я не промѣнялъ бы,—я говорю это по зрѣлому размышленію,—мою судьбу на судьбу моихъ обвинителей. Пусть скроятся они отъ свѣта дня! Пусть бѣгутъ отъ своихъ ближнихъ! И одни, лишенные дружбы товарищей и любви своихъ близкихъ, упиваются наградой своей измѣны и наслаждаются вы-

---

пріѣхалъ.—И въ теченіи этихъ послѣднихъ трехъ недѣль вы ни разу не видѣли Гриффина?—Нѣтъ, только въ послѣднюю субботу вечеромъ.— Когда вы пріѣхали сюда и откуда вы пріѣхали?—Изъ Лимма двѣ недѣли тому назадъ.—Я думалъ, что вы выѣхали изъ Лимма наканунѣ и вернулись на другой день?—Я два раза былъ въ Лиммѣ.—Э, сэръ, да вы шутникъ!—Такимъ образомъ О'Конноръ во все время перекрестнаго допроса доставлялъ суду своего рода развлеченіе и добился отъ свидѣтеля многихъ благопріятныхъ показаній для подсудимыхъ.

При перекрестномъ допросѣ Гриффина О'Конноръ также добился отъ него нѣсколько важныхъ отвѣтовъ. Вѣдь вы писали мнѣ и просили денегъ, чтобы уѣхать въ Америку, для того, чтобы избавиться отъ Ирвина?— Нѣтъ.—Вы можете присягнуть, что вы не писали мнѣ о деньгахъ, для того, чтобы имѣть возможность покинуть страну, потому что Ирвинъ старался подкупить васъ?—Могу.—Вы совсѣмъ не писали мнѣ о деньгахъ?—Писалъ, потому что вы мнѣ были должны деньги, а вы отвѣтили мнѣ, что я долженъ обратиться за этимъ къ м-ру Хиллу.—Но вѣдь вы знали, что я не имѣю никакого отношенія къ финансовымъ дѣламъ „Звѣзды"?—Вы говорили мнѣ написать мистеру Хиллу.—Вамъ платили за ваши услуги каждую недѣлю?—Мнѣ платили, когда я служилъ у васъ.—И вы не писали мнѣ, прося денегъ, чтобы оставить страну?—Обращаясь къ председателю: „Мнѣ кажется этого довольно, ваше Сіятельство? онъ не отрицаетъ, что писалъ мнѣ просьбу о деньгахъ, чтобы поѣхать въ Америку, для того, чтобы избавиться отъ Ирвина.—Помимо О'Коннора, продержавшаго его довольно долго, Гриффинъ былъ подвергнутъ еще самому безжалостному перекрестному допросу со стороны адвокатовъ и многихъ изъ подсудимыхъ.

годами своего низкаго предательства. Но пусть они всегда помнятъ о нарушенныхъ обѣтахъ и о нарушенныхъ клятвахъ—клятвахъ вѣрности дѣлу, которымъ они такъ безчестно измѣнили. Воспоминаніе объ этомъ, можетъ быть, придастъ особую прелесть ихъ радости и особенную остроту ихъ удовольствію. Но, господа, настанетъ день, когда и они получатъ свое возмездіе, когда жало размышленій вопьется въ ихъ грудь, когда червь воспоминанія начнетъ грызть ихъ сердце и, подобно коршуну Прометея, терзать ихъ грудь до тѣхъ поръ, пока угрызенія совѣсти не обратятся въ душевную пытку. И они станутъ чахнуть и умрутъ и сойдутъ въ могилу, одинокіе, лишенные любви женъ и дѣтей, соотечественниковъ и друзей. Никто не прольетъ слезу, вспоминая о нихъ; и память о нихъ соединится съ проклятіемъ, и мысль о нихъ будетъ вызывать презрѣніе и отвращеніе".

Рѣчь Гарнея длилась долго и произвела сильное впечатлѣніе. Послѣ него всталъ Самюель Парксъ. Онъ говорилъ довольно долго, но когда приступилъ къ вопросу о томъ, что наша соціальная система противорѣчитъ волѣ Божественной, то предсѣдатель остановилъ его, и попросилъ держаться свидѣтельскихъ показаній, что тотъ и дѣлалъ въ остальной части своей рѣчи. Послѣ него началъ свою защиту Ричардъ Отлей. Онъ говорилъ недолго, но во время его рѣчи многіе изъ подсудимыхъ совѣтовали ему смягчить свои выраженія, такъ какъ своей манерой говорить онъ вредилъ не только своему собственному дѣлу, но и дѣлу товарищей. Затѣмъ къ присяжнымъ обратился Ричардъ Пиллингъ и разсказалъ, какъ онъ на своемъ собственномъ опытѣ испыталъ всю унизительность соціальнаго положенія рабочаго класса. Онъ говорилъ просто, но очень энергично, и его рѣчь растрогала многихъ слушателей до слезъ. За нимъ слѣдовалъ Джоржъ Джонсонъ; но предсѣдатель прервалъ его почти въ самомъ началѣ рѣчи, заявивъ, что находитъ показанія противъ него свидѣтелей не достаточно вѣскими, и съ согласія членовъ суда, Джонсонъ былъ оправданъ. За нимъ всталъ Томасъ Стора, сказавшій короткую рѣчь. Бернардъ Макъ-Картней остановился, главнымъ образомъ, на свидѣтельскихъ показаніяхъ, которыми онъ очень искусно воспользовался, утверждая, что дѣйствія его носили самый мирный характеръ. Затѣмъ долженъ былъ говорить Джонъ Аллинсонъ, но Генералъ-Атторней прекратилъ его дѣло. Затѣмъ началъ свою защиту Вилльямъ Бислей—„Сѣверный Ланкаширскій Левъ", какъ обыкновенно звали

его чартисты. Онъ доказывалъ присяжнымъ, что былъ противъ забастовки, такъ какъ находилъ, что забастовка только повредила-бы движенію чартистовъ. Заявивъ судьямъ, что если они разсчитываютъ своими мѣрами раздавить чартизмъ, то они ошибутся въ своихъ расчетахъ, онъ въ заключеніе сказалъ:

„Вы можете вынести мнѣ обвинительный вердиктъ и заключить меня въ тюрьму на годъ; но время скоро проходитъ, и когда снова откроются передо мною ворота, и меня снова выпустятъ на свѣжій воздухъ, я буду тѣмъ же, чѣмъ теперь. Десять тысячъ преслѣдованій не заставятъ меня измѣнить моимъ принципамъ. Я рѣшилъ до конца своей жизни бить въ набатъ за Хартію, возвѣщающей конецъ тираніи и насилію. Присуждайте меня хотя бы къ десяти тысячамъ наказаній, я все же останусь чартистомъ“.

Затѣмъ началъ свою рѣчь Дойль. Намекая на нѣкоторыхъ подсудимыхъ, извинявшихся передъ присяжными за злоупотребленіе ихъ временемъ, онъ сказалъ: „Я не буду извиняться въ злоупотребленіи вашимъ временемъ. У меня есть основаніе; я, дѣйствительно, не считаю это злоупотребленіемъ. Моя свобода въ опасности и поэтому, я думаю, что вы выслушаете меня и выслушаете терпѣливо“. Затѣмъ онъ привелъ доказательства, что не былъ заговорщикомъ, какъ это говорили, и защищалъ свое право на распространеніе своихъ убѣжденій. Онъ доказывалъ, что многіе великіе люди защищали тѣ же принципы, какъ и онъ, и въ заключеніе убѣждалъ присяжныхъ оказать ему справедливость. Затѣмъ поднялся Джонатанъ Берстоу и произнесъ очень содержательную рѣчь. Онъ выразилъ похвалу предсѣдателю и Генералу-Атторнею за ихъ благородное и безпристрастное поведеніе на судѣ. Послѣ короткой рѣчи Альберта Вольфендена, говорилъ Джемсъ Личъ, обрисовавшій въ яркихъ и могучихъ краскахъ соціальное положеніе рабочаго класса, и доказавшій, что положеніе это ухудшилось въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ. Онъ объяснялъ недавнее волненіе плохими условіями жизни рабочихъ, а также пропагандой „Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ“. Фиргусъ О'Конноръ говорилъ послѣднимъ изъ подсудимыхъ. Онъ былъ такъ доволенъ поведеніемъ своихъ преслѣдователей, что заявилъ присяжнымъ, что смотритъ на судъ, не какъ на актъ справедливости или на снисходительное великодушіе, но какъ на истинное благодѣяніе, по крайней мѣрѣ, что касалось до него лично. Съ адвокатскимъ поистинѣ искусствомъ онъ разобралъ свидѣтельскія показанія

и затѣмъ сравнилъ отношеніе правительства къ чартистамъ съ отношеніемъ того-же правительства къ О'Коннелю. Онъ сослался на Лорда Брума, утверждавшаго, что въ основѣ забастовки стояла „Лига противъ хлѣбныхъ законовъ“, на Вальтера изъ Times, доказывавшаго, что ее вызвалъ новый Законъ о Бѣдныхъ, на мнѣніе Лиги и мистера Кобдена, считавшихъ ея виновниками лендлордовъ и на нѣкоторыхъ другихъ, обвинявшихъ въ ней ланкаширскихъ консерваторовъ, и замѣтилъ, что его обвинитель, открывшій противъ него преслѣдованія, напоминаетъ ему одного стараго охотника, имѣвшаго широкое, просторное и очень удобное сѣдло. Лошадь пала, но сѣдло было такъ хорошо, что охотникъ отправился съ нимъ на рынокъ, чтобы пріискать къ этому сѣдлу подходящую лошадь. Точно также поступилъ и обвинитель, открывшій преслѣдованія. Онъ отправился съ своимъ сѣдломъ по мануфактурнымъ округамъ, чтобы найти кого-нибудь, кто подходилъ бы къ его сѣдлу. Онъ примѣрилъ его сначала на Лигу; но увидѣвъ, что у чартистовъ были болѣе широкія плечи, и что оно больше подходитъ къ нимъ, онъ надѣлъ сѣдло имъ на спину и крѣпко затянулъ его. Затѣмъ онъ разобралъ главную часть свидѣтельскихъ показаній и доказалъ ихъ неосновательность; остановился на различныхъ подробностяхъ политическаго характера, привелъ массу анекдотовъ, касавшихся его дѣла, вызывая по временамъ самый искренній смѣхъ. Его рѣчь продолжалась два часа двадцать минутъ.

Послѣ показаній свидѣтелей отъ защиты, началъ говорить Генералъ-Атторней; онъ произнесъ рѣчь очень длинную, но въ мягкомъ и сдержанномъ тонѣ. Нельзя было не видѣть, что въ данномъ случаѣ правительство съ радостью прекратило-бы дѣло и освободило бы подсудимыхъ, если бы только была какая-нибудь возможность. Со стороны Генералъ-Атторнея не видно было никакого желанія подчеркнуть обвиненіе. Онъ не старался настаивать ни на одномъ пунктѣ обвиненія, и привелъ въ пользу подсудимыхъ все, что только могъ привести прокуроръ. На слѣдующій день баронъ Рольфъ сдѣлалъ сводку свидѣтельскимъ показаніямъ и исполнилъ эту грандіозную работу съ терпѣливою покорностью мученика. Онъ старался привести въ пользу подсудимыхъ всякое благопріятное показаніе. Присяжные удалились для обсужденія вердикта и вернулись черезъ полчаса. Двадцати одному подсудимому они вынесли оправдательный вердиктъ;

шестнадцать были признаны виновными по четвертому пункту обвиненія; пятнадцать по пятому, а дѣло семерыхъ было прекращено во время судебнаго разбирательства. Приговоръ былъ отложенъ, и защита просила о пересмотрѣ дѣла, вслѣдствіе судебныхъ ошибокъ. Правительство не обнаружило желанія продолжать преслѣдованіе, хотя, конечно, исполняло всѣ необходимыя формальности. Когда подсудимые снова были приведены на судъ, защита доказала, что обвиненіе страдало такими недостатками, что все дѣло надо было прекратить. Обвинительный актъ, опредѣляя характеръ преступленія, въ то же время не указывалъ, когда было совершено это преступленіе. Дѣло было отдано на судебное разсмотрѣніе, а подсудимые освобождены подъ залогъ (сто фунтовъ съ каждаго) и съ обязательствомъ явиться, когда они будутъ вызваны. При этомъ Генералъ-Атторней заявилъ, что онъ не будетъ требовать подсудимыхъ, пока дѣло не выяснится. Но съ этого времени дѣло могло считаться уже конченнымъ. Подсудимыхъ къ суду больше не призывали. Правительство видѣло, что доводы защиты были слишкомъ ясны, для того чтобы подвергать ихъ обсужденію. Присмотрѣвшись внимательно ко всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, нельзя не придти къ заключенію, что весь этотъ судъ былъ однимъ фарсомъ; и что правительство не желая подвергать подсудимыхъ тюремному заключенію, нарочно оставило лазейку въ обвинительномъ актѣ, черезъ которую ихъ предполагаемыя жертвы могли легко ускользнуть послѣ, обычныхъ въ этихъ случаяхъ, законныхъ формальностей, необходимыхъ для соблюденія приличія.

Власти отказались отъ обвиненія Купера въ поджогѣ. Онъ судился въ Стаффордѣ на мартовскихъ Ассизахъ за мятежъ по двумъ обвиненіямъ и постарался при этомъ случаѣ доставить какъ можно больше затрудненій своимъ преслѣдователямъ. Въ новѣйшее время еще не было подобнаго процесса за такого рода проступокъ. Куперъ такъ долго допрашивалъ свидѣтелей, что привелъ всѣхъ членовъ суда въ ярость, которую они не могли скрыть. Вопросы его не всегда имѣли значеніе, но они отнимали время у суда и раздражали его преслѣдователей. Покончивъ съ свидѣтелями, онъ обратился къ присяжнымъ съ рѣчью, продолжавшеюся десять часовъ. Судъ длился въ общемъ десять дней и вызвалъ путаницу во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ Стаффордшира, Шробшира и Гирфордшира. Какъ и слѣдовало ожидать, присяжные вынесли обвини-

тельный вердиктъ, и подсудимый долженъ былъ явиться для выслушиванія приговора на судъ Королевской скамьи, гдѣ онъ произнесъ, съ цѣлью смягчить приговоръ, другую рѣчь, длившуюся восемь часовъ къ большой досадѣ его слушателей. Онъ говорилъ бы еще дольше, если бы предсѣдатель не выразилъ твердаго рѣшенія окончить дѣло въ тотъ же вечеръ. Въ результатѣ Куперъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію—приговоръ, котораго онъ и ожидалъ. Это заключеніе принесло свои плоды. Однимъ изъ его результатовъ была прекрасная поэма, озаглавленная „Purgatory of Suicides“ (Чистилище Самоубійцъ), которую большая часть печати поставило наравнѣ съ лучшими поэтическими произведеніями новѣйшаго времени. Другимъ результатомъ было полнѣйшее исцѣленіе Купера отъ его о'коннорской маніи; и не успѣлъ онъ еще выйти изъ тюрьмы, какъ подвергся обвиненіямъ со стороны своего прежняго кумира на страницахъ „Сѣверной Звѣзды“.

На Стаффордскихъ Ассизахъ судился Джонъ Ричардсъ, былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ двѣнадцатимѣсячному тюремному заключенію; такой же приговоръ былъ вынесенъ и Іеремею Іетцу изъ Ганлея. Мы не можемъ не упомянуть здѣсь объ отношеніи Купера къ первому изъ этихъ двухъ лицъ. Во время своего заключенія онъ привязался къ Ричардсу съ благоговѣйной нѣжностью, а такъ какъ Ричардсу было уже за семьдесятъ лѣтъ, и онъ, обладая слабымъ здоровьемъ, не могъ работать, то Куперъ ассигновалъ ему еженедѣльную стипендію, и выдавалъ ее, какъ намъ извѣстно, до самой смерти Ричардса, и при этомъ не только не тяготился выдачей этой стипендіи, но часто выражалъ самое искреннее желаніе, чтобы жизнь Ричардса продолжалась какъ можно дольше.

Въ Ливерпулѣ и въ Честерѣ разбиралось дѣло многихъ чартистовъ, обвинявшихся въ различныхъ проступкахъ, въ связи съ забастовкою. Предсѣдателемъ суда былъ Лордъ Эбинджеръ и въ своей рѣчи, обращенной къ Большому Джюри, онъ выступилъ съ самыми свирѣпыми обвиненіями противъ принциповъ демократіи и противъ всѣхъ сочувствовавшихъ этимъ принципамъ. Онъ осуждалъ демократическія учрежденія Америки, привелъ всевозможные доводы, чтобы возбудить слушателей противъ подсудимыхъ и выразилъ свое глубокое сожалѣніе, что законы недостаточно суровы по отношенію къ такого рода преступникамъ. Обвиняя нѣкоторыхъ изъ

подсудимыхъ, онъ заявилъ имъ, что чувствуетъ къ нимъ только ужасъ и презрѣніе. Онъ заявилъ также, что Палата Общинъ никогда не допуститъ въ свою среду членовъ безъ имущественнаго ценза. Ему, повидимому, былъ неизвѣстенъ тотъ фактъ, что всѣ Шотландскіе представители уже засѣдали въ Палатѣ безъ имущественнаго ценза. Однимъ словомъ, этотъ свирѣпый судья подвергъ рабочій классъ и всѣхъ его сторонниковъ самымъ позорнымъ обвиненіямъ. Онъ утверждалъ, что большая часть общества всегда будетъ находиться въ жалкомъ рабствѣ у немногихъ. Эта обвинительная рѣчь вызвала негодованіе во всей странѣ. Даже буржуазная пресса была противъ нея. Денкомбъ внесъ по этому поводу заявленіе въ Палату Общинъ, вызвавшее оживленныя пренія, и хотя въ концѣ концовъ заявленіе это не имѣло успѣха, тѣмъ не менѣе у него нашлось довольно большое число сторонниковъ, и возмутительное поведеніе Лорда Эбинджера подверглось строгому осужденію. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ, и смерть его не вызвала сожалѣнія ни въ комъ, за исключеніемъ самыхъ близкихъ друзей.

Почти сейчасъ же по окончаніи Мартовскихъ Ассизовъ Денкомбъ внесъ въ Палату предложеніе о назначеніи Комитета для разслѣдованія жалобъ двадцати двухъ лицъ, въ томъ числѣ Уайта, Гарнея, Брука, Лича, Морисона и Скевингтона. Въ жалобѣ приводились многочисленныя жалобы на чрезмѣрные залоги, на грубое обращеніе съ арестованными, на тяжелое положеніе въ тюрьмѣ и на многія другія подобныя же вещи. Денкомбъ произнесъ длинную обвинительную рѣчь противъ властей, но предложеніе его, конечно, было отвергнуто. Онъ получилъ только тридцать два голоса противъ ста девяносто шести...

Теперь мы должны вернуться къ концу 1842 года, когда была сдѣлана знаменательная попытка образовать союзъ между среднимъ и рабочимъ классами по иниціативѣ Джозефа Стерджа, Совѣтъ Союза борьбы за полное избирательное право, назначилъ засѣданіе Конференціи для этой цѣли въ августѣ 1842 года, но Вилльямъ Хилль, издатель „Сѣверной Звѣзды“, обратился съ открытымъ письмомъ къ Стерджу, прося отложить Конференцію, въ виду того, что недавніе аресты опустошили ряды чартистовъ. Стерджъ и Совѣтъ согласились исполнить эту просьбу, и Конференція была отложена на декабрь мѣсяцъ. Было рѣшено, что избиратели и неизбиратели пришлютъ одинаковое количество

членовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда выборъ тѣхъ и другихъ падетъ на одни и тѣ же лица. Города съ населеніемъ менѣе пяти тысячъ имѣли право избрать двухъ членовъ; съ большимъ населеніемъ четыре, а Лондонъ, Манчестеръ, Ливерпуль, Бирмингамъ, Эдинбургъ и Глазго по шести отъ каждаго. Между сторонниками полнаго избирательнаго права и чартистами завязалась горячая борьба изъ-за избранія делегатовъ. Чартисты, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, старались проводить своихъ членовъ на митингахъ „Союза борьбы за полное избирательное право" и во многихъ случаяхъ это имъ удавалось. Въ Лейстерѣ избиратели устроили отдѣльный митингъ, но невозможный Куперъ съ своими „Шекспировцами" былъ насторожѣ и явился на митингъ къ большому смущенію собранія. Горячій антагонизмъ, царившій между представителями этихъ двухъ прогрессивныхъ теченій, мало позволялъ надѣяться на возможность союза между обѣими партіями на Конференціи. Всѣ секціи чартистовъ прислали туда своихъ делегатовъ. Въ числѣ избранныхъ были Ловетъ, Коллинсъ, Парри (адвокатъ), О'Брайенъ и многіе другіе. Конференція собралась въ Бирмингамѣ 27 декабря. Всего съѣхалось отъ четырехъ сотъ до пятисотъ делегатовъ. Стерджъ былъ избранъ предсѣдателемъ, и Конференція усердно принялась за работу. Однимъ изъ членовъ „Союза борьбы за полное избирательное право" было внесено предложеніе, чтобы въ основу преній былъ положенъ Билль о Правахъ, составленный Совѣтомъ Союза. Билль о правахъ заключалъ въ себѣ всѣ шесть пунктовъ Народной Хартіи, но, тѣмъ не менѣе, предложеніе это, внесенное и поддержанное его сторонниками, было, по меньшей мѣрѣ, не тактично. Чартисты долгое время боролись подъ знаменемъ Хартіи. Тысячи между ними перенесли тяжелыя страданія, тысячи другихъ несли мученическій крестъ въ настоящее время; всѣ эти испытанія дѣлали для нихъ названіе Хартіи особенно дорогимъ. И, въ самомъ дѣлѣ, это слово стало своего рода лозунгомъ. Пытаться однимъ ударомъ уничтожить это названіе — значило желать стереть всѣ воспоминанія прошлаго. Въ этомъ прошломъ было иногда слишкомъ много увлеченія, временами даже много негоднаго, но не взирая на всѣ ошибки, оно не было лишено славы. Множество чартистовъ высказали большое мужество въ преслѣдованіи своей цѣли и могли служить примѣромъ истиннаго благородства. Какъ для нихъ, такъ и для тысячи другихъ, еще не испившихъ до дна чаши преслѣ-

дованія, но поклонявшихся самопожертвованію своихъ болѣе несчастныхъ собратій, отказаться отъ имени Хартіи было своего рода политическимъ святотатствомъ. Ловетъ выступилъ отъ имени этой партіи. Трудно было бы себѣ представить болѣе подходящаго человѣка. Ловетъ былъ однимъ изъ отцовъ Хартіи; теперь настало для него время защитить свое дѣтище. Когда онъ всталъ, глаза всѣхъ чартистовъ съ любопытствомъ обратились на него; они думали, что онъ употребитъ всю силу своего вліянія, чтобы поддержать предложеніе стерджистовъ, и были радостно удивлены, когда Ловетъ заявилъ, что если сторонники Билля о Правахъ считали своею обязанностью поставить па обсужденіе Конференціи этотъ документъ, то онъ со своей стороны чувствуетъ себя обязаннымъ выступить въ защиту Народной Хартіи. Для Конференціи это было большой неожиданностью. Одна партія радовалась, другая негодовала. Только предсѣдатель и еще немногіе сохранили спокойствіе. Чартистскіе делегаты внѣ себя отъ восторга разразились оглушительными рукоплесканіями. О'Конноръ не могъ сдержаться; онъ сейчасъ же всталъ и обратился съ рѣчью къ Конференціи. Незадолго до этого онъ заявлялъ, по поводу Ловета, что тотъ играетъ въ руку буржуазіи; что у него есть по этому поводу самыя вѣрныя свѣдѣнія. Теперь онъ выражалъ свое удивленіе, что могъ хотя бы минуту сомнѣваться въ политической честности Ловета и осыпалъ его самою приторною лестью. Но если О'Конноръ думалъ этими грубыми похвалами привлечь Ловета на свою сторону, то онъ глубоко ошибался. Все время, пока онъ говорилъ, губы Ловета презрительно сжимались. Онъ вспоминалъ о прежнемъ поведеніи О'Коннора и не могъ чувствовать къ нему ничего, кромѣ презрѣнія. Послѣдовали продолжительныя пренія. Мойль, Лоуренсъ Гейвортъ, Его Пр. Т. Спенсеръ и другіе, въ талантливыхъ рѣчахъ, защищали Билль о Правахъ, а чартистскіе лидеры не менѣе талантливо защищали Хартію. Противники доходили иногда до очень сильныхъ выраженій, и рѣчи ихъ вызывали свистки и аплодисменты со стороны той или другой партіи. Гейвортъ вызвалъ негодованіе о'коннорцевъ восклицаніемъ „Намъ нравятся ваши принципы, но не нравятся ваши Лидеры“. Самое лучшее предложеніе было сдѣлано въ формѣ дополненія Соммерсомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы въ основу преній были взяты оба Билля. Но было поздно: вся Конференція, за немногими исключеніями, раздѣлилась на двѣ непримиримыя партіи, и каждая стояла исключительно за свою

собственную резолюцію. Если бы стерджисты внесли предложеніе сходное съ поправкой Соммерса, то, можетъ быть, оно и встрѣтило бы поддержку, хотя все же большинство было бы не на ихъ сторонѣ, но теперь никакое примиреніе не было возможно: партіи безповоротно раздѣлились, и поправка Соммерса была единогласно отвергнута. Затѣмъ произошло голосованіе Хартіи и Билля о Правахъ, и послѣ подсчета голосовъ предсѣдатель заявилъ, что Билль о Правахъ былъ отвергнутъ, а Хартія принята подавляющимъ большинствомъ. Стерджъ сейчасъ же всталъ и заявилъ, что вслѣдствіе принятія Хартіи делегатами, онъ и его друзья удаляются для того, чтобы основать другое общество; но, что хотя тактика обоихъ обществъ будетъ различна, они могутъ идти по одному и тому же пути или, по крайней мѣрѣ, по параллельнымъ дорогамъ. Затѣмъ Стерджъ и его друзья удалились и открыли свои засѣданія въ другомъ мѣстѣ; они обсудили и приняли Билль о Правахъ, а также выработали планъ для ознакомленія съ своими задачами населенія.

Но нѣкоторые изъ сторонниковъ Стерджа, правда, немногіе, рѣшили, что они должны подчиниться мнѣнію большинства и отказались покинуть Конференцію. Къ этому числу принадлежали, между прочимъ, Пирсъ, квакеръ изъ Ньюпорта на островѣ Уайтѣ, и Его Пр. Солли изъ Іовилля; ихъ рѣшительный отказъ послѣдовать за партіей Стерджа вызвалъ самое горячее одобреніе чартистовъ. Затѣмъ Конференція занялась разсмотрѣніемъ добавочныхъ пунктовъ Хартіи, въ которыхъ были сдѣланы незначительныя измѣненія, а затѣмъ принялась за разсмотрѣніе плана организаціи чартистовъ въ соединенномъ королевствѣ. Куперъ предложилъ планъ, на основаніи котораго учреждался ежегодный Конвентъ, назначавшій со своей стороны президента, вицепрезидента, казначея, секретаря и помощника секретаря: на ихъ обязанности лежали исполнительныя функціи Ассоціаціи, и уполномочіе ихъ продолжалось отъ дня избранія до слѣдующаго годичнаго собранія Конвента. Члены Конвента избирались на публичныхъ митингахъ отъ каждой мѣстности. Исполнительный Комитетъ долженъ былъ собираться черезъ каждые три мѣсяца въ различныхъ мѣстностяхъ, въ промежуткахъ между Собраніями Конвента, для занятія дѣлами ассоціаціи. Постоянное вознагражденіе получалъ только секретарь Конвента, другія же должностныя лица и члены Конвента получали жалованье только въ періоды засѣданій. Помощники секре-

тарей, помощники казначеевъ и члены совѣта для каждаго округа назначались членами Конвента. Ежегодный Конвентъ могъ назначать лекторовъ для распространенія принциповъ Ассоціаціи. Такая же обязанность лежала и на Исполнительномъ Комитетѣ. Если кто-нибудь изъ должностныхъ лицъ Ассоціаціи присоединялся къ какому-нибудь другому обществу, преслѣдующему меньшія задачи, чѣмъ осуществленіе Народной Хартіи, то его лишали должности члены того округа, къ которому онъ въ данное время принадлежалъ. Для образованія основного фонда каждый членъ вносилъ одно пенни въ недѣлю, если могъ, и кромѣ того, долженъ былъ платить пенни въ годъ членскаго взноса, а также дѣлать и другія возможныя для него пожертвованія. Изъ этого общаго фонда секретарь получалъ три фунта въ недѣлю, помощникъ секретаря, казначей, президентъ и вицепрезидентъ по пятидесяти шиллинговъ каждый, а другіе члены Конвента по два фунта въ недѣлю во время ежегодныхъ собраній. Во время засѣданій Исполнительнаго Комитета секретарь получалъ пятьдесятъ шиллинговъ, а другія должностныя лица по два фунта въ недѣлю изъ того же фонда; во все же остальное время года жалованье получалъ только секретарь по два фунта въ недѣлю.

Членамъ Національной Чартистской Ассоціаціи рекомендовалось также, какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, быть трезвыми и честными, развивать умъ и нравственность и всегда слѣдовать золотому правилу „какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними“, быть въ общеніи другъ съ другомъ и помогать другъ другу въ болѣзни или несчастіи и въ пріисканіи занятій.

Вотъ схема плана, представленнаго на разсмотрѣніе делегатовъ. Было постановлено послать этотъ планъ на разсмотрѣніе провинціальныхъ отдѣловъ съ просьбой прислать резолюціи не позднѣе апрѣля, когда долженъ былъ собраться въ Лондонѣ первый Конвентъ.

Не надо думать, тѣмъ не менѣе, что на Конференціи царили миръ и согласіе. Послѣ ухода Стерджа съ его партіей, Парри, адвокатъ, котораго Томасъ Куперъ провозгласилъ лучшимъ ораторомъ на Конференціи внесъ примирительную резолюцію, предлагавшую не противодѣйствовать тѣмъ, кто, раздѣляя принципы Хартіи, избираетъ для достиженія ихъ другой путь, чѣмъ чартисты. До происшедшаго на Конференціи разно-

гласія между двумя партіями Парри былъ всецѣло на сторонѣ Хартіи. Противъ резолюціи Парри возсталъ Джоржъ Уайтъ и предложилъ къ ней поправку; послѣдовали бурныя и продолжительныя пренія, и въ концѣ концовъ О'Конноръ заявилъ, что онъ хочетъ пролить масло на взволнованныя воды. Онъ предложилъ дополнительный пунктъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ предложенія Парри, на что тотъ, конечно, сейчасъ же согласился, взявъ назадъ свою резолюцію. Поправка О'Коннора была принята единогласно; но если ее предпочли резолюціи Парри, то только потому, что она исходила отъ Фиргуса О'Коннора. Само собой разумѣется, что такая партійность не могла уничтожить разногласія среди чартистовъ. Партія Ловета вскорѣ оставила Конференцію и, мало-по-малу, къ тому времени, когда планъ организаціи долженъ былъ быть поставленъ на обсужденіе провинціальныхъ чартистскихъ организацій, изъ трехсотъ—четырехсотъ делегатовъ, присутствовавшихъ на первыхъ засѣданіяхъ, осталось только тридцать семь. На делегатскихъ собраніяхъ лидеры не старались скрывать своихъ разногласій передъ товарищами и взаимныя обвиненія такъ и сыпались.

Мы не будемъ перечислять ихъ всѣ и упомянемъ только, что О'Конноръ обвинилъ Купера въ томъ, что онъ или издатель газеты въ Лидсѣ вступили въ заговоръ противъ Исполнительнаго Комитета, какъ это было видно изъ письма къ Миду; но Куперъ доказалъ, что никакого заговора не было и что онъ писалъ письма, не имѣя на то полномочій отъ кого бы то ни было. Уайтъ и Гарней еще раньше опровергли взводимыя на нихъ обвиненія въ такого-же рода заговорѣ. Мы должны здѣсь также замѣтить, что хотя въ то время противъ Исполнительнаго Комитета и не было никакого прямого заговора, тѣмъ не менѣе ни О'Конноръ, ни его платные слуги, не обнаруживали расположенія къ этому учрежденію, такъ какъ оно не желало подчиняться во всемъ О'Коннору. Они не рѣшались дѣйствовать открыто, но употребляли тайныя средства съ цѣлью дискредитировать Комитетъ и доказать его безполезность. О'Конноръ только въ такомъ случаѣ бралъ его подъ свою защиту, если видѣлъ, что общественное настроеніе за него. Въ своей политической дѣятельности онъ вообще руководился исключительно общественнымъ мнѣніемъ, и оно служило ему единственнымъ мѣриломъ справедливости и несправедливости. Прежде чѣмъ начать обвинять кого нибудь, онъ осыпалъ его преувеличенными похвалами, заставляя такимъ образомъ думать,

что только тяжелый гражданскій долгъ вынуждаетъ его осудить этого человѣка. Въ то время, какъ его слуги втайнѣ клеветали на кого нибудь, О'Конноръ расхваливалъ его въ „Звѣздѣ". Когда же они начинали открыто нападать на него, О'Конноръ прекращалъ свои похвалы и затѣмъ принималъ тактику сообразно настроенію публики. Многіе спросятъ, можно ли поступать такимъ образомъ и быть въ то же время человѣкомъ честнымъ? Это зависитъ отъ того, что называть честностью. Что у О'Коннора было искреннее желаніе сдѣлать народъ счастливѣе, этого мы никогда не оспаривали. Для этой цѣли онъ не остановился бы ни передъ какими жертвами. Но онъ соглашался служить народу только при одномъ условіи — при условіи быть его господиномъ. Для того, чтобы добиться этого положенія, онъ унижался до лести самымъ недостойнымъ его предразсудкамъ; убѣждая народъ положиться на его опытность, онъ въ то же самое время увѣрялъ, что не онъ даетъ знаніе народу, но что, напротивъ, народъ далъ ему все то знаніе, которымъ онъ обладаетъ. Никогда ни одинъ человѣкъ не унижалъ себя до такой лести, и въ этомъ заключалась тайна его популярности. Но популярность эта была также непостоянна, какъ волны. Она поднималась, кипѣла, пѣнилась и затѣмъ снова отступала и падала. У него было знаніе человѣческаго сердца, но знаніе одностороннее; онъ зналъ, что лесть, справедливая или несправедливая, самое вѣрное средство для того, чтобы выиграть расположеніе людей, но онъ забывалъ, что никогда нельзя полагаться на полу-невѣжественныя массы. Сегодня они рукоплещутъ, а завтра изобличаютъ своихъ прежнихъ боговъ, или относятся къ нимъ съ холоднымъ равнодушіемъ. Главнымъ недостаткомъ О'Коннора была жажда популярности, которой онъ старался добиться какими бы то ни было средствами. Онъ не стѣснялся въ подходящее время столкнуть каждаго, въ комъ онъ видѣлъ соперника своей популярности. Онъ дѣлалъ даже хуже; онъ не только подрывалъ вліяніе отдѣльныхъ лицъ, но заставлялъ даже отвергать предлагаемые ими способы дѣйствій, многіе изъ которыхъ были гораздо лучше тѣхъ, которые предлагалъ онъ самъ. И вслѣдствіе такой тактики съ его стороны наиболѣе интеллигентные люди, чувствуя отвращеніе ко всей этой мелочности и несправедливости, отдѣлялись отъ движенія и лишали его такимъ образомъ необходимыхъ для успѣха силъ. Они видѣли, что тутъ не было платформы для честности и

независимости и уходили въ концѣ концовъ въ полномъ отчаяніи.

Вскорѣ послѣ того, какъ планъ Купера былъ представленъ на разсмотрѣніе чартистскихъ обществъ, О'Конноръ предложилъ другой проектъ организаціи, суть котораго сводилась къ слѣдующему: столичнымъ чартистамъ предлагалось нанять большой залъ; избрать, какъ и прежде Исполнительный Комитетъ, члены котораго должны были засѣдать въ Лондонѣ; выбрать на публичныхъ митингахъ Совѣтъ изъ тринадцати членовъ, которому Исполнительный Комитетъ долженъ былъ предъявлять всѣ документы до ихъ обнародыванія.

Въ случаѣ разногласія всѣ подобныя дѣла рѣшались голосованіемъ, причемъ членамъ Исполнительнаго Комитета предоставлялось такое же право голоса, какъ и членамъ Совѣта. При желаніи, члены Исполнительнаго Комитета могли присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ Совѣта, а также принимать участіе въ преніяхъ, но безъ права подачи голоса. Отчеты Исполнительнаго Комитета провѣрялись десятью членами, избранными Совѣтомъ. Каждый мѣсяцъ должно было собираться общее собраніе, которому Исполнительный Комитетъ и Совѣтъ представляли свои отчеты. Планъ О'Коннора появился въ „Сѣверной Звѣздѣ", послѣ чего въ той же газетѣ было помѣщено большое количество писемъ по поводу этой организаціи. Но только Р. Дж. Гаммэджъ въ своемъ письмѣ разбивалъ планъ О'Коннора въ самомъ его принципѣ; въ краткихъ словахъ онъ старался показать къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ могъ привести такой планъ. Существованіе двухъ такихъ учрежденій, какъ Исполнительный Комитетъ и Лондонскій Совѣтъ тринадцати, причемъ послѣдній контролировалъ-бы свободныя дѣйствія перваго и, благодаря численному превосходству, обладалъ бы большей властью, повело бы къ безконечной борьбѣ и пререканіямъ, такъ какъ между двумя учрежденіями неизбѣжно возникли бы ревность и зависть. Характеръ Лондонскихъ лидеровъ того времени (за малыми исключеніями) подтверждалъ это мнѣніе. Но Гаммеджъ предусматривалъ еще нѣчто болѣе важное, чѣмъ раздоры, могущіе возникнуть на почвѣ соревнованія между двумя отдѣльными учрежденіями; онъ видѣлъ, что со стороны О'Коннора это не болѣе и не менѣе, какъ искусно придуманный планъ для того, чтобы подчинить Исполнительный Комитетъ своей волѣ; что онъ постарается упо-

требитъ всѣ усилія для того, чтобы большинство членовъ Совѣта, если не всѣ, были выбраны изъ числа его приверженцевъ; Комитетъ оказался-бы такимъ образомъ въ его рукахъ, и власть, въ сущности, принадлежала бы ему.

Тѣмъ не менѣе Конвентъ, вмѣсто того чтобы собраться въ апрѣлѣ, 1843 года, какъ предполагалось на Бирмингамской Конференціи, былъ отложенъ до 5-го сентября того же года и состоялся не въ Лондонѣ, а какъ и раньше, въ Бирмингамѣ. О'Конноръ между тѣмъ отказался отъ своего плана организаціи Чартистовъ и уступилъ мѣсто своему редактору и издателю мистеру Джошуа Гобсону, который совмѣстно съ мистеромъ Моррисономъ предложилъ гигантскій проектъ надѣленія рабочаго класса землею для его соціальнаго возрожденія. Само собой разумѣется, что главная часть проекта являлась плодомъ соединенныхъ усилій О'Коннора и его редактора и могла служить лучшимъ способомъ, какой могли только изобрѣсти человѣческій геній или безуміе для внесенія раскола въ чартистское движеніе, и даже для его полнаго уничтоженія.

Помимо всѣхъ другихъ соображеній, проектъ прежде всего былъ во всѣхъ отношеніяхъ незаконенъ. Во-первыхъ, общество называлось „Національной Чартистской Ассоціаціей“ и поставило своей цѣлью политическій переворотъ. Между тѣмъ законъ не признавалъ никакихъ политическихъ ассоціацій; во-вторыхъ, ассоціація состояла изъ отдѣльныхъ вѣтвей, а при этихъ условіяхъ никакое общество, даже безъ всякихъ политическихъ тенденцій, не считается законнымъ. О'Конноръ все это зналъ прекрасно; онъ долженъ былъ это знать, какъ юристъ, и все же продолжалъ слѣдовать по ложному пути. Можно было думать, что нѣкоторые изъ лидеровъ чартистскаго движенія рѣшили во что бы то ни стало вызвать ненависть къ чартизму со стороны лицъ не вполнѣ знакомыхъ съ принципами чартизма, а потому судившихъ о немъ по дѣйствіямъ его представителей. Ихъ участіе въ послѣдней забастовкѣ служило доказательствомъ ихъ крайняго безразсудства; стачка, несмотря на свои широкіе размѣры, была большей частью вызвана насильственно, а потому не могла имѣть успѣха даже въ смыслѣ увеличенія заработной платы въ тѣхъ округахъ, гдѣ она происходила.

Если рабочій классъ бросаетъ работу, лишь уступая насилію своихъ многочисленныхъ товарищей, богатому классу стоитъ

только выдержать, и забастовщики „поневолѣ“ снова примутся за работу, какъ только высшая власть гарантируетъ имъ сравнительную безопасность. Но даже если бы всѣ рабочіе, участвовавшіе въ стачкѣ 1842 года, бросили работу добровольно, все же это не могло бы служить показателемъ настроенія всего рабочаго класса. Забастовка ради великой національной идеи, чтобы имѣть успѣхъ, должна быть національной. Изъ показаній, данныхъ на судѣ, выяснилось, что даже добровольные забастовщики, по крайней мѣрѣ значительная ихъ часть, не желала примѣшивать къ этой забастовкѣ политическія задачи. Все населеніе забастовавшихъ округовъ, во всякомъ случаѣ, не превышало въ общемъ трехъ съ половиной милліоновъ жителей. Если даже предположить, что всѣ они присоединились бы къ забастовкѣ, то и тогда число ихъ не равнялось бы и седьмой части населенія; но если вспомнить, что подавляющее большинство не желало стачки, или очень мало интересовалось ея успѣхомъ, то нельзя не видѣть, насколько неспособны были лидеры того періода указать народу славный путь къ свободѣ и независимости. Результатъ былъ таковъ, какого и слѣдовало ожидать: чартистовъ обвинили во всѣхъ безуміяхъ, совершенныхъ во время стачки; а большинство участниковъ забастовки взвалило на нихъ всю отвѣтственность за неудачу, такъ какъ ровно ничего не было достигнуто. Принятіе проекта Земельнаго Товарищества, незаконнаго въ самой своей основѣ, а потому лишеннаго самаго необходимаго элемента для крупныхъ денежныхъ предпріятій, т. е. всякой обезпеченности, было новой громадной ошибкой, способствовавшей неудачѣ чартистскаго движенія. Проектъ былъ принятъ бирмингамской конференціей, на которой присутствовали тридцать делегатовъ *).

Дѣло ухудшило еще то обстоятельство, что на конференціи присутствовалъ, кромѣ О'Коннора, другой адвокатъ, мистеръ Ро-

---

*) Представители слѣдующихъ мѣстностей:

Дж. Берстоу отъ Лейстера; Томасъ Кларкъ отъ Чешира; Дж. Клюеръ отъ Уэднесбери; Дж. Дьюгерстъ отъ западнаго Іоркшира; С. Дойль и Вилльямъ Диксонъ отъ южнаго Ланкашира; Г. Дональдсонъ отъ Варвика; Д. Эллисъ отъ Эбергевени; Дж. Имсъ и Дж. Месонъ отъ Бирмингама; Скваіръ Фарреръ и Джошуа Гобсонъ отъ Лидса; Вилльямъ Гозіе отъ Ковентри; Джоржъ Джуліанъ Гарней отъ Шеффильда; Дж. Линтонъ отъ Истъ-Райдинга въ Іоркширѣ; С. Ларджъ отъ Мерильбона;

бертсъ, которому, безъ сомнѣнія, тоже должны были быть извѣстны законы, и который, тѣмъ не менѣе, также поддерживалъ земельный проектъ. Повидимому, сами делегаты не были вполнѣ увѣрены въ законности проекта, такъ какъ постановили слѣдующую резолюцію: „Въ случаѣ, если нотаріусъ откажется засвидѣтельствовать и зарегистровать уставъ организаціи, принятый конференціей, или хотя бы часть этого устава, гг. Моррисонъ, Гобсонъ и Уилеръ обратятся за юридическою помощью къ гг. О'Коннору и Робертсу, а въ случаѣ надобности, войдутъ въ сношенія и съ делегатами". Просить юридическаго совѣта у двухъ людей, которые, или вовсе не имѣли понятія о законахъ, или сознательно поддерживали незаконный проектъ,—значило просто издѣваться надъ обществомъ, и поэтому можно судить, изъ какого рода людей состояло большинство делегатовъ. Передъ закрытіемъ конференціи, Фиргусъ О'Конноръ, Томасъ Кларкъ, П. Макъ-Гратъ, С. Дойль и Т. М. Уилеръ были выбраны членами Исполнительнаго Комитета до слѣдующаго собранія конференціи въ будущемъ апрѣлѣ, причемъ было постановлено назначить жалованье секретарю два фунта въ недѣлю, а остальнымъ членамъ Исполнительнаго Комитета—тридцать шиллинговъ, не считая путевыхъ издержекъ на поѣздки въ провинціи съ цѣлью пропаганды.

До того времени О'Конноръ отказывался служить въ Исполнительномъ Комитетѣ, но обстоятельства заставили его передумать. Такую перемѣну во взглядахъ онъ объяснялъ тѣмъ, что, такъ какъ законность Ассоціаціи подвергалась сомнѣнію, то онъ желалъ раздѣлить отвѣтственность вмѣстѣ съ другими, въ случаѣ если-бы она оказалась незаконной; кромѣ того, число делегатовъ было ограничено, и многіе изъ нихъ были мало знакомы народу. Онъ полагалъ, что страна будетъ недовольна назначеніемъ комитета, нѣкоторые изъ членовъ котораго были мало извѣстны и не могли поэтому пользоваться полнымъ довѣріемъ народа. Кромѣ того, онъ, по его словамъ, льстилъ себя надеждой, что,

---

Р. Т. Моррисонъ отъ Ноттингама; Р. Марсденъ отъ Сельдена, Кольна и Клитеро; П. Макъ-Гратъ и Ф. О'Конноръ отъ Лондона; Джонъ Плесъ отъ Бэрилея; Дж. Робинсъ отъ Нордгэмптона; Генри Россъ отъ Серрея и Кента; В. П. Робертсъ отъ База; У. Сэль отъ Поттериса въ Стэффордширѣ; Дж. Шо отъ Когэшаля; Дж. В. Смитъ отъ Уэстъ-Райдинга (Йоркширъ); Джорджъ Вирго отъ Брайтона; Т. М. Уилеръ отъ Лондона Р. Г. Вилльямсъ отъ Бристоля.

если онъ, состоя членомъ Комитета, будетъ избранъ казначеемъ, никто не будетъ сомнѣваться въ правильномъ расходованіи суммъ, такъ какъ надзоръ за дѣятельностью Комитета будетъ принадлежать ему. Подобное заявленіе было равносильно утвержденію, что народъ считаетъ его товарищей за мошенниковъ и его присутствіе необходимо, чтобы заставить ихъ быть честными, хотя бы въ дѣлахъ, если не въ намѣреніяхъ; и эти люди были настолько раболѣпны, что остались работать съ О'Конноромъ, несмотря на такую оцѣнку ихъ честности. Другимъ его мотивомъ, чтобы объяснить свое вступленіе въ Комитетъ, было желаніе сберечь въ пользу Ассоціаціи тридцать шиллинговъ, причитающагося ему, какъ члену Комитета, еженедѣльнаго жалованья, такъ какъ онъ отказался отъ вознагражденія. Въ той же самой запискѣ, въ которой О'Конноръ объяснялъ причины, побудившія его вступить въ Комитетъ, онъ подсчиталъ, что при наличномъ составѣ членовъ, въ числѣ хотя бы 25,000, вносящихъ въ Ассоціацію членскій взносъ, еженедѣльный приходъ равнялся бы суммѣ въ 108 ф., 6 ш., 8 п.; плата же Исполнительному Комитету, двадцати шести лекторамъ, и случайные расходы, не превышали бы суммы въ 46 ф., 10 ш.; излишекъ же, т. е. 61 ф., 16 п. или 1,855 ф. въ годъ оставались бы въ пользу Ассоціаціи; изъ этой суммы 600 ф. онъ предлагалъ ассигновать на засѣданія конвента въ Лондонѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца (для какой надобности должны были устраиваться эти засѣданія,—онъ не пояснялъ); а 1,255 ф. оставались бы въ резервѣ, и образовали бы фондъ на судебныя издержки въ пользу пострадавшихъ, и на усиленіе фонда Хартіи. Члены Исполнительнаго Комитета вскорѣ послѣ своего избранія назначили девять лекторовъ для агитаціи въ различныхъ округахъ, но членскіе взносы не только не покрыли съ избыткомъ путевыя издержки, какъ этого ожидали — но не могли даже покрыть расходовъ Исполнительнаго Комитета; и члены Комитета допустили О'Коннора внести недостающія суммы изъ своего собственнаго кармана. О'Конноръ оповѣстилъ объ этомъ на страницахъ „Сѣверной Звѣзды" и его сотоварищи, устыдившись, наконецъ, своего подчиненнаго положенія, заявили, что не считаютъ возможнымъ служить при такихъ унизительныхъ условіяхъ. Но средства все же не увеличивались. Очевидно, что, какъ ни велико было, по мнѣнію О'Коннора, довѣріе къ нему страны, народъ рѣшилъ, что ему подобаетъ платить самому за честь быть казна-

чеемъ и блюстителемъ честности его коллегъ, которые, несмотря на свой протестъ, продолжали работать, главнымъ образомъ, на средства О'Коннора. Проектъ организаціи, одобренной конференціей, былъ представленъ Тидду Пратту; но какъ и слѣдовало ожидать (да безъ сомнѣнія, и ожидалось), онъ заявилъ, что проектъ не предусмотрѣнъ Парламентскими узаконеніями, а потому незаконенъ. Тогда планъ былъ измѣненъ сообразно съ обстоятельствами, но не настолько, чтобы пользоваться покровительствомъ закона; впослѣдствіи та часть, которая касалась земельнаго и строительнаго фонда, была совершенно отдѣлена отъ политической части.

Осенью 1843 г. О'Конноръ и Денкомбъ предприняли поѣздку съ цѣлью агитаціи, преимущественно, по Сѣверной Англіи и по Шотландіи. Первый расчитывалъ на это путешествіе, какъ на прекрасное средство для усиленія Ассоціаціи и привлекалъ новыхъ членовъ всюду, куда ни пріѣзжалъ. Они посѣтили Ньюкастль, Глазго, Эбердинъ и многія другія мѣста. Въ Эбердинѣ Денкомбъ предъявилъ свой членскій билетъ и былъ записанъ членомъ Эбердинскаго отдѣленія чартистовъ. По этому случаю въ этомъ чудномъ городѣ была устроена грандіозная демонстрація. Объединенные рабочіе союзы образовали процессію, во главѣ которой шелъ союзъ хлѣбопековъ въ полномъ парадѣ, въ костюмахъ изъ роскошнаго розоваго муслина и великолѣпныхъ чалмахъ. Впереди всѣхъ, на богато разубранныхъ лошадяхъ, ѣхали три маршала — двое въ красномъ, а одинъ въ черномъ бархатномъ одѣяніи, съ саблями изъ полированной стали. Капелланъ въ полномъ облаченіи и напудренномъ парикѣ, маршалы пѣшкомъ, должностныя лица съ своими булавами, церемоніймейстеръ въ пышной одеждѣ, причемъ шлейфъ его несли пять красивыхъ, роскошно одѣтыхъ пажей; капелланъ въ своей священной мантіи несъ Библію на малиновой подушкѣ. Вотъ неполное описаніе того блеска, которымъ была обставлена эта демократическая процессія. Спрашивается, пришло ли бы когда-нибудь на умъ аристократіи, или даже членамъ королевскаго дома придумать что-либо болѣе комичное, чѣмъ весь этотъ блестящій парадъ? Денкомбъ, навѣрно, съ улыбкой сожалѣнія глядѣлъ на людей, способныхъ бросать столько денегъ на разные пестрые уборы и въ то же самое время обвинявшихъ своихъ правителей за такія же нелѣпости. По обыкновенію, О'Конноръ преувеличилъ результаты поѣздки.

Въ видѣ примѣра можно привести событія въ Глазго. Оба джентльмена были приглашены въ этомъ городѣ на вечеръ, состоявшемся въ великолѣпномъ городскомъ залѣ. Ораторами были Мойръ, Адамсъ, Поль, Денкомбъ и О'Конноръ. Послѣдній во время вечера продавалъ членскіе билеты Національной Чартистской Ассоціаціи и роздалъ болѣе пятисотъ. Въ придачу къ проданнымъ билетамъ онъ оставилъ около тысячи на всякій случай у секретаря, а въ слѣдующемъ номерѣ „Сѣверной Звѣзды" помѣстилъ письмо, въ которомъ объявилъ, что имъ было распродано болѣе тысячи пяти сотъ членскихъ билетовъ на митингѣ въ Глазго. Это преувеличеніе оттолкнуло отъ него демократическихъ лидеровъ города, и съ того вечера Національная Ассоціація Чартистовъ никогда не имѣла тамъ большаго вліянія. На слѣдующій день Мойръ, въ нашемъ присутствіи, высказался въ пользу организаціи мѣстной Ассоціаціи чартистовъ и выразилъ недовѣріе къ проекту организаціи національной, во главѣ которой стоялъ О'Конноръ. Всѣ лекціи послѣдняго и попытки вызвать агитацію были совершенно безсильны въ смыслѣ усиленія денежнаго фонда. Члены Исполнительнаго Комитета были выбраны сообразно его желанію, но ему часто приходилось выплачивать имъ жалованіе изъ своего собственнаго кармана.

8-е и 9-е января, 1844 года, ознаменовались въ Лондонѣ двумя празднествами въ честь освобожденія Джоржа Уайта изъ тюремнаго заключенія; на нихъ присутствовали нѣкоторые изъ членовъ Исполнительнаго Комитета и многіе изъ Лондонскихъ демократовъ. На послѣднемъ изъ празднествъ былъ предложенъ тостъ за „Фиргуса О'Коннора", и Уайтъ сказалъ, что до него дошли слухи, будто онъ, по выходѣ изъ тюрьмы, намѣревается обличить Фиргуса О'Коннора. Такъ вотъ въ чемъ состоитъ его обличеніе:

„Онъ торжественно заявляетъ, что, по его мнѣнію, мистеръ О'Конноръ честный человѣкъ и вѣрный патріотъ. Онъ убѣжденъ, что если-бы даже мистеръ О'Конноръ обладалъ богатствомъ Ротшильда, то онъ употребилъ-бы это богатство на благосостояніе рода человѣческаго".—„Да", повторилъ онъ опять, „Фиргусъ О'Конноръ хорошій и честный человѣкъ, и если бы онъ сталъ обличать О'Коннора, то заслужилъ-бы самъ (чего, онъ надѣется, никогда не будетъ) названіе гнуснѣйшаго негодяя".—Несмотря, впрочемъ, на это заявленіе, тотъ же самый Уайтъ, нѣсколько лѣтъ спустя,

изобличалъ того же самаго человѣка, котораго такъ горячо расхваливалъ.

Въ концѣ 1843 года Шарманъ Крофордъ, представитель радикальной партіи Рочдэля при посредствѣ „Сѣверной Звѣзды" и *Nonconformist'a* обратился съ письмомъ къ реформаторамъ-радикаламъ. Въ этомъ письмѣ онъ представилъ проектъ организаціи радикальной партіи въ парламентѣ; партіи предлагалось прибѣгнуть къ обструкціи и тормозить съ помощью рѣчей и разнаго рода предложеній дѣйствія правительства, пока право голоса не распространится на весь народъ. Джонъ Мэсонъ и нѣкоторые другіе чартистскіе главари одобрили этотъ планъ, но О'Конноръ возсталъ противъ него по слѣдующимъ мотивамъ: Шарманъ Крофордъ безусловно честный человѣкъ, но не обладаетъ энергіей и силой, а потому, если ужъ образовать подобную партію, то во главѣ ея слѣдуетъ поставить Денкомба, безспорно способнаго и признаннаго самимъ народомъ лидера. Проектъ Крофорда не имѣлъ успѣха. Доводы О'Коннора были признаны убѣдительными почти всею чартистской партіей, а на публичномъ митингѣ, созванномъ друзьями Крофорда въ Лондонѣ, присутствовали Денкомбъ и О'Конноръ, и проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ голосовъ. Повидимому, О'Конноръ задумалъ учредить радикальное диктаторство въ самой Нижней Палатѣ, что ему уже почти удалось достигнуть за предѣлами ея стѣнъ.

Лѣтомъ, 1844 года, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы выразить Денкомбу одобреніе за его труды по рабочему вопросу. О'Конноръ хотѣлъ собрать весьма значительную сумму, но Денкомбъ отказался отъ какого бы то ни было денежнаго вознагражденія, и подношеніе ограничилось прекраснымъ серебрянымъ приборомъ, стоимостью около семисотъ фунтовъ. Члены „Лиги противъ Хлѣбныхъ Законовъ" въ послѣднее время начали одерживать верхъ надъ своими противниками. О'Конноръ не разъ вызывалъ Кобдена вступить съ нимъ въ пренія по этому вопросу, но послѣдній неизмѣнно уклонялся. Какъ то разъ въ Бредфордѣ Кобденъ вызывающе спросилъ: „Найдется-ли человѣкъ, который не побоится вступить съ нимъ въ диспутъ и утверждать, что Хлѣбный Законъ справедливъ?" О'Конноръ сразу принялъ брошенный такимъ образомъ вызовъ, но Кобденъ все-таки побоялся вступить въ состязаніе съ О'Конноромъ. Вскорѣ обстоятельства сложились такъ, что эти два главаря очутились на одной платформѣ. Оби-

татели Нордгемптонскаго графства обратились къ Кобдену и Брайту съ просьбой, сказать рѣчь на публичномъ митингѣ на городской базарной площади. Просьба была подписана тысячью двумя стами лицъ. Тогда чартисты въ свою очередь принялись за агитацію. Было составлено обращеніе къ О'Коннору, подписанное тысячью тремя стами пятидесятью тремя лицами, съ просьбой, вступить въ диспутъ съ Кобденомъ и Брайтомъ по этому вопросу. О'Конноръ охотно согласился, и обѣ партіи дѣятельно принялись набирать себѣ сторонниковъ на митингъ. О'Конноръ наканунѣ и въ самый день диспута былъ, повидимому, увѣренъ въ побѣдѣ и радовался, что наконецъ встрѣтится съ выдающимися лидерами Лиги. „Сегодня я превзойду самого себя", — сказалъ онъ своимъ друзьямъ. Ко дню митинга въ городъ съѣхалось множество народу изъ провинцій. Лига попыталась не допустить чартистскихъ лидеровъ на платформу, предложивъ имъ только полдюжины билетовъ для входа. Это было болѣе чѣмъ жалкое количество для многочисленнаго собранія, переполненнаго противниками. Но планы чартистовъ не такъ легко было разстроить. Христофоръ Гаррисонъ, ихъ секретарь, человѣкъ одаренный несокрушимой энергіей и неоднократно состязавшійся на различныхъ платформахъ съ представителями Лиги (послѣдней не разъ уже приходилось терпѣть отъ его рѣзкаго краснорѣчія) тотчасъ же вмѣстѣ съ другими своими товарищами принялся созывать собраніе одновременно съ первымъ. Когда члены Лиги увидали рѣшимость чартистовъ, они уступили и выдали имъ достаточное количество билетовъ; тогда чартисты прекратили свою агитацію. Въ часъ дня Кобденъ и Брайтъ въ сопровожденіи своихъ друзей взошли на подмостки, среди привѣтственныхъ кликовъ сторонниковъ Лиги. Они хотѣли избрать предсѣдателя собранія до прибытія О'Коннора и прочихъ чартистскихъ лидеровъ, но большинство собравшихся было противъ этого. О'Конноръ, Уилеръ, Кларкъ, Макъ-Грасъ и мѣстные лидеры прибыли вскорѣ послѣ того среди апплодисментовъ чартистской партіи, присутствовавшей на собраніи. Значительная часть митинга, повидимому, не принадлежала ни къ той ни къ другой партіи, но рѣшилась выслушать обѣ стороны и создать собственное мнѣніе. Въ качествѣ предсѣдателя былъ предложенъ Гренди, литейный мастеръ; чартисты ничего не имѣли противъ и подали голосъ за его избраніе. Первый началъ говорить Кобденъ и сказалъ въ защиту Лиги все, что только можно было сказать. Но чувствовалось тѣмъ не менѣе, что доводы его были

шатки и О'Конноръ легко могъ разбить его болѣе непреложными фактами и строгой логикой: однако лица, возлагавшія на него свои надежды должны были разочароваться. Рѣчь его, правда, была краснорѣчива, краснорѣчивѣе, пожалуй, чѣмъ когда-либо, въ этомъ не было сомнѣнія, но въ смыслѣ возраженія Кобдену она была болѣе чѣмъ неудачна. О'Конноръ скользилъ по поверхности вопроса, и ни разу не рискнулъ заглянуть въ него поглубже. Все время, пока онъ говорилъ, друзья его воображали, что это только введеніе, но, когда послѣ рѣчи, продолжавшейся три четверти часа, онъ сѣлъ, всѣ были жестоко разочарованы. Когда онъ всталъ, чтобы начать рѣчь, толпа долго и громко его привѣтствовала, когда-же онъ кончилъ, раздались сравнительно слабые аплодисменты, вскорѣ прекратившіеся. По всему было видно, что рѣчь была тщательно подготовлена, и это еще больше испортило дѣло. Улыбка торжества заиграла на лицахъ представителей Лиги, лишь только онъ кончилъ: они видѣли, что О'Конноръ только помогъ имъ одержать побѣду. За О'Конноромъ, къ нескрываемой радости членовъ Лиги, послѣдовалъ Макъ-Гратъ, такъ какъ благодаря этому, послѣднее слово должно было остаться за Брайтомъ. Гаррисонъ поддержалъ поправку О'Коннора, требовавшаго равнаго отношенія къ различнымъ государственнымъ интересамъ для того, чтобы свобода торговли могла быть одинаково выгодна для всѣхъ. Онъ примкнулъ къ этой поправкѣ, чтобы дать возможность Макъ-Грату сохранить свои силы для Брайта, но по просьбѣ О'Коннора, Макъ-Гратъ выступилъ тотчасъ же послѣ своего принципала. Его рѣчь была много лучше рѣчи О'Коннора, но онъ не обладалъ могучимъ голосомъ послѣдняго, и это обстоятельство въ связи съ уже понесеннымъ членами митинга разочарованіемъ сдѣлало то, что слова его прошли почти безслѣдно. Послѣ Макъ-Грата выступилъ Брайтъ и обрушился на О'Коннора съ самымъ ѣдкимъ сарказмомъ, что произвело большой эффектъ. Пробовалъ говорить Кларкъ, но собраніе уже устало, и предсѣдатель поставилъ на голосованіе поправку и предложеніе и заявилъ затѣмъ, что была принята резолюція. Несмотря на неуспѣхъ рѣчи О'Коннора, мы твердо убѣждены, что большинство голосовъ, было на его сторонѣ, но если это дѣйствительно было такъ, то большинство во всякомъ случаѣ было весьма незначительно. Будь вопросъ разработанъ надлежащимъ образомъ, на его сторонѣ было бы подавляющее большинство. Предсѣдатель собранія принадлежалъ къ членамъ

Лиги; видя, что число голосовъ почти одинаково, онъ рѣшилъ въ пользу своихъ друзей. Такимъ образомъ О'Конноръ, 5-го августа 1844 года, далъ Лигѣ одержать величайшую изъ одержанныхъ ею когда-либо побѣдъ.

За мѣсяцъ передъ этимъ О'Конноръ сдѣлалъ еще одну безтактность, поставившую партію чартистовъ въ смѣшное положеніе передъ ея врагами. Въ Бирмингамѣ предстояли выборы, причемъ Джозефъ Стерджъ былъ однимъ изъ членовъ оппозиціи. О'Конноръ послѣ Бирмингамской конференціи заявилъ, что если Стерджъ снова выступитъ кандидатомъ въ Ноттингамѣ, онъ немедленно пріѣдетъ туда и начнетъ агитацію противъ него, но, хотя Стерджъ нисколько не измѣнилъ ни своихъ принциповъ, ни своей тактики, О'Конноръ тѣмъ не менѣе явился въ Бирмингамъ и предложилъ поддержать его избраніе, какъ только тотъ издалъ свое воззваніе. Мы не знаемъ, какимъ образомъ онъ примирилъ свое прежнее намѣреніе выступить противникомъ Стерджа въ Ноттингамѣ съ желаніемъ поддержать его въ Бирмингамѣ, во всякомъ случаѣ мы не можемъ предполагать, что разница въ городахъ играла здѣсь какую бы то ни было роль; въ обоихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ одного изъ тѣхъ необъяснимыхъ импульсовъ, которые вѣчно сбивали его съ правильнаго политическаго пути.

Осенью того же года партія чартистовъ снова стала усиленно добиваться освобожденія и возвращенія Фроста, Вилльямса и Джонса. Въ данномъ случаѣ имъ придалъ бодрости тотъ фактъ, что О'Коннелю и его партіи, благодаря изданію предписанія о пересмотрѣ дѣла вслѣдствіе судебной ошибки, удалось порвать государственныя сѣти и выйти изъ тюрьмы послѣ трехмѣсячнаго заключенія. Эта агитація чартистовъ въ пользу освобожденія сосланныхъ товарищей была одной изъ самыхъ разумныхъ, какія они когда-либо предпринимали. Во всѣхъ крупныхъ городахъ составлялись прошенія властямъ объ устройствѣ митинговъ съ вышеуказанной цѣлью. Въ Ноттингемѣ, Нордгэмптонѣ и во многихъ другихъ городахъ требованіе это было удовлетворено. На митингахъ были составлены петиціи въ парламентъ и къ королевѣ. Все это имѣло свое вліяніе; когда Денкомбъ, на основаніи этихъ петицій, внесъ предложеніе обратиться къ королевѣ съ просьбою о помилованіи перечисленныхъ выше лицъ, сэръ Джемсъ Грэмъ, хотя и выступилъ противъ этого предложенія съ точки зрѣнія

правительства, но далъ понять, что въ будущемъ, быть можетъ, окажется возможнымъ уважить просьбу петиціонеровъ. Тѣмъ не менѣе послѣ этого партія чартистовъ очень мало что сдѣлала въ пользу изгнанниковъ; правительство помиловало ихъ только въ 1850 г. и то запретивъ имъ въѣздъ въ предѣлы британскихъ владѣній *).

Мы не можемъ воздержаться, чтобы не указать здѣсь въ видѣ примѣра, какими мотивами руководились иногда политическія партіи. Бэссъ и Гаммэджъ явились къ мэру Нордгэмптона съ прошеніемъ за подписью четырехсотъ шестидесяти трехъ мѣстныхъ квартиронанимателей; Мэръ — не то тори, не то вигъ, — (скорѣе, впрочемъ, послѣднее) съ удовольствіемъ готовъ былъ созвать митингъ и лично одобрялъ цѣль его, но не могъ исполнить желаніе петиціонеровъ, не заручившись предварительно согласіемъ большинства Городского Совѣта. Они сейчасъ же отправились къ самому демократическому члену Совѣта, но тотъ отказался дать свою подпись на томъ основаніи, что было-бы безполезно аппелировать къ правительству. Тогда они отправились къ членамъ вигамъ и послѣ нѣсколькихъ визитовъ отъ одного къ другому трое изъ нихъ дали свои подписи: одинъ безъ всякаго колебанія, второй—потому, что, по его мнѣнію, изгнанники были въ достаточной степени наказаны. Третій поворчалъ, но не высказался ни за, ни противъ; онъ подписался, можетъ быть только потому, что вскорѣ должны были наступить муниципальные выборы. Отъ виговъ они прослѣдовали къ лидеру тори; имъ не хватало семи подписей, а тори были въ меньшинствѣ. Лидеръ не могъ подписаться безъ своихъ коллегъ; у нихъ было правило дѣйствовать сообща. Онъ полагалъ, что мэру слѣдовало сразу согласиться на ихъ просьбу. Онъ сочувствовалъ петиціи и, какъ юристъ, полагалъ, что осужденные могли расчитывать на полное помилованіе. Вечеромъ должно было состояться засѣданіе консервативныхъ членовъ совѣта, на которомъ онъ не могъ присутствовать, но совѣтовалъ имъ пойти туда и посмотрѣть, нельзя-ли чего добиться. Они отправились къ другимъ членамъ тори, — тѣ заявили, что подпишутся охотно, если ихъ лидеръ согласится дать свою подпись.

---

*) 3-го мая 1856 года имъ была дарована амнистія, и Фростъ вернулся въ Англію. Онъ умеръ 29-го іюля 1877 г., имѣя отъ роду 96 лѣтъ.

Вечеромъ они пришли на засѣданіе въ Джорджъ Отель. Хозяинъ Отеля, тоже членъ Совѣта, ни за что не хотѣлъ подписать прошеніе. Остальные ворчали на мэра за то, что онъ поставилъ ихъ въ такое непріятное положеніе, въ концѣ концовъ двое изъ нихъ подписались на томъ основаніи, что освободили О'Коннеля. Но въ то же самое время они находили, что Фроста, Уилльямса и Джонса слѣдовало бы повѣсить. Представители чартистовъ опять отправились къ лидеру консервативной партіи. „Ну, сэръ, всѣ ваши коллеги согласны дать свои подписи, если вы послужите имъ примѣромъ“. Онъ улыбнулся и подписался, а за нимъ подписались и всѣ его друзья. Теперь не хватало только одной подписи. Они поспѣшили опять къ демократическому члену съ заявленіемъ: „Ну, сэръ, теперь митингъ зависитъ исключительно отъ васъ; не хватаетъ одной подписи, чтобы получилось большинство“.—„Въ такомъ случаѣ я подписываюсь“. — Такъ онъ и сдѣлалъ. Митингъ былъ созванъ оффиціальнымъ объявленіемъ, въ которомъ вмѣстѣ съ прошеніемъ были помѣщены имена десяти членовъ Совѣта въ качествѣ лидеровъ движенія. Мэръ согласился съ депутаціей, что ради соблюденія приличій, прошеніе лучше начать слѣдующимъ образомъ:

„Мы, нижеподписавшіеся, члены Городского Совѣта, вмѣстѣ съ четырьмястами шестидесятью тремя мѣстными квартиронанимателями и т. д.“... Можно себѣ представить удивленіе прессы виговъ и тори, когда появилось прошеніе; они не могли его понять. На митингѣ, за отсутствіемъ мэра, прикованнаго болѣзнью къ постели, предсѣдательствовалъ старшій членъ Городского Совѣта мистеръ Шарпъ. Нѣкоторые изъ членовъ Совѣта дали разъясненіе почему именно они сочли своимъ долгомъ присоединить свои подписи. М-ръ Маркемъ, сторонникъ тори, началъ митингъ прекрасною, юридически-обоснованной, рѣчью въ пользу осужденныхъ. Послѣ него говорили Маршалль, Джеффри,Гаммэджъ, Гэнлей, Голлоуэль, Мендей и др. и всѣ резолюціи были приняты единогласно; но въ слѣдующую субботу обѣ мѣстныя газеты имѣли дерзость и злобу помѣстить передовыя статьи противъ задачи митинга, несмотря на то, что цѣли этой сочувствовало такое значительное количество ихъ согражданъ.

Въ началѣ 1845 года опять произошло одно изъ тѣхъ злополучныхъ недоразумѣній, которыя такъ ослабляли чартистское движеніе. М'Дуэль находя, что его возвращеніе въ данный мо-

ментъ не можетъ скомпрометировать ни его самого, ни его собратьевъ заговорщиковъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія вернулся въ Англію и почти сейчасъ-же послѣ возвращенія предпринялъ поѣздку по странѣ. Увидѣвъ, что въ Шотландіи населеніе несочувственно относилось къ Національной Чартистской Ассоціаціи и стремилось образовать отдѣльную шотландскую Ассоціацію, онъ предложилъ устроить ее въ Глазго, думая, что она будетъ способствовать успѣху дѣла.

Секретарь чартистской группы въ Глазго обидѣлся на М'Дуэля и написалъ на него жалобу въ Исполнительный Комитетъ, а послѣдній помѣстилъ часть письма въ „Сѣверной Звѣздѣ“, несмотря на постановленіе до обнародованія разнаго рода жалобъ сообщать о нихъ заинтересованнымъ лицамъ. Въ это-же время произошла крупная и очень непріятная размолвка между М'Дуэлемъ и О'Коннором, которому сообщили, что М'Дуэль обвинялъ его въ недостойномъ поведеніи по отношенію къ нему на Ланкастерскомъ судѣ. О'Конноръ потребовалъ черезъ „Сѣверную Звѣзду“, чтобы дѣло это было отдано на разсмотрѣніе Манчестерскаго Совѣта Чартистовъ. Благодаря популярности О'Коннора и поддержкѣ „Сѣверной Звѣзды“ большинство чартистовъ стало на его сторону, и на многихъ митингахъ были приняты резолюціи, выражавшія порицаніе М'Дуэлю. Въ концѣ концовъ дѣло это уладилось, О'Конноръ помирился съ М'Дуэлемъ, и они предприняли даже совмѣстныя поѣздки съ цѣлью пропаганды, но всѣ эти ссоры между главными представителями чартизма подрывали къ нимъ уваженіе общества. Около этого же времени „Сѣверная Звѣзда“ была переведена изъ Лидса въ Лондонъ. О'Конноръ продалъ свою печатную машину и всѣ другія принадлежности печатнаго дѣла. Газета теперь печаталась Макъ-Гоуеномъ, и цѣна была увеличена съ четырехъ съ половиной пенсовъ до пяти. Перемѣщеніе газеты въ Лондонъ послужило поводомъ къ устройству торжественнаго банкета въ Лондонѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ Кларкъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ демократіи и большой поклонникъ О'Коннора.

Кромѣ того, въ это же время открылась еще одна демократическая газета, подъ названіемъ „*National Reformer*“ (Національный Реформаторъ). Она принадлежала О'Брайену, который былъ и ея редакторомъ. Газета эта существовала болѣе двухъ лѣтъ. Защищая всѣ политическія реформы Народной Хартіи, она кромѣ

того развивала планъ націонализаціи земли, основанный на выкупѣ земли у владѣльцевъ. Кромѣ того она настаивала на коренномъ измѣненіи законовъ денежнаго обращенія, осуждая законы, опредѣляющіе точную стоимость золота и ставящіе наше денежное обращеніе въ зависимость отъ изобилія или недостатка этого благороднаго металла. Она хотѣла установить такую систему денежныхъ знаковъ, въ основѣ которой лежало-бы дѣйствительное богатство страны. Другая предложенная ею реформа состояла въ учрежденіи кредитныхъ банковъ, доступныхъ всѣмъ классамъ и дающихъ возможность честнымъ труженикамъ съ помощью ссудъ сдѣлаться капиталистами, оставаясь въ то же время рабочими. Четвертая крупная реформа заключалась въ установленіи системы правильнаго обмѣна, который могъ бы производиться посредствомъ національныхъ рынковъ или магазиновъ, гдѣ производители могли бы обмѣнивать свои товары на другіе товары, сложенные тамъ, или на денежные знаки, которые выражали-бы стоимость даннаго товара и могли-бы пользоваться законными гарантіями для обращенія по всей странѣ. Вотъ главныя основныя реформы, развивавшіяся на страницахъ „Національнаго Реформатора". Но издатель всегда старался внушить своимъ читателямъ, что эти реформы могутъ быть осуществлены только съ помощью политической власти. Онъ не соглашался съ мнѣніемъ О'Коннора, что задуманныя имъ Кооперативныя Земельныя Товарищества осуществятъ соціальную свободу труда. Онъ старался съ помощью всевозможныхъ аргументовъ доказать всю нелѣпость подобнаго рода плана даже въ томъ случаѣ, если бы онъ не противорѣчилъ закону, но принимая во вниманіе, что всѣ эти планы были противозаконны, онъ говорилъ, что было нечестно и даже преступно возбуждать надежды, которыя нельзя было осуществить и предсказывалъ полное крушеніе всей схемы, что могло бы въ свою очередь вредно отразиться на демократическомъ движеніи. О'Конноръ, раздраженный отношеніемъ О'Брайена къ проекту Земельнаго Товарищества выступилъ противъ него вмѣстѣ со своими сторонниками въ Исполнительномъ Комитетѣ. О'Конноръ на основаніи какихъ-то необыкновенныхъ вычисленій, увѣрялъ, что въ невѣроятно короткій срокъ всѣ члены Земельнаго Товарищества будутъ жить на своей собственной землѣ въ своихъ собственныхъ коттеджахъ. Для того, чтобы произвести такую большую перемѣну въ соціальномъ положеніи его „дорогихъ дѣтей", ему надо было самое бо́льшее шесть лѣтъ.

Въ это время у О'Коннора явился еще другой противникъ въ лицѣ Уоткинса, который сначала былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ ему учениковъ. Уоткинсъ нападалъ прежде на всѣхъ противниковъ О'Коннора: Ловетъ, Винсентъ, Фильпъ и даже Исполнительный Комитетъ всѣ подвергались оскорбленіямъ съ его стороны. Теперь онъ сталъ нападать на самого О'Коннора. Лондонскіе чартисты основали ежемѣсячный журналъ и пригласили его издателемъ. Въ этомъ журналѣ онъ обрушился на О'Коннора съ цѣлымъ рядомъ обвиненій, но журналъ скоро пересталъ существовать, и тогда онъ началъ помѣщать письма противъ О'Коннора и Исполнительнаго Комитета въ „Національномъ Реформаторѣ". Но и О'Брайенъ въ свою очередь заслужилъ неудовольствіе Уоткинса, давъ право отвѣчать на страницахъ своей газеты лицамъ, на которыхъ онъ нападалъ. О'Конноръ, желая во что бы ни стало уронить О'Брайена въ общественномъ мнѣніи, обвинилъ его въ томъ, что онъ будто-бы состоялъ на жалованіи у Споттисвуда и его шайки. Это было общество, учрежденное съ цѣлью эмансипаціи промышленной системы и находившее, что главнымъ средствомъ для этого должно было быть измѣненіе денежной системы. Только потому, что О'Брайенъ помѣщалъ въ своей газетѣ объявленія этого общества и обращалъ вниманіе публики на его задачи, О'Конноръ пришелъ къ заключенію, что онъ получалъ отъ него жалованье. О'Брайенъ отнесся къ этому обвиненію, какъ оно того заслуживало. Онъ перепечаталъ всю статью О'Коннора изъ „Сѣверной Звѣзды", прибавивъ къ ней со своей стороны нѣсколько сатирическихъ примѣчаній, въ которыхъ приводилъ всѣ обѣщанія, сдѣланныя когда-либо О'Коннором, всѣ его предсказанія, всѣ утвержденія; все это было провѣрено. И вотъ, на основаніи всѣхъ „этихъ фактовъ", какъ иронически называлъ ихъ О'Брайенъ, надо было вѣрить О'Коннору, что онъ, О'Брайенъ, состоялъ на жалованіи у Споттисвуда и его шайки. Этотъ перечень всѣхъ нелѣпостей О'Коннора поставилъ его въ очень комичное положеніе.

О'Конноръ со своими товарищами не только старался всѣми средствами повредить самому О'Брайену, но хотѣлъ также подорвать довѣріе къ его друзьямъ. Такъ, напримѣръ, онъ утверждалъ, что одинъ изъ нихъ, Мозелей (Moseley) изъ Лидса, состоялъ, въ 1839 году, шпіономъ у Лорда Джона Росселя, для того, чтобы побудить народъ къ возстанію, довести его до преступленія и

потомъ предать въ руки полиціи. За это, говорятъ, онъ получилъ семьдесятъ два фунта. У О'Брайена былъ дѣйствительно другъ Мослей (Mosley), фамилія котораго въ Лидсѣ произносилась „Мозелей“. Среди чартистовъ у него не было однофамильцевъ и, думая, что обвиненіе было направлено противъ него, онъ потребовалъ отъ издателя „Сѣверной Звѣзды“, чтобы тотъ заявилъ, что онъ не его имѣлъ въ виду, или же привелъ бы доказательство его виновности. „Сѣверная Звѣзда“ не сдѣлала ни того, ни другого, но такъ какъ въ этомъ обвиненіи она ссылалась на Гобсона, члена Городского Совѣта въ Лидсѣ, Мослей рѣшилъ перенести дѣло въ Городской Совѣтъ. Версія Гобсона однако не соотвѣтствовала заявленію О'Коннора, такъ какъ онъ говорилъ, со словъ другого члена Совѣта, что семьдесятъ два фунта были даны за возстаніе въ 1842 году, тогда какъ О'Конноръ говорилъ о 1839 г. Но упомянутый другой членъ Совѣта заявилъ, что Гобсонъ исказилъ его слова, такъ какъ онъ сказалъ, что семьдесятъ два фунта были выданы полиціи въ награду за усиленную службу въ этотъ періодъ. Обвиненіе противъ Мослея, опровергнутое свидѣтелями и вызванное только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ сторонникомъ О'Брайена, въ свою очередь послужило поводомъ къ обвиненію его клеветниковъ. Для этого послѣдняго обвиненія было очень много основаній. О'Коннора обвиняли въ томъ, что онъ не захотѣлъ спасти Фроста и его товарищей отъ правительственнаго преслѣдованія. Обвиненіе это было поднято Вилльямомъ Аштономъ изъ Барнслея, просидѣвшаго по дѣлу чартистовъ два года въ тюрьмѣ, посвятившаго всю свою жизнь представителямъ труда и демократіи, и вынесшаго нѣсколько лѣтъ ссылки въ тѣ времена, когда союзы среди рабочихъ строго преслѣдовались. Аштонъ былъ человѣкъ практическій, смѣлый, съ совершенно опредѣленными воззрѣніями, демократъ, готовый принести всевозможныя жертвы на пользу дѣла. Все его прошлое служило доказательствомъ его готовности пострадать за свои убѣжденія. Аштонъ, возмущенный поведеніемъ О'Коннора по отношенію къ Мослею, котораго онъ хорошо зналъ и въ которомъ не сомнѣвался, написалъ своему другу письмо, съ цѣлью показать ему въ настоящемъ свѣтѣ нравственныя свойства одного изъ его обвинителей. Мослей послалъ это письмо къ издателю „Національнаго Реформатора“. Изъ письма Аштона выяснялось, что демонстрація чартистовъ обсуждалась на собраніи нѣкоторыхъ чартистскихъ лидеровъ въ Лондонѣ, съѣхавшихся спеціально для

этой цѣли. Злополучное возстаніе въ Ньюпортѣ было результатомъ этого собранія. Вилльямъ Аштонъ находился въ это время въ Лондонѣ и имѣлъ случай видѣться съ этими лидерами. Изъ частнаго разговора съ однимъ изъ нихъ онъ убѣдился, что не можетъ разсчитывать на нихъ въ томъ дѣлѣ, которое онъ затѣвалъ. Убѣдившись въ этомъ, онъ рѣшилъ спасти Фроста отъ готовившейся ему ловушки, но ему нужно было торопиться въ Гуль, чтобы уѣхать во Францію, для того чтобы не попасть въ руки правительства. Его Преп. Вилльямъ Хиллъ сопровождалъ его до гавани и Аштонъ сообщилъ ему свое подозрѣніе, что Фростъ будетъ обманутъ и просилъ его сказать О'Коннору, что готовившееся движеніе надо остановить. Хиллъ обѣщалъ ему исполнить его просьбу. Но когда Аштонъ вернулся изъ Франціи, событіе въ Ньюпортѣ уже совершилось, и все произошло именно такъ, какъ предсказывалъ Аштонъ. Онъ поѣхалъ къ О'Коннору въ Гаммерсмитъ и спросилъ его, почему онъ не попытался спасти Фроста, О'Конноръ увѣрилъ его, что узналъ о событіи, когда оно уже совершилось. Но вскорѣ послѣ того Аштонъ навѣстилъ Хилла въ Лидсѣ, и тотъ торжественно заявилъ ему, что четыре или пять дней спустя послѣ отъѣзда Аштона, онъ сообщилъ О'Коннору о готовившемся возстаніи. Аштонъ послѣ этого снова былъ у Хилла съ Джорджемъ Уайтомъ и Хиллъ снова повторилъ свое заявленіе, прибавивъ, что вскорѣ послѣ этого О'Конноръ уѣхалъ въ Ирландію, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока не произошло возстаніе. Дальше Аштонъ говорилъ, что послѣ того какъ произошло это событіе, въ Лондонѣ собрался Конвентъ, для того чтобы обсудить средства для спасенія Фроста. О'Конноръ былъ выбранъ членомъ Конвента, но не посѣтилъ ни одно засѣданіе. Тогда они послали къ нему депутацію въ „Отель Тэвистокъ", гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ адвокатомъ Гичемъ, родственникомъ Фроста. Депутація просила его дать совѣтъ. Онъ сказалъ имъ, что если Фростъ и его товарищи будутъ осуждены и жизни ихъ будетъ грозить опасность, онъ самъ станетъ во главѣ англійскаго народа и чтобы спасти ихъ, вызоветъ кровавую революцію. Гичъ обѣщалъ для той же цѣли поднять уэльсцевъ. И О'Конноръ и Гичъ говорили депутаціи о необходимости подготовить народъ. Депутація сообщила объ этомъ отвѣтѣ на тайномъ собраніи Конвента, на которомъ присутствовалъ и Аштонъ. Около того же времени для той же цѣли въ Дьюсбери состоялось со-

браніе делегатовъ, и они послали одного изъ своихъ товарищей узнать о рѣшеніи Конвента и О'Коннора. Делегатъ вернулся съ отвѣтомъ, что было рѣшено устроить возстаніе, чтобы спасти жертвы, что О'Конноръ обѣщалъ самъ руководить возстаніемъ, а Гичъ ручался, что подниметъ уэльсцевъ. Тогда тотъже делегатъ былъ снова отправленъ сообщить Конвенту, что митингъ принялъ такое же рѣшеніе, что возстаніе было назначено на 12-е января, и если члены Конвента одобряютъ такое рѣшеніе, то они должны были разъѣхаться по своимъ мѣстамъ и уполномочить О'Коннора исполнить свое обѣщаніе. За день передъ тѣмъ О'Конноръ послалъ Кливу чекъ на двадцать пять фунтовъ для того, чтобы поддержать Конвентъ, какое бы рѣшеніе онъ ни принялъ. Члены Конвента разъѣхались по своимъ мѣстамъ для того, чтобы подготовить народъ; произошли возстанія въ Шеффильдѣ и другихъ мѣстахъ. Но къ удивленію всѣхъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, въ слѣдующемъ номерѣ „Сѣверной Звѣзды“ появилась статья, порицавшая весь планъ, а черезъ недѣлю О'Конноръ самъ выступилъ противъ этого плана въ той же самой газетѣ. Все это Аштонъ писалъ въ письмѣ къ Мослею; но надо добавить, что все, что касается первой части его обвиненія, принадлежало главнымъ образомъ О'Брайену. Послѣдній утверждалъ, что О'Коннору было хорошо извѣстно о готовившемся возстаніи въ Ньюпортѣ, что между ними двумя былъ объ этомъ разговоръ и что онъ, О'Брайенъ, умолялъ О'Коннора употребить свое вліяніе, чтобы остановить это движеніе, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ котораго, при невооруженномъ и неорганизованномъ положеніи страны, должна была быть гибель Фроста и его товарищей. О'Брайенъ въ частной бесѣдѣ все это говорилъ и намъ. Онъ предлагалъ, по его словамъ, сдѣлать все, что было въ его силахъ, чтобы предупредить предполагавшееся возстаніе, въ случаѣ, если бы О'Конноръ отказался; но онъ просилъ О'Коннора взять все это на себя, такъ какъ О'Конноръ имѣлъ бóльшее вліяніе и, слѣдовательно, скорѣе могъ расчитывать на успѣхъ. И О'Конноръ торжественно обѣщалъ ему: „Онъ не допуститъ этого; возстанія не будетъ“. Полагаясь на его обѣщаніе, О'Брайенъ предоставилъ дѣйствовать ему. Но когда это дѣло было перенесено на публичное разсмотрѣніе, О'Конноръ сталъ отрицать все; онъ отрицалъ, чтобы ему было хоть что нибудь извѣстно о готовившемся возстаніи въ Нью-

портѣ и утверждалъ, что онъ узналъ о немъ послѣ того, какъ оно произошло.

Но мы спрашиваемъ себя, возможно ли, чтобы О'Конноръ, глава Чартистскаго движенія, имѣвшій повсюду своихъ агентовъ, обладавшій кромѣ того деньгами, съ помощью которыхъ у него была бо́льшая возможность, чѣмъ у другихъ, узнавать о каждомъ важномъ шагѣ, предпринимаемомъ его партіей, возможно-ли, чтобы онъ не зналъ о готовившемся возстаніи, вопросъ о которомъ обсуждался въ теченіе нѣсколькихъ недѣль? Это было бы совершенно невѣроятно. О готовившейся демонстраціи въ Ньюпортѣ знали не только всѣ вожди, участвовавшіе въ Конвентѣ, но и множество другихъ лицъ съ гораздо меньшимъ вліяніемъ. Остается слѣдовательно предположить, вопреки всѣмъ имѣющимся на лицо фактамъ, что наиболѣе важный представитель партіи былъ почти единственнымъ лицомъ, которому ничего не было извѣстно. Но чтобы допустить это, надо обладать слѣпой довѣрчивостью и всю жизнь блуждать въ потемкахъ. Что О'Конноръ несомнѣнно зналъ о готовившемся предпріятіи можно видѣть изъ того, что въ самую критическую минуту онъ оставилъ мѣсто опасности и уѣхалъ въ Ирландію, хотя тамъ у него было сравнительно неважное дѣло: повліять на избирателей одного единственнаго графства—графства Корка—для избранія на слѣдующихъ выборахъ представителя либеральной партіи. Предлогъ былъ слишкомъ незначителенъ, а если принять во вниманіе обѣщаніе, данное имъ О'Брайену, то нельзя не сказать, что онъ поступилъ предательски. Или О'Конноръ вѣрилъ въ готовившееся возстаніе, или онъ не вѣрилъ. Если онъ вѣрилъ, то его обязанностью, какъ народнаго вождя—на что онъ претендовалъ—было встать во главѣ движенія или по крайней мѣрѣ принять въ немъ участіе. Если же онъ не вѣрилъ въ успѣхъ, то онъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать этому возстанію. Онъ не сдѣлалъ ни того ни другого и такимъ отношеніемъ къ дѣлу показалъ или свою трусость или предательство по отношенію къ своимъ друзьямъ. Но насъ спросятъ, возможно ли, чтобы О'Конноръ желалъ гибели Фроста? Мы не думаемъ этого. Но надо вспомнить, что въ тотъ періодъ популярность Фроста почти равнялась популярности О'Коннора, а страсть къ популярности была слабостью послѣдняго. Мы искренно вѣримъ, что для О'Коннора всѣ средства были хороши, чтобы заслужить себѣ по-

пулярность и удержать ее; и хотя онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ организаціи уэльскаго движенія, онъ спокойно предоставилъ событіямъ итти своимъ путемъ въ надеждѣ избавиться отъ своего соперника. О'Коннoръ правда дѣлалъ все возможное, чтобы спасти жизнь Фроста, и мы конечно вѣримъ, что онъ не хотѣлъ, чтобы Фростъ былъ повѣшенъ. Кровь Фроста тяготѣла бы на его совѣсти и, конечно, на обязанности О'Коннора лежало употребить всѣ усилія для спасенія Фроста, такъ какъ онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ возможность предупредить грозившую Фросту опасность. Что О'Коннoръ не питалъ хорошихъ чувствъ къ Фросту, мы знаемъ это отъ Эрнста Джонса, которому О'Коннoръ говорилъ о Фростѣ какъ о негодяѣ. „Я ничего не знаю о Фростѣ", говорилъ Джонсъ, но О'Коннoръ всегда отзывался о немъ какъ о негодяѣ. А между тѣмъ, публично онъ всегда восхвалялъ Фроста. Поведеніе О'Коннора въ дѣлѣ агитаціи для освобожденія Фроста тоже заслуживаетъ порицанія. Своими обѣщаніями онъ увлекъ многихъ пылкихъ и честныхъ людей, что могло стоить имъ жизни. Само собой разумѣется, что О'Коннoръ не былъ обязанъ присоединяться къ движенію, если онъ сомнѣвался въ его успѣхѣ, но, давъ торжественно обѣщаніе стать во главѣ возстанія, онъ долженъ былъ или исполнить это обѣщаніе, или помѣшать движенію, прежде чѣмъ оно началось.

Насъ могутъ обвинить за эти строки. Честные, но близорукіе люди навѣрное найдутъ, что лучше не ворошить прошлаго и не разсказывать о предательствахъ и ссорахъ, чтобы не вредить народному дѣлу. Жалкіе, мелочные и недостойные демагоги будутъ въ особенности настаивать на этомъ. Тяжело, конечно, касаться предательствъ, лицемѣрія и лживости, запятнавшихъ самое благородное народное движеніе. Но какъ ни тяжела эта обязанность, ее надо выполнить; надо показать въ настоящемъ свѣтѣ все, что унижало и разстраивало демократическое движеніе для того, чтобы эти ошибки не повторились снова; желаніе скрыть истину служитъ только доказательствомъ нашего паденія. Безстрашное и мужественное стремленіе къ правдѣ должно требовать: „Давайте намъ всѣ факты, и мы посмотримъ, не будутъ ли они намъ полезны въ будущемъ". И мы всегда будемъ держаться этой тактики, къ чему бы она ни привела. Но мы должны еще разъ заявить, что мы поступаемъ такъ только изъ чувства долга, а не изъ чувства недоброжелательства къ отдѣльнымъ личностямъ. Что О'Коннору

было прекрасно извѣстно о готовившемся возстаніи, мы знаемъ еще отъ Лоуэрея, члена перваго Конвента. Желая хорошенько выяснить этотъ вопросъ, мы спросили его: „Послушайте Лоуэрей, вы кажется принимали дѣятельное участіе въ движеніи во время этого злополучнаго дѣла Фроста. Не знаете ли вы: принималъ ли какое либо участіе О'Конноръ во всемъ этомъ?“ Лоуэрей отвѣчалъ: „О'Конноръ не принималъ никакого участія въ организаціи возстанія, но онъ прекрасно зналъ обо всемъ, и онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ бы остановить возстаніе, если бы захотѣлъ“.

Лѣтомъ 1845 года отношенія между старыми лидерами движенія были самыя непріязненныя. О'Конноръ подвергался нападкамъ со стороны О'Брайена, Уоткинса и Карпентера, а послѣдніе два вмѣстѣ съ О'Конноромъ въ свою очередь нападали на О'Брайена. О'Конноръ дѣлалъ все возможное, чтобы уронить великій принципъ О'Брайена о націонализаціи земли, а также и его символическую денежную систему. Взгляды О'Брайена нисколько не измѣнились. Онъ былъ все тотъ же, какъ въ то время, когда О'Конноръ называлъ его „школьнымъ учителемъ“. Уоткинсъ и Карпентеръ, издатель *Lloyd's Newspaper* нападали, какъ на принципы О'Брайена, такъ и на него лично, хотя Карпентеръ самъ распространялъ принципы О'Брайена и излагалъ ихъ въ своемъ политическомъ словарѣ. О'Брайенъ, въ свою очередь, обвинялъ въ непослѣдовательности своихъ противниковъ и указывалъ на несостоятельность Земельнаго Товарищества О'Коннора. О'Конноръ вычислилъ, что при наличности основного капитала въ пять тысячъ фунтовъ (взносы двухъ тысячъ членовъ по два фунта десяти шиллинговъ каждый) можно будетъ надѣлить землею пятьдесятъ членовъ, причемъ останется еще восемьсотъ семьдесятъ пять фунтовъ. Онъ предлагалъ затѣмъ заложить купленныя такимъ образомъ имѣнія вмѣстѣ съ постройками за четыре тысячи фунтовъ, на эти деньги купить другое имѣніе и поселить тамъ еще пятьдесятъ членовъ, добавивъ къ четыремъ тысячамъ фунтовъ сто двадцать пять фунтовъ, оставшихся отъ основного капитала. Второе имѣніе должно было быть тоже заложено и на эти деньги куплено третье имѣніе и такъ далѣе, покуда Товарищество не пріобрѣло бы восьми имѣній для четырехсотъ членовъ. О'Конноръ расчитывалъ, что эти имѣнія стоимостью въ общей сложности въ тридцать три тысячи въ теченіе трехъ

лѣтъ возрасли бы въ цѣнѣ болѣе чѣмъ вдвое и въ концѣ четвертаго года стоили бы, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ тысячъ фунтовъ и принесли бы такимъ образомъ Товариществу двадцать семь тысячъ фунтовъ прибыли. Другія его вычисленія были также необычайны. Комментируя все вышеизложенное О'Брайенъ замѣтилъ: всѣ эти расчеты основаны на томъ предположеніи, что имѣнія будутъ куплены по восемнадцати фунтовъ за акръ; что земля, купленная по этой цѣнѣ, будетъ обходиться ежегодно по пятнадцати шиллинговъ съ акра, что каждый коттеджъ будетъ стоить въ среднемъ тридцать фунтовъ, что рабочіе, живущіе въ городахъ (такъ какъ другіе врядъ ли пойдутъ въ члены) въ состояніи будутъ платить по пяти фунтовъ въ годъ за коттеджъ и за два акра земли и наслаждаться этой покупкой; что земля каждаго собственника увеличится въ цѣнѣ вдвое въ теченіе трехъ лѣтъ; что какъ только пятьдесятъ членовъ будутъ разселены, сейчасъ же найдутся богатые люди, чтобы дать деньги подъ закладъ земли и строеній; что на эти деньги можно будетъ купить еще земли и разселить на ней еще пятьдесятъ членовъ, что дѣла Товарищества не потребуютъ большихъ расходовъ и для покрытія ихъ достаточно будетъ двухъ шиллинговъ членскаго взноса въ годъ; что покупка земли и залогъ ея не потребуютъ никакихъ расходовъ по совершенію купчей крѣпости, по гербовымъ сборамъ и т. п.; что казначеемъ, секретаремъ и директорами общества будутъ состоять исключительно честные люди, и ничего не будутъ получать за свой трудъ, (который ни въ какомъ случаѣ не будетъ синекурой), а главное, что никогда не будетъ недостатка ни въ землевладѣльцахъ, желающихъ продать землю членамъ, ни въ капиталистахъ, чтобы дать денегъ подъ залогъ этой земли. Я касаюсь только немногихъ странностей этихъ любопытныхъ расчетовъ. Но если я не ошибаюсь, время покажетъ, что большинство изъ нихъ представляютъ изъ себя ни на чемъ не основанныя предположенія. Но страннѣе всего то, что Фиргусъ-филантропъ велъ за собою милліоны народа на факельные митинги, демонстраціи и т. п., для чего требовалось жертвовать и временемъ, и деньгами, что послужило причиной раззоренія тысячи людей, благодаря тюремнымъ заключеніямъ, потери мѣстъ и ссылкамъ, тогда какъ стоило только основать Національное Кооперативное Земельное Товарищество Чартистовъ, для того чтобы обезпечить всѣмъ соціальное благополучіе, такъ какъ, по его словамъ,

въ послѣднемъ номерѣ „Звѣзды“, онъ открылъ, что политическое равенство можетъ быть только результатомъ соціальнаго благополучія. Раньше онъ училъ насъ, что политическое равенство должно предшествовать соціальному благополучію, но, безъ сомнѣнія, когда лопнетъ его земельный пузырь, онъ снова будетъ проповѣдывать намъ свою старую вѣру или какую нибудь еще новую“.

Вскорѣ послѣ этихъ разногласій О'Брайенъ отправился, по просьбѣ своихъ друзей, въ Бирмингамъ, Шеффильдъ, Рокдэль и другія мѣста. О'коннорцы старались, конечно, мѣшать ему. Въ Бирмингамѣ они пришли въ настоящую ярость, но были такъ малочисленны, что составляли только незначительную часть присутствующихъ лицъ. Въ другихъ мѣстахъ они отнеслись къ нему съ большей справедливостью. Въ Шеффильдѣ О'Брайенъ бросилъ вызовъ О'Коннору, требуя, чтобы тотъ выступилъ съ нимъ вмѣстѣ на публичномъ митингѣ, на которомъ онъ хотѣлъ доказать, что онъ (О'Брайенъ) хотѣлъ добиться для народа всѣхъ правъ, чего не могъ сказать о себѣ Фиргусъ О'Конноръ. О'Конноръ не принялъ этого вызова, но продолжалъ изображать въ смѣшномъ видѣ О'Брайена и всѣхъ принципіальныхъ людей, называя ихъ „учеными колпаками“, хотя трое изъ его коллегъ, Кларкъ Макъ-Грасъ и Дойль также принадлежали къ школѣ О'Брайена. Предложеніе О'Брайена произвело тѣмъ не менѣе нѣкоторый эффектъ.

Къ концу 1845 г. делегаты для обсужденія плана Земельнаго Товарищества собрались въ Дьюсбери. На этомъ митингѣ были сдѣланы весьма дѣльныя возраженія противъ нѣкоторыхъ пунктовъ земельнаго проекта и были приняты соотвѣтственныя резолюціи. Но „Сѣверная Звѣзда“ умолчала о самой важной части митинга, и редакторъ могъ по своему комментировать постановленіе делегатовъ. Въ это время Давидъ Россъ началъ писать обзоръ чартистскаго движенія въ „Національномъ Реформаторѣ“. Роосъ выступилъ въ качествѣ чартистскаго лектора въ 1841 году; онъ былъ учителемъ декламаціи и считался однимъ изъ лучшихъ ораторовъ того времени, хотя и не обладалъ большимъ запасомъ политическихъ знаній. Но послѣ перваго своего письма, напечатаннаго съ комментаріями О'Брайена, онъ объявилъ, что въ настоящее время долженъ отказаться отъ намѣренія вести этотъ обзоръ. Въ то время какъ чартисты, занимаясь ссорами между собою, почти потеряли изъ

виду великій принципъ своего политическаго credo, когда на первый планъ выступило поклоненіе отдѣльнымъ людямъ, а честная независимость топталась слѣпымъ и неразсуждающимъ невѣжествомъ, „Лига противъ Хлѣбныхъ Законовъ“ дѣлала огромные успѣхи. Представители ея выступали на публичныхъ митингахъ. Они собрали сначала пятьдесятъ тысячъ, потомъ сто тысячъ фунтовъ для распространенія своихъ политическихъ доктринъ. Они засыпали страну своими циркулярами и воззваніями, и скоро стало ясно, что они пріобрѣли вліяніе на законодательное собраніе и что ихъ гигантская работа увѣнчается успѣхомъ.

О'Конноръ и въ этомъ случаѣ остался вѣренъ своему характеру: быть послѣдовательнымъ въ своей непослѣдовательности. Сэръ Робертъ Пиль, стоявшій тогда во главѣ правительства для того, чтобы побѣдить своихъ старыхъ соперниковъ-виговъ, объявилъ себя сторонникомъ коренной реформы. Россель въ послѣднемъ своемъ манифестѣ говорилъ о налогѣ въ четыре шиллинга, а Пиль неожиданно для всѣхъ въ своемъ манифестѣ высказался за полную отмѣну Хлѣбныхъ Законовъ. Можно было сразу значительно уменьшить налоги, а въ теченіе трехъ лѣтъ отмѣнить ихъ совершенно. Консерваторы задумали также осуществить свободу торговли и во многихъ другихъ отрасляхъ. Къ удивленію многихъ партій, не успѣлъ проектъ Пиля появиться въ печати, какъ О'Конноръ сталъ превозносить его до небесъ: никогда еще никто не предлагалъ такой реформы; это было „всемогущее средство“, это сдѣлаетъ англійскій народъ великимъ во внутренней политикѣ и великимъ во внѣшней, и онъ обѣщалъ Пилю отъ имени Денкомба и своего „полное содѣйствіе“ народа. Для тѣхъ, кто привыкъ слышать, какъ О'Конноръ бранитъ Лигу, называя ее „язвой“, а сторонниковъ свободной торговли „свободными сапожниками“, для тѣхъ, кто часто слышалъ, какъ онъ называлъ проектъ этой партіи „проектомъ для обращенія рабочаго класса въ рабовъ“ и утверждалъ, что эта реформа приведетъ къ полной несправедливости, если только народу не будетъ дано право контролировать ее,—для всѣхъ, кто только слышалъ это, поведеніе О'Коннора казалось необъяснимымъ. Когда Лига не имѣла еще достаточныхъ силъ, О'Конноръ предсказывалъ странѣ полное раззореніе, въ случаѣ если бы задачи Лиги осуществились. Но теперь уничтоженіе хлѣбныхъ налоговъ могло помочь осуществленію его Земельнаго Товарищества, такъ какъ цѣны на

землю понизились бы, и народу было бы легче пріобрѣтать ее. Его восхваленія проекта Пиля находились въ такомъ противорѣчіи съ поправками, которыя онъ предлагалъ на митингѣ въ Нордгемптонѣ, что невольно приходитъ на мысль: не для вида ли только онъ казался противникомъ Лиги и не существовало ли соглашенія между нимъ и ею?

Одинъ изъ нашихъ друзей говорилъ намъ на митингѣ въ Нордгемптонѣ, что онъ твердо былъ увѣренъ въ этомъ. Правда одно: трудно было придумать лучшую рѣчь, чтобы обезпечить побѣду Кобдену, чѣмъ рѣчь О'Коннора въ Нордгемптонѣ. Часть представителей партіи протестовала противъ неустойчивой политики О'Коннора, другіе были недовольны, и поведеніе его казалось имъ страннымъ, но онъ имѣлъ такое вліяніе на большинство, что оно слѣпо повиновалось ему и обвиняло лицъ, желавшихъ быть послѣдовательными въ томъ, что они состояли на жалованіи у протекціонистовъ, хотя всѣ честные люди скорѣе должны были предположить, что на жалованіи состояли тѣ, которые отреклись отъ своихъ прежнихъ вѣрованій, чѣмъ тѣ, которые не измѣняли своихъ позицій. Всѣмъ извѣстенъ результатъ политики Пиля. Предложенныя имъ мѣры сдѣлались закономъ, но около этого времени и послѣ того случился цѣлый рядъ событій, уничтожившій зловредныя послѣдствія, которыя такого рода реформа должна была оказать на интересы рабочаго класса, пониженіемъ заработной платы и повышеніемъ цѣны денегъ. Этому помѣшали огромная эмиграція рабочаго класса, освободившаго рынокъ труда отъ переполненія, но, главнымъ образомъ, открытіе золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи, что увеличило количество денегъ при существующихъ у насъ законахъ о золотой валютѣ; понизило проценты, принудило промышленные классы сохранить прежнія цѣны и помѣшало ростовщикамъ, рантье и пожирателямъ налоговъ собрать богатую жатву, которую при другихъ обстоятельствахъ они несомнѣнно бы собрали за счетъ бѣднаго и рабочаго народа.

Здѣсь мы должны сдѣлать одно маленькое замѣчаніе. Можно, пожалуй, заключить изъ нашихъ словъ, что О'Конноръ все время находился въ согласіи съ Лигой; этого мы не хотимъ сказать. Мы думаемъ только одно: страсть О'Коннора къ популярности заглушала въ немъ всякое понятіе о долгѣ. Если бы онъ поддерживалъ Лигу, когда она не была популярна, то онъ могъ бы

лишиться, пожалуй, своей популярности, поэтому онъ былъ противъ нея. Вопросъ самъ по себѣ мало его интересовалъ. Когда же Лига достигла такого вліянія, что заставила правительство принять предлагаемыя ей мѣры, то министръ, внесшій эту реформу въ Парламентъ, пріобрѣлъ также большую извѣстность. Если бы О'Конноръ продолжалъ возставать противъ Лиги, то онъ могъ бы повредить своей популярности, и онъ круто повернулъ въ другую сторону, вопреки всякимъ принципамъ и послѣдовательности. Всепоглощающая любовь къ популярности была проклятіемъ О'Коннора. Ей онъ жертвовалъ всѣмъ, что есть самаго дорогого у человѣка — послѣдовательностью, принципами, честью, репутаціей, искренними друзьями ради бездушныхъ прислужниковъ, въ концѣ концовъ измѣнявшихъ ему, и даже душевнымъ спокойствіемъ. Въ то время О'Конноръ находился на верху успѣха, временнаго правда, но все же успѣха. Онъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ рисовалъ осуществленіе своего Земельнаго Товарищества, и подъ его знаменемъ собирались толпы народа. Онъ разсылалъ своихъ лекторовъ по всей странѣ. М'Дуэль помирился съ нимъ, и онъ опять сталъ ему покровительствовать.

Весною, 1846 года, О'Конноръ попытался привлечь къ своему земельному проекту и Купера, но послѣдній отказался, такъ какъ, по его мнѣнію, это была только иллюзія, которая тѣмъ не менѣе могла похоронить вмѣстѣ съ собой и чартистское движеніе. О'Конноръ вышелъ изъ себя; между ними произошла ссора, и Куперъ рѣшилъ разстаться съ нимъ. Мы уже замѣтили раньше, что Куперъ излѣчился отъ своего о'коннорства.

Вскорѣ послѣ этого въ Лидсѣ долженъ былъ собраться чартистскій Конвентъ, и Куперъ былъ избранъ представителемъ отъ Лондонскихъ чартистовъ City. Послѣ своего избранія онъ напечаталъ въ газетахъ, что въ Конвентѣ онъ будетъ держаться слѣдующихъ резолюцій:

1) Исполнительный Комитетъ долженъ представлять Конвенту подробные отчеты о всѣхъ митингахъ Исполнительнаго Комитета, устроенныхъ имъ со времени его избранія.

2) Исполнительный Комитетъ долженъ представить Конвенту полный отчетъ о результатахъ подготовительныхъ списковъ для избранія членовъ, какъ это отмѣчено на страницѣ одиннадцатой руководства, а также полный и точный отчетъ выборовъ, сдѣланныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ по подготовительнымъ спискамъ.

Въ случаѣ, если бы точные отчеты не были представлены, въ случаѣ, если было бы удостовѣрено, что подготовленные избирательные списки для выборовъ не были выпущены и въ случаѣ, если бы на основаніи имѣющихся фактовъ, можно было бы заключить, что Исполнительный Комитетъ не былъ въ состояніи исполнить возложенныхъ на него обязанностей, перечисленныхъ на страницѣ шестой руководства, то онъ (Куперъ) сочтетъ своимъ долгомъ предложить:

3) Чтобы въ Исполнительный Комитетъ Національной Чартистской Ассоціаціи выбирались члены Ассоціаціи, не состоящіе директорами Земельнаго Товарищества.

Въ случаѣ, если бы это предложеніе было отвергнуто и большинство Конвента было бы за то, чтобы директора Земельнаго Товарищества продолжали состоять членами Исполнительнаго Комитета Національной Чартистской Ассоціаціи, то прежде чѣмъ предложеніе это будетъ принято, онъ внесетъ слѣдующее предложеніе:

4) М-ръ Уилеръ не можетъ быть представителемъ чартистовъ въ качествѣ главнаго секретаря, по причинамъ, о которыхъ онъ имѣлъ уже случай высказаться въ бесѣдахъ, въ письмахъ къ Фиргусу О'Коннору, къ Лейстерскимъ чартистамъ и другимъ, а также на публичномъ митингѣ, гдѣ онъ былъ выбранъ делегатомъ въ Конвентъ и гдѣ къ его заявленію присоединились другіе.

5) Конвентъ долженъ признать неправильнымъ и несогласнымъ съ демократическими принципами, когда члены чартистскаго общества одной мѣстности вступаютъ въ члены чартистскаго общества другой мѣстности, съ цѣлью провести какія-нибудь мѣры или, напротивъ, противодѣйствовать имъ, какъ это было недавно въ Сити, въ Лондонѣ.

6) Конвентъ сожалѣетъ объ актахъ насилія, вызвавшихъ негодованіе общественнаго мнѣнія противъ чартизма, требуетъ, чтобы доктрина физической силы была оставлена и осуждена и выражаетъ намѣреніе добиваться осуществленія народной Хартіи, какъ государственнаго закона, только мирными, моральными и конституціонными средствами.

7) Конвентъ заявляетъ, что основными свойствами чартистовъ должно быть глубокое уваженіе къ самообразованію, терпимость ко мнѣнію другихъ и нравственная жизнь и протестуетъ

противъ того мнѣнія, что низкія и вульгарныя злоупотребленія и грубыя обвиненія „Сѣверной Звѣзды“ служатъ выраженіемъ чартизма.

8) Конвентъ считаетъ Фиргуса О'Коннора недостойнымъ довѣрія чартистовъ и поэтому настойчиво предостерегаетъ британскихъ рабочихъ отъ опаснаго и неразумнаго соединенія съ нимъ.

Нечего говорить, что эти резолюціи Купера были встрѣчены всеобщимъ негодованіемъ чартистовъ, огромное большинство которыхъ всецѣло стояло на сторонѣ О'Коннора. Куперъ помимо этого выступилъ еще съ обвиненіемъ противъ О'Коннора по поводу покупки имъ для Земельнаго Товарищества Геррингсгетскаго помѣстья, находя неправильнымъ его образъ дѣйствій при совершеніи этой покупки. Въ „Сѣверную Звѣзду“ посыпались резолюціи съ выраженіемъ безграничнаго довѣрія О'Коннору и ненависти къ его обвинителю.

Конференція собралась въ Лидсѣ, 3-го августа. Читатель легко можетъ себѣ представить, что Куперъ долженъ былъ выступить при крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Послѣ того какъ были прочитаны вѣрительные документы делегатовъ, онъ всталъ и потребовалъ отчета о дѣятельности Чартистской Ассоціаціи, количествѣ членовъ, денежныхъ фондахъ и проч. Уилеръ, секретарь, не могъ представить никакихъ отчетовъ, а предсѣдатель Макъ-Грасъ заявилъ, что онъ ничего объ этомъ не знаетъ. Куперъ настаивалъ на своемъ требованіи, обращаясь къ делегатамъ, но въ это время по его адресу посыпались „негодяй“, „лгунъ“, „мошенникъ“, „лицемѣръ“ и другіе такіе же лестные эпитеты. Онъ заявилъ, что делегатамъ было прекрасно извѣстно о резолюціяхъ, которыя онъ намѣревался внести, но они продолжали кричать. О'Конноръ сдѣлалъ попытку заставить Купера отказаться отъ своихъ резолюцій, но безуспѣшно. Тогда всталъ одинъ изъ присутствовавшихъ, почти новичокъ въ чартистскомъ движеніи и заявилъ, что если Куперъ не откажется отъ своихъ резолюцій, то онъ внесетъ предложеніе объ исключеніи его изъ среды чартистовъ. Это былъ Эрнестъ Джонсъ. Куперъ возразилъ ему, что онъ, какъ умный человѣкъ, долженъ былъ бы стыдиться предлагать такую мѣру. Кромѣ того онъ былъ чартистомъ всего два или три мѣсяца, и потому врядъ ли понималъ, что говорилъ. Джонсъ настаивалъ на томъ, чтобы исключить Купера за злонамѣренную обструкцію Конференціи. Предложеніе было поддержано, и многіе

подняли руки; другіе воздержались отъ голосованія, безъ сомнѣнія, отъ стыда, но ни у кого не хватило мужества вотировать противъ, хотя нѣкоторые враждебно относились къ Фиргусу О'Коннору, и одинъ изъ делегатовъ только наканунѣ обѣщалъ Куперу поддержать его. Предсѣдатель объявилъ, что Куперъ былъ исключенъ, но Куперъ отказался уйти. Нѣкоторые предложили удалить его силой, но Куперъ именно этого и хотѣлъ. Онъ бросилъ имъ вызовъ, сказавъ, указывая на О'Коннора: „Почему этотъ великій трусъ съ громовымъ голосомъ, такъ часто говорившій мнѣ о физической силѣ въ частныхъ разговорахъ, не выведетъ меня самъ". Но ни О'Конноръ и ни одинъ изъ его послѣдователей не рѣшились прибѣгнуть къ насилію, а употребили хитрость. Въ четыре часа поднялся Кларкъ и предложилъ отложить засѣданіе до слѣдующаго утра, что и было принято. Куперъ явился въ назначенное время, но наткнулся на четырехъ сильныхъ людей, загородившихъ ему дорогу. Они передали ему письмо отъ предсѣдателя, отъ имени котораго они дѣйствовали. Онъ попробовалъ оттолкнуть ихъ и пройти силой, но безуспѣшно. Кругомъ стояла толпа, и Куперъ обратился къ ней, обвиняя О'Коннора. Но здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторое поясненіе.

Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться со всѣми резолюціями, которыя хотѣлъ внести Куперъ. Мы допускаемъ, что чартисты дѣйствовали часто безразсудно, а многіе изъ лидеровъ хуже, чѣмъ безразсудно, въ особенности, что касается теоріи насильственнаго образа дѣйствія; но мы не можемъ, тѣмъ не менѣе, быть сторонниками доктрины „мира во что бы то ни стало". Мы думаемъ, что если бы эта доктрина была принята порабощеннымъ классомъ, то она навсегда увѣковѣчила бы систему рабства, и мы держимся твердаго убѣжденія, что эта доктрина возможна лишь при полномъ измѣненіи человѣческой природы. Но какъ бы тамъ ни было, Куперъ имѣлъ право на то, чтобы быть выслушаннымъ, тѣмъ болѣе имѣлъ онъ право высказаться относительно общественной дѣятельности лидеровъ, вліяющихъ на ходъ дѣла всего чартистскаго движенія. Мы спрашиваемъ, было ли это честно и согласно съ демократическими принципами справедливости закрывать ему ротъ по настоянію свѣжеиспеченнаго чартиста, когда на Конференціи присутствовали лица, противъ которыхъ онъ выступалъ съ обвиненіемъ, и которые имѣли полную возможность ему отвѣтить? Найдутся, конечно, лица, которыя будутъ извинять

эту трусливую несправедливость, но здравый смыслъ и честная совѣсть осудятъ такой образъ дѣйствія. По нашему мнѣнію, это могло дать поводъ къ заключенію, что вышеуказанныя лица боялись обвиненія со стороны Купера. Здѣсь мы должны дать краткую біографію Эрнеста Джонса, внесшаго предложеніе объ исключеніи Купера.

Эрнестъ Джонсъ былъ сыномъ полковника Джонса, адъютанта Эрнеста, герцога Кумберландскаго, короля Ганноверскаго. Родители его были родомъ изъ Уэльса, но онъ родился и былъ воспитанъ въ Германіи, и ему было дано имя въ честь герцога. Король такъ любилъ сына полковника Джонса, что оказалъ ему честь, если это можно только назвать честью, быть его крестнымъ отцомъ. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что Эрнестъ Джонсъ претендовалъ на свое происхожденіе отъ императора Карла Великаго. Съ самаго ранняго дѣтства Джонсъ обнаруживалъ большія способности къ стихосложенію, и ему не было еще десяти лѣтъ, когда былъ напечатанъ томъ его стихотвореній, предназначенныхъ для близкихъ людей. Само собой разумѣется, что въ стихотвореніяхъ было много дѣтскаго, но они указывали, тѣмъ не менѣе, на талантъ, который могъ развернуться впослѣдствіи, тѣмъ болѣе, что для развитія его природныхъ дарованій было сдѣлано все возможное. Его друзья предназначали молодого поэта для карьеры адвоката. И, вернувшись въ Англію, онъ сдѣлался дѣйствительно адвокатомъ, хотя мы думаемъ, что количество его судебныхъ дѣлъ, какъ и у многихъ умныхъ людей (а въ смыслѣ истиннаго законовѣда врядъ-ли кто былъ болѣе уменъ), никогда не было очень значительно. Къ тому же онъ не все время посвящалъ дѣламъ, такъ какъ занимался поэзіей. Онъ напечаталъ поэму „Лордъ Линдсей“, самое поэтическое изъ его произведеній, „Моя жизнь въ нашемъ соціальномъ государствѣ“ и другія произведенія, а также „Лѣсной Духъ“, романъ изъ феодальныхъ вѣковъ, написанную прекраснымъ легкимъ чарующимъ слогомъ. Въ литературѣ Джонсъ имѣлъ огромный успѣхъ. Произведенія его расхваливались въ самыхъ аристократическихъ газетахъ. Его называли великимъ поэтомъ — однимъ изъ величайшихъ въ наше время. Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ Джонсъ, въ 1846 году, увлекся политикой. До сихъ поръ онъ былъ совершенно неизвѣстенъ рабочему классу, а теперь вступилъ въ ряды чартистовъ подъ покровительствомъ Фиргуса О'Коннора. Аристократъ всегда

находитъ себѣ хорошій пріемъ не только у рабочихъ, но даже и у демократовъ, и молодой представитель аристократіи былъ встрѣченъ съ восторгомъ. Эрнестъ Джонсъ обладалъ всѣми необходимыми качествами для того, чтобы вліять на толпу. У него былъ одинъ недостатокъ: въ противоположность своему патрону, О'Коннору, онъ былъ малъ ростомъ; но у него былъ громкій голосъ, прекрасное изложеніе, блестящій языкъ и очень энергичные жесты. Кромѣ того, онъ обладалъ прирожденной хитростью, которую искусно скрывалъ подъ видомъ полной искренности. Ни одинъ демагогъ не могъ бы сравняться съ нимъ въ искусствѣ лести. Онъ могъ однимъ дыханіемъ превратить человѣка, едва способнаго связать пять словъ по-англійски, въ очень умнаго человѣка и самаго совершеннаго оратора и, что всего удивительнѣе, онъ могъ заставить его повѣрить этому. Онъ всегда былъ готовъ встрѣтить враждебную стихію, какъ со стороны природы, такъ и со стороны враговъ демократіи. Онъ могъ говорить при невѣроятной жарѣ, при ревѣ бури, отталкивая при этомъ зонтикъ, которымъ пытались защитить его—настоящій рыцарь! Онъ обладалъ большой общительностью: каждый чувствовалъ себя прекрасно въ его обществѣ и восклицалъ: „Какой милый человѣкъ!“ Кромѣ того, примкнувъ къ движенію, онъ выдавалъ себя за богача, и хотя Томасъ Кларкъ заявилъ какъ-то, что въ то время у него „въ буквальномъ смыслѣ слова не было рубашки“ (фактъ нисколько самъ по себѣ не предосудительный) и хотя онъ самъ много разъ безсознательно подтверждалъ это заявленіе, люди были достаточно наивны, чтобы вѣрить, что онъ растратилъ свое состояніе на ихъ дѣло. Однимъ словомъ, они вѣрили всему, что бы онъ ни говорилъ. Въ области логики Джонсъ никогда не занималъ и не старался занять почетнаго мѣста, но у него была счастливая способность придавать софизмамъ видъ логическихъ разсужденій. Огромная увѣренность въ себѣ помогала ему справляться со всякимъ затрудненіемъ, и безъ всякаго смущенія опровергать факты, и этого было вполнѣ довольно, чтобы создать ему видное положеніе. Таковъ былъ человѣкъ, внесшій предложеніе исключить Томаса Купера изъ Конвента. Въ то время никто не могъ бы поколебать довѣрія чартистовъ къ О'Коннору. Это довѣріе росло съ каждымъ днемъ и становилось все крѣпче. Въ ноябрѣ каждую недѣлю основной фондъ увеличивался на двѣсти фунтовъ. Земля и Хартія стали теперь всеоб-

щимъ лозунгомъ. Подготовлялась новая петиція, и Исполнительный Комитетъ собиралъ митинги въ разныхъ городахъ.

Съ новаго года былъ основанъ „The Labourer“ („Земледѣлецъ“)—ежемѣсячный журналъ—для распространенія идей Земельнаго Товарищества. Редакторомъ его были О'Конноръ и Эрнестъ Джонсъ. Въ это время Джошуа Гобсонъ вышелъ изъ „Звѣзды“ и редакторомъ сдѣлался Гарней, а Джонсъ и Флемингъ его постоянными сотрудниками.

Весной по всей странѣ были устроены митинги съ цѣлью поддержать петицію. 24 мая, 1847 года, состоялось открытіе Герингсгетскаго помѣстья, получившаго теперь названіе „О'Коннорвилля“ и члены Общества были разселены по ихъ участкамъ. На открытіе со всѣхъ сторонъ собралась масса народа, кто пѣшкомъ, кто въ экипажахъ. Присутствовали также О'Конноръ и директора, Дж. Р. Куперъ отъ Манчестера и Кокренъ, кандидатъ отъ Вестминстера. Произнесено было много рѣчей сначала на публичномъ митингѣ, а потомъ на собраніи, устроенномъ въ честь открытія. Безъ сомнѣнія, это практическое осуществленіе плана Земельнаго Товарищества способствовало его успѣху. Въ теченіе одной недѣли въ іюлѣ подписка достигла трехъ тысячъ пяти сотъ фунтовъ и скоро послѣ этого въ теченіе той же недѣли было внесено еще пять тысячъ членскихъ взносовъ.

Въ августѣ наступили общіе выборы, вызванные союзомъ виговъ и протекціонистовъ, чтобы разбить Irish Arms Bill, внесенный правительствомъ Пиля и благодаря которому ему пришлось отказаться отъ власти и уступить ее вигамъ. Чартизмъ въ это время казался очень сильнымъ. Безъ сомнѣнія массы, присоединившись къ Земельному Товариществу, желали видѣть нѣкоторыхъ своихъ представителей членами Парламента. Былъ выставленъ цѣлый рядъ кандидатовъ, раздѣлявшихъ принципы чартизма *). Многіе изъ кандидатовъ только появлялись на избирательномъ собраніи, говорили рѣчи и избирались поднятіемъ рукъ. Такъ между прочимъ поступилъ Уэстъ. Онъ говорилъ

*) Денкомбъ и Уоклей снова выступили отъ Финсбери; Фильденъ и Галлидей отъ Ольдгема; Шарменъ Крофордъ отъ Рокдэля; В. Вилльямсъ отъ Ковентри; Д. В. Гарней отъ Мэрильбона; полковникъ Томсонъ отъ Брадфорда; Джозефъ Стерджъ отъ Лидса; Г. Винсентъ отъ Ипсвича; Дж. Гарди отъ Уорчестера; Д. Г. Парри отъ Норвича; д-ръ Баурингъ отъ Больтона; Мюнцъ и Шольфильдъ отъ Бир-

впродолженіе нѣсколькихъ часовъ; и его рѣчь — рѣчь истиннаго государственнаго дѣятеля—произвела сильное впечатлѣніе, и онъ былъ избранъ поднятіемъ рукъ. Такимъ образомъ были избраны Диккенсонъ, Киддъ и В. П. Робертсъ. Но самый сильный успѣхъ заслужила рѣчь Джуліана Гарней, успѣхъ тѣмъ болѣе большой, что его соперникомъ былъ умный, изящный и хитрый Пальмерстонъ. Послѣдній, желая стоять на болѣе твердой почвѣ, просилъ Гарнея говорить первымъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что онъ будетъ нападать на его иностранную политику. Гарней согласился на его просьбу и въ длинной рѣчи сдѣлалъ мастерскую оцѣнку политической карьеры благороднаго виконта. Что его оппоненту было на что отвѣчать, видно изъ того, что его отвѣтная рѣчь продолжалась пять часовъ. Несмотря на невыгоду своего положенія, Гарней былъ избранъ поднятіемъ рукъ, но отказался подвергнуться баллотировкѣ по запискамъ. Денкомбъ и Уоклей были избраны безъ всякой оппозиціи. Галлидей снялъ свою кандидатуру въ Ольдгемѣ. Дж. М. Коббетъ соединился съ Фильденомъ, но противъ нихъ выступилъ Фоксъ; нѣкоторые изъ сторонниковъ Фокса соединились съ нѣкоторыми изъ партій Тори и были выбраны Фоксъ и Денкёфтъ. Въ Рокделѣ Шарменъ Крофордъ не встрѣтилъ оппозиціи; но въ Ковентри В. Вилльямсъ былъ забаллотированъ. Д. В. Гарней отказался выступить въ Мэрильбонѣ, но извѣстный Робертъ Оуэнъ выступилъ отъ чартистовъ и получилъ только всего одну записку. Джорджъ Томсенъ имѣлъ большій успѣхъ, такъ какъ получилъ на двѣ, на три тысячи больше голосовъ, чѣмъ его противникъ. Въ Галифаксѣ друзья Майэля и Джонса соединились между собой, но также поступили друзья сэра Чарльса Ууда, соединившись съ Тори. Эдварсъ получилъ 511, Уудъ 507, Майэль 349 и Джонсъ 280. Въ Дерби Макъ-Грасъ получилъ 216 записокъ противъ 852, полученныхъ Гоуэромъ, который потомъ вмѣстѣ съ Стреттомъ былъ исключенъ изъ депутатовъ за подкупъ. Отъ Брэдфорда былъ избранъ полковникъ Томсонъ, но

мингама; Дж. Вилльямсъ отъ Макльсфильда; д-ръ Эппсъ отъ Нортгемптона; Фиргусъ О'Конноръ отъ Ноттингема; В. П. Робертсъ отъ Блэкберна; Е. Майэль и Эрнестъ Джонсъ отъ Галифакса; Джорджъ Томсонъ отъ Тауэръ Гамлетса; П. Макъ-Грасъ отъ Дерби; Томасъ Кларкъ отъ Шеффильда; Дж. Дж. Гарней отъ Тивертона; С. Киддъ отъ Гринвича; Т. Диккенсонъ отъ Саусъ-Шильдса; Джонъ Уэстъ отъ Стокпорта.

Стерджу не посчастливилось въ Лидсѣ; тѣмъ менѣе ему удалось собрать 1.980 голосовъ противъ 2.186, полученныхъ вліятельнымъ М-ромъ Маршалемъ который и былъ избранъ депутатомъ. Въ Шеффильдѣ Томасъ Кларкъ получилъ 326 противъ 1.110. Друзья Винсента энергично боролись за его избраніе въ Ипсвичѣ и собрали 546 голосовъ противъ 708. Въ Норвичѣ Парри получилъ 1.572 противъ 1.727; тогда какъ въ Бирмингамѣ Мюнцъ и Шольфильдъ, а въ Больтонѣ д-ръ Баурингъ были выбраны съ тріумфомъ. Въ Нортгемптонѣ д-ръ Эппсъ получилъ 140 голосовъ противъ 852. Въ Макльсфильдѣ былъ избранъ Джонъ Вилльямсъ. Но самое большое торжество и самую большую радость доставили чартистамъ выборы въ Ноттингемѣ. Когда О'Конноръ заявилъ, что ставитъ тамъ свою кандидатуру, только очень немногіе надѣялись на его избраніе и можно себѣ представить восторгъ и торжество чартистовъ, когда стало извѣстно, что онъ побѣдилъ министра Виговъ, сэра Джона Кемъ Гобгауза, получивъ 1.257 голосовъ, тогда какъ у Гобгауза было всего 893. Это было вершиной славы О'Коннора; казалось, все улыбалось ему, оппозиція только усиливала его власть. На выборахъ его ирландскія шутки насчетъ его соперника вызывали взрывы смѣха.

Въ концѣ августа въ Лаулендсѣ, во вновь купленномъ Товариществомъ помѣстьѣ, собралась вторая земельная конференція. Были выбраны тѣ же директора, за исключеніемъ Уилера, который отказался и былъ замѣненъ Вилльямомъ Диксономъ. Чартистскій Исполнительный Комитетъ составляли тѣ же лица. Въ это время общій фондъ Земельнаго Товарищества составлялъ около 50.000 фунтовъ. О'Конноръ не сомнѣвался въ успѣхѣ. Онъ намѣревался издавать ежедневную газету „Демократъ", но потомъ отказался отъ этой мысли.

Въ послѣдній понедѣльникъ августа былъ устроенъ обѣдъ въ честь Джоржа Томсона, на которомъ присутствовали О'Конноръ, Винсентъ и многіе другіе. Первый произнесъ при этомъ случаѣ одну изъ своихъ самыхъ характерныхъ рѣчей. На этой же недѣлѣ состоялся большой публичный митингъ въ Эдинбургѣ въ честь чартистскихъ избирателей, а вскорѣ послѣ того былъ устроенъ публичный обѣдъ, на которомъ присутствовало двѣсти человѣкъ и затѣмъ огромный митингъ въ гостинницѣ „Корона и Якорь" въ Лондонѣ въ честь недавняго чартистскаго торжества; но на этомъ митингѣ изъ избранныхъ депутатовъ присутствовалъ

только О'Конноръ, да еще одинъ изъ потерпѣвшихъ неудачу кандидатовъ средняго класса докторъ Эппсъ, который къ тому же не имѣлъ успѣха и на митингѣ. Главными ораторами были Робертсъ, Макъ-Грасъ, Эрнестъ Джонсъ, Фиргусъ О'Конноръ и Джуліанъ Гарней. Въ это время О'Конноръ велъ агитацію съ цѣлью собрать подписи членовъ Земельнаго Товарищества подъ документами, необходимыя ему, какъ онъ говорилъ, для регистраціи Товарищества.

Въ то время, какъ чартизмъ, казалось, все разростался въ Англіи, а въ Ирландіи энергично дѣйствовала партія Мачеля, на континентѣ событія тоже начали принимать значительный характеръ. Направленіе Пія IX въ Италіи преисполнило надеждами сторонниковъ демократіи, и въ октябрѣ 1847 года въ восточномъ институтѣ Лондона былъ устроенъ митингъ, съ цѣлью выразить одобреніе Папѣ за его демократическое направленіе. На этомъ митингѣ присутствовали Эрнестъ Джонсъ, Бронтеръ О'Брайенъ и другіе представители движенія. Въ то же время очень успѣшно собирались подписи подъ Національной Петиціей, и О'Конноръ заявилъ, что къ тому времени, какъ петицію надо будетъ представить въ Парламентъ, онъ соберетъ 5.000.000 подписей. „Земля, земля, земля“, этотъ лозунгъ продолжалъ быть лозунгомъ тысячей; этотъ лозунгъ переходилъ изъ устъ въ уста, и власть О'Коннора все возростала.

Агитація не ограничивалась теперь одними чартистскими рабочими. Она начала дѣйствовать и въ деревенскихъ приходахъ среди людей, никогда раньше не помышлявшихъ о какихъ бы то ни было соціальныхъ завоеваніяхъ. Проектъ былъ очень увлекателенъ. Прекрасный коттеджъ, четыре акра земли, тридцать фунтовъ для устройства всего этого, съ предварительнымъ взносомъ четырехъ-пяти фунтовъ, четырехъ шиллинговъ,—какъ легко доставался имъ этотъ земной рай! Люди, которые едва сводили концы съ концами на девять—десять шиллинговъ въ недѣлю со своими семьями, были въ восторгѣ. Для того чтобы собрать пять фунтовъ, имъ нужно было бы употребить почти всю жизнь на самую тяжелую работу. Теперь всѣ жалкія сбереженія этой работы шли на земельную лоттерею, благодаря которой они надѣялись собрать милліоны. Директора разъѣзжали по всей странѣ. Докторъ М'Дуэль, Джонъ Уэстъ и Самуэль Киддъ были главными лекторами.

Послѣдній изъ нихъ былъ родомъ изъ Шотландіи и, подобно Томасу Куперу, занимался башмачнымъ ремесломъ. Впервые онъ появился передъ публикой во время конференціи Стерджа, на которую былъ выбранъ отъ чартистовъ Глазго на публичномъ митингѣ. Молодой и восторженный, онъ принадлежалъ въ то время къ школѣ О'Коннора. Онъ выдвинулся еще больше послѣ конференціи, выступивъ противникомъ Джонса Вилльямса при публичномъ обсужденіи въ Сендерландѣ тактики великаго учителя Кидда. Оба оратора обнаружили большой тактъ и большое искусство, но Киддъ побѣдилъ своего противника по мнѣнію большинства, и въ слѣдующемъ номерѣ „Звѣзды" объ его побѣдѣ было объявлено въ отчетѣ, начинавшемся такъ: „Пораженіе всѣхъ разбойниковъ всѣмъ составомъ чартистской бригады въ Сендерландѣ!" По первому впечатлѣнію изъ этого можно было заключить, что осуществленіе Хартіи было совсѣмъ близко, и мы были крайне разочарованы, когда прочли весь отчетъ и узнали, что такъ называемое „пораженіе разбойничьей партіи" было ни что иное, какъ раздоръ среди самихъ чартистовъ. Какъ лекторъ, Киддъ обладалъ большой силой и легкостью слова, и всѣ его рѣчи носили отпечатокъ большого ума. Но въ немъ была какая-то чопорность, своего рода высокомѣріе, чопорность, не располагавшая въ его пользу аудиторію. На самомъ дѣлѣ онъ не былъ такимъ. Въ частномъ кружкѣ рѣдко можно было встрѣтить болѣе общительнаго и симпатичнаго человѣка, чѣмъ Самуэль Киддъ.

Но О'Коннору не дано было идти безпрепятственно къ осуществленію его плана. „Депеша", „Ллойдская Газета", „Манчестерскій Изслѣдователь" „Ноттингемскій Меркурій" и „Ноттингемская газета" сильно нападали на него. Въ „Манчестерскомъ Изслѣдователѣ" появилась цѣлая серія писемъ за подписью: „Одинъ изъ тѣхъ, кто ходилъ за плугомъ". Авторомъ былъ Александръ Сомервилль, старый солдатъ, дѣло котораго вызвало большое сочувствіе къ нему нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ намекнулъ, что Гобсонъ, бывшій издатель „Звѣзды", имѣлъ нѣкоторое прикосновеніе къ Земельному Товариществу. Гобсонъ напечаталъ объясненіе въ „Манчестерскомъ Изслѣдователѣ", но въ этомъ объясненіи задѣлъ честность О'Коннора, обвиняя его, говоря словами самого О'Коннора, въ томъ, что тотъ „похитилъ 500 фунтовъ". Гобсонъ обвинялъ его также въ томъ, что тотъ будто-бы поддѣлалъ книги съ цѣлью насчитать 2.000 ф. долгу

за Клпвомъ и употреблялъ деньги Земельнаго Товарищества для своихъ личныхъ цѣлей. Онъ утверждалъ также, что О'Конноръ часто занималъ у Ардилля, своего секретаря и у него самого, для того чтобы поддержать „Сѣверную Звѣзду". О'Конноръ вызвалъ Гобсона на публичный митингъ въ Манчестерѣ. Но послѣдній не согласился выступить передъ этимъ судомъ, но предложилъ ему собрать отъ каждаго равное количество лицъ для разсмотрѣнія дѣла. О'Конноръ не согласился на это и рѣшилъ собрать публичный митингъ, не обращая вниманіе на отказъ Гобсона. Митингъ состоялся въ Залѣ Наукъ, вмѣщавшемъ въ себѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ. Залъ былъ переполненъ и кромѣ того тысячи остались у дверей на улицѣ и слушали рѣчи М'Дуэля и Уэста. Какъ мало подобнаго рода судилище было способно рѣшать вопросы объ отчетахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго описанія этого митинга въ „Звѣздѣ":

„Ни словомъ, ни перомъ нельзя описать пріема, который ему оказали, когда онъ явился на платформѣ. Это былъ не только энтузіазмъ, но это было безуміе, бѣшенство, которое нельзя выразить".

О'Конноръ говорилъ въ теченіе трехъ часовъ, и толпа, собравшаяся въ залѣ была такъ велика, что репортеры могли пробраться туда только черезъ окна. Онъ, въ свою очередь, обвинялъ въ нечестности Гобсона и Ардилля и прочиталъ письма, полученныя имъ отъ Ардилля за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ которыхъ тотъ обвинялъ Гобсона въ мошенничествѣ, но которымъ онъ (О'Конноръ) не придалъ тогда значенія. Онъ заявилъ затѣмъ, что въ то время какъ „Звѣзда" расходилась въ количествѣ 43.000 экземпляровъ въ недѣлю, доходы съ нея, когда дѣла велись этими господами, не оплачивали даже издержекъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ становился все бѣднѣе, они все богатѣли. Затѣмъ онъ обвинилъ ихъ также и въ поддѣлкѣ отчетовъ. Онъ сослался на Виллььяма Райдера, показавшаго, что они дѣйствительно обманывали О'Коннора. Райдеръ былъ спрошенъ, почему онъ раньше не открылъ всего этого О'Коннору. Райдеръ отвѣчалъ на это 1) что ничто не могло бы поколебать довѣрія О'Коннора къ этимъ лицамъ, 2) что О'Конноръ никогда не сталъ бы слушать жалобы одного служащаго на другого; 3) что его могли заподозрѣть въ томъ, что онъ хочетъ занять ихъ мѣсто. Но врядъ ли можно себѣ представить, что О'Коннора можно было дѣйстви-

тельно такъ обмануть. Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не будетъ въ состояніи повѣрить, чтобы „Сѣверная Звѣзда“, расходившаяся въ количествѣ сорока трехъ тысячъ экземпляровъ въ недѣлю, не могла бы оплатить своихъ расходовъ, и мы склонны думать, что въ данномъ случаѣ онъ также преувеличивалъ, какъ и всегда. Если бы же въ самомъ дѣлѣ онъ былъ такъ довѣрчивъ, какъ онъ говорилъ, то ни одно общественное учрежденіе не должно было бы довѣрять большихъ суммъ человѣку до такой степени не способному управлять своими собственными дѣлами. Огромный митингъ постановилъ выразить довѣріе О'Коннору. Что довѣріе дѣйствительно существовало, можно было видѣть изъ того, что на платформу была положена тысяча фунтовъ. Всѣ обвиненія Гобсона ни на минуту не поколебали довѣрія народа къ О'Коннору. Толпа оправдала его еще прежде, чѣмъ онъ произнесъ хоть одно слово въ свою защиту. Они пришли на митингъ не для того, чтобы быть безпристрастными судьями, а чтобы устроить тріумфальную встрѣчу тому, на кого они смотрѣли, какъ на побѣдителя. О'Конноръ былъ увѣренъ въ этомъ и онъ шелъ на битву, какъ смѣлый побѣдитель. Изъ Манчестера онъ отправился въ Ноттингемъ, гдѣ тоже былъ устроенъ публичный митингъ, на который онъ пригласилъ Тома Байлея, издателя „Ноттингемскаго Меркурія“ („Nottingham Mercury“). Байлей, подобно Гобсону, отклонилъ это приглашеніе на томъ основаніи, что на митингѣ ему не дадутъ возможности высказаться. Но онъ тоже предложилъ собрать аудиторію съ равнымъ количествомъ приглашенныхъ съ обѣихъ сторонъ, на что О'Конноръ не согласился. Само собой разумѣется, что О'Конноръ и здѣсь всѣхъ привлекъ на свою сторону. Послѣ публичнаго митинга Гобсонъ помѣстилъ въ „Манчестерскомъ Изслѣдователѣ“ письмо, въ которомъ старался доказать, что до основанія „Сѣверной Звѣзды“ О'Конноръ былъ бѣденъ. О'Конноръ отвѣтилъ ему въ своей собственной газетѣ по нѣкоторымъ пунктамъ удовлетворительно, по другимъ— нѣтъ. Онъ заявилъ, что вѣрность его словъ могутъ подтвердить три лица; но всѣ эти лица находились въ зависимости отъ него. Это были Макъ-Гоуенъ—его типографъ; Флемингъ и Гарней — оба его редактора. Что касается предложенія О'Коннора его обвинителямъ выступить совмѣстно съ нимъ на публичномъ митингѣ, какъ было упомянуто выше, то, само собой разумѣется, ни одного человѣка, выступающаго противъ О'Коннора, не стали

бы слушать. Къ нему отнеслись бы такъ же, какъ отнеслись къ Вилльяму Аштону въ Барнслеѣ во время пребыванія тамъ О'Коннора. Когда всталъ Аштонъ, чтобы изложить свои обвиненія противъ О'Коннора по дѣлу Фроста, поклонники О'Коннора не дали ему говорить, и это былъ, выражаясь слогомъ О'Коннора, „честный общественный вердиктъ“.

ГЛАВА XI.

Демократія въ Европѣ.

Съ чувствомъ отвращенія оставляемъ мы всѣ эти дѣла, чтобы обратиться къ болѣе животрепещущимъ вопросамъ. Становилось несомнѣннымъ, что новая жизнь начинаетъ воодушевлять народы почти каждой европейской страны, что близки великія и бурныя событія. „Сѣверная Звѣзда" отъ 4 декабря содержитъ отчеты о банкетахъ въ пользу реформъ, устроенныхъ во Франціи, въ Лилѣ, Авенѣ и въ Валансьенѣ. Около этого же времени былъ устроенъ митингъ въ Лондонѣ въ память польской революціи. Всѣ эти происшествія усилили демократическій духъ въ Англіи. Ирландія была наканунѣ возстанія. Организація развивалась. О'Коннoръ поднялъ вопросъ о союзѣ между двумя странами въ Палатѣ Общинъ и внесъ предложеніе объ утвержденіи слѣдственнаго комитета, но не смотря на его очень талантливую рѣчь, его поддержали только двадцать три голоса. Въ Лондонѣ былъ устроенъ большой публичный митингъ, съ цѣлью возстановленія справедливости въ Англіи и въ Ирландіи и организаціи союза между демократами обѣихъ странъ. Въ Палатѣ Общинъ правительство вело дѣятельную агитацію, чтобы заставить принять другой принудительный законъ для Ирландіи. О'Коннoръ возставалъ противъ него въ каждомъ засѣданіи, но законъ все же былъ принятъ, такъ какъ при третьемъ чтеніи противъ него высказалось только четырнадцать голосовъ. Въ Италіи также быстро развертывались событія. Въ Палатѣ Лордовъ лорда Минто, члена правительства, обвиняли въ томъ, что онъ способствовалъ дѣлу итальянской свободы въ Римѣ, но правительство, признавъ это, приняло его подъ свою защиту. Къ концу декабря, 1847 года, въ

Лондонѣ и во многихъ провинціяхъ состоялись большія собранія. Въ Лондонѣ ораторами выступали Джуліанъ Гарней, Эрнестъ Джонсъ, Карлъ Шапперъ (нѣмецъ) и Джонъ Скельтонъ. Въ Шотландіи тоже началось движеніе. Въ Эдинбургѣ былъ устроенъ большой митингъ, на которомъ было рѣшено основать „Еженедѣльный Курьеръ“ („Weekly Express“), для пропаганды демократическихъ идей. Въ Дублинѣ начинали пріобрѣтать большую силу конфедералисты или партія Митчелля. Джемсъ Личъ отправился туда въ январѣ, 1847 года, произнесъ тамъ рѣчь членамъ этой партіи и между ними и чартистами возникли дружескія отношенія. Въ Лондонѣ теперь часто собирались большія собранія въ пользу Хартіи и подписи подъ петиціями все увеличивались въ числѣ. О'Конноръ посѣтилъ Бирмингамъ, гдѣ состоялся большой митингъ въ Городской Думѣ подъ предсѣдательствомъ совѣтника Бальдуина. Митингъ прошелъ съ большимъ успѣхомъ. О'Конноръ въ это время казалось былъ весь возбужденіе; каждую недѣлю онъ обращался съ письмами посредствомъ „Сѣверной Звѣзды“ къ „Рабочимъ Курткамъ“, „Мозолистымъ рукамъ“ и „Небритымъ подбородкамъ“, къ „Старой гвардіи“, къ „Императорскимъ Чартистамъ“, которыхъ онъ иногда третировалъ, какъ своихъ подданныхъ и подписывался въ своихъ письмахъ „Feargus Rex.“, въ знакъ своего королевскаго достоинства. 2-го февраля въ Національномъ Залѣ, въ Гольборнѣ былъ устроенъ вечеръ въ честь Денкомба, Уэкли и О'Коннора. Два первые не могли пріѣхать по случаю нездоровья и на митингѣ говорили рѣчи предсѣдатель Эрнестъ Джонсъ, Макъ-Грасъ, Гарней, Диксонъ, О'Конноръ и другіе ораторы, вызвавшіе большой энтузіазмъ въ своихъ слушателяхъ. Около этого же времени Джонсъ говорилъ на огромномъ собраніи въ Галифаксѣ, гдѣ его пылкія слова встрѣтили самое горячее сочувствіе. Приближающійся банкетъ въ Парижѣ, который долженъ былъ быть предвѣстникомъ революціи, вызывалъ большой интересъ въ англійскихъ демократахъ.

Французское правительство рѣшило подавить движеніе въ пользу реформы, и адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь отмѣчалъ этотъ фактъ. Оппозиція была тѣмъ не менѣе очень сильна и имѣла на своей сторонѣ сто восемьдесятъ пять голосовъ противъ двухсотъ двадцати восьми. Извѣстія объ этой борьбѣ между сторонниками министерства и оппозиціей вызывали большое возбужденіе; было очевидно, что борьба должна кончиться кризисомъ. Этотъ

кризисъ разрѣшился черезъ нѣсколько дней ниспроверженіемъ трона и объявленіемъ республики.

Извѣстіе о французской революціи вызвало панику среди представителей деспотизма и наполнило надеждами демократовъ.

Враги О'Коннора внесли протестъ противъ его избранія, на томъ основаніи, что у него не было достаточнаго ценза. Въ Лондонѣ былъ собранъ большой митингъ для защиты его правъ. Предсѣдательствовалъ Спуэль; говорили рѣчи Кларкъ, Кеффей, Гарней, Стольудъ и Джонсъ. Было собрано съ этой цѣлью около четырехсотъ фунтовъ, и протестъ былъ взятъ назадъ. На этой же недѣлѣ состоялся еще большой митингъ въ Лондонѣ, въ память краковскаго возстанія. Докторъ М'Дуэль быстро объѣхалъ Шотландію, произнося рѣчи на большихъ митингахъ; Киддъ объѣхалъ Іоркширъ, а Уэстъ воодушевлялъ демократовъ въ окрестностяхъ Ньюкастля-на-Тайнѣ. Было рѣшено послать парижскому народу адресъ, принятый въ одно и то же время Комитетомъ Національной Чартистской Ассоціаціи, Демократическимъ Братствомъ, Совѣтомъ Чартистскихъ Делегатовъ и публичнымъ митингомъ въ залѣ Германскаго Общества, Друри-Ленѣ. На слѣдующей недѣлѣ въ газетахъ появилось извѣстіе, что французскій народъ призналъ республику, и чартизмъ сдѣлался сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

2-го марта состоялось бурное собраніе въ Ламбетѣ; присутствовало тысяча человѣкъ. Залъ былъ такъ переполненъ, что Комитетъ съ трудомъ могъ пробраться къ платформѣ. На митингахъ произнесли длинныя рѣчи: Джонсъ, Грасби, Гарней, Зонаковскій (полякъ), Кларкъ, Диксонъ, О'Конноръ и другіе ораторы. Была принята резолюція, протестовавшая противъ вмѣшательства англійскаго правительства въ дѣла французской республики. Былъ прочитанъ и принятъ адресъ французскому народу, а Джонсъ, Макъ-Грасъ и Гарней были выбраны депутатами для представленія этого адреса временному правительству. За этимъ митингомъ на той же недѣлѣ послѣдовали другіе. Въ закрытыхъ помѣщеніяхъ больше нельзя было собираться, такъ какъ залы не могли вмѣстить десятки тысячъ народа. Огромные митинги устраивались подъ открытымъ небомъ въ самомъ Лондонѣ, и на нихъ говорили обычные ораторы.

Въ понедѣльникъ, 6-го марта на Трафальгарскомъ скверѣ, состоялся публичный митингъ, съ цѣлью требовать или отмѣны

покровительственныхъ пошлинъ, или же немедленной отставки кабинета. Собраніе было созвано Чарльсомъ Кокреномъ и служило выраженіемъ интересовъ средняго класса. Тѣмъ не менѣе митингъ былъ признанъ незаконнымъ, и Кокренъ предупредилъ о томъ, что онъ не состоится. Но не смотря на это собралось масса народа, объявленіе о незаконности митинга было разорвано на куски и предсѣдателемъ избранъ Рейнольдсъ. Рейнольдсъ до этого времени не былъ извѣстенъ какъ политическій ораторъ, хотя и пользовался большой извѣстностью, какъ авторъ многихъ романовъ. Но онъ не относился равнодушно къ политическимъ дѣламъ и въ продолженіи многихъ лѣтъ состоялъ однимъ изъ сотрудниковъ „Депеши". Онъ велъ литературный отдѣлъ этой газеты, а также и иностранный. Читатели „Депеши" того періода помнятъ, можетъ быть, суровыя статьи о Людовикѣ Филиппѣ, появившіяся подъ заглавіемъ „Иностранныя извѣстія". Эти статьи принадлежали перу Рейнольдса. Онѣ обнаруживали близкое знакомство съ французской политикой и республиканскія стремленія автора. За нѣсколько времени до французской революціи въ этихъ статьяхъ было предсказано быстрое паденіе Людовика Филиппа. Рейнольдсъ въ концѣ концовъ вышелъ изъ „Депеши", такъ какъ многія статьи появлявшіяся тамъ, были діаметрально противоположны его собственнымъ; и изъ боязни, что ихъ тоже будутъ приписывать ему, такъ какъ онѣ печатались въ той-же газетѣ, онъ оставилъ очень выгодное для него сотрудничество въ „Депешѣ". Революція и періодъ политическихъ возбужденій выдвигаетъ многихъ лицъ, которыя иначе остались бы въ неизвѣстности. Митингъ въ Трафальгарскомъ скверѣ былъ золотымъ случаемъ для Рейнольдса. Чарльсъ Кокренъ струсилъ и оставилъ свой постъ. Всякій, кто занялъ бы его мѣсто, несмотря на запрещеніе правительства, заслужилъ бы репутацію мужественнаго человѣка; кромѣ того никто не зналъ, чѣмъ могло кончиться бурное движеніе, охватившее не только Англію, но и всю Европу. Мужественный и твердый образъ дѣйствій въ надлежащій моментъ могъ привести къ высокому государственному положенію,—напримѣръ если-бы англійскіе чартисты пошли по слѣдамъ своихъ парижскихъ собратій,—а при возбужденномъ состояніи страны нельзя никогда предсказать, можетъ или нѣтъ всеобщее неудовольствіе привести къ революціи. Положеніе народа было ужасное, и рабочіе почти не могли существо-

вать. Голодъ глядѣлъ изъ глазъ тысячей, доведенныхъ нищетой почти до отчаянія.

Рейнольдсъ все время занималъ предсѣдательское мѣсто; произносились рѣчи противъ ввозной пошлины, за французскую революцію и за Хартію. Когда рѣчи кончились, собравшаяся многотысячная толпа разразилась громкими рукоплесканіями въ честь парижскаго народа и Народной Хартіи. Митингъ разошелся мирно. Огромная толпа сопровождала предсѣдателя до его дома на Веллингтонской улицѣ, гдѣ онъ, среди громкихъ рукоплесканій, произнесъ еще рѣчь съ балкона своего дома. Но другая часть народа не была такъ счастлива. Нѣкоторые сытые представители болѣе счастливаго класса позволили себѣ сдѣлать нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній, упрекая народъ, посѣщавшій митинги, въ лѣни. Эта дерзость вывела изъ себя народъ, и негодованіе его вышло немного изъ границъ. Это со своей стороны послужило предлогомъ для полиціи, она начала силой разгонять толпу и обнаружила при этомъ большую грубость. Народъ сталъ защищаться и принудилъ полицію отступить, но къ ней сейчасъ-же пришло подкрѣпленіе, въ концѣ концовъ народъ былъ разбитъ, и многіе раненые попали въ госпиталь. Вечеромъ тѣмъ не менѣе собралась большая толпа и съ криками: „Ко дворцу!“ направилась къ Букингамскому дворцу. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, къ толпѣ присоединилось много негодяевъ, которые стали разбивать фонари и окна и даже требовать хлѣба у булочниковъ и пива у кабатчиковъ. Потомъ толпа отправилась въ Трафальгарскій скверъ и затѣмъ мирно разошлась. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней снова собиралась толпа и снова происходили столкновенія съ полиціей: но все кончилось безъ всякихъ серьезныхъ инцидентовъ.

Въ провинціяхъ событія стали принимать угрожающій характеръ. Въ Глазго царствовала самая ужасная нищета. 6-го марта произошло серьезное возстаніе. Безработные ожидали раздачи пищи, но обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Мучимые голодомъ и придя въ ярость отъ своего жестокаго разочарованія, они пошли по главнымъ улицамъ, разбивая оружейныя и колоніальныя лавки. Но только воры и имъ подобные брали больше того, чѣмъ требовала необходимость. Всѣ дѣла остановились, лавки были заперты, и народъ останавливался крича: „Хлѣбъ или революція!“ Полиція оказалась безсильной и пришлось вызвать военныя силы. Былъ прочитанъ актъ о мятежѣ, но въ это время другія толпы

народа собирались въ другихъ мѣстахъ и входили въ лавки съ провизіей, требуя хлѣба. Возбужденіе становилось настолько сильно, что власти послали въ Эдинбургъ за подкрѣпленіемъ. На слѣдующій день народъ собрался въ Бриджитонѣ, гдѣ стояла наготовѣ вооруженная милиція. Какой-то мальчикъ бросилъ комкомъ грязи въ одного изъ милиціонеровъ. Онъ былъ арестованъ. Народъ бросился освобождать его, и тогда капитанъ Смартъ, начальникъ полиціи, велѣлъ стрѣлять. Въ результатѣ было ранено пять человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые умерли тутъ же. Войска разъѣзжали по улицамъ, на которыхъ продолжалъ толпиться народъ, и всѣ общественныя учрежденія находились подъ строгой охраной. Въ Манчестерѣ народъ собрался противъ Работнаго дома и потребовалъ освобожденія его обитателей. Явилась въ большомъ числѣ полиція, но ей удалось разогнать толпу, послѣ четырехъ часовой усиленной борьбы, только къ семи часамъ вечера. Поздно вечеромъ народъ напалъ на полицейскій участокъ, въ Ольдгемской улицѣ, затушилъ фонари, разрушилъ палатки на Сильдфильскомъ рынкѣ, вооружился шестами и напалъ на полицію. Войска держали оружіе наготовѣ, а представители власти все время засѣдали въ Городской Думѣ, готовые къ энергичнымъ дѣйствіямъ въ случаѣ возстанія.

6-го марта О'Конноръ пріѣхалъ въ Генлей на фарфоровые заводы. Шумная процессія сопровождала его по городу. Въ Крытомъ рынкѣ былъ устроенъ чай, на которомъ присутствовало двѣ тысячи человѣкъ. Послѣ чая былъ впущенъ народъ, причемъ собралось не менѣе семи тысячъ человѣкъ, и великій представитель чартизма обратился къ нимъ съ рѣчью. Ньюкастль, Демифрисъ, Сендерландъ, Базъ, Ноттингемъ и многіе другіе города выражали свое сочувствіе парижскому народу. Устраивались публичные митинги, демократическая искра, казалось, зажгла всѣ сердца. Въ Карлейлѣ произошли выборы въ городскіе представители. Чартисты выставили доктора М'Дуэля, получившаго огромное количество голосовъ при баллотировкѣ поднятіемъ рукъ. Но при подачѣ голосовъ по запискамъ онъ получилъ пятьдесятъ пять—противъ четырехъ сотъ четырнадцати. Эту избирательную комедію нельзя не отмѣтить для того, чтобы показать потомству огромную разницу между классами избирателей и не избирателей просвѣщеннаго XIX столѣтія. Въ Дублинѣ Джонъ Мичель началъ издавать газету подъ названіемъ „United Irishman" („Союзный

Ирландецъ“). Онъ дышалъ местью противъ англійскаго правительства и призывалъ къ уличному возстанію, говоря, что каждая женщина можетъ быть солдатомъ, бросая бутылки, всякіе другіе предметы и даже купоросъ въ солдатъ. Исполнительный Комитетъ чартистовъ назначилъ собраніе Конвента въ Лондонѣ на 3-ье апрѣля. На слѣдующей недѣлѣ волненіе не прекратилось. Въ Кеннингтонѣ, 13-го марта, собрался большой митингъ; присутствовало около двадцати тысячъ человѣкъ; четыре тысячи полицейскихъ были наготовѣ, восемьдесятъ изъ нихъ, вооруженные саблями и пистолетами, были на лошадяхъ и ради развлеченія скакали кругомъ митинга. Масса полицейскихъ находилась на самомъ митингѣ, одѣтые въ статское платье. Были призваны также спеціальные констебли. Оружейнымъ мастерамъ власти предложили развинтить дула у огнестрѣльныхъ орудій, а продавцамъ пороха и патроновъ было приказано продавать его съ большой осмотрительностью. На платформѣ, на которой собрались ораторы, красовалось трехцвѣтное знамя. Предсѣдательствовалъ Рейнольдсъ и говорили рѣчи: Макъ-Грасъ, Вилльямсъ, Кларкъ, Диксонъ и Эрнестъ Джонсъ, произнесшій одну изъ своихъ лучшихъ рѣчей. Митингъ единогласно принялъ Хартію. Въ тотъ же самый вечеръ въ South London Hall на Блекфрейерской улицѣ устроилось другое большое собраніе, подъ предсѣдательствомъ Стальуда. Говорили рѣчи Кларкъ, Диксонъ, Фоссель, Роджерсъ, Макъ-Грасъ, Капитанъ Ачерлей и другіе и такъ же какъ на предыдущемъ митингѣ была принята Хартія. 14-го собрался большой митингъ въ Институтѣ на улицѣ Джонъ для того, чтобы выслушать отчетъ парижской депутаціи. Гарней былъ задержанъ болѣзнью въ Парижѣ и присутствовали Джонсъ и Макъ-Грасъ. Предсѣдательствовалъ Дж. Шау. Джонсъ въ своей рѣчи въ комическомъ видѣ изобразилъ военныя силы британскаго правительства, говоря, что въ Англіи не можетъ быть борьбы, такъ какъ бороться не съ кѣмъ; съ такимъ же успѣхомъ можно было бы бороться съ своей собственной тѣнью. Макъ-Грасъ произнесъ также очень сильную рѣчь, Стальудъ сообщилъ митингу, что Барклей и Перкинсъ заставили своихъ рабочихъ вступить въ спеціальные констебли для того, чтобы разбивать головы своимъ товарищамъ и просилъ митингъ не пить ихъ пиво. Предложеніе его было встрѣчено громкими аплодисментами, и митингъ окончился привѣтственными криками въ честь делегатовъ парижской республики, Народной Хартіи и „Сѣверной Звѣзды“.

15-го марта состоялся митингъ въ Блекхизѣ и, хотя власти употребляли всѣ средства, чтобы напугать народъ, и во все время митинга потоками лилъ дождь, народъ, тѣмъ не менѣе, оставался до конца и выразилъ свое сочувствіе Хартіи. Въ Престонѣ О'Конноръ былъ приглашенъ 14-го марта на чай, на которомъ присутствовало шестьсотъ человѣкъ. Онъ говорилъ главнымъ образомъ о своемъ Земельномъ Товариществѣ. Въ Бирмингамѣ былъ устроенъ большой митингъ въ Городской Думѣ для поддержки Хартіи. Предсѣдательствовалъ Бальдуинъ, говорили рѣчи Блеклендъ Коркенъ, Уэстонъ, Стерджъ, Коллинсъ, Месонъ и другіе ораторы. На митингѣ царило самое лучшее настроеніе. Въ воскресеніе, 12-го марта, на Пипгринѣ собрались тысячи жителей Уэстрайдинга въ Іоркширѣ; имъ говорили рѣчи Киддъ, Шау изъ Лидса и другіе ораторы. На митингѣ развѣвалось знамя республики и были приняты резолюціи не отступать отъ Хартіи. Въ Манчестерѣ, Бредфортѣ, Ипсвичѣ, Базѣ, Саусшильдсѣ, Стокпортѣ, Шеффильдѣ и въ другихъ мѣстахъ также устраивали большіе народные митинги. Въ Шильдсѣ состоялись два митинга, причемъ на послѣднемъ было десять тысячъ человѣкъ. Главнымъ ораторомъ былъ Уэстъ. Въ Шеффильдѣ собралось пятнадцать тысячъ человѣкъ; предсѣдательствовалъ Айронсайдсъ. Войско было наготовѣ, но все прошло вполнѣ мирно, и предсѣдателю было поручено посѣтить Парижъ, чтобы принести поздравленіе временному правительству. На этой же самой недѣлѣ О'Конноръ получилъ разрѣшеніе внести въ Палату Билль объ утвержденія его Земельнаго Товарищества.

17-го марта состоялось большое собраніе въ Манчестерѣ для единенія между чартистами и ирландскими автономистами. Несмотря на то, что для входа на митингъ надо было уплатить отъ одного шиллинга до двухъ пенсовъ, густая толпа народа наполнила залъ, въ которомъ могло вмѣститься девять тысячъ человѣкъ. На митингъ ожидали Смита О'Брайена, ч. п. и Джона Мичеля, но они не пріѣхали, и рѣчи говорили Личъ, Арчдиконъ, О'Конноръ, Робертсъ, Микаэль Догени и Т. Ф. Мигеръ, который поддерживалъ резолюцію объ уничтоженіи единаго парламента. Поздравительный адресъ французскому народу былъ принятъ собраніемъ восторженными рукоплесканіями. За этимъ митингомъ, въ субботу, послѣдовалъ большой вечеръ въ залѣ Городской Думы, украшенной знаменами и другими эмблемами демократіи. Присутствовав-

шіе сѣли за чай, послѣ котораго Деннъ, председатель предыдущаго митинга, снова былъ избранъ предсѣдателемъ, а Робертсъ, Финникенъ, О'Конноръ, Догени и другіе произнесли горячія рѣчи. Были выражены самыя демократическія чувства, и собраніе разошлось среди оглушительныхъ возгласовъ за Хартію и за отмѣну единаго Парламента.

Въ воскресеніе, 19-го марта, собрался другой митингъ по тому же самому поводу, въ дикомъ мѣстечкѣ, называемомъ Ольдгемъ-Эджъ, на разстояніи мили отъ города. Толпы народа стекались со всѣхъ сторонъ изъ окружающихъ предмѣстій. По мнѣнію О'Коннора собралось не менѣе четверти милліона. Но какъ только всѣ собрались, нависли тяжелыя облака и полилъ дождь, сопровождаемый рѣзкимъ вѣтромъ. Потомъ погода немного прояснилась, и предсѣдателемъ былъ выбранъ Ричардъ Пиллингъ. Онъ заявилъ митингу, что если они рѣшили провести Хартію, то они должны быть готовы встрѣтиться съ гораздо большими непріятностями, чѣмъ дождь. Затѣмъ говорили рѣчи Личъ, Догени, О'Конноръ, Донованъ, Ранкинъ, Веббъ и Дж. Р. Куперъ. О'Конноръ сказалъ:

„Сегодня священный день, и мы защищаемъ священное дѣло. Пусть каждый изъ васъ обнажитъ голову и поклянется со мною передъ открытымъ небомъ, никогда не оставлять этого дѣла, покуда не будетъ завоевана свобода".

Всѣ присутствующіе сняли шляпы, и тогда О'Конноръ продолжалъ:

„Развѣ это не дисциплина? Развѣ можетъ приказъ быть исполненъ съ большею быстротою? Если изъ Ирландіи придутъ мрачныя, черныя и кровавыя вѣсти, то я не ограничу свою защиту Ирландіи только одной Палатой Общинъ".

Были приняты единогласно резолюціи за Хартію и за отмѣну единаго Парламента.

Въ Лондонѣ также велась сильная агитація. 12-го числа на улицѣ Джонъ былъ устроенъ другой митингъ, очень многолюдный, подъ предсѣдательствомъ Джона Саведжа. Первымъ въ защиту Хартіи говорилъ Вернонъ, за нимъ Эрнестъ Джонсъ, который настаивалъ на томъ, чтобы въ день подачи петиціи были устроены повсюду одновременные митинги. Кеффей обращался ко всей Англіи, Ирландіи и Шотландіи, требуя, чтобы всѣ поднялись и начали агитацію. Александръ Кембель въ своей рѣчи говорилъ, что со-

ціальное освобожденіе должно предшествовать политическому, но къ нему отнеслись очень холодно и въ концѣ концовъ подняли на смѣхъ. Возражалъ ему Макъ-Грасъ среди громкихъ одобреній собранія. Братскіе демократы тоже продолжали устраивать митинги, становившіеся все болѣе и болѣе многолюдными. Ирландскіе автономисты записывали каждый вечеръ въ свои клубы массу членовъ, и число ихъ особенно возрасло, какъ только распространилось извѣстіе объ арестѣ Смита О'Брайена, Мигера и Мичеля. Въ то время почти вся Европа была охвачена революціей. Каждая почта приносила извѣстіе о возстаніяхъ и о народныхъ побѣдахъ въ Австріи, Пруссіи, Германіи и во многихъ итальянскихъ государствахъ. Это усиливало рѣшеніе чартистовъ и ирландскихъ автономистовъ осуществить побѣду дорогихъ имъ принциповъ, за которые они боролись. Для того, чтобы поддержать движеніе, делегаты рабочихъ союзовъ собрались въ гостинницѣ Белль въ Ольдъ-Бейлѣ, въ Лондонѣ и приняли резолюцію въ пользу всеобщаго избирательнаго права.

27 марта состоялось большое собраніе на улицѣ Джонъ; предсѣдательствовалъ В. Дж. Вернонъ. Онъ заявилъ, что чувствуетъ отвращеніе къ этой комедіи петиціи. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы дать Палатѣ Общинъ только одинъ часъ на утвержденіе Хартіи. Его рѣчи шумно апплодировали. Диксонъ выразилъ свое несогласіе съ рѣчью предсѣдателя, но былъ встрѣченъ неодобрительно. Джонсъ Скельтонъ читалъ свою рѣчь по рукописи, убѣждая митингъ дѣйствовать только моральными средствами, но ему не дали кончить. Гендлей поддерживалъ взгляды предсѣдателя, а Эрнестъ Джонсъ, вполнѣ раздѣляя его воззрѣнія, высказался также противъ принциповъ моральнаго воздѣйствія. Онъ сказалъ:

„Мистеръ Диксонъ говоритъ намъ, что мы не пригодны для такого рода борьбы. Почему нѣтъ? Что у насъ ноги—изъ дерева что-ли, а руки изъ пробки? Онъ говоритъ намъ, что англійскій народъ противъ такого рода борьбы. Въ такомъ случаѣ вся Англія — одна сплошная ложь; въ такомъ случаѣ нортгемптонскіе жители лгали мнѣ вчера, когда говорили, что они стоятъ за рѣшительную борьбу? Въ такомъ случаѣ они лгали также въ Ольдгемъ-Эджѣ. Лгутъ, значитъ, и сегодня въ этомъ залѣ, потому что они говорятъ, что готовы на все. Неужели вся Англія вошла въ заговоръ съ цѣлью обмануть пять или шесть незначительныхъ лицъ?

Нѣтъ, сэръ! Я вѣрю, что народъ готовъ на рѣшительный бой— и послѣдній часъ рабства прозвонитъ наконецъ. Я былъ бы преступникомъ, если бы я говорилъ это, не имѣя твердаго и обоснованнаго убѣжденія. На мнѣ будетъ лежать отвѣтственность за то зло, которое можетъ произойти. Вдовы и сироты будутъ имѣть право проклинать меня, но передъ лицомъ неба говорю: я вѣрю, что мы стоимъ на порогѣ къ осуществленію своихъ правъ. Еще одинъ шагъ, и если онъ даже будетъ сдѣланъ желѣзной стопой, мы достигнемъ своей цѣли. Я искренно вѣрю, что народъ готовъ требовать Хартію. Поэтому я говорю: берите ее! Богъ на сторонѣ правды".

Въ заключеніе онъ сказалъ: „Мы идемъ по правому пути; мы не хотимъ быть безразсудными и дѣйствовать сгоряча, но мы будемъ рѣшительны. Мы будемъ уважать законъ, если законодатели будутъ уважать насъ; если же нѣтъ, то... Франція—республика".

За Джонсомъ послѣдовалъ Макъ Грасъ. Онъ не раздѣлялъ взглядовъ ораторовъ, говорившихъ въ защиту нравственнаго воздѣйствія, но онъ былъ все же осторожнѣе, чѣмъ защитники физической силы. Митингъ закончился возгласами одобренія въ честь хартіи и враждебными криками противъ министерства.

Между тѣмъ продолжали приходить донесенія о ходѣ демократическаго движенія въ провинціяхъ. Въ Ноттингемѣ М'Дуэль говорилъ рѣчь десятитысячной толпѣ, которая затѣмъ прошлась процессіей по городу. Въ Нью-Іоркѣ, Плимутѣ, Тивертонѣ, Мертирѣ, Педигемѣ, Бредфордѣ, Нордгемптонѣ, Вигенѣ, Соусгемптонѣ, Домфрейсѣ, Дудлеѣ, Мансфильдѣ, Хейвудѣ, Бакепѣ, Дендеѣ, Экзетерѣ и въ другихъ мѣстахъ были выбраны делегаты въ Конвентъ, принята петиція, а также резолюція, требующая Хартіи. На той самой недѣлѣ, когда долженъ былъ собраться Конвентъ, движеніе въ пользу Хартіи усилилось во многихъ другихъ мѣстахъ, благодаря публичнымъ митингамъ и разнымъ другимъ средствамъ. Въ Лейстерѣ Макъ Грасъ говорилъ рѣчь многотысячной толпѣ, собравшейся въ огромномъ амфитеатрѣ. Въ воскресенье, 2-го апрѣля, двадцать тысячъ человѣкъ собрались въ Ноттингемскомъ лѣсу. Имъ говорилъ рѣчь М'Дуэль. Въ Ловборо состоялось нѣсколько митинговъ, на которыхъ говорили Скебингтонъ и Динъ. Во вторникъ, 4-го апрѣля, М'Дуэль говорилъ четырехтысячной толпѣ, которая послѣ того прошлась процессіей по городу.

Въ Ковентри чартисты собрались въ церкви св. Маріи, гово-

рили рѣчи многіе ораторы, между прочимъ Макъ-Грасъ, и была принята Національная петиція. Въ Саусгемптонѣ каждый вечеръ собирались митинги на открытомъ воздухѣ среди все возрастающаго возбужденія.

Въ Сантъ-Андрусѣ въ Файфѣ, собрался большой митингъ въ Городской Думѣ и также была принята петиція. Въ Мексфильдѣ, на большомъ митингѣ была принята резолюція о союзѣ между чартистами и ирландскими автономистами. Главными ораторами были Личъ и Уэстъ. Настроеніе было самое восторженное. Въ Стелибриджѣ собралось десять тысячъ человѣкъ и была составлена петиція о помилованіи Фроста, Вилльямса и Джонса. Въ Страудѣ и Глочестерѣ также состоялись митинги, полные энтузіазма. Даже въ Ньюпортѣ, гдѣ чартизмъ послѣ злополучнаго возстанія почти заглохъ, снова началось движеніе въ пользу Хартіи и состоялся публичный митингъ. Въ Эбердинѣ делегатъ былъ избранъ на большомъ собраніи въ союзномъ залѣ. Въ Блекборнѣ состоялся митингъ изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, на которомъ очень краснорѣчивую рѣчь произнесъ Киддъ. Изъ тысячи другихъ мѣстъ посылались подписи къ петиціи. Однимъ словомъ, митингъ собирался за митингомъ, рѣчи слѣдовали за рѣчами и никакія средства не упускались изъ вида, для того, чтобы раздуть огромное пламя, угрожавшее, казалось, самому существованію правительства.

Давно ожидаемый Конвентъ *) собрался, наконецъ, во вторникъ, 4 апрѣля, на улицѣ Джонъ въ Институтѣ, галлереи котораго были открыты для публики. Предсѣдателемъ былъ избранъ Макъ-Грасъ, а секретаремъ Дойль. Первымъ поставленнымъ вопросомъ былъ вопросъ о правѣ Макъ-Карта участвовать въ Конвентѣ, такъ какъ

---

*) Вотъ имена делегатовъ: Дж. Пратеръ Вилькинсонъ отъ Эксетера; Самюэль Франсисъ отъ Ипсвича; Мэтью Стевенсонъ отъ Больтона: Эрнестъ Джонсъ отъ Галифакса; Джемсъ Хитчинсъ онъ Вигана; Жоржъ Бёкбанъ отъ Лейстера; Джоржъ Джуліанъ Гарней отъ Ноттингема; Джозефъ Линней и Дж. А. Фоссель отъ Бирмингама; Самюэль Киддъ отъ Ольдгема; Даніель Донованъ и Джемсъ Личъ отъ Манчестера; Эдмундъ Джонсъ и Генри Смитъ отъ Ливерпуля; Джемсъ Кёммингъ и Д-ръ Гёнтеръ отъ Эдинбурга; Джемсъ Грэмъ отъ Дендея: Дж. Ш. Лёндъ отъ Ланкастера; Франкъ Мерфильдъ отъ Барнслея: Джемсъ Ватсонъ отъ Ньюкастля-на-Тайнѣ; Антонъ отъ Нортгемптона: Томасъ Таттерсаль отъ Бёри; Дж. Уэстъ отъ Стокпорта; Самюэль Бевингтонъ и Эдварсъ Сэль отъ Поттерисъ въ Стаффордширѣ; Джемсъ

онъ былъ избранъ обществомъ, подъ названіемъ „Ирландская демократическая конфедерація“. Кеффей и О'Коннор были противъ его принятія; Эрнестъ Джонсъ поддерживалъ его. Вопросъ былъ отданъ на разсмотрѣніе Комитета, который высказался въ пользу Макъ-Карта и сдѣлалъ такимъ образомъ Конвентъ незаконнымъ. Засимъ поднялись пренія о правѣ на голосованіе Исполнительнаго Совѣта. Уилеръ напомнилъ О'Коннору, что онъ былъ выбранъ делегатомъ отъ Лидса. О'Конноръ сомнѣвался въ своемъ правѣ голосовать. О'Брайенъ замѣтилъ, что О'Конноръ является здѣсь избраннымъ делегатомъ, и потому нельзя допустить, чтобы онъ не несъ своей доли отвѣтственности. О'Конноръ заявилъ, что у него не было желанія снимать съ себя какую бы то ни было отвѣтственность. Затѣмъ онъ сообщилъ, что получилъ письмо отъ Денкомба, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что здоровье его гораздо лучше, и что онъ надѣется быть съ ними въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Пренія о правахъ и отвѣтственности Исполнительнаго Комитета были закончены, и по этому поводу имѣлось четыре предложенія. О'Брайенъ находилъ, что всѣ избранные делегаты могли принимать участіе въ засѣданіяхъ Конвента съ правомъ голоса, Уэстъ предложилъ, чтобы члены Совѣта засѣдали ex-officio... и чтобы имъ дано было право принимать участіе въ преніяхъ и голосованіи.

За предложеніе Уэста высказалось восемнадцать человѣкъ, за О'Брайена—четыре. Первое было принято. Комитету было поручено заняться петиціей. Затѣмъ делегаты стали давать свои отчеты. Вилькенсонъ доложилъ, что его избиратели были противъ тактики физической силы. Метью Стевенсонъ возразилъ, что проповѣдывать терпѣніе голодающимъ массамъ было-бы безполезно. Онъ заявилъ, что его избиратели находятся въ самомъ бѣдственномъ

Ширронъ отъ Абердина; Рейнольдсъ отъ Дерби; Джоржъ Стевенсъ отъ Іорка и Уэстъ-Райдинга; Робертъ Кокрэнъ отъ Пэслея; Джемсъ Адамсъ отъ Гласго; Макъ-Карти отъ Ирландской Демократической Конфедераціи; Чарльзъ Больуэль отъ База; Д. Лайтъулеръ отъ Бредфорда; Ф. О'Конноръ и Дж. Шау отъ Лидса; Джонъ Лоурей отъ Карлейля; Давидъ Томасъ отъ Мертиръ Тидваля; Робертъ Уайльдъ отъ Аштона-на-Лайнѣ; Эдвардъ Вальтеръ отъ Уорчестера; Вилльямъ Кеффей; Генри Чайльдъ и Джемсъ Бронтеръ О'Брайенъ; Джонъ Петри отъ Плимута; Вилльямъ Диксонъ отъ Норвича; Мерфей отъ Годдерсфильда; В. Таннеръ отъ Тотнеса; Дж. И. Гленистеръ отъ Чельтенгема.

и ужасномъ положеніи. Эрнестъ Джонсъ доложилъ, что его избиратели желаютъ вести движеніе, если возможно, на основаніи принциповъ нравственнаго воздѣйствія, но что, если явится необходимость, они готовы бороться до послѣдней крайности. Въ случаѣ необходимости, они готовы сбѣжать съ Іоркширскихъ холмовъ на помощь своимъ собратьямъ, лондонскимъ патріотамъ. Джемсъ Хитчинъ описалъ положеніе народа въ Вигенѣ, страдающаго подъ бременемъ нищеты и притѣсненія. Они были готовы еще разъ попытаться представить петицію, но если и она будетъ отвергнута, то они „примутся за работу", какія бы тамъ ни были послѣдствія. Бекбей не получилъ никакихъ инструкцій, и онъ не подготовилъ никакого отчета. Народъ говорилъ ему, что будетъ добиваться Хартіи, если можно, съ помощью нравственнаго воздѣйствія. Если же онъ ничего не достигнетъ, то будетъ добиваться ее другими средствами. Гарней сказалъ, что его избиратели рѣшили, что эта петиція будетъ послѣдней петиціей въ Палату Общинъ въ ея настоящемъ составѣ. Что касается другихъ, полученныхъ имъ инструкцій, онъ будетъ поддерживать ихъ всѣми зависящими отъ него средствами. Избиратели Линнея устали отъ митинговъ. Населеніе Увергемптона, Бильстона и Дедлея было готово повиноваться Конвенту. Онъ рѣшилъ не уѣзжать изъ Лондона, пока не будетъ осуществлена Хартія. Фоссель доложилъ, что населеніе Бирмингама находится въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ прежніе годы. Средній классъ заявилъ себя сторонникомъ Хартіи. Чартистамъ отдается Городская Дума. Онъ надѣется, что вопросъ о физической и моральной силѣ не будетъ внесенъ въ Конвентъ для того, чтобы не разрушить его единодушія. Киддъ сказалъ, что въ Ольдгемѣ царитъ всеобщее неудовольствіе. Нищета длится такъ долго и такъ непрерывно, что народъ скоро ни передъ чѣмъ не остановится. Онъ начинаетъ думать, что постоянное голоданіе хуже смерти. Доновенъ заявилъ, что въ Манчестерѣ десять тысячъ человѣкъ находятся безъ работы. Они надѣются добиться своей цѣли безъ физическаго насилія; но они хотятъ во что бы то ни стало добиться осуществленія Хартіи. Лавочники сознаютъ необходимость перемѣны. Ихъ торговля упала болѣе чѣмъ на половину, тогда какъ ихъ платежи и расходы остались прежними. Недавно было разослано шесть тысячъ судебныхъ повѣстокъ неплательщикамъ налога въ пользу бѣдныхъ. Эдмундъ Джонсъ сказалъ, что въ Ливерпулѣ десять

тысячъ береговыхъ носильщиковъ находятся безъ работы уже двадцать недѣль. Ливерпулю съ одной стороны грозило банкротство, съ другой стороны—революція. Смитъ выразилъ увѣренность, что если никакой другой городъ не начнетъ революцію, ее начнетъ Ливерпуль. Общее настроеніе было таково, что если бы петиція была отклонена, то они стали бы добиваться ея, хотя бы противъ нихъ были направлены штыки. Огромное количество рабочихъ союзовъ примкнуло къ демократамъ, благодаря бѣдственному положенію. Джемсъ Коммингъ заявилъ, что въ Эдинбургѣ рабочіе были чартистами не изъ-за нужды; они сдѣлались чартистами изъ принципа и готовы были поддерживать этотъ принципъ на полѣ сраженія, въ тюрьмѣ и на плахѣ. Джемсъ Гремъ выразилъ увѣренность, что населеніе Денди съ негодованіемъ встрѣтитъ всякую попытку принудительнаго закона въ Ирландіи и что оно готово всѣми средствами поддерживать Народную Хартію. Лендъ сказалъ, что ланкастерсткіе чартисты готовы на крайнія мѣры, если только будетъ какая-либо надежда на успѣхъ. Мирфильдъ доложилъ, что его избиратели на большомъ публичномъ митингѣ поручили ему заявить, что, если правительство отправитъ въ Ирландію военную силу, то ему можетъ угрожать опасность здѣсь. Если петиція будетъ отвергнута, они надѣются, что Конвентъ не разойдется, но возьметъ въ свои руки управленіе страною; что онъ раздѣлитъ землю на маленькіе участки и дастъ возможность каждому человѣку въ потѣ лица своего добывать хлѣбъ свой. Джемсъ Уатсонъ заявилъ, что населеніе Ньюкастля на Тайнѣ рѣшило добиваться Хартіи во что бы то ни стало.

На слѣдующее утро делегаты собрались снова. Аштонъ описалъ бѣдственныя условія жизни Нордгемптонскихъ башмачниковъ. Онъ имѣлъ полное право заявить, что рабочіе рѣшили добиться Хартіи, во что бы то ни стало. Они находятъ, что человѣкъ, который не борется за нее—недостоинъ ея. Онъ былъ уполномоченъ поддерживать всякую мѣру, которая могла бы обезпечить осуществленіе Хартіи въ возможно скоромъ времени. Джемсъ Личъ заявилъ, что онъ можетъ сказать то же самое, что его собратъ. Онъ ничего не будетъ говорить о физической или моральной силѣ, но предоставитъ рѣшеніе этого вопроса обстоятельствамъ. Таттерсалъ разсказалъ объ ужасномъ положеніи рабочихъ въ Бери; они находились въ такихъ плохихъ условіяхъ, что едва

могли существовать. При такихъ условіяхъ народъ ни передъ чѣмъ не остановится. Хартія для нихъ является единственной цѣлью. Никогда раньше не было такого восторженнаго и такого напряженнаго настроенія. Онъ могъ сказать съ гордостью, что Ланкаширское населеніе было готово, но онъ думаетъ, что они не нарушатъ работу многихъ лѣтъ какимъ нибудь актомъ безумія. Вестъ доложилъ, что народъ голодаетъ, получая половинную заработную плату. Населеніе Стокфорта рѣшило, что это будетъ послѣдняя петиція. Также какъ и Таттерсаль, онъ былъ противъ опрометчивыхъ дѣйствій. Но онъ не одобрялъ также и трусости. Бевингтонъ заявилъ, что бѣдность и нищета достигли угрожающихъ размѣровъ. Ему никогда еще не приходилось видѣть такого недовольства и такого возбужденія. Народъ рѣшилъ добиваться своихъ правъ, какихъ бы это ни стоило жертвъ. Сель подтвердилъ донесенія своихъ коллегъ. Власти рѣшили не преслѣдовать больше неплательщиковъ налога въ пользу бѣдныхъ и, по предложенію, сдѣланному на одномъ митингѣ, подъ открытымъ небомъ, было пріобрѣтено двадцать акровъ земли, для того чтобы дать работу обездоленнымъ бѣднякамъ. Движеніе въ пользу Хартіи достигло очень высокихъ предѣловъ. Джемсъ Ширронъ сказалъ, что народъ въ Абердинѣ не былъ хорошо организованъ, но въ важныхъ случаяхъ онъ всегда собирался въ большомъ количествѣ. Они собрали десять тысячъ подписей для петиціи; если петиція не будетъ принята, они совѣтуютъ составить адресъ королевѣ, а дальнѣйшіе шаги предоставляютъ Конвенту. Райнольдсъ заявилъ, что въ Дерби царствуетъ самое лучшее настроеніе. Онъ думаетъ, что это будетъ послѣдняя петиція въ Палату, и если ее отвергнутъ, то это будетъ объявленіемъ войны противъ труда. Нѣсколько капель крови въ такомъ дѣлѣ ровно ничего не значатъ. Если нравственными воздѣйствіями ничего нельзя будетъ достигнуть, то народъ будетъ готовъ на все. Населеніе Дерби раздѣляетъ вполнѣ его мнѣніе. Избиратели Дж. Стефенса находили, что надо послать депутатовъ къ лорду Джону Росселю и описать ему положеніе трудящихся классовъ. Въ Гулѣ былъ расквартированъ 57-й полкъ и, прежде чѣмъ его отправили въ Ирландію, тридцать человѣкъ дали свои подписи для петиціи. Населеніе Гуля желаетъ, чтобы Конвентъ продолжалъ свои засѣданія до тѣхъ поръ, пока не будетъ дана Хартія. Избиратели Кокрена находили, что делегаты должны были отправиться къ членамъ парламента и постараться по-

вліять на нихъ, прежде чѣмъ петиція будетъ представлена; къ нѣкоторымъ членамъ могли бы написать лица, живущія въ разныхъ округахъ. Въ случаѣ, если петиція будетъ отвергнута, они совѣтовали устроить одновременные митинги по всей странѣ, для того чтобы рѣшить, что нужно дѣлать дальше. Адамсъ собралъ сто тысячъ подписей для петиціи, а съ тѣхъ поръ прибавилось еще тридцать тысячъ. Средній классъ начинаетъ присоединяться къ движенію; и только кабатчики отказываютъ имъ въ помощи. Нищета растетъ все больше, и рука объ руку съ нею идетъ неудовольствіе. Неудовольствіе это такъ сильно, что они могли расчитывать привлечь на свою сторону и солдатъ. У него не было никакихъ особенныхъ полномочій, но онъ лично противъ опрометчивыхъ дѣйствій, которыя могли бы повредить дѣлу. Что касается послѣднихъ безпорядковъ въ Глазго, то чартисты не только не имѣли къ нимъ никакого отношенія, но даже были противъ нихъ. Лайтуолеръ являлся представителемъ отъ ста тысячъ человѣкъ и могъ-бы собрать семьдесятъ тысячъ подписей для петиціи. По мнѣнію его избирателей, жизнь при настоящихъ условіяхъ была бременемъ, и они рѣшили добиться своихъ правъ, во что бы то ни стало. Народъ находился въ ужасныхъ условіяхъ, и настало время, когда перемѣна необходима. Это было мнѣніе большинства его избирателей. О'Конноръ находилъ, что этотъ Конвентъ былъ истиннымъ и вѣрнымъ представителемъ народа. Чартизмъ все разростается. Онъ былъ увѣренъ, что ему удастся собрать пять милліоновъ четыреста тысячъ подписей для петиціи. Событія во Франціи дали новый толчекъ движенію. Троны шатаются и падаютъ на континентѣ и неужели можно думать, что Англія при такихъ обстоятельствахъ по прежнему останется въ рабствѣ. Въ понедѣльникъ они пойдутъ въ Палату. Онъ не хочетъ разрушать движенія какимъ нибудь опрометчивымъ шагомъ, но онъ не можетъ также допустить, чтобы народъ оставался въ рабствѣ хотя-бы одной минутой дольше, когда онъ могъ добиться свободы. Посмотрите на Ирландію въ настоящую минуту! Онъ думаетъ, что можно сказать вмѣстѣ съ делегатами изъ Глазго, что они въ концѣ концовъ сосредоточатъ тамъ всю военную силу. Онъ былъ теперь своего рода министромъ и, безъ сомнѣнія, его спросятъ, что они намѣреваются дѣлать въ понедѣльникъ. Отъ имени Конвента онъ отвѣтитъ, что ни одно стекло и никакая самая маленькая соб-

ственность не пострадаетъ, что спокойствіе и порядокъ будутъ царствовать все время, пока будутъ обсуждаться требованія народа. Одинъ альдерменъ сказалъ ему въ Палатѣ, что въ понедѣльникъ онъ будетъ застрѣленъ. Онъ отвѣтилъ альдермену, что если его застрѣлятъ, то стрѣльба начнется по всей странѣ. Онъ приметъ участіе въ процессіи и будетъ идти въ первомъ ряду; пусть они стрѣляютъ. Если петиція будетъ отвергнута, онъ совѣтуетъ устроить одновременные митинги по всей странѣ, составить адресъ королевѣ съ просьбой отставить министерство и призвать людей, для которыхъ Хартія была-бы первымъ вопросомъ въ кабинетѣ. Если это не осуществится, то онъ все-же не пойдетъ на уступки и скорѣе умретъ, чѣмъ отступитъ отъ Хартіи. Онъ всегда находилъ, что надо ждать только до тѣхъ поръ, покуда большинство народа не будетъ готово для защиты своихъ правъ и не предъявитъ своихъ требованій. Онъ находилъ, что теперь они достаточно сильны, чтобы достигнуть этого.

Когда О'Коннoръ закончилъ свою рѣчь, всталъ О'Брайенъ, чтобы внести нѣсколько поправокъ къ его рѣчи, такъ какъ онъ находилъ, что О'Коннoръ, выражая увѣренность въ подготовленности народа, вводитъ Конвентъ въ заблужденіе. Но О'Коннoръ спѣшилъ уйти изъ Конвента, подъ тѣмъ предлогомъ, что его ждутъ въ Палатѣ, чтобы поддержать Билль Шармана Крофорда относительно Ирландіи. О'Брайенъ замѣтилъ, что какъ заявилъ самъ О'Коннoръ, у него не было довѣрія къ Парламенту, что парламентъ скоро перестанетъ существовать, и что Конвентъ будетъ единственнымъ учрежденіемъ, которое сможетъ разрѣшить тяжелое положеніе страны и что поэтому онъ находитъ, что присутствіе О'Коннора гораздо важнѣе здѣсь, чѣмъ въ Парламентѣ, который, по его же собственнымъ словамъ, долженъ скоро прекратить свое существованіе. Многіе изъ членовъ стали возражать О'Брайену, и общее настроеніе было противъ него. Онъ всталъ, чтобы оставить Конвентъ, но въ концѣ концовъ его убѣдили остаться. Лоурей заявилъ, что положеніе народа въ Карлейлѣ было ужасно, но населеніе тамъ не стояло за физическое насиліе; оно находило, что осуществленія Хартіи можно достигнуть и безъ этого. Въ Дальстонѣ, Виктонѣ и другихъ городахъ находили, что безъ физической силы ничего нельзя достигнуть. Избиратели Джона Шау находили, что ихъ положеніе ни въ какомъ случаѣ не могло быть ухудшено. Они рѣшили идти на все для достиженія Хартіи. Его

уполномочили не возвращаться до тѣхъ поръ, покуда Хартія не будетъ закономъ. Избиратели Томаса хотѣли устроить процессію въ своемъ округѣ одновременно съ процессіей въ Палату Общинъ. Они готовы поддерживать Конвентъ. Робертъ Виддъ являлся представителемъ ста тысячъ рабочихъ, находящихся въ рабской зависимости и собралъ семьдесятъ тысячъ подписей для петиціи. Округъ поручилъ ему сказать, что столкновеніе съ властями было теперь преждевременнымъ, надо было сдѣлать еще одинъ шагъ. Они устали отъ петицій; если Лондонъ будетъ исполнять свой долгъ, то Ланкаширъ также не отстанетъ. М. Вальтеръ находилъ, что петиція унизительна при всѣхъ обстоятельствахъ, но тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ, онъ согласенъ на нее. Одни изъ его избирателей были на сторонѣ физической силы, другіе на сторонѣ моральной. Кеффей заявилъ, что средній классъ въ Лондонѣ противъ нихъ, но что рабочее населеніе вполнѣ на ихъ сторонѣ; въ Вестминстерскомъ кварталѣ каждый вечеръ пребываетъ по тридцати, сорока человѣкъ: члены конфедераціи присоединяются къ чартистамъ и въ слѣдующій понедѣльникъ пойдутъ съ ними вмѣстѣ подъ своимъ собственнымъ знаменемъ. Къ нимъ присоединятся также и члены рабочихъ союзовъ. Онъ готовъ подписаться подъ всѣмъ тѣмъ, что онъ говоритъ. Чайльдъ заявилъ, что его избиратели рѣшили добиваться своихъ правъ мирнымъ путемъ, если возможно, или насильственнымъ, если нельзя иначе; но что народъ будетъ хранить полное спокойствіе до тѣхъ поръ, пока его просьба не будетъ принята или отвергнута. Рейнольдсъ заявилъ, что правительство послало двухъ докладчиковъ, которые должны были составить отчетъ объ ихъ дѣйствіяхъ. Это заявленіе было встрѣчено громкими апплодисментами. Избиратели Петри были мирно настроены, но тѣмъ не менѣе хотѣли энергическихъ средствъ для достиженія Хартіи. Докторъ Гентеръ доложилъ, что Эдинбургъ не былъ такъ демократиченъ, какъ бы онъ того хотѣлъ. У него не было инструкцій отъ его избирателей. Онъ думаетъ, что добиться узаконенія Хартіи можно съ помощью только одной моральной силы, когда народъ говоритъ: „Мы хотимъ Хартіи, Хартія должна стать закономъ!“ Гленистеръ не могъ сказать, подобно другимъ своимъ товарищамъ, что его избиратели готовы на то-то и на то-то, но они стояли за агитацію и за продолжительную усиленную борьбу для достиженія своихъ правъ. Вилльямъ Таннеръ получилъ инструкцію оставаться въ Лондонѣ, пока

не будетъ представлена петиція. Марсденъ привезъ съ собою шестьдесятъ пять тысячъ подписей. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что сѣверный Ланкаширъ не успокоится, пока что нибудь не будетъ сдѣлано, но перемѣна должна наступить. Избиратели Диксона почти ни въ чемъ не расходились съ избирателями Марсдена. Въ случаѣ, если бы петиція была отвергнута, они стояли за то, чтобы устроить одновременные митинги по всей Англіи въ одинъ и тотъ же день, и въ одинъ и тотъ же часъ и не отступать до тѣхъ поръ, пока Хартія не будетъ закономъ. Избиратели Макъ-Карти рѣшили добиваться свободы; у нихъ были клубы для военныхъ упражненій. Если въ Ирландіи раздастся хоть одинъ выстрѣлъ, сорокъ тысячъ ирландцевъ въ Лондонѣ были готовы отмстить за своихъ собратьевъ. Избиратели Мерфи рѣшили стремиться къ осуществленію Хартіи съ помощью моральной силы, если возможно, но добиться ея во что бы то ни стало. Гарней получилъ письмо отъ своихъ избирателей, въ которомъ они выражали желаніе, чтобы Конвентъ продолжалъ свои засѣданія до тѣхъ поръ, пока Хартія не станетъ закономъ. Въ слѣдующій понедѣльникъ долженъ состояться митингъ. Мэръ отказался дать городской залъ и заявилъ, что онъ получилъ письмо отъ сэра Джоржа Грея, въ которомъ тотъ сообщалъ ему, что огромное количество пикъ было приготовлено и роздано въ Ноттингемѣ. О'Брайенъ сказалъ, что онъ не думаетъ, чтобы лондонскій народъ былъ готовъ на крайнія мѣры въ настоящій моментъ. Онъ не пойдетъ противъ закона до тѣхъ поръ, покуда онъ надѣется, что законъ окажетъ имъ справедливость; но какъ только онъ увидитъ, что отъ закона нельзя ждать справедливости и что народъ сильнѣе закона, то онъ сейчасъ же воспользуется этимъ моментомъ.

Вотъ какіе отчеты были даны делегатами, и изъ нихъ сразу видно, что страна находилась подъ бременемъ ужасной нищеты, что эта нищета давала поводъ къ широкому распространенію недовольства, которое при возбужденномъ состояніи на континентѣ создавало угрожающее положеніе вещей.

Но для того, чтобы революція имѣла успѣхъ, этихъ элементовъ было еще недостаточно. Они могли быть очень важны, но для успѣха надо было нѣчто большее. Надо было, чтобы общество прониклось убѣжденіемъ, вполнѣ продуманнымъ и обоснованнымъ, что народу необходимо дать соціальныя и политическія

права, что этого требуютъ и справедливость, и истина, и достоинство; этого убѣжденія, основаннаго на разумѣ, все еще не было, несмотря на долгіе годы борьбы, и его надо было добиваться.

Киддъ внесъ очень важное предложеніе о необходимости выпустить воззваніе и описать въ немъ условія жизни страны. Уилеръ, Вильдъ, Аштонъ, Кеффей, Макъ-Карти, Стефенсъ и Кокренъ были противъ этого предложенія. Нѣкоторые изъ нихъ находили его преждевременнымъ, другіе ненужнымъ. Но его поддержали Кеммингъ, Вестъ, Фоссель Эрнестъ, Джонсъ, Кларкъ, Гленистеръ, Гитчинсъ и Петри и, въ концѣ концовъ, оно было принято единогласно. Составить воззваніе было поручено Кидду, Весту, Адамсу, Вильду, Грэму, Марсдену и Личу. Этотъ документъ доставилъ большой успѣхъ авторамъ; онъ заключалъ въ себѣ очень много свѣдѣній и заслужилъ похвалу даже со стороны нѣкоторой части прессы, враждебной Хартіи. Кларкъ прочиталъ программу Исполнительнаго Комитета; въ ней находился между прочимъ параграфъ о созывѣ Національнаго Собранія съ цѣлью представить Національную записку королевѣ. Рейнольдсъ внесъ поправку:

„Что въ случаѣ, если петиція будетъ отвергнута, Конвентъ объявитъ свои засѣданія постоянными и объявитъ Хартію закономъ“.

Онъ надѣялся, что послѣ рѣчи О'Коннора, произнесенной имъ наканунѣ, Конвентъ отброситъ всякую осторожность, несмотря на то, что въ программѣ у него значился умѣренный образъ дѣйствій. Кеффей былъ противъ какой либо другой петиціи или записки; онъ былъ также противъ того, чтобы Конвентъ, служившій представителемъ только части народа, объявилъ себя постояннымъ. Онъ замѣтилъ, что былъ выбранъ только двумя тысячами изъ двухъ милліоновъ жителей Лондона. Затѣмъ онъ предложилъ, чтобы Конвентъ ограничился только подачею петиціи и чтобы Національное Собраніе было созвано потомъ вмѣсто Конвента. Тогда оно могло объявить свои засѣданія постоянными и развивать свою дѣятельность, сообразно обстоятельствамъ, что бы изъ этого ни вышло: польза или вредъ. Лоурей поддержалъ эту поправку, такъ какъ его избиратели не были расположены къ крайнимъ средствамъ. Таттерсаль внесъ предложеніе, чтобы одновременные митинги были устроены 12-го апрѣля и чтобы на этихъ митингахъ было рѣшено, какъ дальше долженъ поступать Конвентъ.

Линней поддержалъ поправку. Въ случаѣ непринятіи петиціи Эрнестъ Джонсъ предложилъ, чтобы были устроены одновременные митинги для принятія записки или для избранія делегатовъ въ конвентъ; а этотъ Конвентъ долженъ продолжать свои засѣданія до тѣхъ поръ, пока не соберется новый. Джемсъ Ватсонъ поддержалъ поправку Эрнеста Джонса. Ихъ избиратели не уполномочили ихъ на рѣшительныя дѣйствія, а поправка Джонса, не смотря на то, что она была вполнѣ опредѣленна и ясна, въ то же время избѣгала крайнихъ мѣръ. Начались длинныя пренія по поводу всѣхъ этихъ предложеній, но въ концѣ концовъ Исполнительный Комитетъ принялъ поправку Джонса и послѣ того, какъ къ ней были прибавлены еще разнаго рода дополненія, была принята слѣдующаго рода программа:

§ 1. Въ случаѣ, если Національная петиція не будетъ принята въ Палатѣ Общинъ, Конвентъ подготовляетъ Національную записку королевѣ о распущеніи настоящаго Парламента и о созывѣ такихъ министровъ, которые бы сдѣлали Народную Хартію главной задачей Кабинета.

§ 2. Конвентъ постановляетъ созвать Національное Собраніе изъ делегатовъ, выбранныхъ на публичныхъ митингахъ для того, чтобы представить Національную записку королевѣ и продолжать свои засѣданія до тѣхъ поръ, пока Хартія не сдѣлается закономъ страны.

§ 3. Конвентъ призываетъ страну устроить одновременные митинги въ страстную пятницу, 21-го апрѣля, для утвержденія Національной записки и выбора делегатовъ въ Національное Собраніе.

§ 4. Національное Собраніе соберется въ Лондонѣ, 24-го апрѣля.

§ 5. Конвентъ будетъ продолжать свои засѣданія до открытія Національнаго Собранія.

Когда эти резолюціи были приняты, делегаты и всѣ присутствующіе встали и раздались громкія рукоплесканія.

Члены Конвента не ограничивались только засѣданіями по дѣламъ Конвента; многіе изъ нихъ бывали на публичныхъ митингахъ столицы. Во вторникъ, 4-го, члены демократическаго братства собрали митингъ въ Фаррингдонскомъ залѣ, который былъ переполненъ. Предсѣдательствовалъ Эрнестъ Джонсъ. На митингѣ говорили Гарней, Вестъ, Киддъ, Адамсъ, Коммингъ и другіе. Среди разнаго рода резолюцій была принята между

прочимъ резолюція, требовавшая, чтобы Конвентъ, въ случаѣ непринятія петиціи, объявилъ свои засѣданія постоянными. Кромѣ этого митинга были устроены другіе въ Кеннингтонъ-Коммонѣ и на улицѣ Джонсъ. На первомъ митингѣ говорилъ Фоссель и Эрнестъ Джонсъ, на второмъ Джонсъ изъ Ливерпуля, Кларкъ, Таттерсаль, Личъ, Болуель, Линней, Донованъ, Эрнестъ Джонсъ и Вернонъ. Настроеніе царствовало самое восторженное. Масса народа осталась на улицѣ, такъ какъ залъ былъ переполненъ и проникнуть туда не было никакой возможности. Былъ устроенъ также митингъ въ залахъ Сантъ-Панкрассъ Вестри по поводу Фроста, Вилльямса и Джонса. Предсѣдателемъ былъ Генри Гезерингтонъ. Ватсонъ изъ Ньюкастля въ сильной рѣчи предложилъ резолюцію въ пользу Хартіи; его поддержалъ Вильдъ. Затѣмъ говорилъ Вальтеръ, Арноттъ, Киддъ, Вестъ, Гленистеръ, Джонсъ, Фоссель и другіе. Всѣ резолюціи были приняты единогласно. Конвентъ рѣшилъ устроить митингъ въ Кеннингтонъ-Коммонѣ, и потомъ оттуда отправиться процессіей въ Палату Общинъ для сопровожденія петиціи. Но правительство издало прокламацію, въ которой объявляло эту процессію незаконною и предостерегало противъ нея жителей. Когда сэръ Джорджъ Грей объявилъ о рѣшеніи правительства, поднялись пренія по этому вопросу. О'Конноръ выступилъ противъ такого запрещенія, но сэръ Джорджъ остался непреклоненъ и среди громкихъ рукоплесканій заявилъ, что онъ хочетъ устроить перерывъ для того, чтобы внести Билль о лучшей охранѣ короны и правительства. Конвентъ выпустилъ воззваніе, въ которомъ заявлялъ о своихъ мирныхъ заявленіяхъ, но все было напрасно. Со стороны правительства шли дѣятельныя приготовленія къ подавленію возстанія, и тысячи лицъ вступали въ ряды спеціальныхъ констеблей. О'Коннору приходилось вести трудную игру. Въ одномъ и томъ же номерѣ „Сѣверной Звѣзды" появились два его письма. Въ одномъ онъ осуждалъ крикливыхъ патріотовъ, настаивавшихъ на томъ, чтобы явиться на демонстрацію съ оружіемъ и возлагалъ на нихъ отвѣтственность за правительственную прокламацію. Онъ писалъ о безуміи вновь испеченныхъ рекрутовъ чартизма и возбуждалъ народъ противъ нихъ. Свои мнѣнія онъ подкрѣплялъ письмомъ Денкомба, написаннымъ по тому же самому поводу. Во второмъ письмѣ О'Конноръ говорилъ:

„Если бы я хотѣлъ обмануть ваше довѣріе и извлечь выгоду

изъ вашего легковѣрія, я, можетъ быть, и началъ бы кричать— подождите! подождите! подождите!—но ваша бѣдность, униженное положеніе и нищета, а также мое собственное убѣжденіе, чувство гуманности и любовь къ истинѣ и справедливости не позволяютъ мнѣ произнести эти слова разочарованія; и поэтому говорю вамъ: я вѣрю всей душой, что наступилъ благословенный часъ, когда наши долгія страданія и наше мученичество будутъ увѣнчаны наконецъ побѣдными лаврами“.

Въ пятницу вопросъ о процессіи былъ снова поднятъ въ Палатѣ Общинъ Друммондомъ. О'Конноръ заявилъ о своемъ намѣреніи принять въ ней участіе. Говорило много членовъ. Многіе осуждали правительство за его вмѣшательство, другіе одобряли его и уговаривали О'Коннора не только не принимать участія въ процессіи, но сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы не допустить ее. Сэръ Джоржъ Грей внесъ предложеніе о перерывѣ, для того чтобы поставить на обсужденіе свой Билль объ охранѣ короны и правительства, по которому открытыя и обдуманныя рѣчи мятежнаго характера считались преступленіемъ во всѣхъ частяхъ государства и виновныя лица подлежали наказанію ссылкой. Противъ этого Билля горячо возстали О'Конноръ, Джоржъ Томсонъ, Юмъ, Мюнцъ, Брайтъ и другіе. Но онъ былъ принятъ при первомъ чтеніи, затѣмъ пройдя черезъ нѣсколько стадій, окончательно былъ принятъ Палатой Общинъ въ среду, 12-го, и Палатой Лордовъ на слѣдующій день. Въ Палатѣ Общинъ голоса раздѣлились слѣдующимъ образомъ: двѣсти девяносто пять—за и сорокъ—противъ. Въ Палатѣ Лордовъ Билль былъ принятъ единогласно. Джонъ Мичель немедленно перемѣнилъ названіе своей газеты *United Jrishman* (*Союзный Ирландецъ*) на *Felon* (*Преступника*) и писалъ такъ же энергично, какъ и раньше. Правительство не ограничилось только Биллемъ объ охранѣ и внесло еще другой Билль объ иностранцахъ (Alien Bill), который такъ же, какъ и первый, былъ принятъ обѣими Палатами и получилъ силу закона. Сэру Джоржу Грею былъ предложенъ въ Палатѣ Общинъ вопросъ, будетъ ли считаться митингъ въ Кеннингтонъ-Коммонѣ также незаконнымъ, какъ процессія въ Палату Общинъ? Сэръ Джоржъ отвѣчалъ, что это будетъ зависѣть отъ характера митинга. Какъ только появилась правительственная прокламація, Конвентъ поставилъ ее на обсужденіе, и Т. М. Уилеръ внесъ слѣдующее предложеніе:

„Конвентъ выпуститъ со своей стороны воззваніе, объявляющее объ его рѣшеніи устроить митингъ въ слѣдующій понедѣльникъ. несмотря на безумную прокламацію правительства и на предостереженіе полиціи“.

Въ этомъ предложеніи ни слова не упоминалось о процессіи въ Палату Общинъ. Но въ послѣдовавшихъ затѣмъ дебатахъ, въ которыхъ принимали участіе Кеффей, Вестъ, Чайльдъ, Адамсъ, Стевенсонъ, Кокренъ, Шау, Болуель, Ватсонъ, Вилькенсонъ, О'Конноръ, Киддъ, Э. Джонсъ, Макъ-Карти, Франсисъ, Рейнольдсъ, Кларкъ, Аштонъ, Лайтунлеръ, Вильдъ, Диксонъ, Фоссель, Донованъ, Гарней, Ширронъ, Бекбай, Вальтеръ, Коммингъ и Таттерсаль, было рѣшено единогласно принять участіе какъ въ митингѣ, такъ и въ процессіи, и было принято предложеніе Веста. Гарней прочиталъ статью изъ „Таймса“, въ которой говорилось о намѣреніи чартистовъ придти на митингъ и на процессію съ оружіемъ. Была выбрана депутація къ сэру Джоржу Грею, съ цѣлью разъяснить ему, что у чартистовъ не было подобнаго намѣренія. Вилькенсонъ, Рейнольдсъ и Кларкъ были избраны депутатами и отправились въ канцелярію Палаты. Сэра Джоржа Грея нельзя было видѣть, и имъ пришлось говорить съ помощникомъ секретаря, сэромъ Денисомъ Лемаршантомъ, а также съ Генералъ-Атторнеемъ. Первый сказалъ, что не думаетъ, чтобы имъ удалось измѣнить рѣшеніе правительства, что бы они ни говорили. Прежде чѣмъ уѣхать, они составили записку сэру Джоржу Грею, въ которой сообщали ему, что было рѣшено устроить въ Палату Общинъ мирную процессію. По предложенію Веста была избрана также депутація къ членамъ кабинета, для того чтобы изобразить имъ состояніе страны. По предложенію Эрнеста Джонса было рѣшено обратиться ко всей странѣ съ просьбой устроить одновременные митинги 10-го апрѣля, чтобы оказать поддержку Конвенту. Резолюціи этихъ митинговъ должны были быть посланы предсѣдателю Конвента, а затѣмъ эти митинги должны были снова собраться 12-го, чтобы выслушать отчетъ Конвента относительно представленія Національной Петиціи въ Палату Общинъ. Гарней сообщилъ Конвенту, что одно лицо въ Лондонѣ получило заказъ на тридцать тысячъ палокъ. Это заявленіе было встрѣчено враждебными криками. По предложенію Гарнея былъ избранъ Комитетъ для того, чтобы дать отчетъ избирательнымъ округамъ и позаботиться объ избраніи делегатовъ въ новый

Конвентъ, на тотъ случай, если бы этотъ Конвентъ былъ убитъ на лондонскихъ улицахъ или заключенъ въ Ньюгетскую тюрьму. Въ субботу О'Конноръ присутствовалъ въ Конвентѣ. Былъ подвергнутъ обсужденію Билль объ охранѣ короны и правительства и было рѣшено отправить депутатовъ къ либеральнымъ членамъ Палаты, съ цѣлью просить ихъ противодѣйствовать этому закону и помѣшать его осуществленію. Но попытки эти не имѣли успѣха и, какъ было сказано, Билль былъ принятъ очень скоро. Надо впрочемъ замѣтить, что, благодаря оппозиціи, Билль былъ принятъ только на два года. Гарней заявилъ, что члены Конвента должны были бы выбрать себѣ замѣстителей на случай, если бы они вопреки своей волѣ не имѣли бы возможности быть во вторникъ. Эрнестъ Джонсъ поддержалъ это предложеніе и за него высказались тоже Вестъ, Уилеръ, Рейнольдсъ, Киддъ и другіе. Кларкъ внесъ поправку, что на случай разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ члены въ новый Конвентъ должны были быть избраны на одновременныхъ митингахъ. За предложеніе высказались четырнадцать голосовъ, а за поправку двадцать восемь.

Въ воскресенье, 9-го, Бронтеръ О'Брайенъ явился предъ своими избирателями въ чартистскомъ залѣ въ Ламбери и заявилъ о своемъ выходѣ изъ состава Конвента. Свой уходъ онъ объяснилъ тѣмъ обстоятельствомъ, что делегаты изъ провинціи, вслѣдствіе несчастнаго положенія своихъ избирателей, хотятъ дѣйствовать гораздо быстрѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ это было возможно. Не раздѣляя ихъ взглядовъ, онъ не могъ дѣйствовать съ ними заодно. Послѣдніе три дня онъ не присутствовалъ въ засѣданіяхъ Конвента. Признавалось желательнымъ, чтобы всѣ мѣры принимались единогласно, а такъ какъ онъ не раздѣлялъ взглядовъ Конвента, то не хотѣлъ бросать яблока раздора. Онъ вѣрилъ, что члены Конвента руководятся самыми лучшими мотивами, но ихъ взгляды не сходились съ его взглядами; такъ это было съ самаго начала. О'Брайенъ былъ встрѣченъ выраженіемъ самаго сильнаго неодобренія, и ему даже пришлось прекратить рѣчь. Ему совѣтовали не идти на митингъ, но онъ рѣшилъ дѣйствовать, какъ онъ говорилъ, согласно своимъ принципамъ, о которыхъ всегда заявлялъ публично и которымъ оставался неизмѣнно вѣренъ.

Наступило вѣчно памятное 10-ое апрѣля. Правительство подготовилось самымъ дѣятельнымъ образомъ: кромѣ постояннаго

войска, расквартированнаго въ столицѣ, были присланы войска изъ Виндзора, Гунсло, Чичестера, Чатама, Винчестера и Дувра. Матросы королевскаго флота въ Ширнессѣ, Чатамѣ, Биркенхедѣ, Спитхедѣ и другихъ правительственныхъ городахъ, такъ же какъ и рабочіе съ доковъ, были вооружены. Полиція строго слѣдила за матросами торговаго флота, опасаясь какъ бы они не примкнули къ чартистамъ. Изъ Вульвича были перевезены тяжелыя баттарейныя орудія и разставлены во всѣхъ мѣстахъ. Морскія силы были сосредоточены въ адмиралтействѣ; многіе полки были скрыты съ тѣмъ, чтобы выступить въ случаѣ надобности. Конная полиція была вооружена широкими мечами и пистолетами. Всѣ публичныя зданія были на военномъ положеніи. Двѣ тысячи ружей были перевезены въ Главный Почтамтъ для клерковъ и чиновниковъ этого учрежденія, вступившихъ въ составъ спеціальныхъ констеблей. Чиновники другихъ общественныхъ учрежденій были также въ достаточной мѣрѣ снабжены оружіемъ. Всѣ пароходы должны были держаться наготовѣ, для того чтобы въ случаѣ крайности привезти еще войска. Въ Тоуерѣ всѣ пушки были наготовѣ; фортификаціи укрѣплены баррикадами, а солдаты держались на походномъ положеніи для того, чтобы можно было выступить каждую минуту. Рабочіе на докахъ присягнули, какъ спеціальные констебли. Городскія тюрьмы охранялись военными силами, а церкви были обращены въ бараки. Омнибусы были удалены съ улицъ. Въ Сити семьдесятъ тысячъ человѣкъ вступили въ спеціальные констебли, и ими командовали офицеры. Королевскіе экипажи, лошади и драгоцѣнности были удалены изъ дворца. Количество войскъ, сосредоточенныхъ въ столицѣ, доходило до девяносто тысячъ. Такъ какъ думали, что процессія пойдетъ изъ Кеннингтонъ-Коммона, черезъ Блекфрейерскій мостъ, то въ этомъ кварталѣ шли самыя дѣятельныя приготовленія. Различныя корпораціи чартистовъ, съ музыкой и знаменами сошлись въ Степней-Гринѣ, въ Финсбери-Скверѣ и Россель-Скверѣ и заполнили улицы, направляясь въ Кеннингтонъ-Коммонъ, гдѣ держались наготовѣ шесть тысячъ полицейскихъ и восемь тысячъ спеціальныхъ констеблей. Еще не было одиннадцати часовъ, какъ Трафальгарскій скверъ наполнился полицейскими. Всѣ улицы, ведущія къ Вестминстерскому мосту, также охранялись со стороны Серрея многочисленными отрядами полиціи, а на мосту были развѣшаны афиши, гласившія, что процессіи не будетъ

разрѣшено сопровождать петицію въ Палату Общинъ. Всякое болѣе или менѣе удобное мѣсто въ прилегающихъ улицахъ было наполнено солдатами, полиціей и спеціальными констеблями. Была вызвана также артиллерія. Различныя корпораціи чартистовъ продолжали прибывать въ Коммонъ съ музыкой и знаменами, на которыхъ красовались различныя надписи, какъ напримѣръ, „Свобода, равенство и братство", „Ирландія для ирландцевъ". Конвентъ собрался въ девять часовъ, и предсѣдателемъ былъ избранъ Рейнольдсъ. Были прочитаны имена делегатовъ; когда была названа фамилія О'Брайена, Макъ-Карти замѣтилъ, что насколько онъ помнитъ, О'Брайенъ сложилъ съ себя званіе делегата и что онъ хотѣлъ бы знать, когда О'Брайенъ былъ послѣдній разъ въ Конвентѣ. Дойль заявилъ, что оффиціально объ его выходѣ ничего не извѣстно и что онъ пересталъ являться на собраніе Конвента наканунѣ того дня, какъ правительство выпустило свою прокламацію. Дойль доложилъ также, что онъ получилъ письмо отъ полицейскаго комиссара, въ отвѣтъ на посланное ему заявленіе объ измѣненіи пути процессіи. Комиссаръ заявилъ, что вышеозначенная процессія ни въ коемъ случаѣ не будетъ разрѣшена. О'Конноръ произнесъ осторожную рѣчь; порицая правительство за тѣ приготовленія, которыя оно дѣлало, онъ въ то же время возлагалъ отвѣтственность за дѣйствія правительства на тѣхъ, кто настаивалъ на вооруженной демонстраціи. Онъ говорилъ, что будетъ просить митингъ „во имя мужества, во имя справедливости и во имя Бога не устраивать процессіи и не бросать великаго дѣла въ руки карманныхъ воровъ и негодяевъ, не давать правительству повода напасть на нихъ". Онъ сказалъ также, что были сдѣланы распоряженія, чтобы стрѣлять изъ нѣкоторыхъ оконъ въ руководителей движенія. Ему говорилъ объ этомъ въ Палатѣ Общинъ альдерменъ Гемфери, а также полиція и другіе.

Делегаты вышли изъ зала Конвента въ десять часовъ утра. Во главѣ процессіи ѣхала повозка, запряженная четырьмя лошадьми и украшенная знаменами. Эта повозка должна была везти Національную Петицію. За этой повозкой слѣдовала другая, запряженная шестью лошадьми, въ которой находились делегаты; на переднемъ сидѣньѣ помѣстились Фиргусъ О'Конноръ, Дойль, Макъ-Грасъ, Джонсъ, Уилеръ и Гарней. Эта коляска, такъ же какъ и первая, была разукрашена. Какъ только делегаты выѣхали, толпа

народа образовала сзади нихъ процессію по восьми въ рядъ. Дойдя до конторы Національнаго Земельнаго Товарищества, процессія остановилась, чтобы принять петицію; затѣмъ двинулась снова черезъ Гольборнъ, Фаррингтонъ-Стритъ и Ньюбриджъ-Стритъ къ Блекфреіерскому мосту. Двѣсти или триста человѣкъ запасныхъ находились на Стимботъ-Пирѣ, и толпа, узнавъ ихъ, весело привѣтствовала ихъ. Почти такое же количество полицейскихъ находилось по другую сторону моста. А немного дальше стояли пятьдесятъ конныхъ полицейскихъ съ тесаками. До Блекфреіерскаго моста большинство лавокъ было открыто, но, начиная съ моста, почти всѣ были закрыты. Процессія въ концѣ концовъ достигла Коммона, гдѣ собрались уже различныя корпораціи съ знаменами и музыкой и образовали густую толпу въ сто пятьдесятъ или сто семьдесятъ тысячъ человѣкъ. Когда экипажъ съ делегатами подъѣхалъ къ Коммону, ихъ встрѣтили громкими, восторженными криками.

Какъ только экипажъ достигъ мѣста своего назначенія, за О'Конноромъ прислали изъ Тавернъ-Борна, гдѣ его ждалъ полицейскій коммиссаръ Майль. Сейчасъ же распространилось извѣстіе, что О'Конноръ арестованъ, но это была неправда. Майль заявилъ, что правительство ничего не имѣетъ противъ митинга, но что процессія не будетъ разрѣшена; что у правительства есть средства помѣшать процессіи, что оно пуститъ въ ходъ всѣ эти средства и что на О'Коннора падетъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія. О'Конноръ обѣщалъ, что процессія не состоится. Когда онъ снова вернулся къ экипажу, его встрѣтили радостными криками и маханьемъ шляпами, что продолжалось довольно долго. О'Коннору предстояла трудная задача. Онъ обѣщалъ народу, что пойдетъ во главѣ процессіи въ Палату Общинъ, а теперь далъ обѣщаніе полиціи, что процессія не состоится. Онъ долженъ былъ дѣйствовать крайне осторожно. „Дѣти мои—началъ онъ—вамъ говорили, что я не буду среди васъ сегодня, но я здѣсь!“ Толпа разразилась громкими криками восторга. Онъ сообщилъ, что получилъ сто писемъ, убѣждавшихъ его не являться на митингъ, такъ какъ жизни его грозила опасность, но онъ отвѣчалъ: „Я предпочту быть пронзеннымъ въ самое сердце, чѣмъ отказаться отъ моего мѣста среди дѣтей моихъ“. Здѣсь снова раздались рукоплесканія и крики: „Браво!“—„Да—продолжалъ онъ—вы— мои дѣти. Это ваши лошади, а не мои: экипажъ этотъ вашъ, такъ

какъ онъ сдѣланъ изъ вашего лѣса, я только вашъ отецъ и вашъ управляющій, но вашъ честный отецъ и вашъ безплатный управляющій". Снова раздался взрывъ рукоплесканій. Тогда онъ началъ умолять ихъ не вредить дѣлу какимъ-нибудь безразсуднымъ поступкомъ; онъ готовъ былъ на колѣняхъ просить ихъ не дѣлать этого. Онъ указалъ на петицію, заключавшую въ себѣ голоса пяти милліоновъ семисотъ тысячъ соотечественниковъ, ожидавшихъ отъ нихъ въ этотъ день благоразумныхъ дѣйствій. Онъ распространился о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя готовило имъ его Земельное Товарищество и говорилъ, что всѣ его дѣти, безъ исключенія, будутъ участвовать въ торжествѣ. Онъ сообщилъ имъ, что врачи запретили ему появляться среди нихъ, что онъ не спалъ шесть ночей и что душа его была подобна горящему углю. Затѣмъ онъ сказалъ имъ, что петицію будетъ сопровождать Исполнительный Комитетъ и убѣждалъ ихъ отказаться отъ процессіи. Онъ просилъ тѣхъ, кто рѣшилъ дѣйствовать разумно и осторожно для того, чтобы обезпечить быстрый успѣхъ Хартіи и добиться ея узаконенія, поднять руки. Поднялся цѣлый лѣсъ рукъ. Тогда онъ сказалъ: „Да поможетъ мнѣ Богъ! или я умру на полу Палаты, или я добьюсь для васъ вашихъ правъ. Я люблю васъ больше своей собственной жизни. На прошлой недѣлѣ я предложилъ Конвенту весь доходъ со „Звѣзды" для того, чтобы поддержать движеніе". Онъ насмѣшилъ митингъ юмористическимъ намекомъ на кормъ лошадей Земельнаго Товарищества, которыя везли петицію и сказалъ, что вѣритъ въ здравый смыслъ и разумъ народа и постарается добиться скорѣйшаго разрѣшенія вопроса. Затѣмъ онъ заявилъ, что теперь, когда онъ увѣренъ въ ихъ благоразуміи, онъ вздохнулъ свободно, и боль исчезла изъ его груди. „Если вы хотите убить меня,—жизнь моя въ вашемъ распоряженіи; но другимъ я не отдамъ ее безъ борьбы. Я хотѣлъ бы еще, чтобы вы помнили объ одномъ: я не думаю, чтобы вы могли хорошо охранить меня теперь. Я буду идти вмѣстѣ съ вами спокойно, рѣшительно и непреклонно, и сегодня вечеромъ я представлю петицію. Въ пятницу будутъ пренія по поводу ея, и ничто не помѣшаетъ нашему успѣху, если самъ народъ не повредитъ ему своимъ безразсудствомъ и невоздержанностью". Затѣмъ онъ опять просилъ тѣхъ, кто находилъ, что Конвентъ поступаетъ разумно, препятствуя пролитію народной крови, поднять руки, и снова поднялся цѣлый лѣсъ рукъ. Тогда онъ поздравилъ ихъ съ ихъ здравымъ

смысломъ и снова повторилъ свои увѣщанія насчетъ процессіи. „Если бы даже меня подвергли пыткѣ—я буду все же бороться противъ насилія. Я буду идти впередъ къ побѣдѣ до тѣхъ поръ, покуда не наступитъ славный день и Народная Хартія не сдѣлается закономъ“. Слова эти были встрѣчены восторженными и бурными рукоплесканіями толпы.

Послѣ О'Коннора говорилъ Эрнестъ Джонсъ. Онъ поддержалъ совѣтъ О'Коннора и затѣмъ заявилъ, что прежде, чѣмъ петиція достигнетъ до Палаты Общинъ, на ней будетъ шесть милліоновъ подписей. Тѣмъ не менѣе онъ убѣждалъ ихъ продолжать борьбу и въ случаѣ, если бы петиція была отвергнута, почтительно повергнуть ихъ прошеніе къ подножію трона. Кларкъ внесъ предложеніе о петиціи противъ принудительныхъ мѣръ, принимаемыхъ Парламентомъ. Киддъ и Рейнольдсъ поддерживали его. Когда О'Конноръ выступилъ въ защиту этой петиціи, раздались крики: „Не надо больше петицій!“ Тѣмъ не менѣе петиція была принята. Грасъ, Вильдъ, Эдмундъ Джонсъ, Дэли, Рейнольдсъ, Вестъ и Гарней произносили рѣчи большимъ толпамъ народа въ другихъ частяхъ Коммона, въ то время какъ О'Конноръ говорилъ въ главномъ центрѣ. Когда митингъ кончился, Петицію положили на три повозки и чартистскій Исполнительный Комитетъ отправился сопровождать ее до Палаты Общинъ. Мосты охранялись полиціей и уже часъ спустя послѣ митинга, народъ все еще не допускался туда. Нѣкоторые хотѣли, тѣмъ не менѣе, пройти, но полиція пустила въ ходъ палки и дѣйствовала ими часто безъ всякой осторожности. Толпа не захотѣла вступать въ столкновеніе съ полиціей, и день прошелъ удивительно мирно, если принять во вниманіе господствовавшее передъ тѣмъ возбужденіе.

О'Конноръ представилъ въ Палату петицію, подписанную, по его утвержденію, пятью милліонами семью стами тысячъ лицъ и потомъ другую, подписанную тридцатью тысячами лицъ. Онъ предложилъ, чтобы первая петиція была прочитана секретаремъ за столомъ, что и было исполнено. Лордъ Морпетъ заявилъ, что сэръ Джонъ Грей, къ сожалѣнію, не могъ присутствовать, задержанный дѣлами, но онъ можетъ сказать за него, что каковъ бы ни былъ его взглядъ на содержаніе петиціи, онъ во всякомъ случаѣ отнесется съ полнымъ уваженіемъ, какъ къ этой, такъ и ко всякой другой петиціи, подписанной большимъ числомъ его согражданъ. Когда петиція была вывезена изъ Па-

латы, Брей представилъ петицію отъ Манчестерскихъ делегатовъ, выбранныхъ отъ шести тысячъ человѣкъ, ходатайствовавшихъ за шесть пунктовъ Хартіи; за уничтоженіе закона о родовыхъ помѣстьяхъ и права первородства; за ограниченіе часовъ работы; за мѣстные комитеты для урегулированія заработной платы. Люшингтонъ сказалъ, что въ слѣдующую пятницу онъ сдѣлаетъ запросъ: входитъ ли въ намѣреніе правительства ввести какую-либо парламентскую реформу въ продолженіе этой сессіи.

Конвентъ собрался снова во вторникъ, 11-го апрѣля, Джонсъ внесъ предложеніе объ избраніи комитета для составленія отчета о предшествовавшемъ днѣ и для распространенія этого отчета въ столицѣ и по всей странѣ. Кеффей выступилъ противъ предложенія, опасаясь лишнихъ расходовъ, но въ концѣ концовъ оно было принято. Кларкъ внесъ предложеніе объ избраніи комитета изъ трехъ лицъ, чтобы составить петицію въ Палату Общинъ съ выраженіемъ порицанія правительству. Ленди поддержалъ это предложеніе, такъ какъ думалъ, что оно не приведетъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ, поддержалъ его также и Кеффей. Послѣ долгихъ преній, въ которыхъ приняли участіе почти всѣ члены Конвента, предложеніе было принято почти единогласно. О'Конноръ предложилъ давать Конвенту доходъ со „Звѣзды“, но его предложеніе было отвергнуто. Тѣмъ не менѣе была принята резолюція, что Конвентъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы О'Конноръ сдѣлалъ пожертвованіе на его расходы. Послѣ того О'Конноръ произнесъ рѣчь и сказалъ делегатамъ, что, по его мнѣнію, количество собравшихся въ Кеннингтонъ-Коммонѣ было отъ четырехсотъ до пятисотъ тысячъ человѣкъ. Гарней внесъ предложеніе объ учрежденіи комитета для избранія делегатовъ съ цѣлью разослать ихъ въ различные округи, чтобы подготовить народъ къ митингамъ въ Страстную пятницу для избранія Національнаго собранія. Предложеніе было принято всѣми противъ одного, и комитетъ былъ избранъ. По предложенію Лича Конвентъ огромнымъ большинствомъ высказался противъ какихъ бы то ни было резолюцій, порицающихъ весь средній классъ, какъ сословіе. Послѣ того была принята по предложенію Кидда резолюція, порицающая Билль объ иностранцахъ, внесенный маркизомъ Ландсдауномъ въ Палату лордовъ. Ширронъ внесъ предложеніе, чтобы Конвентъ употребилъ старанія привлечь къ Хартіи рабочіе союзы.

Въ тотъ самый день, какъ были приняты послѣднія три пред-

ложенія, въ Палатѣ Общинъ произошло очень важное событіе по поводу Національной петиціи. Торнлей прочиталъ докладъ Комитета народныхъ петицій. Онъ заявилъ, что, при содѣйствіи тринадцати постоянныхъ правительственныхъ секретарей, петиція была разсмотрѣна, и что вмѣсто пяти милліоновъ семисотъ тысячъ подписей, въ ней было только одинъ милліонъ девятьсотъ семьдесятъ пять тысячъ четыреста девяносто шесть подписей. А среди прочихъ подписей были такія, напримѣръ, какъ Victoria Rex, Герцогъ Веллингтонъ, сэръ Робертъ Пиль, полковникъ Сибторбъ и другіе. Было также очень много и фиктивныхъ фамилій, какъ, напримѣръ, „Курносый", „Длинноногій", „Плосконосый", „Карапузъ" и многія другія фамиліи на столько неприличныя, что онъ не можетъ оскорбить достоинство Палаты, произнося ихъ. О'Конноръ не находилъ возможнымъ, чтобы тринадцать секретарей были въ состояніи сосчитать одинъ милліонъ девятьсотъ тысячъ подписей въ такое короткое время и просилъ назначить комитетъ для изслѣдованія этого вопроса. Фиктивныя фамиліи онъ приписывалъ правительственнымъ шпіонамъ. Онъ былъ увѣренъ, что количество подписей не могло быть меньше, чѣмъ онъ говорилъ. Онъ не думалъ, чтобы ему стоило какого-либо труда собрать пятнадцать милліоновъ подписей и даже вдвое и втрое больше. Торнлей отвѣчалъ, что спеціально для разсмотрѣнія этой петиціи Комитетъ назначенъ не былъ, но что въ началѣ каждой сессіи выбирается Комитетъ для разсмотрѣнія всѣхъ петицій, представляемыхъ въ Палату. О'Конноръ говорилъ, что петиція состоитъ изъ четырехъ большихъ свертковъ, и чтобы поднять самый большой, понадобилось, кромѣ него самого, еще четыре лица. Петиція была свѣшана утромъ и вѣсила 18 пуд. 35 ф. Комитетъ, по его мнѣнію, былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы продолжать дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса. Лордъ Джонъ Россель выразилъ свое полное удовлетвореніе докладомъ. Затѣмъ говорили графъ Арундель и Соррей, Моррисъ О'Коннель и сэръ Р. Г. Инглисъ, а послѣ нихъ всталъ Крипсъ, одинъ изъ членовъ Комитета, и подтвердивъ заявленіе Торнлея, заявилъ, что изъ десяти тысячъ подписей — восемь тысячъ двѣсти принадлежали женщинамъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній относительно О'Коннора, который возразилъ, что не можетъ быть отвѣтственнымъ за каждую подпись на петиціи. Онъ не обвинялъ Палату въ поддѣлкѣ, а Комитетъ — въ намѣренномъ обманѣ. Сказавъ это, О'Конноръ оставилъ Па-

лату. Полковникъ Сибторбъ заявилъ, что онъ не подписывалъ петиціи. Послѣ рѣчей нѣсколькихъ другихъ членовъ, лордъ Джонъ Россель внесъ предложеніе объ арестѣ О'Коннора, а Спикеръ взялъ слово съ Криббса, что онъ не оставитъ Палаты. О'Конноръ послалъ вызовъ Криббсу черезъ Эрнеста Джонса. Вскорѣ послѣ того онъ былъ арестованъ и привезенъ въ Палату Общинъ и послѣ объясненій и извиненій, какъ со стороны Криббса, такъ и со стороны его, дѣло было покончено. О'Конноръ заявилъ затѣмъ, что послѣ того, что случилось, онъ не будетъ настаивать на внесенномъ имъ предложеніи объ избраніи новаго Комитета для разсмотрѣнія петиціи.

Во вторникъ, 11-го числа, въ Институтѣ на улицѣ Джонъ, состоялся публичный митингъ. Скельтонъ внесъ предложеніе, одобрявшее распоряженіе Конвента для предупрежденія кровопролитія. Чорчиль внесъ поправку, не осуждавшую Конвентъ, но выражавшую ему одобреніе въ болѣе слабыхъ выраженіяхъ. Вернонъ поддерживалъ поправку, но она была отвергнута, и резолюція прошла. Фоссель внесъ предложеніе, порицавшее Билль объ охранѣ короны и правительства. Поддержалъ его Вальтеръ, а также и Джонсъ, который замѣтилъ, что по настоянію сэра Джоржа Грея надняхъ должно быть будетъ принятъ Билль о молчаніи, поэтому онъ будетъ говорить особенно громко и рѣзко. Это заявленіе было встрѣчено шумными рукоплесканіями. Когда резолюція была принята, митингъ разошелся. Въ пятницу, 14-го, въ засѣданіи Конвента О'Конноръ заявилъ о своемъ намѣреніи не вносить Хартіи на обсужденіе Палаты въ настоящее время, но совѣтовалъ составлять все новыя петиціи. Была принята резолюція, одобрявшая предложеніе О'Коннора, а также выражавшая ему благодарность и довѣріе. Киддъ предложилъ, чтобы каждый делегатъ пересчиталъ количество подписей отъ своего округа. Гарней былъ увѣренъ, что подписи въ его округѣ были вполнѣ вѣрны и заявилъ, что Ноттингемскіе жители должны были-бы организоваться въ національную гвардію; это было-бы самымъ убѣдительнымъ отвѣтомъ тѣмъ, кто сомнѣвался въ ихъ числѣ; покуда это не будетъ сдѣлано, онъ не будетъ рисковать своей жизнью. Эрнестъ Джонсъ былъ увѣренъ, что количество подписей на петиціи было скорѣе больше, чѣмъ меньше. Двѣсти тысячъ подписей уже теперь находятся въ бюро, и ему говорили о сорока семи тысячахъ подписей изъ Галифакса, которыя такъ

и не были получены. Адамсъ заявилъ, что Конвентъ могъ бы добыть большее количество подлинныхъ подписей подъ петиціей, чѣмъ имѣлось, если бы это могло служить аргументомъ для правительства въ пользу разсмотрѣнія Хартіи. Какъ предложеніе, такъ и поправка были отвергнуты, и Конвентъ вотировалъ первую резолюцію. Эрнестъ Джонсъ внесъ резолюцію о разсылкѣ брошюръ не для того, чтобы познакомить съ содержаніемъ Хартіи, такъ какъ теперь, когда они надѣялись скоро имѣть ее, это было бы слишкомъ поздно, но для того, чтобы показать тѣ преимущества, которыя она даетъ народу. Предложеніе было принято, и присутствующая публика собрала два фунта восемнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ для приведенія его въ исполненіе. По предложенію Джонса была также принята записка королевѣ и было рѣшено послать его въ Шотландію съ цѣлью подготовить Національное собраніе. Стевенсонъ внесъ предложеніе, порицавшее прессу за ея недостойное поведеніе и односторонніе взгляды. Нѣкоторые изъ делегатовъ замѣтили, что единственнымъ средствомъ борьбы противъ враждебной прессы было-бы рѣшеніе народа поддерживать только свою прессу; но резолюція о порицаніи была тѣмъ не менѣе принята огромнымъ большинствомъ. Во время преній Кеффи сказалъ, что они призовутъ къ суду издателя и типографа, какъ они это дѣлаютъ въ Палатѣ. Это замѣчаніе вызвало громкій смѣхъ, который возобновился, когда Кеффей прочелъ письмо въ Конвентъ якобы отъ полковника Сибторба, приглашавшаго его обѣдать въ слѣдующую среду. Когда была составлена записка королевѣ, рѣшено было передать ее на обсужденіе одновременныхъ митинговъ для того, чтобы предсѣдатели митинговъ подписали ее отъ имени всего собранія.

Митинги продолжали устраиваться по всей странѣ. Въ Абердинѣ шесть тысячъ человѣкъ приняли резолюцію въ пользу учрежденія національной гвардіи. Въ четвергъ, въ залѣ Адамсъ-сквера собрался огромный митингъ, на которомъ было вотировано довѣріе Конвенту, а въ слѣдующій понедѣльникъ вечеромъ состоялся митингъ на открытомъ воздухѣ. Было рѣшено устроить процессію, но, по требованію властей, митингъ отказался отъ этого намѣренія. 19-го огромный митингъ собрался въ Глазго, въ залѣ Сити, гдѣ была принята такая же резолюція, какъ и въ Эдинбургѣ, а также резолюція поддерживать Конвентъ всѣми законными средствами. Въ Гринокѣ и Денди также состоялись большіе митинги,

на которыхъ были приняты подобныя-же резолюціи. 17-го Джонсъ пріѣхалъ въ Абердинъ, гдѣ состоялся митингъ на открытомъ воздухѣ въ десять тысячъ человѣкъ; были приняты резолюціи противъ Палаты Общинъ и министерства и въ пользу учрежденія національной гвардіи. Предсѣдательствовалъ Макъ-Ферсонъ, а говорили Генри, Макдональдъ, Райтъ, Смартъ, Линдсей, Финдлей и Джонсъ. Въ девять часовъ митингъ разошелся; часть толпы направилась въ союзный залъ, который былъ переполненъ. Здѣсь снова говорили Генри, Райтъ, Смартъ и Джонсъ и митингъ закончился привѣтственными криками въ честь О'Коннора и Конвента. Въ Айрѣ и во многихъ другихъ мелкихъ городахъ Шотландіи были также устроены митинги и приняты резолюціи. Въ Манчестерѣ состоялись митинги лавочниковъ, спеціальныхъ констеблей и делегатовъ отъ трэдъ-юньоновъ и чартистовъ для поддержанія Хартіи. Въ воскресенье былъ устроенъ митингъ въ Смитфильдѣ (Манчестеръ), на которомъ присутствовало сто тысячъ человѣкъ, рѣшившихъ поддерживать Конвентъ при всѣхъ обстоятельствахъ. Въ Ньюкастлѣ, Нордшильдсѣ, Гулѣ, Бери, Ливерпулѣ, Уайтхевенѣ, Ловборо, Бильстонѣ, Уорчестерѣ, Тивертонѣ, Бристолѣ, Гейвудѣ, Сеттонъ — въ Ашфильдѣ и другихъ городахъ также состоялись большіе и оживленные митинги. Въ Бильстонѣ почтовая станція охранялась конной полиціей. Митинги и процессіи устраивались почти каждый день, и царилъ самый пылкій энтузіазмъ. Въ газетѣ Мичеля продолжались печататься, все съ возрастающей пылкостью, статьи объ уличныхъ возстаніяхъ, дышавшія ненавистью къ правительству. Въ Дублинѣ, въ музыкальномъ залѣ на улицѣ Аббей былъ устроенъ митингъ ирландскихъ автономистовъ, на которомъ говорили Стричъ, предсѣдатель, Фразеръ, О'Донегью, Барри, Смитъ О'Брайенъ, Мигеръ, Дённъ, Мичель, Макъ-Ги и Догени. На митингѣ развѣвался трехцвѣтный ирландскій флагъ съ огромной блестящей пикой надъ нимъ. Митингъ выразилъ самую непреклонную рѣшимость. О'Конноръ былъ приглашенъ въ Дублинъ на митингъ для поддержанія Хартіи въ понедѣльникъ на Пасхѣ.

Въ понедѣльникъ, 17-го апрѣля, Конвентъ собрался снова. Кларкъ опять поднялъ вопросъ о петиціи, говоря, что были получены подписные листы изъ Лидса, гдѣ было собрано пятьдесятъ четыре тысячи подписей и изъ Манчестера, гдѣ собрано сто семьдесятъ тысячъ. Онъ не сомнѣвался, что при подсчетѣ произошла

крупная ошибка и нечего стыдиться признать это. Былъ выбранъ комитетъ для изслѣдованія этого вопроса. Гарней прочиталъ бумагу изъ Ноттингема, въ которой говорилось, что чартисты тамъ организовались въ вооруженное общество для охраны жизни и собственности. Въ среду, Кларкъ доложилъ, что Комитетъ, избранный для изслѣдованія подписей подъ петиціей не можетъ придти къ соглашенію, какое число было вѣрно: то-ли, о которомъ было заявлено Комитетомъ Палаты Общинъ, или то, которое приводили лица, подававшія петицію; на этомъ основаніи Комитетъ отказался представить докладъ по данному вопросу. По предложенію Кларка митингъ по поводу Національнаго собранія былъ отложенъ до перваго мая. Во время преній Рейнольдсъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отозвался о Биллѣ сэра Джоржа Грея, заявивъ, что если народъ поддержитъ ихъ, онъ броситъ вызовъ этому закону, хотя бы за это ему грозила пожизненная ссылка. Гарней внесъ предложеніе, чтобы записка подписывалась не только предсѣдателями публичныхъ митинговъ, но и всѣми мужчинами, начиная съ восемнадцатилѣтняго возраста. Семь вотировали за предложеніе и семь—противъ, а предсѣдатель подалъ свой рѣшающій голосъ противъ. Было прочитано письмо отъ Эрнеста Джонса, въ которомъ тотъ говорилъ, что въ Абердинѣ образовалась Національная гвардія въ шесть тысячъ человѣкъ, что тамъ почти каждый вечеръ устраиваются процессіи, и что Глазго и Эдинбургъ готовятся дѣлать то же самое.

22 апрѣля въ „Звѣздѣ“ появилось письмо О'Коннора, въ которомъ онъ возставалъ противъ предполагаемаго Національнаго Собранія, объявляя его незаконнымъ. Онъ также порицалъ безуміе и нескромность нѣкоторыхъ членовъ Конвента, за поведеніе которыхъ онъ долженъ былъ вынести оскорбленіе и упреки въ Палатѣ Общинъ и за расходы которыхъ онъ долженъ былъ заплатить сто пятьдесятъ фунтовъ. Онъ изображалъ въ комичномъ видѣ партіи, готовыя „засучить рукава и вступить въ бой“, намекая очевидно на Джуліана Гарнея, который употребилъ эти слова нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ приводилъ выдержки изъ письма одного стенографа, фамилію котораго онъ, по его просьбѣ, не упоминалъ, утверждавшаго, что будто бы всѣ ежедневныя газеты получили предписаніе печатать, что на митингѣ 10-го апрѣля присутствовало пятнадцать тысячъ человѣкъ, и поэтому всѣ газеты привели это число. Не было ли это письмо простой

выдумкой? О'Конноръ зналъ изъ своей газеты, что „Morning Post" опредѣлялъ количество собравшихся отъ восьмидесяти до полутораста тысячъ человѣкъ, а „Sun" въ сто семьдесятъ тысячъ. О'Конноръ сообщалъ въ томъ же письмѣ, что 8-го апрѣля за нимъ шелъ переодѣтый ирландскій полицейскій, сообщившій ему, что если онъ пойдетъ на митингъ 10-го, то будетъ застрѣленъ.

Слѣдующая недѣля была переполнена митингами. Огромный митингъ рабочихъ собрался въ Національномъ залѣ въ Лидсѣ; были приняты резолюціи въ пользу Хартіи и въ пользу автономіи Ирландіи. О'Конноръ посѣтилъ Манчестеръ, гдѣ, въ залѣ Наукъ, состоялся большой митингъ, на которомъ говорили онъ и многіе другіе. Въ понедѣльникъ на Пасхѣ, онъ посѣтилъ своихъ избирателей въ Ноттингемѣ, гдѣ была устроена грандіозная процессія. О'Конноръ, а также Свитъ, Моттъ и Робертсъ были посажены въ тріумфальную колесницу, запряженную четырьмя лошадьми съ кучерами, одѣтыми въ зеленыя бархатныя куртки и шапочки. Отъ желѣзнодорожной станціи они направились къ базарному скверу, гдѣ собралось отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ человѣкъ. Предсѣдательствовалъ Свитъ. Робертсъ внесъ, а Гаррисонъ поддержалъ резолюцію о довѣріи Фиргусу О'Коннору, который затѣмъ обратился къ собранію съ довольно длинною рѣчью. Вечеромъ состоялся чай въ Биржевомъ залѣ, на которомъ присутствовало семьсотъ человѣкъ. Робертсъ прочиталъ адресъ О'Коннору, а Гаррисонъ произнесъ нѣсколько словъ, послѣ чего О'Конноръ снова обратился къ собранію съ рѣчью. На митингѣ, на Базарной площади, д-ръ М'Дуэль и его преп. Теддеусъ О'Маллей были выбраны делегатами въ Національное собраніе. Въ Ливерпулѣ состоялся огромный митингъ подъ открытымъ небомъ, на которомъ были выбраны въ Національное собраніе Томасъ и Эдмундъ Джонсъ. Въ Глазго въ Гринѣ состоялось огромное собраніе въ сто тысячъ человѣкъ; предсѣдательствовалъ Мойръ; Поль, Денканъ, Фразеръ, Муррей, Девизъ, Кловъ, Адамсъ (изъ Конвента), Гарлей и Россъ говорили рѣчи. Были приняты резолюціи противъ Билля о молчаніи (Gagging Bill). На предыдущемъ митингѣ въ Національное собраніе были избраны Адамсъ Гарлей и Муррей отъ Дублина. Въ Денди собрался большой митингъ въ залѣ Бельстритъ; предсѣдательствовалъ Киддъ. Макъ Крэ предложилъ резолюцію, а Эрнестъ Джонсъ поддержалъ ее въ пылкой рѣчи, спрашивая собраніе, имѣетъ ли оно намѣ-

реніе поддерживать Національное Собраніе во всѣхъ его мѣропріятіяхъ для завоеванія народныхъ правъ? Митингъ шумно выразилъ свое согласіе. Эрнестъ Джонсъ посѣтилъ затѣмъ Эдинбургъ, гдѣ состоялся митингъ въ залахъ Ватерло, совершенно переполненныхъ публикой. Дж. Грандъ изъ „Weekly Express“ предсѣдательствовалъ; Адамсъ, делегатъ изъ Глазго, произнесъ довольно длинную рѣчь, а за нимъ всталъ Джонсъ, краснорѣчіе котораго наэлектризовало аудиторію. Послѣ рѣчи д-ра Гентера, митингъ выразилъ свое сочувствіе Фиргусу О'Коннору троекратнымъ рукоплесканіемъ и затѣмъ разошелся. Джонсъ и Адамсъ посѣтили Гринокъ. Чартисты устроили процессію несмотря на то, что это было запрещено властями, встрѣтили делегатовъ, которыхъ сопровождали Буррей и Нильсонъ и проводили ихъ отъ порта Глазго до восточнаго конца города. Въ процессіи участвовало около семисотъ человѣкъ. Они дошли до Делингбернъ-сквера и тамъ устроили митингъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ Кембель, а Джонсъ и Адамсъ говорили рѣчи. Послѣ того снова была устроена процессія, но произошло столкновеніе съ полиціей, причемъ нѣкоторые получили серьезные ушибы.

Въ страстную пятницу состоялся митингъ отъ Уэстъ-Райдинга, въ Галифаксѣ, въ Скеркотъ-Мурѣ. Властями были приняты всевозможныя мѣры. Держались наготовѣ спеціальные констебли, кавалерія и добровольная милиція. Процессія съ музыкой и флагами вышла изъ Брэдфорда, Годдерсфильда и другихъ мѣстъ. Огромная толпа народа собралась въ Мурѣ. Предсѣдательствовалъ В. Рештонъ,—ветеранъ демократическаго движенія. Гаррисъ отъ Лидса, Лайтуолеръ изъ Конвента, Шекльтонъ отъ Галифакса, Эммотъ изъ Кифлея, Шоу отъ Конвента, Клиссетъ изъ Галифакса, Джозефъ Баркеръ изъ Вортлея и другія лица говорили рѣчи. Были приняты обычныя резолюціи. Количество присутствующихъ на митингѣ опредѣляли въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Кромѣ уже описанныхъ митинговъ многочисленныя собранія устраивались во многихъ другихъ городахъ, на которыхъ избирали делегатовъ въ Національное Собраніе. Въ Дублинѣ состоялся большой митингъ въ „Princess Theatre“ для образованія союза между ирландскими автономистами и англійскими радикалами. Предсѣдательствовалъ Ричардъ О'Горманъ, эсквайръ. На митингѣ говорили рѣчи Мичель, Петрикъ О'Хиггинсъ и многія другія лица, и были приняты резолюціи, соотвѣтствующія задачамъ митинга. Другой ми-

тингъ состоялся 24 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ Мичеля. Говорили рѣчи Личъ и Киддъ, послѣ чего была принята резолюція въ пользу принциповъ Хартіи. Подобные-же митинги состоялись въ Дрогедѣ и другихъ городахъ.

На собраніи Конвента, 23 апрѣля, было рѣшено, что, несмотря на письмо О'Коннора, Національное Собраніе соберется 1-го мая. И дѣйствительно, 1-го мая 1848 года, согласно постановленію, состоялось Національное Собраніе *). Диксонъ былъ выбранъ предсѣдателемъ, а Ширронъ секретаремъ. Поднялись пренія о законности Собранія, такъ какъ количество собравшихся было болѣе сорока девяти. Было сдѣлано нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній относительно О'Коннора. Ширронъ замѣтилъ, что они не могутъ придавать значеніе словамъ человѣка, который одинъ день говоритъ, что Собраніе законно, а другой, что не законно. Въ концѣ концовъ было рѣшено, по предложенію Эрнеста Джонса, что всѣ делегаты, законно избранные, имѣютъ право участвовать въ собраніи. Капитанъ О'Брайенъ явился отъ имени ирландскихъ конфедератовъ, чтобы выразить уваженіе Собранію, но не принималъ участія въ засѣданіяхъ. Макъ-Карти представилъ свои документы, но несмотря на то, что Эрнестъ Джонсъ настаивалъ на его принятіи, было рѣшено не принимать его, такъ какъ онъ былъ избранъ на митингѣ, созванномъ не для этой цѣли. Делегаты начали свои доклады въ понедѣльникъ вечеромъ и кончили только въ среду утромъ.

---

*) Слѣдующія лица представили свои права на участіе въ немъ: Дж. Шау, Тауэръ Гамлетсъ; В. Диксонъ, Норвичъ; В. Дж. Вернонъ, Вестъ-Лондонъ; Т. Кларкъ, Шеффильдъ; Дж. Кросслей, Стелейбриджъ; Т. Бриггсъ, Шеффильдъ; Ж. Метьюсъ, Бёри; А. Шарпъ, Тауръ-Гамлетсъ; М. Стевенсонъ, Больтонъ; Э. Каделетъ, Гайдъ; Д-ръ М'Дуэль и Т. О'Маллей Ноттингэмъ; Дж. Бассетъ, Саусъ-Лондонъ; Т. Фертсъ. Линнъ; Дж. Пибоди, Нордгемптонъ; Р. Кокрепъ, Неслей; Ж. Макъ-Крэ, Денди; Дж. Пикокъ, Гринокъ; С. Бартлетъ, Бристоль; Т. М. Уилеръ, Саусъ-Лондонъ; Дж. Шау, Борнслей; Г. Мичель, Рокдоль; Дж. Аркеллъ, Свиндонъ; В. Брукъ и Дж. Баркеръ, Лидсъ; С. Киддъ, Ольдгемъ; Дж. Адамсъ и А. Гарлей, Глазго. Вестъ явился представителемъ отъ Стокъ-Форда; Харгривсъ отъВаррингтона; Дж. Аббсъ отъ Лонгтона; Р. Мирфильдъ отъ Кефлея; В. Инсоль отъ Дудлея; С. Бентоль отъ Макльсфильда; Дж. Гойотъ отъ Сальфорда; Г. Роденъ отъ Бирмингама; С. Б. Генри отъ Абердина; Макъ-Интошъ отъ Ньюкастля-на-Тайнѣ; Карперъ отъ Бирмингамскаго округа.

Изъ этихъ докладовъ было совершенно ясно, что большинство округовъ было противъ физической силы. Делегатъ изъ Нордгемптона былъ избранъ на основаніи принциповъ нравственной силы, хотя въ Конвентѣ этотъ делегатъ говорилъ, что его избиратели готовы на борьбу. Лидсъ избралъ двухъ делегатовъ — оба представители принциповъ нравственной силы. Шоу изъ Лондона, Шарпъ, Эрнестъ Джонсъ, Макъ-Линъ, Генри, Ширронъ, Макъ-Интошъ и Т. Джонсъ со своими избирателями стояли на сторонѣ физической силы, если это вызоветъ необходимость. Макъ-Крэ заявилъ, что его избиратели образовали національную гвардію. Уилеръ сказалъ тоже про своихъ. Эрнестъ Джонсъ заявилъ, что его избиратели хотятъ соблюдать законы, охраняющіе жизнь и собственность, но рѣшили уничтожить тѣ изъ нихъ, которые ограничиваютъ свободу и справедливость. Въ Абердинѣ—сказалъ онъ—образовалась національная гвардія въ тысячу человѣкъ, готовая поддержать собраніе, если оно объявитъ себя парламентомъ. Въ Эдинбургѣ собирались митинги до тридцати тысячъ человѣкъ, на которыхъ тоже шла рѣчь о Національной Гвардіи. Городскія власти тамъ поручили охрану города чартистамъ. Въ Песлеѣ онъ принималъ участіе въ митингѣ и процессіи въ тридцать тысячъ человѣкъ, съ сотней знаменъ и двѣнадцатью оркестрами, и во время шествія процессіи по всему пути раздавались выстрѣлы въ знакъ торжества. На огромномъ митингѣ, въ залѣ Сити, въ Глазго, народъ рѣшилъ поддерживать собраніе, что бы оно ни постановило. Киддъ доложилъ о результатахъ своей миссіи въ Ирландіи и выразилъ увѣренность, что если будутъ приняты надлежащія мѣры, то ирландскій народъ признаетъ Хартію. Пикокъ, Шоу изъ Барнслея и Ренкинъ изъ Эдинбурга порицали О'Коннора за его письмо. По предложенію Джонса собраніе огромнымъ большинствомъ приняло слѣдующую программу: — Изысканіе средствъ, необходимыхъ собранію на усиленіе движенія; организація и тактика чартистовъ; представленіе записки Королевѣ; изысканіе лучшаго практическаго метода, чтобы сдѣлать Хартію закономъ *). Затѣмъ много времени ушло на обсужденіе вопроса о способахъ дѣйствій Собранія. Большинство делегатовъ не имѣло, повидимому, никакой опредѣленной

*) Догени явился представителемъ отъ Сальфорда, Т. Джонсъ отъ Ливерпуля, Чорчиль и Макъ-Карти отъ Финсбери.

тактики. Начались пренія по вопросу о моральной и физической силѣ, и М'Дуэль выразилъ строгое порицаніе тѣмъ, кто распространяетъ мнѣніе, будто-бы народъ готовъ прибѣгнуть къ физическому насилію. Въ концѣ концовъ делегаты приняли предложеніе Канделета, что всѣ пренія по вопросу о нравственной и физической силѣ въ высшей степени не политичны и рѣшено было составить съ этой цѣлью воззваніе къ странѣ. Были прочитаны письма изъ Барнслея и Ливерпуля: одно—за, а другое—противъ О'Коннора. Начались пренія, во время которыхъ *Звѣзду* обвиняли въ печатаніи невѣрныхъ отчетовъ. Ни одинъ изъ делегатовъ не защищалъ эту газету. Было выяснено также, что Эрнестъ Джонсъ не принималъ больше никакого участія въ *Звѣздѣ*. О'Конноръ заявилъ, какъ ему такъ и Гарнею, что они не могутъ болѣе принимать участія въ *Звѣздѣ*, разъ они принимаютъ участіе въ Національномъ Собраніи. Гарней пожелалъ остаться редакторомъ и отказался отъ участія въ Собраніи, но Джонсъ отказался отъ участія въ *Звѣздѣ* и занялъ мѣсто среди делегатовъ. О'Конноръ напечаталъ въ *Звѣздѣ* письмо къ Собранію, желая оправдать свое поведеніе.

Въ субботу, 6-го мая, было рѣшено обратиться съ воззваніемъ къ странѣ, чтобы собрать десять тысячъ фунтовъ для агитаціонныхъ цѣлей. Образовалась новая партія квартирнаго избирательнаго права нанимателей и другихъ мѣръ подъ руководствомъ Юма. Докторъ М'Дуэль внесъ резолюцію, въ силу которой чартисты должны были присутствовать на митингахъ, устраиваемыхъ другими партіями парламентскихъ реформъ не для обструкціи или для внесенія злоумышленныхъ поправокъ, но для того чтобы въ спокойныхъ и раціональныхъ рѣчахъ доказывать превосходство Хартіи надъ всѣми другими мѣрами, преслѣдующими реформы и защищать ее, если на нее станутъ нападать. Эрнестъ Джонсъ находилъ, что чартисты должны присутствовать на публичныхъ митингахъ съ цѣлью вносить поправки въ пользу Хартіи. Но онъ былъ противъ того, чтобы являться на избирательныя собранія съ цѣлью обструкціи. Въ концѣ концовъ было принято предложеніе М'Дуэля съ добавленіемъ Брука, что чартисты должны быть вѣрны Хартіи*). Шоу доложилъ, что его избиратели вотировали довѣріе О'Коннору, а Макъ-Грассъ добавилъ, что то же самое было

*) Въ понедѣльникъ Плессъ явился въ Собраніе представителемъ отъ Блякберна, а Марсденъ отъ Престона.

сдѣлано на большомъ и очень восторженномъ митингѣ въ залѣ Саусъ-Лондона. Адамсъ заявилъ, что если это будетъ продолжаться, то онъ соберетъ митинги, на которыхъ будетъ вотировано недовѣріе. Докторъ М'Дуэль представилъ отчетъ Комитета объ организаціи. Отчетъ рекомендовалъ раздѣлить страну на округи, участки, кварталы и околотки. Исполнительный Комитетъ долженъ выбрать на текущій годъ комитетъ изъ пяти представителей. Окружные и участковые завѣдующіе должны получать жалованіе отъ мѣстныхъ жителей; члены. Исполнительнаго Комитета должны получать каждый два фунта въ недѣлю, а во время разъѣздовъ оплату путевыхъ издержекъ второго класса и два шиллинга шесть пенсовъ суточныхъ. Собраніе должно было кромѣ того выбрать десять комиссіонеровъ, находившихся подъ контролемъ Исполнительнаго Комитета и получавшихъ во все время исполненія своихъ обязанностей столько же, сколько и члены Комитета. Завѣдующіе округами должны были имѣть самый дѣятельный надзоръ за своими мѣстностями и представлять еженедѣльно отчетъ въ Исполнительный Комитетъ о числѣ членовъ, о положеніи рабочаго класса, о настроеніи народа и о движеніяхъ въ разнаго рода общественныхъ учрежденіяхъ. Съ помощью добровольныхъ пожертвованій было постановлено положить начало Освободительному фонду и была собрана сумма въ десять фунтовъ. Исполнительный Комитетъ долженъ былъ имѣть въ Лондонѣ Канцелярію. Этотъ планъ былъ принятъ. Но такъ какъ члены Исполнительнаго Комитета должны были избираться въ теченіе шести недѣль, то Національное Собраніе выбрало временный Исполнительный Комитетъ и двѣнадцать комиссіонеровъ вмѣсто десяти. Эрнестъ Джонсъ стоялъ за то, чтобы постоянный Исполнительный Комитетъ избирался Національнымъ Собраніемъ, а затѣмъ представлялся на одобреніе народа. Затѣмъ собраніе избрало въ Исполнительный Комитетъ Макъ-Крэ, Джонса, Кидда, Лича и М'Дуэля. Во вторникъ, 9-го мая, Мичель занялъ мѣсто въ Національномъ Собраніи отъ Рокделя, а въ комиссіонеры на шесть недѣль, на тотъ-же срокъ какъ и Исполнительный Комитетъ, были избраны Адамсъ, Уилеръ, Брукъ, Ренкинъ, Пиллингъ, Стевенсонъ, Шарпъ, Кокренъ, Пикокъ, Шоу, Гарлей, Бассетъ, Коммингъ, Чайльдъ, Донованъ, Ширронъ, Генри, Лайтулеръ и Вестъ. Въ началѣ засѣданія этого дня Вернонъ и другіе высказали свое сожалѣніе по поводу того, что ничего не было сдѣлано, и что если такое положеніе вещей будетъ продолжаться, то агитація замретъ.

Многіе другіе делегаты выразили то же мнѣніе. Чайльдъ признался, какъ одинъ изъ членовъ организаціоннаго Комитета, что они не исполнили своего долга.

Въ среду, 10-го мая, Киддъ представилъ очень чувствительное обращеніе ко всѣмъ классамъ по поводу рабочаго вопроса, и послѣ нѣкоторыхъ преній предложеніе его было принято единогласно. М'Дуэль прочиталъ письмо отъ делегатовъ объединенныхъ тредъюніоновъ въ Глазго, выражавшихъ свое сожалѣніе по поводу разногласій между Національнымъ Собраніемъ и О'Конноромъ и по поводу того, что Собраніе, тратя свое время на жалкіе споры по поводу сравнительно неважныхъ вопросовъ, пренебрегаетъ дѣлами. Они хотѣли единенія между лидерами. Въ отвѣтъ на это письмо была составлена резолюція, что Собраніе, какъ учрежденіе, не поднимало никакого вопроса объ О'Коннорѣ и вообще не касалось личностей. Во время преній относительно обязанностей выбранныхъ комиссіонеровъ чувствовалось много недоброжелательства. Чайльдъ выразилъ надежду, что когда они будутъ говорить на митингахъ, они будутъ руководиться здравымъ смысломъ, постараются не прибѣгать къ сарказму и не будутъ запугивать слушателей своимъ важнымъ видомъ. Предсѣдатель заявилъ, что получилъ оскорбительное письмо, требовавшее распущенія Собранія. По предложенію Ренкена была принята резолюція, гласившая:—„Что постоянная армія противорѣчитъ Британской конституціи и стѣсняетъ свободу подданныхъ".

Депутація, отправленная къ О'Коннору, чтобы получить свѣдѣнія относительно его предложенія, доложила слѣдующее. О'Конноръ отвѣтилъ имъ, что Юмъ собирался внести предложеніе о всеобщемъ голосованіи, право на которое имѣетъ всякій, кто прожилъ не менѣе трехъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ (это было не вѣрно, голосованіе было поквартирное). Тайная подача голосовъ, трехгодичный парламентъ и равные избирательные округа (это также было невѣрно). Онъ считалъ за лучшее не выдвигать своего предложенія, покуда это не будетъ рѣшено, и рекомендовалъ подавать больше петицій. Адамсъ среди смѣха и рукоплесканій сказалъ, что они говорили о примирительной тактикѣ, а это была неожиданная тактика. М'Дуэль сообщилъ, что изъ провинцій были получены радостныя извѣстія: организаціи все росли. Въ Ньюкастельскомъ округѣ надѣялись избрать двадцать тысячъ членовъ

въ двѣ недѣли. Въ Корнваллисѣ чартисты также были очень сильны. Затѣмъ было рѣшено устроить большую демонстрацію въ столицѣ для принятія записки къ королевѣ. Марсденъ и Вернонъ стояли за то, чтобы записку сопровождала процессія. Эрнестъ Джонсъ заявилъ, что онъ никогда бы не отказался принять участія въ такой процессіи; если только народъ готовъ, то его не остановитъ никакая отвѣтственность. Но о процессіи будетъ время поговорить тогда, когда соберется митингъ. Киддъ со своей стороны замѣтилъ, что всегда готовъ дѣйствовать заодно съ народомъ и если народъ рѣшитъ идти процессіей, то онъ приметъ въ ней участіе, но сдѣлалъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно того, что народу не надо навязывать процессіи, какъ это дѣлали другіе делегаты.

Въ то время, какъ Національное Собраніе занималось преніями, въ провинціи не бездѣйствовали. О'Конноръ, 8-го мая, пріѣхалъ въ Лейстеръ и былъ встрѣченъ процессіей. Состоялись два митинга одинъ на открытомъ воздухѣ, другой въ амфитеатрѣ. О'Конноръ говорилъ на обоихъ и былъ встрѣченъ съ большимъ энтузіазмомъ. Митинги были устроены болѣе чѣмъ въ ста мѣстахъ, причемъ приняты были резолюціи съ выраженіемъ довѣрія Фиргусу О'Коннору, и даже нѣкоторыя, выражавшія порицаніе его противникамъ. Въ Аштонѣ было сдѣлано предложеніе основать ежедневную газету *Democrat* подъ руководительствомъ О'Коннора. Было предложено собрать для начала двадцать пять тысячъ фунтовъ. Въ другихъ мѣстахъ вотировали въ пользу этого предложенія главнымъ образомъ потому, что во главѣ дѣла долженъ былъ стоять О'Конноръ.

На слѣдующемъ засѣданіи Національнаго Собранія было принято предложеніе Веста объ уничтоженіи союзнаго парламента между Великобританіей и Ирландіей и предложеніе Карвера объ отдѣленіи церкви отъ государства. Киддъ внесъ резолюцію относительно закона о бѣдныхъ, требуя разселенія бѣдныхъ на общественныхъ земляхъ. Онъ очень талантливо развилъ свой проектъ, и резолюція была принята. Эрнестъ Джонсъ внесъ предложеніе, рекомендовавшее народу вооружаться. Это предложеніе защищали всѣ делегаты, говорившіе по этому поводу, за исключеніемъ Аркля, находившаго, что они должны удовлетвориться заявленіемъ, что народъ имѣетъ право на это. Предложеніе Джонса было принято. Предсѣдатель прочиталъ письмо отъ Гарлея, ко-

торый, по настоянію Комитета въ Глазго, отказался отъ обязанностей коммиссіонера и отъ участія въ Національномъ Собраніи изъ за его отношенія къ О'Коннору. Затѣмъ начались длинныя пренія по вопросу о представленіи записки, обратились съ письменнымъ запросомъ къ Лорду Канцлеру, чтобы узнать, когда депутація могла быть принята королевой. Канцлеръ отослалъ ихъ къ сэру Джоржу Грею. Адамсъ предложилъ, чтобы митингъ, который долженъ былъ собраться для принятія записки, отправился отъ мѣста собранія къ Букингемскому дворцу и просилъ аудіенціи у королевы, и чтобы Исполнительный Комитетъ шелъ во главѣ процессіи. Послѣдняя часть резолюціи имѣла въ виду Эрнеста Джонса, заявившаго въ Глазго, что народъ могъ имѣть непосредственный доступъ къ королевѣ. Предложеніе это не встрѣтило большого сочувствія, несмотря на то, что нѣкоторые делегаты сильно поддерживали его, и было отвергнуто. Макъ-Интошъ внесъ подробную резолюцію, пренія по поводу которой происходили въ субботу 13-го. Пренія были очень бурныя, и почти каждый делегатъ находилъ ошибочнымъ мнѣніе другого. Въ концѣ концовъ была принята поправка Кокрена, передававшая все это дѣло въ руки Исполнительнаго Комитета. Вестъ внесъ предложеніе, чтобы Національное Собраніе по окончаніи засѣданія было распущено. Пиллингъ поддерживалъ это предложеніе, Шоу и Гарнлей предлагали отложить Національное Собраніе на шесть недѣль; ихъ поддерживалъ Бассетъ. Эрнестъ Джонсъ поддержалъ это предложеніе и сказалъ, что:—

„Онъ дѣлаетъ это съ тяжелымъ чувствомъ, потому что имъ пришлось выслушать похоронную рѣчь Собранію отъ собственныхъ его членовъ. Многіе члены употребили все свое краснорѣчіе съ этой цѣлью. Въ ихъ средѣ произошелъ разладъ. Когда Собраніе открылось, чартисты видѣли въ немъ элементы народной власти, собранные и сконцентрированные вмѣстѣ. Тогда эта власть должна была стремиться къ высшимъ цѣлямъ, но началось дезертирство друзей и вторженіе враговъ, была испорчена главная пружина, и элементы, составляющіе энергію, быстро разсѣялись по вѣтру. Были получены резолюціи съ разныхъ сторонъ, но какимъ образомъ они составлялись и на какихъ митингахъ, онъ не можетъ сказать, не обвиняя нѣкоторыхъ членовъ собранія и другихъ и, наконецъ, все Собраніе. При этихъ обстоятельствахъ онъ находитъ, что если они выступятъ снова, а имъ

придется выступить, то они должны начать съ новыми силами, съ новой энергіей и съ новыми полномочіями. Они должны обновиться у главнаго источника демократіи. Въ Собраніи ихъ было только шестьдесятъ человѣкъ. Они ждали остальныхъ сорока делегатовъ изъ остальныхъ округовъ. Вотъ почему они не могли ничего рѣшить относительно записки къ королевѣ. Самое лучшее, что они могли сдѣлать теперь—это разойтись и вернуться къ своимъ избирателямъ. Они собирались теперь не напрасно. Они добились *двухъ главныхъ вещей: первое—единенія и второе—независимости*. Этого они добились вполнѣ и ради этого стоило собираться".

Что разумѣлъ ораторъ, говоря объ единеніи, невозможно понять. Онъ началъ съ того, что здѣсь было разъединеніе, а закончилъ тѣмъ, что ихъ собраніе вызвало единеніе. Самое удивительное противорѣчіе. Быть можетъ, онъ и самъ не зналъ, что онъ думалъ. Предложеніе Веста было принято громаднымъ большинствомъ. Длинныя пренія вызвало предложеніе Донована, рекомендовавшаго *Сѣверную Звѣзду* народу. Во время преній Вернонъ заявилъ, что 10 апрѣля было пораженіемъ, и онъ не могъ вотировать за предложеніе. Адамсъ съ своей стороны не могъ вотировать за предложеніе, такъ какъ *Звѣзда* называла его волкомъ. Макъ-Линъ обвинялъ *Звѣзду* въ томъ, что она приписала ему слова, будто въ Альвѣ было восемьсотъ карабинеровъ. Это ложное заявленіе вызвало неудовольствіе со стороны его избирателей. Въ дѣйствительности онъ никогда не говорилъ ничего подобнаго. Многіе делегаты говорили болѣе или менѣе горячо въ защиту *Звѣзды*. Но въ концѣ концовъ, предложеніе и поправка Адамса были отвергнуты. Такъ закончилось это Національное Собраніе.

ГЛАВА XII.

Упадокъ вліянія О'Коннора.

Врядъ ли стоитъ долго останавливаться на положеніи партіи въ этотъ періодъ. Несомнѣнно, что чартистамъ не хватало духа единства. Тактика О'Коннора, 10-го апрѣля 1848 года, была одной изъ главныхъ причинъ разъединенія. Представители партіи физической силы питали самыя непріязненныя чувства къ главѣ чартистовъ. Они старались скрыть это, насколько возможно. Но ихъ чувства были слишкомъ сильны, чтобы ихъ можно было долго скрывать. Всѣмъ было извѣстно, что Эрнестъ Джонсъ недоволенъ тактикой О'Коннора, хотя онъ былъ болѣе остороженъ, чѣмъ другіе его товарищи. Но, во всякомъ случаѣ, О'Конноръ былъ правъ, отказываясь отъ процессіи. Народъ совершенно не былъ подготовленъ къ физической борьбѣ съ правительствомъ. О'Конноръ виноватъ былъ не въ томъ, что отказался отъ процессіи, а въ томъ, что такъ долго поддерживалъ пустую браваду восторженныхъ, но заблуждавшихся членовъ Конвента, а также въ томъ, что онъ до послѣдняго момента предоставлялъ вѣрить, что онъ пойдетъ во главѣ процессіи въ Палату Общинъ.

Хвастливыя фразы, которыя говорились при этомъ, и жалкій результатъ нанесли чартизму такую рану, отъ которой онъ никогда не могъ оправиться. Послѣ 10-го апрѣля и послѣ представленія Національной петиціи, Національное Собраніе не должно было бы собираться. Оно было безсильно для какого бы то ни было хорошаго дѣла и становилось комичнымъ, тратя свое время на одну болтовню. За исключеніемъ Кидда, въ собраніи не было людей; отсюда словесная борьба, продолжавшаяся отъ открытія собранія до самаго его закрытія. И хотя со всѣхъ сторонъ сыпа-

лись резолюціи о довѣріи О'Коннору, вліяніе его съ 10-го апрѣля стало падать. Народъ сталъ размышлять и замѣтилъ, что О'Конноръ не былъ тѣмъ человѣкомъ, какимъ онъ его представлялъ въ своемъ ослѣпленіи и мало-по-малу лишилъ его своей поддержки. На митингѣ въ Клеркенуель-Гринѣ, собранномъ для принятія записки, было не болѣе трехъ или четырехъ тысячъ человѣкъ по отчету „Сѣверной Звѣзды", хотя тамъ, какъ говорили, и царило восторженное настроеніе.

Въ Бредфордѣ состоялось очень шумное собраніе, Исполнительный Комитетъ отправилъ въ городъ М'Дуэля, такъ какъ прошелъ слухъ о готовящемся возстаніи. Тысячи народа пришли сюда изъ Галифакса, Кефлея, Битлея и другихъ мѣстъ. Массы потрясали своими пиками въ Галифакской процессіи. Различныя корпораціи шли въ военномъ порядкѣ и заполнили собою Бредфордскія улицы. Имъ говорили рѣчи Лайдулеръ, Шоу, Уайтъ, Смитъ и М'Дуэль. Послѣдній просилъ огромную массу народа сохранить спокойствіе и уважать жизнь, и собственность, вооружаться, но воздерживаться отъ всякой преждевременной вспышки. Власти совершенно отсутствовали на этотъ разъ. Бредфордъ въ тотъ день былъ въ распоряженіи чартистовъ.

Новое движеніе Юма начинало распространяться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно было встрѣчено съ одобреніемъ, но на нѣсколькихъ митингахъ появились чартисты и внесли свои поправки въ пользу Хартіи. О'Конноръ возставалъ противъ „четвероногаго животнаго", какъ онъ называлъ предложеніе Юма на страницахъ „Звѣзды".

Въ это время царствовало большое возбужденіе, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій изъ Ирландіи, что жюри не могло обвинить О'Брайена и Нигера, и что Мичель былъ арестованъ на основаніи новаго закона о преступленіи (New Felony Act) за свои статьи въ „United Irishman". Черезъ нѣсколько дней пришло извѣстіе, что Мичель былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ четырнадцатилѣтней ссылкѣ. Онъ выразилъ свое полное презрѣніе къ своимъ преслѣдователямъ и заявилъ, что его судили пристрастные судьи и подкупленное жюри, и что шерифъ былъ негодяемъ. Почти сейчасъ же послѣ приговора Мичель былъ увезенъ изъ страны. Въ Ирландіи царствовало самое большое возбужденіе, и пики заготовлялись съ неимовѣрной быстротой. Въ Англіи также, повидимому, сторонники физической силы на-

чинали организоваться. На митингѣ чартистскихъ делегатовъ отъ Ланкашира и Іоркшира, устроенномъ 28-го мая, была вынесена резолюція объ устройствѣ Національной Гвардіи. Въ Лондонѣ, 29-го и 30-го мая, состоялись митинги въ Клеркенуэлѣ, на которыхъ были приняты резолюціи за Хартію и за автономію Ирландіи, а также резолюція съ выраженіемъ симпатіи Мичелю. На первомъ митингѣ говорили Бизеръ, Джонсъ, Макъ-Крэ, М'Дуэль и другіе. Потомъ митингъ выстроился въ процессію и прошелъ по нѣкоторымъ улицамъ столицы. На улицѣ Редкросъ произошло столкновеніе между народомъ и полиціей; вслѣдъ затѣмъ была издана прокламація, запрещавшая процессіи. На другомъ митингѣ говорили Вилльямсъ, Шарпъ и Дели. Какъ разъ въ то время, какъ народъ уже расходился, явилась полиція и всѣхъ разогнала. Другой митингъ собрался въ среду вечеромъ. Опасались безпорядковъ; явились спеціальные констебли, полиція и войска, и митингъ былъ разогнанъ силою.

Въ Іоркширѣ событія начинали принимать угрожающій характеръ. Въ Бредфордѣ и другихъ городахъ усиленно занимались изученіемъ военныхъ пріемовъ и военной гимнастикой. Въ Вильсденѣ три тысячи человѣкъ открыто занимались военными упражненіями. Они маршировали военнымъ порядкомъ, неся черныя знамена, увѣнчанныя остріями пикъ и обнаруживали твердое рѣшеніе противодѣйствовать силой аресту лидеровъ. Въ Бинглеѣ двое лидеровъ были освобождены толпою въ двѣ тысячи человѣкъ. Бредфордскія власти издали прокламацію противъ такого рода поступковъ и была сдѣлана попытка арестовать Лайтулера и еще одно лицо подъ названіемъ „Wat Tyler", изготовлявшаго большое количество пикъ. Попытка не удалась; произошла сильная схватка между народомъ и спеціальными констеблями, а потомъ и съ полиціей. Въ концѣ концовъ пришлось вызвать войска. Чартисты продолжали бороться, съ помощью своихъ дубинъ съ желѣзными набалдашниками, но должны были уступить передъ военной силой, къ счастію, безъ потери жизни. Были арестованы: Джорджъ Коплей, В. Стоттъ, Ж. Энлей, В. Конноръ, В. Гетслидъ, В. Берстау, В. Смитъ, Ж. Доунъ, Г. Уайткомбъ, Т. Глиннанъ, С. Ратклифъ, Ж. Хитонъ, Ф. Викари, В. Винтерботтомъ, Дж. Дарвинъ, Дж. Вудъ, В. Сагаръ и Мери Мортимеръ. Ихъ обвиняли въ употребленіи оружія и въ угрозѣ стрѣлять въ констеблей, когда ихъ арестовывали. Въ Бинглеѣ были арестованы во время работы

на фабрикахъ Исаакъ Иккерсгиль, Дж. Галлингсъ, Т. Боттомлей, Г. Шекльтонъ, Р. Слетеръ, Дж. Смитъ, Ф. Хуонъ, І. Инглэндъ, Т. Раусторнъ, Т. Витекеръ, Е. Ли, Дж. Кребтри, Дж. Тэйлоръ, В. Смитъ, Р. Аткинсонъ и Дж. Кинпъ. Они были арестованы за то, что помогали освобожденію Кильвингтона и Смита. Ихъ отправили на особенномъ поѣздѣ въ Іоркскую тюрьму. Въ Лидсѣ на митингахъ рекомендовалось вооруженіе и обученіе военному искусству, противъ чего мѣстными властями были приняты мѣры. Въ Манчестерѣ былъ объявленъ митингъ въ Стевенсонъ-скверѣ, но власти не допустили его. Въ назначенное время полиція, спеціальные констебли и войска были въ полномъ вооруженіи. Толпа чартистовъ, вооруженная палками, дубинами и другими орудіями отправилась изъ Ольдгема на митингъ. Но услышавъ о военныхъ приготовленіяхъ, они вернулись домой, уступивъ, главнымъ образомъ, настоянію своихъ руководителей. По окончаніи работъ на фабрикахъ большая толпа заполнила Анкотсъ-Лэнъ, Суэнъ-Стритъ, Ольдгемъ-родъ и окрестности, разобрала мостовую и стала бросать камни въ полицію; но ничего серьезнаго не произошло, и улицы скоро были очищены.

Въ началѣ іюня были объявлены митинги чартистовъ и автономистовъ, въ Лондонѣ въ Бетналь-Гринѣ, Лондонъ-Фильдсѣ, паркѣ Викторіи и Бишопъ-Биннерсъ-Кильдсѣ. Но властями были приняты мѣры, и митинги были разсѣяны. Въ Бредфордѣ продолжались аресты всѣхъ лицъ, занимавшихся искусствомъ владѣть оружіемъ. Въ Лейстерѣ въ широкихъ размѣрахъ шло вооруженіе и устраивались клубы. Въ Ньюкастлѣ былъ устроенъ большой митингъ для выраженія симпатіи Мичелю, и многіе изъ ораторовъ говорили очень рѣзко. Въ Лондонѣ купцы подали записку королевѣ съ просьбою запретить митинги и арестовать лидеровъ. Ихъ желаніе было быстро исполнено. Эрнестъ Джонсъ, Джонъ Фоссель, Александръ Шарпъ, Джозефъ Вилльямсъ и В. Дж. Вернонъ были арестованы и подвергнуты допросу по обвиненію въ призывѣ къ мятежу на Клеркенъ-Уэльгринѣ и на Бишопъ-Биннерсъ-Фильдсѣ. Джонсъ былъ арестованъ въ Манчестерѣ, гдѣ наканунѣ вечеромъ говорилъ рѣчь на большомъ и очень возбужденномъ митингѣ. Онъ выразилъ свое удивленіе судьямъ, по поводу того, что причиной его ареста могла послужить рѣчь. Но ему заявили, что рѣчь его призывала къ мятежу, и всѣ подсудимые были отданы подъ судъ.

Другая большая демонстрація была назначена въ Бишопъ-Биннерсъ-Фильдсѣ, и на ней должны были быть приняты важныя рѣшенія. Правительство удвоило свои приготовленія, чтобы помѣшать митингу. Большія силы были сосредоточены по сосѣдству. Д-ръ М'Дуэль пріѣхалъ въ кэбѣ и, убѣдившись, что власти разсѣятъ митингъ силой, уговорилъ народъ разойтись. Въ Кройдонѣ, Манчестерѣ, Ловбери, (въ послѣднемъ былъ О'Конноръ) митинги также не могли состояться; но въ Ливерпулѣ митингъ собрался на морскомъ берегу, и тамъ говорили Макъ-Линъ, Т. Джонсъ, Смитъ, Лойддъ и д-ръ Рейнольдсъ. Въ Бирмингамѣ Киддъ говорилъ на митингѣ подъ открытымъ небомъ въ Лонидей-стритсѣ, также какъ и Мандль. Въ Блекстонъ-Эджѣ, несмотря на сырую погоду, собрались тысячи. и имъ говорили рѣчи Кларкъ, Уайтъ, Вебберъ и Джемсъ Личъ. Былъ открытъ переодѣтый полицейскій, его жестоко избили и, навѣрно убили-бы, если-бы не вмѣшательство Уайта. Тысячи Іоркширскихъ чартистовъ собрались на Товтшау-Моръ подъ предсѣдательствомъ Гарриса изъ Лидса. Были приняты резолюціи въ пользу Хартіи, а также выражено порицаніе правительству за осужденіе Мичеля. Въ Ноттингемѣ собрался большой митингъ на рыночной площади. Говорили Киддъ и другіе. Въ Шеффильдѣ процессія встрѣтила О'Коннора и провожала его до города, гдѣ онъ говорилъ собравшимся тысячамъ на рынкѣ; послѣ того состоялся вечеръ изъ пятисотъ человѣкъ, гдѣ онъ тоже говорилъ рѣчь. Въ іюньской сессіи, въ Центральномъ Уголовномъ судѣ, разбиралось дѣло нѣсколькихъ лицъ. Они были признаны виновными въ нападеніи на полицію, въ бунтѣ и т. п. и приговорены къ различнымъ годамъ тюремнаго заключенія.

Записка, о которой такъ много говорили, не могла быть подана, потому что аудіенція у королевы не была разрѣшена. Исполнительный Комитетъ и члены комиссіи были избраны въ свое время различными мѣстностями. О'Конноръ, Макъ-Крэ, М'Дуэль, Джонсъ и Киддъ были избраны въ Исполнительный Комитетъ. Въ комиссію были избраны А. Фоссель, С. Макъ-Карти, Дж. Личъ. Дж. Вестъ, Р. Пиллингъ, Т. Тоттерсаль, Дж. Адамсъ, Дж. Суитъ, П. Айронсайтъ, Т. Уилеръ, А. Шарпъ, Дж. Ширронъ, Д. Дайтулеръ, Дж. Верноnъ, Д. Донованъ, В. Брукъ, Дж. Уайтъ, Дж. Линней, В. Кеффей, Р. Буррель. Юмъ внесъ свое предложеніе о Реформѣ въ Палату Общинъ и, послѣ долгихъ дебатовъ, восемьдесятъ четыре вотировали—за предложеніе и триста пятьдесятъ

одинъ противъ. Въ іюльской сессіи Центральнаго Уголовнаго суда разбиралось дѣло Фосселя, Шарпа, Вилльямса, Вернона, Джонса Франсиса и Лунная. Были сдѣланы всевозможныя препятствія для того, чтобы не дать возможности Джонсу и другимъ обвиняемымъ быть выпущенными на поруки.

Всѣхъ ихъ защищали адвокаты въ длинныхъ рѣчахъ, но приговоръ, повидимому, былъ составленъ заранѣе, и всѣ они были признаны виновными. Фоссель съ негодованіемъ отрицалъ приписываемыя ему однимъ изъ свидѣтелей слова, что онъ, будто бы, рекомендовалъ убійства отдѣльныхъ лицъ. Судья (Джестисъ Уайльдъ) два раза останавливалъ его, но Фоссель продолжалъ настойчиво отрицать. Его присудили къ тюремному заключенію на два года и три мѣсяца, а потомъ, для обезпеченія спокойнаго поведенія въ теченіе пяти лѣтъ, онъ долженъ былъ внести залогъ въ сто фунтовъ и представить два поручительства по пятидесяти фунтовъ каждое. Вилльямсъ въ отвѣтъ на замѣчаніе судьи, что истинному труженику некогда бывать на митингахъ, сказалъ, что самъ былъ рабочимъ и работалъ двадцать часовъ въ сутки изъ двадцати четырехъ — за шестнадцать шиллинговъ въ недѣлю. Вилльямсъ былъ поденщикомъ булочникомъ. Онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на два года и одну недѣлю и долженъ былъ послѣ того представить такой же залогъ, какъ и Фоссель, для обезпеченія спокойнаго поведенія втеченіи трехъ лѣтъ. Вернонъ, когда его вызвали, заявилъ, что если бы Фоссель дѣйствительно говорилъ объ убійствѣ отдѣльныхъ лицъ, то онъ раздѣлался-бы съ нимъ. Его приговорили къ двухгодичному тюремному заключенію и ко внесенію такихъ же залоговъ, какъ и его товарищи. Шарпъ былъ приговоренъ на два года и три мѣсяца и къ такимъ же залогамъ. Онъ началъ было отвѣчать на нападки Генералъ-Атторнея, но его съ самой неприличной поспѣшностью оттащили отъ рѣшетки. Лунней былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на два года и два мѣсяца и къ тѣмъ же самымъ залогамъ для обезпеченія спокойнаго поведенія втеченіи двухъ лѣтъ. Джонсъ говорилъ довольно долго, причемъ судьи нѣсколько разъ прерывали его. Онъ былъ приговоренъ къ двухгодичному тюремному заключенію и потомъ, для обезпеченія спокойнаго поведенія втеченіи пяти лѣтъ, долженъ былъ внести залогъ въ двѣсти фунтовъ и найти двухъ поручителей по пятидесяти фунтовъ каждый.

Въ Ирландіи аресты продолжались. Газета „Felon“ была схвачена, а Джонсъ Мартинъ ея издатель, со времени осужденія Мичеля, отдался въ руки полиціи, узнавъ, что отданъ былъ приказъ объ его арестѣ. Гэванъ Деффи изъ газеты „Nation“; О'Догерти и Вилльямсъ изъ газеты „Tribune“; Нигеръ и Догени также были арестованы и отданы подъ судъ. Но многіе изъ арестованныхъ были выпущены подъ залогъ и продолжали говорить на митингахъ. Число клубовъ все увеличивалось, и возбужденіе росло съ каждымъ днемъ. Но въ Англіи пожертвованія въ освободительный фондъ прибывали довольно медленно. Въ „Сѣверной Звѣздѣ“, 15-го іюня 1848 года, появилось заявленіе секретаря Исполнительнаго Комитета, что денегъ не было, и что если средства не увеличатся, они должны будутъ прекратить свою дѣятельность. Въ этомъ же номерѣ газеты появилась рѣчь одного изъ представителей школы физической силы. Изъ этой рѣчи можно было видѣть, что ихъ утвержденіе о готовности народа къ физическому насилію было пустымъ хвастовствомъ. Въ Абердинѣ состоялся митингъ, на которомъ Генри, бывшій делегатъ, сказалъ:

„Онъ говорилъ лондонскимъ рабочимъ, что абердинскіе чартисты совсѣмъ готовы и добываютъ оружіе, но ему совѣстно теперь признаться, что абердинскіе рабочіе заставили его солгать. Въ подтвержденіе этого, онъ проситъ всѣхъ, имѣющихъ оружіе, поднять руки. (Среди громкаго смѣха поднялась только одна рука). Эрнестъ Джонсъ заявилъ въ собраніи, что въ Абердинѣ шесть тысячъ чартистовъ, все вѣрные и хорошіе люди, что они вооружены съ головы до ногъ и ждутъ битвы. Онъ зналъ тогда еще, что Джонсъ заблуждается, но не возражалъ ему, потому что думалъ, что если эти свѣдѣнія распространятся, то это будетъ имѣть хорошее вліяніе и побудятъ другихъ готовиться дѣйствовать“.

Въ воскресенье, 18-го іюля, митингъ делегатовъ въ Блекстонъ-Эджѣ принялъ резолюцію, что движеніе въ пользу Хартіи не имѣло успѣха вслѣдствіе того, что чартисты на насильственныя дѣйствія своихъ притѣснителей отвѣчали только моральнымъ воздѣйствіемъ. Въ „Звѣздѣ“ 5-го августа появилось письмо Смарта, секретаря чартистовъ въ Абердинѣ, отрицавшаго, что чартисты въ Абердинѣ когда либо говорили Эрнесту Джонсу, что ихъ Національная Гвардія доходитъ до шести тысячъ человѣкъ. Онъ говорилъ, что въ книгахъ у нихъ записаны до шестисотъ имёнъ,

что они надѣются добыть три тысячи и думаютъ затѣмъ обратиться за оружіемъ къ правительству. Аресты продолжались. М'Дуэль былъ арестованъ въ Аштонѣ, Джонъ Шоу и другіе въ Лондонѣ. Въ Эдинбургѣ были арестованы Ренкенъ, Уокеръ и Коммингъ за участіе въ незаконномъ митингѣ. Въ Гринокѣ были арестованы Бурель и Вильсонъ, а въ Глазго Джемсъ Смитъ. Законодательное собраніе приняло Билль о временной отмѣнѣ Habeas Corpus въ Ирландіи, и множество лицъ было арестовано совершенно произвольно. Это побудило Смита О'Брайена, Мигера и другихъ къ возстанію, но оно не удалось, потому что католическое духовенство употребило все свое вліяніе противъ него, и въ концѣ концовъ главари были арестованы по обвиненію въ измѣнѣ *).

Въ Аштонѣ произошло было серьезное столкновеніе. Толпа чартистовъ собралась въ понедѣльникъ, 14-го августа; при выходѣ изъ залы, они встрѣтили полицейскихъ и напали на нихъ; одинъ, по имени Брайтъ, былъ убитъ, а другимъ удалось бѣжать, хотя ихъ преслѣдовали. Были вызваны войска, которые, въ свою очередь, напали на чартистовъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовали; остальнымъ удалось скрыться. Грандъ и Гамильтонъ были взяты въ Эдинбургѣ и вмѣстѣ съ другими арестованными обвинены въ государственной измѣнѣ. Въ Лондонѣ полиція арестовала очень многихъ въ Тавернѣ Ангела на улицѣ Веберъ и еще въ двухъ другихъ тавернахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ было найдено большое количество заряженныхъ пистолетовъ, пикъ, кинжаловъ, мечей. Нѣкоторые изъ арестован-

---

*) На Іоркскихъ ассизахъ арестованныхъ судили за упражненіе въ военномъ искусствѣ и т. п. Джонъ Кингъ, Джозефъ Голлингсъ, Томасъ Боттомлей, Шекльтонъ и одиннадцать другихъ, обвиняемые въ мятежѣ и попыткѣ къ освобожденію изъ подъ ареста въ Бингеѣ, были освобождены по внесеніи залога въ пятьдесятъ фунтовъ для обезпеченія спокойнаго поведенія, и около тридцати другихъ были отпущены на тѣхъ же условіяхъ. Джонсъ и Сагаръ за бунтъ и нападеніе въ Бредфордѣ были приговорены къ двухгодичному тюремному заключенію съ каторжными работами. В. Конноръ, Дж. Хитонъ, В. Винтербернъ, В. Смитъ, Г. Уиткомбъ, Дж. Даунсъ и Ф. Викери были приговорены за тѣ же преступленія къ восемнадцати мѣсяцамъ тюрьмы, А. Томлинсонъ,— юноша, обвиняемый въ мятежѣ, былъ приговоренъ къ восемнадцати мѣсяцамъ тюрьмы безъ каторжныхъ работъ. Дж. Рамсденъ, Б. Плэнтъ, Д. Гольдройдъ и Т. Фелль за упражненіе въ военномъ искусствѣ были

ныхъ носили желѣзные нагрудники, у другихъ были пули и порохъ; три тысячи патроновъ были найдены на кладбищѣ Св. Якова въ Клеркенъ Уэлѣ. Въ болѣе спокойныхъ округахъ власти дѣйствовали не менѣе энергично. Р. Г. Гаммеджъ занимался агитаціей въ земледѣльческихъ графствахъ Букингема, въ Бредфордѣ и Нордгемптонѣ. За нимъ всюду слѣдовалъ начальникъ полиціи, чтобы наблюдать за его дѣйствіями. Наконецъ за объяснительную лекцію о Хартіи въ Таучестерѣ и за то, что онъ настаивалъ на правѣ свободы собраній и не хотѣлъ прекращать свою рѣчь, несмотря на настояніе полиціи, его арестовали и отдали подъ судъ, но затѣмъ дѣло это было прекращено. Д. Кеффей и многіе другіе были обвинены въ преступленіяхъ, уже указанныхъ выше. Отвратительный негодяй, по имени Пауэль, находившійся на службѣ у властей, выступилъ главнымъ свидѣтелемъ. Давая свои показанія, онъ заявилъ, что вступилъ въ Ассоціацію для того, чтобы пріобрѣсти свѣдѣнія и сообщить ихъ потомъ полицейскимъ коммисарамъ. *„Я ободрялъ этихъ людей, сказалъ онъ, и побуждалъ ихъ для того, чтобы потомъ показывать противъ нихъ. Я роздалъ имъ пули, я далъ патроны Гёрнею, я далъ ему полфунта пороху, а также самъ отлилъ нѣсколько пуль и далъ ихъ ему“*. Вѣчный позоръ да покроетъ то правительство, которое могло пользоваться такимъ низкимъ орудіемъ! Судъ надъ арестованными произошелъ очень быстро. Джоржъ Шелль, Джемсъ Максуэль, Бойсенъ, Робертъ Крау и Дж. Бизеръ были признаны виновными въ мятежѣ и приговорены къ двухмѣсячному тюремному заключенію и, кромѣ

приговорены къ такому же тюремному заключенію съ каторжными работами. Дж. Кокерхемъ, Г. Беттерфильдъ, Р. Бредлей и А. Баулеръ за то же преступленіе были приговорены къ двѣнадцати мѣсячному тюремному заключенію съ каторжными работами. Дж. Лимингъ за упражненіе въ военномъ искусствѣ подвергся тому же наказанію. Бунтовщики въ Бинглеѣ были приговорены: Икерсгиль на шесть мѣсяцевъ тюрьмы съ каторжными работами, Крэбтри на два мѣсяца, Кильвингтонъ на одинъ мѣсяцъ и Дж. Блендъ, спеціальный констебль, къ денежному штрафу въ десять фунтовъ за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Аресты продолжались. Властямъ въ Манчестерѣ и въ окрестностяхъ было донесено о тайныхъ митингахъ чартистовъ и ирландскихъ конфедератовъ; Джемсъ Личъ, Т. Уиттекеръ, Эллисъ, Роджерсъ, Г. Вилльямсъ. Г. Вобборъ, Д. Донованъ, Дж. Дж. Финниганъ. П. Діолинъ, М. Карриганъ, Дж. Лиманъ, Ж. Уайтъ, Ж. Дуаленъ, С. Керисъ, и Т. Ранкинъ были арестованы и отданы подъ судъ.

того, къ очень большому залогу для обезпеченія спокойнаго поведенія втеченіи пяти лѣтъ. На Ланкаширскихъ ассизахъ М'Дуэль судился по обвиненію въ мятежѣ, заговорѣ и бунтѣ и былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на два года въ Киркдельской тюрьмѣ. Онъ обратился съ просьбой не подвергать его заключенію, такъ какъ при его слабомъ здоровьѣ ему трудно было выдержать тюремный режимъ. Но судья Крессуэль заявилъ ему, что онъ долженъ былъ думать объ этомъ, прежде чѣмъ совершать противозаконные проступки. Дѣло большинства изъ заключенныхъ было перенесено на слѣдующіе ассизы.

Аресты продолжались. Были арестованы Джонсъ Вестъ, а также знаменитый Джозефъ Баркеръ, издатель газеты въ одно пенн, подъ названіемъ „Народъ". Въ сентябрѣ происходилъ судъ надъ Лондонскими чартистами. Джонъ Шоу былъ приговоренъ за мятежъ къ двухлѣтнему заключенію: Виллъямъ Риччи, Альфредъ Эбль, Виллъямъ-Гёрней, Дж. Шеффердъ, Дж. Снобаль, Дж. Ричардсонъ, Дж. Гринслэдъ, Х. Смоль, Э. Скеддингъ, В. Бернъ, П. Мартинъ, В. Лассей, Т. Джонсъ, С. Іонгъ, В. Даулингъ, Х. Аргью, В. Кеффей и Фей обвинялись въ заговорѣ о вооруженномъ возстаніи противъ Ея Величества. Была вызвана масса свидѣтелей и главный шпіонъ и доносчикъ Пауэль. Кенили, Геддльстонъ, Беллантинъ и Парри были защитниками обвиняемыхъ. Кеффей заявилъ, что не можетъ быть судимъ присяжными изъ средняго класса и требовалъ, по постановленію Magna Charta, суда присяжныхъ изъ равныхъ ему. По слѣдующему примѣру можно судить о низости шпіона Пауэля. Р. Феннель, одинъ изъ свидѣтелей защиты, далъ слѣдующее показаніе: —

„Зналъ Пауэля за послѣдніе тринадцать или четырнадцать лѣтъ. Изъ того, что онъ зналъ о немъ, онъ не повѣрилъ бы даже его клятвамъ. Онъ сотни разъ слышалъ, какъ въ лавкѣ Смита его въ глаза называли „Лживый Томъ". Онъ слышалъ, какъ тотъ говорилъ, что отослалъ бы королеву, всю ея чужеземную семью, лорда Росселя и сэра Грея ко всѣмъ чертямъ. Онъ уговаривалъ свидѣтеля присоединиться къ чартистамъ въ Картрейтѣ за десять дней до 10-го апрѣля. Онъ отвѣтилъ ему, что не былъ чартистомъ, и что чартисты врядъ ли добьются своего, судя по ихъ образу дѣйствія. Пауэль возразилъ, что они добьются своего черезъ мѣсяцъ. Онъ просилъ также его (свидѣтеля) предложить его въ делегаты послѣ того, какъ Пауэль предложитъ его въ члены, такъ какъ

тогда онъ будетъ получать два или три фунта въ недѣлю, а это лучше, чѣмъ служить плотникомъ у стараго Смита. Онъ говорилъ ему (свидѣтелю), что правительство было слабо и никуда не годно и прибавлялъ: „смотрите на королеву; она тратитъ сотни тысячъ, ничего не дѣлая, а мы обязаны работать изъ за куска хлѣба“. Онъ говорилъ, что если онъ (свидѣтель) придетъ къ нему, то онъ покажетъ ему достаточно матеріала, чтобы послать Лондонъ ко всѣмъ чертямъ въ полчаса“.

На перекрестномъ допросѣ на вопросъ Генералъ-Атторнея, почему бы онъ не повѣрилъ Пауэлю даже подъ присягой: —

„Я не могу повѣрить этому человѣку, когда я много разъ слышалъ, какъ онъ клялся, что онъ присягнетъ въ чемъ бы то ни было, если ему заплатятъ за это. Я слышалъ, какъ онъ читалъ Св. Писаніе, и когда онъ дошелъ до Христа и его учениковъ, то вырвалъ эту страницу и сказалъ: „Сожжемъ-ка эту чепуху! Ученики были самыми большими негодяями, о которыхъ мнѣ когда либо приходилось слышать“. А когда онъ дошелъ до имени Іуды, я слышалъ, какъ онъ сказалъ: „Это былъ умный парень, ему хорошо заплатили, я сдѣлалъ бы то же за половину“.

Многіе другіе свидѣтели подтвердили показанія Феннеля. Другой негодяй, по имени Девисъ, показалъ, что прятался въ комнатѣ Гринвича, гдѣ собирались чартисты и члены ирландской конференціи, что онъ донесъ объ этомъ митингѣ Маллядьену, начальнику полиціи, который сказалъ, что митинги могутъ продолжаться и что онъ пошлетъ полицейскаго, чтобы присутствовать на нихъ. Девисъ сказалъ: „Послѣ этого я сталъ совѣтовать народу ходить туда; а хозяинъ давалъ мнѣ время отъ времени полъ северена или пять шиллинговъ за мою любезность“. И на основаніи показаній этихъ презрѣнныхъ шпіоновъ и одного изъ самыхъ презрѣнныхъ правительствъ Даулингъ, Кеффей, Фай и Ласей были признаны виновными. Когда ихъ привели для выслушанія приговора, Фай сказалъ: „Каждому ясно, что Пауэль совершилъ клятвопреступленіе, давая свои показанія. Безполезно было-бы говорить что нибудь еще“. Даулингъ сказалъ: „Тираны могутъ объявить патріотизмъ преступленіемъ, но они не могутъ сдѣлать его преступленіемъ“. Ласей заявилъ, что у него никогда не было намѣренія добиваться Хартіи силой. Кеффей сказалъ: —

„Я говорю, что вы не имѣете права произносить надо мной приговора. Судъ тянулся долго, но это не былъ справедливый

судъ, а мое требованіе назначить надо мной справедливый судъ— чтобы меня судили равные мнѣ,—не было исполнено. Было сдѣлано все, чтобы вызвать противъ меня предубѣжденіе, и наша печать,—а также я думаю, и печать другихъ странъ—сдѣлала все возможное, чтобы выставить меня въ комическомъ видѣ. Я не прошу состраданія; я не прошу милости; я зналъ, что меня осудятъ и ничего другого не ожидалъ. Но я не хочу сожалѣнія. Нѣтъ, я жалѣю правительство, я жалѣю Генералъ-Атторнея за то, что они осудили меня съ помощью такихъ низкихъ средствъ. Генералъ-Атторней могъ бы назваться Генералъ-Шпіономъ. и правительство покрываетъ себя позоромъ, пользуясь такого рода людьми. Но оно существуетъ только съ помощью подобнаго рода средствъ. Я совершенно невиновенъ. Изъ моей мѣстности никогда не посылались никакіе делегаты, и я не имѣлъ ничего общаго съ бунтовщиками. Я имѣю право протестовать, на основаніи того, что шпіонъ Девисъ оставался въ сторонѣ до самой послѣдней минуты. Меня обвиняютъ за то, что у меня былъ найденъ заряженный пистолетъ; онъ былъ у меня для самозащиты, такъ какъ моей жизни угрожала опасность. Но этого я всегда ожидалъ. Я не стремлюсь къ мученичеству, но послѣ того, что я испыталъ за эту недѣлю, я чувствую, что съ гордостью вынесу всякое наказаніе, даже эшафотъ. Этотъ новый парламентскій законъ—низость, и я горжусь тѣмъ, что послѣ славнаго Мичеля буду первой его жертвой. Парламентъ не хочетъ принять ни одного хорошаго закона. Все, что клонится къ улучшенію жизни рабочаго класса, или отвергается, или откладывается. Но законъ для ограниченія ихъ свободы принимается въ нѣсколько часовъ“.

Затѣмъ баронъ Платтъ произнесъ приговоръ обвиняемымъ о пожизненной ссылкѣ, послѣ чего Фай воскликнулъ: „Это крещеніе акта о преступленіяхъ въ Англіи“. Ритчи былъ признанъ виновнымъ, и ему былъ вынесенъ такой же приговоръ*).

Въ то время какъ велся судъ надъ чартистами, Фиргусъ О'Конноръ не бездѣйствовалъ. Онъ нашелъ лучшихъ адвокатовъ для

---

*) Эбль, Герней, Сноубаль, Скеддингъ, Мартинъ. Уинспиръ. Праутонъ. Конуей, Морганъ, Іонгъ, Джонсъ, Аргью, Пуль, Гербертъ и Айронсъ были признаны виновными въ буйномъ поведеніи. За исключеніемъ Пуля, Герберта и Айронса, приговоренныхъ къ тюремному заключенію на полтора года, всѣ остальные обвиняемые были приговорены къ двухлѣтнему тюремному заключенію съ каторжными работами,

обвиняемыхъ и уплатилъ большую часть издержекъ. Каждую недѣлю онъ писалъ письма въ „Сѣверной Звѣздѣ“ къ чартистамъ, расхваливая свою собственную осторожность и порицая другихъ безумцевъ, которые привели къ такимъ плачевнымъ результатамъ. Онъ продолжалъ стрѣлять недѣлю за недѣлей по покойному Національному Собранію. 9-го сентября онъ пишетъ въ „Звѣздѣ“:

„Потомъ явилось Національное Собраніе, состоявшее изъ делегатовъ, которыхъ избралъ не народъ, потому что ему не было времени на размышленіе. Это собраніе, устрашенное галлереей, — главная часть которой состояла изъ агентовъ сыскной полиціи и шпіоновъ, посланныхъ правительствомъ, — потратило цѣлые три недѣли*), обвиняя меня за то, что я не примкнулъ къ партіи, хотѣвшей разрушить достигнутыя нами побѣды, которыя могли бы принести очень много хорошаго, если бы было достаточно времени для того, чтобы организовать страну для избранія истинныхъ представителей чартистовъ. Я долженъ отдать справедливость Бронтеру О'Брайену, что онъ много разъ хотѣлъ внушить Конвенту мысль о необходимости правительства, всецѣло избраннаго народомъ. Я не колеблясь заявляю, что низкая и постыдная ложь, которую распространяли многочисленные члены этого Собранія относительно готовности и рѣшимости дѣйствовать въ различныхъ округахъ, была недостойной измѣной и предательствомъ.

18-го сентября О'Конноръ говорилъ рѣчь своимъ избирателямъ на базарной площади. Въ это время онъ былъ на вершинѣ успѣха, такъ какъ комитетъ Палаты Общинъ хотя и объявилъ его Земельное Товарищество незаконнымъ и неосуществимымъ и призналъ отчеты несовершенными, но въ то же самое время утверждалъ въ своемъ докладѣ, что общество должно О'Коннору, согласно имѣющимся на лицо даннымъ, три тысячи четыреста фунтовъ.

Однимъ изъ самыхъ полезныхъ лидеровъ въ это время былъ Самюэль Киддъ. Онъ разъѣзжалъ по странѣ и читалъ лекціи во многихъ важныхъ городахъ не въ обычномъ въ то время тонѣ, но

штрафу въ десять фунтовъ и ко внесенію залога для обезпеченія спокойнаго поведенія втеченіе пяти лѣтъ. Шеффердъ, Ричардсонъ, Гринслодъ, Борнъ, Тейлоръ, Коксъ, Гиббсъ, Александръ Гарби, Самюэль Гарби, Мартинъ и Смолъ были освобождены съ обязательствомъ явиться на судъ по первому вызову.

*) Національное Собраніе продолжалось только одиннадцать дней.

по вопросамъ, касающимся великой задачи труда и давалъ самыя обширныя свѣдѣнія. Онъ посѣтилъ даже университетскій городъ Оксфордъ, читалъ въ городскомъ залѣ, и оксфордскія газеты печатали отчеты объ его лекціяхъ.

Въ Ирландіи шли длинные политическіе процессы, разбиравшіеся Спеціальной Комиссіей. Свидѣтелей была масса. Первымъ разбиралось дѣло О'Брайена, его защищалъ Уайсайтъ, краснорѣчіе котораго вызвало слезы у всѣхъ, но оказалось недѣйствительнымъ для того, чтобы смягчить приговоръ его кліенту. Макъ-Манусъ, Мигеръ и О'Доногью обвинялись въ томъ же преступленіи государственной измѣны, и всѣ были признаны виновными. Подсудимые выслушали вынесенный имъ приговоръ о смертной казни съ полнымъ достоинствомъ. Смертная казнь была потомъ замѣнена пожизненной ссылкой. Генералъ-Атторней во время нѣкоторыхъ чартистскихъ процессовъ объявилъ новый планъ чартистской организаціи незаконнымъ. Исполнительный Комитетъ рекомендовалъ поэтому оставить его и вернуться къ старому. Вмѣсто стараго Исполнительнаго Комитета были выбраны Т. Кларкъ, В. Диксонъ, Х. Россъ, П. Макъ-Грасъ, Э. Стальудъ, Д. Дж. Гарней и С. Киддъ—секретарь. Послѣдній выступилъ кандидатомъ въ Уэстъ-Райдингѣ на послѣднихъ выборахъ. Но, несмотря на его талантливую рѣчь, при голосованіи поднятіемъ рукъ большинство было противъ него и въ пользу либеральнаго кандидата. О'Конноръ счелъ своимъ долгомъ отправиться въ Ланкаширъ и Іоркширъ, а также въ Шотландію, гдѣ для него устраивались огромные митинги.

Въ декабрѣ въ Чистерѣ и Ливерпулѣ происходили чартистскіе процессы на спеціальныхъ ассизахъ. Въ первомъ судился Г. Ж. Мантль по обвиненіи въ заговорѣ и былъ признанъ виновнымъ. Амосъ Армитеджъ, Дж. Браунъ, Дж. Читгемъ, Дж. Холь, Дж. Гиндль, Дж. Ральфъ, Дж. Шоръ, Дж. Шаукроссъ, Дж. Донъ, П. Кольеръ, Р. Мерклендъ, П. Метлоксъ, Т. Шофильдъ, С. Шоу, Е. Уайльдъ, С. Селлерсъ обвинялись въ заговорѣ и мятежѣ. Большинство изъ обвиняемыхъ были признаны виновными и приговорены къ тюремному заключенію на различные сроки. Мантль былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на два года. Въ Ливерпулѣ были привлечены къ суду шестьдесятъ пять человѣкъ по обвиненію въ заговорѣ о мятежѣ. Джозефъ Ратклифъ и Джозефъ Константинъ обвинялись въ убійствѣ Брайта въ Аштонѣ.

Обвинялъ Генералъ-Атторней, а защиту велъ Поллокъ. Судъ продолжался два дня, и хотя свидѣтели показали подъ присягой, что Брайта убилъ не Ратклифъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ смертной казни. Но свидѣтельскія показанія противъ него были настолько сомнительнаго характера, что смертный приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Дж. Константинъ, Т. Кенуорти, Дж. Уакеръ, Дж. Сефтонъ, Дж. Статтъ и Т. Тассикеръ обвинялись въ вооруженномъ возстаніи противъ королевы. Всѣ обвиняемые были приговорены къ пожизненной ссылкѣ, за исключеніемъ Сефтона, приговореннаго къ десятилѣтней ссылкѣ. Винтерботтомъ, Э. Гарропъ, Гилей, Больтонъ, Дж. Гарропъ, Джессонъ и Фетлау были приговорены за участіе въ заговорѣ къ тюремному заключенію на различные сроки, отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. В. Грокоттъ, В. Чадвикъ, Э. Кларкъ, Кропперъ, Джонъ Вестъ, Джоржъ Уайтъ, Дж. Никсонъ, Т. Ренкинъ, Макъ-Донефъ, Д. Донованъ и Дж. Личъ обвинялись въ заговорѣ о мятежѣ. Главными свидѣтелями противъ нихъ выступилъ шпіонъ Болль, но показанія его при перекрестномъ допросѣ оказались настолько противорѣчивыми, что скорѣе повредили обвиненію. Тѣмъ не менѣе, обвиняемые, большинство которыхъ сами вели защиту, были признаны виновными. Ренкинъ, Личъ, Грокотъ, Кропперъ, Донованъ Вестъ и Уайтъ были приговорены къ тюремному заключенію на одинъ годъ и къ внесенію залога для обезпеченія спокойнаго поведенія на два года, Личъ къ тюремному заключенію на девять мѣсяцевъ, Макъ-Донефъ и Чадвикъ на шесть, а Никсонъ на четыре мѣсяца. Дж. Дк. Кларкъ, Дж. Дауланъ, Патрикъ Дивиленъ, Х. Эллисъ, Дж. Дж. Финниганъ, Ж. Фойль, М. Юмъ, В. Гипъ, С. Кернсъ, Дж. Линіонъ, Т. Робертсъ, Дж. Роджерсъ, Дж. Рамсденъ, Ф. Спунеръ, Т. Уайтекеръ, В. Бертонъ и Джозефъ Баркеръ, были отпущены на свободу съ обязательствомъ явиться при первомъ требованіи. Всѣ согласились за исключеніемъ Баркера, который отказался, такъ какъ въ защиту его готовы были выступить пятьдесятъ свидѣтелей. Его отказъ вывелъ изъ себя судью, и онъ упрекнулъ его въ безумномъ тщеславіи. Но все было напрасно, Баркеръ остался непреклоненъ. Генералъ-Атторней рвалъ и металъ, судья сыпалъ оскорбленіями, но въ концѣ концовъ они должны были уступить, и Баркеръ былъ оправданъ. Чарльсъ Баукеръ былъ признанъ виновнымъ въ произнесеніи лживой, скандальной, мятеж-

ной рѣчи въ Гейвудѣ и приговоренъ къ тюремному заключенію на два года.

Нельзя не отмѣтить грубаго и недостойнаго поведенія судьи Эрля во время этихъ процессовъ. Онъ не умѣлъ сохранить достоинства безпристрастнаго судьи и выступилъ политическимъ партизаномъ самаго низкаго характера. Онъ распространялся о неосуществимости всеобщаго избирательнаго права и зашелъ такъ далеко, что уподобилъ Фроста, Вилльямса и Джонса Вараввѣ. Онъ совершенно не подходилъ къ такой высокой должности.

Въ Іоркскихъ ассизахъ Генри Гентъ, В. Ангусъ, Исаакъ Джефферсонъ, Натаніель Фритъ и Лайтулеръ судились за упражненіе въ военномъ искусствѣ, были признаны виновными и приговорены къ тюремному заключенію: Гентъ—на восемь, Джеферсонъ—на четыре, Ангусъ — на десять, Фритъ — на одиннадцать, Лайтулеръ—на девять мѣсяцевъ. Дж. Р. Томкинсъ и семь другихъ, всѣ юноши, были обвинены въ заговорѣ и, за исключеніемъ двухъ, признаны виновными. Д. Линденъ, А. Стреттонъ, Т. Вилькенсонъ, Т. Иббетсонъ, Э. Вильманъ, Ж. Риддельгольфъ, Дж. Геллиуэлль, В. Удъ, Э. Пауэръ и Джемсъ Смитъ обвинялись въ заговорѣ съ цѣлью разрушить газопроводъ въ Бредфордѣ, захватить власти и держать ихъ въ заключеніи, покуда не будетъ принята Хартія. Свидѣтелями выступили три шпіона Шефердъ, Флиннъ и Эмметъ. Подсудимые были признаны виновными, и имъ былъ произнесенъ потомъ обвинительный приговоръ. Томкинсъ и его товарищи были приговорены къ тюремному заключенію на одинъ годъ и къ представленію поручителя для обезпеченія спокойнаго поведенія на одинъ годъ. Фаррель и другіе были приговорены къ шестимѣсячному тюремному заключенію и къ представленію поручителей для обезпеченія спокойнаго поведенія на одинъ годъ. Линденъ и другіе были оправданы.

Фондъ для защиты и заключенныхъ сильно истощился за это время; въ пользу его былъ собранъ митингъ въ Институтѣ на улицѣ Джонъ. Предсѣдательствовалъ на этомъ митингѣ, несмотря на прежнія недоразумѣнія, Томасъ Куперъ и встрѣтилъ очень горячій пріемъ. Кромѣ того въ Лондонѣ устраивались и другіе митинги, на которыхъ говорили Киддъ, Кларкъ и другіе члены Исполнительнаго Комитета. Фиргусъ О'Конноръ и Киддъ продолжали читать лекціи во многихъ важныхъ округахъ. Залъ на улицѣ Джонсъ былъ переполненъ по случаю годовщины француз-

ской революціи. Для этого случая былъ сервированъ чай. Предсѣдательствовалъ Джуліанъ Гарней и говорили блестящія рѣчи Дж. Дж. Голіокъ, Дж. Бронтеръ О'Брайенъ, Т. Кларкъ, Вальтеръ Куперъ, Р. Букененъ, С. Кинъ, В. Диксонъ, Е. Стальудъ и другіе.

Эдинбургскій судъ отнесся необыкновенно снисходительно къ подсудимымъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что ихъ обвиняли въ измѣнѣ. Судили только Ранкена и Гамильтона, и обвиненіе въ концѣ концовъ свелось почти на нѣтъ, такъ какъ они были приговорены только къ четырехмѣсячному тюремному заключенію. Когда они были освобождены, друзья устроили въ честь ихъ блестящій вечеръ, и они говорили въ пользу Хартіи смѣлѣе, чѣмъ когда либо.

У О'Коннора въ это время начался разладъ съ его редакторомъ Джуліаномъ Гарнеемъ. Послѣдній помѣстилъ въ „Сѣверной Звѣздѣ" рядъ статей, посвященныхъ главнымъ образомъ иностранной политикѣ и въ защиту республики. Это не понравилось О'Коннору, который напечаталъ въ „Сѣверной Звѣздѣ" слѣдующее: —

„Недавно въ „Сѣверной Звѣздѣ" появились статьи этого писателя, который, вмѣсто того, чтобы держаться строго опредѣленнаго чартистскаго направленія, занялся иностранной политикой и неумѣстнымъ восхваленіемъ республиканскаго образа правленія. Я часто говорилъ вамъ, какъ легко зажечь возбуждающими призывами пылкое воображеніе мужественныхъ и страдающихъ милліоновъ; можно до такой степени воспламенить чувства, восторгъ и мужество этихъ людей, что они будутъ готовы встрѣтить смерть лицомъ къ лицу, а подстрекатель въ это время укроется плащомъ неотвѣтственности и будетъ радоваться тому злу, которое онъ сдѣлалъ. Что бы вы сказали обо мнѣ, если бы я явился въ аудиторію въ платьѣ, расшитомъ національными цвѣтами и заявилъ бы: „Когда вы увидите меня въ слѣдующій разъ, я приду объявить Хартію, или-же мои національныя цвѣта покроются кровью мученика". Что бы вы сказали обо мнѣ, если бы я не явился передъ тою же аудиторіею, хотя Хартія не была бы утверждена и кровь за нее не была бы пролита. Что бы вы сказали обо мнѣ, если бы я явился передъ вами въ 1839 г. въ фригійскомъ колпакѣ и объявилъ бы, что я готовъ „засучить рукава и идти въ бой", а когда наступила бы борьба, я оказался

бы non est inventus? Что бы вы сказали, если бы я во время Ланкастерскихъ процессовъ, когда пресмыкающіеся торизмъ и вигизмъ высматривали и подстерегали жертву, вдругъ притворился бы жалкимъ идіотомъ и залился бы слезами, потому что мнѣ пришлось бы понести наказаніе за мое стремленіе къ свободѣ? Что бы вы сказали обо мнѣ, если бы 9-го апрѣля, когда мнѣ со всѣхъ сторонъ говорили, что я буду убитъ 10-го, я созвалъ бы тайный митингъ делегатовъ и предложилъ бы отмѣнить митингъ въ Кеннингтонъ-Коммонѣ? Какими бы жалкими и слабыми показались бы тогда всѣ писанія восторженныхъ демократовъ по сравненію съ тѣми справедливыми обвиненіями и упреками, которыми они стали бы осыпать меня тогда".

Гарней отвѣтилъ на эти косвенные нападки въ „Звѣздѣ" на слѣдующей недѣлѣ. Онъ привелъ два письма отъ Бислея и Лича, свидѣтельствовавшія о его мужественномъ поведеніи на Ланкастерскомъ процессѣ и кромѣ того цитировалъ слѣдующія выдержки изъ статьи О'Коннора: „Друзья чартизма радовались мужеству и твердости настроенія подсудимыхъ во время процесса. Подробности въ такихъ вещахъ могутъ показаться лишними, но онѣ оказываютъ могущественное вліяніе, вызываютъ уваженіе и вниманіе къ чартистамъ, а это усиливаетъ значеніе всего дѣла, гуманитарныя задачи котораго и послужили поводомъ къ процессу. Излишними могутъ показаться рѣчи отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ всѣ они прекрасно вели свою защиту, но рѣчь Гарнея прочтется съ особеннымъ интересомъ и вполнѣ оправдаетъ его репутацію первокласснаго оратора". Гарней со своей стороны могъ бы указать на твердую рѣшимость О'Коннора, выраженную имъ, 29-го сентября 1839 года, или добиться Хартіи, или преподнести правительству „гуся въ день Св. Михаила" 30-го, а также и его рѣшимость стать во главѣ народа для освобожденія Фроста и неисполненіе имъ этихъ обязательствъ. Но онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы напоминать о подобнаго рода вещахъ.

Мы не можемъ не упомянуть здѣсь, что результатомъ движенія 1848 г. было появленіе демократическихъ газетъ разнаго направленія. О'Брайенъ, выйдя изъ Конвента, (онъ не ждалъ отъ него ничего хорошаго, делегаты хвалились властью, которой у нихъ не было и хвастовство ихъ закончилось пораженіемъ и неудачею), сталъ издавать на островѣ Менъ газету „The Reformer" („Реформаторъ"). Газета была потомъ увеличена вдвое, а впо-

слѣдствіи появился второй маленькій выпускъ. Въ этихъ газетахъ онъ развивалъ свою старую доктрину о великихъ соціальныхъ и политическихъ вопросахъ, которые тогда волновали общество. Онъ неизмѣнно старался доказать, что революція на континентѣ должна кончиться неудачей, а демократы погибнутъ, если не съумѣютъ овладѣть великой соціальной задачей и не съумѣютъ положить конецъ царству землевладѣльцевъ и всякаго рода лихоимцевъ. Но на это не обращалось вниманія и поэтому случилось именно то, что предсказывалъ О'Брайенъ. Подъ управленіемъ О'Браіена „Реформаторъ" расходился въ пятнадцати тысячахъ экземплярахъ въ недѣлю. Но когда правительство уничтожило привиллегіи на островѣ Менъ и запретило выпускать газеты съ острова безъ штемпельнаго сбора, „Реформаторъ" закончилъ свое существованіе. Потомъ О'Брайенъ сталъ издавать другую газету „Власть пенса" („The Power of the Pence"), посвященную тому же вопросу.

Въ маленькомъ городкѣ Эксъбриджѣ былъ основанъ подъ руководствомъ Джеральда Массея и Дж. Б. Лино „The Spirit of Freedom" („Духъ свободы"), просуществовавшій довольно значительное время. Онъ былъ полонъ огня и республиканскаго настроенія. Въ маленькомъ городкѣ Букингамѣ началъ издаваться „Progressionist" („Прогрессіонистъ") подъ редакторствомъ Джона Смоля, мѣстнаго жителя. Сначала онъ выходилъ разъ въ мѣсяцъ, потомъ сталъ выходить еженедѣльно, а позднѣе перешелъ въ другія руки и редакторомъ его сталъ Р. Ж. Гаммеджъ. Однимъ изъ самыхъ его главныхъ сотрудниковъ былъ Джонъ Римилль изъ Нордгемптона; онъ печаталъ еженедѣльно письма, полныя энтузіазма и надеждъ на будущность демократіи; всего этой газеты вышло сорокъ восемь номеровъ. Въ Кембриджѣ начала выходить газета „Operatives Free Press" („Свободная пресса рабочихъ"), а въ Висбичѣ „The voice of the East", („Голосъ востока"), но обѣ онѣ существовали очень короткое время. Пэсморъ Эдвардсъ выпустилъ ежемѣсячный журналъ „The Public Good" („Общественное благо"), защищавшій мирное развитіе демократіи на мирныхъ принципахъ, и въ защиту тѣхъ же самыхъ принциповъ Дж. Кассель сталъ издавать „Standart of Freedom" („Знамя Свободы"), еженедѣльную газету, существовавшую довольно значительное время. Затѣмъ сталъ выходить „Reynold's Political Instructor" („Политическій Инструкторъ" Рейнольдса), большая еженедѣльная газета въ одно пени, расходив-

шаяся въ пятидесяти тысячахъ экземплярахъ. Это была самая лучшая изъ всѣхъ газетъ, издававшихся Рейнольдсомъ. Въ ней печатались талантливыя письма, принадлежавшія перу Самюэля Кидда по самымъ важнымъ вопросамъ изъ области труда; „Популярная исторія Англіи“ Э. Т. Робертса, и цѣлая серія замѣчательныхъ статей о происхожденіи, развитіи и различныхъ фазахъ человѣческаго рабства Дж. Б. О'Брайена и талантливыя статьи другихъ писателей. Томасъ Куперъ выпустилъ еженедѣльный періодическій журналъ, справедливо озаглавленный „The plain Speaker“ („Откровенный Ораторъ“), полный бодрости и энергіи его издателя. Но при изданіи этого журнала Куперъ имѣлъ опять столкновеніе съ О'Конноромъ. Одинъ корреспондентъ написалъ изъ Больтона, что онъ не одобряетъ Земельное Товарищество. О'Конноръ напечаталъ письмо въ „Звѣздѣ“ вмѣстѣ со слѣдующими замѣчаніями:

— „Томъ принадлежитъ къ самымъ комическимъ геніямъ. Онъ былъ протестантомъ, диссенторомъ и невѣрующимъ; пуританиномъ, святымъ и атеистомъ; полутрезвенникомъ, полнымъ трезвенникомъ, воздерживающимся и пьяницей; онъ—настоящее воплощеніе тройственности въ единствѣ, онъ былъ всѣмъ для всѣхъ и Богъ знаетъ, чѣмъ онъ будетъ еще въ будущемъ. Но я искренно надѣюсь, что онъ никогда не будетъ моимъ поэтомъ лауреатомъ или защитникомъ Земельнаго Товарищества, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ я сталъ бы бояться самого себя и безплодія почвы. Этотъ поэтъ сдѣлалъ больше для того, чтобы парализовать чартизмъ въ центральныхъ графствахъ, чѣмъ кто либо другой. Онъ объявлялъ себя чартистомъ физической силы, но оказывалъ содѣйствіе только моральной силѣ, а такъ какъ признаніе есть путь къ раскаянію, то я думаю, что душа самоубійцы избѣжитъ „Чистилища“.

Куперъ отвѣчалъ на это письмо тоже въ „Звѣздѣ“, отрицая обвиненіе О'Коннора и припоминая ему многое, что случилось когда-то; онъ объявилъ, что немедленно вернется въ Лондонъ, чтобы испытать вліяніе О'Коннора и посмотрѣть, возобновятъ ли ему свое приглашеніе чартисты въ тѣ города, куда онъ былъ приглашенъ. Въ той же газетѣ было напечатано письмо О'Коннора, кончавшееся слѣдующимъ образомъ:—

— „Ничье содѣйствіе въ хорошемъ дѣлѣ я не могу привѣтствовать съ большимъ удовольствіемъ чѣмъ содѣйствіе Томаса

Купера, произведенія котораго будутъ жить, когда меня уже не станетъ, и поэтому съ полной искренностью и безъ какой либо задней мысли я предаю забвенію всѣ наши прошлыя разногласія. Я протягиваю вамъ дружескую руку и подписываюсь вашимъ преданнымъ и вѣрнымъ другомъ. Фиргусъ О'Конноръ".

Куперъ не отвѣчалъ больше О'Коннору. Приглашенія пріѣхать на лекціи были возобновлены. Онъ посѣтилъ многіе города въ различныхъ частяхъ государства и встрѣтилъ восторженный пріемъ.

Партія Юма стала теперь открыто выступать передъ народомъ. На публичномъ митингѣ въ Лондонской Тавернѣ, устроенномъ для открытія движенія, 16 мая 1849 года, тѣснилась огромная толпа, и Т. Кларкъ, членъ Исполнительнаго Комитета чартистовъ сдѣлалъ первый шагъ къ сліянію партіи чартистовъ съ представителями парламентской реформы средняго класса. Но въ газетѣ, сообщавшей отчетъ объ этомъ митингѣ, находилось также письмо отъ Фиргуса О'Коннора, предостерегавшаго „старую гвардію" противъ новаго движенія. Чартисты продолжали устраивать частые митинги въ различныхъ частяхъ столицы. Одинъ переполненный народомъ митингъ былъ устроенъ въ театрѣ на улицѣ Мильтона, 4-го іюня; на немъ говорили Рейнольдсъ и О'Конноръ.

На этомъ митингѣ была принята резолюція, предложенная Кларкомъ и поддержанная О'Коннором, приглашавшая партію Юма принять во вниманіе Хартію. Резолюція эта была принята. На этой же недѣлѣ Юмъ снова внесъ въ Палату Общинъ свое предложеніе и получилъ только восемьдесятъ два голоса. О'Конноръ поднялъ въ Палатѣ вопросъ о дѣлѣ Эрнеста Джонса, который за отказъ щипать паклю былъ заключенъ въ карцеръ и посаженъ на хлѣбъ и на воду на трое сутокъ; не смотря на его слабое здоровье, на день постель его убиралась, и онъ долженъ былъ лежать на желѣзныхъ полосахъ кровати. Это наказаніе было потомъ отмѣнено, такъ какъ О'Конноръ, чтобы избавить Джонса отъ щипанія пакли, уплачивалъ за него по пяти шиллинговъ въ недѣлю. Чартистскіе узники въ Кирдэлѣ Личъ, Уайтъ и другіе были въ другихъ условіяхъ. Съ ними обращались какъ со знатными узниками; имъ разрѣшили перо, чернила, бумагу, и они написали нѣсколько чартистскихъ трактатовъ, которые были изданы.

3-го іюля, 1849 года, долго откладываемое внесенное О'Конноромъ предложеніе о Хартіи было наконецъ представлено на

обсужденіе Палаты Общинъ и, послѣ преній, въ пользу Хартіи подали голоса только пятнадцать человѣкъ, включая въ это число и докладчиковъ. Это были В. Дж. Фоксъ, Дж. Гринъ, Л. Гейуордъ, Дж. Юмъ, С. Люшингтонъ, Лордъ Ньюджентъ, Дж. О'Коннель, С. Пирсонъ, В. Шоффильдъ, Х. В. Танкредъ, полковникъ Томсонъ, Дж. Томсонъ, серъ Ж. Вальмслей, Ф. О'Конноръ и Шарменъ Крауфордъ. Таковъ былъ результатъ этого предложенія послѣ всей бури 1847 года, послѣ всего этого возбужденія, превратившаго Лондонъ въ военную крѣпость и заставившаго королевскую фамилію укрыться подъ мирныя сѣни острова Уайта.

Несмотря на то, что для защиты чартистскихъ узниковъ было собрано триста фунтовъ, О'Конноръ долженъ былъ явиться на судъ Королевской Скамьи по приглашенію одного адвоката, которому онъ поручилъ защиту Эрнеста Джонса и другихъ подсудимыхъ. Ему пришлось уплатить сто одинъ фунтъ добавочныхъ къ триста шестнадцати фунтамъ, назначеннымъ за защиту.

О'Конноръ началъ теперь склоняться къ парламентской реформѣ Юма. Онъ явился на митингъ въ Стандартъ-театрѣ и протянулъ оливковую вѣтвь, заявивъ митингу, что у чартистовъ была только одна задача „сдѣлать богатыхъ еще богаче, а бѣдныхъ богатыми".

О'Конноръ говорилъ въ то время, что потерпѣлъ слишкомъ много разочарованій и хочетъ удалиться на покой. Соотвѣтствовало ли это намѣреніе желаніямъ партіи чартистовъ — неизвѣстно, но вмѣсто сотенъ резолюцій съ просьбами остаться, хотя нѣкоторые отдѣльные чартисты и писали въ этомъ духѣ—ни одна мѣстность не послала въ „Звѣзду" резолюціи по этому поводу. О'Конноръ тѣмъ не менѣе не удалился.

Въ это время большой интересъ возбуждали иностранныя дѣла. Занятіе Рима и Венгріи иностранными войсками вызвало въ Англіи симпатію къ побѣжденнымъ. Въ Мерильбонѣ въ манежѣ былъ устроенъ огромный митингъ для выраженія симпатіи Венгріи. Ораторами выступили Юмъ, членъ парламента Дж. Кассель, Монктонъ Мильнесъ, членъ парламента, сэръ Де-Ласси Квансъ, членъ парламента докторъ Роджердсъ, Хидгемъ, членъ парламента, полковникъ Томсонъ, членъ парламента, Х. Гезерингтонъ, Дж. Вилльямсъ, членъ парламента и Дж. Уайльдъ, членъ парламента; но конечно у большинства сочувствіе выражалось только на словахъ. Митингъ вызвалъ Джуліана Гарнея,

и тотъ, среди громовыхъ рукоплесканій, выступилъ въ защиту вооруженнаго вмѣшательства. Онъ спросилъ мнѣнія митинга по этому поводу, и въ отвѣтъ поднялись почти всѣ руки, а затѣмъ снова послѣдовалъ взрывъ рукоплесканій. Шеффильдъ, Глазго, Манчестеръ, Экзетеръ, Бирмингамъ, Вестминстеръ, Карлейль и всѣ главные города послѣдовали примѣру Лондона въ выраженіи симпатіи Венгріи.

О'Конноръ снова выступилъ вмѣстѣ съ партіей Юма на первомъ соединенномъ митингѣ этой партіи въ Друри-Ленъ, а Томасъ Кларкъ поддерживалъ его. О'Конноръ, выбросившій за бортъ столькихъ людей не за отреченіе отъ принципа, изъ-за вопросовъ тактики, не захотѣвшій даже, чтобы измѣнили названіе Хартіи, собиравшій тысячи для того, чтобы разбить проектъ избирательнаго права квартиронанимателей теперь соединялся съ Ассоціаціей избирательнаго права квартиронанимателей (Household Suffrage Association). На этомъ митингѣ лордъ Ньюджентъ выступилъ самымъ горячимъ сторонникомъ партіи реформъ; онъ зашелъ такъ далеко, что заявилъ, что если бы ему пришлось вотировать за налогъ и въ то же самое время быть противъ всеобщаго избирательнаго права, то онъ смотрѣлъ бы на себя, какъ на вора или разбойника.

Въ это время случилось два событія, возбудившихъ большое сожалѣніе въ извѣстныхъ кругахъ. Первое смерть Генри Гезерингтона отъ холеры; второе—эмиграція Джона Месона въ Америку. Тѣло Гезерингтона сопровождало до могилы огромное число друзей. Пять тысячъ человѣкъ участвовали въ процессіи и не менѣе двухъ тысячъ собралось около могилы. Г. Дж. Голіокъ произнесъ соотвѣтствующую рѣчь, такъ же какъ Джемсъ Ватсонъ, одинъ изъ старѣйшихъ политическихъ борцовъ. Въ честь Месона былъ устроенъ чай въ Бирмингамѣ, на которомъ присутствовали Мюнцъ, Дугласъ, Джоржъ Даусонъ, и другія лица. Въ знакъ уваженія Месону былъ преподнесенъ кошелекъ, заключавшій въ себѣ сорокъ фунтовъ. Вскорѣ послѣдовали другія смерти самаго печальнаго характера. Скончались Джозефъ Вилльямсъ и Александръ Шарль, двое изъ заключенныхъ чартистовъ. Оба пали жертвой всепожирающей холеры; но правительство Виговъ подготовило ихъ организмы къ ужасной болѣзни жестокимъ, суровымъ, полнымъ всевозможныхъ лишеній, обращеніемъ. На ихъ похоронахъ присутствовало не менѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Кларкъ

и Стальудъ говорили рѣчи, а впослѣдствіи въ память чартистскихъ мучениковъ былъ воздвигнутъ памятникъ.

Виллья́мсъ передъ смертью, говоря о причинѣ своей болѣзни, сказалъ: „Это не холера, это холодъ и голодъ“. Это печальное событіе вызвало попытку добиться амнистіи для всѣхъ политическихъ преступниковъ. Для этой цѣли въ Лондонѣ, 25-го сентября, былъ устроенъ большой митингъ на улицѣ Джонъ, на которомъ говорили Г. Дж. Голіокъ, В. Диксонъ, Т. Кларкъ, Тиндаль, Аркинсонъ, Лойдъ Джонсъ, Х. Россъ, и Фиргусъ О'Коннoръ и была принята записка на имя Ея Величества. Общественное сочувствіе проявилось въ устройствѣ митинговъ по тому-же поводу въ Лондонѣ, а также и въ провинціи. О'Коннoръ съ каждымъ днемъ все больше влюблялся въ партію финансовыхъ и парламентскихъ реформъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ все это движеніе казалось ему не болѣе какъ искусственной ловушкой; теперь же онъ не только одобрялъ программу партіи, но съ полнымъ довѣріемъ относился къ ея представителямъ и объѣздилъ Норвичъ, Абердинъ и другіе отдаленные города съ спеціальной цѣлью оказать имъ поддержку.

Въ „Звѣздѣ“, отъ 27-го октября, появилось письмо Самюэля Кидда, слагавшаго съ себя званіе члена Исполнительнаго Комитета. Киддъ былъ однимъ изъ самыхъ его дѣятельныхъ членовъ. Шотландія, Сѣверная Англія, мануфактурные округи центральной Англіи и почти всѣ другія мѣстности королевства пользовались его услугами въ качествѣ лектора по вопросамъ о Трудѣ и Капиталѣ. Теперь онъ жаловался на то, что въ дѣйствительности не удалось осуществить никакой организаціи и что Ассоціація была должна ему шестьдесятъ фунтовъ. Онъ утверждалъ, что его собратья по Исполнительному Комитету были одного съ нимъ мнѣнія и что не къ чему было сохранять названіе Ассоціаціи, если въ дѣйствительности у нея не было достаточной поддержки. Была сдѣлана попытка оживить агитацію, и съ этою цѣлью состоялись два митинга въ Лондонѣ, на которомъ присутствовали О'Коннoръ, Рейнольдсъ, Макъ-Грасъ, Диксонъ, Гарней, Кларкъ и другіе. Было рѣшено созвать въ столицѣ митингъ делегатовъ изъ двадцати восьми членовъ для обсужденія этого вопроса. На улицѣ Джонъ былъ устроенъ большой митингъ для избранія делегатовъ. На митингѣ говорили Макъ-Грасъ, предсѣдатель, Г. В. М. Рейнольдсъ, С. Киддъ, Ф. О'Коннoръ, Бронтеръ О'Брайенъ и Д. В. Руффи. О'Брайенъ

приписывалъ неудачу прежнихъ агитацій пренебреженію къ доктринѣ соціальнаго права. О'Конноръ обвинялъ во всемъ націонализацію земли. Делегатами были избраны О'Конноръ, Диксонъ, Кларкъ и Уттингъ. Въ Вестминстерѣ, Тауэръ-Гамлетсѣ и другихъ округахъ также были устроены митинги и выбраны делегаты *). На конференціи былъ принятъ планъ организаціи очень похожій на прежніе. Число членовъ Исполнительнаго Комитета было ограничено пятью вмѣсто восьми. Былъ избранъ Временный Исполнительный Комитетъ до избранія другого настоящаго комитета всѣми чартистами. Между Гарнеемъ, О'Конноромъ, Кларкомъ и Рейнольдсомъ произошелъ горячій споръ. Трое послѣднихъ присутствовали на митингахъ парламентскихъ реформаторовъ, гдѣ О'Конноръ заявилъ, что онъ является представителемъ чартистовъ. Гарней утверждалъ, что О'Конноръ не имѣлъ права выступать представителемъ партіи, не имѣя на то ея согласія. Конференція приняла резолюцію не противодѣйствовать другимъ партіямъ реформъ, но Гарней въ „Звѣздѣ" продолжалъ критиковать буржуазныхъ политикановъ.

Незадолго передъ этимъ организовалась новая Ассоціація во главѣ съ Дж. Бронтеромъ О'Брайеномъ подъ названіемъ „Національная лига реформъ". Для открытія ея былъ устроенъ публичный митингъ, подъ предсѣдательствомъ Г. В. М. Рейнольдса. Ораторами выступили О'Брайенъ, Лойдъ Джонсъ и другіе. Эта лига была основана на излюбленныхъ принципахъ О'Брайена. Помимо политическихъ реформъ, заключавшихся въ Національной Хартіи, онъ считалъ еще необходимымъ стремиться къ осуществленію соціальныхъ правъ народа и съ этой цѣлью на первомъ планѣ ставилъ національзацію земли, рудниковъ, копей и рыболовства, денежную систему, основанную на дѣйствительномъ богатствѣ націи вмѣсто существующей теперь ложной денежной системы; націонализацію кредита, устроенную такимъ образомъ, чтобы при посредствѣ государственныхъ ссудъ бѣдный могъ бы съ помощью труда достигнуть комфорта и независимости; и національный рынокъ для того, чтобы обмѣнъ товара происходилъ

*) Ламбетъ избралъ: Э. Мильса, Коллинса, Паттинсона и Гобдена. Финсбери: Таунсхонда, Альнута, Ли и Блока. Вестминстеръ: Гарнея, Грасби, Арнота и Мильна. Тауеръ-Гамлетсъ: Рейнольдса, Макъ-Граса, Дэвиса и Дрэка. Саусуоркъ: Лангора, Персн, Вилькинса и Перси. Сити Лондона: Стальуда, Брауна, Вентлея и Фаулера.

на почвѣ справедливости и равенства. О'Брайенъ каждую недѣлю читалъ лекціи о принципахъ лиги въ Институтѣ на улицѣ Джонъ, и вскорѣ его ученіе увлекло всѣхъ лучшихъ представителей лондонской демократіи. Это общество заняло вскорѣ затѣмъ Эклектическій институтъ на улицѣ Денмаркъ въ Соо, гдѣ О'Брайенъ читалъ два или три раза въ недѣлю лекціи на свои излюбленныя темы.

Послѣдствіемъ этой попытки соединенія съ партіей парламентскихъ реформъ было большее, чѣмъ когда либо, разъединеніе чартистовъ. О'Конноръ, еще недавно обвинявшій Кобдена, теперь послѣдовалъ за нимъ въ Айльсбери, гдѣ былъ устроенъ публичный митингъ въ залѣ графства, и осыпалъ его самыми льстивыми похвалами, какъ раньше самыми низкими обвиненіями. Киддъ разошелся съ Кларкомъ на митингѣ для защиты Національной промышленности въ Лондонѣ. Кларкъ соединился теперь съ фридредерами, на которыхъ онъ раньше нападалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Онъ позволилъ себѣ нѣсколько обидныхъ замѣчаній по адресу Кидда, который вызвалъ его на публичный диспутъ по поводу преимуществъ свободной торговли и протекціонизма. Вызовъ былъ принятъ, но диспутъ такъ и не состоялся.

На большомъ митингѣ, 14 января 1850 года, проявились еще болѣе явные признаки разъединенія. Митингъ былъ созванъ временнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ. Предсѣдательствовалъ О'Конноръ. Джуліанъ Гарней воспользовался случаемъ, чтобы сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній относительно новаго прогрессивнаго движенія и выразилъ надежду, что когда народъ на континентѣ снова возьметъ верхъ надъ своими тиранами, то онъ обойдется съ ними также, какъ тѣ обходились съ нимъ. Кларкъ возражалъ противъ рѣчи Гарнея по обоимъ пунктамъ, но симпатіи народа были на сторонѣ послѣдняго. На этомъ митингѣ выступилъ В. Ж. Вернонъ, только-что освобожденный изъ тюрьмы, и встрѣтилъ самый сердечный пріемъ. Рейнольдсъ, Макъ-Грасъ, О'Брайенъ и Диксонъ также говорили рѣчи. О'Брайенъ защищалъ Гарнея противъ нападокъ Кларка. Послѣдній съ Рейнольдсомъ и О'Конноромъ посѣтилъ Лидсъ, Бредфордъ, Манчестеръ и другіе большіе города, гдѣ всюду собирались многолюдные митинги. Рейнольдсъ посѣтилъ также Поттерисъ, Ньюкастль-на-Тайнѣ, Глазго и другіе города, гдѣ говорилъ на большихъ митингахъ. Гарней, въ нѣсколько несдержанныхъ выраженіяхъ отвѣтилъ

Кларку на страницахъ „Сѣверной Звѣзды“, что вызвало еще болѣе обидный отвѣтъ со стороны Кларка, обвинявшаго Гарнея въ трусости, а также и въ томъ, что на закрытомъ митингѣ делегатовъ онъ, блѣдный и дрожащій, предложилъ отмѣнить митингъ въ Кеннингтонъ-Коммонѣ, хотя раньше никто такъ не хвастался своимъ презрѣніемъ къ правительству. Гарней соглашался съ тѣмъ, что онъ былъ противъ митинга, но прибавлялъ, что онъ былъ противъ только потому, что Кларкъ и его друзья были далеко не въ боевомъ настроеніи и, по его мнѣнію, лучше было отмѣнить митингъ, если процессія не могла состояться. Въ Бирмингамѣ была принята резолюція, приглашавшая Кларка отказаться отъ званія члена Временнаго Исполнительнаго Комитета, что онъ и исполнилъ. Примѣру его послѣдовали Дойль, Макъ-Грасъ и Диксонъ. Съ другой стороны Киддъ, Гарней и Грасби также вышли изъ состава членовъ Исполнительнаго Комитета.

Въ это время устраивались часто митинги для разсмотрѣнія парламентскихъ дѣлъ. На этихъ митингахъ говорили Гарней, Рейнольдсъ, О'Брайенъ и другіе представители демократіи. О'Брайенъ выступилъ со своими принципами передъ обществомъ, можетъ быть, недостаточно подготовленнымъ для принятія ихъ. Подъ руководствомъ Луки Дж. Гансарда было основано „Общество національнаго возрожденія“, устраивавшее публичные митинги для обсужденія различныхъ мѣръ для проведенія реформъ. О'Брайенъ явился на одинъ изъ этихъ митинговъ и предложилъ свои мѣропріятія по національизаціи земли и государственнаго кредита, измѣненіи денежной системы и торговли. Кромѣ того онъ внесъ еще три другія предложенія, которыя должны были предшествовать основнымъ пунктамъ національной реформы. Эти три предложенія были: отмѣна новаго закона о бѣдныхъ и возстановленіе закона Елизаветы съ предоставленіемъ бѣднымъ платной работы на общественныхъ земляхъ; установленіе правильнаго отношенія между кредиторомъ и должникомъ вслѣдствіе паденія цѣнъ; уплата процентовъ по національному долгу обладателями собственностью, въ интересахъ которыхъ былъ заключенъ долгъ. Предложенія О'Брайена были приняты огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Кларкъ и его сторонники организовали „Національную чартистскую лигу“ въ противовѣсъ прежней Ассоціаціи и обратились къ публикѣ за поддержкой. Гарней предпринялъ поѣздку съ цѣлью противодѣйствовать намѣреніямъ Кларка и говорилъ на огром-

ныхъ митингахъ въ Манчестерѣ, Рокделѣ, Стокпортѣ, Маклсфильдѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ ему вотировали полное довѣріе. О'Брайенъ въ то время началъ пользоваться большимъ вліяніемъ на публичныхъ митингахъ. Онъ не пропускалъ почти ни одного митинга и всюду пропагандировалъ свои принципы. Каждую недѣлю онъ читалъ лекціи въ Институтѣ на улицѣ Джонъ, гдѣ его встрѣчали самыми бурными рукоплесканіями. Его приглашали также въ Гринвичъ и другія мѣста по сосѣдству.

30 апрѣля 1850 года въ Институтѣ на улицѣ Джонъ состоялся митингъ, на которомъ говорили Мильнъ, Киддъ и Руффи. Бизеръ и Луней, двое изъ освобожденныхъ узниковъ, тоже появились на этомъ митингѣ среди восторженныхъ привѣтствій. Въ южномъ Лондонѣ также происходили многочисленныя собранія. Въ понедѣльникъ, 28 апрѣля, О'Конноръ присутствовалъ при открытіи народнаго зала въ Генлей, выстроеннаго чартистами и секуляристами. Залъ былъ переполненъ народомъ. Онъ произнесъ рѣчь и былъ встрѣченъ съ обычнымъ восторгомъ. Уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права во Франціи послужило поводомъ къ устройству огромнаго митинга въ томъ-же помѣщеніи 3-го іюля О'Брайенъ, Рейнольдсъ и Гарней произнесли по этому поводу потрясающія душу рѣчи. О'Конноръ отправился въ Шотландію. Въ Глазго Джемсъ Адамсъ выступилъ противъ него, но втеченіе двухъ съ половиною часовъ напрасно пытался добиться того, чтобы его выслушали. На митингѣ стоялъ непрерывный шумъ и Адамсъ, накопецъ, былъ уведенъ съ платформы полиціей, къ услугамъ которой обратились о'коннорцы. Предсѣдатель оставилъ свое мѣсто, и народъ началъ уже расходиться, когда по приглашенію О'Коннора часть присутствующихъ осталась, и онъ произнесъ имъ рѣчь. О'Конноръ посѣтилъ также Песлей, гдѣ противъ него выступилъ Кокренъ, но митингъ единогласно вотировалъ довѣріе О'Коннору. Энергичный агитаторъ посѣтилъ также Эдинбургъ и Горгей-Мильсъ, а на обратномъ пути говорилъ на большихъ митингахъ въ Карлеѣ и Ньюкастлѣ-на-Тайнѣ.

Исполнительный Комитетъ, въ составъ котораго теперь входили Томасъ Браунъ, Вилльямъ Девисъ, Джемсъ Грасбай, Д. Дж. Гарней, Томасъ Майльсъ, Джонъ Мильнъ, Стальудъ, В. М. Рейнольдсъ, Джонъ Арноттъ, началъ также теперь агитацію въ защиту не только политическихъ, но и соціальныхъ правъ. На митингѣ въ Институтѣ на улицѣ Джонъ, 18-го іюня, была предло-

жена и принята резолюція въ защиту этихъ правъ, такъ горячо пропагандируемыхъ О'Брайеномъ. На слѣдующій митингъ, устроенный въ томъ же самомъ мѣстѣ, явился Дж. Шау, выпущенный изъ тюрьмы, и ему былъ устроенъ самый горячій пріемъ. Тутъ же было заявлено, что докторъ М'Дуэль тоже получилъ свободу. Гарней разстался съ О'Конноромъ, такъ какъ послѣдній не позволялъ ему писать въ „Звѣздѣ" противъ Кларка и его партіи, и основалъ свою газету въ одно пенни, подъ названіемъ „Красный Республиканецъ" („Red Republican"), а Рейнольдсъ обратилъ „Политическаго Инструктора" въ газету, редакторомъ котораго втеченіе недолгаго времени былъ Бронтеръ О'Брайенъ. 11-го іюля въ честь Эрнеста Джонса и Дж. Фосселя былъ устроенъ вечеръ въ Институтѣ на улицѣ Джонъ. Послѣ чая залъ наполнился густой толпой народа. Предсѣдателемъ былъ избранъ Гарней. Ораторами выступили Вальтеръ Куперъ, Рейнольдсъ, Уилеръ, Вернонъ, Бизеръ, Шау, В. Дж. Линтонъ, О'Брайенъ и Стальудъ. Многіе изъ нихъ произнесли очень краснорѣчивыя рѣчи. Джонсъ и Фоссель были встрѣчены оглушительными рукоплесканіями. Первый сказалъ, что они должны познакомить народъ какъ съ его соціальными, такъ и съ его политическими правами, и поздравилъ присутствующихъ съ появленіемъ газеты Гарнея „Красный Республиканецъ".

О'Конноръ снова внесъ предложеніе о Хартіи, 11 іюля 1850 г., но на Палату не было больше никакой надежды. Между тѣмъ внѣпарламентская агитація въ пользу чартистовъ снова стала усиливаться. Въ Блекстонъ-Эджѣ, 14 іюля, собрались многочисленныя толпы народа, и по поводу резолюцій въ пользу Хартіи говорили Рештонъ отъ Свендона, Вилльямсъ отъ Стокпорта, Шекльтонъ отъ Галифакса, Личъ, Джоржъ Уайтъ, Гарней, Докторъ М'Дуэль, Белль отъ Гейуда, Робертсъ и О'Конноръ. Присутствовало не менѣе тридцати тысячъ человѣкъ. Вечеромъ въ тотъ же день О'Конноръ посѣтилъ свой главный оплотъ-Манчестеръ, гдѣ произнесъ рѣчь на огромномъ митингѣ въ народномъ институтѣ, послѣ чего ему, по предложенію Дикенсона, была выражена благодарность отъ имени митинга.

15 іюля, Эрнестъ Джонсъ въѣхалъ въ Галифаксъ, въ сопровожденіи огромной процессіи, составившейся, чтобы привѣтствовать его вторичный пріѣздъ въ этотъ городъ. Воздухъ сотрясался отъ радостныхъ криковъ. Шекльтонъ, Гарней и Джонсъ говорили

рѣчи собравшейся толпѣ въ Уэстъ-Гилль-паркѣ, и затѣмъ митингъ былъ отложенъ до вечера, когда снова собрались тысячи народа. Предсѣдательствовалъ Гаукрогеръ. Джонсу былъ поднесенъ адресъ, а рѣчи говорили тѣ же самыя лица. На слѣдующій день снова собрался митингъ, на которомъ Джонсу поднесли кошелекъ съ пятидесятью соверенами.

Эрнестъ Джонъ помѣстилъ въ „Сѣверной Звѣздѣ“ письмо, въ которомъ возставалъ противъ движенія средняго класса. О'Конноръ около этого времени помѣстилъ въ той же газетѣ письмо съ язвительными намеками на „бѣднаго джентльмена“, выступавшаго противъ его политики на лондонскихъ митингахъ. За этимъ послѣдовало другое письмо Джонса, обращенное къ Гарнею съ возраженіями на недавнія обвиненія Кларка, но само собою разумѣется, что письмо это было также отвѣтомъ О'Коннору.

Джонсъ и О'Конноръ присутствовали вмѣстѣ на большой демонстраціи въ Маунсоррелѣ въ Лейстерширѣ, въ воскресенье 10-го сентября. Присутствовало приблизительно двадцать тысячъ человѣкъ. Джонсъ говорилъ также въ Лейстерѣ на большомъ митингѣ въ слѣдующій вечеръ. Въ Бинглеѣ Джонсъ былъ встрѣченъ процессіей съ музыкой. Его посадили въ карету, запряженную сѣрыми лошадьми и довезли до Базарной площади, гдѣ онъ обратился съ рѣчью къ народу. Послѣ этого былъ устроенъ чай, на триста человѣкъ; говорили рѣчи Джонсъ, Робинзонъ, Горнсбай, Гольдъ и Лайтуолеръ. Чартисты этого маленькаго города поднесли Джонсу одиннадцать фунтовъ. На слѣдующее утро въ воскресенье онъ говорилъ на митингѣ подъ открытымъ небомъ, въ „Алтарѣ друидовъ“—одномъ изъ самыхъ романтическихъ мѣстечекъ Іоркшира. Джонсъ посѣтилъ также Донкастеръ, Шеффильдъ, Гебденбриджъ, Гольмфертъ, и Бредфордъ. Въ Шеффильдѣ и Бредфордѣ присутствовалъ также Бизеръ. Въ Бредфордѣ Джонса встрѣтили на станціи; для него приготовлена была карета и тысячная толпа сопровождала его по улицамъ до залы Общества трезвости, гдѣ былъ приготовленъ чай болѣе чѣмъ на семьсотъ человѣкъ. Послѣ него состоялся публичный митингъ, и залъ былъ до такой степени переполненъ, что великій ораторъ долженъ былъ говорить толпѣ со ступенекъ лѣстницы.

Возбужденіе въ это время сильно увеличилось, благодаря пріѣзду въ Лондонъ австрійскаго генерала Гейнау, на котораго

напали ломовые извощики Барклея и Перкинса и бросили его въ мусорный ящикъ за жестокое отношеніе къ храбрымъ венгерцамъ. На каждомъ митингѣ ломовикамъ вотировали благодарность за наказаніе, которому они подвергли это чудовище деспотизма, осквернившее своимъ присутствіемъ берега Англіи. 17-го сентября, на митингѣ въ залѣ на улицѣ Куперъ, былъ устроенъ огромный митингъ по поводу изгнанниковъ, на которомъ говорилъ О'Конноръ и одно только упоминаніе о ломовикахъ вызвало оглушительное рукоплесканіе. Въ Лидсѣ Джонсъ говорилъ передъ огромной толпой, оказавшей ему самый сердечный пріемъ. Въ Ньюкастлѣ на Тайнѣ, залъ для лекціи на улицѣ Нессель былъ переполненъ, и когда онъ явился туда, его встрѣтили самыми восторженными и продолжительными рукоплесканіями. Въ Саусфильдѣ, Бристолѣ и Сендерландѣ, а также и во многихъ другихъ мѣстахъ Англіи, гдѣ ему приходилось читать, онъ встрѣчалъ одинаково хорошій пріемъ. Изъ Англіи онъ на пароходѣ отправился въ Шотландію и говорилъ въ Хауукѣ и Киркальдеѣ передъ восторженной и многочисленной толпой. Въ Абердинѣ союзный залъ былъ переполненъ и Джонсу былъ оказанъ самый горячій пріемъ. Резолюція въ пользу Хартіи и благодарность лектору были предложены и поддержаны Смартомъ, Динсомъ, Райтеномъ и Макъ Дональдомъ, а когда затѣмъ снова всталъ Джонсъ, его встрѣтили самыми восторженными аплодисментами. Послѣ его рѣчи, въ честь героя вечера былъ устроенъ банкетъ. 28-го сентября онъ опять прочиталъ лекцію въ томъ же самомъ мѣстѣ и снова имѣлъ удовольствіе говорить въ переполненной народомъ аудиторіи. Въ Глазго въ Кильмарнокѣ, Кемнокѣ, Гамильтонѣ, Тилликаутри и во многихъ другихъ мѣстахъ Джонсъ пользовался такой же популярностью. Вездѣ ему была оказана самая радушная встрѣча, вполнѣ заслуженная его страданіями. По возвращеніи въ Англію онъ читалъ лекціи въ Стелибриджѣ, Рокделѣ, Педигемѣ, Ковентри, Нордгемптонѣ, Манчестерѣ, Потерисѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Манчестерѣ онъ говорилъ на многочисленномъ митингѣ подъ открытымъ небомъ въ Канъ-Фильдѣ, а потомъ въ народномъ университетѣ, который былъ также переполненъ. Въ Потерисѣ народный залъ чуть не ломился отъ толпы, и лекторъ былъ встрѣченъ громкими аплодисментами. На всѣхъ этихъ митингахъ ломовикамъ Барклея и Перкинса бурно аплодировали.

Около этого времени была сдѣлана попытка объединить различныя демократическія общества, и съ этой цѣлью въ столицѣ была устроена Конференція, на которую были приглашены делегаты отъ Національной чартистской Ассоціаціи, отъ Національной Лиги Реформы, отъ Лиги Соціальной Реформы, отъ Братскихъ демократовъ и отъ Тредъ-Юніоновъ. Присутствовали Гарней, О'Брайевъ, Делафорсъ, Торнтонъ Гентъ, Голіокъ и многіе другіе лидеры. Довольно много времени ушло на пренія. Была сдѣлана попытка соединить всѣхъ подъ именемъ Національной Хартіи и Союза соціальной реформы, но это послужило только сигналомъ къ разъединенію. А тутъ явился еще новый источникъ неудовольствія. О'Конноръ въ письмѣ къ чартистамъ совѣтовалъ устроить конференцію въ Манчестерѣ, и временемъ для нея манчестерскіе чартисты назначили Новый годъ. Исполнительный Комитетъ колебался. Эрнестъ Джонсъ былъ противъ. Делегатскій митингъ въ Уэстъ-Райдингѣ также былъ противъ, заявляя, что Исполнительный Комитетъ былъ единственной властью, имѣвшей полномочіе созывать конференцію. Джонсъ обратился къ чартистамъ съ письмомъ въ „Сѣверной Звѣздѣ“, уговаривая ихъ не соглашаться на предложеніе О'Коннора и выражая увѣренность, что меньшинство подчинится большинству, которое было противъ конференціи. Несмотря на все это, О'Конноръ стоялъ на своемъ и 17-го ноября явился въ Манчестеръ на митингъ въ народномъ институтѣ для того, чтобы поддержать свое предложеніе. Г. Дж. Мантль былъ противъ конференціи, но онъ не могъ заставить выслушать себя, и резолюція въ пользу конференціи была принята почти единогласно. О'Конноръ на этомъ митингѣ вдругъ измѣнилъ своимъ буржуазнымъ союзникамъ сторонникамъ финансовой и парламентской реформы и выразилъ увѣренность, что если бы имъ пришлось подать голосъ за или противъ Хартіи, то они вотировали бы противъ. Вслѣдствіе позиціи, занятой О'Конноромъ и манчестерскими чартистами Исполнительный Комитетъ сложилъ съ себя свои обязанности для того, чтобы узнать мнѣніе всей чартистской партіи. Джонсъ написалъ другое письмо къ чартистамъ, гдѣ въ суровыхъ выраженіяхъ осуждалъ предлагаемую конференцію. Въ письмѣ онъ говорилъ между прочимъ: „Можетъ быть будетъ сдѣлана еще попытка поддержать исчезающій духъ партійности въ нашихъ рядахъ посредствомъ митинговъ, криковъ, съ помощью риторики и

рукоплесканій, но это немногаго стоитъ". Манчестерскій совѣтъ отвѣтилъ Джонсу въ „Звѣздѣ". Общее настроеніе было за Исполнительный Комитетъ; различныя мѣстности одобряли принятую имъ тактику. Джонсъ продолжалъ свои обвиненія, каждую недѣлю помѣщая письма въ „Газетѣ Рейнольдса" и въ „Сѣверной Звѣздѣ". Одно изъ писемъ, помѣщенное въ „Сѣверной Звѣздѣ" отъ 21-го декабря, было озаглавлено: „Хартія въ опасности". Въ немъ онъ нападалъ на манчестерскій совѣтъ въ очень несдержанныхъ выраженіяхъ, чего нельзя сказать объ его отзывахъ объ О'Коннорѣ, хотя послѣдній и былъ главной причиной раздора. Джонсъ правда увѣрялъ, что вполнѣ откровенно высказываетъ свой взглядъ на О'Коннора, но тѣмъ не менѣе всегда съ уваженіемъ писалъ о немъ, въ то же самое время очень рѣзко нападая на манчестерскій совѣтъ, который былъ только исполнителемъ предписаній О'Коннора. Онъ критиковалъ программу, предложенную совѣтомъ народу. Они увѣряли, что хотятъ работать для Хартіи „только для одной Хартіи", не занимаясь вопросами о соціальной реформѣ, но тѣмъ не менѣе однимъ изъ предметовъ занятія конференціи было открытіе кооперативныхъ лавокъ. По этому поводу Джонсъ писалъ слѣдующее: „Развѣ это не система рутинеровъ или даже нѣчто худшее? Они хотятъ имѣть только Хартію въ чистомъ и неприкосновенномъ видѣ, а на слѣдующей строкѣ пристегиваютъ къ ней колоніальныя лавки. Они говорятъ намъ, что когда у насъ будетъ всеобщая организація мучныхъ ларей, она окажетъ намъ большую поддержку въ нашей агитаціи за Хартію. Но сколько лѣтъ, о, Боже! придется намъ еще терпѣть низкую заработную плату, безработицу, панику, все развивающуюся бѣдность (согласно ихъ собственнымъ показаніямъ)? Сколько лѣтъ придется намъ еще ждать, прежде чѣмъ рабочіе сдѣлаются лавочниками и изящными джентльменами и снизойдутъ до того, чтобы помочь намъ добиться Хартіи? Сколько еще аристократовъ труда мы создадимъ, прежде чѣмъ поймемъ, что мы только увеличивали ряды своихъ враговъ? О, мои друзья! Подобное предложеніе могло выйти только изъ враждебнаго лагеря. За этимъ желаніемъ сохранить Хартію въ ея „чистомъ и неприкосновенномъ" видѣ кроется ненависть къ ней. Никто выше меня не цѣнитъ значеніе принциповъ кооперація. Мы осуществимъ это, когда у насъ будетъ политическая власть—иначе говоря Хартія. Но если вы думаете, что мы можемъ добиться Хартіи посред-

ствомъ коммерческихъ операцій, вы плохіе кучера, такъ какъ вы запрягаете лошадь позади телѣги“.

Джонсъ не ограничивался только однѣми статьями, онъ отправился въ Манчестеръ и явился на митингъ, собранный совѣтомъ, на которомъ очень рѣзко осуждалъ поведеніе послѣдняго. Гарней со своей стороны каждую недѣлю наносилъ тяжелые удары этой партіи въ „Другѣ Народа“ (Friend of the People), какъ называлась теперь его газета въ пени. Тѣмъ временемъ происходили выборы въ Исполнительный Комитетъ. Было представлено двадцать одинъ кандидатъ. О'Брайенъ, Куперъ, Массей и другіе отказались баллотироваться. Результатъ получился слѣдующій: Рейнольдсъ — 1805; Гарней—1774; Джонсъ—1757; Арнотъ—1505; О'Конноръ—1314; Голіокъ—1021; Девизъ — 858; Грасбей—811; Мильнъ—709; Гентъ—707; Стальудъ—636; Фоссель—611; Майльсъ—515; Лебондъ—456; Линтонъ — 402; Уилеръ—350; Шау—526; Лено - 94; Делафорсъ—89; Фердинандо—59; Финленъ—44.

Изъ этого видно, что нѣкогда популярный О'Конноръ теперь стоялъ пятымъ по списку и получилъ почти пятьюстами голосами меньше, чѣмъ популярный Рейнольдсъ и, можетъ быть, и это количество голосовъ было подано за него больше изъ сожалѣнія, чѣмъ изъ одобренія его образа дѣйствій. Девять кандидатовъ, получившихъ наибольшее количество голосовъ, были избраны членами Исполнительнаго Комитета.

ГЛАВА XIII.

Вражда между чартистскими делегатами.

Мы уже упоминали раньше, что Джонсъ публично относился къ О'Коннору съ полнымъ уваженіемъ, но это было только осторожностью лицемѣра. Втайнѣ онъ ненавидѣлъ О'Коннора и не остановился-бы ни передъ какими средствами, чтобы уничтожить его, если бы могъ сдѣлать это, не рискуя своею популярностью но пока нѣкоторая осторожность была ему необходима. Въ его рѣзкихъ нападкахъ на манчестерскій совѣтъ ослѣпленные о'конноровцы врядъ ли могли замѣтить нападки на ихъ главу. Тѣмъ не менѣе это было нападеніе—нападеніе труса, который не смѣетъ нанести прямой ударъ и ищетъ кружного пути, чтобы напасть на своего противника. Джонсъ не имѣлъ мужества открыто выразить свои истинныя чувства къ О'Коннору ни въ газетахъ, ни въ рѣчахъ; въ своемъ письмѣ, рѣзко нападая на манчестерскій совѣтъ, онъ въ то же самое время выражалъ свое полное уваженіе О'Коннору, но втайнѣ велъ цѣлую интригу, чтобы низвергнуть своего противника. Когда началась борьба между Исполнительнымъ Комитетомъ и Кларкомъ и его партіей, Джонсъ отправился къ О'Брайену въ его резиденцію въ Лаундесъ-Кортѣ. Тамъ въ это время былъ другъ О'Брайена, Лесли изъ Эдинбурга. Разговоръ зашелъ о распряхъ между партіей Кларка съ Макъ-Грасомъ и другими и между Гарнеемъ и Джонсомъ (такъ какъ Кларкъ и его партія все еще стояли за свою Національную чартистскую лигу и дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы созвать манчестерскую конференцію). Джонсъ въ разговорѣ съ яростью нападалъ на О'Коннора и говорилъ, что его власть надъ чартистами становится деспотичною, что совершенно несогласно съ

духомъ демократіи. Онъ сказалъ, что этой власти во что бы то ни стало долженъ быть положенъ конецъ или же будетъ положенъ конецъ Хартіи. Затѣмъ, собравъ всю силу своей убѣдительности, имѣвшей такую силу на слабые умы, онъ продолжалъ:

„Вы, О'Брайенъ, единственный человѣкъ, который можетъ положить предѣлъ его вліянію. Вы держите въ своихъ рукахъ вѣсы чартизма. На чью сторону вы перейдете, та сторона и будетъ главной, въ особенности теперь, когда обѣ спорящія партіи почти одинаковы. Пожалуйста, я прошу васъ, напишите нѣсколько статей для „Звѣзды",—нѣсколько писемъ къ народу, которыя я беру на себя напечатать. Въ этихъ статьяхъ или письмахъ вы можете разрушить заговоръ Кларка и К°, которые хотятъ отдать чартизмъ въ руки манчестерской школы, и раскрыть предательскую политику О'Коннора: онъ поддерживаетъ планъ Кларка и то позоритъ честныхъ народныхъ представителей, то льститъ имъ. О'Конноръ добился деспотическаго вліянія, благодаря лжи и обману, а вы, О'Брайенъ, вы должны ради себя и ради дѣла помочь намъ разрушить его власть".

Но О'Брайенъ былъ достаточно уменъ, чтобы проникнуть въ себялюбивые замыслы Джонса. Онъ со своей стороны также былъ противъ О'Коннора, и признавалъ въ обвиненіяхъ Джонса много правды, такъ какъ убѣдился въ справедливости его словъ на своемъ собственномъ тяжеломъ опытѣ, но онъ чувствовалъ презрѣніе къ этому человѣку, который боялся открыто заявить о своихъ истинныхъ чувствахъ къ О'Коннору и который, провозглашая открыто свое полное уваженіе къ нему, могъ быть такъ труслив и низокъ, чтобы втайнѣ ковать противъ него заговоръ. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ онъ отвѣчалъ, что О'Конноръ уже былъ близокъ къ паденію, а что онъ (О'Брайенъ) никогда не нападалъ на слабаго, или на шатающагося, что во дни славы О'Коннора, онъ разоблачалъ и возставалъ противъ него, вредя этимъ себѣ, но теперь, когда явились болѣе опасные враги, чѣмъ О'Конноръ, было бы безразсудно стараться ниспровергнуть его и щадить другихъ. Кромѣ того, его мало интересовало кому изъ соперничающихъ между собою лидеровъ будетъ принадлежать верховенство, такъ какъ у него ни къ кому изъ нихъ не было довѣрія. „Напримѣръ,—сказалъ О'Брайенъ,—могу ли я имѣть довѣріе къ вамъ, Джонсъ, когда я вижу, что одну недѣлю вы пишете объ О'Конноре въ такихъ выраженіяхъ (тутъ О'Брайенъ положилъ палецъ

на статью въ „Звѣздѣ“, въ которой Джонсъ выражалъ свое полное уваженіе къ О'Коннору), а слѣдующую недѣлю вы просите меня ниспровергнуть его съ помощью его собственной газеты, въ которой вы сами такъ восхваляете его“. Лесли, присутствовавшій при разговорѣ и сообщившій о немъ публично въ Eclectic Institute, улыбнулся и посмотрѣлъ Джонсу прямо въ лицо, такъ что тотъ сконфузился и покраснѣлъ. Но, стараясь исправить неловкое положеніе, въ которое онъ себя поставилъ, онъ вздумалъ оправдать свою низость еще болѣе недостойнымъ извиненіемъ:—„*Дорогой другъ*,—сказалъ онъ,—обращаясь къ О'Брайену, *иногда приходится свѣтить и дьяволу*“. Да, „благородный“ О'Conноръ, человѣкъ, которымъ демократія должна была гордиться, былъ „дьяволомъ“ по мнѣнію его честолюбиваго ученика, благороднаго Эрнеста Джонса, не имѣвшаго „секретовъ“, и все поведеніе котораго было „открыто передъ всѣмъ свѣтомъ“. Само собой разумѣется, что Джонсъ будетъ отрицать все это, потому что онъ способенъ отрицать все, что не соотвѣтствуетъ его цѣлямъ. Но у насъ есть несомнѣнныя доказательства, что тайный заговорщикъ Эрнестъ Джонсъ держался именно этого мнѣнія объ О'Коннорѣ.

Вскорѣ послѣ вышеприведеннаго разговора онъ началъ издавать еженедѣльную газету подъ названіемъ „Записки къ народу“ („Notes to the people“), гдѣ помѣстилъ очень умно написанный романъ подъ названіемъ „Исторія демократическаго движенія, составленная по дневнику демократа, по исповѣди демагога и по запискамъ шпіона“. Демагогъ выведенъ въ лицѣ Симона Де-Брасье, и портретъ въ главныхъ чертахъ своего характера удивительно похожъ на О'Коннора. Похожъ до такой степени, что каждый читатель сразу узнавалъ его. Джонсъ попрежнему боялся выступить противъ О'Коннора открыто, но онъ могъ очень удобно нанести ему боковой ударъ на увлекательныхъ страницахъ романа, а въ случаѣ если бы явилась необходимость отрицать, что портретъ былъ списанъ съ О'Коннора, онъ могъ свободно сдѣлать это, такъ какъ никто не могъ бы поручиться, что авторъ разумѣлъ именно О'Коннора. Можно было имѣть полную увѣренность, что онъ изображалъ О'Коннора, но какъ доказать это, если самъ авторъ отрицалъ? При вступленіи его героя на политическую арену, онъ описываетъ его какъ младшаго сына очень родовитой, но не титулованной семьи. Авторъ говоритъ, что онъ обладалъ „благородной наружностью“ и „повелительными манерами“, его

прекрасныя черты носили печать спокойнаго достоинства и самообладанія и чтобы водворить молчаніе, ему достаточно было поднять только руку. Онъ говоритъ своей аудиторіи, что „до сихъ поръ онъ былъ сыномъ наслажденія и былъ за одно съ богатой стаей лѣнтяевъ и тирановъ, позорящихъ имя человѣка“. Онъ говорилъ: „Рабочіе! вы истинные родовитые аристократы, заслужившіе право быть аристократами вашимъ трудомъ! и сегодня я дѣлаю свой выборъ—я соединяю свою судьбу съ вашей“. Дальше онъ описываетъ себя, какъ богатаго человѣка, „но это богатство принадлежитъ теперь вашему дѣлу. Это правда, что у меня есть гончія собаки и скаковыя лошади; вотъ двѣ изъ нихъ,—указывая на лошадей,—разжирѣвшія на вашихъ лишеніяхъ. Богъ, да проститъ мнѣ, что та пища, отъ которой раздобрѣли эти лошади, могла бы поддержать жизнь малютокъ, которыхъ я вижу чуть не умирающими на груди матерей“. Затѣмъ онъ объявилъ о своемъ рѣшеніи продать своихъ лошадей. Тѣ, кто помнили, какъ часто О'Конноръ хвастался своимъ богатствомъ, своими скаковыми лошадьми и безполезной жизнью, которую онъ промѣнялъ на болѣе полезную—на служеніе народу—какъ онъ хвастался продажей своего коннаго завода, своимъ отреченіемъ отъ удовольствій для того, чтобы посвятить себя всецѣло народному дѣлу, могли сразу видѣть намѣреніе автора. Джонсъ описываетъ своего героя, какъ родовитаго нищаго, для котораго выбрали юридическую профессію. Но, не имѣя достаточно дѣлъ, расточительный и неимѣющій средствъ для того, чтобы удовлетворять своимъ аристократическимъ вкусамъ, живя на счетъ своихъ родственниковъ и надоѣвъ имъ наконецъ постояннымъ требованіемъ денегъ, онъ входитъ въ соглашеніе съ ростовщикомъ, по имени Блюдоръ, биржевымъ маклеромъ. Де-Брассье долженъ былъ довести народъ до революціи. Блюдоръ долженъ былъ воспользоваться выгодами отъ пониженія бумагъ на денежномъ рынкѣ, вызваннаго агитаціей и купить акціи и государственныя бумаги для Де-Брассье, который затѣмъ долженъ былъ остановить вызванное имъ движеніе. Стоимость акціи и государственныхъ бумагъ снова поднялась бы, и демагогъ на раззореніи и нищетѣ народа составилъ бы себѣ цѣлое состояніе. Дальше авторъ описываетъ чартистское движеніе 1848 года съ нѣкоторымъ, конечно, очень незначительнымъ измѣненіемъ. Стоя во главѣ великаго движенія, которое угрожаетъ перерости его и, испугавшись, или не имѣя достаточно твердыхъ

принциповъ для того, чтобы довести это движеніе до успѣшнаго исхода, Де-Брассье восклицаетъ: „Я долженъ остановить это движеніе, не теряя моей популярности, и я долженъ измѣнить его тонъ и характеръ, потому что оно становится слишкомъ демократичнымъ для Де-Брассье“. Затѣмъ онъ рѣшаетъ устроить цѣлый рядъ процессій и демонстрацій, которыя авторъ описываетъ какъ „смѣшные парады“, замѣчая, что „большой митингъ въ Тара, Клонтарфѣ, Керсальмурѣ и Кеннингтонъ-Коммонѣ не должны были имѣть мѣсто, если въ результатѣ нельзя было немедленно приступить къ какому-нибудь дѣйствію. Затѣмъ авторъ заставляетъ своего героя изыскивать средства для того, чтобы ниспровергнуть своихъ соперниковъ по популярности и съ этой цѣлью собираетъ Конвентъ. Конвентъ собрался. Собралось двѣсти делегатовъ, благороднѣйшихъ, наимужественныхъ и можетъ быть наимудрѣйшихъ представителей демократіи, и Де-Брассье среди всеобщихъ аплодисментовъ этихъ благородныхъ избранниковъ занимаетъ мѣсто во главѣ народнаго совѣта. Делегаты даютъ свои отчеты—самые радужные, что касается общественнаго настроенія—послѣ чего Де-Брассье опровергаетъ ихъ показанія. Онъ доказываетъ имъ, что они еще слишкомъ слабы, и въ концѣ концовъ нѣкоторые изъ нихъ вѣрятъ ему. Ему возражаютъ, послѣ чего онъ встаетъ и говоритъ:—

„Джентльмены, затѣвается самый ужасный заговоръ; онъ ведется правительствомъ; это заговоръ, чтобы уничтожить насъ. Они жаждутъ нашей крови. Вотъ,—продолжаетъ онъ,—бросая письмо. Вотъ предупрежденіе, которое я получилъ отъ самого полицейскаго агента, что меня застрѣлятъ, какъ только начнется движеніе. Всѣ руководители перечислены. У меня есть списокъ ихъ фамилій. Въ каждомъ батальонѣ имѣются отборные стрѣлки, которые должны цѣлиться въ извѣстныхъ лицъ вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ толпу. Спасенія не можетъ быть. Агентъ сыскной полиціи будетъ сопровождать ихъ и показывать намѣченныя жертвы. Я повторяю, у меня есть списокъ фамилій. Я не хочу читать его, но, когда я смотрю на присутствующихъ здѣсь, мои глаза останавливаются на нѣкоторыхъ лицахъ, принадлежащихъ къ числу жертвъ“.

Большая часть вышеприведеннаго отрывка почти слово въ слово принадлежитъ О'Коннору. Онъ постоянно говорилъ о письмахъ, получаемыхъ имъ отъ полиціи и отъ другихъ лицъ съ пред-

упрежденіемъ, что его застрѣлятъ, и утромъ 10-го апрѣля сказалъ Личу, что ихъ обоихъ рѣшено убить и что онъ увѣренъ въ этомъ. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, кого разумѣлъ авторъ, если сравнить слова его героя съ рѣчами О'Коннора, помѣщенными въ „Звѣздѣ" отъ 15-го апрѣля.

Де-Брассье снова встаетъ: „—Я сказалъ вамъ, что ведется тайный заговоръ. До сихъ поръ мнѣ удавалось сдерживать движеніе. Я предупреждалъ всякое насиліе. Я не хотѣлъ играть въ руку правительству. Я предупреждалъ всякое кровопролитіе. Такъ я буду поступать и впредь. Я спасу движеніе отъ посягательства безумцевъ и измѣнниковъ. Я говорю вамъ теперь, что многіе изъ лидеровъ, пользующихся наибольшимъ довѣріемъ народа, состоятъ на жалованьи у правительства, и нѣкоторые изъ нихъ сидятъ въ этой комнатѣ". Возражая на его указанія относительно слабости движенія и на недостатокъ симпатіи со стороны рабочаго класса, делегаты ссылались на восторженные митинги и демонстраціи во всей странѣ, на возбужденіе, вызванное собраніемъ Конвента въ городѣ, избранномъ для его засѣданій, на переполненный народомъ залъ и на апплодисменты аудиторіи.—„Все это шпіоны и измѣнники на жалованіи у правительства—воскликнулъ де-Брассье,—эти апплодисменты не должны обманывать васъ. Въ эту залу послали людей, переодѣтыхъ рабочими съ приказомъ апплодировать самымъ яростнымъ рѣчамъ. Это агенты сыскной полиціи. Они отмѣчаютъ васъ и каждаго, кто апплодируетъ. Безумцы, они апплодируютъ вамъ, чтобы вы погубили себя".

Въ „Звѣздѣ" отъ 22-го апрѣля О'Конноръ, разсказавъ о своемъ свиданіи съ однимъ ирландскимъ полицейскимъ, продолжаетъ:

„Ну, старая гвардія, мнѣ не надо было этого заявленія, чтобы знать, что на улицу Джонъ были посланы шпіоны, и поэтому, обладая острымъ зрѣніемъ и тонкимъ слухомъ, я всегда замѣчалъ, что самыя нелѣпыя рѣчи встрѣчали одобренія со стороны этихъ волковъ въ овечьей шкурѣ, тогда какъ честные рабочіе качали головой и опускали глаза".

Авторъ заставляетъ Де-Брассье бросать тѣнь на неподкупность нѣкоторыхъ членовъ Конвента, а въ письмѣ въ „Звѣздѣ" отъ 29-го апрѣля О'Конноръ говоритъ: —

„Я съ полнымъ презрѣніемъ отношусь къ человѣку, который въ Конвентѣ говоритъ однимъ языкомъ, а внѣ Конвента другимъ, и что бы вы сказали о делегатѣ Конвента, который послѣ бур-

ныхъ аплодисментовъ аудиторіи, возбужденной его рѣчью, говоритъ другому делегату того же Конвента по дорогѣ домой: *„Слышали вы, какъ эти проклятые глупцы апплодировали мнѣ?“*

И дальше:

„Избирательныя коллегіи, пославшія своихъ делегатовъ, видѣли, что время тратится на пустые споры и самыя недостойныя препирательства. Де-Брассье трубилъ всему свѣту, что Конвентъ состоялъ изъ платныхъ шпіоновъ и измѣнниковъ, что онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ спасти движеніе, что поэтому онъ долженъ былъ пасть жертвою заговора делегатовъ; что время тратилось на личныя нападки на него и обращался къ странѣ, прося ее защитить своихъ, такъ называемыхъ представителей отъ самоубійственной тактики. Результатъ легко себѣ представить. Деньги на поддержку делегатовъ перестали поступать. Тогда Де-Брассье измѣнилъ свою тактику и обращаясь къ нимъ: „Развѣ я вамъ не говорилъ этого. Я говорилъ вамъ, что общественное сочувствіе не на вашей сторонѣ; если бы это было не такъ, то гдѣ же деньги? Деньги это барометръ движенія. Теперь вы видите, кто правъ“.

Увы! Де-Брассье самъ разрушилъ довѣріе, Де-Брассье самъ помѣшалъ поступленію денегъ, Де-Брассье самъ заглушилъ энтузіазмъ; Де-Брассье внесъ расколъ въ движеніе, Де-Брассье посѣялъ недовѣріе и возстановилъ каждаго противъ каждаго, а теперь, тотъ-же Де-Брассье, слѣдствіе принималъ за причину. Онъ все перевернулъ и утверждалъ теперь, что созданная имъ самимъ неудача была результатомъ несостоятельности, безразсудства, зависти и предательства тѣхъ, довѣріе къ которымъ онъ разрушилъ. Послѣдніе напрасно протестовали, у нихъ не было средствъ для того, чтобы быть услышанными народомъ. Де-Брассье монополизировалъ всѣ пути сообщенія. У нихъ ничего не было. У нихъ не было газетъ, чтобы писать отчеты, у нихъ не было денегъ, чтобы разъѣзжать по странѣ, какъ онъ, и убѣждать народъ, осуждавшій ихъ. Скоро делегаты начали входить въ долги. Такъ какъ денегъ не прибывало, то Конвентъ долженъ былъ разойтись среди неудовольствій, покрытый клеветою, а делегаты какъ нищіе слонялись по городу, не имѣя даже возможности уѣхать домой. Тогда снова явился Де-Брассье и предложилъ деньги изъ своихъ личныхъ средствъ. Жестокая нужда принудила многихъ изъ делегатовъ принять ихъ. Демагогъ поза-

ботился, конечно, о томъ, чтобы разгласить этотъ фактъ, и делегатовъ, когда они пытались защищать свою точку зрѣнія, называли неблагодарными негодяями, хотѣвшими изъ мелкой зависти ниспровергнуть великаго народнаго вождя, который несмотря ни на что, протянулъ свою благородную руку помощи этимъ злымъ предателямъ, пытавшимся задушить его.

Надо помнить, что О'Конноръ, въ 1848 году, постоянно говорилъ въ своихъ письмахъ о безумцахъ и мошенникахъ, разстраивавшихъ движеніе и называлъ себя единственнымъ человѣкомъ, который могъ спасти дѣло отъ безумства и предательства. При этомъ онъ обвинялъ делегатовъ въ личныхъ нападкахъ на него. Надо помнить также, что Конвентъ дѣйствительно находился въ томъ положеніи, въ какомъ его описывалъ Джонсъ: онъ былъ по уши въ долгахъ. Это служило причиной для ссоръ, такъ какъ многіе изъ делегатовъ обвиняли другихъ въ ихъ зависимомъ положеніи. О'Конноръ дѣйствительно пришелъ на помощь и уплатилъ долги; и въ „Звѣздѣ" 22-го апрѣля онъ такъ говорилъ объ этомъ:—

„Я безропотно вынесъ нескромность и безразсудство многихъ членовъ бывшаго Конвента и въ награду долженъ былъ уплатить сто пятьдесятъ фунтовъ за ихъ расходы и подвергнуться оскорбленіямъ, упрекамъ и обвиненіямъ въ Палатѣ Общинъ за каждый ихъ неразумный поступокъ".

Послѣ этого врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, съ кого Джонсъ списывалъ свой портретъ.

Потомъ далѣе:—„Де-Брассье теперь ринулся на страну. Почтовыя лошади, желѣзная дорога, пароходы—онъ пользовался всѣмъ, чтобы быть почти вездѣсущимъ. Вездѣ онъ кричалъ:—„Шпіоны и предатели! Я спасъ движеніе отъ шайки мошенниковъ. Я предупредилъ пролитіе потоковъ крови. Я вырвалъ васъ изъ рукъ негодяевъ. Миръ, законъ и порядокъ. Какая бы побѣда была у насъ, если бы не эти шпіоны и измѣнники. Но мы не дали правительству провести себя; мы разрушили его заговоръ. Я спасъ васъ! Я спасъ васъ!" и слезы восторга лились по его улыбающимся щекамъ.

Утромъ 10 апрѣля, О'Конноръ говорилъ:—„Если бы не безразсудство нѣкоторыхъ лицъ, не засѣдавшихъ въ Конвентѣ и нѣкоторыхъ засѣдавшихъ въ немъ, то демонстрація никогда не встрѣтила бы оппозиціи, и была бы одной изъ самыхъ величествен-

ныхъ демонстрацій, когда либо видѣнныхъ въ Англіи". Въ слѣдующую субботу онъ пишетъ въ „Звѣздѣ" Имперскимъ чартистамъ:—

„Когда мы заявили о нашемъ намѣреніи устроить митингъ въ Кеннингтонъ-Коммонѣ и затѣмъ сопровождать процессіей выраженіе Національной Воли въ парламентъ, заявленіе наше не обращало на себя никакого вниманія правительства въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; а теперь, когда мы восторжествовали въ смыслѣ нравственной силы, я утверждаю, не боясь опроверженій, что правительство никогда бы не противодѣйствовало этому намѣренію, если бы не безразсудство однихъ, нескромность другихъ и предательство третьихъ, заявлявшихъ себя нашими сторонниками".

Теперь надо обратить вниманіе на слѣдующее мѣсто, взятое въ одной изъ предыдущихъ главъ. Помня поведеніе О'Коннора въ 1839 и 1840 году и сравнивая его съ этимъ мѣстомъ, читатель сразу увидитъ намѣреніе автора:—

„Ему (Де-Брассье) хорошо было извѣстно, что будутъ частичные бунты и возстанія,—прольется кровь—арестованные будутъ сосланы, будутъ разорены тысячи, будутъ разбиты сердца, — но что ему было до всего этого? Онъ выигралъ бы вдвойнѣ. Съ одной стороны самые пылкіе, самые популярные и самые честные, навѣрно, были бы осуждены на пожизненную ссылку; такимъ образомъ, многіе изъ его соперниковъ, — соперниковъ, которыхъ онъ начиналъ бояться, были бы удалены съ его пути, а затѣмъ для него было бы хорошей рекламой говорить о славныхъ изгнанникахъ или нападать на безразсудство тѣхъ, кто не хотѣлъ слѣдовать его совѣту и теперь несъ достойное наказаніе за свое тщеславіе и самомнѣніе".

Затѣмъ авторъ описываетъ, какъ результатъ политики Де-Брассье, тайный умыселъ правительства, давшій инструкцію своимъ агентамъ предоставить агитаторамъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока движеніе не достигнетъ извѣстнаго предѣла. Правительство дѣйствительно держалось такой тактики въ 1848 году, какъ это видно изъ показанія Девиса шпіона. И во всемъ этомъ очень умномъ и блестящемъ романѣ обстоятельства и событія, разсказываемыя авторомъ, почти совершенно сходятся съ обстоятельствами и событіями, въ которыхъ, впродолженіе долгаго времени, игралъ такую большую роль О'Конноръ. Большая часть рѣчей

Де-Брассье почти слово въ слово сходится съ рѣчами и статьями О'Коннора. Самъ Джонсъ такъ хорошо сознавалъ то впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести его романъ, что озаботился въ предисловіи предупредить своихъ читателей, чтобы они не думали, что въ разсказѣ есть какія-нибудь изображенія извѣстныхъ лицъ. Это увѣреніе онъ долженъ былъ повторить еще разъ потомъ, вслѣдствіе запросовъ друзей О'Коннора, которые не могли не узнать его портрета.

Несмотря на противодѣйствіе Исполнительнаго Комитета конференція въ Манчестерѣ все-же собралась 26 января 1851 года. Но, несмотря на все прежнее вліяніе О'Коннора, эта конференція являлась представительницей только четырехъ отдѣловъ. Такъ называемая Національная чартистская лига (маленькое общество въ Лондонѣ) выбрала делегатами Макъ-Граса, Кларка и Амброса Герста, кромѣ того, О'Конноръ и Личъ были представителями Манчестерскихъ чартистовъ, бо̀льшая часть которыхъ отдѣлилась и образовала особенное общество для оппозиціи новой тактикѣ. Лаусонъ былъ представителемъ отъ Лауэръ Варлея: Норсъ отъ Брэдфорда и Мантль отъ Варрингтона. Герстъ былъ выбранъ предсѣдателемъ. Послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ относительно положенія чартизма, Макъ-Грасъ внесъ резолюцію, поддержанную Кларкомъ, объяснявшую такое положеніе вещей безразсудствомъ и сумасбродствомъ большей части народныхъ представителей. Мантль предложилъ слѣдующее: „Такъ какъ конференція является представительницей только четырехъ мѣстностей, то она должна разойтись и предоставить народу выбрать мѣсто и время для конференціи“.

Мантль и Норсъ вотировали за поправку, а О'Конноръ, Личъ, Кларкъ, Макъ-Грасъ и Лаусонъ за предложеніе. Кларкъ затѣмъ внесъ слѣдующее предложеніе: „Конференція предлагаетъ, чтобы чартисты присутствовали на митингахъ другихъ политическихъ партій, содѣйствующихъ расширенію правъ и другимъ прогрессивнымъ реформамъ, для оказанія имъ поддержки и помощи“. Личъ поддерживалъ его. О'Конноръ, несмотря на свое прежнее сочувствіе движенію въ пользу парламентской реформы средняго класса, теперь возставалъ противъ своихъ новыхъ союзниковъ и противъ предложенія.

„Онъ долженъ напомнить имъ, что средній классъ въ прежнія времена всегда имѣлъ обыкновеніе обманывать народъ. Народъ также мало можетъ расчитывать на справедливость этого

класса, какъ на человѣка съ луны. Онъ можетъ полагаться только на самого себя. Сторонники финансовой реформы воспользуются народомъ для своихъ цѣлей. Они сошлись здѣсь, чтобы объединить общественное сознаніе и поэтому они не должны быть игрушкой въ рукахъ средняго класса, какъ это будетъ, если они примутъ резолюцію".

Затѣмъ онъ продолжалъ:

„Онъ заявляетъ, что хотя бы Кобденъ и Брайтъ и вотировали теперь за „милую Хартію", но, если бы была возможность сдѣлать изъ нея законъ, то они уговорили бы многихъ изъ членовъ своей партіи помѣшать этому. Цѣль этой партіи дѣлать все для своихъ собственныхъ выгодъ. Въ заключеніе онъ (О'Конноръ) совѣтуетъ имъ не довѣрять никакому другому классу, за исключеніемъ рабочаго класса. Что касается до него лично, то онъ никогда не сталъ бы ни довѣрять другому классу, ни дѣйствовать заодно съ ними. Онъ истратилъ тринадцать тысячъ фунтовъ на ихъ дѣло, и онъ никогда не оставитъ ихъ".

Кларкъ указалъ на то, что О'Конноръ болѣе, чѣмъ кто либо изъ другихъ чартистовъ Ассоціаціи помогалъ сторонникамъ парламентской реформы и прочиталъ выдержки, показывавшія, что онъ истратилъ 20 фунтовъ и сдѣлалъ почти шестьсотъ миль для того, чтобы присутствовать на ихъ митингѣ въ Абердинѣ, и что когда въ Комитетъ было внесено предложеніе измѣнить параграфъ Ассоціаціи и агитировать за всеобщее избирательное право, вмѣсто избирательнаго права квартиронанимателей, О'Конноръ былъ противъ этого, такъ какъ не хотѣлъ ставить ни малѣйшаго препятствія на пути буржуазныхъ реформъ. Затѣмъ онъ ѣздилъ въ Норвичъ и тамъ поддерживалъ ихъ, содѣйствовалъ имъ своими письмами въ „Звѣздѣ" и совѣтовалъ другимъ дѣлать то же самое и строго осуждалъ всякую оппозицію. Чтеніе этихъ отрывковъ нанесло тяжелый ударъ предполагаемой послѣдовательности О'Коннора, но онъ только повторилъ свое, выраженное имъ здѣсь, мнѣніе и, чтобы усилить его, привелъ еще нѣсколько аргументовъ. Кларкъ согласился нѣсколько измѣнить свою резолюцію. Но О'Конноръ все-же былъ противъ и внесъ свою поправку прекрасную само по себѣ, но косвеннымъ образомъ совершенно уничтожавшую резолюцію. Поправка его была слѣдующая:—„Народъ не долженъ дѣлать оппозиціи какой бы то ни было партіи, которая вполнѣ честно присоединится къ нему для осуществленія народной Хартіи въ

ея полномъ неприкосновенномъ видѣ". Кларкъ и его партія согласились съ поправкой О'Коннора, и она была принята единогласно. Резолюція Кларка тоже была принята; вотировали противъ нея О'Коннoръ, Норсъ и Мантль. Затѣмъ была внесена резолюція проводить только Хартію въ ея полномъ и неприкосновенномъ видѣ. Но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ Конференція впала въ противорѣчіе, рекомендуя открытіе кооперативныхъ лавокъ. О'Коннoръ сначала былъ противъ этого, но потомъ подалъ голосъ за, и Мантль одинъ остался противъ. А затѣмъ былъ нанесенъ последній ударъ Конференціи, которой предстояло такъ много сдѣлать. Мантль внесъ резолюцію о томъ, чтобы послать делегатовъ на предполагаемую Лондонскую Конференцію, созываемую Исполнительнымъ Комитетомъ. Кларкъ, Макъ-Грасъ, Герстъ и Личъ все время дѣйствовали такъ, какъ будто-бы чартистскій Исполнительный Комитетъ уже болѣе не существовалъ, поэтому они не могли признать его требованій и возстали противъ предложенія Мантля. Но О'Коннoръ поддержалъ его, сказавъ, что Конференція не будетъ игрушкой въ рукахъ Исполнительнаго Комитета. Онъ заявилъ, что если бы онъ даже работалъ цѣлый мѣсяцъ, то и тогда не могъ бы составить лучшей и болѣе своевременной резолюціи. Онъ заявилъ также, что никогда не поступится своими политическими принципами, что бы ни дѣлали и что бы ни говорили политическіе торгаши. Это раздражило Макъ-Граса, который сказалъ, что если О'Коннoръ употребляетъ такое выраженіе, какъ „политическіе торгаши", то онъ долженъ заявить, кого онъ разумѣетъ для того, чтобы народъ остерегался этихъ обманщиковъ. Но О'Коннoръ ничего не отвѣтилъ. Предложеніе было подвергнуто голосованію. О'Коннoръ, Мантль и Лаусонъ вотировали за, а Кларкъ, Макъ-Грасъ и Личъ—противъ; послѣ чего трое послѣднихъ удалились вмѣстѣ съ предсѣдателемъ, совершенно разстроенные, заявивъ, что всѣ занятія Конференціи сведены на нѣтъ, уничтожены этой послѣдней резолюціей. Затѣмъ въ Манчестерѣ былъ устроенъ публичный митингъ, который одобрилъ всѣ постановленія конференціи, за исключеніемъ послѣдней резолюціи. Даже вліяніе О'Коннора не могло заставить митингъ согласиться съ этимъ. На конференціи произошла ссора, такъ какъ О'Коннoръ инсинуировалъ, что Гарней былъ удаленъ изъ редакціи „Звѣзды" за то, что рекомендовалъ убійства отдѣльныхъ лицъ. Вопросъ былъ перенесенъ на обсужденіе Исполнительнаго Коми-

тета. О'Конноръ старался не допустить его обсужденія, но напрасно. Исполнительный Комитетъ принялъ резолюцію, снимавшую обвиненіе съ Гарнея, а публичный митингъ въ Институтѣ на улицѣ Джонъ подтвердилъ рѣшеніе Исполнительнаго Комитета, принявъ слѣдующую резолюцію:

„Митингъ, выслушавъ докладъ Исполнительнаго Комитета и объясненіе м-ра Гарнея, рѣшилъ, что съ м-ра Гарнея снимаются всѣ обвиненія и навѣты, которыя, какъ говорятъ, м-ръ О'Конноръ позволилъ себѣ противъ него на Манчестерской конференціи, и что поведеніе м-ра Гарнея во всѣхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ его выходомъ изъ „Сѣверной Звѣзды", было поведеніемъ истиннаго демократа, достойнаго народной любви, выгодно отличающимся отъ рабской угодливости, такъ часто характеризующей журналистовъ. Кромѣ того митингъ, ознакомившись со взглядами м-ра Гарнея, на основаніи которыхъ построили свое обвиненіе его враги, упрекая его въ томъ, что онъ рекомендовалъ убійства отдѣльныхъ лицъ, отвергаетъ это обвиненіе, какъ гнусную клевету и объявляетъ обвинителей клеветниками и нравственными убійцами, достойными презрѣнія всѣхъ честныхъ людей".

Голіокъ внесъ поправку, съ цѣлью придать резолюціи болѣе достойную форму. Поправка эта встрѣтила очень много сторонниковъ. Она заключалась въ слѣдующемъ:

„Митингъ, выслушавъ защиту м-ра Гарнея въ отвѣтъ на предъявленное къ нему обвиненіе, выражаетъ свое полное удовлетвореніе и увѣряетъ м-ра Гарнея въ своемъ довѣріи къ нему".

Тѣмъ не менѣе первая резолюція была принята огромнымъ большинствомъ среди громкихъ рукоплесканій. О'Конноръ отрицалъ вѣрность протокола, въ которомъ заключалось обвиненіе, сдѣланное имъ противъ Гарнея на Конференціи. Но было прочитано письмо дѣлопроизводителя въ газету Рейнольдса, подтверждавшее точность протокола. Эрнестъ Джонсъ былъ однимъ изъ ярыхъ сторонниковъ резолюціи. Онъ объявилъ поправку „пустымъ жеманствомъ" и назвалъ нѣкіихъ лицъ, выпустившихъ анонимный пасквиль противъ Гарнея „низкими негодяями". Послѣ конференціи О'Конноръ посѣтилъ массу мануфактурныхъ городовъ и говорилъ на многолюдныхъ митингахъ въ Стокпордѣ, Рокделѣ, Ольдгемѣ, Аштонѣ, Больтонѣ и другихъ мѣстахъ и вездѣ былъ очень хорошо принятъ.

Исполнительный Комитетъ, въ число котораго теперь входили О'Конноръ, Гарней, Джонсъ, Рейнольдсъ, Арноттъ, Голіокъ, Торнтонъ Гентъ, Грасбей и Мильнъ, составилъ программу съ изложеніемъ своихъ принциповъ и плановъ для того, чтобы представить ее на обсужденіе Конвента. Если принять во вниманіе прежніе взгляды ея членовъ, программа была въ высшей степени поверхностна. Великій основной принципъ соціальнаго права былъ совсѣмъ пропущенъ. Главнымъ пунктомъ, имѣвшимъ отношеніе къ этому вопросу въ отмѣченной программѣ, было измѣненіе закона о товариществахъ съ цѣлью болѣе дѣйствительной охраны членовъ кооперативныхъ обществъ. О'Брайенъ, присутствовавшій на первомъ митингѣ въ Институтѣ, гдѣ эта программа была подвергнута обсужденію, указывалъ на ея недостатки и называлъ ее измышленіемъ шарлатановъ чистой воды. Большая часть митинга сочувственно отнеслась къ его замѣчаніямъ. На слѣдующемъ публичномъ митингѣ Голіокъ, разбирая рѣчь О'Брайена, сравнивалъ его съ покойнымъ Вилльямомъ Коббетомъ, который, говорятъ, размахивалъ своимъ цѣпомъ и когда ему нельзя было бить по врагамъ, то онъ билъ по друзьямъ. Бенни и Петти тоже говорили на митингѣ. Послѣдній указывалъ на ошибки О'Брайена, но его постоянно прерывали. О'Конноръ пытался показать ложность мнѣнія, что рабочіе, какъ классъ, могутъ освободиться отъ соціальнаго рабства только посредствомъ коопераціи. А Раджерсъ защищалъ О'Брайена и говорилъ, что единственный пунктъ въ программѣ, который могъ послужить на пользу народу, была Хартія. Финленъ въ своей рѣчи выражалъ убѣжденіе, что народъ, прежде чѣмъ добиваться соціальныхъ правъ, долженъ завоевать себѣ политическія права.

Конвентъ собрался въ Лондонѣ, въ залѣ Партенніума, на улицѣ Св. Мартина въ понедѣльникъ, 31 марта 1851 года *). Послѣ того

*) На немъ присутствовало тридцать делегатовъ, изъ слѣдующихъ мѣстъ: Изъ Гринвича и Кента — Рейнольдсъ; изъ Норсъ-Ланкашира— Дж. Грей; изъ Портсмута и Эдинбурга—Торнтонъ Гентъ; изъ Вестминстера и Мерильбона—Ганнибалъ; изъ Ламбетъ-Саусъ-Іорка — Г. Шель; изъ Тауэръ-Гамлетса—Дж. Шау; изъ Сити и Финсбери—Дж. Финленъ; изъ Бредфордскаго округа—А. Робинзонъ; изъ Ексетера и Тивертона— Т. М. Уилеръ; изъ Манчестера — Ф. О'Конноръ и Г. Дж. Мантль; изъ Уорстершира и Глостершира — Г. Дж. Гарней; изъ Бристоля—Т. Саваджъ; изъ Галифакскаго округа — Э. Джонсъ; изъ округа Пэслей—

какъ делегаты сообщили свои отчеты, на обсужденіе Конвента была представлена программа чартистовъ. Небольшое количество чартистовъ продолжало стоять за агитацію только въ пользу Хартіи и ни за что иное. Между ними были делегаты изъ Манчестера, Дерби, Поттериса и Нортгемптона. Но огромное большинство стояло за агитацію въ защиту какъ соціальной, такъ и политической эмансипаціи народа. Было постановлено также, что чартисты, не оказывая никакого противодѣйствія сторонникамъ партіи финансовой и парламентской реформы, не будутъ все же соединяться съ этой партіей. Голіокъ и трое другихъ возражали противъ послѣдней части резолюціи, но она все же была принята единогласно. Потомъ было рѣшено — только шесть делегатовъ было противъ—что преступники лишаются права голоса только послѣ того, какъ надъ ними будетъ произнесенъ приговоръ. Принятіе этой резолюціи показываетъ, какъ поверхностно относятся люди къ движенію, въ которомъ принимаютъ участіе. Принципъ, заключавшійся въ этой резолюціи, былъ уже принятъ на Бирмингамской конференціи около девяти лѣтъ тому назадъ, и тогда же эта часть Хартіи была измѣнена по соотвѣтственно принятому рѣшенію. Было постановлено также, чтобы на одновременныхъ митингахъ были приняты резолюціи относительно другой Національной петиціи въ пользу Хартіи и подписаны предсѣдателемъ каждаго митинга. Кромѣ того — выставлять чартистскихъ кандидатовъ на предстоящихъ митингахъ, стараться расположить въ пользу чартистовъ городскія власти и выпустить по этому поводу воззванія; вести агитацію въ пользу Хартіи среди торговцевъ и ремесленниковъ въ земледѣльческихъ округахъ, среди углекоповъ, рудокоповъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ, и назначить спеціальныхъ коммиссіонеровъ въ Ирландіи.

Хотя Исполнительный Комитетъ въ своей первой программѣ

свящ. А. Денкенсонъ; изъ Нотингемшира — Вильямъ Фелькинъ; изъ Стафордшира-Потерисъ—Дж. Капуэль; изъ Шеффильда и Ротергема—Дж. Дж. Бизеръ: изъ Чишира — В. Бенфольдъ; изъ Ковентри и Бирмингама—А. Ятсъ; изъ Нордгемптона — Джонсъ Баркеръ; изъ Лейстера — Дж. Врей; изъ Саушильда — Д. В. Рефферй; изъ Эдинбурга — В. Принглъ: изъ Геддерфильдскаго округа—Т. Геретъ; изъ Денди — Дж. Грахенъ; изъ округа Дерби — Дж. Моссъ; изъ Ньюкастля-на-Тайнѣ—Дж. Ватсонъ; изъ округа Дедлей—Д. Томсонъ; изъ округа Глазго—Д. Поль.

пропустилъ основные принципы соціальнаго права, тѣмъ не менѣе въ Конвентѣ онъ каждый день вносилъ предложенія, касающіяся этихъ принциповъ. Былъ предложенъ и принятъ пунктъ о національзаціи земли посредствомъ учрежденія Аграрнаго управленія; возвращеніе народу общинныхъ и церковныхъ земель, а также земель приходскихъ и коронныхъ; постепенное пріобрѣтеніе государствомъ другихъ земель до тѣхъ поръ, пока вся земля не сдѣлается національной собственностью. Въ другомъ пунктѣ говорилось объ отдѣленіи церкви отъ государства, объ обращеніи церковной собственности въ національную, принимая во вниманіе, конечно, вложенный туда капиталъ. Въ третьемъ пунктѣ выдвигался принципъ національнаго, обязательнаго, свѣтскаго, безплатнаго образованія. Въ четвертомъ говорилось о правѣ кооперативныхъ обществъ на законную регистрацію и утвержденіе, и выражалось мнѣніе, что всѣ кооперативныя общества должны соединиться въ одинъ національный союзъ, доходы съ котораго должны поступать въ общій фондъ. Государство должно было открыть кредитный фондъ для выдачи ссуды рабочимъ, желающимъ соединиться вмѣстѣ для какихъ либо промышленныхъ цѣлей. Пунктъ пятый говорилъ о правѣ бѣдныхъ на существенную помощь, въ случаѣ потери работы и о предоставленіи имъ, по возможности, земледѣльческой работы. Старики и больные имѣли право на помощь по ихъ собственному выбору, или на дому, или въ спеціальныхъ зданіяхъ, воздвигнутыхъ правительствомъ для этой цѣли. Шестой пунктъ требовалъ, чтобы всѣ налоги собирались съ земли и съ частной собственности. Седьмой пунктъ говорилъ о погашеніи національнаго долга, причемъ проценты должны были служить для выплаты капитала. Восьмой пунктъ утверждалъ, что постоянная армія противорѣчитъ демократическимъ принципамъ и представляетъ опасность для народной свободы, но что временно необходимо еще сохранить постоянную армію и что въ арміи и флотѣ необходимо сдѣлать реформы. Девятый пунктъ говорилъ о правѣ каждаго носить оружіе и имѣть возможность заниматься военнымъ искусствомъ. Конвентъ также принялъ пунктъ объ уничтоженіи смертной казни.

Всѣ эти предложенія подверглись довольно продолжительнымъ обсужденіямъ, и многіе изъ делегатовъ защищали ихъ очень талантливо. Пренія были лишены желчнаго характера, и почти всѣ выражали свои мнѣнія спокойно и съ достоинствомъ. Программа·

принятая этимъ Конвентомъ, была несравненно выше программы прежнихъ Конвентовъ. Нѣкоторые изъ ея параграфовъ указывали на большой государственный тактъ. При обсужденіи земельнаго вопроса основной принципъ старались согласовать съ практическимъ осуществленіемъ. Только два делегата возражали противъ программы Исполнительнаго Комитета, а именно: Гарней и Финленъ, стоявшіе за національзацію земли безъ какого бы то ни было вознагражденія существующимъ собственникамъ. Но они не очень настаивали на своихъ возраженіяхъ. Провозглашая принципъ соціальнаго права, Конвентъ впалъ въ большую соціальную ошибку, принявъ пунктъ объ открытіи государственнаго кредитнаго фонда. Пунктъ этотъ прошелъ только благодаря коммунистическому элементу, имѣвшему большую силу, какъ въ Исполнительномъ Комитетѣ, такъ и въ Конвентѣ, но онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе. Грэмъ очень талантливо возражалъ противъ него, утверждая, что если фондъ государственнаго кредита будетъ національнымъ, то не зачѣмъ будетъ составлять кооперативныя общества для того, чтобы имѣть право пользоваться имъ; право пользоваться имъ должно быть дано всѣмъ безразлично, захотятъ-ли они работать на индивидуальныхъ принципахъ, или-же соединиться въ кооперативное общество. Эрнестъ Джонсъ былъ главнымъ ораторомъ въ пользу принятія пункта о кооперацiяхъ. Онъ утверждалъ, что люди работаютъ лучше на кооперативныхъ началахъ и говорилъ въ то же время, что насильно никого не заставляютъ вступать въ коопераціи. Каждый можетъ поступать, какъ ему угодно. Грэмъ отвѣчалъ: „Да, каждый можетъ поступать, какъ ему угодно, это все равно, что налоги въ пользу церкви. Духовенство говоритъ: „мы не обязываемъ васъ ходить въ церковь, но вы должны платить, ходите вы или не ходите". Также говоритъ и м-ръ Джонсъ. Вы можете поступать, какъ вамъ угодно, относительно кооперацій, но если вы не войдете въ кооперацію, то вы не получите вашей доли изъ національнаго фонда, хотя этотъ фондъ принадлежитъ одинаково какъ вамъ, такъ и кооператорамъ". Эта остроумная иллюстрація грубаго шотландскаго рабочаго поразила законника софиста, онъ не нашелся, что отвѣтить и только покачалъ головой среди всеобщаго смѣха Конвента. Но другіе пришли къ нему на помощь, и пунктъ былъ принятъ, хотя количество голосовъ за и противъ было почти одинаково.

Во время засѣданія Конвента Ганнибалъ внесъ резолюцію въ пользу реформы денежной системы, какъ этого хотѣлъ О'Брайенъ. По этому вопросу высказалось нѣсколько ораторовъ. Голіокъ сказалъ, что лучше не обсуждать этого вопроса, такъ какъ они не могутъ сказать, чѣмъ кончатся эти пренія. Рейнольдсъ произнесъ по этому поводу одну изъ своихъ лучшихъ рѣчей. Большинство делегатовъ, казалось, не понимало значенія этого вопроса и, въ концѣ концовъ, по предложенію Уилера была принята резолюція, возлагавшая на Исполнительный Комитетъ обязанность обратить вниманіе общества на этотъ вопросъ. Единственно, что вызвало раздраженіе среди делегатовъ, было письмо О'Коннора въ „Сѣверной Звѣздѣ“, въ которомъ онъ поддерживалъ заявленіе лорда Линдгерста и Стюарта Вортлея въ „Times'ѣ“, что заграничные эмигранты намѣреваются будто-бы устроить вооруженную демонстрацію на большой всемірной выставкѣ въ Лондонѣ. Конвентъ принялъ резолюцію, отвергавшую это заявленіе. О'Конноръ не очень часто посѣщалъ засѣданія Конвента. Онъ и въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ большого вліянія въ этомъ собраніи. Когда онъ бывалъ тамъ, то на него очень мало обращали вниманія, и многіе делегаты относились къ нему съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ. Это замѣчаніе относится въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которые пресмыкались передъ нимъ въ дни его славы и оставили его, какъ только увидѣли, что онъ начинаетъ падать. Но онъ не забывалъ тѣмъ не менѣе напоминать, что истратилъ 130 фунтовъ въ пользу дѣла и что никогда не сдѣлалъ ни одной мили и не съѣлъ ни одного куска за счетъ народа. По наружности О'Коннора можно было видѣть, что въ немъ произошла большая перемѣна. Пропало то пламенное одушевленіе, которымъ раньше отличался великій вождь „Имперскихъ чартистовъ“. Отъ лицъ, обладающихъ наблюдательностью, не могло ускользнуть, что разумъ, нѣкогда могущественнаго, агитатора пошатнулся. Всѣ его рѣчи и письма носили безсвязный характеръ, а глаза потеряли прежній блескъ. Онъ всегда казался точно во снѣ. Письма, помѣщаемыя имъ въ „Сѣверной Звѣздѣ“ каждую недѣлю, въ которыхъ онъ предупреждалъ народъ противъ иностранцевъ, собирающихся пріѣхать на выставку, и убѣждалъ не принимать участія въ задуманной революціи, служили явнымъ доказательствомъ ослабленія его умственныхъ способностей.

Гарней и Джонсъ пытались въ это время основать газету съ

штемпельнымъ сборомъ подъ названіемъ „Другъ народа“ (The Friend of the People) въ противовѣсъ „Сѣверной Звѣздѣ; съ этою цѣлью была открыта подписка, но, по исключеніи расходовъ, она дала только двадцать два фунта, и проектъ былъ оставленъ. Гарней, такъ часто помогавшій О'Коннору въ дни его славы уничтожать репутаціи другихъ, теперь съ самой ярой враждебностью нападалъ на своего учителя. Въ 24-омъ номерѣ „Друга народа“ была помѣщена статья, озаглавленная: „Революція наконецъ наступила“. Въ статьѣ давался отчетъ о Земельномъ Товариществѣ. О'Конноръ въ связи съ этимъ Товариществомъ основалъ банкъ, въ который было внесено вкладовъ на нѣсколько тысячъ фунтовъ. Отъ директора банка появилось письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ вкладчиковъ, что покуда не состоится рѣшеніе парламента, которое обязало-бы Земельное Товарищество выплатить данныя ему О'Конноромъ суммы, выдача денегъ вкладчикамъ будетъ пріостановлена. Въ письмѣ директоръ заявлялъ, что это рѣшеніе состоялось съ полнаго согласія директоровъ Земельнаго Товарищества. О'Конноръ теперь видѣлъ, что всѣ доски начинаютъ отпадать отъ его погибающаго корабля. Было время, когда нѣкоторыя изъ этихъ лицъ разрѣшали ему выпускать заявленія отъ ихъ имени, безъ ихъ предварительнаго согласія. Но дни славы прошли, и теперь начинались дни тяжелыхъ испытаній. Кларкъ, Дойль, Макъ-Грасъ и Диксонъ помѣстили письмо въ „Daily News“ къ вкладчикамъ банка и членамъ Земельнаго Товарищества, въ которомъ возражали противъ заявленія управляющаго и утверждали, что въ 1848 году О'Конноръ вступилъ въ полное владѣніе банкомъ и, что съ этого времени они не принимали никакого участія въ его управленіи и только при внесеніи билля о ликвидаціи дѣлъ Земельнаго Товарищества они открыли, что О'Конноръ намѣревался покрыть всѣ потери банка имуществомъ Земельнаго Товарищества; тогда они протестовали противъ всего, что могло заставить возрасти обязательства Земельнаго Товарищества. А О'Конноръ, на основаніи этого протеста, взялъ на себя право отказать въ требованіяхъ вкладчикамъ банка. Они говорили также, что сумма долга Земельнаго Товарищества О'Коннору, приводимая имъ, была невѣрна. Въ августѣ 1849 г. онъ получилъ изъ суммъ Земельнаго Товарищества нѣсколько тысячъ фунтовъ, о судьбѣ которыхъ ни имъ, ни акціонерамъ ничего не было извѣстно. Они доказывали также, что суммы, задолженныя Земельнымъ Товарище-

ствомъ О'Коннору не могли быть получены ни О'Конноромъ, ни кѣмъ-нибудь другимъ изъ вкладчиковъ, такъ какъ онъ перевелъ, 31 марта 1831 г. всѣ эти суммы на нѣкоего Тернера, его повѣреннаго по дѣламъ. И въ качествѣ доказательства они приводили документъ. Они слагали съ себя всякую отвѣтственность за закрытіе банка и за прекращеніе платежей вкладчикамъ. О'Конноръ пытаялся возражать на эти заявленія въ той же самой газетѣ. Онъ говорилъ, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ платилъ директорамъ изъ своихъ личныхъ средствъ и приводилъ слѣдующій разсчетъ между нимъ и Товариществомъ:—уплачено по дѣламъ Земельнаго Товарищества 11,926 ф. 14 шил. 11 п.: получено 4,921 ф. 10 шил. 8 п.: долгъ О'Коннору 7,005 ф. 4 шил. 3 п Но О'Конноръ оставилъ безъ возраженія обвиненіе директоровъ, что онъ передалъ всѣ должныя ему деньги Тернеру. Гарней подвергъ всѣ эти дѣла суровой критикѣ и въ заключеніе сказалъ: — „Мы стоимъ только въ началѣ разоблаченій. О'Конноръ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ честныхъ и порядочныхъ людей, окружилъ себя обманщиками и торгашами и теперь начинается должное возмездіе“.

Въ слѣдующемъ номерѣ Гарней продолжалъ свою атаку въ статьѣ „Всѣ мошенники“; къ ней были приложены отрывки изъ письма директоровъ, помѣщеннаго въ „Еженедѣльной газетѣ Ллойда“, въ которомъ наносился второй ударъ честности О'Коннора. Это письмо было также обращено къ вкладчикамъ банка и къ членамъ Земельнаго Товарищества. Директоръ доказывалъ, что когда Комитетъ Палаты Общинъ составлялъ свой докладъ, то у Товарищества имѣлось 7,659 ф. 14 шил. 2 п.; что съ тѣхъ поръ О'Конноръ получилъ разныя суммы и совершилъ разные расходы, и Товарищество въ настоящее время остается должнымъ ему 899 ф. 17 шил. 1½ п., а не 7,005 ф. 4 шил. 3 п., какъ онъ самъ это утверждаетъ; что для того, чтобы увеличить должную ему сумму, онъ приписалъ къ ней 3,606 ф., которые онъ потерялъ черезъ свой собственный банкъ, 2,000 ф. путевыхъ издержекъ и проценты, исчисленные имъ по четыре со ста. Они обвиняли О'Коннора въ томъ, что онъ не помѣстилъ въ своемъ отчетѣ 409 ф. 18 шил. 4 п., уплаченныхъ ему ими самими съ августа 1849 года, и они доказывали на основаніи его собственнаго письма въ „Daily News“, что 3,606 ф., которые онъ потерялъ черезъ свой собственный банкъ и которые онъ насчитывалъ теперь на Товарищество, были вы-

даны имъ не изъ его личныхъ суммъ, какъ онъ это утверждалъ, а отъ продажи земель и другого имущества, принадлежащаго Товариществу. Они доказывали дальше, что въ его распоряженіи находились деньги, принадлежавшія Товариществу, проценты съ которыхъ превышаютъ проценты съ должной ему суммы; что въ то время, какъ проценты съ суммы, должной ему Товариществомъ, равняются 96 ф., проценты съ денегъ Товарищества, находившихся въ его распоряженіи, достигаютъ по той же расцѣнкѣ 121 ф. 2 шил. 4 п.; такимъ образомъ, балансъ былъ въ пользу Товарищества. Они заявляли тоже, что изъ 5,331 ф. 9 шил. полученныхъ имъ съ октября 1848 года, имъ уплачены только двѣ суммы: одна въ 216 ф. 10 шил. 5 п. и другая въ 1000 ф., внесенныя на текущіе расходы, такъ что ему приходилось уплатить вмѣстѣ съ процентами 4,114 ф. 18 шил. 7 п. и они требовали еще, чтобы онъ уплатилъ проценты съ 3,606 ф., внесенныхъ имъ въ его собственный банкъ. Они утверждали также, что у нихъ есть большое основаніе думать, что О'Конноръ производилъ продажу имущества Товарищества на разорительныхъ для Товарищества условіяхъ для того, чтобы имѣть возможность поддержать свой банкъ. Далѣе они заявляли, что О'Конноръвилль былъ заложенъ въ суммѣ на 1,383 ф. 15 шил. 7 п.; что деньги подъ залогъ внесъ Робертсъ, юрисконсультъ Товарищества, о чемъ они узнали только теперь, хотя такая операція не должна была бы имѣть мѣста безъ ихъ согласія и содѣйствія. Они находили также, что суммы, отнесенныя на путевыя издержки, слишкомъ велики и утверждали, что за послѣдніе восемнадцать мѣсяцевъ они получили только одну четвертую часть своего жалованія, хотя въ распоряженіи О'Коннора находились огромныя суммы отъ продажи имущества Товарищества; но онъ употреблялъ суммы, вырученныя отъ продажи на поддержаніе своего банка, и еще другого гибнущаго предпріятія „Сѣверной Звѣзды", которая давно бы перестала существовать, если бы не доходы съ продажи земельной собственности Товарищества. И затѣмъ, эти люди, втеченіе долгаго времени состоявшіе прислужниками О'Коннора, такъ кончали свое заключеніе: —

„О'Конноръ, дѣйствуя на основаніи принципа, кто владѣетъ de facto, тотъ на девять десятыхъ законный владѣлецъ, выдавалъ или задерживалъ платежи по своему собственному усмотрѣнію, ибо вся собственность Товарищества была на его имя и, превративъ право владѣнія по довѣренности въ свое личное право, онъ пере-

велъ казну Товарищества въ свой собственный карманъ, и врядъ ли нужно добавлять, что изъ этого послѣдняго источника очень немногаго можно было добиться для какихъ бы то ни было цѣлей. Мы считаемъ своей обязанностью для оправданія себя указать, что щедрость О'Коннора основана на ложныхъ и хвастливыхъ увѣреніяхъ и просимъ вѣрить гг. членовъ, что его заявленіе относительно насъ совершенно невѣрно".

Но Гарней никакъ не могъ допустить, чтобы на директоровъ смотрѣли какъ на честныхъ людей, и въ своей статьѣ онъ такъ комментировалъ ихъ заявленіе:

„Пусть они не льстятъ себя надеждой, что, губя О'Коннора, могутъ очистить себя; напротивъ, чѣмъ болѣе они чернятъ О'Коннора, тѣмъ глубже сами опускаются въ тину безчестія. Они дѣлили вмѣстѣ съ нимъ добычу, когда деньги притекали, и теперь должны дѣлить вмѣстѣ съ нимъ проклятіе, такъ долго довѣрявшихъ имъ и наконецъ прозрѣвшихъ, жертвъ.

Кларкъ не удовольствовался бичеваніемъ О'Коннора въ „Daily News" и „Lloyd's", но самолично отправился въ Манчестеръ и созвалъ тамъ публичный митингъ, на которомъ онъ, Личъ и Донованъ подвергали сомнѣнію честность О'Коннора и В. П. Робертса. О'Конноръ, въ свою очередь, обвинилъ Кларка въ томъ, что тотъ взялъ часы, принадлежавшіе Товариществу. Но Кларкъ возразилъ, что купилъ эти часы и показалъ росписку въ полученіи денегъ. Земельное Товарищество съ каждымъ днемъ падало все больше и больше; многіе изъ арендаторовъ участковъ отказывались признавать О'Коннора своимъ хозяиномъ и платить ему какую бы то ни было ренту. Другіе заявляли, что имъ не изъ чего платить, такъ какъ условія ихъ жизни слишкомъ тяжелы.

Исполнительный Комитетъ продолжалъ работать, насколько позволяли ему его ограниченныя средства. Онъ часто выпускалъ циркуляры съ изложеніемъ демократическихъ принциповъ, а Эрнестъ Джонсъ предпринялъ поѣздку по странѣ для чтенія лекцій. Былъ устроенъ публичный митингъ въ столицѣ, подъ предсѣдательствомъ Уоклея съ требованіемъ назначить слѣдствіе по поводу обращенія съ Эрнестомъ Джонсомъ въ тюрьмѣ. На митингѣ по этому поводу говорилъ Голіокъ, О'Брайенъ и другіе, и петиція была принята единогласно. Совѣтъ Національной Лиги Реформъ собралъ митингъ въ Eclectic Institute съ требованіемъ назначить слѣдствіе не только по поводу обращенія въ тюрьмѣ

съ Джонсомъ, но и со всѣми другими заключенными въ это время. На митингѣ говорили Фиргусъ О'Коннорь, Бронтеръ О'Брайенъ, Бизеръ, Фоссель, Бойсонъ и Герней, и было выражено согласіе на петицію въ Парламентъ.

Въ газетахъ попрежнему печатались письма противъ О'Коннора. Онъ отвѣчалъ на нихъ, или вѣрнѣе, отмѣчалъ ихъ; но въ перѣ его теперь было очень мало огня. Онъ, казалось, потерялъ всю силу своего прежняго полемическаго пыла, и вообще писалъ слишкомъ мало. 19-го іюля, несмотря на всѣ сыпавшіяся на него обвиненія, въ О'Коннорвиллѣ въ честь его была устроена демонстрація, и ему былъ поднесенъ адресъ съ выраженіемъ симпатіи и благодарности. 7-го августа билль о ликвидаціи дѣлъ Земельнаго Товарищества получилъ королевскую санкцію.

Засѣданія Конвента вскорѣ стали очень малочисленны. Джонсъ былъ въ отъѣздѣ, и Гарней и Голіокъ читали лекціи въ Шотландіи. Въ засѣданіи, 24-го сентября 1851 года, секретарь прочиталъ письмо отъ Рейнольдса, извѣщавшаго, что болѣзнь не позволяетъ ему исполнять своихъ обязанностей въ Исполнительномъ Комитетѣ. Вслѣдствіе этого онъ слагалъ съ себя званіе члена Исполнительнаго Комитета и жертвовалъ въ пользу Ассоціаціи двадцать фунтовъ, которые Комитетъ былъ ему долженъ. На этомъ же основаніи онъ отказывался выступить кандидатомъ въ мѣстечкѣ Бредфорда, чего раньше онъ самъ добивался. На слѣдующемъ засѣданіи Исполнительнаго Комитета, на которомъ присутствовали Арноттъ, Грасби, Гёнтъ, Джонсъ и Мильнъ, было принято единогласно благодарить Рейнольдса за услуги, оказанныя имъ дѣлу чартистовъ. Гарней сталъ теперь обвинять Голіока за его сочувствіе сторонникамъ парламентскихъ реформъ и заявилъ, что не понимаетъ, на какомъ основаніи Голіокъ продолжаетъ оставаться членомъ Исполнительнаго Комитета. На мѣсто Рейнольдса былъ избранъ Ле-Блондъ.

Умственныя способности О'Коннора замѣтно приходили въ упадокъ. Въ Саусгемптонъ пріѣхалъ великій венгерскій вождь Кошутъ. Въ честь его пріѣзда была устроена большая демонстрація, послѣ которой послѣдовалъ банкетъ. О'Коннорь, присутствовавшій на банкетѣ, вдругъ совершенно неожиданно подошелъ къ Кошуту, схватилъ его за руку и началъ говорить, что очень любитъ его и тому подобное. Мэръ остановилъ его, но онъ, посмотрѣвъ на него пренебрежительно, спросилъ: „Что такое?" и сѣлъ.

На большой демонстраціи рабочихъ въ Лондонѣ въ честь Кошута комитетъ не хотѣлъ допустить О'Коннора въ залъ Ганноверъ-сквера. Главную роль въ этомъ отказѣ игралъ Торнтонъ Гентъ, но благодаря настоянію Рейнольдса, О'Конноръ былъ принятъ. Бронтера О'Брайена нельзя было не допустить, такъ какъ онъ былъ членомъ комитета, устраивавшаго демонстрацію, но его отказались представить Кошуту. Эрнестъ Джонсъ не явился на демонстрацію, такъ какъ на этомъ митингѣ ораторамъ не было разрѣшено касаться Хартіи. Такое отношеніе къ О'Коннору вызвало со стороны многихъ чартистскихъ организацій резолюціи съ выраженіемъ порицанія комитету.

Комитетъ оправдывался тѣмъ, что они хотѣли устроить вполнѣ приличную, благопристойную демонстрацію, а что недавнее поведеніе О'Коннора показывало, что онъ не можетъ отвѣчать за свои поступки. Они утверждали также, что Кошутъ отказался бы принять адресъ, если-бы О'Конноръ принялъ участіе въ устройствѣ демонстраціи.

Положеніе Исполнительнаго Комитета становилось очень затруднительнымъ, вслѣдствіе апатіи, охватившей чартистскую партію. 12 ноября, въ залахъ Коуперъ-стритъ, былъ устроенъ публичный митингъ, на которомъ предсѣдательствовалъ Кодденъ. Дикъ, Роджерсъ, Стреттонъ, Брайсонъ, Осборнъ и Свифтъ говорили противъ Исполнительнаго Комитета, а Слокомбъ и Феррау защищали его. Говорилъ также и О'Брайенъ, но только для того, чтобы исправить неточную передачу въ газетѣ „Globe" его рѣчи, произнесенной на банкетѣ въ честь Кошута. Онъ писалъ въ „Globe", ему обѣщали помѣстить его возраженіе, но напечатали только незначительную выдержку, такъ какъ въ отвѣтъ появилась длинная статья. Митингъ разошелся, не принявъ никакой резолюціи. Въ „Сѣверной Звѣздѣ" отъ 15-го ноября появилось письмо Эрнеста Джонса, обращавшаго вниманіе на предстоящіе выборы въ Исполнительный Комитетъ. Онъ находилъ неправильнымъ образъ дѣйствій нѣкоторыхъ своихъ коллегъ и убѣждалъ чартистовъ не играть чартистскимъ движеніемъ въ руку другой партіи, избирая большинство членовъ Исполнительнаго Комитета изъ лицъ, сочувствующихъ больше другимъ движеніямъ, чѣмъ движенію въ защиту Хартіи. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы безплатный Комитетъ изъ девяти членовъ былъ уничтоженъ и замѣненъ платнымъ изъ трехъ членовъ. 23-го въ Институтѣ на

улицѣ Джонъ былъ устроенъ митингъ для разсмотрѣнія вопроса о чартистской организаціи, и затѣмъ для разсмотрѣнія этого вопроса митингъ образовалъ изъ себя Комитетъ. Эрнестъ Джонсъ предложилъ возстановить Столичный совѣтъ делегатовъ и, послѣ довольно продолжительныхъ преній, въ которыхъ принимали участіе Осборнъ, Никольсъ, Ли, Лено, Коддемъ, Уилеръ, Гентъ, Мёррей, Ле-Блондъ, Дикъ, Бизеръ, Блей и другіе, предложеніе было принято большинствомъ противъ двухъ голосовъ.

Исполнительный Комитетъ съ каждымъ днемъ становился все слабѣе. Голіокъ, Гентъ и Ле-Блондъ сочувствовали реформамъ средняго класса и разрывъ между ними и нѣкоторыми изъ ихъ товарищей становился неизбѣженъ. Джуліанъ Гарней, читавшій лекціи въ Ньюкастлѣ, Шильдсѣ и другихъ мѣстахъ, прислалъ письмо секретарю Исполнительнаго Комитета, отклоняя честь быть снова избраннымъ въ Комитетъ. Причиною своего отказа онъ приводилъ недостатокъ времени и слабость здоровья. Онъ находилъ, что его болѣе умѣренные товарищи поступали неправильно, оставаясь въ Комитетѣ, большинство членовъ котораго оказываютъ поддержку другимъ движеніямъ, и осуждалъ проектъ Джонса о платномъ Исполнительномъ Комитетѣ, не имѣвшемъ санкціи Конвента. 13-го декабря въ „Сѣверной Звѣздѣ“ появилось письмо Ле-Блонда къ чартистамъ, въ которомъ онъ возражалъ Джонсу и защищалъ свою тактику по отношенію къ среднему классу. Джонсъ возражалъ ему въ слѣдующемъ номерѣ „Звѣзды“.

„Coup d'Etat“ Луи Наполеона вызвалъ обмѣнъ мнѣній въ столицѣ. Въ Національномъ залѣ подъ предсѣдательствомъ Г. Дж. Голіока былъ устроенъ митингъ. Дж. Петти внесъ слѣдующую резолюцію:—

„Митингъ протестуетъ противъ политическихъ перемѣнъ во Франціи, противъ насильственныхъ и безсердечныхъ средствъ, съ помощью которыхъ она была осуществлена и считаетъ своимъ долгомъ выразить открытое сочувствіе дружественному народу, раздавленному военной силой. Митингъ настаиваетъ, чтобы англійское правительство употребило все свое политическое вліяніе для возстановленія народныхъ свободъ, уничтоженныхъ ничѣмъ не оправдываемымъ насиліемъ организованнаго деспотизма“.

Г. Гопперъ защищалъ резолюцію, которую поддерживали также Тезналь, Берчъ изъ Оксфорда, Гудфелло и Эллисъ. Затѣмъ О'Брайенъ внесъ поправку въ болѣе рѣзкой формѣ:—

„Митингъ съ ужасомъ и отвращеніемъ встрѣтилъ побѣдоносное узурпаторство Луи Наполеона,—узурпаторство, совершившееся съ помощью цѣлаго ряда преступленій, измѣнъ, насилій и организованныхъ убійствъ, не знающихъ себѣ равныхъ во всей исторіи Европы. Мы глубоко сочувствуемъ великодушному французскому народу, видя какъ національныя права и свободы, завоеванныя ими съ такими тяжелыми усиліями, грубо попираются военной силой, и мы твердо надѣемся вмѣстѣ со всѣми благомыслящими людьми, что Европа скоро увидитъ конецъ этой узурпаторской власти, конецъ достойный его царствованія, достойный его преступленія и его неблагодарности по отношенію къ французскому народу“.

О'Брайенъ оправдывалъ рѣзкость своей резолюціи ссылкой на факты, его поддерживалъ Чарльзъ Меррей и поставленная на баллотировку, поправка его была принята огромнымъ большинствомъ.

3-го января 1852 года „Сѣверная Звѣзда“, съ 1837 года составлявшая собственность О'Коннора, перешла изъ его рукъ въ руки Флемминга и Макъ-Гоуна, его издателя и типографа. Они пріобрѣли эту падающую и гибнущую газету за сто фунтовъ. Уже въ теченіе нѣкотораго времени передъ этой покупкой газета все равно издавалась почти подъ исключительнымъ руководствомъ Флемминга; всѣ, появлявшіяся въ ней, статьи старались соединить чартистскую партію со сторонниками парламентскихъ реформъ, и истинный чартизмъ почти исчезъ съ ея столбцовъ.

Тѣмъ временемъ происходили выборы въ Исполнительный Комитетъ. О'Конноръ обнаруживалъ нѣсколько разъ признаки полнаго умственнаго разстройства, было вполнѣ ясно, что онъ неспособенъ управлять дѣлами, но несмотря на это шестьсотъ голосовъ вотировали за него. Девять избранныхъ были: Эрнестъ Джонсъ, Джонъ Арноттъ, Фиргусъ О'Конноръ, Т. М. Уилеръ, Джемсъ Грасби, Джонъ Шау, В. Дж. Линтонъ, Дж. Дж. Бизеръ, Г. Дж. Голіокъ. Первый получилъ только девятьсотъ голосовъ,—какъ разъ половину того, что получилъ Рейнольдсъ на предыдущихъ выборахъ, а послѣдній—триста тридцать шесть. Эти цифры показываютъ, какъ слаба была чартистская ассоціація въ это время, Но еще большіе источники слабости лежали въ несостоятельности членовъ избраннаго Комитета. О'Конноръ не могъ быть больше

полезенъ. Эрнестъ Джонсъ отказался, заявивъ, что онъ не можетъ служить въ такомъ Комитетѣ и умолялъ чартистовъ избрать, не теряя времени, Конвентъ. Уилеръ тоже отказался, объясняя свой отказъ тѣмъ, что Комитетъ не могъ платить жалованіе секретарю, что Голіокъ упрекалъ его въ пьянствѣ, и что служить безплатно, для кого бы то ни было, невозможно. Одинъ только В. Дж. Линтонъ могъ быть полезенъ и то условно. Онъ былъ убѣжденъ, что чартизмъ умеръ и что прежнюю его тактику нельзя было снова вызвать къ жизни. По его мнѣнію, для рабочихъ было только два пути добиться Хартіи: одинъ—путь насилія, другой—союзъ съ среднимъ классомъ. Для перваго они были подготовлены не болѣе, чѣмъ въ 1839 и 1848 годахъ. Единственной альтернативой былъ второй путь, и онъ совѣтовалъ соединиться со среднимъ классомъ и поставить себѣ задачей всеобщее избирательное право и уничтоженіе имущественнаго ценза. Только на этомъ условіи онъ соглашался служить чартистамъ, чего онъ желалъ всей душой. Отказъ Гарнея и Джонса заслужилъ имъ порицаніе со стороны оставшихся членовъ, находившихъ, что они не должны были выходить изъ Комитета, прежде чѣмъ не былъ уплаченъ долгъ въ тридцать семь фунтовъ, сдѣланный въ то время, когда они состояли его членами и за которыя они должны были бы нести отвѣтственность.

Исполнительный Комитетъ отказался отъ помѣщенія, въ которомъ онъ обыкновенно собирался для того, чтобы сократить расходы и предупредить необходимость новыхъ займовъ. „Сѣверная Звѣзда" теперь открыто совѣтовала оставить Хартію и заняться агитаціей въ пользу всеобщаго избирательнаго права и тайной баллотировки. Она заявляла, что слово „чартистъ" „оскорбляло какъ зрѣніе, такъ и слухъ". Эрнестъ Джонсъ посѣщалъ митинги Совѣта делегатовъ, который являлся какъ бы противникомъ Исполнительнаго Комитета и старался ослабить его вліяніе. Въ отвѣтъ на порицаніе Исполнительнаго Комитета относительно лежавшаго на немъ долга онъ заявилъ, что выходъ его изъ состава Комитета не снимаетъ съ него законной отвѣтственности за сдѣланный заемъ и онъ отвѣчаетъ за него такъ же, какъ и раньше. Джонсъ осыпалъ обвиненіями „Сѣверную Звѣзду" за ея отреченіе отъ чартизма. Издатель отвѣчалъ, что его нападки объясняются чувствомъ личной мести, такъ какъ онъ старался войти въ соглашеніе съ владѣльцами „Звѣзды", но былъ отвергнутъ. Отзывы

Джонса объ О'Коннорѣ въ это время были вполнѣ въ его духѣ. Онъ говорилъ о немъ въ слабыхъ льстивыхъ выраженіяхъ. Причина этого вполнѣ понятна. Когда онъ просилъ О'Брайена войти съ нимъ въ заговоръ для ниспроверженія О'Коннора, послѣдній служилъ ему препятствіемъ для достиженія власти. Теперь онъ не могъ болѣе мѣшать. А такъ какъ для организаціи партіи ему нужно было, главнымъ образомъ, содѣйствіе о'коннорцевъ, то приходилось забыть прежнее недоразумѣніе и, чтобы привлечь къ себѣ о'коннорцевъ, восхвалять ихъ павшаго вождя. Джонсъ порицалъ владѣльцевъ „Звѣзды" за то, что они вырвали эту газету изъ рукъ О'Коннора. Но какіе бы ни были недостатки „Звѣзды" подъ ихъ управленіемъ, (а ее, конечно, въ то время ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать чартистскимъ органомъ), все же нельзя было порицать ея новыхъ издателей за то, что они пріобрѣли ее. „Сѣверная Звѣзда" потеряла свое вліяніе, прежде чѣмъ они купили ее за сто фунтовъ, и поэтому въ ихъ покупкѣ не было ничего безчестнаго. Они, конечно, дали за нее больше, чѣмъ она стоила. Одинъ изъ сотрудниковъ „Сѣверной Звѣзды", въ номерѣ отъ 24-го января, слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ на обвиненія Джонса:—

„Онъ говоритъ о недостойной выгодѣ, которую поспѣшили извлечь отъ „обезсиленнаго борца", а между тѣмъ никто больше не сдѣлалъ для того, чтобы обезсилить его, какъ Джонсъ. Онъ цѣлыми годами жилъ щедротами О'Коннора. О'Конноръ долженъ былъ платить защитникамъ этого ученаго джентльмена и, кромѣ того, покрывать еще его другія издержки. О'Конноръ заплатилъ большую сумму во время его тюремнаго заключенія, чтобы освободить его отъ „щипанія пакли" и для разныхъ другихъ цѣлей; а какъ только онъ вышелъ изъ тюрьмы, онъ сдѣлался его самымъ ярымъ обвинителемъ и клеветникомъ".

Джонсъ отвѣчалъ въ своихъ „Запискахъ къ народу", что онъ никогда не жилъ щедротами О'Коннора, что онъ получалъ причитавшійся ему гонораръ, какъ редакторъ „Звѣзды" и „Земледѣльца", и что онъ въ присутствіи О'Коннора говорилъ Комитету защиты, что хочетъ самъ вести свою защиту и что онъ отказывается совершенно отъ адвокатовъ, если для этого надо взять хоть копѣйку изъ кармана О'Коннора *). Эрнестъ Джонсъ нападалъ те-

*) Тѣмъ не менѣе, адвокаты у него были, и О'Конноръ заплатилъ имъ.

перь на кооперативную систему, которая находила очень много сторонниковъ среди рабочихъ. У него съ Лойдъ Джонсомъ были два диспута по этому вопросу, одинъ въ Педингемѣ, а другой въ Галифаксѣ. Эрнестъ Джонсъ поддерживалъ слѣдующее предложеніе: „Кооперацiи не могутъ идти успѣшно, пока народъ не добьется политическихъ правъ“. Чтобы познакомиться со взглядами Эрнеста Джонса на кооперацiи, если они не сопровождаются политической эмансипацiей народа, мы приведемъ отрывокъ изъ его рѣчей во время преній. Сказавъ предварительно, что онъ ничего не имѣетъ противъ коопераций, даже въ настоящее время, если онѣ ведутся на правильныхъ основаніяхъ, хотя онъ искренно убѣжденъ, что даже въ послѣднемъ случаѣ онѣ осуждены на гибель, онъ продолжалъ:

„Они хотятъ кооперацію многихъ, для того чтобы устроить дѣло для немногихъ. Они могутъ составить кооперацiи для покупки земли, но на землѣ, купленной многими, будутъ жить только немногіе; то же самое и въ другихъ отрасляхъ производства. Они расчитываютъ на воспроизводительное начало. Но какже это? Возьмемъ для примѣра Соединенный союзъ желѣзнаго дѣла; кооперативныя деньги многихъ идутъ на основаніе предпріятія для немногихъ. Всѣ тѣ, кто вноситъ деньги, не могутъ имѣть здѣсь занятія. Десять тысячъ фунтовъ, внесенные двѣнадцатью тысячами человѣкъ, дадутъ работу только двумстамъ или тремстамъ. Воспроизведенію-же затраченнаго капитала будетъ препятствовать конкуренція съ капиталистами, на борьбу съ которыми уйдутъ всѣ, имѣющіяся у кооперацiи наличныя средства. Такимъ образомъ, воспроизведенію капитала этихъ немногихъ будетъ мѣшать слѣдующее обстоятельство: имъ придется конкурировать съ капиталистомъ, который понизитъ цѣну въ борьбѣ съ кооперативнымъ предпринимателемъ. Капиталистъ заставитъ всѣхъ своихъ платныхъ рабовъ работать за болѣе низкую цѣну, и кооперативный предприниматель долженъ будетъ понизить свою прибыль для того, чтобы имѣть возможность конкурировать съ капиталистомъ, понижающимъ заработную плату. Такимъ образомъ для кооператора въ настоящее время существуетъ два непреодолимыхъ препятствія: необходимъ капиталъ многихъ для того, чтобы устроить предпріятіе для немногихъ. Эти немногіе не будутъ въ состояніи пустить вновь въ оборотъ затраченный капиталъ, такъ какъ конкуренція съ капиталистами будетъ поглощать всѣ ихъ

средства; а эта же конкуренція, основанная на понпженіи заработной платы, не даетъ возможности основать новыя коопераціи. Но, положимъ, что у народа есть политическая власть. Создавать кооперацію, не достигнувъ политической власти, это то же самое, что запрягать лошадь позади телѣги. Кооперативная телѣга очень хороша, когда она нагружена не барышами, а продуктами христіанской коопераціи. Ее можно нагрузить и чаемъ, и сахаромъ, и кофе, но она увязнетъ въ тинѣ конкуренціи и безпорядка. Телѣга есть, но политическая власть должна быть лошадью для того, чтобы вытащить ее изъ тины. При помощи политической власти они могутъ оградить отъ захвата приходскія земли, такъ долго находившіяся во власти жирныхъ епископовъ и пасторовъ. Они могутъ собирать свои пенсы до безконечности, прежде чѣмъ имъ удастся отнять у духовенства хоть одно имѣніе, а народный парламентъ можетъ сдѣлать все это въ одинъ часъ".

Эрнестъ Джонсъ развивалъ тѣ же взгляды въ цѣломъ рядѣ писемъ, которыя онъ помѣщалъ въ своихъ „Запискахъ къ народу".

Между Джонсомъ и Гарнеемъ, которые были до сихъ поръ самыми близкими друзьями и политическими единомышленниками, произошелъ теперь разрывъ. Джонсъ настаивалъ на необходимости Конвента и во многихъ мѣстностяхъ были приняты резолюціи, одобрявшія его взглядъ. Онъ развивалъ также планъ изданія народной газеты подъ его руководствомъ, которая бы, отчисляя для оплаты своихъ расходовъ два фунта въ недѣлю, дѣлила бы остальные доходы съ издателемъ и чартистской партіей. Партія, само собой разумѣется, должна была найти капиталъ. Онъ заявлялъ также, что согласенъ былъ бы издавать газету на равныхъ основаніяхъ съ кѣмъ-либо другимъ изъ представителей чартизма, если бы партія нашла это необходимымъ. Гарней совмѣстно съ Джеральдомъ Массе основалъ второй разъ „Friend of the People" цѣною въ три съ половиной пенса—первая его періодическая газета прекратила свое существованіе. Этой второй газеты появилось только двѣнадцать номеровъ. Въ послѣднихъ номерахъ Гарней съ пренебреженіемъ отзывался о чартистскомъ движеніи, говоря, что оно близко къ смерти, потому что продолжаетъ держаться прежней тактики, которую нельзя возродить. Онъ намекалъ, что Эрнестъ Джонсъ пытается создать новое диктаторство для себя и сурово осуждалъ прежнюю политику чартизма. Въ это время „Сѣверная Звѣзда" была назначена къ продажѣ, и Джонсъ хотѣлъ купить

ее, но Гарней предложилъ большую сумму и пріобрѣлъ газету. Тогда Джонсъ пришелъ въ ярость, а Гарней, отвѣчая ему, обнаружилъ всю свою прежнюю мстительность и излилъ на Джонса цѣлый потокъ обвиненій, оскорбленій и самой злой сатиры. Джонсъ отвѣчалъ въ томъ же духѣ, и эти два народныхъ вождя, раньше отзывавшіеся другъ о другѣ, какъ о „благородныхъ, безкорыстныхъ и патріотическихъ дѣятеляхъ“, теперь обвиняли другъ друга въ самыхъ низкихъ побужденіяхъ. Гарней сравнивалъ Джонса съ устроителями Калифорнскихъ золотопромышленныхъ компаній, Южно-Океанскихъ дутыхъ компаній, желѣзнодорожныхъ дутыхъ компаній, онъ называлъ его, однимъ словомъ, шулеромъ высшаго полета, а Джонсъ въ свою очередь обвинялъ Гарнея въ томъ, что онъ хотѣлъ присвоить себѣ подписныя деньги „Friend of the People“, такъ какъ, заявивъ печатно о прекращеніи газеты, онъ сейчасъ же выпустилъ второй циркуляръ, извѣщавшій, что газета будетъ вновь выходить подъ руководствемъ его и Массея и просилъ поддержки, расчитывая въ то же самое время воспользоваться подписными деньгами прекратившейся газеты. Онъ ставилъ въ вину Гарнею, что тотъ пріобрѣлъ „Звѣзду“ отъ Флемминга и Макъ-Гована, бывшихъ, по мнѣнію Джонса, самыми большими врагами чартизма, и обвинялъ вмѣстѣ съ тѣмъ Гарнея въ томъ, что тотъ перебилъ у него газету. Но изъ письма Макъ-Гована видно, что Джонсу два раза предлагали газету и даже дали нѣкоторое время на размышленіе. Но не получивъ отъ него никакихъ извѣстій въ назначенный срокъ, Макъ-Гованъ написалъ Гарнею, и продажа состоялась. Макъ-Гованъ отрицалъ также, что съ его стороны была сдѣлана какая бы то ни была попытка устроить „аукціонъ“ и что со стороны Гарнея не было никакой „наддачи цѣны“. Джонсъ попытался, тѣмъ не менѣе, вызвать недовѣріе къ словамъ Макъ-Гована, но для подтвержденія своихъ обвиненій, привелъ только ничтожныя выдержки изъ его писемъ, вмѣсто того, чтобы привести всѣ ихъ цѣликомъ. Впродолженіи этого спора Гарней хвастался, что, за все время своего участія въ движеніи, онъ всегда стоялъ и за справедливость, и за открытый и честный образъ дѣйствія. Правда, онъ требовалъ всегда справедливаго отношенія къ себѣ, когда О'Конноръ нападалъ на его черезчуръ свободный языкъ. Но въ дни славы О'Коннора никто больше Гарнея не нарушалъ этого принципа справедливости по отношенію къ другимъ.

Число членовъ Исполнительнаго Комитета продолжало уменьшаться. Въ залѣ Св. Мартина была устроена Конференція партіей финансовыхъ и парламентскихъ реформъ. Джонсъ, Шау и Бизеръ явились на эту Конференцію, чтобы внести и поддержать поправку къ резолюціи, поставленной этой партіей. Голіокъ выступилъ противъ своихъ товарищей и поддерживалъ резолюцію партіи реформъ. Само собой разумѣется, что въ его симпатіяхъ къ этой партіи уже давно не могло быть никакого сомнѣнія. Онъ выражалъ свое сочувствіе къ этой партіи еще въ Конвентѣ 1851 года и много разъ послѣ того, но тѣмъ не менѣе снова былъ избранъ въ Исполнительный Комитетъ. Мы должны здѣсь замѣтить, что такъ какъ на митингѣ были поставлены двѣ резолюціи — одна за Хартію, другая за болѣе ограниченную реформу, — то на обязанности члена чартистскаго Исполнительнаго Комитета лежало или говорить и вотировать за Хартію, или же, если это было противъ его убѣжденія, выйти изъ состава Исполнительнаго Комитета. На публичномъ митингѣ, устроенномъ противъ этой Конференціи, Голіокъ также нападалъ на тактику Шау и Бизера, послѣ чего оба послѣдніе вышли изъ Комитета. Такимъ образомъ, въ составѣ Исполнительнаго Комитета находились теперь только Голіокъ, Ле-Блондъ, Гентъ, Арноттъ, Линтонъ и Грасбей. Всѣ, кромѣ двухъ послѣднихъ,—сторонники программы партіи парламентской реформы. При такихъ обстоятельствахъ Джонсъ, настойчивѣе, чѣмъ когдалибо, началъ требовать созыва Конвента и просилъ манчестерскій Совѣтъ принять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ. И манчестерскій Совѣтъ отозвался на его приглашеніе.

Гарней приступилъ къ изданію „Звѣзды Свободы",—новое названіе бывшей „Сѣверной Звѣзды". Главными сотрудниками его были Массей, Киддъ, Линтонъ и Александръ Беллъ. Первый номеръ вышелъ 1-го мая 1852 г., а на слѣдующей недѣлѣ, несмотря на всѣ препятствія, появился первый номеръ „Народной газеты", издаваемой Эрнестомъ Джонсомъ.

ГЛАВА XIV.

Манчестерская конференція 1852 г.

Конференція для разсмотрѣнія переорганизаціи чартистской партіи собралась въ Манчестерѣ 17-го мая 1852 года. На ней присутствовали Виллльямъ Грокоттъ и Кларкъ Кропперъ отъ Манчестера; Эрнестъ Джонсъ и Джемсъ Финленъ отъ Лондона; Робертъ Белль отъ Ольдгема: Чарльзъ Читти отъ Стокпорта; Виллльямъ Гозье отъ Ковентри и Виллльямъ Кокрофтъ отъ Галифакса. Многія другія мѣстности прислали вмѣсто представителей письма. Около тридцати мѣстностей высказались въ пользу конференціи, тогда какъ противъ было только четыре. Делегаты засѣдали пять дней. Въ результатѣ было принято: установить систему добровольныхъ взносовъ для членовъ Ассоціаціи и избрать платный Исполнительный Комитетъ изъ трехъ лицъ, съ жалованьемъ по тридцати шиллинговъ въ недѣлю, не считая путевыхъ издержекъ во время разъѣздовъ. Конференція должна была избрать временный Исполнительный Комитетъ на три мѣсяца, а затѣмъ избраніе Комитета должно было происходить каждые шесть мѣсяцевъ, причемъ въ выборахъ принимали участіе всѣ члены партіи. Эрнестъ Джонсъ предложилъ Р. Г. Гаммеджа въ члены Временнаго Исполнительнаго Комитета, Виллльямъ Кокрофтъ поддержалъ это предложеніе, а Кларкъ Кропперъ засвидѣтельствовалъ о политическихъ и нравственныхъ достоинствахъ Гаммеджа, и онъ былъ избранъ единогласно. Помимо Гаммеджа въ члены Временнаго Исполнительнаго Комитета были предложены Финленъ, о которомъ далъ самый лучшій отзывъ Эрнестъ Джонсъ. Затѣмъ Крау, выдержавшій двухлѣтнее тюремное заключеніе за рѣчь, произнесенную въ 1848 г., Абрамъ Робинсонъ и Эрнестъ

Джонсъ. Эрнестъ Джонсъ сталъ отказываться на томъ основаніи, что издателямъ газетъ слишкомъ много дѣла, и они, по его мнѣнію, не могутъ быть подходящими лицами для Исполнительнаго Комитета. Онъ добавилъ, однако, что если бы кто либо изъ избранныхъ членовъ отказался, то онъ въ такомъ случаѣ согласился-бы служить втеченіе трехъ мѣсяцевъ. Джонсъ, обвиняя старый Исполнительный Комитетъ, всегда говорилъ, что издатели не могутъ быть членами Исполнительнаго Комитета Чартистской Ассоціаціи. Клау и Робинсонъ отказались, и Джонсъ былъ избранъ членомъ Временнаго Исполнительнаго Комитета.

Р. Г. Гаммеджъ былъ родомъ изъ Нордгемптона. Двѣнадцати лѣтъ онъ потерялъ отца и былъ воспитанъ горячо любившей его матерью, которой пришлось вынести тяжелую борьбу съ бѣдностью для того, чтобы выростить пять человѣкъ дѣтей. Семь лѣтъ онъ прослужилъ ученикомъ въ мастерской экипажнаго обойщика. Въ мастерской своего хозяина, слушая разговоры рабочихъ, онъ увлекся демократическими принципами и семнадцати лѣтъ вступилъ въ члены Рабочей Ассоціаціи. Во время борьбы за освобожденіе прессы отъ штемпельнаго сбора онъ ревностно читалъ газеты, издаваемыя Бронтеромъ О'Брайеномъ, и это опредѣлило его политическіе взгляды, и когда поднялся вопросъ о Хартіи, онъ былъ уже подготовленъ къ ней. Затѣмъ онъ жилъ по своимъ дѣламъ въ Шерборнѣ, Дорсетширѣ, Шельмсфордѣ, и нѣкоторое время въ Лидсѣ и Гэррогетимѣ; во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ старался распространять демократическіе принципы. Онъ быстро увидѣлъ, однако, что такая жизнь не соотвѣтствовала его личнымъ интересамъ, въ частности его ремеслу. Въ 1842 г., когда онъ былъ въ Ньюкастлѣ-на-Тайнѣ, и когда почти всѣ чартистскіе вожди находились подъ судомъ, онъ долженъ былъ приняться за чтеніе лекцій и около двухъ лѣтъ разъѣзжалъ по Англіи и по Шотландіи. Послѣ того онъ около года жилъ въ Нордгемптонѣ, гдѣ организовалъ имѣющихся тамъ чартистовъ и былъ избранъ секретаремъ. Все шло довольно хорошо, но разъ по одному поводу онъ позволилъ себѣ осудить поведеніе О'Коннора, поклонникомъ котораго въ большей или меньшей степени онъ былъ. Откровенно выраженный имъ взглядъ относительно О'Коннора доставилъ ему много непріятностей, хотя потомъ на общемъ собраніи членовъ ему и вотировали полное довѣріе. Резолюцію о довѣріи внесъ его другъ Голлоуэль; о'коннорцы не могли от-

крыто выступить противъ нея, но многіе изъ нихъ хотѣли снять ее съ очереди, подъ тѣмъ предлогомъ, что вотировать о довѣріи значитъ вотировать о недовѣріи. Голлоуэль, тѣмъ не менѣе, настоялъ на своемъ, и резолюція была принята всѣми противъ одного. Потомъ Гаммеджъ отправился въ Стонистрафортъ, гдѣ занимался нѣкоторое время ремесломъ разносчика, но затѣмъ перемѣнилъ его на болѣе скромное занятіе сапожника, предпочитая его изъ за личной независимости, которой въ довольно большихъ размѣрахъ пользуются „ремесленники", лучше оплачиваемому занятію, но съ большей ограниченностью свободы. Но онъ не нашелъ здѣсь такой независимости, какой ожидалъ. Все шло впрочемъ довольно хорошо до 1848 г., когда, благодаря дѣятельному участію, которое онъ принималъ въ чартистскомъ движеніи, онъ послѣ нѣсколькихъ предупрежденій потерялъ свое занятіе. Тогда онъ отправился въ Букингамъ, гдѣ нашелъ себѣ работу у Голланда, главнаго башмачнаго фабриканта этой мѣстности, и получилъ свободу дѣйствія, къ которой стремился больше всего. Онъ жилъ тамъ, когда былъ избранъ въ Исполнительный Комитетъ. Когда Конференція обратилась къ нему за разрѣшеніемъ избрать его въ Исполнительный Комитетъ, онъ согласился, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы принимать участіе въ митингахъ реформаторовъ средняго класса, развѣ только если бы эти митинги были бы вполнѣ общественнаго характера, т. е. если бы на нихъ можно было открыто ставить требованія Хартіи. Надо сказать также, что хотя онъ не всегда соглашался съ тактикой Эрнеста Джонса, но тогда онъ вѣрилъ въ его полную преданность демократіи. Искусная и ловкая политика адвоката не дала ему замѣтить его честолюбія. Во всемъ, что писалъ Джонсъ, было, повидимому, столько искренности, что несмотря на его нѣкоторыя заблужденія, онъ вполнѣ вѣрилъ въ его честность, тѣмъ болѣе, что зналъ его довольно поверхностно. Онъ обманулся, какъ и многіе до него. Надо помнить также, что Джонсъ оставался вѣрнымъ Хартіи, тогда какъ другіе, продолжая оставаться вѣрными ея принципамъ, ослабляли чартистскую партію, соединяясь съ представителями парламентскихъ реформъ. Онъ былъ поэтому почти единственнымъ лидеромъ, съ которымъ Гаммеджъ при его отношеніи къ парламентскимъ реформамъ, не основанныхъ на правахъ человѣка, могъ совмѣстно работать. Гаммеджъ состоялъ членомъ Національной Лиги Реформъ, подъ

предсѣдательствомъ О'Брайена и всей душой былъ преданъ этой партіи, но такъ какъ дѣйствія этой лиги ограничились главнымъ образомъ столицей, то ему не было возможности распространять ея принципы въ провинціи. Эрнестъ Джонсъ также выражалъ сочувствіе принципамъ этой лиги. Гаммеджъ приготовилъ первый циркуляръ Исполнительнаго Комитета, въ которомъ развивалъ взгляды О'Брайена на землю и денежное обращеніе, и его коллеги, въ особенности, Джонсъ признали его циркуляръ превосходнымъ.

Новому Исполнительному Комитету пришлось встрѣтить много затрудненій. Шау и Гоуэръ вышли изъ состава прежняго Комитета, который обратился къ странѣ за поддержкой. Призывъ этотъ не встрѣтилъ большого сочувствія и были собраны только деньги для покрытія долга Комитета. На первомъ собраніи Совѣта столичныхъ делегатовъ поднялась настоящая буря. Была предложена резолюція, одобрявшая дѣйствія Манчестерской Конференціи. Уилеръ, Стреттонъ, Массей, Бизеръ, Бискъ, Фердинандо и Снеггсъ горячо возражали противъ нея. При подсчетѣ голосовъ оказалось, что за резолюцію было шестнадцать голосовъ, а противъ—двѣнадцать. На слѣдующемъ собраніи присутствовало сорокъ пять делегатовъ—такъ быстро создавались чартистскія общества, одни дѣйствительно, другія только номинально. Бизеръ и другіе присутствовали опять и горячо говорили противъ избранія новаго Комитета. За этимъ собраніемъ послѣдовалъ другой союзный митингъ столичныхъ чартистовъ, на которомъ было много народа. Хеггсъ, Лумсъ, Грандъ, Осборнъ, Уудъ, Морганъ, Бильбинъ, Лонгшау, Джонсъ Финленъ и Бронтеръ О'Брайенъ поддерживали резолюцію въ защиту конференціи. О'Брайенъ находилъ, что до тѣхъ поръ, пока Исполнительный Комитетъ будетъ дѣйствовать согласно своему циркуляру, онъ заслуживаетъ самой горячей поддержки. Чарльзъ Меррей высказался противъ права конференціи выбирать Исполнительный Комитетъ и внесъ въ этомъ смыслѣ поправку, которую поддерживали Фарра и Стреттонъ. Но резолюція была все-же принята противъ небольшого числа голосовъ среди громкихъ апплодисментовъ. Собраніе делегатовъ отъ Уэстъ-Райдинга, для разсмотрѣнія тактики Конференціи, состоялось въ Бредфордѣ. Г. О. Уайтъ сталъ во главѣ сильной оппозиціи, и на митингѣ произошелъ крайній безпорядокъ. Въ концѣ концовъ оппозиція ушла, и была принята резолюція,

одобрявшая конференцію. Масса чартистскихъ обществъ, многія изъ нихъ, правда, съ небольшимъ количествомъ членовъ одобрили избраніе Новаго Исполнительнаго Комитета и противъ него было принято только очень немного резолюцій.

„Звѣзда Свободы“ старалась изобразить въ комическомъ видѣ всѣ эти событія и нападала на весь новый Исполнительный Комитетъ, а на двухъ его членовъ въ особенности. Джонсъ подвергался непрерывнымъ обвиненіямъ, а Финлена сравнивали съ актеромъ плохого театра. Но прежде чѣмъ писать это, Гарней долженъ былъ бы вспомнить о своемъ собственномъ положеніи въ прежнее время. Первые годы движенія, многія его выходки на платформѣ были не болѣе, какъ жалкимъ подражаніемъ другимъ народнымъ руководителямъ. Но подобно разорившемуся гулякѣ, пресытившемуся наслажденіями и удалившемуся отъ свѣта, Гарней теперь больше всего нападалъ именно на тѣ прегрѣшенія, въ которыхъ самъ былъ раньше виновенъ. Надо сказать также въ оправданіе Финлена, что даже, если дѣйствительно по словамъ Гарнея онъ былъ актеромъ, то онъ игралъ всегда подъ вліяніемъ искренняго чувства, и рѣчь его была полна энтузіазма дѣйствительнаго, а не искусственнаго, а это врядъ ли можно сказать про многихъ политическихъ актеровъ.

Умственныя способности О'Коннора пришли въ это время въ самое жалкое состояніе. Весною его подвергли жестокому семидневному тюремному заключенію за одну выходку, хотя было несомнѣнно, что онъ дѣйствовалъ въ болѣзненномъ состояніи. Рейнольдсъ говорилъ о его болѣзни судьѣ, осудившему его, но его заявленіе не оказало никакого вліянія на приговоръ. О'Конноръ затѣмъ отправился въ Америку, но скоро снова вернулся въ Лондонъ и часто посѣщалъ мировые суды, прерывая судебныя разбирательства разными юмористическими замѣчаніями, за которыя его выводили.

Поведеніе его въ Палатѣ Общинъ также было очень странно. Онъ приводилъ въ смущеніе Палату, останавливая почти всѣхъ членовъ Парламента и здороваясь за руку съ каждымъ, кого онъ ни встрѣчалъ. Въ концѣ концовъ его арестовали и подвергли медицинскому осмотру. Когда было доказано, что онъ былъ внѣ всякаго сомнѣнія сумасшедшимъ, его освободили, и, черезъ нѣсколько часовъ, нѣкогда могучій, энергичный вождь чартистовъ, человѣкъ, который, казалось, могъ выдержать всѣ невзгоды и

противостоять нападкамъ самыхъ сильныхъ враговъ, сдѣлался паціентомъ дома сумасшедшихъ. Осложненіе съ его Земельнымъ Товариществомъ и потеря популярности, пріобрѣсти которую было задачей его жизни и которую разрушили интриги Джонса, Гарнея, Кларка, Дойля, Диксона, Макъ-Граса и Лича привели его къ потерѣ умственныхъ способностей. Увы! какъ измѣнчиво настроеніе массы, когда масса необразована. Одинъ день сами небеса, кажется, потрясаются отъ народныхъ рукоплесканій, а на другой—рукоплесканія смѣняются враждебными криками или апатіей, если ихъ кумиръ не даетъ всего того, что отъ него ожидали. Одинъ день: „Осанна!“, а на другой: — „Распни его!“ Когда нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ его помѣстили въ лечебницу доктора Тьюка, Свитъ и ноттингемскіе чартисты попытались устроить въ его пользу національную подписку, имъ удалось собрать для павшаго борца свободы только жалкую сумму въ тридцать два фунта, большая часть которыхъ была подписана самими ноттингемцами.

Новый Исполнительный Комитетъ приступилъ къ своимъ занятіямъ. Гаммеджъ почти сейчасъ же отправился въ западную Англію и Уэльсъ, гдѣ онъ говорилъ на публичныхъ митингахъ и старался расширить чартистскія организаціи. Его просили выступить кандидатомъ отъ Эксетера на общихъ выборахъ въ 1852 году, но друзья его отказались потомъ отъ этого проекта.

Финленъ обратился съ циркуляромъ къ избирателямъ и не избирателямъ Ковентри, и, конечно, былъ бы избранъ при голосованіи поднятіемъ рукъ, но Виги внушили чартистамъ, что, если они выступятъ со своимъ кандидатомъ, то должны будутъ тогда принять на себя часть издержекъ, и Финленъ отказался.

Дѣятельность его не ограничилась только Ковентри. Онъ посѣтилъ также Генлей, Манчестеръ, Стелибриджъ, Галифаксъ, Ньюкастль на Тайнѣ и многія другія мѣста. Джонсъ выступилъ опять кандидатомъ отъ Галифакса. На выборахъ присутствовали двадцать тысячъ человѣкъ. Знающіе люди говорили, что онъ произнесъ одну изъ самыхъ могучихъ и великолѣпныхъ рѣчей, которыя когда-либо приходилось слышать. Одно время казалось, что вся эта огромная масса перестала дышать и воцарилось почти гробовое молчаніе. Но вслѣдъ затѣмъ раздался взрывъ бѣшеныхъ рукоплесканій, а потомъ враждебные возгласы по адресу кандидата Виговъ, сэра Чарльса Уда. Изъ всей этой огромной массы

народа только около пятисотъ человѣкъ подняли руки за сэра Чарльса, тогда какъ тысячи высказались за Джонса. Но голосованіе по запискамъ дало другіе результаты. Джонсъ получилъ только сорокъ восемь голосовъ. Какая жалкая комедія народнаго представительства!

Избраніе новаго Исполнительнаго Комитета членами партіи дало слѣдующіе результаты: Гаммеджъ 922, Финленъ 839, Джонсъ 739, Блей 95, М'Дуель 51 и Кропперъ 20. Исполнительный Комитетъ избралъ своимъ секретаремъ Вилльяма Кроккота, избраннаго еще раньше на Конференціи. При выборахъ въ Исполнительный Комитетъ, Гаммеджъ впервые проникъ въ истинныя намѣренія Джонса. Послѣ того, какъ онъ самъ говорилъ о несовмѣстимости дѣятельности издателя со званіемъ члена Исполнительнаго Комитета, послѣ того, какъ онъ еженедѣльно писалъ объ этомъ, онъ согласился поставить свою кандидатуру, хотя, кромѣ него, было пять другихъ кандидатовъ. Гаммеджъ узнавъ, что Джонсъ также выставленъ кандидатомъ, сейчасъ же написалъ ему, убѣждая его ради послѣдовательности не соглашаться на избраніе. Джонсъ такъ и не отвѣтилъ на это письмо, но сказалъ Кроккоту: „Гаммеджъ вполнѣ правъ въ своихъ разсужденіяхъ, но онъ плохой генералъ“. Быть послѣдовательнымъ значило, по его мнѣнію, быть плохимъ генераломъ. Когда же наконецъ демократы убѣдятся, что послѣдовательность есть основная черта истиннаго полководца? Джонсъ согласился быть членомъ Исполнительнаго Комитета на двухъ условіяхъ: первое, что онъ будетъ хозяиномъ своего времени, второе, что онъ будетъ служить безплатно. Не было никакой надобности выставлять второе условіе. Джонсъ зналъ очень хорошо, что партіи чартистовъ приходилось такъ много давать на „Народную Газету“, что платить ему было бы не изъ чего. За первую четверть въ чартистскій фондъ было внесено только двадцать семь фунтовъ; изъ этой суммы должны были тринадцать шиллинговъ идти на плату секретарю, а Гаммеджъ за свою усиленную трехмѣсячную работу получилъ немного больше двухъ-недѣльнаго жалованія. Слѣдовательно, Джонсъ могъ бы вполнѣ успѣшно не ставить условіемъ безплатность труда. Послѣ того, какъ онъ былъ избранъ, онъ сказалъ своимъ избирателямъ, что ему было бы горько и обидно, если бы они не почтили его своимъ избраніемъ, хотя онъ и помнитъ, что раньше самъ былъ противъ совмѣстительства званія редактора со зва-

ніемъ члена Исполнительнаго Комитета. Но не состоя членомъ Комитета, онъ не могъ бы быть такъ полезенъ. Онъ хотѣлъ возможно большаго и полезнаго круга дѣйствія, а не сидѣть за столомъ въ качествѣ машины, отмѣчающей дѣйствія другихъ. Онъ хотѣлъ быть голосомъ, а не эхомъ; дѣйствующимъ лицомъ, а не лѣтописцемъ. Вскорѣ послѣ этого тринадцать членовъ комитета „Народной Газеты", въ томъ числѣ старѣйшіе демократы отдѣлились отъ Эрнеста Джонса, обвиняя его въ безпорядочномъ отношеніи къ газетнымъ деньгамъ. Онъ созвалъ публичный митингъ и среди большого шума прочиталъ отчетъ о газетѣ. Затѣмъ онъ напечаталъ свою защиту, которую большинство чартистовъ нашло удовлетворительной. Съ двадцатаго номера цѣна „Народной Газеты" повысилась до четырехъ пенсовъ, такъ какъ она продолжала давать убытокъ. Тринадцать отпавшихъ членовъ редакціоннаго комитета воспользовались случаемъ, чтобы выступить противъ Джонса на публичномъ митингѣ въ Институтѣ на улицѣ Джонъ, собравшемся для выслушанія циркуляра Исполнительнаго Комитета. Они вмѣстѣ съ другими выпустили манифестъ къ „друзьямъ истины", прося ихъ присутствовать на митингѣ. И когда появился Эрнестъ Джонсъ, онъ былъ встрѣченъ свистками и грубыми возгласами, хотя большинство шумно апплодировало ему. Чарльзъ Меррей былъ выбранъ предсѣдателемъ и далъ сперва слово Р. Г. Гаммеджу, котораго встрѣтили почти единогласными рукоплесканіями. Когда снова выступилъ Джонсъ, опять раздались шиканья и грубые возгласы. Но большинство шумно привѣтствовало его. Онъ говорилъ довольно долго. Ричардъ Гардъ внесъ резолюцію:—„Митингъ держится того мнѣнія, что демократическое движеніе не можетъ итти успѣшно, пока Эрнестъ Джонсъ принимаетъ въ немъ участіе".

Ораторъ довольно долго говорилъ по этому поводу, его часто прерывали. Наконецъ, онъ уступилъ мѣсто О'Брайену, котораго громко вызывали и который предложилъ резолюцію, что ни одно демократическое движеніе не можетъ имѣть успѣха, если не поставитъ своей задачей уничтоженіе ленлордизма, ростовщичества и стремленія къ барышамъ, чего можно достигнуть только націонализаціей земли, а также установленіемъ національнаго кредита, правильной системы денежнаго обращенія и правильнаго обмѣна товаровъ. Эрнестъ Джонсъ поддержалъ резолюцію О'Брайена, которая была принята среди громкихъ рукоплесканій всѣми, противъ

одного. О'Брайенъ доказывалъ также, что Редакціонный Комитетъ не имѣлъ права ставить свои недоразумѣнія съ Джонсомъ на обсужденіе митинга, созваннаго для другихъ цѣлей. Этотъ бурный митингъ былъ законченъ выраженіемъ благодарности председателю.

Гаммеджъ отправился въ новую поѣздку; онъ посѣтилъ Ковентри, Сѣверный Уэльсъ, Манчестеръ, Галифаксъ и его окрестности, а также Ньюкастль на Тайнѣ, гдѣ говорилъ на митингѣ вмѣстѣ съ Эрнестомъ Джонсомъ, который въ свою очередь побывалъ въ Эдинбургѣ, Глазго, Денди, Абердинѣ и во многихъ другихъ шотландскихъ городахъ, и читалъ лекціи по своемъ возвращеніи въ Шильдсѣ, Сендерлендѣ, Баренслеѣ, Рокделѣ, и другихъ мѣстахъ. Послѣ Джонса въ Шотландію отправился Гаммеджъ. Онъ провелъ тамъ мѣсяцъ, читая почти каждый день. Возвратившись въ Ньюкастль, онъ почти около трехъ недѣль говорилъ на митингахъ въ этомъ округѣ, потомъ поѣхалъ на югъ, читая лекціи по дорогѣ, и вернулся въ Лондонъ только въ серединѣ мая. 18-го іюня онъ предпринялъ поѣздку, вмѣстѣ съ Эрнестомъ Джонсомъ, продолжавшуюся шесть недѣль. Кругъ ихъ дѣйствія ограничивался, главнымъ образомъ, сѣверной и центральной Англіей, но они посѣтили также нѣкоторые города восточной Англіи. Исполнительный Комитетъ передъ началомъ своей дѣятельности составилъ проектъ петиціи въ Парламентъ о принятіи Хартіи, и проектъ этотъ былъ одобренъ всѣми митингами, на которыхъ присутствовали члены комитета. Во время ихъ поѣздки было устроено шесть демонстрацій на открытомъ воздухѣ *).

По возвращеніи въ Лондонъ, Гаммеджъ отправился съ своимъ братомъ Томасомъ въ Эксетеръ и Торквей, гдѣ они на митингахъ поддерживали петицію, которая и была принята въ обоихъ мѣстахъ. Петиція была предоставлена Эпслеемъ Пеллатомъ, но ни онъ, и никто другой изъ членовъ Парламента не могли добиться того, чтобы вопросъ о ней былъ поднятъ въ Парламентѣ, и только одинъ Ж. М. Коббетъ обѣщалъ поддержать петицію, если

*) Въ Блекстонъ-Эджѣ, Уэстхилъ-Паркѣ, Галифаксѣ, Ньюкастлѣ, Маунтсоррелѣ, Лейстерширѣ, Ноттингемъ-Форестѣ и Кеннингтонъ-Коммонѣ. Въ закрытыхъ помѣщеніяхъ митинги состоялись въ Манчестерѣ, Стелибриджѣ, Рокделѣ, Ольдгемѣ, Бредфордѣ, Тодморденѣ, Бекёнѣ, Ньюкастлѣ, Шильдсѣ, Дарлингтонѣ, Лейстерѣ, Барнслеѣ, Нордгемптонѣ, Ковентри, Бирмингамѣ, Уорчестерѣ, Чемтенгемѣ, Бильстонѣ,

она будетъ поставлена на обсужденіе, Шольфильдъ былъ того мнѣнія, что только очень сильное національное движеніе могло бы оказать вліяніе на Парламентъ.

Послѣ столичныхъ митинговъ, на которыхъ выступали Джонсъ, Финленъ и Гаммеджъ, послѣдній отправился въ Шотландію, гдѣ читалъ лекціи въ различныхъ мѣстностяхъ, затѣмъ по возвращеніи читалъ лекціи въ Ньюкастлѣ и другихъ городахъ Сѣверной Англіи, а потомъ въ теченіе шести недѣль читалъ углекопамъ въ Сѣверномъ Стафордширѣ. Съ наступленіемъ зимы Эрнестъ Джонсъ отправился въ поѣздку, начавъ съ восточныхъ графствъ и проѣхавъ затѣмъ въ центральную Англію и на Сѣверъ. Въ это время тысячи рабочихъ мануфактурныхъ округовъ были выброшены на улицу, за требованіе повышенія заработной платы. Для Джонса всюду устраивались блестящіе митинги, и онъ съ особенной тщательностью занимался обсужденіемъ рабочаго вопроса, развивая мысль, впервые выраженную въ „Lloyd's Paper“ объ учрежденіи Парламента труда. Гаммеджъ также поддерживалъ эту мысль вмѣстѣ съ Финленомъ, другимъ членомъ Исполнительнаго Комитета. Но первый думалъ, что Парламентъ долженъ собраться для обсужденія вопросовъ о политическихъ и соціальныхъ правахъ, что, по увѣренію Джонса, и должно было быть его главной задачей. Каково же было удивленіе и разочарованіе Гаммеджа, когда Джонсъ сталъ развивать идею земельныхъ и промышленныхъ коопераціій, противорѣча, такимъ образомъ своимъ собственнымъ взглядамъ, которые онъ излагалъ раньше въ спорахъ съ Ллойдомъ Джонсомъ и при разныхъ другихъ обстоятельствахъ Прежде онъ всегда высмѣивалъ представленіе, что будто бы народъ можетъ добиться какихъ либо соціальныхъ улучшеній безъ политической власти. Теперь, въ подражаніе О'Коннору съ его Земельнымъ Товариществомъ, онъ утверждалъ, что посредствомъ коопераціи народъ можетъ добиться недостающей ему политической власти. Если они организуютъ коопераціи, то „Хартія будетъ положена къ ногамъ народа, прежде чѣмъ онъ начнетъ тре-

---

Ньютонѣ, Ллайнидлосѣ, Генлеѣ, Лонгтонѣ и въ другихъ маленькихъ мѣстахъ. Многіе митинги устраивались въ городскихъ думахъ. Въ Рокделѣ, предсѣдательское мѣсто занималъ Томасъ-Линсей (главный констебль), въ теченіе многихъ лѣтъ бывшій горячимъ и неутомимымъ послѣдователемъ чартизма. Въ то-же время Финленъ читалъ лекціи въ Эксетерѣ, Торквеѣ, Чельтенгемѣ и въ другихъ мѣстахъ на западѣ.

бовать ее". Онъ развивалъ свой планъ со всѣмъ искусствомъ, на которое только способенъ шарлатанствующій адвокатъ. Несмотря на непослѣдовательность Джонса, около сорока делегатовъ, собравшись въ Манчестерѣ, приняли его проектъ. Этотъ Парламентъ Труда избралъ Исполнительный Комитетъ, въ составъ котораго вошли Финленъ, Джоржъ Гаррисонъ, Абрамъ Робинсонъ, Джемсъ Виллььямсъ и Хоггсъ, и кромѣ того Эрнестъ Джонсъ, въ качествѣ почетнаго члена. Но у народа было достаточно опыта въ прошломъ для того, чтобы позволить обмануть себя человѣку, который раньше всегда выступалъ противъ коопераціи, если онѣ не соединялись съ политической властью народа, и который, какъ это было совершенно ясно, „мѣнялъ теперь шкуру" для преслѣдованія какихъ нибудь личныхъ интересовъ. Такія внезапныя превращенія всегда подозрительны. Планъ не удался. Взносовъ—которые по увѣреніямъ Джонса должны были достигнуть до пяти милліоновъ въ годъ—оказалось недостаточно даже для того, чтобы заплатить членамъ Исполнительнаго Комитета; они задолжали восемнадцать фунтовъ и должны были распредѣлить этотъ долгъ между собою. Когда Джонсъ увидѣлъ, что приманка его никого не привлекаетъ, онъ самъ отказался отъ нея и сталъ совѣтовать народу не посылать денегъ, а дать только необходимую сумму для покрытія долга; кромѣ того онъ началъ увѣрять, что неудача его проекта, который по его же увѣреніямъ долженъ былъ открыть рай для народа, объясняется развитіемъ народнаго самосознанія. Народъ теперь самъ пришелъ къ убѣжденію, что, для достиженія поставленной имъ цѣли, ему необходима политическая власть. Безстыдная наглость! Возможенъ ли болѣе откровенный обманъ?

Отношенія Гамменджа къ Исполнительному Комитету теперь близились къ концу. Во время его пребыванія въ Ньюкастлѣ, партія чартистовъ, подъ предсѣдательствомъ Джонса Робсона, приняла слѣдующую резолюцію, вынесенную Джемсомъ Ватсономъ: —

„По мнѣнію партіи для того, чтобы „Народная Газета" оплачивала себя, наступило время, чтобы обязанности редактора съ Э. Джонсомъ раздѣлилъ другой талантливый редакторъ на равныхъ основаніяхъ".

Эта резолюція была послана въ „Народную Газету". Потомъ прошла другая резолюція, внесенная Андрью Фоггонъ Беномъ,

предлагавшимъ написать О'Брайену, чтобы узнать, не согласится-ли онъ принимать участіе въ „Народной Газетѣ". Вся отвѣтственность за эти резолюціи (а это былъ смертельный грѣхъ въ глазахъ Джонса) была взвалена на плечи Гаммеджа. И какъ разъ въ это время случилось одно происшествіе, которое помогло Джонсу повредить Гаммеджу. Джонъ Дейсъ, секретарь Національной Лиги Реформъ, въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей упомянулъ о деньгахъ, которыя Джонсъ получилъ для О'Брайена и задержалъ. Другъ увидѣлъ въ письмѣ Дейса нападки на честность Джонса, а послѣдній былъ очень радъ этому обстоятельству, такъ какъ оно могло помочь ему уничтожить Ньюкастльскую резолюцію. Въ „Народной Газетѣ" появилась по поводу этого замѣтка; Гаммеджъ былъ въ Рокделѣ, и замѣтку показалъ ему одинъ изъ друзей Джонса. Угадавъ намѣреніе Джонса, Гаммеджъ заявилъ, что нисколько не вѣритъ въ это заявленіе, прибавивъ, что у него есть особенная причина для того, чтобы не вѣрить и что лица, знающія въ чемъ дѣло, не повѣрятъ этому, если не будутъ представлены доказательства. На основаніи этихъ словъ было составлено и послано изъ Рокдэля Джонсу ложное и возмутительное заявленіе, которымъ тотъ не замедлилъ воспользоваться для своей выгоды. Донесеніе было подписано пятью лицами, тогда какъ при вышеупомянутомъ разговорѣ присутствовалъ только одинъ человѣкъ. Каждая строчка дышала злобой. Гаммеджъ написалъ лицу, которому было адресовано письмо Дейса, прося у него это письмо для себя лично, только для прочтенія, но просьба его не была исполнена. Затѣмъ Джонсъ началъ печатать рядъ статей, стараясь увѣрить своихъ читателей, что О'Брайенъ, Дейсъ, Гаммеджъ К° и составили заговоръ, чтобы разрушить его репутацію и вырвать газету изъ его рукъ. Письмо Дейса было искажено. Появились только тѣ отрывки изъ его, которые содѣйствовали цѣли „честнаго" издателя. Письма Гаммеджа, написанныя имъ въ свое оправданіе, печатались или въ искаженномъ видѣ, или же задерживались до тѣхъ поръ, пока ядъ не возымѣетъ своего дѣйствія, но все это не мѣшало „честному" Джонсу увѣрять, что онъ даетъ своимъ врагамъ возможность открыто защищаться. Въ первомъ своемъ изложеніи письма Гаммеджа онъ позволилъ себѣ семь передержекъ и самую низкую ложь. Онъ увѣрялъ, что очень желаетъ прекратить это недоразумѣніе, но хотѣлъ этого при условіи, чтобы жертва его согла-

силась быть презрѣнной игрушкой въ его рукахъ. Когда же онъ увидѣлъ, что планъ его не удается, то злоба его не имѣла предѣла.

Наступили выборы въ Исполнительный Комитетъ и надо было поэтому употребить всѣ усилія, чтобы не дать снова выбрать Гаммеджа. Чтобы достигнуть этой цѣли, Джонсъ сдѣлалъ все, что только было въ его средствахъ. Когда онъ узналъ, что Гаммеджъ соглашается быть избраннымъ въ Исполнительный Комитетъ только при условіи быть отвѣтственнымъ исключительно передъ своими избирателями, и что онъ отказывается отъ унизительнаго покровительства низкаго интригана, оболгавшаго его, ему не оставалось ничего другого, какъ стараться отдѣлаться отъ него. Онъ сыпалъ на него одну клевету за другой, взваливая на него отвѣтственность не только за его личные поступки и слова, но и за все то, что онъ въ своихъ обвиненіяхъ приписывалъ раньше О'Брайену. По настоянію Джонса отъ разныхъ чартистскихъ обществъ были посланы резолюціи, высказывавшіяся противъ соиздательства. У нихъ не было выбора, такъ какъ Джонсъ заявилъ имъ, что, если они согласятся на соиздателя, то онъ выйдетъ изъ редакціи газеты. Онъ выдвигалъ передъ своими читателями другихъ достойныхъ лицъ, и они были предложены въ кандидаты Исполнительнаго Комитета. Онъ намѣренно не указалъ время избранія Исполнительнаго Комитета до тѣхъ поръ, покуда ядъ его не возымѣлъ своего дѣйствія. Но не смотря на все это, голоса, поданные за Гаммеджа, были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ того желалъ Джонсъ. Къ тому времени, какъ заканчивалась подача голосовъ, въ „Народной Газетѣ“ было указано, что Гаммеджъ получилъ на семнадцать голосовъ больше Шау. Вопреки правилу Ассоціаціи, по которому выборы въ Исполнительный Комитетъ должны были производиться каждые шесть мѣсяцевъ, Комитетъ отложилъ закрытіе баллотировки на недѣлю и, хотя Гаммеджъ тоже состоялъ членомъ Комитета, его мнѣнія никто не спросилъ. Но уловка эта не удалась, потому что въ слѣдующую недѣлю за него было подано пятьсотъ одинъ голосъ, тогда какъ за Шау только четыреста пятьдесятъ шесть, но когда уже всѣ голоса были подсчитаны, явился Антиль, одинъ изъ лондонскихъ башмачниковъ. „Ну что же, Гаммеджъ забаллотированъ?“ „Нѣтъ“,—отвѣчалъ Джонсъ, съ видимой нерѣшительностью—„у него, кажется, большинство“. „Какое большинство?“, спросилъ Антиль. „Кажется,

около девятнадцати",—отвѣчалъ Джонсъ. „О, въ такомъ случаѣ онъ забаллотированъ, такъ какъ у меня есть шестьдесятъ четыре голоса противъ него отъ башмачницъ", и онъ вынулъ бумагу изъ своего кармана. Этотъ человѣкъ былъ однимъ изъ подсчетчиковъ голосовъ. „Я долженъ признаться, что очень радъ этому; это избавитъ насъ отъ лишнихъ хлопотъ, потому что, если бы онъ былъ выбранъ, Финленъ и я отказались бы". Но эти шестьдесятъ четыре голоса были не болѣе, какъ обманъ. Башмачницы давно уже не имѣли никакого отношенія къ чартистскому движенію и изъ вышеприведеннаго разговора видно, что объ этихъ голосахъ никогда никто не вспомнилъ-бы, если бы можно было добиться цѣли безъ нихъ. Самъ Джонсъ стыдился этихъ голосовъ, и не напечаталъ ихъ въ своей газетѣ. Только недѣлю спустя, послѣ того, какъ результаты голосованія были опубликованы подсчетчиками голосовъ, онъ опубликовалъ среди списковъ голосовъ, полученныхъ слишкомъ поздно, и эти шестьдесятъ четыре голоса, а между тѣмъ они-то именно и рѣшили выборы. Массу голосовъ, принятыхъ подсчетчиками, Джонсъ изъ предосторожности не напечаталъ, за то другіе онъ печаталъ по два раза для того, чтобы сбить съ толку читателей, просматривавшихъ списки.

Ж. Меррей, счетчикъ голосовъ изъ отдѣленія Національной Чартистской организаціи въ Соо былъ такъ увѣренъ въ обманѣ, что внесъ слѣдующее предложеніе:

„Мы, счетчики голосовъ, назначенные для подсчета голосовъ при избраніи Исполнительнаго Комитета требуемъ, чтобы всѣ голоса, поданные въ Исполнительный Комитетъ и еще не отпечатанные были бы напечатаны на слѣдующей недѣлѣ въ „Народной Газетѣ".

Эту резолюцію никто не поддержалъ, и Меррей отказался подписать отчетъ счетчиковъ. Поступокъ этотъ вызвалъ единодушное и горячее одобреніе со стороны его избирателей, отказавшихся признать новый Комитетъ. Двадцать три члена Чельтенгемскаго Общества послали протестъ противъ отсрочки выборовъ и объявили, что они не признаютъ новаго Исполнительнаго Комитета; такой же протестъ послали изъ Риппондена Мурсъ, Г. Голландъ, Дж. Симпсонъ, К. Сетклифъ и Дж. Уайтлей. Гаммеджъ тоже протестовалъ противъ отсрочки. Но Джонсъ отвѣтилъ, что, такъ какъ отсрочка была рѣшена членами Исполнительнаго Комитета, то протестъ не имѣетъ никакого значенія. Но это было

невѣрно, такъ какъ Финленъ заявилъ, что онъ одинъ взялъ на себя эту отвѣтственность, а Джонсъ тутъ былъ не причемъ. Во всей этой исторіи Джонсъ игралъ роль низкаго интригана. Его отношеніе къ двумъ резолюціямъ, посланнымъ ему для напечатанія, можетъ служить примѣромъ его любви къ истинѣ. Когда произошла исторія съ газетой, въ Эклектическомъ институтѣ были устроены два митинга, для обсужденія его письма, и послѣ того, какъ О'Брайенъ выяснилъ всѣ обстоятельства этого дѣла, единогласно была принята слѣдующая резолюція:

„Поведеніе м-ра Джонса, какъ это видно по „Народной Газетѣ", за послѣднія три недѣли, недостойны какъ газеты, такъ и его самого. Его обвиненія и инсинуаціи, направленныя противъ Дейса, Гаммеджа и О'Брайена ничѣмъ не вызваны и ровно ни на чемъ не основаны—единственной цѣлью этихъ обвиненій было, повидимому, желаніе вызвать сочувствіе къ его газетѣ и увеличить подписку. Письмо м-ра Дейса совершенно искажено. Онъ не писалъ никакихъ писемъ чартистскимъ секретарямъ и ничего не говорилъ о Джонсѣ ни въ тайныхъ письмахъ, ни гдѣ либо еще, чего бы онъ не могъ разрѣшить Джонсу опубликовать и всѣ утвержденія Джонса о предполагаемомъ якобы заговорѣ противъ его газеты есть ни что иное, какъ сплетеніе пустой фантазіи и развязной лжи, что хорошо извѣстно лондонскимъ демократамъ. Митингъ вполнѣ увѣренъ, какъ на основаніи характера Джонса, такъ и на основаніи характера редакторскихъ статей вышеупомянутаго Джонса, что все это дѣло было затѣяно изъ за мелочныхъ и честолюбивыхъ мотивовъ съ цѣлью отдѣлаться отъ людей, честности которыхъ онъ боялся, и извлечь больше денегъ отъ чартистовъ подъ ложными предлогами, къ которымъ онъ всегда имѣлъ обыкновеніе прибѣгать".

Члены Чартистской Ассоціаціи приняли въ Соо слѣдующую резолюцію:

„Поведеніе м-ра Джонса по отношенію къ м-ру Гаммеджу и м-ру О'Брайену вызываетъ въ обществѣ чувство глубокаго негодованія. Намъ извѣстно, что его увѣренія и утвержденія ничѣмъ не вызваны и ни на чемъ не основаны. Послѣ безпристрастнаго и спокойнаго обсужденія всѣхъ показаній, мы твердо убѣждены, что м-ра Гаммеджа оскорбили. Что касается до нападокъ на м-ра О'Брайена, то мы должны объявить ихъ ложными, такъ какъ благо-

даря нашей близости къ Эклектическому Институту тѣ или другіе изъ нашихъ членовъ присутствовали на всѣхъ лекціяхъ м-ра О'Брайена. Поэтому мы не только можемъ, но обязаны заявить, что всѣ обвиненія, которымъ онъ подвергался въ „Народной Газетѣ“, были ложью и искаженіемъ его словъ. Въ заключеніе мы считаемъ, что самая элементарная честность требуетъ, чтобы м-ръ Джонсъ далъ возможность обвиняемымъ имъ лицамъ публично опровергнуть его обвиненія и его рѣшеніе покончить съ этимъ вопросомъ преждевременно, несправедливо и неразумно“.

Первая изъ этихъ резолюцій не была напечатана, а изъ второй были приведены ровно четыре строки.

Члены Чартистской Ассоціаціи въ Соо и члены Лиги Національной Реформы пригласили Гаммеджа въ Лондонъ. Онъ изложилъ дѣло „Народной Газеты“ и недоразумѣнія между нимъ и Эрнестомъ Джонсомъ на митингѣ въ Эклектическомъ Институтѣ передъ многочисленной публикой, въ числѣ которой находились и друзья Джонса.

Лѣтомъ, 1854 г. Джонсъ предпринялъ другую поѣздку и въ своихъ рѣчахъ доходилъ до самыхъ непростительныхъ крайностей. Въ Ньюкастлѣ на Тайнѣ онъ произнесъ двѣ лекціи. Самый многочисленный митингъ, на которомъ онъ говорилъ, состоялъ изъ трехсотъ семи человѣкъ; онъ увѣрялъ, что Хартія уже почти достигнута—теперь нѣтъ никакихъ препятствій для того, чтобы она была принята не болѣе какъ черезъ годъ—и то же самое онъ повторилъ въ собраніи своихъ друзей послѣ лекціи. Жалкій фантазеръ! Когда наконецъ демократы поймутъ, что эти пустые хвастуны—ихъ главные враги; что ихъ безсовѣстныя увѣренія и безразсудныя крайности отталкиваютъ отъ нихъ тысячи честныхъ людей. Мы преклоняемся передъ честнымъ энтузіазмомъ, но мы презираемъ жалкое хвастовство ложнаго патріота. Джонсъ пытался вновь воскресить движеніе, вызвавъ въ обществѣ сочувствіе къ политическимъ изгнанникамъ, и ему удалось провести поправку къ Хартіи на митингѣ въ Лондонской Тавернѣ. Былъ устроенъ также большой митингъ въ залѣ Св. Мартина, чтобы положить начало всенародному союзу, на которомъ говорили на своемъ родномъ языкѣ Герценъ и нѣкоторые другіе политическіе изгнанники; ихъ рѣчи были переведены потомъ на англійскій языкъ. Предсѣдательствовалъ на этомъ митингѣ Эрнестъ Джонсъ, а

Финленъ и Дж. Голіокъ выступили ораторами отъ англійской націи.

Національная Чартистская Ассоціація перестала существовать, такъ какъ у нея не было Исполнительнаго. Комитета. Послѣ избранія въ Исполнительный Комитетъ Джонса, Финлена и Шау, послѣдній былъ только на двухъ или трехъ митингахъ не потому, что онъ не хотѣлъ, но потому, что не было средствъ для того, чтобы дать ему возможность читать лекціи. Тѣмъ не менѣе лондонскіе чартисты имѣли смѣлость упрекать его за то, что онъ не исполняетъ свои обязанности, какъ членъ Комитета, и тогда Джонсъ въ свою очередь упрекнулъ ихъ за то, что они не доставляютъ средства на агитацію. Упрекъ съ его стороны скорѣе незаслуженный потому, что Общество должно было такъ много тратить на поддержку газеты, что ни на что болѣе средствъ не оставалось. Какъ показывали газетные отчеты, на нее было подписано восемьсотъ фунтовъ, не считая пожертвованій, которыя Джонсъ называлъ ссудами. Между послѣдними были шестьдесятъ одинъ фунтъ десять шиллинговъ отъ ньюкастльскихъ чартистовъ, которымъ стоило нѣкотораго труда добиться росписки на этотъ долгъ. Газета была тайна, приводившая въ недоумѣніе даже нѣкоторыхъ друзей Джонса. Напримѣръ, когда обсуждали дѣла газеты, то говоря о предложеніи Ватсона, Джонсъ замѣтилъ, будто Гаммеджу должно быть извѣстно, что Макъ-Гованъ печатаетъ эту газету почти безъ всякой для себя выгоды, но послѣ смерти Мака Гована обнаружилось, что при печатаніи газеты въ двухъ другихъ типографіяхъ печатаніе обходилось каждый разъ на два фунта дешевле. За три года существованія газеты она никогда не оплачивалась. Джонсъ однажды заявилъ, что она теперь покрываетъ расходы, но тѣмъ не менѣе продолжалъ требовать деньги „для того, чтобы очистить долги“, и увѣрялъ, что „если денегъ не достанутъ въ короткое время, газета должна прекратиться“.

Эрнестъ Джонсъ не былъ созданъ для того, чтобы руководить великимъ движеніемъ. Онъ обладалъ умомъ и энергіей, но былъ честолюбивъ и мелоченъ. Онъ хотѣлъ быть первымъ въ движеніи; въ противномъ случаѣ разрушалъ его. Онъ могъ поднять небольшое поверхностное возбужденіе, но никогда не могъ организовать серьезнаго настоящаго движенія. Если бы случайно ему и удалось достигнуть временной власти, то только для

того, чтобы подвергнуть движеніе такимъ же неудачамъ, какія оно потерпѣло въ царствованіе О'Коннора, жалкимъ подражателемъ котораго онъ былъ. Возбужденіе, преслѣдованія, заточенія, ссылки, а потомъ снова апатія. Несомнѣнно послѣ долгихъ годовъ агитаціи мы должны были бы добиться лучшихъ результатовъ. Финленъ читалъ лекціи, но не имѣлъ успѣха въ большихъ городахъ, гдѣ среди народа царствовала мертвая апатія. Онъ былъ единственнымъ лекторомъ, дѣятельно помогавшимъ Джонсу.

Томасъ Куперъ присоединился къ Ассоціаціи въ началѣ 1853 года, но скоро оставилъ ее изъ за разногласія по вопросу о соціальныхъ правахъ. Когда въ столицѣ была Лига Національной Реформы, О'Брайенъ читалъ два раза въ недѣлю въ Эклектическомъ Институтѣ. Въ Ньюкастлѣ была организована Демократическая Ассоціація для достиженія политической и соціальной справедливости; секретаремъ ея состоялъ Р. Дж. Гаммеджъ. Джуліанъ Гарней былъ секретаремъ Республиканскаго братства, основаннаго въ томъ же городѣ. Такимъ образомъ Чартистскій Исполнительный Комитетъ пересталъ существовать.

Мы заканчиваемъ нашу работу; подчасъ она была намъ очень тягостна. Да будетъ позволено намъ упомянуть о нѣкоторыхъ людяхъ, бывшихъ раньше руководителями чартистскаго движенія, и сообщить о ихъ судьбѣ, насколько она намъ извѣстна. О'Конноръ умеръ сумасшедшимъ въ больницѣ для душевно-больныхъ въ 1855 году. У Джонса Коллинса появилось ослабленіе какъ физическихъ, такъ и умственныхъ способностей, и онъ умеръ, насколько мы знаемъ, въ 1850 году. Атвудъ, послѣ безумствъ 1839 года, вышелъ изъ парламента и удалился на покой. Вилльямъ Ловетъ былъ собственникомъ Національной залы въ Гольборнѣ и умеръ въ 1877 г. Винсентъ сдѣлался лекторомъ по вопросамъ о гражданской и религіозной свободѣ, о Республикѣ и по другимъ вопросамъ. Дугласъ сдѣлался издателемъ „Birmingham Journal" а Эдмонсъ городскимъ секретаремъ въ томъ же городѣ. Деблдей, одинъ изъ талантливыхъ писателей „Northern Liberator" умеръ въ Ньюкастлѣ въ 1877 году, пріобрѣтя уваженіе всѣхъ классовъ и всѣхъ партій. Его преп. Уиллъ сдѣлался издателемъ какой-то промышленной газеты въ Эдинбургѣ. Его преп. д-ръ Уэдъ умеръ до 1854 г. Д-ръ Тейлоръ, какъ уже было упомянуто выше, умеръ въ Ирландіи. Робертъ Лоурей сталъ читать лекціи по вопросамъ о трезвости и воспитаніи. Джемсъ Вилльямсъ сдѣлался книго-

продавцемъ и членомъ Сандерлендскаго городского Совѣта. Его молодой и пылкій другъ Биннсъ эмигрировалъ въ Новую Зеландію, гдѣ умеръ отъ чахотки. Гезерингтонъ умеръ отъ холеры. Мойръ сдѣлался чайнымъ торговцемъ въ Глазго и состоялъ членомъ городскою Совѣта. Эбенезеръ Элліотъ, поэтъ, умеръ въ 1849 году. Абраамъ Денканъ эмигрировалъ въ Америку. Джонъ Фразеръ посвятилъ себя музыкѣ. Его преп. Дж. Р. Стефенсъ, въ 1855 г., все еще былъ проповѣдникомъ около Аштона, а тори Остлеръ, несмотря на старческій возрастъ, жилъ въ Норвудѣ и велъ періодическое изданіе подъ названіемъ „The Home", девизомъ которой было „алтарь, тронъ и хижина". Д-ръ Флетчеръ занялся врачебной практикой въ Вери. Р. Дж. Ричардсонъ завелъ книжную торговлю въ Манчестерѣ. Питеръ Буссе эмигрировалъ въ Америку въ 1854 году, гдѣ и живетъ по сіе время. Джонъ Фильденъ умеръ вскорѣ послѣ своего пораженія на выборахъ въ Ольдгемѣ, въ 1847 году. М'Дуэль эмигрировалъ въ Австралію лѣтомъ, 1853 года, гдѣ и умеръ. Р. К. Филькъ жилъ въ Лондонѣ и былъ, насколько мы знаемъ, собственникомъ какой-то періодической газеты. Берстау, Кембель и Мезонъ эмигрировали въ Америку. Джемсъ Личъ сдѣлался типографомъ въ Манчестерѣ. Дойль, насколько мы знаемъ, былъ агентомъ страхового общества въ Бирмингамѣ. Вилльямъ Бислей сдѣлался аукціоннымъ агентомъ въ Акрингтонѣ. Вилльямъ Джонсъ изъ Ливерпуля эмигрировалъ въ Америку, но вернулся и поселился въ родномъ городѣ. Джонъ Уэстъ, послѣдній разъ, какъ мы слышали о немъ, жилъ въ Манчестерѣ. Артуръ О'Нейль былъ священникомъ при баптистской часовнѣ въ Бирмингамѣ. Кларкъ, Макъ-Грасъ, Уилеръ и Диксонъ служили въ страховыхъ обществахъ и за исключеніемъ послѣдняго, поселившагося въ Виганѣ, жили въ столицѣ. Рейнольдсъ продолжалъ заниматься журналистикой. Газета его расходилась въ количествѣ пятидесяти тысячъ экземпляровъ еженедѣльно. Визеръ эмигрировалъ въ Австралію въ 1852 г. Томасъ Куперъ умеръ въ 1892 году. Кромѣ перечисленныхъ лицъ, многіе, нѣкогда принимавшіе дѣятельное участіе въ чартистскомъ движеніи, уже покоятся въ могилѣ; многіе эмигрировали въ другія земли. Эта усиленная эмиграція, помимо другихъ уже указанныхъ причинъ, безъ сомнѣнія, ослабила чартистскую партію. Мы вспоминаемъ о прежней дѣятельности всѣхъ этихъ лицъ съ глубокимъ, но подчасъ тягостнымъ чувствомъ. Будемъ стараться подра-

жать ихъ достоинствамъ. Но прежде всего пусть ихъ ошибки послужатъ намъ путеводными огнями, чтобы предостеречь насъ противъ скалъ, у которыхъ они такъ часто терпѣли крушеніе и о которыя они разбили (правда временно) благородное дѣло, которому служили.

Приложеніе „А“.

Вильямъ Райдеръ написалъ намъ письмо съ нѣкоторыми объясненіями и возраженіями. Онъ говоритъ, что не выступалъ на митингѣ, на которомъ былъ выбранъ; только двое изъ кандидатовъ (О'Конноръ и Питкетли) говорили на митингѣ. Когда онъ дошелъ до митинга, то митингъ уже расходился и, хотя онъ состоялъ секретаремъ радикальной ассоціаціи въ Лидсѣ, онъ никогда не стремился играть роли, онъ не зналъ также, что былъ избранъ и даже, что его предложили избрать, покуда митингъ не кончился. Ему хотѣлось бы также знать, о какомъ митингѣ мы говоримъ на стр. 126, на которомъ присутствовали будто бы онъ, Гарней и Марсденъ. Это былъ митингъ, на которомъ публично обсуждалось недовольство Конвентомъ. Мистеръ Райдеръ утверждаетъ, что онъ вышелъ изъ состава Конвента до митинга на Пипъ Гринѣ, упомянутомъ на стр. 133, что на этомъ митингѣ онъ не присутствовалъ. Но справившись еще разъ и очень тщательно съ нашими замѣтками, мы нашли, что отказъ м-ра Райдеръ отъ званія члена Конвента былъ прочитанъ на вышеупомянутомъ митингѣ и былъ принятъ. Относительно физической силы онъ говоритъ:—

„Въ теченіе тридцати пяти лѣтъ я принадлежалъ къ одной и той же школѣ и считаю священнымъ долгомъ каждаго человѣка обладать оружіемъ и умѣть владѣть имъ. Но, проповѣдуя эту доктрину, я тѣмъ не менѣе неизмѣнно возставалъ противъ частичныхъ и преждевременныхъ вспышекъ и утверждалъ, что намъ мѣшаетъ достигнуть цѣли недостатокъ единства и что мы не можемъ достигнуть этого единства благодаря поклоненію отдѣльнымъ личностямъ, а также ссорамъ и предательствамъ самозван-

ныхъ лидеровъ и пустыхъ авантюристовъ. Повторяю, я продолжаю держаться той же доктрины о необходимости для каждаго человѣка имѣть оружіе и умѣть владѣть имъ для того, чтобы сражаться какъ съ внѣшними, такъ и съ внутренними врагами. Я никогда не вѣрилъ въ возможность разрушить цитадель порока и зла съ помощью вашей моральной силы, вашихъ бараньихъ роговъ или вашихъ серебряныхъ трубъ; когда я увижу смѣлый и дружный народъ

„Съ развѣвающимися знаменами, съ твердой рѣшимостью умереть за свободу“—

— тогда, и только тогда я смогу надѣяться на спасеніе моей родины. Я горжусь, что принадлежу къ этой славной старой школѣ и даже, если мнѣ придется умирать съ голоду, то и тогда я предпочелъ бы пулю врага—представителя физической силы, чѣмъ утѣшительную рѣчь представителя моральной силы“.

Письмо Томаса Купера.

Мы получили слѣдующее письмо отъ Томаса Купера, которое печатаемъ съ удовольствіемъ:

10. Девонширъ, Плессъ, Стокъ, Невингтонъ, Гринъ.
26 февраля 1855 года.

Милостивый Государь!

Мнѣ бы хотѣлось внести нѣкоторыя поправки къ той части вашей „Исторіи", которая касается меня. Я не упрекаю васъ за эти неточности. Надо было ожидать, что въ описаніе такой борьбы, которую вели мы, могутъ вкрасться нѣкоторыя ошибки. Вы говорите, что я „былъ помѣшанъ на О'Конноръ" въ 1842 году, и когда я стоялъ во главѣ лейстерскихъ чартистовъ. Я не исправляю этой фразы, такъ какъ думаю, что мы всѣ въ то время были болѣе или менѣе помѣшаны. Я хочу только доказать, что въ моемъ помѣшательствѣ былъ методъ и что мой образъ дѣйствія въ Лейстерѣ не настолько отличался ото всей остальной моей жизни, чтобы сказать, что тогда это былъ образъ дѣйствія негодяя, потому что, если бы оставить ваше утвержденіе безъ возраженія, то, по справедливости, большинство читателей должно вывести такое заключеніе.

Въ самомъ началѣ въ 1841 году, покончивъ съ своими занятіями въ „Leicestershire Mercury", я хотѣлъ вернуться въ Лондонъ, но въ это время чартисты стали убѣждать меня остаться и взять на себя маленькое періодическое изданіе, которое они только что основали подъ названіемъ „Midland Counties Illuminator". Я уже писалъ для нихъ, и они вѣрили, что сердце мое съ ними. Я согласился остаться и, насколько я знаю себя, мое согласіе имѣло

основаніемъ самое чистое и самое полное самопожертвованіе для блага бѣдныхъ и угнетенныхъ. Маленькая газетка непремѣнно должна была бы прекратиться, такъ какъ у нихъ не было средствъ продолжать ее; но они отдали ее всецѣло въ мои руки, и я занималъ и насбиралъ денегъ, чтобы продолжать ее. Я началъ также каждое воскресенье говорить на рынкѣ нѣчто вродѣ проповѣдей, отчасти религіознаго, отчасти политическаго характера, и на эти собранія собирались тысячи. Когда приблизились общіе выборы 1841 года,—виги, зная, что чартисты будутъ противъ избранія Исторна и Эллиса, пригрозили владѣльцу типографіи нашей маленькой газетки, и она должна была прекратиться. Я не могъ найти въ Лейстерѣ другого типографа, который осмѣлился бы печатать ее. Наконецъ нашли одного съ очень небольшимъ запасомъ плохого шрифта и, не желая признавать себя побѣжденнымъ, я началъ издавать меленькую газетку въ полпени, а такъ какъ она была совсѣмъ крошечная сравнительно съ *Illuminator*'омъ, то я назвалъ ее *Chartist Rushlight* (Чартистскимъ Свѣтильникомъ). Онъ выходилъ разъ въ недѣлю до начала выборовъ, на которыхъ меня выставили кандидатомъ. Въ то время, когда я говорилъ собравшейся толпѣ, одинъ изъ членовъ партіи виговъ подошелъ ко мнѣ съ огромнымъ жестянымъ гасильникомъ, прикрѣпленнымъ къ шесту и сдѣлалъ попытку насадить его на мою голову, чтобы *погасить свѣтильникъ*. Виги разсмѣялись и ихъ кандидаты получили большинство; тогда я измѣнилъ названіе нашей грошевой газетки и, чтобы показать, что меня „не загасили“, назвалъ ее *Extinguisher* (Гасильникомъ). Газета въ этой формѣ продолжалась до конца 1841 года.

Какъ разъ передъ выборами мнѣ удалось, хотя и съ нѣкоторыми затрудненіями пріобрѣсти домъ и лавку въ довольно центральномъ мѣстѣ, и здѣсь я устроилъ редакцію для своей маленькой газетки, продавалъ „Сѣверную Звѣзду“ и другія періодическія изданія, открылъ кофейную и началъ продажу хлѣба. Я продолжалъ свои проповѣди на рынкѣ въ воскресные дни по вечерамъ, раздѣлилъ Лейстеръ на округа и началъ набирать членовъ въ партію чартистовъ. Вслѣдствіе этого я сдѣлался популярнымъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ могу сказать даже могущественнымъ.

Вы говорите на стр. 236 вашей исторіи, что въ Лейстерѣ была другая партія чартистовъ, слишкомъ интеллигентная для того, чтобы подчиняться моему диктаторству. Въ дѣйствитель-

ности наиболѣе интеллигентные члены чартистской партіи были на моей сторонѣ. Свидѣтелями могу привести моихъ любимыхъ друзей, остававшихся вѣрными мнѣ до самой смерти, Джона Брамвича и Вилльяма Джонса. Я не люблю даже упоминать о старыхъ ссорахъ, а ужъ тѣмъ болѣе разсказывать о нихъ. Я и Джонъ Маркемъ (о которомъ вы упоминаете на той же страницѣ) уже давно возобновили нашу дружбу; но я долженъ сказать правду, что если образовалась другая партія чартистовъ, то не потому, чтобы они были болѣе интеллигентны, а потому, что они очень цѣнили Маркема, ихъ прежняго лидера, котораго по ихъ мнѣнію я смѣстилъ. Партія эта всегда была очень немногочисленна и сохранила за собой старое мѣсто собранія, очень маленькую комнату, тогда какъ мы, когда наступила зима, и я уже не могъ говорить на рынкѣ, наняли очень большую залу, прилегавшую къ амфитеатру и которая (съ самаго ея основанія за много лѣтъ передъ тѣмъ) всегда называлась шекспировской комнатой. Такъ какъ теперь оказалось два общества, а мнѣ нравилось имя Шекспира (что, надѣюсь, мнѣ можно извинить), то я предложилъ назвать наше общество „Шекспировской бригадой лейстерскихъ чартистовъ“. Такимъ образомъ, мы взяли свое названіе отъ комнаты, въ которой мы собирались. Слово „бригада“ очень часто употреблялось чартистами вмѣсто „Общества“. Что касается званія генерала, то оно было дано мнѣ восхищавшимися мною и любившими меня рабочими. Я принялъ его сначала въ шутку, а потомъ мнѣ уже трудно было отдѣлаться отъ него. Въ срединѣ зимы 1841—2 года въ Лейстерѣ началось самое тяжелое бѣдствіе. Мнѣ много приходилось видѣть несчастій и до этого, но теперь, когда тысячи были лишены работы втеченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, нищета была самая потрясающая. Вы говорите (на стр. 236), что когда народъ слѣдовалъ за мной по улицѣ, то мы останавливались у дверей лавочниковъ, чтобы получить отъ нихъ милосердное подаяніе. Увѣряю васъ, что это большая ошибка. Я никогда не предводительствовалъ процессіей нищихъ, но я раздавалъ хлѣбъ и многимъ отпускалъ его въ долгъ, хотя они никогда не были въ состояніи заплатить мнѣ и, въ концѣ концовъ, я задолжалъ моему булочнику шестьдесятъ шесть фунтовъ. Я не прошу похвалъ. Это тоже относилось къ моему „помѣшательству“. Прежде чѣмъ быть великодушнымъ, я долженъ былъ бы быть справедливымъ. Я знаю это и тѣмъ не ме-

нѣе въ теченіе всей моей жизни мнѣ труднѣе всего было сообразоваться съ этимъ правиломъ и, я боюсь, что теперь мнѣ слишкомъ поздно исправиться, если только я не перестану быть самимъ собой.

Среди бѣдствій этой зимы я попробовалъ открыть воскресную школу для взрослыхъ—мужчинъ и мальчиковъ. Пришлось заниматься очень много. Нашими учебниками были старый и новый завѣтъ, „Самообразованіе" Чаннинга, два или три изъ его „Опытовъ", „Хлѣбные законы" Кембеля и т. д. Въ моихъ занятіяхъ въ школѣ мнѣ помогали Брамвичъ, Джонсъ и другіе наиболѣе интеллигентные члены партіи. Школа прекратилась, когда наступила весна, и недовольство народа обострилось, но если бы я провелъ зиму въ Лейстерѣ, я бы снова возобновилъ школу. Весна 1842 года была ужасна. Безработица продолжалась, и народъ, то приходилъ въ отчаяніе, то начиналъ угрожать. Я продолжалъ набирать членовъ въ чартистскую партію, старыхъ и молодыхъ, покуда насъ не набралось три тысячи человѣкъ. Я началъ тоже говорить по вечерамъ въ будни и по воскресеньямъ утромъ, послѣ завтрака, и вечеромъ. Иногда въ хорошіе вечера мы пѣли, проходя по улицамъ для того, чтобы показать нашу численность, а также, чтобы подразнить нашихъ враговъ изъ буржуазіи. Но это не было нашимъ ежедневнымъ занятіемъ, какъ вы это говорите, и всѣ наши поступки были безобидны, такъ какъ мы никогда не прибѣгали ни къ какому насилію. Я былъ пораженъ и удивленъ, когда прочиталъ на той же страницѣ вашей „Исторіи", что „когда Куперъ былъ не въ состояніи предводительствовать этими процессіями, то его замѣнялъ другой человѣкъ, одѣтый въ военную форму", тогда какъ я никогда не видѣлъ и не слышалъ о такомъ человѣкѣ. Но одинъ изъ моихъ Лейстерскихъ друзей напомнилъ мнѣ, что нѣчто подобное, правда, случилось разъ весной въ 1842 году и лицо, сообщившее вамъ объ этомъ, кто бы оно ни было, изобразило его въ видѣ какого-то пугала, замѣнявшаго меня и одѣтаго въ военный костюмъ. Толпы бѣдняковъ, обращавшихся за помощью въ благотворительный комитетъ, достигли такихъ размѣровъ, что пришлось организовать общественныя работы, чтобы испытать ихъ готовность трудиться. Работать приходилось очень много, и бѣдняки, чувствуя, что ихъ унижаютъ потому, что они бѣдны, образовали отрядъ, во главѣ котораго стоялъ какой-то человѣкъ, носившій иногда ста-

рую солдатскую фуражку и, по окончаніи унизительной работы, такъ какъ они получали за нее самое ничтожное вознагражденіе, отправлялись просить милостыню. Но это были не чартисты: эти люди ничего не имѣли общаго съ нами, и человѣкъ въ солдатской фуражкѣ никогда не замѣнялъ меня и не былъ чартистомъ.

Я уже говорилъ, что моя газета „Extinguisher" продолжалась до конца 1841 года. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль я не издавалъ газетъ, въ надеждѣ, что народъ снова получитъ работу, и бѣдствіе уменьшится. Но я истомился въ ожиданіи и скоро началъ опять „Commonwealthsman", ежедневную газетку, цѣной въ три съ половиной пенни. Въ продолженіе короткаго времени она шла хорошо, но я принужденъ былъ прекратить ее съ наступленіемъ лѣта. Долженъ замѣтить, что этотъ рядъ маленькихъ газетъ придавалъ силу чартизму, а также и всему великому движенію въ пользу труда, такъ какъ посредствомъ этихъ газетъ рабочіе выражали свое неудовольствіе относительно заработной платы, произвольной остановки фабрикъ и прочее. Кромѣ того продолжалъ издаваться „Poet's Corner", постоянными сотрудниками котораго были Бранвичъ и Джонсъ. Ихъ произведенія (по большей части въ формѣ чартистскихъ гимновъ) были потомъ напечатаны въ „Шекспировской книгѣ чартистскихъ гимновъ" и распѣвались на нашихъ митингахъ.

Но тутъ я вспоминаю, что долженъ исправить еще другое мѣсто въ вашей „Исторіи" (на стр. 236). Вы говорите — „Когда его кумира выпустили изъ тюрьмы, Куперъ сочинилъ пѣсню, которую назвалъ „Львомъ свободы" и т. д." Я не сочинилъ ни одной строки изъ этой пѣсни и не я придумалъ ея заглавіе. Пѣсня эта появилась въ первый разъ на столбцахъ „Сѣверной Звѣзды" и, какъ говорили, была сочинена одной женщиной—чартисткой изъ Уэльса. Мелодію къ ней подыскалъ въ первый разъ лейстерскій рабочій (Валентинъ Удлей) и мы приняли ее; но совершенно вѣрно, что я ввелъ ее на наши митинги, и даже больше, я распѣвалъ ее всюду, гдѣ могъ, въ лейстерскихъ деревняхъ, и въ такихъ городахъ, какъ Шеффильдъ, Ноттингемъ и т. п.

А теперь одно или два слова относительно моей привязанности къ О'Коннору. Народъ внушилъ мнѣ эту привязанность, а не я внушилъ ее народу. Я былъ увѣренъ, что народъ вѣрилъ не въ чартизмъ, а въ него. Онъ побѣдилъ также и меня своими

письмами и своей бесѣдой въ тѣ немногія мои встрѣчи, которыя я имѣлъ съ нимъ во время моего лейстерскаго главенства. Впослѣдствіи я имѣлъ основанія измѣнить свое мнѣніе о немъ, но въ тотъ періодъ, о которомъ я разсказываю, я находилъ, что для успѣха чартизма необходимо единство. А такъ какъ народъ выбралъ своимъ вождемъ О'Коннора, то я сдѣлался врагомъ всѣхъ, кто былъ противъ него, видя въ нихъ носителей разъединенія. На этомъ основаніи я былъ противъ О'Брайена. Я жалѣю, что въ своей борьбѣ противъ него я не былъ достаточно справедливъ. Потомъ я просилъ у него извиненія; я публично заявилъ лейстерскому народу, что признаю ошибочнымъ наше поведеніе относительно него. Но можетъ ли О'Брайенъ простить вину, когда въ ней сознаются, я не могу сказать съ увѣренностью. Позвольте мнѣ также внести поправку къ одному изъ вашихъ замѣчаній по поводу моего отношенія къ О'Брайену. Вы говорите (на стр. 237): „Онъ хорошо дисциплинировалъ своихъ солдатъ и внушилъ имъ долгъ безпрекословнаго повиновенія его декретамъ". Но если бы я „внушалъ" народу что либо подобное, то онъ навѣрное забросалъ бы меня камнями на улицѣ. Если я обладалъ „властью, короля" въ Лейстерѣ, то будьте увѣрены только потому, что я внушалъ и распространялъ другого рода доктрины. Да, все дѣло въ томъ, что я былъ скорѣе орудіемъ въ рукахъ народа, чѣмъ его руководителемъ, даже во время бурныхъ преній съ О'Брайеномъ и другими. И во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ, въ большихъ или малыхъ размѣрахъ, народный вождь сохраняетъ за собой главенство только при этомъ условіи. Его темпераментъ, характеръ, его энергія помогаютъ ему благодаря его впечатлительности и настойчивости сдѣлаться выразителемъ народа, его, орудіемъ, какъ для добра, такъ и для зла. Что касается до Стерджа, то теперь, я думаю, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, что я выражалъ сожалѣніе о своемъ несправедливомъ отношеніи къ нему. Съ тѣхъ поръ я получилъ доказательство его искренней личной дружбы ко мнѣ, и я считаю его однимъ изъ самыхъ лучшихъ людей. Предъ Винсентомъ я никогда не извинялся. Я и теперь думаю, что при тѣхъ обстоятельствахъ онъ получилъ, что заслужилъ. Мнѣ очень жаль, что вы запятнали страницы своей „Исторіи" именемъ человѣка, называвшимъ себя „Вилльямомъ Диномъ Тейлоромъ". Фамилія Тейлоръ не принадлежала ему. Онъ присвоилъ ее себѣ, чтобы скрыться отъ преслѣдованія закона и

избѣжать наказанія за свои преступленія. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ низкихъ и безнравственныхъ людей, когда либо встрѣчавшихся среди чартистовъ. Что касается до маленькаго Фильпа, то смѣю васъ увѣрить, я имѣлъ право называть его „мальчикомъ“, такъ какъ онъ обладалъ такой деликатной наружностью, что многіе называли его „лэди-чартистъ“. И я никогда не могъ „ползать чуть не на колѣняхъ предъ такой обезьяной“. Когда вы говорите объ его „спокойномъ, полномъ достоинства тонѣ“, вы напоминаете мнѣ человѣка, описывающаго „величіе сороки“.

Я написалъ вамъ больше, чѣмъ намѣревался. Но я надѣюсь, тѣмъ не менѣе, что вы найдете мѣсто для моего письма въ вашемъ приложеніи. Я прошу этого не какъ милости. Я видѣлъ васъ только разъ въ жизни, но при этой встрѣчѣ (это было въ Лейстерѣ), въ тѣ бурныя времена, вашъ умъ и ваша правдивость произвели на меня впечатлѣніе. Впечатлѣніе это потомъ усилилось, благодаря всему тому, что мнѣ приходилось слышать о васъ, и я надѣюсь, что вы не только съ охотою, но даже съ благодарностью исправите всѣ неточности, которыя вы неизбѣжно должны были сдѣлать при составленіи вашей „Исторіи Чартистскаго движенія“.

Остаюсь, милостивый государь, преданный вамъ

Томасъ Куперъ.

Куперъ былъ вполнѣ правъ, требуя напечатанія во имя справедливости вышеприведеннаго письма и вѣря въ то, что въ этомъ напечатаніи ему не будетъ отказано. Каждому человѣку принадлежитъ право защищаться отъ нападокъ, и мы были бы достойны презрѣнія, если бы, признавая это право за собой, отказали бы въ немъ другимъ. Но мы должны сказать, къ сожалѣнію, что рѣдко могли добиться того-же отъ нашихъ недостойныхъ клеветниковъ, которые, прикрываясь демократическимъ плащемъ, въ то же самое время такъ же мало понимали, въ чемъ состоитъ истинная демократическая справедливость, какъ русскій императоръ, или неаполитанскій король. Мы охотно готовы засвидѣтельствовать полное безкорыстіе Купера въ его отношеніяхъ къ лейстерскимъ чартистамъ. У насъ есть помимо его утвержденій еще другія доказательства тѣхъ жертвъ, какія онъ приносилъ во время пребыванія его въ этомъ городѣ. Мы никогда не смотрѣли на него, какъ на корыстолюбиваго агитатора чартистскаго движенія.

Мы всегда знали, что онъ представляетъ изъ себя нѣчто совсѣмъ другое. Если мы не упоминали объ его газетахъ и школахъ, то просто по забывчивости, а не намѣренно. Что касается до лейстерскихъ процессій въ то время, то мы, повидимому, смѣшали двѣ совершенно различныя группы чартистовъ и безработныхъ, хотя во многихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, это были одни и тѣ же лица. Мы позволимъ себѣ въ короткихъ словахъ привести то, что намъ извѣстно по этому поводу. Во время нашего пребыванія въ Лейстерѣ, весною 1842 года, мы были въ домѣ Купера, обстоятельство забытое имъ. Мы были съ нимъ вмѣстѣ на первыхъ двухъ митингахъ, гдѣ долженъ былъ говорить О'Брайенъ и все время находились на платформѣ. Тогда мы еще не были знакомы съ О'Брайеномъ. Но въ то время, когда мы упрекали Купера за событія этого вечера, Бидгемъ остановилъ насъ въ довольно вѣжливой формѣ: „Оставьте его въ покоѣ, онъ лучше знаетъ что дѣлать". Въ тотъ же вечеръ, когда мы были въ домѣ Купера, мы увидѣли довольно большую процессію, которая, подойдя къ двери, раздѣлилась. Куперъ въ этотъ вечеръ былъ, повидимому, очень занятъ. Процессіей предводительствовалъ человѣкъ, въ солдатской фуражкѣ и красной жилеткѣ. Само собой разумѣется, мы были увѣрены, что военная форма была надѣта только ради шутовства. Какъ видно изъ письма Купера, онъ ничего не имѣлъ общаго съ этими процессіями, тѣмъ не менѣе, многія лица изъ той процессіи, которую мы видѣли, входили въ домъ Купера, такъ же, какъ и одѣтый въ военную форму, ихъ предводитель. Что касается до „Льва свободы", то общее мнѣніе было, что эта пѣснь принадлежала Куперу. Заблужденіе это объяснялось безъ сомнѣнія тѣмъ обстоятельствомъ, что Куперъ помѣстилъ ее въ своей книгѣ гимновъ, а такъ какъ подъ многими пѣснями стояли имена авторовъ, а подъ этой нѣтъ, то мы вывели заключеніе, что авторомъ былъ онъ. А на тѣхъ митингахъ, гдѣ онъ присутствовалъ, онъ пѣлъ ее чаще, чѣмъ что либо другое. Говоря, что Куперъ хорошо дисциплинировалъ своихъ солдатъ и внушилъ имъ долгъ безпрекословнаго повиновенія, мы не хотѣли сказать, что онъ въ буквальномъ смыслѣ заставлялъ народъ повиноваться ему при всѣхъ обстоятельствахъ, но что своими повелительными манерами онъ такъ вліялъ на нихъ, что могъ во всякое время быть увѣреннымъ въ ихъ поддержкѣ. Мы не имѣли намѣренія оскорбить Купера никакими замѣчаніями. Мы не спо-

собны были бы оказать завѣдомую несправедливость кому бы то ни было. И если позволили себѣ нѣсколько рѣзкихъ выраженій по адресу нѣкоторыхъ лицъ, то это объясняется главнымъ образомъ тѣми несправедливостями, которыя позволяли себѣ эти люди по отношенію къ другимъ. Наша видимая рѣзкость объясняется только нашей глубокой и непримиримой ненавистью ко всякаго рода рѣзкостямъ, а не чувствомъ личной мести къ отдѣльнымъ личностямъ. Мы смотримъ на всякое несправедливое отношеніе другъ къ другу членовъ демократической партіи, какъ на препятствіе къ развитію демократіи, и противъ этой несправедливости мы будемъ бороться всѣми силами, какой бы ни былъ исходъ этой борьбы. Мы не можемъ не привѣтствовать Купера и нашихъ читателей по поводу прекраснаго тона его письма, которое служитъ намъ вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ его великодушія.

Приложеніе „В“.

Всенародная хартія.

Билль объ установленіи справедливаго представительства британскаго и ирландскаго народовъ въ Палатѣ Общинъ. Пересмотрѣнъ на конференціи, созванной народомъ въ Бирмингамѣ, въ декабрѣ 1842.

Принимая во вниманіе, что для того, чтобы обезпечить — поскольку это позволяютъ человѣческое предвидѣніе и разумъ — справедливое управленіе народомъ, необходимо, чтобы тѣ, въ чьихъ рукахъ находится право изданія законовъ, подлежали дѣйствительной и точно опредѣленной отвѣтственности передъ тѣми, кто обязанъ подчиняться этимъ самымъ законамъ, когда они изданы;

Что отвѣтственность этого рода лучше всего можетъ быть осуществлена при помощи такого органа, который исходитъ непосредственно отъ всего народа, непосредственно подчиненъ народу и является полнымъ выраженіемъ его чувствованій и интересовъ;

Что въ настоящее время Палата Общинъ, пользующаяся правомъ издавать законы отъ имени народа и въ видахъ предполагаемыхъ пользъ его, должна была бы — чтобы мудро и съ честью выполнить лежащія на ней великія обязанности — стать вѣрнымъ и точнымъ представительствомъ народныхъ желаній, чувствованій, интересовъ;

Симъ постановили:
что съ момента принятія настоящаго закона всякое лицо мужескаго пола, живущее въ предѣлахъ государства, получаетъ

право подавать голосъ при выборѣ члена парламента, при соблюденіи, однако, слѣдующихъ условій:

1) что данное лицо родилось въ предѣлахъ этого государства, или, если дѣло касается иностранца, прожило въ немъ не менѣе двухъ лѣтъ подъ рядъ и было натурализовано,

2) что лицо это имѣетъ отъ роду 21 годъ,

3) что оно ко времени провѣрки списковъ избирателей не было признано умалишеннымъ,

4) что лицо это въ моментъ призыва къ использованію своего избирательнаго права не находилось подъ судомъ,

5) что лицо это лишается избирательныхъ правъ за подкупъ при выборахъ, за подмѣну личности, за поддѣлку избирательныхъ картъ и несетъ наказаніе согласно постановленіямъ настоящаго акта.

Избирательные округа.

I. Постановили: что въ видахъ достиженія равномѣрнаго представительства народа въ Палатѣ Общинъ Соединенное королевство раздѣляется на триста избирательныхъ округовъ *).

II. Что каждый такой округъ заключаетъ въ себѣ, по возможности, одинаковое число жителей.

III. Что число жителей опредѣляется согласно послѣдней переписи, и избирательные округа должны быть установлены какъ можно ближе ко времени производства ближайшей 10-ти-лѣтней переписи.

IV. Что каждый избирательный округъ получаетъ названіе по имени главнаго города или городского поселенія, находящагося въ его предѣлахъ.

V. Что каждый избирательный округъ посылаетъ одного представителя въ Палату Общинъ.

VI. Что министръ внутреннихъ дѣлъ назначаетъ трехъ уполномоченныхъ имъ лицъ въ качествѣ комиссаровъ и къ нимъ столько субъ-комиссаровъ, сколько окажется необходимымъ для установленія границъ каждаго изъ трехсотъ округовъ, и дѣйствуетъ въ томъ же порядкѣ всякій разъ, какъ была произведена новая десятилѣтняя перепись.

*) Положимъ, существуетъ 6.000.000 человѣкъ, имѣющихъ право голоса. Это число, раздѣленное на 300, дастъ 20.000 на каждаго члена.

VII. Что всѣ расходы, необходимые для оплаты названныхъ комиссаровъ, субъ-комиссаровъ, канцелярскихъ служащихъ и прочихъ лицъ, привлекаемыхъ къ исполненію обязанностей, возложенныхъ на нихъ, производятся изъ средствъ государственнаго казначейства.

Лица, завѣдующія составленіемъ избирательныхъ списковъ.

Постановили:
что въ цѣляхъ точной регистраціи избирателей, для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ случаевъ протеста противъ внесенія тѣхъ или другихъ лицъ въ избирательные списки, для пріема заявленій о кандидатурахъ въ члены парламента или на должность окружныхъ по дѣламъ о выборахъ комиссаровъ и для объявленія о состоявшихся выборахъ ихъ, равно какъ для веденія и наблюденія надъ всѣмъ дѣлопроизводствомъ, связаннымъ съ регистраціей, заявкой кандидатуръ и выборами, согласно требованіямъ настоящаго закона, учреждаются слѣдующія должности:

1) Окружного по дѣламъ о выборахъ комиссара (Returning Officers).

2) Комиссаровъ по производству выборовъ, — для каждаго избирательнаго округа (Deputy-Returning Officers).

3) Регистраторовъ (Registration-clerks) по одному на каждый приходъ, имѣющій . . . . жителей, или на каждые два и болѣе прихода въ томъ случаѣ, если послѣдніе соединены въ цѣляхъ, въ настоящемъ законѣ предусмотрѣнныхъ.

Окружные по дѣламъ о выборахъ комиссары и обязанности ихъ.

Постановили:
что во время первыхъ же общихъ выборовъ, имѣющихъ послѣдовать за принятіемъ настоящаго закона, въ каждомъ избирательномъ округѣ королевства избираются окружные по дѣламъ о выборахъ комиссары и въ томъ же порядкѣ — въ концѣ каждаго года.

II. Что въ концѣ каждаго такого періода кандидатуры окружныхъ комиссаровъ заявляются въ порядкѣ, указанномъ для выборовъ въ парламентъ, и выборы ихъ производятся одновременно съ выборами членовъ парламента. Окружный комиссаръ можетъ быть избранъ вновь на слѣдующій срокъ.

III. Что мѣста, оказавшіяся вакантными вслѣдствіе смерти, пе-

ремѣны мѣста жительства или отказа окружного комиссара отъ должности, замѣщаются въ томъ же порядкѣ, какъ замѣщаются на оставшуюся часть года вакантныя мѣста членовъ парламента.

IV. Что окружный по дѣламъ о выборахъ комиссаръ назначаетъ на день выборовъ для каждаго пункта въ предѣлахъ его округа, гдѣ производится подача голосовъ,—комиссара по выборамъ и во всѣхъ случаяхъ является отвѣтственнымъ за точное выполненіе послѣднимъ его обязанностей.

V. Что на обязанности комиссара лежитъ назначеніе регистраторовъ для каждаго прихода въ предѣлахъ избирательнаго округа, имѣющаго . . . жителей, или для каждыхъ двухъ и болѣе приходовъ, если послѣдніе соединены въ цѣляхъ, настоящимъ закономъ предусмотрѣнныхъ, и во всѣхъ случаяхъ является отвѣтственнымъ за точное выполненіе названными лицами ихъ обязанностей.

VI. Что онъ долженъ имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы помѣщенія, предназначенныя для производства баллотировки, и всякаго рода приспособленія, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность, были предоставлены каждымъ приходомъ, (или нѣсколькими приходами, которые могутъ быть для этого соединены) и чтобы баллотировочные ящики были устроены и предоставлены въ его распоряженіе согласно требованіямъ настоящаго закона.

VII. Что ему доставляются списки всѣхъ избирателей всѣхъ приходовъ его округа; чтобы въ спискахъ этихъ были отмѣчены или перечислены имена лицъ, относительно которыхъ былъ заявленъ протестъ регистраторами или какими либо другими лицами.

VIII. Что между первымъ апрѣля и первымъ мая каждаго года должны быть назначены публичныя засѣданія комиссій по провѣркѣ избирательныхъ правъ (Courts of Adjudication), организованныхъ въ столькихъ пунктахъ избирательнаго округа, въ какихъ онъ найдетъ нужнымъ; о самихъ же засѣданіяхъ (ихъ мѣстѣ и времени) должно быть объявлено надлежащимъ образомъ въ каждомъ приходѣ округа и вмѣстѣ съ тѣмъ вызваны лица, со стороны которыхъ былъ заявленъ протестъ, равно какъ и лица, относительно коихъ протестъ былъ заявленъ. И что по выслушаніи объясненій обѣихъ сторонъ имъ окончательно разрѣшается вопросъ о томъ, будетъ ли имя даннаго избирателя внесено въ избирательные списки или нѣтъ.

IX. Что вслѣдъ затѣмъ окружный по дѣламъ о выборахъ комис-

саръ долженъ озаботиться составленіемъ алфавитныхъ списковъ всѣхъ внесенныхъ въ нихъ избирателей для всѣхъ приходовъ въ предѣлахъ его округа и чтобы имъ засвидѣтельствованными и подписанными списками пользовались при всѣхъ выборахъ, происходящихъ въ предѣлахъ округа. Эти списки должны продаваться по возможно умѣренной цѣнѣ.

X. Что къ окружному по дѣламъ о выборахъ комиссару должны поступать всѣ заявленія о кандидатурахъ въ члены парламента, выставляемыхъ въ предѣлахъ его округа, равно какъ и о кандидатурахъ на должность окружного комиссара того же округа, о каковыхъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія въ порядкѣ, настоящимъ закономъ предусмотрѣнномъ. Что комиссаръ получаетъ распоряженія президента (спикера) Палаты Общинъ о назначеніи новыхъ выборовъ въ случаѣ смерти или отказа члена парламента отъ даннаго округа, равно какъ и предписанія о наблюденіи и руководствѣ выборами въ какомъ либо другомъ округѣ — въ случаѣ смерти или отказа отъ должности окружного комиссара другого округа.

XI. Что въ день выборовъ окружный комиссаръ получаетъ отчеты изо всѣхъ приходовъ избирательнаго округа; что на слѣдующій же день послѣ производства выборовъ результаты баллотировки объявляются имъ въ порядкѣ, указанномъ настоящимъ закономъ, и выполняются другія, возложенныя на него формальности, какъ то установлено и предусмотрѣно закономъ.

XII. Что за исполненіе обязанностей, на него возложенныхъ, окружный по дѣламъ о выборахъ комиссаръ получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ . . . . въ годъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

XIII. Что если въ Палату Общинъ за подписью не менѣе чѣмъ ста полноправныхъ избирателей округа, поступитъ жалоба на окружного по дѣламъ о выборахъ комиссара, заключающая обвиненіе его во взяточничествѣ и лихоимствѣ при исполненіи имъ своихъ обязанностей, или въ непригодности его для ихъ выполненія,—что жалобы этого рода разсматриваются парламентской комиссіей изъ семи членовъ; что по выслушаніи ихъ доклада всѣми присутствующими членами рѣшается вопросъ о томъ, виновенъ или невиновенъ этотъ комиссаръ и долженъ ли онъ быть смѣщенъ или нѣтъ.

XIV. Что для веденія первыхъ выборовъ, имѣющихъ послѣдо-

вать за принятіемъ настоящаго закона, окружный по дѣламъ о выборахъ комиссаръ каждаго округа назначается временно министромъ внутреннихъ дѣлъ для выполненія обязанностей, настоящимъ закономъ предусмотрѣнныхъ; что комиссаръ слагаетъ съ себя обязанности, какъ только будетъ назначенъ новый по дѣламъ о выборахъ комиссаръ, и получаетъ вознагражденіе въ порядкѣ, указанномъ ниже (см. также мѣры наказанія).

Комиссары по производству выборовъ и ихъ обязанности.

Постановили:

что окружный по дѣламъ о выборахъ комиссаръ назначаетъ комиссаровъ по производству выборовъ для присутствованія въ день выборовъ въ мѣстахъ производства баллотировки; названные комиссары подчиняются и являются отвѣтственными передъ окружными по дѣламъ о выборахъ комиссарами, равно какъ несутъ отвѣтственность за исполненіе требованій настоящаго закона.

II. Что на обязанности комиссаровъ по производству выборовъ лежитъ пріисканіе извѣстнаго числа уполномоченныхъ, не болѣе однако . . . . . . человѣкъ, для оказанія имъ помощи во время производства баллотировки и для исполненія связанныхъ съ симъ порученій.

III. Что комиссары по производству выборовъ должны имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы доставлены были соотвѣтствующіе списки избирателей, чтобы баллотировка начиналась ровно въ 6 часовъ утра и была закончена въ 6 часовъ пополудни того же дня.

IV. Что комиссаръ по производству выборовъ въ присутствіи агентовъ кандидатовъ, заблаговременно до начала подачи голосовъ, долженъ осмотрѣть баллотировочные ящики и наложить печати на нихъ; такимъ же порядкомъ объявить число поданныхъ за каждаго кандидата голосовъ, и, по снятіи копій, одну, скрѣпленную его подписью, представить окружному комиссару, другую же—передать регистратору того прихода.

V. Что труды комиссара по производству выборовъ оплачиваются въ порядкѣ, который будетъ указанъ ниже (см. также мѣры наказанія).

Регистраторы и ихъ обязанности.

Постановили:

что окружный по дѣламъ о выборахъ комиссаръ назначаетъ регистраторовъ по одному на каждый приходъ въ предѣлахъ округа,

имѣющій . . . . . . жителей, или для каждыхъ двухъ или болѣе приходовъ, соединенныхъ въ цѣляхъ выполненія требованій настоящаго закона; что регистраторы являются отвѣтственными передъ окружными коммиссарами, ровно какъ несутъ отвѣтственность за исполненіе требованій настоящаго закона.

II. Что для установленія точныхъ списковъ избирателей каждаго избирательнаго округа регистраторъ каждаго прихода въ королевствѣ, къ первому февраля каждаго года или ранѣе этого срока, лично или черезъ посредство другого лица обязанъ оставить въ каждомъ жиломъ домѣ, въ каждомъ домѣ общественнаго призрѣнія и работномъ домѣ, печатное извѣщеніе по слѣдующей формѣ:

Г. Джонъ Джонсъ симъ обязуется втеченіи шести дней съ нижеписаннаго числа внести въ прилагаемый реестръ имена всѣхъ лицъ мужескаго пола, живущихъ въ домѣ, имѣющихъ отъ роду 21 годъ и болѣе, обозначивъ соотвѣтственно возрастъ каждаго и продолжительность пребыванія ихъ у него; въ случаѣ же неисполненія сего—уплатить штрафъ въ размѣрѣ одного фунта ст. за каждое пропущенное имя.

Регистраторъ А. В.

Имя.	Адресъ.	Возрастъ.	Продолжительность пребыванія.
Джонъ Джонсъ.	6, Верхняя Сѣверная площадь	21 годъ.	3 мѣсяца.

P. S. Списокъ этотъ будетъ отобранъ по истеченіи шести сутокъ, считая съ нижеписаннаго числа.

III. Что по истеченіи сказаннаго шестидневнаго срока регистраторъ, лично или черезъ посредство другого лица, собираетъ вышеупомянутые реестры и составляетъ алфавитный списокъ всѣхъ лицъ, возрастъ и продолжительность пребыванія коихъ даютъ имъ избирательныя права, согласно требованій настоящаго закона.

IV. Что въ случаѣ, когда регистраторъ будетъ имѣть основанія полагать, что имена, возрастъ или продолжительность пребыванія какого либо лица внесены въ названный реестръ неправильно или несогласно съ требованіями настоящаго закона, онъ не можетъ отказать во внесеніи въ избирательный списокъ, но

обязанъ противъ каждаго такого имени написать слово: „опротестовано“ и въ томъ же порядкѣ обязанъ сдѣлать отмѣтку противъ имени всякаго лица, относительно котораго у него есть достаточныя основанія полагать, что оно не можетъ быть избирателемъ согласно требованій настоящаго закона.

V. Что 8 марта каждаго года или ранѣе этого срока регистраторъ долженъ озаботиться выставленіемъ помянутаго алфавитнаго списка на дверяхъ всѣхъ церквей, часовенъ, рынковъ, городскихъ ратушъ, присутственныхъ мѣстъ, домовъ общественнаго призрѣнія, работныхъ домовъ и другихъ подходящихъ мѣстъ, гдѣ онъ найдетъ нужнымъ—начиная съ 8 марта и по 22 марта включительно. Онъ долженъ также озаботиться тѣмъ, чтобы экземпляръ такого списка имѣлся въ его бюро для обозрѣнія его всякимъ неимущимъ въ любой присутственный часъ, и чтобы копіи его продавались публикѣ по возможно низкой цѣнѣ.

VI. Чтобы 25 марта или ранѣе этого срока регистраторъ, лично или черезъ посредство другого лица, доставилъ окружному комиссару копію вышеупомянутаго избирательнаго списка, подписанную имъ и долженствующую представлять, по мнѣнію регистратора, вполнѣ точный и безпристрастный списокъ всѣхъ лицъ его прихода, имѣющихъ право быть избирателями по ихъ собственному о томъ заявленію, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кто былъ опротестованъ какъ самими регистраторами, такъ и другими лицами.

VII. Что по полученіи предписанія окружного комиссара, регистраторъ обязанъ явиться въ комиссію по провѣркѣ избирательныхъ правъ для исправленія своего списка и исполненія другихъ возложенныхъ на него обязанностей, какъ то предусмотрѣно закономъ.

VIII. Что регистраторъ получаетъ вознагражденіе за свой трудъ въ порядкѣ, который будетъ указанъ ниже.

Порядокъ внесенія въ избирательные списки.

Постановили:

что всякій домовладѣлецъ, равно какъ и всякое лицо, занимающее или управляющее жилымъ домомъ, домомъ общественнаго призрѣнія или работнымъ домомъ, получившее отъ регистратора объявленіе, упомянутое выше, должно озаботиться тѣмъ, чтобы въ послѣднее были правильно внесены имена, возрастъ и продолжительность пребыванія всякаго живущаго въ домѣ лица мужескаго

пола, имѣющаго отъ роду 21 и болѣе лѣтъ; что реестръ этотъ долженъ быть заполненъ втеченіи 6 дней, считая съ того числа, которымъ онъ помѣченъ, и тщательно сохраненъ до того момента, когда за нимъ явится регистраторъ или лицо, имъ должнымъ образомъ уполномоченное.

II. Что когда составленъ будетъ, на основаніи полученныхъ заявленій, списокъ избирателей и будетъ выставленъ на церковныхъ дверяхъ и прочихъ, указанныхъ выше мѣстахъ, всякій, кто не найдетъ своего имени въ этомъ спискѣ и считаетъ себя полноправнымъ избирателемъ, долженъ быть внесенъ въ число избирателей послѣ того, какъ сдѣлаетъ регистратору заявленіе, составленное по слѣдующей формѣ:

„Я, Джонъ Джонсъ, жительствующій въ . . . . округѣ, 21 года отъ роду, прожившій три послѣднихъ мѣсяца въ названной мѣстности, прошу внести меня въ избирательные списки, какъ полноправнаго избирателя округа“.

III. Что если какое либо лицо, признанное правоспособнымъ избирателемъ извѣстнаго избирательнаго округа, переселяется въ другой приходъ *въ предѣлахъ того же округа,* оно имѣетъ право быть внесеннымъ въ списки избирателей въ порядкѣ, указанномъ выше, по представленіи регистратору того прихода, въ которомъ имъ избрано новое мѣсто жительства, своей избирательной карты или письменнаго удостовѣренія какого либо иного регистратора, ранѣе внесшаго его въ избирательные списки.

IV. Что если избиратель какого либо прихода въ предѣлахъ округа имѣетъ надлежащія основанія считать какое либо лицо, не имѣющее избирательныхъ правъ согласно настоящаго закона, внесеннымъ въ списки избирателей какого либо прихода этого округа, то такой избиратель можетъ во всякое время дня между 1 и 20 марта сдѣлать нижеслѣдующія заявленія—одно по мѣсту жительства регистратора, другое — по мѣсту жительства лица, относительно котораго заявляется протестъ; равнымъ образомъ и регистраторъ посылаетъ извѣщеніе съ объясненіемъ основаній протеста всѣмъ лицамъ, противъ которыхъ таковой въ порядкѣ, указанномъ выше, былъ заявленъ.

Регистратору

„Я, Билльямъ Смитъ, избиратель . . . . . . прихода . . . . . округа, протестую противъ внесенія А. В. въ избирательные списки, считая его неправоспособнымъ“.

Лицу, противъ котораго заявленъ протестъ:

Господину А, В.

„Я, Виллъямъ Смитъ, избиратель . . . . . . прихода . . . . . . округа протестую противъ внесенія вашего имени въ списки избирателей на слѣдующемъ основаніи: (слѣдуетъ изложеніе основаній), и въ подтвержденіе сказаннаго готовъ представить доказательства окружному по дѣламъ о выборахъ комиссару“.

Число, мѣсяцъ и пр.

V. Что если лицо, заявившее протестъ, не явится своевременно въ присутствіе окружного комиссара для изложенія оснований своего протеста, то за каждую такую неявку подвергается штрафу въ десять шиллинговъ, въ случаѣ неуплаты обращаемому на его добро и имущество, если только причиной неявки не были болѣзнь или несчастный случай; въ послѣднемъ случаѣ должно быть представлено окружному комиссару медицинское свидѣтельство или же удостовѣреніе о томъ, подписанное десятью избирателями; и окружному комиссару предоставляется рѣшеніе вопроса о томъ, подлежитъ ли внесенію въ избирательные списки данное лицо или нѣтъ.

VI. Что если лицо, относительно котораго заявленъ былъ протестъ не явится въ присутствіе окружного комиссара въ назначенный срокъ для доказательства своихъ правъ, имя его должно быть вычеркнуто изъ списка избирателей, если только причиной неявки не были болѣзнь или несчастный случай; въ послѣднемъ случаѣ должно быть предъявлено медицинское свидѣтельство, и окружный по дѣламъ о выборахъ комиссаръ рѣшаетъ вопросъ, какъ указано было выше.

VII. Что если въ публичномъ засѣданіи комиссіи по провѣркѣ избирательныхъ правъ, открытой окружнымъ по дѣламъ о выборахъ комиссаромъ, будетъ доказано, что какое либо лицо по легкомыслію или злому умыслу заявило протестъ противъ внесенія въ избирательные списки другого лица, то такое заявившее протестъ лицо подвергается денежному штрафу въ размѣрѣ двадцати шиллинговъ и уплатѣ судебныхъ издержекъ, каковое взысканіе обращается на его добро и имущество и уплачивается лицу, противъ котораго протестъ былъ заявленъ.

VIII. Что въ кратчайшій срокъ по провѣркѣ избирательныхъ списковъ въ порядкѣ, указанномъ выше, окружный комиссаръ

долженъ озаботиться доставленіемъ копіи онаго каждому регистратору въ предѣлахъ своего избирательнаго округа.

IX. Что вслѣдъ затѣмъ регистраторъ каждаго прихода тщательно переноситъ изъ этого списка въ особую для сего заведенную книгу имя, возрастъ и мѣсто пребыванія каждаго полноправнаго избирателя своего прихода или приходовъ, и проставляетъ противъ каждаго имени номеръ; затѣмъ, втеченіе . . . дней онъ лично или черезъ посредство другого лица доставляетъ всѣмъ избирателямъ *избирательныя карты* по прилагаемой ниже формѣ, номеръ которыхъ долженъ соотвѣтствовать номеру, проставленному въ вышеупомянутой книгѣ:

„№ 123. Симъ свидѣтельствуется, что Джемсъ Джонсъ изъ . . . . имѣетъ право голосовать за одно лицо, выбираемое въ парламентъ (или за окружнаго по дѣламъ о выборахъ комиссара) отъ . . избирательнаго округа, срокомъ на одинъ годъ, считая отъ нижеписаннаго числа".

Дата и пр.

Подпись регистратора.

X. Что если какое либо лицо лишится своей избирательной карты вслѣдствіе пожара или другой случайности, оно не можетъ получить новой избирательной карты до слѣдующей регистраціи; но если въ день выборовъ лицо это можетъ установить показаніями двухъ свидѣтелей, заслуживающихъ, по мнѣнію регистратора, довѣрія, что оно и есть именно тотъ полноправный избиратель, который значится въ регистраціонной книгѣ, ему должна быть разрѣшена подача голоса.

XI. Что окружному по дѣламъ о выборахъ комиссару симъ предоставлено право и вмѣняется въ обязанность соединять мелкіе приходы въ предѣлахъ его избирательнаго округа въ цѣляхъ осуществленія требованій настоящаго закона, и не иначе; равнымъ образомъ присоединять всѣ мѣстности, не принадлежащія къ приходу, къ одному изъ сосѣднихъ приходовъ (см. мѣры также наказанія).

Порядокъ заявленія кандидатуръ.

I. Постановили:

что въ видахъ предупрежденія слишкомъ большого числа кандидатовъ, которые иначе могли бы быть предложены безъ достаточной осмотрительности, равно какъ и для того, чтобы дать время

избирателямъ ознакомиться съ достоинствами лицъ, которыя могли бы быть выбраны въ члены парламента или же въ окружные комиссары, — всѣ заявленія кандидатуръ должны производиться въ порядкѣ, указываемомъ ниже.

II. Что для всѣхъ случаевъ общихъ выборовъ членовъ парламента окружному комиссару даннаго округа должно быть подано между первымъ и десятымъ мая каждаго года заявленіе по прилагаемой ниже формѣ, подписанное не менѣе какъ сто полноправными избирателями округа; что заявленіе этого рода и является объявленіемъ даннаго лица кандидатомъ для этого округа:

Мы, нижеподписавшіеся, избиратели . . . . округа рекомендуемъ г. А. В. изъ . . . . въ качествѣ человѣка вполнѣ подходящаго и способнаго представлять въ Палатѣ Общинъ населеніе нашего округа и имѣющаго права избирателя, согласно требованій настоящаго закона.

Дата и пр.

Подписи.

III. Что 13 мая каждаго года или ранѣе этого срока окружный комиссаръ каждаго избирательнаго округа долженъ озаботиться выставленіемъ списка всѣхъ заявленныхъ кандидатовъ на дверяхъ всѣхъ церквей, часовенъ, рынковъ, городскихъ ратушъ, присутственныхъ мѣстъ, богадѣленъ, работныхъ домовъ и въ другихъ подходящихъ мѣстахъ въ предѣлахъ округа, гдѣ онъ найдетъ необходимымъ.

IV. Что въ случаѣ, когда мѣсто члена парламента сдѣлается вакантнымъ вслѣдствіе смерти, отказа или другой причины, окружный комиссаръ втеченіе трехъ дней со времени полученія приказа отъ президента (спикера) Палаты Общинъ, объявляетъ объ этомъ во всѣхъ приходахъ своего округа въ томъ порядкѣ, который былъ указанъ для объявленій этого рода, наблюдая въ то же время, чтобы всѣ заявленія кандидатуръ были сдѣланы указаннымъ образомъ втеченіи десятидневнаго срока со дня полученія этого приказа, равнымъ образомъ назначаетъ день для выборовъ втеченіи восемнадцати дней со времени полученія соотвѣтствующаго приказа отъ спикера Палаты Общинъ.

V. Что въ случаѣ, если бы по какимъ либо обстоятельствамъ ни о комъ не было подано заявленій какъ о кандидатѣ

округа или если бы таковыхъ не послѣдовало ранѣе 10-го мая, заявленія о кандидатахъ могутъ быть сдѣланы въ указанномъ выше порядкѣ до 20-го мая, но не позже этого числа.

VI. Чтобы для первыхъ выборовъ, долженствующихъ послѣдовать за принятіемъ закона и по истеченіи каждаго года, заявленія о кандидатурахъ для выбора окружного комиссара дѣлались въ томъ же порядкѣ, какъ для выборовъ членовъ парламента, равно какъ и заявленія о кандидатурахъ въ случаѣ вакантности ихъ.

VII. Что если въ указанномъ выше порядкѣ заявлена кандидатура двухъ или болѣе лицъ, для служенія въ парламентѣ отъ даннаго округа, окружный комиссаръ назначаетъ въ любой моментъ между 15 и 31 мая, время и мѣсто (не исключая и . . .) какое онъ найдетъ наиболѣе подходящимъ для избирателей округа, — гдѣ бы кандидаты могли выступить передъ ними для изложенія своихъ взглядовъ и обезпеченія себѣ голосовъ избирателей.

VIII. Что окружный комиссаръ долженъ озаботиться тѣмъ, чтобы названныя мѣста соотвѣтствовали своему назначенію и чтобы въ нихъ были устроены всѣ приспособленія, какія окажутся необходимыми; чтобы послѣднія были оплачены окружнымъ комиссаромъ и отнесены на счетъ открываемаго ему кредита, ниже предусмотрѣннаго.

IX. Что окружный комиссаръ, въ видахъ соблюденія должнаго порядка и благопристойности, или самъ предсѣдательствуетъ на этихъ собраніяхъ или же назначаетъ для сказанной цѣли лицо, имъ уполномоченное.

X. Что буде втеченіе срока, указаннаго выше, въ члены парламента предложенъ будетъ одинъ только кандидатъ, окружный комиссаръ долженъ объявить тѣмъ путемъ, который будетъ указанъ ниже, что кандидатъ этотъ избранъ членомъ парламента отъ даннаго округа, и чтобы, если окружному комиссару была заявлена только одна эта кандидатура, въ томъ же порядкѣ выборы были объявлены законно состоявшимися.

XI. Что кромѣ условія — быть выбраннымъ своими избирателями, согласно требованій настоящаго закона, никакія другія требованія не могутъ быть предъявляемы (къ избраннымъ), при условіи, однако, что никакое лицо, за исключеніемъ членовъ министерства, не можетъ быть избрано для служенія въ парламентъ, если оно получаетъ содержаніе по должности или по должностямъ, подчиненнымъ правительству, или пенсію изъ такого же источника.

Порядокъ производства выборовъ.

I. Постановили:
что для избирательныхъ округовъ Соединеннаго королевства общіе выборы членовъ парламента имѣютъ мѣсто въ первый понедѣльникъ іюня мѣсяца каждаго года; и что всѣ депутатскія мѣста, ставшія вакантными вслѣдствіе смерти или другихъ причинъ, замѣщаются какъ можно скорѣе, втеченіе 18-дневнаго срока послѣ того, какъ освободились.

II. Что общіе выборы окружныхъ комиссаровъ для всѣхъ округовъ имѣютъ мѣсто всякій разъ по истеченіи трехъ лѣтъ, въ первый понедѣльникъ іюня мѣсяца, и что въ то же самое время производятся выборы членовъ парламента; и чтобы, наконецъ, всѣ ставшія вакантными мѣста замѣщались втеченіе 18-дневнаго срока послѣ того, какъ освободились.

III. Что всякое лицо, внесенное въ списки избирателей въ указанномъ выше порядкѣ и получившее избирательную карту имѣетъ право голосовать въ томъ округѣ, въ которомъ оно внесено въ списки, и только въ немъ; что оно имѣетъ право голосовать за члена парламента отъ своего округа и за окружного комиссара своего округа, и только за нихъ.

IV. Что для сбора голосовъ избирателей, имѣющихъ на то право, приходскія власти въ каждомъ приходѣ даннаго округа (или въ каждыхъ двухъ и болѣе приходахъ, если таковые объединены въ цѣляхъ выполненія требованій настоящаго закона, озаботятся устройствомъ подходящихъ помѣщеній, допускающихъ операціи, указанныя въ шедулѣ А, и оборудованныхъ такимъ образомъ (навсегда или временно, смотря по тому, что окажется болѣе удобнымъ), чтобы голоса могли быть собраны съ должной быстротой, и чтобы избиратель во время голосованія былъ огражденъ отъ возможности наблюденія со стороны всякаго другого лица.

V. Что приходскія власти въ каждомъ приходѣ округа заготовятъ достаточное количество баллотировочныхъ ящиковъ, сдѣланныхъ по образцу, описанному въ шедулѣ В, (или построенныхъ по одному плану лицами, коимъ это будетъ поручено, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ разновѣскамъ и другимъ мѣрамъ) и чтобы употреблялись исключительно эти ящики, снабженные должнымъ документомъ.

VI. Что непосредственно передъ началомъ баллотировки каждый баллотировочный ящикъ открывается комиссаромъ (или

въ случаѣ надобности свидѣтельствуется инымъ путемъ) въ присутствіи агентовъ каждаго кандидата; чтобы вслѣдъ затѣмъ они были опечатаны комиссаромъ до тѣхъ поръ, пока баллотировка не будетъ совершенно закончена, когда должны быть извѣщены тѣ изъ уполномоченныхъ кандидатами лицъ, которыя оказались бы на лицо, для того, чтобы присутствовать при открытіи ящиковъ и удостовѣрить число голосовъ, поданныхъ за каждаго кандидата.

VII. Что комиссаръ занимаетъ мѣсто передъ баллотировочнымъ ящикомъ и имѣетъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы баллотировка велась со строгимъ безпристрастіемъ и справедливостью, и чтобы служащіе разнаго рода, помощники его и чины приходской полиціи въ точности выполняли каждый возложенныя на нихъ обязанности; чтобы среди лицъ, сочувствующихъ тому или другому кандидату, соблюдался строгій порядокъ и благопристойность, равно какъ и среди лицъ, назначенныхъ для веденія выборовъ; чтобы комиссаръ былъ уполномоченъ и симъ получалъ право заключенія подъ стражу всякаго лица, которое нарушитъ порядокъ выборовъ, сдѣлаетъ попытку нарушить требованія настоящаго закона, или окажетъ противодѣйствіе законнымъ его, комиссара, распоряженіямъ.

VIII. Что во время производства баллотировки двое агентовъ каждаго кандидата могутъ находиться передъ баллотировочнымъ ящикомъ, помѣщаясь непосредственно позади комиссара такъ, чтобъ имѣть возможность наблюдать за правильностью производства выборовъ; чтобы лица эти были снабжены комиссаромъ входными билетами и входили и выходили черезъ особый, предназначенный для этого выходъ.

IX. Что регистраторъ каждаго прихода избирательнаго округа, назначенный для производства регистраціи, ранѣе начала баллотировки, занимаетъ въ мѣстѣ производства баллотировки мѣсто, особо для него указанное; наблюдая за тѣмъ, чтобы никто не могъ пройти къ мѣсту баллотировки до тѣхъ поръ, пока онъ не провѣритъ его избирательной карты и не удостовѣрится въ ея соотвѣтствіи избирательнымъ спискамъ.

X. Что чины приходской полиціи, равно какъ служащіе, поставленные у входа въ мѣстѣ производства баллотировки, не позволяютъ никому пройти безъ предъявленія избирательной карты, за исключеніемъ лицъ, назначенныхъ для веденія выборовъ или же лицъ, доказавшихъ утрату ими избирательной карты.

XI. Что въ концѣ каждаго года или всякій разъ, когда выборы окружного комиссара производятся одновременно съ выборами депутатовъ отъ округа, мѣста производства баллотировки должны быть устроены отдѣльно и баллотировочные ящики, равно какъ сама баллотировка должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы обезпечить кандидатамъ строжайшее безпристрастіе и справедливость; избиратели должны быть предупреждены о томъ, что нельзя подавать двухъ голосовъ за кого бы то ни было изъ кандидатовъ.

XII. Что въ день выборовъ баллотировка начинается въ шесть часовъ утра и заканчивается въ шесть часовъ пополудни того же дня.

XIII. Что послѣ того, какъ карта избирателя провѣрена регистраторомъ и найдена въ порядкѣ, послѣднему позволяется пройти къ ближайшей перегородкѣ, гдѣ лицомъ для того назначеннымъ, ему долженъ быть врученъ избирательный шаръ чтобы вслѣдъ затѣмъ избиратель, приблизившись къ баллотировочному ящику, опустилъ со всей должной осторожностью, свой шаръ въ ящикъ того кандидата, за котораго онъ желаетъ голосовать, послѣ чего безъ замедленія оставилъ бы помѣщеніе, пройдя въ дверь, предназначенную для этого (см. шедулы A и B).

XIV. Что по окончаніи баллотировки комиссаръ, въ присутствіи агента каждаго кандидата и другихъ присутствующихъ, долженъ вскрыть печати баллотировочнаго ящика и установить число голосовъ, поданныхъ за каждаго кандидата: приказать составить объявленіе съ указаніемъ числа полученныхъ голосовъ и вывѣсить его снаружи помѣщенія, гдѣ производилась баллотировка, копію же съ него, подписанную имъ и присутствовавшими агентами, немедленно послать (черезъ надежнаго нарочнаго) окружному комиссару округа, другую же подобную копію передать регистратору, который долженъ тщательно ее сохранить и представить въ случаѣ надобности.

XV. Что лица, назначаемыя въ качествѣ ихъ помощниковъ для провѣрки избирательныхъ картъ и присутствія при баллотировкѣ получаютъ вознагражденіе въ порядкѣ, указанномъ ниже.

XVI. Что всѣ расходы по составленію избирательныхъ списковъ, заявкѣ кандидатуръ и производству выборовъ, какъ о томъ сказано выше, вмѣстѣ съ вознагражденіемъ окружного комиссара, регистраторовъ, ихъ помощниковъ, констэблей и тому подоб-

ныхъ лицъ, какія могутъ оказаться нужными, равно какъ расходы на помѣщенія для производства баллотировки, на баллотировочные ящики, подмостки и другіе предметы, въ которыхъ окажется надобность при осуществленіи настоящаго закона, оплачиваются *изъ окружнаго сбора*, который устанавливается согласно сему окружнымъ совѣтомъ, въ составъ котораго входятъ по одному приходскому чиновнику, выбранному отъ каждаго прихода въ предѣлахъ избирательнаго округа или отъ каждыхъ двухъ и болѣе приходовъ, если послѣдніе объединены въ цѣляхъ выполненія требованій настоящаго закона, и раскладывается *поровну* на всѣхъ квартирохозяевъ даннаго округа.

XVII. Что всѣ расходы, вызываемые исполненіемъ требованій настоящаго закона, въ предѣлахъ каждаго избирательнаго округа оплачиваются вышеназваннымъ окружнымъ совѣтомъ или казначеемъ его; чтобы вознагражденіе всѣхъ должностныхъ по дѣламъ о выборахъ лицъ и ихъ помощниковъ, оказавшихся потребными при выполненіи требованій настоящаго закона, оплачивалось сказаннымъ совѣтомъ въ размѣрѣ издержекъ и затратъ каждой данной мѣстности.

XVIII. Что отчеты о поступленіяхъ и расходахъ по производству выборовъ ведутся отдѣльно и провѣряются ревизорами, назначенными названнымъ окружнымъ совѣтомъ, копіи же этихъ отчетовъ должны быть отпечатаны для надобностей соотвѣтствующихъ приходовъ округа.

XIX. Что всякое канвассированіе*) въ пользу членовъ парламента, равно какъ и въ пользу окружныхъ комиссаровъ симъ признается незаконнымъ и что всякія собранія съ той же цѣлью во время производства баллотировки въ день выборовъ равнымъ образомъ признаются незаконными (см. мѣры наказанія).

Продолжительность сессіи парламента.

I. Постановили:

что члены Палаты Общинъ, избранные въ порядкѣ, указанномъ выше, собираются въ первый понедѣльникъ іюня мѣсяца каждаго года и продолжаютъ свои засѣданія періодически, по мѣрѣ того, какъ это окажется нужнымъ, вплоть до перваго понедѣльника

*) Спеціально англійскій терминъ,—обходъ избирателей по квартирамъ сторонниками или агентами кандидата. *Перев.*

слѣдующаго іюня, когда долженъ быть избранъ новый парламентъ; члены парламента могутъ быть переизбраны (на слѣдующій періодъ).

II. Что во время перерыва сессіи въ экстренныхъ случаяхъ они могутъ быть созваны исполнительнымъ органомъ.

III. Что должны вестись отмѣтки о посѣщеніи засѣданій каждымъ членомъ парламента, которыя по окончаніи сессіи публикуются въ качествѣ отчета за время сессіи, изъ котораго было бы видно, каково было усердіе членовъ.

Содержаніе депутатовъ.

I. Постановили:
что каждый членъ Палаты Общинъ по окончаніи сессіи имѣетъ право на полученіе ассигновки за счетъ государственнаго казначейства въ вознагражденіе за исполненіе имъ общественныхъ обязанностей въ качествѣ законодателя, и получаетъ . . . . . . въ годъ *).

Мѣры наказанія.

I. Постановили:
что лица, записавшіяся въ избирательные списки болѣе чѣмъ по одному избирательному округу и голосовавшіе болѣе чѣмъ въ одномъ округѣ, и изобличенныя въ этомъ въ двухъ мировыхъ инстанціяхъ въ предѣлахъ любого изъ этихъ округовъ, въ первый разъ наказуются заключеніемъ въ тюрьму срокомъ на три мѣсяца, въ случаѣ же вторичнаго нарушенія—тюремнымъ заключеніемъ срокомъ на двѣнадцать мѣсяцевъ.

II. Что всякое лицо, въ установленномъ выше порядкѣ изобличенное въ томъ, что оно умышленно оставило незаполненнымъ опросный листокъ втеченіи указаннаго для этого срока, или вычеркнуло въ своемъ листкѣ фамилію кого либо изъ членовъ хозяйства, въ первый разъ подвергается денежному штрафу въ раз-

*) Комитету извѣстно, что вознагражденіе членовъ парламента *за каждый день* засѣданія съ большимъ успѣхомъ примѣняется въ Канадѣ; но онъ опасается, что такой способъ вознагражденія можетъ создать мотивы для продленія сессіи безъ достаточной необходимости; если бы же продолжительность сессіи была опредѣлена закономъ, это могло бы повести къ излишней поспѣшности въ изданіи законовъ; и то и другое зло устраняется установленіемъ годичнаго вознагражденія.

мѣрѣ одного фунта стерлинговъ за каждое опущенное имя, въ случаѣ же вторичнаго нарушенія—тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца и лишенію избирательныхъ правъ на три года.

III. Что лица, въ установленномъ выше порядкѣ изобличенныя въ томъ, что они опустили какое либо имя, обозначеніе возраста, или продолжительность пребыванія на мѣстѣ или какія либо другія данныя, въ первый разъ подвергаются тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца, въ случаѣ же вторичнаго нарушенія—тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца и лишенію избирательныхъ правъ на одинъ годъ.

IV. Что лица, въ установленномъ выше порядкѣ изобличенныя въ томъ, что они получили какимъ либо путемъ чью либо избирательную карту, помимо своей собственной и голосовали или пытались голосовать, пользуясь такой подложной картой,—въ первый разъ подвергаются тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца, въ случаѣ же вторичнаго нарушенія — тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца и лишенію избирательныхъ правъ на три года.

V. Что лица, въ установленномъ выше порядкѣ изобличенныя въ томъ, что они занимались поддѣлкой избирательныхъ картъ или поддѣлкой чьей либо подписи на избирательной картѣ; что они вотировали или пытались вотировать, пользуясь такой поддѣльной картой, зная, что она фальшивая,—въ первый разъ подвергается тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца, за учиненіе же преступленія во второй разъ—тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца и лишенію избирательныхъ правъ на три года.

VI. Что лица, въ установленномъ выше порядкѣ, изобличенныя въ томъ, что они занимались поддѣлкой или подстрекали другихъ къ поддѣлкѣ подписей избирателей, нужныхъ для заявленія кандидатуры въ члены парламента или въ окружные комиссары, въ первый разъ подвергаются тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца, за учиненіе же преступленія во второй разъ—тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца и лишенію избирательныхъ правъ на три года.

VII. Что лица, въ установленномъ выше порядкѣ изобличенныя въ томъ, что они занимались подкупомъ (bribery) въ цѣляхъ обезпеченія своего избранія, въ первый разъ подвергаются тюремному заключенію срокомъ на два года, за учиненіе же преступленія во

второй разъ—тюремному заключенію срокомъ на два года и лишенію избирательныхъ правъ на пять лѣтъ.

VIII. Что всякій агентъ кандидата или всякое другое лицо, въ установленномъ выше порядкѣ изобличенныя въ томъ, что они занимались подкупомъ (bribery) при какихъ либо выборахъ, въ первый разъ подвергаются тюремному заключенію срокомъ на двѣнадцать мѣсяцевъ, за учиненіе же преступленія во второй разъ — тюремному заключенію срокомъ на двѣнадцать мѣсяцевъ и лишенію избирательныхъ правъ на пять лѣтъ.

IX. Что лица, въ установленномъ выше порядкѣ изобличенныя въ томъ, что они ходили изъ дому въ домъ или изъ одного помѣщенія въ другое съ цѣлью полученія какими бы то ни было путями голосовъ въ пользу кого либо изъ кандидатовъ въ парламентъ или въ окружные комиссары, послѣ заявки кандидатуръ указаннымъ выше порядкомъ, подвергаются въ первый разъ тюремному заключенію срокомъ на одинъ мѣсяцъ, за учиненіе же преступленія во второй разъ — тюремному заключенію на два мѣсяца.

X. Что лица, въ установленномъ выше порядкѣ изобличенныя въ томъ, что они лично или черезъ другихъ созывали избирательныя собранія въ какомъ либо округѣ въ день производства выборовъ, подвергаются въ первый разъ тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца, а во второй разъ — срокомъ на шесть мѣсяцевъ.

XI. Что лица, въ установленномъ выше порядкѣ, изобличенныя въ томъ, что они прервали производство баллотировки или какую либо операцію, связанную съ выборами, подвергаются тюремному заключенію срокомъ на три мѣсяца въ первый разъ и срокомъ на шесть мѣсяцевъ—во второй разъ.

XII. Что нарочный, посланный къ окружному комиссару съ извѣщеніемъ о положеніи выборовъ или съ какимъ либо другимъ извѣстіемъ и умышленно задержавшій его или допустившій задержку его съ его вѣдома и согласія, послѣ доказательства въ установленномъ выше порядкѣ его виновности, подвергается тюремному заключенію срокомъ на шесть мѣсяцевъ.

XIII. Что окружный комиссаръ, въ установленномъ выше порядкѣ изобличенный въ томъ, что имъ не были назначены подходящія лица, согласно указаніямъ настоящаго закона; который не озаботился подготовленіемъ удобныхъ для производства бал-

лотировки помѣщеній, не сдѣлалъ соотвѣтствующихъ объявленій и не исполнилъ возложенныхъ на него симъ закономъ обязанностей, за каждый случай упущенія, подвергается штрафу въ размѣрѣ 20 фунтовъ стерлинговъ.

XIV. Что окружный комиссаръ, виновный во взяточничествѣ (bribery) или давленіи на избирателей (corrupt prectices) при исполненіи имъ обязанностей, симъ закономъ указанныхъ, подвергается тюремному заключенію срокомъ на двѣнадцать мѣсяцевъ и лишенію избирательныхъ правъ на пять лѣтъ.

XV. Что если комиссаръ въ установленномъ выше порядкѣ будетъ изобличенъ въ уклоненіи отъ исполненія какихъ либо обязанностей, возложенныхъ на него симъ закономъ,—онъ подвергается за такое уклоненіе штрафу въ три фунта стерлинговъ.

XVI. Что если комиссаръ въ установленномъ выше порядкѣ, будетъ изобличенъ во взяточничествѣ или давленіи на избирателей при исполненіи своихъ обязанностей, таковой подвергается тюремному заключенію срокомъ на шесть мѣсяцевъ и лишенію избирательныхъ правъ на три года.

XVII. Что если регистраторъ въ установленномъ выше порядкѣ будетъ изобличенъ въ уклоненіи отъ исполненія какой либо изъ возложенныхъ на него симъ закономъ обязанностей, виновный въ семъ подвергается за каждое такое дѣяніе штрафу въ пять фунтовъ стерлинговъ.

XVIII. Что если регистраторъ въ установленномъ выше порядкѣ будетъ уличенъ во взяточничествѣ или давленіи на избирателей при исполненіи его служебныхъ обязанностей, виновный въ семъ подвергается тюремному заключенію срокомъ на шесть мѣсяцевъ и лишенію избирательныхъ правъ на три года.

XIX. Что если должностныя лица какого либо прихода не исполнятъ или откажутся подчиниться какимъ либо требованіямъ настоящаго закона, виновные подвергаются за каждое такое дѣяніе штрафу въ 50 фунтовъ стерлинговъ или, въ случаѣ неуплаты, тюремному заключенію срокомъ на двѣнадцать мѣсяцевъ.

XX. Что всѣ штрафы и наказанія, налагаемые согласно требованій настоящаго закона, взыскиваются по приговору двухъ мировыхъ инстанцій того округа, гдѣ совершено было правонарушеніе, и, въ случаѣ неуплаты, сказанныя судебныя инстанціи даютъ исполнительный листъ на арестъ имущества виновнаго: въ

случаѣ же несостоятельности, виновный подвергается тюремному заключенію, согласно требованій настоящаго закона.

Что всѣ законы и отдѣльныя части ихъ, имѣющія отношенія къ составленію избирательныхъ списковъ, заявкѣ кандидатуръ и избранія членовъ парламента, равно какъ и срока избранія парламента и продолжительности его сессій, отмѣняются настоящимъ закономъ.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Напечат.	Надо.
41	*рядомъ* съ бѣднявами	*позади* бѣдняковъ.
221	мельница	фабрика.
133	заявлявшій	заявившій.
265	Дэрстое	Ворстоу.
368	партія квартирнаго избирательнаго права напимателей	партія избирательнаго права квартиро-нанимателей.
375	Нигеръ	Мигеръ.
322	Мачель	Мичель.

Предметный указатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.
